МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

АЛЬМАНАХ

ОБЩЕСТВА «РОИ»

КНИГА III

МОСКВА
2017

УДК 94: [336.747+737.116]
ББК 63.221я43+65.262.6г
А 571

Печатается по решению Научной комиссии Общества «РОИ».

Альманах Общества «РОИ». Книга III: [Сборник научных трудов по истории бумажно-денежного обращения] / Международный институт истории денежного обращения [науч. ред. — Парамонов О.В.]. — М.: Общество «РОИ», 2014. С. 526. — ISBN 978-5-91891-382-6.

Научный редактор:
Парамонов Олег Вадимович,
председатель Научной комиссии Общества «РОИ»

Научный консультант:
Настич Владимир Нилович,
канд. ист. наук, заведующий Отделом памятников письменности народов Востока Института востоковедения Российской академии наук

Подготовка иллюстраций — Парамонов О.В.
Компьютерная верстка и оформление обложки — Репин Н.Н.

© Общество «РОИ», 2017
© Международный институт истории денежного обращения, 2017
© Парамонов О.В., 2017

ISBN 978-5-91891-382-6

СОДЕРЖАНИЕ

- Пробный знак реформы 1860–1866 годов **5**
- Пуд соли в билетах комиссариатских. Провизионные билеты Морского министерства Российской империи в 1855–1867 годах **31**
- «Заколдованные» кредитки…» **196**
- Маленькие свидетели великой смуты. Краткий очерк об истории российских разменных марок **299**
- Туркбоны. Советские деньги на территории Русского Туркестана в 1918–1920 гг. **319**
- Каталог Туркбон **377**
- «Белое солнце пустыни». Таинственные «джавровки» и загадка Мервских надпечаток **411**
- Глад, мор и графские деньги… Изыскания к вопросу о выпуске ярлыков Баландинской конторы графа С.Д. Шереметева в 1890–1892 годах. **453**
- Игра на счастье. Вопросы истории и каталогизации лотерейных билетов Российской империи **489**
- Анонс материалов IV книги «Альманаха» **524**

ПРОБНЫЙ ЗНАК РЕФОРМЫ 1860–1866 ГОДОВ

Кузнецов А.Ю. (Москва)
Парамонов О.В. (Москва)

ПРОБНЫЙ ЗНАК РЕФОРМЫ 1860–1866 ГОДОВ

Предпосылки реформы

Выпущенные в 1843 году кредитные билеты, сменившие ассигнации, к середине 50-х годов XIX века устарели окончательно. Ручной труд, бытовавший в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг (ЭЗГБ) был весьма малопроизводителен. Невысокое качество бумаги, отливавшейся вручную, архаичная типографская печать, достаточно примитивное художественное исполнение – все это отставало от зарубежных европейских образцов и немало способствовало увеличению в денежном обороте фальшивых билетов. Подделки разного рода заполняли рынок Российской империи и наносили немалый урон не только ее подданным, но и подрывали доверие к самим кредитным билетам, а значит, снижали их курс. С 1841 по 1867 год было выявлено более 100 тысяч фальшивых билетов на сумму 1,2 миллиона рублей[1].

Со времени Крымской войны (1853–1856 гг.) необходимость преобразования устаревшей финансовой системы страны стала настолько очевидной, что это вынуждены были признать и правительственные круги.

По предложению Комитета финансов изучать организацию финансового дела в четырех европейских государствах — Бельгии, Франции, Австрии и Пруссии — был послан чиновник государственного контроля В.А. Татаринов. Из Отчета государственного контроля за 1857 год видно, что не только Комитет финансов, но и Александр II следили за работой Татаринова за границей, знакомились с материалами, отчетами и выводами, которые он присылал.

Для ознакомления же с бюджетным делом в Северо-Американских Соединенных Штатах командирован был чиновник Министерства финансов М.Х. Рейтерн, которому суждено было вскоре стать министром финансов Империи.

Помимо экономических вопросов Рейтерн подробно изучил и зарубежный опыт изготовления бумажных денежных знаков. По отчетам, составленным в результате этих поездок, стала очевидной необходимость более углубленного изучения зарубежных технологий, и Министерство финансов командировало за границу различных специалистов ЭЗГБ[2].

[1] *Кашкаров М.* Денежное обращение в России. Т. 1. — СПб., 1998. С. 114.

[2] «Русский рубль». Два века истории XIX–XX вв. — М., 1994. С. 68.

Один за другим эмиссары Экспедиции (знаменитый гравер Я. Рейхель, будущий глава ЭЗГБ Ф. Винберг) объезжали германские, английские, французские фабрики, и везде они наблюдали, насколько ушли вперед в техническом плане западные коллеги. Организация производства, уровень механизации, качество бумаги, художественное исполнение денежных знаков — все это было на голову выше, чем в России тех лет.

Возникла и утвердилась идея о необходимости совершенно изменить производство бумажных денег от начала и до конца.

Объезжая западные бумагоделательные и печатные производства, русские налаживали связи для приобретения иностранного оборудования и модернизации собственного производства.

Причем руководство страны понимало, что нужно не просто обновление — необходим технологический прорыв, обеспечить который могла лишь кардинальная комплексная перестройка всего процесса печатания бумажных денежных знаков.

Начало было положено в 1858 году покупкой в Англии за 170 тысяч рублей оборудования фирмы «Братья Донкин» для организации бумагоделательной фабрики[3]. Специалисты этой фирмы также смонтировали новые варочные котлы, роллы и другое техническое оборудование, что позволило сделать отлив бумаги непрерывным процессом.

Одновременно были возведены новые здания Экспедиции и перестроены старые. Проведен новый водопровод, построен газовый завод для освещения фабрики, были куплены и установлены четыре паровые машины для приведения в движение механизмов в бумагоделательном и печатном отделениях.

Руководству Экспедиции оставалось выбрать фирму, которая бы установила оборудование для печати денежных знаков. И здесь специалисты ЭЗГБ, которым было предоставлен полный карт-бланш, сделали выбор, который предопределил развитие русского печатного дела на многие годы вперед. Этот выбор позволил совершить резкий скачок в технологии производства денежных знаков и ценных бумаг и заложить основы того лидерства, которое наша страна удерживает до сих пор в деле производства защищенной бумажной продукции.

Понимая, что нужно не просто копирование европейских образцов, а что-то действительно новое, специалисты ЭЗГБ обратили внимание на продукцию компании из США American Bank Note Company (ABNC) со штаб-квартирой в Нью-Йорке.

Это имя на американском рынке появилось в результате слияния 29 апреля 1858 года семи крупных производителей защищенной печатной продукции.

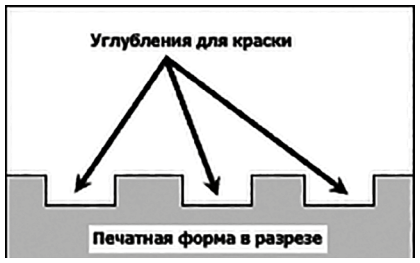
Выбор на американцев пал не случайно — инженеры этой фирмы разработали и внедрили революционный способ печати.

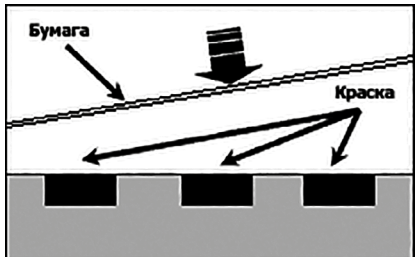
[3] В 1803 г. на заводе Б. Донкина была построена первая самочерпная машина, выпускавшая бумагу довольно хорошего качества. Через год Донкин завершил строительство второй, еще более производительной машины, на фабрике Фрогмора («Ту-Уотерс», графство Хартфордшир). Конструкция плоскосеточной бумагоделательной машины, которую усовершенствовал Донкин, позволяла формовать бумагу в виде нескончаемой ленты или рулона, благодаря чему потом к ней был приспособлен вальцовый пресс.

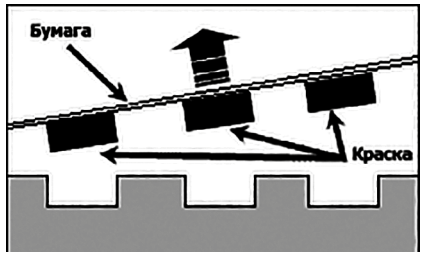
К тому времени во всем мире, в том числе и в России, бумажные деньги изготовлялись типографским способом — с печатных форм, в которых печатающие элементы возвышаются над уровнем клише. На эти возвышения наносилась краска, она же оставалась на бумаге слегка «вдавленной» при печатании. Такой способ получил название «высокой печати».

Американцы же предложили методику печати со стальных пластин, на которых был выгравирован углубленный (а не выпуклый, как прежде) рисунок. Краска при печатании с таких пластин попадала в углубления гравировки, а с остальной поверхности удалялась.

При печати с подобной стальной пластины на бумаге краска закреплялась в виде рельефного (выпуклого) изображения. Такая «рельефность» служила хорошей защитой знака от подделки (до сих пор можно наблюдать, как, проверяя подлинность, пробуют на «шершавость» банкноты, отпечатанные подобным способом).







В ABNC такой способ назвали *«сидерография»* (siderography)[4]; в России впоследствии его стали называть «печать из глубины» или «металлография».

Новая технология позволяла получать на бумаге изображения практически любой сложности, с мельчайшами деталями. Это, в свою очередь, дополнительно к рельефной краске защищало билет от подделки — считалось, что невозможно скопировать фальшивомонетчику столь детализированное изображение[5].

[4] Греческое «сидеро» (читается zithero) означает «железо».

[5] О фальшивомонетчике, придумавшем способ практически точно имитировать металлографскую печать см.: «Альманах Общества РОИ». Кн. II.

Образцы продукции ABNC

Однако не только передовая технология печатания денежных знаков была основой сотрудничества с ABNC.

Американцы предложили и новый метод реализации печати, который назвали «трансфер» (от англ.— «переносить»). Он позволил сделать на одной пластине изображение не одного, а нескольких билетов, причем эти клише были абсолютно идентичны. Для этого изображение с первичной металлографской формы (называемый «оригинальный штемпель» или в просторечье «мама») переносилось на стальной цилиндр, а с него путем накатки под высоким давлением на печатную пластину. И в дальнейшем, при износе печатной пластины, следующая также делалась абсолютно идентичной предыдущей, так как у них всех была одна «мама».

Этот метод гарантировал повышение производительности труда и единообразие выпускаемых билетов.

Флаг Российской империи (11 июня 1858–29 апреля 1896 гг.)

Флаг Северо-Американских Соединенных Штатов с 33-мя звездами (4 июля 1859–3 июля 1861 гг.)

В соответствии с Контрактом от 14 июля 1859 года American Bank Note Company принимала на себя оказание технической помощи России в изготовлении предполагаемых государственных кредитных билетов семи различных достоинств. Общая сумма Контракта, предложенная Американской стороной, составляла 52900 долларов по курсу того времени[6].

По контракту Русская сторона должна была отправить в Америку рисунки будущих кредитных билетов, а Американская сторона—подготовить, привезти и установить необходимое для их изготовления печатное оборудование. Первым делом в Россию были доставлены печатные и трансферные прессы, а также краскотерные машины.

Для выработки концепции будущей эмиссии была сформирована комиссия, в состав которой вошли представители разных учреждений под председательством управляющего ЭЗГБ. Перед комиссией стояла задача *«изыскания и обсуждения способов приготовления более изящных кредитных билетов как в отношении бумажного материала и технических приспособлений, так и в отношении наружной формы, рисунков, внутренних знаков и т.п.».*

Эскизные проекты 1860 года

Воспользовавшись тем, что новая технология позволяет реализовать практически любые художественные замыслы, рисовать эскизы новых кредитных билетов поручили профессиональным художникам, а не граверам, как это было при подготовке предыдущего выпуска. Эти эскизы, хранящиеся ныне в архиве Гознака, кардинально отличались от прежних скупых на излишества кредитных билетов «образца 1843 года».

Новые кредитные билеты позиционировали Россию как многонациональную и географически обширную Империю. Изображение различных групп населения в национальных одеждах, дворцы, исторические памятники должны были подчеркнуть величие государства, его обширность и силу.

В России в XIX веке наблюдается распространение творческих направлений, целью которых являлось выражение историко-культурной специфичности собственной нации. Этой задаче соответствовал русско-византийский стиль, суть которого заключалась в использовании архитектурных образов и форм средневекового культового русского зодчества в сочетании с элементами византийской архитектуры. Он был поддержан императором Николаем I и отражал официальную теорию народности[7].

[6] Ленинградское областное архивное управление. Дела ЭЗГБ. Пор. 482. Св. 428. Л. 11. Взято из: *Алехов А.В.* Америка—Россия: кредитные билеты 1866 года. // Нумизматический альманах. — М., 2001. №1. С. 33–38; № 2, С. 32–41.

[7] Теория официальной народности — принятое в литературе обозначение государственной идеологии Российской империи в период царствования Николая I. Основные принципы ее были изложены графом Сергеем Семеновичем Уваровым при вступлении в должность министра народного просвещения в докладе императору 19 ноября 1833 г. Позднее эта идеологическая концепция стала коротко формулироваться как: «Православие, Самодержавие, Народность».

Оно отразило интересы и чаяния эпохи, стремившейся упрочить национальное самосознание, приобщить раскрепощенный народ к знаниям, духовным и культурным ценностям России. С другой стороны правящие круги использовали эти тенденции, культивируя идеи самодержавия, православия и национализма.

В архитектуре второй половины XIX века эти цели нашли свое отражение. Одними из наиболее популярных в изобразительном искусстве и архитектуре становятся тогда русско-византийский и псевдорусский[8] стили, воплощавшие идею официального православия о преемственности между Византией и Россией: *«Москва — третий Рим, а четвертому не бывать…»*[9]

Представляя собой искусную стилизацию, русский стиль последовательно сочетался с другими стилями — от романтизма первой половины XIX века до стиля модерн.

И в эскизах новых кредитных билетов русский стиль прослеживался очень четко.

Над эскизами работали ***Алексей Иванович Дютак***[10], получивший незадолго до этого звание академика за архитектурные рисунки; молодой «баталический художник» ***Николай Александрович Зауервейд***[11], окончивший с золотой медалью Академию художеств и «выказавший недюжинный талант» не только в батальной живописи, но и в акварельных рисунках; портретист ***Фадеев***[12].

[8] Псевдорусский стиль или русский стиль (включает неорусский и русско-византийский стили) — течение в русской архитектуре XIX — начала XX вв., основанное на использовании традиций древнерусского зодчества и народного искусства, а также ассоциируемых с ними элементов византийской архитектуры.

[9] Концепция «Москва — Третий Рим» впервые была сформулирована в конце XV — начале XVI вв. Московские Великие князья (притязавшие, начиная с Иоанна III Васильевича, на царский титул) полагались преемниками римских и византийских императоров. Первые два Рима погибли, третий не погибнет, а четвертому не бывать. Литературное выражение мысль эта нашла у старца псковского Елеазарова монастыря Филофея в посланиях к Великому князю Василию III и Иоанну IV Грозному.

[10] Дютак Алексей Иванович (1829—1871) — архитектор, учредитель Санкт-Петербургского общества архитекторов, вольнослушатель Академии художеств. В 1853 г. получил звание художника с правом на чин 14 класса, в 1855 г. назначен в академики. В 1857 г. — звание академика за архитектурные рисунки, сделанные за границей. В 1861 г. составил рисунки кредитных билетов.

[11] Николай Александрович Зауервейд (1836 — 1866) — выпускник Академии Художеств. Картина «Сражение при Нарве» (в Румянцевском музее) принесла ему звание классного художника; картина «Въезд князя Репнина в Ригу по взятии этого города 4 июля 1700 г.» — звание академика. Кроме «баталических» сцен, писал жанровые полотна (напр., «Скромный переезд с квартиры на квартиру», 1864). Произведения его имеются в Румянцевском музее, в Третьяковской галерее.

[12] Вероятно, Александр Александрович Фадеев, с 1857 г. бывший в течение 30 лет художником Гербового отделения Департамента Герольдии Правительствующего Сената. В 1857 г. было учреждено специальное Гербовое отделение Департамента Герольдии, которое возглавил барон Бернгард Кене. Вместе с ним работали художники А. Беземан, О. Альтдорф и А. Фадеев. Художнику Гербового отделения Александру Фадееву приписывают авторство рисунков монет для автономного Великого Княжества Финляндского, штемпеля для которых резала Лея Альборн.

Эскиз, выполненный академиком А.И. Дютаком

Впоследствии выяснилось, что отказ от граверов, знающих производство и обладающих навыками специфического художественно-графического оформления денежных знаков, был неправильным. Компоновка проектных билетов не продумана, а «сусально-сентиментальные» типы населения далеки от реальности.

Эскиз, выполненный Н. Зауервейдом

На рукописном эскизе кредитного билета в 5 рублей были изображены мужская и женская фигура в типичных русских одеждах дворянского (или купеческого) сословия и виньетка с изображением вида Москвы.

Венчало узорную виньетку изображение московского герба, составленное и украшенное по новым правилам от 4(16) июля 1857 года:

Герб Москвы 1857 г.

«А. Короны: … 3) Императорская для гербов столиц. …

Б. Украшения вокруг щитов: … 3. Андреевская лента, с двумя Императорскими скипетрами, для столиц и для городов обыкновенного пребывания Их Императорских Величеств»[13].

На виньетке изображены берег Москвы-реки и южная стена Московского Кремля с Тайницкой башней на переднем плане справа. За кремлевской стеной на заднем плане видны контуры церквей на Соборной площади и колокольня Ивана Великого (справа). Слева — здание Большого Кремлевского дворца, возведенного к 1849 году в качестве московской резиденции российских императоров.

Эскиз билета в 10 рублей

На 10-рублевом билете также помещены были мужская и женская фигуры, только уже в простонародном одеянии, причем в руках у мужчины музыкальный инструмент — нечто среднее между финским кантеле и русской балалайкой. По всей видимости, по замыслу художника эти фигуры должны были символизировать собой народности, населяющие финскую часть Империи.

[13] Описание Высочайше утвержденных украшений гербов губерний, областей, градоначальств, городов и посадов. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе (1825–1881). (ПСЗРИ-2). Т. XXXII, 1857. Ст. 32037. С. 580–581.

Герб Гельсингфорса

В миниатюрной виньетке помещался вид на Южную гавань Гельсингфорса (современный Хельсинки).

На заднем плане виднелись контуры самого узнаваемого здания финской столицы — Николаевского собора, возведенного незадолго до этого в 1852 году. По соседству с куполом собора — здание Государственного совета, построенное в 1822 году для Императорского сената Финляндии — верховного органа местного управления.

С высоких ступеней собора, названного в честь Св. Николая — покровителя торговли и мореходства, а также святого-заступника российского императора Николая I, — поверх невысоких крыш открывался замечательный вид на Южную гавань. Рыбацкие лодки, парусники и колесный пароходик у набережной Рыночной площади изображены на переднем плане миниатюры.

Герб Гельсингфорса с необычным круглым щитом, увенчанным необычной «Финляндской Велико-Княжеской короной»[14].

Проект герба Гельсингфорса, составленный при Бернгарде Кёне: *«в лазуревом поле, на серебряной воде, таковой же древний корабль, сопровождаемый в верху золотою украшенною жемчугом и цветными каменьями короною. В вольной части герб Нюландской губернии. Щит увенчан Финляндскою короною. За щитом два накрест положенные Императорские скипетра, соединенные Андреевскою лентою»*.

В 1809 году, после опустошительной войны, Швеция была вынуждена уступить России бóльшую часть Финляндии. Город Гельсингфорс, основанный еще во времена правления короля Густава I в 1550 году и возобновленный 2 октября 1639 года, был назначен столицей Великого Княжества Финляндского 27 марта 1812 года[15].

Именно в период российского правления Гельсингфорс быстро развивался и достиг процветания. Близость к Санкт-Петербургу привлекала в центр

[14] Этой короны на самом деле не существовало, но в силу Высочайшего Повеления от 1857 г. она должна была изображаться в гербах Финляндских губерний и столицы ВКФ города Гельсингфорса. Но это правило не соблюдалось. В государственном гербе корона Великого Княжества Финляндского изображалась золотой, состоящей из венца, украшенного камнями, к которому прикреплены сходящиеся под яблоком две дуги, украшенные жемчугом, и два государственных орла. Яблоко увенчано алмазным крестом. Но в финляндских сочинениях герб Великого Княжества был представлен короной западноевропейских великих княжеств.

[15] По заданию Правительства в 1859 г. была создана Монетная комиссия (при участии академика Якоби), которая в качестве одной из мер по упорядочению финансов в Империи предложила уменьшить в 4 раза монетную единицу. Но Государственный совет отклонил это предложение. Сторонники идеи реализовали ее в Финляндии. При этом содержание серебра в финской марке «случайно» совпало с содержанием серебра во французском франке, что, естественно, способствовало интеграции автономии в европейскую экономику. В 1865 году марка была отделена от рубля и привязана к международному серебряному стандарту. С 1864 года Гельсингфорский монетный двор начал чеканить русско-финские монеты: серебряные (2 и 1 марка 868-й пробы, 50 и 25 пенни 750-й пробы) и медные (10, 5 и 1 пенни).

Великого Княжества крупных архитекторов, построивших в городе замечательные здания, благодаря которым Гельсингфорс стал подлинной жемчужиной неоклассицизма на Балтике.

Эскиз билета в 3 рубля

На эскизах билетов в 1 рубль и 3 рубля были изображены, соответственно, государственный герб и императорская корона России; на кредитном билете в 25 рублей — панорама дворцовой площади Санкт-Петербурга с Александровской колонной; на билете в 100 рублей — бояре времен правления царя Михаила Федоровича Романова и императорский дворец в Санкт-Петербурге.

Тексты на проектировавшихся билетах

Согласно концепции позиционирования России как многонациональной Империи, тексты на билетах впервые предусматривалось дать на русском, польском, немецком, грузинском, финском, шведском и татарском языках.

Эскизы билетов в 10 рублей и в 3 рубля

Империя представляла собой сложное многонациональное образование, объединявшее народы различных языков, культур и вероисповеданий.

Этническим ядром страны являлись русские, составляющие большинство народонаселения.

«I. Щит соединенных гербов Княжеств и Областей Велико-Российских» — в титуле: «Государь Псковский и Великий Князь Смоленский … Князь Тверской, Югорский … Государь и Великий Князь Новагорода Низовские земли, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский…»

Русский язык был основным разговорным в большинстве из 65 губерний и областей Российской империи и единственным официальным государственным языком на всей территории государства от Балтийского моря до Тихого океана[17].

В титулах российских монархов указывалось: *«Божиею поспешествующую милостию Император и Самодержец Всероссийский…»,* и далее шел пространный список Великих княжеств и областей великорусских, где исконно употребляем был русский язык.

Кроме русского языка для помещения на проекты денежных знаков было выбрано лишь несколько из полутораста без малого языков и наречий, на которых изъяснялись жители Российской империи[18].

Национальный признак не имел решающего значения в организации территориального деления в Империи. Особый статус, обеспечивающий значительную степень самостоятельности, имели те провинции, что вошли в состав России, будучи уже сложившимися самостоятельными государствами (Польша, Грузия), а также Финляндия. Все остальные территории, даже если там жило большинство нерусского населения, входили в состав государства на общих основаниях, то есть национальный признак не играл решающей роли в организации властных структур на их территории.

«VI. Щит соединенных гербов Северо-Восточных областей империи» — в титуле: «Князь Пермский, Вятский, Болгарский и иных; …Государь и Великий Князь Обдорский, Кондийский[16] и всея Северныя страны»

[16] В 1501 г. в Большой титул были включены сибирские титулы (Удорский, Обдорский и Кондийский) — земли остяко-вогульских и коми-зырянских вассалов Сибирского хана.

[17] В некоторых регионах (Польше, Финляндии, остзейских губерниях) имел ограниченную функциональность.

[18] По данным Первой всеобщей переписи населения, проведенной в России в 1897 г., в Российской империи (без Финляндии) функционировало 146 языков и наречий с учетом западноевропейских языков (французского, итальянского, испанского, португальского), которые часть постоянных жителей заявила в качестве своих родных.

Польский язык. Свыше 5 миллионов подданных Империи говорили на польском языке. В середине XIX столетия российские владения в Польше[19] состояли из 5 губерний[20]: Варшавской, Радомской, Августовской, Плоцкой и Люблинской.

Титул «Царь Польский» российских императоров в Большом государственном гербе Империи был изображен как: *«III. Герб Царства Польского: в червленом щите серебряный коронованный орел; клюв его и когти золотые»*[21].

«III. Герб Царства Польского» — в титуле монарха: «Царь Польский»

В Царстве Польском польский язык сохранял все основные сферы функционирования вплоть до восстания 1830 года, и только после него в учебных заведениях было введено обязательное обучение русскому языку[22].

Немецкий язык был основным в трех остзейских губерниях.

Начиная с XVII века вплоть до Первой мировой войны формировалась немецкая составная часть населения русских городов — Москвы, Санкт-Петербурга, Одессы и других. За счет выходцев из германских земель формировался административный ресурс Империи — можно представить длинный список немцев-чиновников, которые правили русскими губерниями и на Юге, и на Востоке, и на Западе Империи. Достаточно сказать, что губернаторами в прибалтийских губерниях на протяжении всего XIX века (за исключением периода правления Александра III), были немцы.

«Государь земли Вифлянской и иных», — указывалось в титуле еще Ивана Грозного. В Большом Государственном гербе 1857 года, над сенью главного щита — «V. Щит соединенных гербов Областей Прибалтийских, разделенный на четы-

[19] После победы над Наполеоном Венский конгресс в 1815 г. передал большую часть «Варшавского Герцогства» (без Галиции и Лодомерии, Познани и Кракова) под управление российского императора, который стал монархом автономного Королевства (Царства) Польского в составе Российской империи.

[20] В Королевстве (Царстве) Польском сохранялось прежнее деление на воеводства, но после Польского восстания 1830–1831 гг. воеводства были упразднены в 1837 г. и вместо них созданы губернии. В 1845–1866 гг. это были Варшавская, Радомская, Августовская, Плоцкая и Люблинская губернии. После восстания 1863 г. административное деление преобразовано: создано 10 губерний вместо 5. С 1874 г. входили в Варшавское генерал-губернаторство.

[21] Высочайше утвержденное 11 Апреля 1857 года подробное описание Государственного герба и государственной печати. // ПСЗРИ-2. Т. XXXII, 1825. Ч. 1. Ст. 31720. С. 299.

[22] После Польского восстания 1863 г. было упразднено и официальное использование польского языка. В сфере официальных отношений и образования в Варшавском генерал-губернаторстве стал использоваться русский язык.

«V. Щит соединенных гербов Областей Прибалтийских»: «Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский… Корельский»[23]

ре части»[24]. В титуле Александра II: «Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский … Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский…»[25]

Русское правительство, из страха прослыть угнетателем народностей, никоим образом не содействовало «обрусению» Остзейского края, зачастую даже противопоставляя ему преграды. Самое могучее орудие «онемечивания» Прибалтийских губерний — Дерптский университет был основан Русским правительством и за его счет содержался.

Грузинский язык

Словом «Грузия»[26] принято называть все исторические грузинские земли. В XVIII–XIX веках понятие это было достаточно неопределенным: слово постоянно меняло свой смысл и не имело аналога в грузинском языке — грузины называли свою страну «Сакартвело» или «Иверия».

«VI. Герб Царства Грузинского»: в титуле императора: «Повелитель и Государь Иверские, Карталинские, Грузинские и Кабардинские земли и Армянские области, Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель»

До 1762 года под «Грузией» в России понимали исключительно Картлийское царство[27]. После объединения Картли и Кахетии этот термин распространился уже на Картли-Кахетинское царство. Расширение понятие «Грузия» произошло уже после присоединения к России Картли-Кахетинского царства и других грузинских земель.

[23] Под «Корелией» в XVI–XVIII вв. в России понималась лишь территория Выборгской губернии, называемой ныне Западной Карелией. Во Всероссийских гербах 1857 и 1882 гг. корельский герб помещен был в щите «соединенных гербов Областей Прибалтийских», однако уже в конце XIX в. это совмещение вызывало удивление. П.Н. Петров в «Истории родов русского дворянства», изданной в 1886 г., писал: *«помещены вместе гербы: эстляндский, лифляндский, курляндский и (неизвестно почему) еще корельский»*.

[24] ПСЗРИ-2. Т. XXXII, 1857. Ч. 1. Ст. 31720. С. 301.

[25] Высочайше утвержденные формы титулов Его Императорского Величества в грамотах, указах, приговорах, паспортах, докладах и прошениях. // ПСЗРИ-2. Т. I, 1825. Ст. 13. С. 22; Высочайше утвержденный Титул Его Императорского Величества. // ПСЗРИ-2. Т. III, 1828. Ч. 1. Ст. 1897. С. 331.

[26] 8 января 1801 г. император Павел I подписал Указ об присоединении Картлийско-Кахетинского царства (Восточная Грузия) к Российской империи. В 1810 г. в состав России было включено Имеретинское царство (Кутаис). Между 1803 и 1878 гг. в результате русско-турецких войн оставшиеся грузинские территории (Батуми, Артвин, Ахалцихе и Поти, а также Абхазия) были присоединены к России. Грузия объединена впервые за много лет.

В Титуле Александра II: *«Государь Иверския, Карталинския, Грузинския и Кабардинския земли и Армянския области, Черкасских и Горских Князей и иных наследный Государь и Обладатель»*[28].

Шведский и финский языки

Юридическое оформление принятия российским императором титула «Великого Князя Финляндского»[29] состоялось 25 декабря 1808 года, то есть еще до подписания Фридрихсгамского договора[30] 1809 года.

«VIII. Герб Великого Княжества Финляндского»: в титуле императора — «Великий Князь Финляндский»

В Большом Государственном гербе Империи: *«VIII. Герб Великого Княжества Финляндского: в червленом, усеянном серебряными розами щите золотой коронованный лев, держащий в правой лапе меч прямой, а в левой меч выгнутый, на который опирается заднею правою лапою»*[31].

Особое положение Великого Княжества подчеркивалось наличием титула «Великого Князя Финляндского» не только в полном или большом Императорском Титуле Александра I и всех его преемников, но и в среднем и даже в малом, или кратком. В самой Финляндии использовался обычно титул «Император и Великий Князь» (швед. *Keisare öf ver Rusland, Storfurste till Finländ;* фин. *Keisari-suuriruhtinas*).

Языком официального делопроизводства в Великом Княжестве оставался до 1863 года только шведский[32].

Однако уже в начале правления императора Александра II (Великий Князь Финляндский в 1855–1881 годах) на новых государственных кредитных билетах планировалось разместить тексты не только на шведском, но и на финском языках.

[27] Карталиния (Картлийское царство, Картли) — государство в Восточной Грузии со столицей в Тифлисе.

[28] Высочайше утвержденный Титул Его Императорского Величества. // ПСЗРИ-2. Т. III, 1828. Ч. 1. Ст. 1897. С. 331. Наименование «Царь Грузинский» появилось только в Титуле Александра III.

[29] Великое Княжество Финляндское (швед. *Storfurstendöme Finland;* фин. *Suomen Suuriruhtinaskunta, Suomen Suuriruhtinaanmaa)*. Русское название «Финляндия» является поздним заимствованием из шведского языка, в котором эта область именуется Finland (также Finnland), что означает «Земля, страна финнов», по преобладающей народности края.

[30] Фридрихсгамский мирный договор, подписанный 5(17) сентября 1809 г., завершил Русско-шведскую (Финскую) войну 1808–1809 гг., главным итогом которой было вхождение Финляндии в состав Российской империи на правах автономного княжества.

[31] Высочайше утвержденное от 11 Апреля 1857 года подробное описание государственного герба и государственной печати. // ПСЗРИ-2. Т. XXXII, 1825. Ч. 1. Ст. 31720. С. 299.

[32] Официальными языками делопроизводства в Великого Княжества Финляндского являлись шведский (с 1808 г.), финский (с 1863 г.) и русский (с 1900 г.).

Именно со времени присоединения Финляндии к России начала «пробуждаться финская народность» и достигла наконец того, что за ее языком было признано равноправие со шведским не только в обиходе, но и в отношении университетского образования, администрации и прений в сейме…

Татарский язык. Термин «татары», утверждал энциклопедический словарь XIX столетия, *«как название народа имеет скорее историческое, чем этнографическое значение. Татар как отдельного народа не существует; слово „татары“ является собирательным именем для целого ряда народов монгольского и, главным образом, тюркского происхождения, говорящих на тюркском языке и исповедующих Коран»*.

Со времен царствования Ивана IV Васильевича в титулах российских монархов значилось: «Царь Казанский, Царь Астраханский…»

«Царь Казанский»

«Царь Астраханский»

«Царь Херсониса-Таврического»

В Поволжье и Сибири, на Урале, в Крыму и Закавказье миллионы подданных русской короны говорили на тюркских языках, используя арабское письмо…

К идее использовать многоязычие вернулись в 1919 году при выпуске расчетных знаков 1919 года — тогда напечатали лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь» на семи различных языках мира. На денежных знаках СССР 1923 года появились надписи номинала и принадлежности знака на языках народов СССР – украинском, белорусском, грузинском, армянском и тюркском (арабской графикой).

Далее количество языков увеличивалось и достигло 16 на билетах «образца 1947 года.» Дублирование номинала на разных языках сохранялось на банкнотах России вплоть до выпуска казначейских и банковских билетов образца 1961 года.

Изготовленные оттиски и кораблекрушение

В мае 1860 года рисунки, подготовленные русскими художниками, были отправлены в Америку, а уже в сентябре отгравированные там стальные доски и цилиндры были готовы.

Это не окончательно готовые и фиксированные клише для печати кредитных билетов, а скорее наборы отдельных элементов для металлографской печати: портреты, виньетки, элементы декора и некоторые прописи текстов. Из этих элементов, как из деталей мозаики, можно было составить готовую печатную форму, варьируя детали оформления.

В архиве компании ABNC сохранились некоторые бумажные оттиски, сделанные с оригинальных штемпелей этих элементов.

Оттиск со штемпеля, изготовленного по рисункам ЭЗГБ

Представитель нью-йоркской компании ABNC Гуддоль с большим штатом мастеров — в том числе печатником Ван Тасселем и специалистами по трансферу Дунстером и Галленом — отбыли в Санкт-Петербург, взяв с собой изготовленные стальные доски и цилиндры. Используя сделанные в США печатные формы, планировалось приступить уже непосредственно к печати кредитных билетов нового образца.

Однако неожиданно в дело вмешалась природная стихия — у берегов Дании корабль попал в бурю и затонул вместе со всем грузом, причем погиб один из американцев…

Тем не менее, прибыв в Петербург в октябре 1860 года, американцы занялись установкой оборудования в Экспедиции заготовления государственных бумаг. Чуть позже в Петербург доставили и поднятые со дна Балтийского моря ящики с гравированными досками и цилиндры с накатанными на них изображениями.

Однако напасти продолжали преследовать печатников — выяснилось, что бóльшая часть досок и цилиндров испорчены морской водой и непригодны к использованию.

Оттиски со штемпелей, изготовленных по рисункам ЭЗГБ

Стало совершенно очевидно, что выпуск новых денег отодвинулся на неопределенное время.

Хотя Американская сторона согласилась разделить убытки и еще раз изготовить требуемые доски и цилиндры, но Российской стороной было принято решение разработать новые проекты кредитных билетов.

Оттиски со штемпелей, изготовленных по рисункам ЭЗГБ

Американцы остались работать в ЭЗГБ, обучая русских мастеровых изготавливать печатные формы трансферированием и производить печать методом сидерографии. По инициативе управляющего ЭЗГБ Ф. Винберга с мастером по трансферу Дунстером был заключен 10-летний контракт с ежегодной выплатой ему жалования в 835 фунтов стерлингов.

Можно с уверенностью сказать, что сотрудничество с American Bank Note Company дало мощный толчок к развитию самой ЭЗГБ — в кратчайшие сроки произошел переход от практически кустарного изготовления примитивных денежных знаков до передового в технологическом смысле производства, выпускающего подлинные произведения искусства.

В скором времени трансфер был заменен отечественным изобретением — гальванопластикой. А еще позднее работник ЭЗГБ И. Орлов изобрел способ многокрасочной печати, названный в его честь «орловским». Тем не менее американский способ печатания — металлография до сих пор используется в производстве денежных билетов и других ценных бумаг в Гознаке, ставшем преемником Экспедиции заготовления государственных бумаг.

Новая концепция оформления — портреты монархов

В сентябре 1863 года Комитет финансов предложил: *«Вместо фигур, изображенных на образцах, поместить на кредитных билетах портреты знаменитых в отечественной истории государей, приобретших общенародную известность, например Великого князя Дмитрия Иоанновича Донского, царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, императора Петра I и императрицы Екатерины II, сделав над каждым портретом и самую подпись имени государя»*[33].

Автором портретов стал уроженец Франкфурта-на-Майне Иоганн Эйзенгардт (Eisenhardt, 1829–1896), долгое время находившийся на службе в ЭЗГБ, где он возглавлял гравировальное отделение. Именно им гравировались «чрезвычайно мелкой работы» портреты Екатерины II, Петра I, царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича[34].

Не только внешний вид, но и долговечность кредитных билетов были предметом заботы специалистов ЭЗГБ. Для выделки бумаги новых кредитных билетов решено было использовать пеньку, которая, по словам, Ф. Винберга позволяет сохранять бумаге «первоначальный вид и крепость».

[33] Ленинградское областное архивное управление. Дела ЭЗГБ. Пор. 482. Св. 428. Л. 137–139. Взято из: *Алехов А.В.* Америка–Россия: кредитные билеты 1866 года. // Нумизматический альманах. — М., 2001. №1. С. 33–38.

[34] Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. Т. I. — СПБ.: Тип. Императорской Академии наук, 1895. С. 128, 294

Бумага для билетов всех достоинств отливалась с применением водяных знаков[35]. Водяной знак представлял собой рисунок прямоугольной формы в виде сетки из мелких светлых линий, расположенных в разных направлениях, на которой буквы «ГКБ» («государственный кредитный билет»), цифры, обозначающие год, а также слова и цифры соответствующего достоинства.

Прорисовка водяного знака на 100 рублях 1866 г.

[35] Водяные знаки на бумаге начали делать в XIII в. Итальянские изготовители бумаги тех времен сгибали проволочку длиной около 5 см в кольцо и накладывали на него перекрестье из кусочков проволоки, а затем пришивали его к верхней стороне сетки черпальной формы. Когда влажный слой будущего бумажного листа начинал уплотняться в форме, над проволочками он оказывался тоньше; в итоге это место при рассматривании высохшего листа на просвет выглядело чуть прозрачней. С тех пор как родилась бумажная филигрань (ок. 1270 г.), все водяные знаки наносились именно таким способом. С начала XIX в. водяные знаки на бумаге превратились просто в фирменные марки бумажных фабрик. В середине XIX в. англичанин У. Смит изобрел новый способ формирования полутоновых водяных знаков. Если после внедрения филиграни в бумажную массу старым методом у высохшего листа было только две толщины (он становился несколько тоньше в тех местах, где пришивался проволочный орнамент будущего водяного знака), то в результате технологии Смита толщина бумаги в районе филиграни менялась плавно, и водяной знак становился похожим на фотографию с мягкими переходами тонов. Для этого сначала делалась восковая модель нужного рельефа или маска объемного объекта, причем воска было больше там, где в изображении водяного знака бумаги требовался бóльший контраст. Потом поверхность воска покрывалась графитом, который служил электродом при изготовлении двух металлических матриц методом гальванопластики. Затем между этими матрицами зажимался сплетенный из тонких латунных проволочек сетчатый экран, на котором отпечатывались все нюансы восковой маски. Этот экран накладывался поверх сетки черпальной формы, и в толще бумаги, формуемой в ней, запечатлевались все тональные переходы восковой маски. В способах нанесения водяных знаков на бумагу ручного изготовления использовались черпальные формы с накладной или плетеной сеткой. После изобретения бумагоделательной машины с непрерывным бумажным полотном появилась потребность включить в процесс механизированного производства бумаги и формирование филиграни. В 1826 году эту проблему решил Дж. Маршалл, английский специалист по ручным черпальным формам, предложив схему денди-ролла. Это устройство состояло из цилиндрического каркаса с натянутой на него плетеной сеткой, поверх которой нашивались (как в ручной черпальной форме) проволочные структуры, обеспечивающие образование водяных знаков во влажной бумажной массе. Денди-ролл, продвигаясь сверху вдоль формуемого бумажного полотна, оставлял в нем оттиски филигранного орнамента. Таким образом, в денди-роллерном методе проволочки филигранного узора вводятся в непросохшую бумагу сверху, а в ручном наоборот — сырая бумага какое-то время лежит на них, поэтому водяные знаки видны отчетливее на бумаге ручного изготовления, нежели машинного.

Итогом воплощения в жизнь новой концепции стала хорошо известная сегодня так называемая «портретная» серия русских кредитных билетов.

Первым стал кредитный билет 1-рублевого достоинства.

На его лицевой стороне последовательно типографским способом произведено нанесение трех прогонов печатей:

— грунтовой сетки, отпечатанной желтой краской и представляющей собой ряд точек, нанесенных с помощью линейной машины. Подобная сетка являлась элементом защиты от подделки;

— пантографской сетки с мелкой гильошировкой, также отпечатанной желтой краской и представляющей собой поле, заполненное повторяющимися щитами со словами «рубль»;

— прописи лицевой, исполненной на пантографе и представляющей собой виньетку с короною, государственным гербом и императорским вензелем.

Также на лицевой стороне билета должны были быть напечатаны два максимум 6-значных номера с двухбуквенными литерами серий, а также подписи товарища (заместителя) Управляющего банком и кассира.

Оборотная сторона билета была также отпечатана типографским способом. Она состояла из грунтовой сетки («коро») и прописи, содержащей несколько графических элементов: рамку с гильоширной каймой, гильоширные розетки, цифры, обозначающие год, а также текст — извлечение из манифеста о кредитных билетах, отпечатанный разными шрифтами.

10 декабря 1865 года образец 1-рублевого билета был высочайше утвержден.

Образец билета 1 рубль

Билет 3-рублевого достоинства по технике исполнения был подобен 1-рублевому.

Билеты достоинством в 5, 10, 25, 50, 100 рублей были отпечатаны двумя способами печати — типографским и металлографским. Порядок наложения шести печатей (прогонов) остался прежний.

Печатались кредитные билеты на бумаге в несколько экземпляров на листе: мелкие достоинства в 1 и 3 руб. — по 6 экземпляра; в 5 рублей — по 4 экземпляра; в 10, 25, и 50 рублей — по 3 экземпляра, 100 рублей — по 2 экземпляра.

Именным Указом от 13 февраля 1868 года «Об обмене государственных кредитных билетов на таковые же новых образцов» было положено начало выпуску в обращение кредитных билетов «образца 1866 года»[36].

Обмен начался с 15 марта 1868 года с выпуском билетов 25-рублевого достоинства. С 15 апреля 1869 года в обращении появились билеты в 10 рублей, с 15 мая — 5-рублевые кредитки, с 1 июля — билеты в 3 рубля, с 1 августа — 1-рублевые, с 15 октября — 50 рублей и с 17 марта 1869 года — билеты 100-рублевого достоинства.

Срок обмена кредитных билетов «образца 1843 года» несколько раз сдвигался и окончательно был установлен январем 1875 года[37].

Кредитные билеты «образца 1866 года» выпускались в обращение достаточно длительное время: билеты достоинством в 1 рубль — до 1886 года; в 3 рубля — до 1884 года; в 5 рублей — до 1884 года; в 10 рублей — до 1886 года; в 25 рублей — до 1876 года; в 100 рублей — до 1896 года. Билеты 50-рублевого достоинства были выпущены в обращение только один раз — датированные 1866 годом. В последующем выпуск этих билетов был прекращен ввиду появления в обращении изготовленных за границей высококачественных фальшивок Леона Варнерке (Владислава Малаховского).

Судьба изготовленных американских штемпелей

Несмотря на то что, привезенные американцами стальные доски и цилиндры оказались невостребованы для изготовления кредитных билетов, применение им на ЭЗГБ все же нашлось. Под управлением американцев в Экспедиции изготовили билеты Санкт-Петербургской и Московской ссудных казен и 4%-е банковские билеты. Это дало возможность убедиться в пригодности способа сидерографии для последующего изготовления кредитных билетов и обучить рабочих и мастеров ЭЗГБ навыкам накатки печатных форм и умению работать на трансферных и печатных прессах, привезенных американцами.

[36] ПСЗ. № 4593 от 13 февраля 1868 г.

[37] ПСЗ. № 52764 от 9 ноября 1873 г.

На некоторых кредитных билетах «образца 1866 года» можно наблюдать розетки, выполненные на стали в Америке, приспособленные мастерами Экспедиции для типографской печати.

Задел, сделанный американцами, оказался настолько богатым, что в ЭЗГБ долгие годы пользовались виньетками и сюжетами, выгравированными ABNC. Их можно увидеть в оформлении закладного листа Херсонского банка, на некоторых других ценных бумагах.

Даже уже при Советской власти в оформлении 10000 рублей 1923 года художники использовали сюжет, привезенный в далеком 1860 году.

Однако самым интересным свидетельством для истории денежного обращения является воплощение в печати тех отрисованных эскизов кредитных билетов псевдорусского стиля, что передавали в Америку русские художники и которые планировали использовать для печатания нового выпуска — фактически первые пробные оттиски денежных знаков подготовки реформы 1866 года.

В наше время сохранились редчайшие экземпляры, напечатанные из штампов, сделанных в США.

Это пробные односторонние знаки размером 100×150 мм. На одном напечатаны отдельно ряд металлографских портретов, прописей и розеток[38], на втором — сетка с мелкой гильошировкой, характерная для американских банкнот того времени[39]. Третий знак представляет собой соединение двух предыдущих рисунков.

На пробнике можно увидеть фигуры крестьян, подобные изображенным на рисованном эскизе 10 рублей 1860 года, множество различных номиналов цифрами и прописью, а также надписи *«Управляющій»* и *«Директоръ»*. Есть на нем виньетка *«300»* и надпись *«Государственнаго банка по 4% въ годъ»*, использованные впоследствии при печатании 4%-ных банковых билетов 1861 года.

По всей вероятности, данные оттиски были сделаны еще в Америке для проверки качества досок и цилиндров с виньетками и рисунками. Это подтверждается бумагой и размерами пробника, свойственными для стандартных банкнот Америки того времени.

[38] Известны две разновидности по цвета.

[39] Известны три разновидности по цветам.

Пробный знак с оттисками штампов различных номиналов изготовленных на ABNC.

Таким образом можно сделать вывод, что сохранившийся пробник реформы 1860–1866 годов, безусловно, является важнейшим документом истории денежного обращения в России, знаменующим собой начало нового этапа изготовления бумажных денежных знаков. Значение его как уникального исторического памятника особенно возрастает, учитывая тот факт, что в музейных собраниях и частных коллекциях пробных денежных знаков имперского периода находятся лишь считанные единицы.

С глубокой признательностью к А.И. Абезгаузу и А.В. Алямкину за любезно предоставленные материалы.

ПУДЪ СОЛИ
В БИЛЕТАХЪ КОММИССАРІАТСКИХЪ

Провизионные билеты
Морского министерства Российской империи
в 1855–1867 годах

Парамонов О.В. (Москва)

ПУД СОЛИ В БИЛЕТАХ КОМИССАРИАТСКИХ

Провизионные билеты Морского министерства Российской империи в 1855–1867 годах

Все изобретения внутренней правительственной недоверчивости, вся централизация и формалистика управления, все меры законодательной предосторожности, иерархического надзора и взаимного контролирования различных ведомств ежедневно обнаруживают свое бессилие...

Граф Петр Александрович Валуев. «Дума русского во второй половине 1855 года».

...Никаких мер к водворению порядка не принимают, а в обществе слышно постоянно одно только обвинение исполнителей в краже. Я вовсе не отрицаю несчастного факта бесчисленных злоупотреблений по всем частям нашего управления, но при этом я убежден, что, кроме кражи, есть и другие, более существенные причины всех неустройств, от которых страдает войско наше в Крыму и вся Россия. На эти причины, которые происходят от сущности и общего направления нашей администрации, никто не хочет обращать внимание...

Запись от 16 марта 1856 года в дневнике Директора Комиссариатского департамента Морского министерства князя Д.А. Оболенского.

... Да, и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне...

Александр Блок

Мало кому из соотечественников не запала в память фраза, произнесенная Николаем Михайловичем Карамзиным во время его поездки в Европу, где написаны были блистательные и остроумные «Письма русского путешественника». В изложении Сергея Довлатова этот исторический анекдот звучал так:

«Русские эмигранты спросили его: „Что, в двух словах, происходит на Родине?“

Карамзину и двух слов не понадобилось. „Воруют“, — ответил он»...

Эта знаменитая сентенция могла бы в полной мере быть отнесена и к Российскому флоту. Воровали столь энергично и изощренно, что можно только диву даваться как изворотливости махинаторов, так и запасу прочности самого Морского ведомства...

Более того, воровством зачастую даже гордились. Так, на неоднократные доклады о злоупотреблениях по казенной части матушка Екатерина Великая както заметила: *«Меня обворовывают точно так же, как и других; но это хороший знак и показывает, что есть, что воровать».*

Воровать и вправду было что. Согласно официальным статистическим данным Министерства финансов Российской империи, бюджет Морского ведомства в 1900 году был определен в размере 78,7 млн. рублей, что составляло 5,5% от общего объема расходной части имперского бюджета.

Казнокрадству уделено внимание уже в Морском уставе Петра Великого. Одна из статей прямо говорила о том, что «интендант во флоте воинском» должен смотреть за **корабельными комиссарами** (заведовавшими припасами на корабле), *«дабы должность свою право исполняли, без корысти и утайки в деньгах, провианте и мундире; дабы люди на кораблях никакой нужды не терпели. Чего для должен ездить по кораблям и спрашивать у служителей корабельных, нет ли от комиссаров какой им обиды».*

Комиссару посвящена была в Уставе отдельная глава, состоявшая из всего одного, но очень емкого абзаца: *«Он повинен из магазина на определенный ему корабль принять, когда корабль готовится к походу, на всех людей, на всю кампанию, на сколько от Адмиралтейской Коллегии определено будет, при присутствии корабельного секретаря, денежное жалованье, запасной мундир, провиант. Которое все должен раздавать и записывать по учрежденной табели, определенной для раздачи провианта, и иметь весы и меры справедливые. Также смотреть накрепко, чтоб принимать доброй провиант, под наказанием смертным; разве какой нужды разной письменной указ из Коллегии Адмиралтейской о том дан будет, чтоб, каков есть, принять. И при возвращении паки в*

КНИГА
УСТАВЪ
МОРСКОЙ,
О ВСЕМЪ ЧТО КАСАЕТСЯ ДОБРОМУ УПРАВЛЕНІЮ,
ВЪ БЫТНОСТИ ФЛОТА НА МОРѢ.
НАПЕЧАТАСЯ ПОВЕЛѢНІЕМЪ
ЦАРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ,
шестымъ изданіемъ 1780 года.

порт, повинен в том, во всем отчет дать верной, что изошло и что осталось. Также во время кампании, повинен рапортовать командира корабельного и Интенданта, или кто во место его будет дело его отправлять по вся недели. А ежели каким умыслом или корыстью согрешит, будет живота лишен…»[1]

Этот документ — «Устав морской» 1720 года — оказался на редкость долговечным[2]. По нему Российский флот плавал и воевал до самой Крымской войны и только во второй половине XIX века, когда пар оттеснил парус, и нарезные орудия встали на место гладкоствольных, вышел новый Устав 1853 года[3].

Объемы же воровства во флоте были настолько вопиющими, что в отчете по Морскому ведомству за 1853–1854 годы генерал-адмирал[4] Великий князь Константин Николаевич[5] прямо писал, что в результате ревизий департаментов Министерства были *«открыты явные злоупотребления к ущербу выгод казны».*

Великий князь Константин Николаевич, которому в исследованиях по праву отводится роль одного из *«ближайших помощников Царя-Освободителя в деле проведения Крестьянской реформы», «покровителя либеральных бюрократов», который «находился в эпицентре важнейших исторических событий России и принимал деятельное участие во всех реформах Александра II»*, в это время являлся одним из высших должностных лиц государства, в том числе в 1853–1881 годах был управляющим Морским министерством и главным начальником флота и Морского ведомства.

[1] Артикул 1-й «О комиссаре корабельном». Кн. 3, Гл. 8 // Устав морской о всем, что касается доброму управлению в бытность флота на море. 6-е изд. — СПб., 1780. С. 92.

[2] Морской устав 1720 г. печатался неоднократно: в 1720 (3 раза), 1722, 1723, 1724, 1746, 1763, 1771, 1778, 1780, 1785, 1791, 1795, 1804, 1850 гг. (ч. 2) в типографии Морского шляхетного кадетского корпуса и Академии наук.

[3] Морской устав — СПб.: Тип. Морского кадетского корпуса, 1853.

[4] Высший воинский чин «генерал-адмирал» (I класса по Табели о рангах) соответствовал сухопутному генерал-фельдмаршалу, а должность присваивалась в этот период главным начальникам флота и Морского ведомства императорской крови.

[5] Константин Николаевич Романов (1827–1892†) — Великий князь, второй сын императора Николая I, генерал-адмирал. 21 января 1853 г. вступил в управление Морским министерством, произведен в вице-адмиралы. С 1855 г. — адмирал, управляющий флотом и Морским ведомством на правах министра. Первый период его управления был ознаменован рядом важных реформ. Одна из самых ярких и противоречивых личностей Дома Романовых. По инициативе Константина Николаевича была продана Американская часть Российской империи — именно он предложил Александру II (своему старшему брату) избавиться от Аляски.

Спустя пять лет, вследствие вскрытых злоупотреблений «по комиссариатской и провиантской части» в городе Николаеве (который считался местом пребывания командования Черноморского флота), туда была направлена по распоряжению Великого князя специальная следственная комиссия. Заведующий морской частью в Николаеве, военный губернатор Севастополя и Николаева контр-адмирал Григорий Бутаков в секретной записке о положении Черноморского управления писал Великому князю Константину Николаевичу, что злоупотребления во флоте еще до Крымской войны 1853–1856 годов приняли столь громадные размеры, что *«почти весь Николаев со своими огромными домами, большей частию выставляющими втихомолку на улицу только три, а много пять окон, выстроился от них. Множество окрестных деревень выросли из того же источника»*[6]...

Перспектива города, гавани и укреплений Севастополя. Литография, 1850-е гг.

Не отставала от черноморцев и Балтика, где в 1853–1854 годах в ходе ревизии было вскрыто немало вопиющих фактов казнокрадства.

Так, проверяющий Михаил Рейтерн[7] дипломатично отмечал, что целый ряд убытков происходил от попустительства начальства, которое *«налагает взыскания за арифметические ошибки и описки и не замечает, когда число печей, на которые отпускаются дрова, превышает число действительно существующих»*.

[6] ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 192. Л.л. 60–99; Д. 935. л. 22.

[7] Михаил Христофорович Рейтерн (1820–1890†) начал службу в Министерстве финансов, продолжал ее в Министерстве юстиции, а в 1854 году перешел в Морское министерство, где примкнул к кружку лиц, группировавшемуся вокруг Великого князя Константина Николаевича. Позднее, в 1862–1878 годах, занимал пост министра финансов Российской империи, а в 1881–1886 годах — председателя Комитета министров.

Историк российского флота, почетный член Морской академии, генерал корпуса флотских штурманов Феодосий Федорович Веселаго (1817–1895) писал:

«Из казенных портовых магазинов, за самую сходную цену, легко можно было приобретать все нужное для дома и хозяйства, и в Кронштадте в редком доме не встречались вещи с казенным клеймом. При взглядах того времени, для жителей города почти терялось отличие казенного от собственного.

Но подобные злоупотребления были вообще мелочные; в значительных же размерах они производились немногими лицами, особенно склонными к подобным низким операциям и имевшими по служебному положению своему к этому возможность.

Например, никого не удивляло, что в Кронштадте на видном месте города смотритель госпиталя, получающий ничтожное жалованье, возводил большой дом и ряд лавок, что дом корабельного мастера был построен из мачтовых деревьев или когда проходившие финляндскими шхерами транспорты выдерживали такие штормы, что лишались не только значительной части своих парусов и такелажа, но даже верпов и якорей, которые в действительности были распроданы на купеческие суда.

Офицеры, склонные к коммерческим оборотам, назначенные на построенные в Архангельске суда, собирали там тяжеловесные чистой меди екатерининские пятаки, которые в Копенгагене принимались вдвое дороже их номинальной цен-

ности. Там покупали на них ром и, провезя его контрабандой в Кронштадт, продавали с выгодой. Ловкий же провоз контрабанды считался тогда не позорным делом, а молодеческим.

Но во флоте подобные выдающиеся безобразия представляли исключения; а были случаи, когда целые ведомства за злоупотребления подвергались строгим публичным осуждениям и взысканиям»[8].

Худшей славой среди балтийских портов пользовался в этом отношении Свеаборг (пригород Гельсингфорса)[9] в Нюландской губернии Великого Княжества Финляндского[10].

В своих «Записках моряка-художника» Алексей Петрович Боголюбов[11] вспоминал:

«Свеаборг был какой-то отпетый порт. Рассказывали, что во времена Александра Благословенного было здесь такое воровство, что в делах портового архива находится показание одного смотрителя экипажеских магазинов, где столь множество крыс развелось в оных, и эти бестии даже съели медную пушку 8-дюймового калибра.

Были также сказания и такие: раз крысы съели живьем часового с ружьем и амуницией, возвращаясь с водопоя. А что крыс бывало много и в наше время, то и я о том свидетельствую, ибо, стоя в карауле у Морских ворот, видел, как целая серая масса плотно двигалась из одной подворотни магазина в другую, но часовых не трогала»[12]*...*

В борьбе с казнокрадством не помогали и решительные меры — из-за невозможности их всегда применять.

[8] *Веселаго Ф.* Краткая история Русского флота. — М-Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1939. С. 297.

[9] Свеаборг (Sveaborg — «шведская крепость») с середины XVIII в. защищала Гельсингфорс с моря. Строительство крепости началось в 1748 г. после того, как в 1710 г. Швеция потеряла крепость Выборг и неудачно попыталась напомнить Российской империи о своей гегемонии на Балтике в 1741–1743 гг.

[10] Великое Княжество Финляндское (швед. Storfurstendöme Finnland) — автономная часть Российской империи. Великим князем Финляндским был российский император, представителем которого в Финляндии был генерал-губернатор, являвшийся председателем местного правительства — Императорского Финляндского Сената.

[11] Алексей Петрович Боголюбов (1824–1896†) — внук писателя А.Н. Радищева, русский художник-маринист, чье имя носит Библиотека искусств в Москве.

[12] *Боголюбов А.П.* Записки моряка-художника, 1842–1847. // Журнал «Волга», 1996. № 2–3.

Как известно, Петр Великий обратился как-то к генерал-прокурору Сената Павлу Ягужинскому с требованием написать указ, по которому виселица угрожала любому, кто украдет хотя бы лишь на стоимость веревки. *«Мы все воруем, только один более и приметнее, чем другой»,* — остудил пыл монарха рассудительный Ягужинский…

Не отставали от чиновников и подрядчики. На вопрос, «какие причины дают подрядчику возможность при производстве работ достичь по некоторым статьям расходов сокращения и дешевизны сравнительно с издержками, делаемыми по тем же статьям казной?» известный санкт-петербургский купец, коммерции советник Сергей Кудрявцев (1823–1865) отвечал в середине XIX века следующее: «Я стараюсь пользоваться всеми различными, однако же, неопределенными, но законными обстоятельствами по своим коммерческим сношениям, какие только благоприятствуют выгодному для меня исполнению обязательств с казною». И при этом Кудрявцев именовался современниками «кристально честным человеком»...

Злоупотреблениям не было конца. Адмирал Российского флота, исследователь Дальнего Востока Геннадий Иванович Невельской вспоминал о своем плавании, когда капитан-лейтенантом он отправился в 1848 году к устью Амура, тогда еще не принадлежавшему России: *«…по заведенному порядку чиновниками коммисариатского и кораблестроительного департаментов груз, назначенный в Петропавловск и Охотск, сдавался командиру судна не по местам, как то делается на коммерческих судах, а по мере, весу и счету; на этом основании командира обязывали сдавать его также в Петропавловске и Охотске. Груз, назначаемый в сибирские наши порта, составлялся обыкновенно из забракованных большею частию вещей и хранился в магазинах, в так называемых „охотских кучках", так что большая его часть достигала места назначения в негодном виде. Чиновники по этому случаю обыкновенно писали и отписывались и в конце концов относили это к случайностям в море, при качке, буре и т.п., или к худой укладке в судне и тесноте, перемене климата, и, наконец, к невниманию командиров и, как лица неответственные, оставались всегда правыми…*

Тщательно и подробно осмотрев в магазинах назначенные к отправлению вещи и взяв некоторые образцы оных, я убедился, что при таком способе упаковки, какой употреблялся до меня, не могу погрузить на транспорт и половины вещей, а равно убедился и в том, что коммисариатские материалы (холст, сукно, сапожный товар и пр.) были почти гнилые…»[13].

Прежде всего, нам надо бы прояснить некоторые термины: **«коммисаріатскими припасами»,** или **«коммисаріатским довольствіемъ»** в русской армии и флоте назывались до 1864 года все виды денежного и вещевого довольствия, в состав которого входили не только личное обмундирование рядовых и офицеров, но и различные предметы лагерного, госпитального и другого снаряжения

[13] Подвиги Русских морских офицеров на Крайнем Востоке России в 1849–1855 г. Приамурский и Приуссурийский край. Посмертные записки Адмирала Невельского. Изданы супругою покойного Екатериною Ивановною Невельскою под ред. В. Вахтина. — СПб: Русская Скоропечатня П.С. Нахимова, 1878.

и оборудования. После 1864 года все виды снабжения в армии были объединены в руках интендантского ведомства. На флоте же — несколько позже…

Отнюдь не случайно в приведенном отрывке из воспоминаний адмирала, исправив весь текст на новую орфографию, мы использовали старое написание термина — «коммисариатскій». Сделано это было по причине, о которой речь пойдет чуть позже.

В своих воспоминаниях адмирал Невельской писал: *«По существовавшему тогда положению, офицерские порционы рассчитывались по двойной стоимости матросской порции, а потому в заграничных портах надобно было брать от консулов и агентов справочные цены на запасы, входившие в состав матросской порции, и стараться, чтобы эти цены были выданы возможно большие и вообще несуществующие, ибо без того офицерские порционы становились весьма недостаточными. Это обстоятельство ставило командиров судов в весьма щекотливое и несвойственное званию положение и часто замедляло выход судна в море…»*[14]

Конечно же, немалая толика «злоупотреблений» (как снисходительно именовалось бы это в нынешней судебной практике) или же попросту — воровства случалось именно вокруг операций в этих самых «коммиссаріатскихъ и провіантскихъ магазинахъ», то есть ведомственных складах.

Об одной из попыток исправить это положение, предпринятой Морским министерством[15] в 50–60-х годах XIX столетия, и пойдет речь…

[14] Подвиги Русских морских офицеров… Посмертные записки Адмирала Невельского. — СПб., 1878.

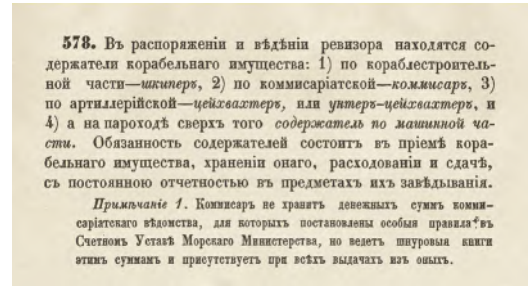
[15] Морское министерство было образовано в 1802 г., одновременно с учреждением других министерств, под названием *«Министерство морских сил».* Название *«Морское министерство»* оно получило в 1815 г.

«Особые на каждый вид провизии билеты»

Прежде всего, о досадной ошибке, кочующей из каталога в каталог уже не одно десятилетие, — о неких «квитанциях Коммерческого департамента Морского министерства»[16].

Речь, конечно же, идет не о «коммерческом» департаменте. Дело тут в следующем: за столетия привычные термины неоднократно меняли свой смысл, теряя и приобретая новые значения. К примеру, существовавшие ранее в российской армии «пионерские» подразделения соответствовали нынешним саперным или инженерным. А вот интендантские службы именовали тогда «коммиссаріатскими»[17].

«Коммисаръ — как указывалось в словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка (Павленков Ф., 1907), — *всякое доверенное лицо, избранное для выполнения какого-либо дела»*.


578. Въ распоряженіи и вѣдѣніи ревизора находятся содержатели корабельнаго имущества: 1) по кораблестроительной части—*шкиперъ*, 2) по коммисаріатской—*коммисаръ*, 3) по артиллерійской—*цейхвахтеръ*, или *унтеръ-цейхвахтеръ*, и 4) а на пароходѣ сверхъ того *содержатель по машинной части*. Обязанность содержателей состоитъ въ пріемѣ корабельнаго имущества, храненіи онаго, расходованіи и сдачѣ, съ постоянною отчетностью въ предметахъ ихъ завѣдыванія.

Примѣчаніе 1. Коммисаръ не хранитъ денежныхъ суммъ коммисаріатскаго вѣдомства, для которыхъ постановлены особыя правила въ Счетномъ Уставѣ Морскаго Министерства, но ведетъ шнуровыя книги этимъ суммамъ и присутствуетъ при всѣхъ выдачахъ изъ оныхъ.

Учреждения Комиссариатского ведомства ведали денежным, вещевым, в отдельные периоды (1720–1726, 1736–1742гг.) провиантским довольствием армии и координацией работы войсковых комиссариатских комиссий.

«Комиссариатские ведомства» существовали и в Военном, и в Морском министерствах. Комиссариатский департамент (и комиссариатские комиссии) — заведовали довольствием войск; первое было центральное, вторые — местные. Совокупность всех этих учреждений обозначалась термином *комиссариат.*

Комиссариатский департамент[18] входил в состав Министерства и упразднен был с возложением предметов ведомства его на Главное интендантское управление во второй половине 1860-х годов. Комиссариатские комиссии существовали в различных пунктах, избиравшихся по соображениям стратегическим и хозяйственным. Каждая комиссия заведовала довольствием расположенных в ее районе войск, учреждений и заведений.

---

[16] См.: *Рябченко П.Ф.* Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России и СССР (1769–1990 гг.). — Киев, 1991, С. 525–526; *Рябченко П.Ф.* Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769–1994 гг.). — Киев, 1995. С. 576; *Рябченко П.Ф.* Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769–2003 гг.). 3-е переизд., дополн. и перераб. Т. 3. Боны стран СНГ и Прибалтики. Дополнения к т. 1 «Боны России» и т. 2 «Боны Украины». — Киев, 2005. С. 22; *Кац Л.З., Малышев В.П.* Энциклопедия бумажных денежных знаков России. Т. 1. Правительственные эмиссии 1769–1995. СПб., 1998; *Денисов А.Е.* Бумажные денежные знаки России в 1769–1917 гг. Часть 4. Региональные бумажные денежные знаки 1800–1917 гг. —М., 2005. С. 87–92.

[17] Комиссариатским ведомством на протяжении XVIII в. параллельно руководили два учреждения: «Комиссариат» и «Комиссариатское повытье (экспедиция) Военной коллегии».

[18] Департамент (от французского *département* — «отделение») — самостоятельное ведомственное подразделение в высших государственных учреждениях Российской империи.

В комедийной пьесе М.Е. Салтыкова-Щедрина, опубликованной в 1857 году, купеческий сын Пазухин, интересуясь у отставного генерала Лобастова о новостях и чинопроизводствах, узнает, что некий Федулов из полковников в генералы произведен: *«Ну, этому следует. Хороший человек! Я, сударь, с ним дела имел по поставкам, так именно беспокойства никакого не знал. Что следует отдашь, а уж там зажмуря глаза принимают»*[19]…

В 1860-х годах от системы снабжения, при которой провиантские и комиссариатские департаменты были рассадниками злоупотреблений, армию перевели на снабжение Главным интендантским управлением и резко сократили число чиновников.

Морское министерство[20], предназначавшееся для заведования военно-морскими силами Империи, будучи подобно Военному министерству по его задачам и условиям, имело и аналогичное устройство.

Флаг Великого князя Генерал-адмирала

3 июля 1853 года на Большом Кронштадтском рейде выстроились для «высочайшего» смотра 63 вымпела второй и третьей дивизий Балтийского флота[21]. В центре диспозиции — колонна из 18 линейных кораблей. На трехпалубном гиганте под символическим названием «Россия» развевался флаг генерал-адмирала…

Император Николай I остался доволен своим любимым детищем: Российская империя могла выслать в море крупнейший линейный флот в мире. Казалось, удалось превзойти уровень морской мощи, намеченный самим императором в начале царствования.

Еще 31 декабря 1825 года он «повелеть соизволил»: *«Россия должна быть первоклассною морскою державою, занимать в Европе третье место по силе флота после Англии и Франции и должна быть сильнее союза второстепенных морских держав»* (имелись в виду Пруссия, Швеция и Дания. — О.П.)[22]…

Николай Павлович взял под личный контроль деятельность Военно-морского управления, направленную на доведение флота до «высочайше утвержденных» штатов. В 1820–1840-е годы на верфях Петербурга, Архангельска и Николаева велась планомерная постройка парусных кораблей, многие из которых стали шедеврами кораблестроительного искусства своего времени.

[19] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. (в 20 томах). Т. 4. — М.: «Художественная литература», 1966. С. 98.

[20] С началом царствования Николая I в хозяйственной деятельности Морского министерства были обнаружены крупные недостатки, из-за чего в 1828 г. управление флотом было разделено на две части: «Морской штаб» (с 1831 г. — Главный морской штаб) и «Морское министерство».

[21] Балтийский флот (высшее оперативное объединение, часть ВМФ) был создан в ходе Северной войны 1700–1721 гг. по замыслу и под руководством Петра I.

[22] Обзор деятельности Морского управления в России (1855–1880 гг.). — СПб., 1880. С. 436; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX в. — М.: Наука, 1973. С. 494.

Смотр Черноморского флота в 1849 г. Полотно И.К. Айвазовского

Почти одновременно со смотром Балтийского флота, в июле 1853 года, в Портсмуте состоялся смотр английского флота.

Маневры англичан, проведенные в условиях обострения Восточного вопроса, носили демонстративный и угрожающий характер по отношению к России: под «разгромленной» парусной эскадрой подразумевалась русская[23]. Не прошло и года, как Россия уже была в состоянии войны с коалицией сильнейших держав Европы...

Крымская война подвела черту под многовековой историей развития парусного флота. «Восточная война», как именовали ее европейцы, закончилась. Антирусская истерия, поднятая в «независимой» и «объективной» печати в Европе, понемногу сходила на убыль. Еще раздавались призывы «горячих» голов в Англии продолжить войну, с тем чтобы окончательно поставить Россию на колени; еще лежали в лазаретах раненые солдаты и матросы Севастополя, а наши «союзники» спешили подвести итоги. По результатам Парижского мирного договора 1856 года Россия лишилась права иметь военно-морской флот на Черном море[24].

[23] Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ), Ф. 26. Оп. 1. Д. 16. Л.л. 153а–159.

[24] После отмены в 1871 г. ограничительных статей Парижского договора от 1856 г. Российская империя вновь получила возможность иметь на Черном море военно-морской флот. В течение 15 лет, прошедших после заключения Парижского договора, на Балтийском море был создан третий по силе в Европе броненосный флот.

Свой флот потеряла держава, ранее спасшая своих недругов от неминуемого распада и хаоса. Благодарность «союзников» была налицо. Вся внешняя политика России, все ее действия оказались одной сплошной ошибкой и только потому, что русские императоры со своим жертвенным, рыцарским пониманием монаршего и союзнического долга, считали своих партнеров честными и благородными людьми…

Погибая у стен Севастополя, русские эскадры своей трагической кончиной доказывали, что создание и поддержание возможностей ВМФ на уровне гарантированного обеспечения им безопасности и внешнеполитических интересов Отечества — задача общегосударственная…

Война наглядно и со всей убедительностью показала, что у парусных кораблей больше нет будущего, необходима срочная их замена паровыми броненосными. Масштабы и темпы строительства флота России увеличивались по мере улучшения экономического положения страны.

Наступала эра здорового, прагматичного патриотизма. Эра императора Александра Николаевича. В 1860 году последовали новые реформы, в результате которых морской министр стал главным начальником флота и всего Морского ведомства[25].

В течение многих лет (с 19 сентября 1860 г. по 3 января 1876 г.) должность Морского министра исполнял *Николай Карлович Краббе*[26], при участии которого была разработана и осуществлена программа перевооружения военного флота[27].

По отзывам современников, Краббе был хорошим администратором, однако мало знающим морское дело. Так, военный министр Д.А. Милютин отзывался об управляющем Морским министерством крайне уничижительно: *«топорный, малообразованный, грубый до цинизма сквернослов… Краббе прикрывал свою хитрость и изворотливость постоянным юмором и паясничаньем; никто не говорил с ним серьезно, а между тем он умел забрать в свои руки все морское ведомство, сделаться правой рукой генерал-адмирала Константина Николаевича и пользовался расположением всех членов императорской фамилии».*

Смирившись с невозможностью создать в ближайшее время боевой потенциал флота, равный флотам Англии и Франции, и в то же время не желая терять престижа России как одной из крупных морских держав, правительство при

[25] Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1867. № 542.

[26] Краббе Николай Карлович (1814–1876†), — адмирал, в свите В.к. Константина Николаевича, член Главного морского штаба Его Императорского Величества, директор Инспекторского департамента Морского министерства. В 1860–1876 гг. — управляющий Морским министерством.

[27] Генерал-адмирал Н.К. Краббе. — СПб., 1876. С. 54.

определении программы нового судостроения исходило из того, что флот должен был быть третьим по силе. Немудрено, что военные расходы Империи росли как снежный ком…

Чек на 7,2 млн. долларов США, предъявленный для оплаты покупки Аляски

К слову сказать, согласно *«Договору, заключенному между Россией и Северо-Американскими Соединенными Штатами в Вашингтоне 18(30) апреля 1867 года об уступке Российских Северо-американских колоний»*, Российская империя отказалась от своих колоний за 7 миллионов 200 тысяч американских долларов. Ежегодные же затраты на армейский провиант превышали в 3 (!) раза всю «выгоду» от продажи заокеанских владений, а статья расхода «обмундирование» — в полтора раза[28]…

Одним из доводов государственных деятелей при продаже Русской Америки[29] являлось утверждение, что деньги Российской империи были гораздо нужнее, чем заокеанские территории. Дескать, Империи требовались

[28] Обзор деятельности Военного министерства в последнее пятилетие, финансовых его средств и нужд армии. — СПб., 1865. С. 77; См.: *Миронов И.Б.* Военный бюджет Российской империи и экономические обоснования продажи Аляски (по фондам ОР РГБ).

[29] В течение 123 лет (с 1744 по 1867 г.) Российской империи принадлежали Аляска и Алеутские острова, а также часть Тихоокеанского побережья нынешних США и Канады.

немалые средства на завершение реформ в армии, и, особенно — во флоте, без перестройки которого Россия становилась уязвима перед внешней агрессией[30]…

Флаг Российско-Американской Компании

С высоты века нынешнего решение тогдашнего императорского правительства может показаться скоропалительным и поспешным.

Но если вспомнить о подорванной военно-морской мощи России и, как следствие, невозможности удерживать эти области в случае конфликта с «союзниками», начинаешь понимать и иные побудительные мотивы, помимо корысти отдельных высокопоставленных царедворцев.

Дело в том, что царствование Александра II дало нам огромные территориальные приобретения[31]. Уже в то время Россия не могла все это переварить!

Для освоения новых земель нужны были люди, средства и войска. До Америки все это не доходило — ресурсов просто не хватало. Возможно, российские власти были достаточно дальновидны, что сумели избавиться от этой неудобной земли, за обладание которой, весьма вероятно, могла начаться большая драка. А в случае войны англичане заполучили бы «Русскую Америку» быстро и практически без борьбы. Отдавая Аляску американцам, мы сами получали с «паршивой американской овцы» клок шерсти[32] и, что самое главное, не отдавали его британцам…

[30] Формально предложение о продаже исходило от российского посланника в Вашингтоне барона Эдуарда Стекля, но инициатором сделки был Великий князь Константин Николаевич (младший брат Александра II), впервые озвучивший это предложение весной 1857 года в специальном письме министру иностранных дел А.М. Горчакову. Позиция МИДа сводилась к изучению вопроса, и было решено отложить его реализацию до истечения срока привилегий РАК в 1862 г. А затем вопрос временно стал неактуальным в связи с Гражданской войной в США.

[31] В начале 1850-х гг. внимание Российско-Американской Компании в значительной мере перемещается с Аляски на Дальний Восток — в Приамурье и на Сахалин. Компания приняла живейшее участие в реализации проектов царского правительства в закреплении этих территорий за Империей, находясь на острие ее экспансии на Дальнем Востоке. Именно в 1850-е гг. впервые возникли проекты по продаже российских владений в Новом Свете, а экономическое положение РАК к концу десятилетия начало внушать серьезную тревогу за ее будущность. (См.: История Русской Америки (1732–1867). — М.: Международные отношения, 1997. С. 320, 367).

[32] В большинстве работ, посвященных вопросу продажи Аляски, указывается, что американские деньги до России не дошли. Из оговоренных 7,2 млн. долларов примерно 1,5 млн. были потеряны на обменных банковских и маклерских операциях. Остальное золото, которое должны были доставить в Петербург, погрузили на корабль, затонувший во время шторма где-то в Балтийском море. Называют даже имя корабля — английский барк «Оркни». Эта информация передается из книги в книгу (при этом никто до сих пор не удосужился уточнить координаты этого кораблекрушения и поднять со дна мелкого Балтийского моря американское золото). Согласно другим источникам, попыток перевезти в Россию золото (а в договоре продажи речь шла именно о золоте) со стороны Америки так и не было предпринято, а Российское правительство этого и не требовало, поскольку через Лондонский банк рассчиталось этими деньгами с британскими промышленниками за локомотивы и оборудование для строительства в России железных дорог, а также за броневую сталь и паровые машины для модернизации Российского военно-морского флота, которую проводил морской министр Великий князь Константин Николаевич — фактический инициатор продажи Аляски.

В середине 1860-х годов предпринимается ряд мер, направленных на то, чтобы «очистить военную смету от всех этих расходов оборотных и невоенных», дабы в итоге уложить государственные расходы на армию и флот в пределы сметы, назначенной министром финансов.

Интендантское[33] снабжение — вот тот «клондайк», то «золотое Эльдорадо», на котором стремились нажиться многие...

В состав каждого министерства входили департаменты, ведавшие определенным комплексом вопросов. Вообще система учреждений провиантского и комиссариатского ведомств была и в мирное, и в военное время очень сложна. По сути дела, оба ведомства занимались одним и тем же — интендантскими поставками, что приводило к консолидации снабженческих органов[34].

В Морском министерстве Комиссариатский департамент[35] ведал как вещевым, так и провиантским довольствием флота[36].

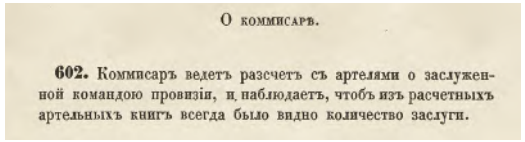
Как мы помним, в петровском «морском Уставе», которым руководствовался флот до второй половины XIX века, указывалось, что «коммисаръ» обязан из «магазина» (то бишь, ведомственного склада) принимать на корабль, готовящийся

[33] Интендант (от фр. *intendant* — «управляющий, заведующий, смотритель») — должностное лицо, уполномоченное распоряжаться финансами. Кроме того, интендант — должностное лицо в вооруженных силах, ведающее вопросами снабжения войск. Начиная с XIX в. интенданты существовали во французской, германской, русской, австро-венгерской и др. армиях.

[34] В Военном министерстве, к примеру, уже в 1864 г. Комиссариатский и Провиантский департаменты были вновь, как уже бывало не раз, объединены в одном ведомстве — Главном интендантском управлении Военного министерства.

[35] РГАВМФ. Ф. 157 — Комиссариатский департамент Морского министерства (1827–1866).

[36] «Провиантским» назывался в период с 1700 по 1845 год трехцветный флаг, поднимавшийся на грузовых судах флота. В 1883 г. он стал государственным флагом России; с 1705 по 1917 г. этот флаг носили торговые суда.

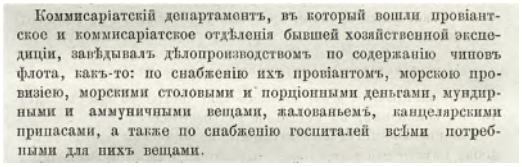


О коммисарѣ.

602. Коммисаръ ведетъ разсчетъ съ артелями о заслуженной командою провизіи, и наблюдаетъ, чтобъ изъ расчетныхъ артельныхъ книгъ всегда было видно количество заслуги.

к походу, запасное обмундирование, денежное жалованье и провиант на весь экипаж.

На Комиссариатский департамент в 1850–1860-е годы возложена была задача снабжения флота: а) провиантом и фуражом; б) морской провизией; в) мундирами и амуницией; г) пароходным топливом; д) госпитальными принадлежностями; е) денежным жалованьем.



Коммисаріатскій департаментъ, въ который вошли провіантское и коммисаріатское отдѣленія бывшей хозяйственной экспедиціи, завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ по содержанію чиновъ флота, какъ-то: по снабженію ихъ провіантомъ, морскою провизіею, морскими столовыми и порціонными деньгами, мундирными и аммуничными вещами, жалованьемъ, канцелярскими припасами, а также по снабженію госпиталей всѣми потребными для нихъ вещами.

Смета Департамента, составлявшая в начале 1850-х годов около 3 миллионов рублей, в 1855 году достигла 8 миллионов[37]…

Директором Комиссариатского департамента Морского министерства был в 1850-х годах статский советник князь ***Дмитрий Александрович Оболенский*** (1822–1881), принадлежавший к так называемой «второй шеренге» либеральной бюрократии — директорам департаментов, товарищам министров, которые были реальными двигателями государственного механизма.

Фамильный герб княжеского рода Оболенских

7 октября 1853 года князь переведен был на службу в Морское министерство на должность директора Департамента[38]. В этом ведомстве князь прослужил десять лет и, благодаря своим отменным административным способностям и энергии, смог с успехом выполнить множество возлагавшихся на него поручений.

Положение дел, входивших в ведение Департамента, какое застал князь Оболенский, вступив в управление им, требовало особенной энергии и заботы. Сообразно с условиями и требованиями времени пришлось проводить множество реорганизаций, немало нужно было употребить труда на изменение основных начал в управлении Департаментом, начиная с коренного изменения уставов. На первых же порах своего служения на новом поприще князю выпало на долю составление «Свода уставов Провиантского и Комиссариатского». Затем — целый ряд командировок, вызванных, главным образом, военными событиями того времени. Кроме того, много усилий пришлось положить и на борьбу со злоупотреблениями, которые имели место в тех или иных подведомственных Департаменту интендантствах…

Именно Морскому министерству, как известно, принадлежал почин последующих административных реформ, и именно в этом ведомстве — по словам

[37] См.: Морской сборник. Т. XXI, 1856. № 5. С. 331, 392.

[38] Список гражданским чинам Морского ведомства. Часть I, первых восьми классов, 1855. С. 45; 1862. С. 14.

одного из мемуаристов — во время князя Оболенского «кипела юная жизнь». Энергичное умелое ведение дела, блестящее выполнение поручений и обстоятельные отчеты по управлению Департаментом неоднократно «обращали на князя Высочайшее монаршее внимание».

В бытность свою директором Комиссариатского департамента князь Дмитрий Александрович помимо отчетов поместил в «Морском Сборнике»[39] следующие статьи: *«Несколько слов по поводу возбужденных вопросов о способах заготовления провианта и фуража для армий и флота»* (1856. Т. XXVI. № 14) и *«Несколько мыслей о способах совершения и исполнения казенных подрядов»* (1860. Т. I. № 12).

Примечательно, что в 1867 году Дмитрий Александрович временно исполнял обязанности Министра финансов Российской империи. Впрочем, министерских портфелей сподобился не один из чиновников этого Департамента.

В 1861 году Директором назначен был статс-секретарь ***Дмитрий Николаевич Набоков*** (1827–1904). Служивший прежде в центральном аппарате Министерства юстиции, в 1855 году он назначен был также исполняющим дела вице-директора Комиссариатского департамента Морского министерства[40]. С сентября 1858 по июль 1859 годов находился в заграничной командировке (в Германии и Франции), где изу-чал экономику, финансы и юриспруденцию. Управляя с 1861 года Комиссариатским департаментом, в июне 1862-го он назначен был также состоять при наместнике Царства Польского Великом князе Константине Николаевиче.

Фамильный герб дворянского рода Набоковых

Будущий Министр финансов ***Империи Самуил Алексеевич Грейг***[41], по окончании военных действий, также занимал должность вице-директора Комиссариатского департамента.

[39] «Морской сборник» — старейший в мире ежемесячный журнал по военно-морской тематике, официальный орган Военно-морского ведомства, издававшийся с марта 1848 г. без перерыва и смены названия. Основан Морским ученым комитетом, который возглавлял известный русский мореплаватель и гидрограф адмирал Федор Петрович Литке.

[40] Список гражданским чинам Морского ведомства. … 1855. С. 144.

[41] Внук русского адмирала английского происхождения, участника Чесменского сражения и победителя шведов при Готланде Самуила Грейга (1736–1788†) — также Самуил Грейг (1827–1887†), поначалу служил в конной гвардии. Позже он был зачислен в состав Морского ведомства, причем в 1864–1866 гг. даже исполнял должность управляющего Морским министерством. В 1866 году С.А. Грейг назначен товарищем (заместителем) Министра финансов; в 1869 году командирован за границу для изучения новейших финансовых учреждений. В 1874 году Грейг стал полным генералом флота и был назначен Государственным контролером. В 1877–1880 годах был Министром финансов. При этом его деловые качества современниками оценивались весьма низко. В 1860-х годах по Петербургу ходила едкая реплика Ф.И. Тютчева, связанная с назначением Грейга на пост товарища Министра финансов: *«Странное дело, конногвардейскому офицеру поручают финансы; публика, конечно, удивлена, но в меру, не особенно сильно; попробуйте же Рейтерна сделать командиром Конногвардейского полка, все с ума сойдут, поднимется такой вопль, как будто Россия потрясена в своих основаниях»* (Александр Второй: Воспоминания. Дневники. — СПб., 1995. С. 410).

Сообразуясь с законами Российской империи, все должностные лица учреждений, заведовавшие сбором, приходом, хранением и распоряжением казенных или общественных капиталов (денег или материалов), обязаны были вести им счет и отдавать отчет «тем, кому вверено наблюдение за движением этих капиталов»[42].

Приведение в систему счетных правил было начато еще в 1823 году в связи с *«крайним неустройством отчетности, отсутствием определенных правил и форм ее и, наконец, медленностью поверки»*. 7 октября 1848 года получил силу закона Свод Счетных уставов, содержавший правила о счетах, счетных книгах и документах, об отчетности, о ревизии счетов, о свидетельстве наличия денежных и материальных капиталов и прочем.

Военное и Морское министерства имели собственные Счетные уставы, размещенные в особых сводах узаконений, относящихся к этим министерствам и подчиненным им частям. В Счетном Уставе Морского министерства указывался, к примеру, образец заполнения отчетных документов:

«Фрегат „Севастополь“. Отчетная ведомость Ревизора NN, в употреблении аванса, полученного на мелочные расходы во внутреннем плавании…

Счет продавца №… Июня 2 и 12 … Куплено в Транзунде мяса и зелени… Руб. 34 коп. 50… Авансовая ведомость №…»[43].

С точки зрения закона нормой была отдача заготовления в подряд с торгов. В Российской империи даже имелось особое Положение о казенных подрядах, многие нормы которого уже плохо согласовывались с деловой практикой середины и второй половины XIX столетия, например проведение «переторжки» (вторичных торгов с установлением окончательной цены) и обязательное предоставление подрядчиком залога.

Существовал в чиновничьем кругу такой порядок, что не израсходованный в частях армии и флота провиант объявлялся «экономическим». Его разрешалось продавать, чтобы другими видами довольствия улучшать питание нижних чинов.

В годы Крымской войны, в осажденном Севастополе, где часто не было ни мяса, ни свежей зелени, несмотря ни на что, «экономический провиант» продолжал появляться в ведомостях и перепродаваться в частные руки, чтобы вновь, по двойной цене, его покупали мошенники для государственного снабжения. Какие суммы при этом липли к нечистым рукам и какие убытки несла казна — об этом завистники говорили с восхищением, а честная молодежь кипела и выкипала, не имея никакой надежды, что большое начальство прекратит грабеж и вернет отнятую у защитников Севастополя пищу…

Адмирал Нахимов[44] приказом объявил: *«Если открыто будет, что экономический провиант продан частному лицу, то с этого лица будет взыскано штрафу по*

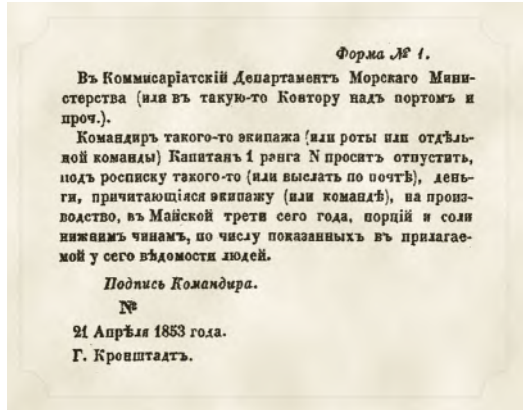
[42] Правила, регулировавшие порядок действий этих лиц и учреждений, заключались в Своде Уставов счетных (Т. VIII. Ч. II. Свод законов. Изд., 1857 г.).

[43] Приложение к ст. 465. // Свод Морских постановлений. Кн. XV. Счетный Устав Морского министерства. — СПб.: Тип. Морского мин. в главном Адмиралтействе, 1887. С. 452–453.

[44] Павел Степанович Нахимов (1802–1855†) — вице-адмирал, командующий эскадрой Черноморского флота, руководитель обороны Севастополя. В 2002 г. было торжественно отмечено 200-летие со дня рождения героя-флотоводца.

1 рублю серебром за каждую четверть; а с частного начальника, допустившего это, будет взыскано и обращено в пользу нижних чинов вдвое за каждую четверть»[45].

Не остановился Нахимов и перед борьбой с хищениями некоего почетного гражданина Диковского, главного поставщика на флот свежего мяса. Вероятно, купец Диковский, по тесной дружбе с верховодами из обер-провиантмейстерской части обер-интенданта Черноморского флота и портов, считал свои доходы незыблемыми. Павел Степанович приказал командирам частей покупать по контрактной цене Диковского свежее мясо или зелень и посылать счета в обер-провиантскую часть для вычетов с не выполняющего договор купца. В какую-нибудь неделю голодный, тощий приварок на линии укреплений и на кораблях сменился достаточно сытной и старательно приготовляемой пищей…



Форма № 1.

Въ Коммисаріатскій Департаментъ Морскаго Министерства (или въ такую-то Контору надъ портомъ и проч.).

Командиръ такого-то экипажа (или роты или отдѣльной команды) Капитанъ 1 ранга N проситъ отпустить, подъ росписку такого-то (или выслать по почтѣ), деньги, причитающіяся экипажу (или командѣ), на производство, въ Майской трети сего года, порцій и соли нижнимъ чинамъ, по числу показанныхъ въ прилагаемой у сего вѣдомости людей.

Подпись Командира.

№

21 Апрѣля 1853 года.

Г. Кронштадтъ.

Формуляр требования (форма №1), использовавшийся до 1855 г.

[45] *Зонин А.И.* Жизнь адмирала Нахимова. — Л.: Советский писатель, 1987. С. 397.

В своей заготовительной деятельности Морское ведомство руководствовалось, в первую очередь, стремлением к экономии казенных средств. Немудрено, что из-за этого «*привлекало поставщиков самого низкого разбора, которые понижали на торгах цены до размеров немыслимых при добросовестном исполнении и, впоследствии, при открытии их злоупотреблений, вовлекали министерство в нескончаемые процессы*»[46].

Строжайший учет и контроль — единственные средства, которыми, по мысли государственных умов, можно было обуздать безудержное казнокрадство.

Не меньшие опасения вызывали возможные махинации с «экономическим» провиантом. В Морском министерстве с целью контроля и предотвращения злоупотреблений предпринята была попытка использовать во внутреннем ведомственном обороте специальные квитанции — билеты в номенклатурах продовольствия, необходимого для экипажей морских судов[47].

Впервые идея использования подобных расчетных средств возникла в царствование императора Николая Павловича, до окончания Крымской войны, по инициативе князя Д.А. Оболенского.

Морским министром был тогда Светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков — правнук петровского выдвиженца.

Флаг управляющего Морским министерством (15.10.1855–31.07.1908)

Октябрь 1853 года — переломный момент в карьере князя Оболенского. Он был переведен в Морское министерство, возглавлял которое Великий князь Константин Николаевич в качестве «Управляющего» министерством.

Россия в то время стояла на пороге войны с Турцией, неожиданно обернувшейся большой войной с Англией и Францией.

[46] Отчет по Морскому ведомству за 1869 год. — СПб., 1870. С. 118.

[47] Об обязанностях комиссариатских частей С.-Петербургского и Кронштадтского портов. // Морской сборник. Т. LXXXIX, 1867. № 4. ... С. 22–23.

Великий князь, которому еще в 4 года было предназначено Николаем I стать во главе Российского флота и дано звание Генерал-адмирала, до этого времени был стеснен авторитетом приставленного к флоту князя А.С. Меншикова. Уже совершеннолетний и честолюбивый Великий князь был связан в своих действия х…

Отправка в начале 1853 года А.С. Меншикова с дипломатическими поручениями из Петербурга развязала Константину Николаевичу руки, а надвигавшаяся война заставляла думать о переменах. Осенью 1853 года, уже осмотревшись и наметив себе некую программу действий, он начал с того, что собрал в Морском министерстве молодые кадры не только моряков, но и гражданских чиновников, с которыми мог советоваться и доверить исполнение поручений и новаций по ведомству.

В 1853 году началась несчастная для России Восточная война. В это время Балтийский парусный флот, — на смену которому вскоре придет паровой, — сослужил последнюю службу Отечеству, принимая участие в защите Кронштадта, Свеаборга, Выборга, Нарвы, Риги и Або…

Фотопортрет Генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича

Великий князь Константин, с самого рождения определенный покойным отцом, императором Николаем Павловичем, к морской службе, писал: *«Мне кажется, что первая обязанность наша должна состоять в том, чтобы отбросить всякое личное славословие и сказать, что наша жизнь должна пройти в скромном… труде… для будущего… Посему не о морских победах… следует думать, не о создании вдруг большого числа судов, но о том, чтобы беспрерывными плаваниями небольшого числа хороших судов приготовить целое поколение будущих опытных и страстных моряков».* Генерал-адмирал видел главную задачу в том, чтобы возродить флот духовно, *«создать ту атмосферу, то благожелательное отношение… к мыслям подчиненных, при котором могли с наибольшей пользой найти применение духовные силы личного состава…»*

В 1855–1857 годах, когда страна под влиянием поражения в Крымской войне жила в ожидании грядущих перемен, Морское ведомство первым показало готовность правительства к реформам. О Морском министерстве заговорили, его официальный орган «Морской сборник» читали наряду с литературными журналами, а один из приказов главы флота Генерал-адмирала ходил по рукам в рукописных списках…

Но вспышка общественного интереса вскоре угасла, так как на очередь встали более важные вопросы, чем смелые действия Морского министерства. Деятельность же Министерства продолжалась и вылилась в целый ряд смелых морских реформ. Однако, несмотря на то что они опережали аналогичные преобразования в армии, на фоне более масштабных военных реформ их почти не замечали современники.

Морское ведомство опережало не только Военное министерство в своих прогрессивных начинаниях, но вообще стало первым государственным учреждением, которое заявило о необходимости преобразований и приступило к их осуществлению. В течение нескольких лет оно было единственным ведомством, которое с большой гласностью готовило и проводило реформы, и неслучайно современники называли его «министерством прогресса».

Малый герб Е.И. Выс. Генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича

Популярность Морского ведомства объяснялась не только смелой критикой собственных недостатков и демонстрацией кипучей деятельности по их устранению, но и широтой начинаний. Первые шаги к некоторым из «великих реформ» делались в стенах Адмиралтейства.

Чиновники с либеральными взглядами и стремлениями в эту эпоху были не редкостью и в высших государственных учреждениях[48]. Вокруг Великого князя Константина Николаевича в середине 1850-х годов сгруппировались молодые чиновники, которых в обществе называли «константиновцами»…

Морское министерство в том виде, в котором оно было сформировано с 1836 года, — с его чрезмерной централизацией, медлительностью и запутанностью управления, — настоятельно требовало преобразований. Проект общего реформирования Морского ведомства, наряду с другими важными целями, предусматривал также *«ввести разные **частные улучшения и упрощения**, упразднением разных учреждений, которыми только усложнялся и замедлялся ход дел»*[49].

Одним из таких «частных улучшений и упрощений» и было предложенное директором Комиссариатского департамента нововведение.

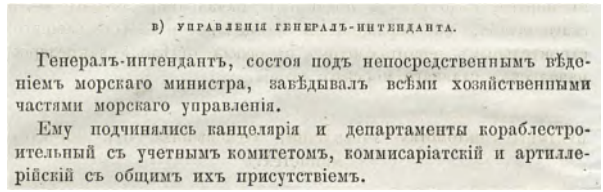
В своем ежегодном отчете за 1854 год директор Комиссариатского департамента Д.А. Оболенский, который «за полезную и ревностную службу по Морскому Министерству» произведен был в статские советники[50], писал:

[48] См.: *Ковалевский П.М.* Власти предержащие. В Главном Адмиралтействе. // «Русская старина». Т. CXXXVII, 1909. № 1; *Мамантов Н.Н.* При шести министрах. // Вестник имп. общества ревнителей истории. Вып. 3. — Пг., 1917.

[49] Историческое обозрение устройства управления Морским ведомством в России. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1869. С. 244.

[50] Статский советник — гражданский (статский) чин V класса по Табели о рангах. Соответствовал должностям вице-директоров департаментов, вице-губернаторов, председателей казенных палат и чинам бригадира армии и капитан-командора флота. К чину применялся общий титул «Ваше высокородие».

«Необыкновенно продолжительная кампания прошедшего года[51] *обнаружила ясно все недостатки существующего порядка **отчетности** командиров и все затруднения, с которыми сопряжено точное соблюдение всех предписан-*



в) управленія генералъ-интенданта.

Генералъ-интендантъ, состоя подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ морскаго министра, завѣдывалъ всѣми хозяйственными частями морскаго управленія.

Ему подчинялись канцелярія и департаменты кораблестроительный съ учетнымъ комитетомъ, коммисаріатскій и артиллерійскій съ общимъ ихъ присутствіемъ.

Флаг генерал-интенданта, в ведении которого до 1855 г. состоял Комиссариатский департамент

*ных форм оной. В видах улучшения сей важной части составлен уже Департаментом проект **совершенно нового устройства отчетности** по расходу морской провизии*[52]*, и проект этот, ежели будет утвержден высшим начальством, будет приведен в исполнение в кампанию нынешнего года»*[53].

Уже в январе 1855 года 4-й стол бухгалтерии Комиссариатского департамента Морского министерства подготовил Положение **«о билетах для требования и отпуска морской провизии»**[54].

[51] Кампания — этим французским словом (фр. *campagne*) называли не только боевые операции и военные действия на одном театре, но именовали также в старом военном флоте ежегодный период непрерывного плавания. Продолжительность кампаний была напрямую связана со временем навигации (лат. *navigatio* от *navigo* «плыву на судне») — то есть периодом времени в году, когда по климатическим условиям возможно было судоходство.

[52] Князь Д.А. Оболенский (судя по его дневниковым записям) весьма уважительно относился к Наполеону III и чрезвычайно высоко оценивал французский опыт. Не исключено, что идея введения на русском флоте «провизионных билетов» была скопирована с практики французского военного флота, где использовались подобные документы.

[53] Извлечение из отчета Директора Комиссариатского департамента Морского министерства, статского советника князя Оболенского за 1854 год. // Морской сборник. Т. XIV, 1855. № 2. С. 244–245.

[54] О составлении положения о билетах для требования и отпуска морской провизии и об отчетности в ней. // РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1208, 1209.

Тогда же, в начале 1855 года, князь Оболенский записал в личном дневнике: *«Сохрани Бог от каких-нибудь неудач в Крыму или в другом месте. Надежды на лучшее в будущем как-то начинают остывать во многих…»*[55]

19 февраля 1855 года неожиданно умер император Николай Павлович. Как настоящий солдат, несмотря на тяжелую простуду, он продолжал работать по восемнадцать часов в сутки. Когда лейб-медик пытался сказать ему о недопустимости подобного поведения, император ответил ему: *«Ты свой долг выполнил, позволь же и мне выполнить мой долг!»*. Через две недели он скончался.

Перед смертью он полностью разочаровался в своих австрийских «союзниках»[56], убедился в коварстве британцев и французов. Весь его мир, та Россия, которую он строил в течение тридцати лет своего царствования, была погребена под руинами Севастополя. Умирая, император Николай I сказал своему сыну: *«Сдаю тебе мою команду, к сожалению, не в том порядке, как желал!»*…

На престол вступил Александр II — новый глава государства должен был прямо с ходу решить задачу огромной сложности — не проиграть войну, которая уже давно шла совсем не по нашему сценарию. В варианте «союзников» в конце этого военного спектакля Россия должна была потерпеть сокрушительное поражение…

Падение Севастополя автоматически решило и участь всей кампании. Война плавно переросла в перемирие, а затем в январе 1856 года в Париже начались переговоры, завершившиеся подписанием позорного для нас мирного договора[57]. Под предлогом «демилитаризации» Черного моря России запрещалось иметь здесь военно-морской флот, строить крепости и военно-морские базы.

Парижский мирный договор зафиксировал поражение России на бумаге. Однако не все было так однозначно, и война вовсе не была для нашей страны безвозвратно проиграна. Боевые действия велись в Крыму и на Кавказе, которые являлись далекой периферией, ни один важный жизненный центр нашей страны даже близко не подвергался военной опасности. Страшный призрак наполеоновской армии довлел не только над французами, но и над британцами. Именно поэтому все боевые действия в ту войну велись на далеких русских окраинах, и никто из союзников не решился на движение вглубь этой «страшной» страны. Кабальный Парижский договор был подписан нами весьма поспешно. Однако судить и размышлять по прошествии столетий очень просто, гораздо сложнее

[55] Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского, 1855–1879. — СПб., 2005. С. 63.

[56] В вековом военном конфликте между Россией и Турцией союзником Российской империи была Габсбургская монархия, в состав которой, по обоюдному согласию царствующих дворов, в свое время был включен ряд освобожденных от турок славянских территорий. По существу, между двумя христианскими империями: Российской и Австро-Венгерской, были определены исторически сложившиеся сферы влияния, для России — это Северное Причерноморье и Крым, для Австро-Венгрии — Балканы с ее славянским населением.

[57] 19 марта 1856 г. опубликован был Манифест «О прекращении войны с Франциею, Англиею и Оттоманскою Портою».

принимать решения, находясь в самой гуще событий. Император Александр II Парижский мирный договор подписал, считая, что иного выхода у него нет. Но отдадим ему должное — сразу после того как на этом документе высохли чернила, он повел борьбу за его ликвидацию…

Прежде всего, предстояло быстро решить ряд внутриполитических задач. Новый император взял курс на проведение ряда реформ. Решением внешнеполитических задач по поручению императора занялся Министр иностранных дел князь А.М. Горчаков[58].

Вскоре после своего назначения он направил российским дипломатическим представителям депешу, в которой были изложены основы внешней политики России на ближайшее время. Их смысл сводился к тому, что Россия на некоторое время воздерживается от активного участия в европейских делах, собираясь с силами после понесенных потерь. Одна из фраз депеши Горчакова стала знаменитой: ***«Говорят, Россия сердится. Нет, Россия не сердится, она сосредотачивается»***[59].

Перед новым государем и его сподвижниками во весь рост встала задача модернизации буквально всех отраслей в стране. Одной из главных забот «сосредотачивающейся России» стало поддержание боеспособности нового, современного флота…

[58] «Железный канцлер» Александр Михайлович Горчаков (1798–1883†) до сих пор числится среди героев «русского национального сопротивления». Светлейший князь Александр Михайлович, который более четверти века руководил внешнеполитическим направлением крупнейшей империи мира, ушел из жизни 27 марта 1883 г. — последним из его 29 однокашников по Царскосельскому лицею 1-го выпуска.

[59] Из депеши, разосланной главой МИДа посольствам и миссиям 21 августа (2 сентября) 1856 г.

«Частное преобразование» князя Оболенского

В известной записке «Дума русского во второй половине 1855 года» ее автор, будущий Министр внутренних дел граф П.А. Валуев[60], подвергнув уничтожающей критике бюрократический аппарат николаевских времен, указывал и на одинокий оазис в мертвой пустыне бездушного формализма:

«Одно Морское министерство ныне руководствуется другими правилами и не обнаруживает, подобно другим ведомствам, беспредельного равнодушия ко всему, что думает, чувствует или знает Россия. Оно показало при составлении морского устава, каким порядком надлежит обсуживать проекты законов, и в „Морском сборнике“ подает пример, как надлежит понимать цензуру. … Могло ли бы все это быть сделано, если бы судьбами Морского министерства ныне не правила твердая рука генерал-адмирала, носящего титул императорского высочества?»[61]…

Адмиралтейская площадь. Главное Адмиралтейство и Зимний дворец

[60] Граф Петр Александрович Валуев (1815–1890†) — российский государственный деятель, писатель. Министр внутренних дел (1861–1868 гг.), разработчик земской реформы 1864 г., председатель Комитета министров (с 1879 г.). Написал несколько романов. Большой интерес для историков представляют его дневники.

[61] «Русская старина». Т. XXIX, 1893. № 9. С. 513.

Длинное подслеповатое здание с классическими колоннами и портиком, с башней и золоченой иглой, на вершине которой корабль распустил свои паруса и поворачивает нос всем дующим в Петербурге ветрам, — словом, Главное Адмиралтейство, окруженное зеленым садом, в николаевские времена терялось посреди булыжной Адмиралтейской площади. Кораблей в Адмиралтействе и тогда уже не строилось и не было. Скрипел и тогда один лишь вертящийся золоченый кораблик на вызолоченной игле…

Старейшая панорама С.-Петербурга, сделанная неизвестным фотографом в 1861 г. с башни Адмиралтейства. Вид на стрелку Васильевского острова, южный пакгауз Биржи и Биржевую площадь с Ростральными колоннами, Петропавловскую крепость и наплавной мост у Зимнего дворца. На первом плане фото виден каменный постамент с «вестовой» пушкой во внутреннем дворе Адмиралтейства

В просторном Адмиралтействе заседали адмиралы и управляли различными департаментами, которые готовили бумаги для их подписи...

Предложение князя Д.А. Оболенского, как и следовало ожидать, нашло отклик у флотского начальства — 14 марта Инспекторским департаментом Морского министерства было разослано циркулярное предписание *«об испытании нового порядка отпуска на суда Балтийского флота провизии и отчетности по расходу оной в кампанию 1855 года»*[62]*:*

[62] Хронологический указатель морских постановлений за время с 1700 по 1875 г., с объяснениями кодификационного управления Морского министерства. — СПб.: Тип. Мор. мин., 1876. С. 598.

«С-Петербург

14 марта, 1855

Адмиралтейств-Совет, одобрив предложенный Директором Комиссариатского (в тексте — *Коммисаріатскаго.* — О.П.) департамента Морского министерства новый порядок отпуска на суда Балтийского флота провизии и ведения отчетности по расходу оной, согласно с сим, положил:

Первое: а) Командирам судов, назначенных к вооружению, выдавать из Комиссариатского департамента Морского министерства, вместо приходо-расходных для провизии книг, введенных по журналу Адмиралтейств-Совета 21 Февраля 1838 г., № 243, билеты, по особой форме, на получение из казенных магазинов провизии в том количестве, которое на штатное число вверенных им команд, по положению на все время плавания, причитаться будет.

б) При получении из магазинов провизии предоставить командирам судов выдавать кригс-комиссарам[63] билет на то лишь количество провизии, которое потребуется к приему.

в) Независимо от сего, снабдить каждого судового командира особой книжкой, по утвержденной форме, для ведения общего счета ежедневных наличных порций; причем обязать судовых командиров, в случае производства на судах в течение кампании провизии, по каким либо случаям, в двойных порциях, в означенной книжке прилагать особые акты в удостоверение действительности выдач таковых порций.

г) По окончании кампании командиры должны представлять оставшуюся у них провизию обратно в магазины и взамен оной получать от кригс-комиссара билеты на все количество возвращаемой таким образом провизии; также точно должна быть возвращаема в магазины и провизия, которая оказалась бы негодною; ежели бы таковая провизия, по обстоятельствам, не терпящим отлагательства, была выброшена в море, — то составляемый по сему случаю акт должен быть представлен в Комиссариатский департамент, которому поставляется в обязанность на получение, взамен выброшенной свежей провизии, выдавать командиру судна, представившему означенный акт, новый билет.

д) По окончании кампании командиры судов обязаны возвращать в Комиссариатский департамент все оставшиеся у них не израсходованные билеты, а также книжку, по которой в течение кампании велся расход наличного числа порций; вследствие чего департамент проверяет наличие билетов с числом выданных порций и остатком провизии от некомплекта чинов, а за тем делает распоряжение об отпуске командиру за оказавшуюся экономию в провизии, для удовлетворения команды за заслугу, по расчету деньгами; после чего от командира судна в израсходованной морской провизии — никакого более отчета уже не требовать.

[63] Приказом начальника Главного морского штаба от 26 июля 1835 г. было введено в действие Положение «Об управлении Кригс-Комиссаров в портах, Балтийскому ведомству принадлежащих» (ПСЗРИ. Т. X, 1835. № 8338. С. 855–869). Для заведования комиссариатскими и провиантскими запасами в каждом порту было учреждено Управление кригс-комиссаров, отвечавших за правильную приемку, хранение, учет и распределение различных припасов и материалов для флота. Позднее, приказом от 19 февраля 1860 г., должности кригс-комиссаров в портах были упразднены, а вместо них введены Комиссариатские части. В обязанности начальников комиссариатской части входили заведование всеми денежными суммами, вещевыми, продовольственными, топливными и прочими припасами и материалами в порту, а также правильное снабжение ими судов, команд, мастерских и учреждений.

е) В Кригс-комиссарском управлении отчетность по сей провизии вести в выданной из Комиссариатского департамента книге, по особо установленной форме, не показывая в графе расхода, кому именно произведен отпуск; билеты же, полученные за выданную провизию, по сортам оной, хранить как денежные документы в ящике; и затем о наличии как билетов, так и провизии, общий итог коих должен равняться количеству заготовленной провизии в магазине, кригс-комиссар обязан доносить ежемесячно, Комиссариатскому департаменту.

ж) Для предупреждения затруднений при отпуске провизии в посуде, — где почти невозможно производить расчет круглым числом на пуды, — снабжать кригс-комиссаров особыми фунтовыми билетами[64], которыми они могли бы сравнивать разность.

з) Кригс-комиссар, при годовом свидетельстве магазинов, — должен предъявить к учету билеты, которые по окончании свидетельства, поступив в Комиссариатский департамент и будучи здесь окончательно поверены в контроле, уничтожаются сим департаментом; чем уже и должна быть заканчиваема вся отчетность по расходу морской провизии.

и) Провизионные билеты делать так, чтобы не было возможности их подделывать, и для каждого сорта провизии иметь особые билеты и особого цвета, которые, для удобства размена, разделить на *четыре* сорта, именно: билеты на *один* пуд, на *пять* пуд., на *десять* пуд., и на *сто* пуд. и чтобы билеты сии имели разные форматы и другие видимые отличия.

і) Провизионные билеты действительны в течение одной только кампании, и по оным можно получать провизию во всех портах Балтийского моря.

к) При отпуске билетов предоставить Комиссариатскому департаменту на каждый из них класть особый штемпель, без которого считать билет не действительным.

л) В Комиссариатском департаменте вести особую книгу для записывания расхода вышеозначенных билетов, с подробным обозначением, кому именно таковые выданы.

Второе. Вышеизложенный порядок отчетности по расходу морской провизии, не распространяя его на суда, назначаемый в заграничное плавание, ввести в действие в балтийском Морском ведомстве, в виде опыта, — на одну лишь кампанию текущего 1855 года, и о результатах сего опыта донести своевременно Адмиралтейств-Совету»[65].

[64] *«Единицею Российского веса есть фунт (делимый на 32 лота, 96 золотников, или 9216 долей, которых в золотнике содержится 96). По новейшим исследованиям, фунт сей равняется 63181/2 Английским гранам, или 409,5881 Французским граммам. Сказанный фунт в России употребляется без различия для всех товаров и металлов. Только в Аптекарском деле принят фунт Ниремберг-ский (*т.е. Нюрнбергский*) … равный 358,4457 Французским граммам. Большие весы суть: пуд в 40 фунтов, и берковец в 10 пудов, или 400 фунтов»* (Сравнительные таблицы всех известных монет, весов и мер, приведенных к монетам, весам и мерам российским, новым французским и польским. — СПб.: Тип. Карла Крайя, 1834. С. 4–5).

[65] Собрание законов и постановлений, до части морского управления относящихся. (СЗПМУ), 1855-й год. Кн. I. — СПб.: Тип. Мор. мин., 1855. № 40. С. 116–119; Морской сборник. Т. XVI, 1855. № 5. С. LXXIV–LXXVI.

Дальнейшее обращение и учет «провизионных билетов» осуществлялись в соответствии с постановлениями Адмиралтейств-Совета от 25 февраля 1855 года, 9 марта 1856 года и 24 марта 1859 года[66]

Новая система, введенная в качестве эксперимента, понемногу совершенствовалась, учитывая недоработки. Летом Инспекторским департаментом были опубликованы «для сведения и руководства» по Морскому ведомству дополнительные правила:

> С-Петербург; 30-го Июня, 1855
> …
> *Дополнительные правила о порядке требования командирами судов морской провизии и ведения отчетности по расходу оной.*
> …
> 2) Все припасы, на которые не отпущено билетов, как-то: свежее мясо, печеный хлеб, квашеную капусту, зелень и сбитенные припасы, требовать от Кригс-Комиссаров по письменным билетам Гг. командиров[67]. Кригс-Комиссары по сим требованиям выдают приемщику те припасы, которые имеются в магазинах, а именно: печеный хлеб, квашеную капусту и сбитенные припасы; самые же требования командиров тотчас, по окончании кампании, представляют к отчету в Комиссариатский департамент, который при расчете о расходе сухарей принимает в соображение количество принятого на судно печеного хлеба.
>
> На требованиях же Гг. командиров (с приложением их печати) о свежем мясе и зелени делают надлежащую отметку об отпуске сего количества подрядчиком прямо на суда, и требования сии по получении мяса, приемщик отдает подрядчику, который по представлению таковых письменных билетов, или требований, взамен оных получает от Кригс-Комиссаров установленную квитанцию; самые же билеты по окончании кампании представляются Кригс-Комиссаром в Комиссариатский департамент, который их поверяет по числу порций на каждом судне.
>
> *Примечание*. Так как свежее мясо и зелень принимаются на суда небольшими количествами почти ежедневно, то дабы не посылать каждый раз к Кригс-Комиссару, дозволяется командирам требовать от Кригс-Комиссара большее против потребности количество, например 100 пуд. Кригс-Комиссар делает на требовании надлежащую отметку об отпуске, и приемщик, оставляя эту ассигновку у подрядчика, принимает десять раз по 10 пуд., являясь уже прямо к подрядчику с билетом от командира, подпись и печать которого уже известны подрядчику по хранящейся у него отметке»[68].

[66] С 1836 г. Адмиралтейств-Совет ведал хозяйственной деятельностью флота, имея права и власть министра. Совету непосредственно подчинялись состоявшие в ведении генерал-интенданта департаменты (в т.ч. и Комиссариатский). В ходе преобразования Морского министерства после Крымской войны права и обязанности Адмиралтейств-Совета с 1860 г. были значительно расширены, но он был лишен распорядительных функций.

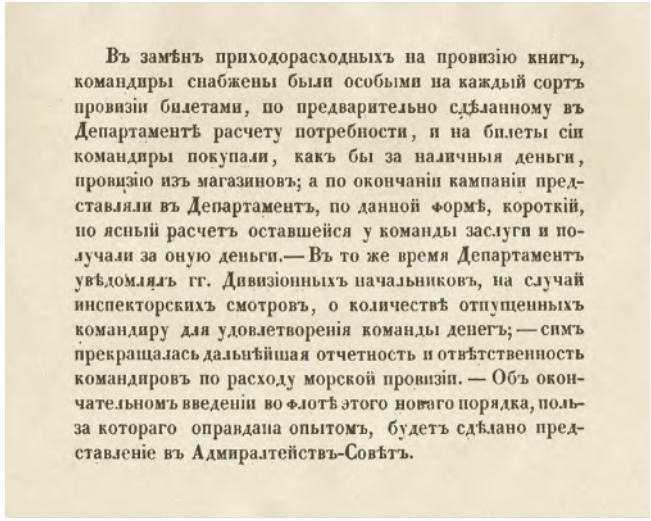
[67] Ни одного подобного рукописного билета (как, впрочем, и отпечатанных типографским способом провизионных билетов ранних выпусков) сохранившегося ныне не известно. Вполне вероятно, что *«письменные билеты-требования гг. командиров с приложением их печати»*, использовавшиеся в 1855 г. для получения некоторых сортов провизии, по форме были весьма схожи с рукописными «билетами на вино» 1858–1861 гг. (о которых ниже мы поговорим подробнее). Однако между этими рукописными требованиями была существенная и принципиальная разница — если первые служили своего рода платежным суррогатом, по которому получали припасы в плавание из ведомственных складов и от поставщиков, то вторые были лишь документом, свидетельствующим (на суше, где винная выдача не полагалась) в конторе винного откупа право на приобретение товара со «скидкой» до казенной цены.

[68] Морской сборник. Т. XVII, 1855. № 8. С. LX–LXII.

Ежегодные отчеты о деятельности Департамента публиковались в официальном отделе печатного органа Морского министерства — журнала «Морской сборник».

Его Высокородие, статский советник князь Дмитрий Александрович Оболенский в отчете о деятельности вверенного ему Департамента за 1855 год писал:

«Морскою провизиею довольствовались нижние чины Морского ведомства, как на судах, так и на береговых укреплениях, в мере, Регламентом определенной. Отпуск морской провизии из магазинов[69] *в команды в С.-Петербургском, Кронштадтском и Свеаборгском портах,производился на основании одобренного Адмиралтейств-Советом, в виде опыта, порядка, по билетам, выданным из Комиссариатского Департамента*[70]*; в других же портах провизия отпускалась на суда и в команды прежним порядком»*[71].



Въ замѣнъ приходорасходныхъ на провизію книгъ, командиры снабжены были особыми на каждый сортъ провизіи билетами, по предварительно сдѣланному въ Департаментѣ расчету потребности, и на билеты сіи командиры покупали, какъ бы за наличныя деньги, провизію изъ магазиновъ; а по окончаніи кампаніи представляли въ Департаментъ, по данной формѣ, короткій, но ясный расчетъ оставшейся у команды заслуги и получали за оную деньги.— Въ то же время Департаментъ увѣдомлялъ гг. Дивизіонныхъ начальниковъ, на случай инспекторскихъ смотровъ, о количествѣ отпущенныхъ командиру для удовлетворенія команды денегъ; — симъ прекращалась дальнѣйшая отчетность и отвѣтственность командировъ по расходу морской провизіи. — Объ окончательномъ введеніи во флотѣ этого новаго порядка, пользуясь которагo оправдана опытомъ, будетъ сдѣлано представленіе въ Адмиралтействъ-Совѣтъ.

[69] Заимствованное из французского языка *magasin* («амбар», «товарный склад», «кладовая») имело в то время несколько иное значение. *«Магазин — зданье или помещенье для складки и хранения каких либо запасов. // Лавка, склад для продажи, особ. лавка в жилом доме, не в рядах. — хлебный, житница; вообще складочный, амбар, товарник, склад. ...Магазинщик — владелец, содержатель, смотритель магазина. Магазинвахтер — смотритель казенного магазина, из нижних чинов»* (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. — СПб-М., 1881. Т. 2. С. 287.

[70] Одновременно с выпуском «провизионных билетов» в 1855 г. введены были также специальные билеты на получение топлива — для сведения Балтийского флота опубликованы были *«правила для руководства при употреблении особенных книг с билетами: требований об отпуске, и квитанций, выдаваемых при получении каменного угля»* (Морской сборник. Т. XVI, 1855. № 5. С. LXXIX–LXXX). На сегодняшний день не известно ни одного сохранившегося подобного документа.

[71] Извлечение из отчета директора Комиссариатского департамента Морского министерства статского советника Князя Оболенского за 1855 год. // Морской сборник. Т. XXI, 1856. № 5. С. 344.

Выдачи провизионных билетов в кампаниях разных годов

В тяжелый военный год, когда введены были кризисные ограничения на размен денег внутри России, Комиссариатским департаментом впервые выдавались командирам судов в балтийских портах новые «билеты» Морского министерства.

За время кампании этого года было выдано **«провизионных билетов»** на получение:

Вина	58 951	ведро	70	чарок
Уксуса	8 802	ведра	26½	чарки
Масла коровьего	30 970	пудов	13	фунтов
Сухарей ржаных	234 721	пуд	16	фунтов
Гороху	51 095	пудов	10	фунтов
Круп	78 063	пуда	19	фунтов
Соли	7 759	пудов	16	фунтов
Мяса соленого, с зачетом свежего	48 617	пудов	19	фунтов

Всего же было выдано (по заготовительным ценам на 1855 год) билетов на общую сумму в 766 469 рублей 22 ¼ копейки.

В конце 1855 года на С.-Петербургской бирже курс серебряного рубля составлял 35⅝ пенса (т.е. 2 шилл. 11⅝ пенса) на Лондон; 369 сантимов (т.е. 3,69 франка) на Париж; 175 центов (1 гульден 75 центов) на Амстердам[72]

[72] Вексельные и денежные курсы. // Коммерческая газета. — СПб.: Тип. Деп. Внешней торговли, 10 декабря 1855 г., № 145. С. 580.

«По мере поступления отчетов о расходе провизии во время кампании, делалась оным в Комиссариатском департаменте поверка контрольным порядком и вслед за тем, по распоряжению сего Департамента, за провизию, неупотребленную нижними чинами во время кампании, унтер-офицерам за полупорции, за солод ячный и не питое вино, и за провизию, на денщиков офицерам причитавшуюся, назначались в отпуск деньги как из казначейства сего Департамента, так и из портовых казначейств Кронштадтского и Свеаборгского, смотря по тому, где суда зимовать остались. Всего поступило и поверено отчетов 125»[73].

Как мы помним, в официальной переписке новые билеты именовались ***«провизионными»***[74], то есть предназначенными для получения морской *провизии*[75].

[73] Извлечение из отчета директора Комиссариатского департамента... // Морской сборник. Т. XXI, 1856. №5. С. 345.

[74] «Провизионные билеты» — именно так именовались эти платежные документы в официальной переписке (РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1868. Л. 4). Стоит иметь в виду, что более полувека спустя этот термин — «провизионные билеты» вновь стал использоваться в России, существенно поменяв первоначальное значение. В 1921 г., когда власти предпринимали меры по упорядочению легального мешочничества, были утверждены новые правила о бесплатном проезде и провозе багажа по железным дорогам РСФСР, который предоставлялся рабочим и служащим НКПС и членам их семейств. Для бесплатного проезда устанавливались наряду с *годовыми, временными, сезонными* (пригородными), *консультационными* (для поездок на консультацию к врачам), *билетами-карточками* (на определенное число поездок), *разовыми* также и особые ***провизионные именные билеты***, дававшие право рабочим и служащим с членами их семей на бесплатный проезд по дороге служения для покупки провизии. Провоз продуктов допускался на общих условиях, установленных для прочих пассажиров.

[75] Провизия (от лат. *provisionem* — «предусмотрительность, заботливость») — пищевые продукты, съестные припасы. Заимствовано через польское *prowizja* — «съестные припасы» или, скорее, немецкое *Provision* — «провиант».

МОРСКАГО.

Его Императорское Высочество Генералъ-Адмиралъ, Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Управляющій Министерствомъ Вице-Адмиралъ Баронъ Фердинандъ Петровичъ Врангель.

Адмиралтействъ-Совѣтъ.

Предсѣд., Его Императорское Высочество Генералъ-Адмиралъ, Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Члены:

Адмиралы: Степанъ Петровичъ Хрущовъ.
— — Морицъ Борисовичъ Берхъ.
— — Лука Ѳедоровичъ Богдановичъ.
Генералъ отъ Артил. Дмитрій Павловичъ Примо.
Вице-Адмир.: Михайлъ Николаевичъ Кумани.
— — Николай Глѣбовичъ Казнакъ.
— — Ѳедоръ Афанасьевичъ Юрьевъ.
— — Михаилъ Николаевичъ Станюковичъ.
— — Николай Петровичъ Епанчинъ 1-й.
— — Петръ Алексѣевичъ Карауловъ 1-й.
— — Захарій Захарьевичъ Балкъ.
— — Дмитрій Петровичъ Замыцкій.
Т. С. Андрей Андреевичъ Жандръ.

Конечно, более уместным виделось бы название ***«провиантские»***[76], но дело в том, что по тогдашней терминологии Комиссариатского ведомства понятия «провиант» и «провизия» несколько различались: под «сухопутным провиантом» подразумевались, в первую очередь, мука и фуражный овес, а под «морскою провизией» — остальные припасы, которыми снабжались экипажи судов в плавании.

Подводя итоги работы Департамента за 1855 год (в который, кстати говоря, по приказу Его Императорского Высочества генерал-адмирала всем гражданским чинам Морского ведомства предписано было носить усы[77]), князь Дмитрий Александрович Оболенский указывал: *«Комиссариатский департамент, имея в виду неоднократно выраженное высшим морским начальством желание устроить хозяйственную часть флота так, чтобы Г.г. экипажные командиры сколь возможно менее отвлечены были ею от главных и важнейших своих занятий, постоянно стремился к достижению сей цели сокращением излишней отчетности, упрощением форм и другими косвенными способами.*

[76] В середине 1860-х гг., в условиях разменного кризиса и недостатка мелких денег, Военным ведомством Империи рассматривался вопрос выпуска особых «провиантских марок». Для расплаты с деревенскими обывателями, у которых квартируют нижние чины, предлагалось выпускать ежегодно от Государственного банка особые марки наподобие почтовых ценою в 1, 2, 5, 10 и т.д. порций, которые соответствовали бы 2 ¾, 5 ½ и т.д. копейкам и принимались бы от обывателей в уплату земских и государственных повинностей.

[77] Надо заметить, что со времен знаменитого «резания бород» Петром I в декабре 1699 г. форма растительности на лице мужчин приобрела явный политический подтекст. Более того, это регулировалось законодательно. Перечень законов, регламентирующих мужские прически, был весьма внушителен.

Кронштадтский рейд с кораблями вечером, 1855 г. Полотно А.П. Боголюбова

...В кампанию 1855 года введен был, в виде опыта, совершенно новый порядок отпуска и отчетности по расходу морской провизии. — Этот порядок, по единогласному письменному отзыву Г.г. командиров, оказавшийся вполне удобным и полезным, состоял в следующем:

*Взамен приходо-расходных на провизию книг, командиры снабжены были **особыми на каждый сорт провизии билетами** по предварительно сделанному в Департаменте расчету потребности, и на билеты сии командиры покупали, как бы за наличные деньги, провизию из магазинов; а по окончании кампании представляли в Департамент, по данной форме, короткий, но ясный расчет оставшейся у команды заслуги и получали за оную деньги. ...Сим прекращалась дальнейшая отчетность и ответственность командиров по расходу морской провизии. — Об окончательном введении во флоте этого нового порядка, польза которого оправдана опытом, будет сделано представление в Адмиралтейств-Совет»*[78].

[78]Извлечение из отчета директора Комиссариатского департамента... // Морской сборник. Т. XXI, 1856. № 5. С. 381, 387.

Коммисаріатскій.

Директоръ, С. С. Князь Дмитрій Александровичъ Оболенскій.

Вице-Директоръ, испр. долж., К. С. Дмитрій Николаевичъ Набоковъ.

Испр. должн. Правит. Канц., К. А. Дмитрій Александровичъ Поливановъ.

Начальники Отдѣленій:

Испр. долж. Н. С. Баронъ Эдуардъ Рудольфовичъ Штейгеръ.

— — К. А. Николай Петровичъ Храбростинъ.

К. А. Александръ Ивановичъ Налсанскій.

Как видно из дальнейшего, провизионные билеты 8-ми первоначальных номенклатур продолжали использоваться и впредь: в марте следующего года вышел циркуляр *«О порядке отпуска и приема на суда провизии в продолжение кампании 1856 года»*[79]. Адмиралтейств-Совет — высшее учреждение Морского министерства по хозяйственной части, руководившее департаментами[80], — утвердил новые правила[81].

В состав возглавлявшегося князем Оболенским Департамента входили Канцелярия и 3 Отделения (1-е, 2-е и Счетное отделения КДММ) во главе с начальниками, при которых состояли секретари и столоначальники. Последние возглавляли «столы» — структурные части отделений. На каждом уровне имелось также по несколько канцелярских служащих для письмоводства.

Вопросами выпуска провизионных билетов, как видно из архивных документов, занимался в основном 4-й стол Счетного отделения КДММ.

Die Gaben werden in Schnurbücher eingetragen und in das Commissariat-Departement des Marine-Ministeriums geschickt, den Gebern werden auf ihren Wunsch Quittungen ausgehändigt, außerdem wird die Veröffentlichung in den Zeitungen laut Verfügung des genannten Commissariat-Departements erfolgen. (Pol.-Ztg.)

Объявление в Либавской газете: «Die Gaben werden in Schnurbücher eingetragen und in das Commissariat-Departement des Marine-Ministeriums geschickt, den Gebern werden auf ihren Wunsch Quittungen aus gehändigt, außerdem wird die Veröffentlichung in den Zeitungen laut Verfügung des genannten Commissariat-Departements erfolgen»[82]

[79]Хронологический указатель морских постановлений за время с 1700 по 1875 г., с объяснениями кодификационного управления Морского министерства. — СПб., 1876. С. 637, №80.

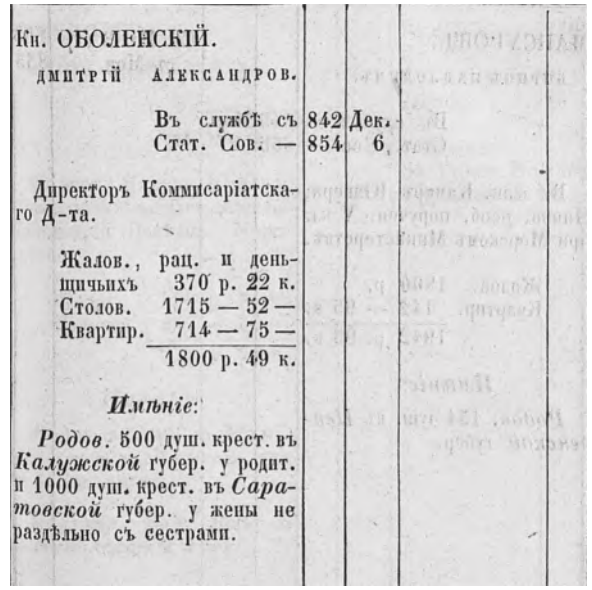
[80] Адмиралтейств-Совет — совещательный орган морского министра, учрежденный 24 августа 1827 г. вместо Адмиралтейств-коллегии. С 1836 г. — высшее учреждение по хозяйственной части флота: Совету непосредственно подчинялись состоявшие в ведении генерал-интенданта департаменты.

[81] Журнал Адмиралтейств-Совета от 24 марта 1859 г., Ст. 21 5099.

[82] Bekanntmachung. // Libausches Wochenblatt, 4.06.1855. Nr. 44. S. 2.

«Настал 1856 год. Россия выдержала страшную борьбу, но ассигнаций возросло в обращении до 700 миллионов, и на денежном рынке чувствовалось кое-какое замешательство. Правительство задумало после войны ряд реформ; реформы всегда стоят денег, а такие, которые глубоко затрагивают народную жизнь, и обходятся очень дорого. Сделалось ясно, что финансовый вопрос выступает на первый план…»[83]

Высочайшим Манифестом, данным в день 19 марта 1856 года, Всеавгустейший монарх объявил всенародно о прекращении войны с Францией, Англией и Оттоманской Портой.



Кн. ОБОЛЕНСКІЙ.
ДМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВ.

Въ службѣ съ 842 Дек.
Стат. Сов. — 854 6

Директоръ Коммисаріатскаго Д-та.

Жалов., рац. и деньщичьихъ 370 р. 22 к.
Столов. 1715 — 52 —
Квартир. 714 — 75 —
1800 р. 49 к.

Имѣніе:

Родов. 500 душ. крест. въ *Калужской* губер. у родит. и 1000 душ. крест. въ *Саратовской* губер. у жены нераздѣльно съ сестрами.

За день до этого князь Оболенский записал в своем дневнике:

«18 февраля. Я давно не писал дневник, а потому, что был очень занят составлением годового отчета. После строгого приказа, который наделал столько шума, надо бы постараться сказать что-нибудь дельное. Я сказал в отчете всю правду, как знал, но эта правда ограничивается такими тесными пределами и часть моя такая специальная, что никакого интереса не представляет. Отчет будет напечатан в сборнике, но, само собой разумеется, что многое, и даже почти все любопытное, будет пропущено.

Сегодня ровно год кончины покойного государя и рождения моего дневника — в последовательном порядке. … Сколько обманутых надежд и сколько несдержанных обещаний. Определить характер первого года нового царствования весьма трудно…»[84]

[83] Современная Россия: очерки нашей государственной и общественной жизни. Изд. 2-е. Т. II. — СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1890. С. 98.

[84] Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского, 1855–1879. — СПб., 2005. С. 115.

Памятная медаль на коронацию Александра II

В 1856 году российский парусный флот вооружался последний раз, и то для перевозки войск. За три года войны все флоты не только превратились в паровые, но и коренным образом изменилось соотношение наступательных и оборонительных сил российского флота.

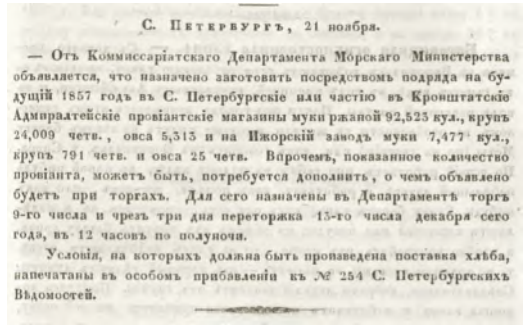
Штандарт Великих князей, 1855 г.

«Где Англичанин, там коварство и корысть!..» — в 1854–1855 годах Англия совершила прямое нападение на Россию на Черном и Балтийском морях, на Севере и на Тихом океане, и с тех пор до 1907 года постоянно грозила повторить его[85].

Технический прогресс и неудачи войны способствовали превращению флота «открытого моря» в оборонительный, который мог вести успешные военные действия под прикрытием орудий приморских фортов. Однако Великий князь Константин Николаевич и его ближайшие помощники как раз стремились вывести флот в океан, сделав постоянной практику дальних плаваний в новых Тихоокеанской и Средиземноморской эскадрах. На верфях Петербурга и Архангельска строилось большое число винтовых линейных кораблей, фрегатов, корветов и клиперов.

«10 августа. ...В конце июля был смотр всему флоту, — писал в своем личном дневнике Д.А. Оболенский. — *Вид этой силы получал особое значение при мысли, что все это создано в 2 года, почти без всяких приготовлений, или, по крайней мере, без предварительного устройства больших механических заведений. ...Впрочем, надо признаться, что весь этот успех в морском деле еще до сих пор есть только большей частью видимый, т.е. винтовые лодки действительно есть, но команды и главные офицеры на них с морским делом мало знакомы. Пароходный флот уже есть, а топлива для этого флота нет, да и никаких приспособлений для хранения угля и запаса его нет. ...Конечно, всего нельзя сделать разом, но нужно, по крайней мере, чтобы с введением какого-нибудь совершенствования приноравливали бы и все части, необходимые к потребностям сего нововведения. Много и много предстоит еще труда, чтобы создать флот, который бы мог в случае надобности приносить пользу...»*[86]

[85] Англофобия в XIX веке была распространена в России. Известный писатель князь В.Ф. Одоевский считал, что история Англии дает урок народам, «продающим свою душу за деньги» и что ее настоящее — печально, а гибель — неизбежна. Историк, писатель и журналист М.П. Погодин назвал Английский банк золотым сердцем Англии, добавив: «а другое вряд ли есть у нее». Профессор Московского университета, литературный критик и историк литературы С.П. Шевырев говорил об Англии: *«Она воздвигла не духовный кумир, как другие, а златого тельца перед всеми народами ,и за то когда-нибудь даст ответ правосудию небесному».* В журнале «Отечественные записки» говорилось, что британские ученые и писатели «действуют на пользу плоти, а не души». В печати Великобританию называли *«коварный Альбион», «метрополия злата»*. Бытовало выражение *«англичанка гадит»...*



С. Петербургъ, 21 ноября.

— Отъ Коммиссаріатскаго Департамента Морскаго Министерства объявляется, что назначено заготовить посредствомъ подряда на будущій 1857 годъ въ С. Петербургскіе или частію въ Кронштатскіе Адмиралтейскіе провіантскіе магазины муки ржаной 92,523 кул., крупъ 24,009 четв., овса 5,515 и на Ижорскій заводъ муки 7,477 кул., крупъ 791 четв. и овса 25 четв. Впрочемъ, показанное количество провіанта, можетъ быть, потребуется дополнить, о чемъ объявлено будетъ при торгахъ. Для сего назначены въ Департаментѣ торгъ 9-го числа и чрезъ три дня переторжка 13-го числа декабря сего года, въ 12 часовъ по полуночи.

Условія, на которыхъ должна быть произведена поставка хлѣба, напечатаны въ особомъ прибавленіи къ № 254 С. Петербургскихъ Вѣдомостей.

Объявление в Коммерческой газете в ноябре 1855 г. о заготовлении провианта Комиссариатским департаментом на кампанию 1856 г.

Одно из многих нововведений, предложенных князем и принятое в качестве эксперимента, прижилось: провизия и впредь, после 1855 года, отпускалась на суда Балтийского флота по «провизионным билетам»:

> Адмиралтейств-Совет, по представлению Комиссариатского департамента Морского Министерства, о результатах введенного по положению Совета 25-го Февраля 1855 г. ст. 17638, в виде опыта, на кампанию 1855 года, нового порядка отпуска на суда провизии по билетам отчетности по сей статье судовых Командиров, журналом 9-го сего Марта ст. 18890 разрешил продолжать испытание нового порядка и в кампанию нынешнего года по портам: С.-Петербургскому, Кронштадтскому, Свеаборгскому и Ревельскому с тем:
>
> 1) Чтобы распространить оный на все сорты отпускаемой на суда провизии, т.е, кроме прежних, и на свежее мясо и зелень.
>
> 2) В книжках для отметки ежедневного числа порций сделать *три* графы: а) для унтер-офицеров, б) для нижних чинов, в) для деньщиков. Вменить в непременную обязанность Командиров *ежедневно и собственноручно выставлять* в книжке число чинов, *действительно* на порции бывших, и по окончании кампании, или получая другое назначение, книгу подписывать.
>
> 3) Для ведения отчетности в посуде выдавать вместе с билетами особую шнуровую книжку.
>
> Комиссариатский департамент Морского Министерства, объявляя о сем для надлежащего для кого касаться будет исполнения, просит Гг. Командиров судов и отдельных частей, чтобы они благовременно входили в Комиссариатский департамент с требованиями об отпуске провизионных билетов на все сорты провизии, подробно объясняя в рапорте, на какое число унтер-офицеров и нижних чинов и на сколько времени требуются билеты[87].

Что примечательно: именно с этого времени провизионные билеты из сугубо ведомственного «платежного» средства (неслучайно ведь уподоблял их наличным деньгам в своих отчетах князь Оболенский) в действительности становятся неким платежным обязательством, использовавшимся и вне военно-морских учреждений для расчетов со сторонними лицами:

[86] Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского, 1855–1879. — СПб., 2005. С. 137–138.

[87] Циркуляр Инспекторского департ. М.М. за № 83 от 27 марта 1856 г. // Морской сборник. Т. XXIII, 1856. № 8. С. XLVIII–XLIX.

Инспекторский департамент объявляет по Морскому ведомству к сведению, что в продолжении двух кампаний 1856 и 1857 годов потребная для Морских команд в С.-Петербурге, Кронштадте, Петергофе и у Красной горки[88] разная свежая зелень будет отпускаема подрядчиком Мурашевым, на основании заключенного с ним контракта.

Отпуск зелени будет производиться прямо от подрядчика за провизионные билеты порциями в мере, определенной ведомостями, приложенными к циркуляру Инспекторского департамента от 10 Августа 1855 года за № 1440[89].

Герб г. Кронштадта, Высочайше утвержденный Екатериной II Указом от 7 мая 1780 г.

Под именем «подрядчика Мурашева», упомянутого в распоряжении Инспекторского департамента Морского министерства, подразумевался, вероятно, не кто иной, как Михаил Яковлевич Мурашев — коммерсант, соучредитель Коммерческого собрания, состоявший в 1849–1856 годах в должности Кронштадтского городского головы[90].

Герб уездного г. Петергофа. Проект 1859 г.

Герб г. Ораниенбаума Петергофского уезда. Проект 1859 г.

Итак, в Санкт-Петербурге, Кронштадте, Петергофе и Красной горке близ Ораниенбаума флотские офицеры получали припасы *«прямо от подрядчика за провизионные билеты».*

Это, конечно же, ни в коей мере не меняло изначальной сути и предназначения провизионных билетов, но, тем не менее, прецедент был создан — командиры судов, брандвахт, маяков и военно-морских телеграфов в 1856–1857 годах

[88] Деревня Красная горка Ораниенбаумского Дворцового ведомства. В 1907 г. близ нее начато строительство одного из двух мощных береговых фортов Кронштадтской позиции Морской крепости Петра Великого.

[89] Циркуляр Инспекторского департамента Морского министерства за № 106 от 21 апреля 1856 г. // Морской сборник. Т. XXIII, 1856. № 8. С. LII

[90] Впрочем, утверждать это однозначно не представляется возможным. Дело в том, что в списке коммерсантов-учредителей Коммерческого собрания г. Кронштадта кроме Михаила Яковлевича Мураше значился также купец Александр Васильевич Мурашев. В списке же гласных уезда позднее упоминался также купец Герасим Филиппович Мурашев.

расплачивались за поставки зелени с приказчиками господина Мурашева билетами Комиссариатского департамента.

В 1853–1860 годах в истории русского флота произошло несколько вроде бы взаимоисключающих друг друга событий. В ходе проигранной Крымской войны русский флот с блеском выиграл одно сражение (Синопское)[91] и не проиграл ни одного. Мало того, союзным флотам не удалось потопить ни одного русского корабля.

Синопский бой, 1853 г. Полотно И.К. Айвазовского

[91] Послужившее завязкой Крымской войны Синопское сражение стало последним в мировой истории столкновением парусных флотов; дальнейшие события показали, что время парусников безвозвратно ушло. Величественные линейные корабли, эти плавучие города с населением под тысячу человек, олицетворявшие собой военно-морскую мощь страны и служившие витриной ее технологического потенциала, обратились вдруг, как по мановению волшебной палочки, в крайне дорогостоящее старье, содержание которого продолжало требовать умопомрачительных затрат квалифицированного труда на обучение огромных экипажей, обязанных в совершенстве владеть высоким искусством обращения с парусами (выучить матроса бегать в шторм по вантам — это не вбить шагистику в рекрута-деревенщину). Конечно, кораблям тем пытались продлить жизнь, устанавливая на них дополнительные паровые машины, но мир переходил на винтовые пароходы с металлическим корпусом столь стремительно, что всякому было ясно: вскоре все это парусное великолепие придется списывать вчистую, просто «на дрова»…

В ходе нападений в 1854–1855 годах на Свеаборг на Балтике и Петропавловск на Тихом океане русские корабли совместно с береговой артиллерией успешно отразили нападения англо-французов и, можно сказать, выиграли эти сражения по очкам (с обеих сторон не было потоплено ни одного корабля). Однако к концу войны Россия осталась без флота, а еще через два года русские корабли вышли в океан!

Немалая заслуга в том была и органов снабжения флота.

В «Общих соображениях о морской провизии» вице-директор Комиссариатского департамента статский советник Дмитрий Николаевич Набоков писал в отчете за 1857 год:

> В новом порядке отпуска морской провизии, введенном в действие с 1855 г., последовало в минувшем году значительное упрощение. В 1855 и 1856 годах провизионные билеты, составляющие в руках командиров документы на получение провизии, а по передаче их в магазины — удостоверения в действительном отпуске оной, выдавались по расчету наличного на каждом судне числа чинов и определенной программою продолжительности кампании. Такое исчисление составляло для делопроизводителей Департамента обширный и весьма сложный труд, исполнение которого могло иногда причинить неизбежное замедление в снабжении командиров провизионными билетами.
>
> Для устранения этого неудобства, особенно важного при экстренном назначении судна к плаванию, в минувшем году принята следующая мера: для каждого ранга судов исчислена, по штатному числу, потребность всех сортов провизии на один месяц; подобранные на такое количество билеты соединены в особые книги, которые и разосланы заблаговременно в портовые казначейства, откуда командиры получают их, по мере надобности, без малейшего уже промедления. По окончании кампании книги эти представляются на ревизию, при которой принимаются в соображение поступающие своевременно сведения о числе выданных на каждое судно месячных книг и показания о действительном числе состоявших на судне чинов, отмечаемом каждодневно и собственноручно командиром в особо-выдаваемой ему на сей предмет книге.
>
> Этою мерою достигнуты, как кажется, все улучшения и упрощения в порядке отпуска морской провизии и отчетности в ней, а потому Департамент полагает войти с докладом о представлении на Высочайшее утверждение этого порядка, действовавшего доныне в виде лишь опыта[92]

Подробных данных о выпуске провизионных билетов Морского министерства в 1857 году не сохранилось, однако в отчетах вскользь упоминается, что было *«отпущено билетов на получение вина, уксуса, масла коровьего, сухарей ржаных, гороху, круп, соли, мяса соленого и свежего и зелени всего по заготовительным на 1857 год ценам на 357.376 руб[лей]. 38 ¾ коп[еек]»*[93].

[92] Отчет вице-директора Комиссариатского департамента Морского министерства, статского советника Набокова за 1857 год // Морской сборник. Т. XXXV, 1858. № 5. С. 40–42.

[93] Отчет вице-директора Комиссариатского департамента Морского министерства, статского советника Набокова за 1857 год // Морской сборник. Т. XXXV. 1858, № 5. С. 9.

Для того чтобы точнее представлять себе эмиссионные объемы провизионных билетов в кампанию этого года, стоит, наверное, упомянуть, что к 1 января 1857 года в «народном обращении» Российской империи находилось государственных кредитных билетов на сумму в 689.279.844 рубля, из которых 287.640.658 рублей были выпущены в прошедшем, 1856 году[94].

В 1857 г. на С.-Петербургской бирже курс серебряного рубля составлял: 38½ пенсов (т.е. 3 шиллинга 2½ пенса) на Лондон; 400 сантимов (т.е. 4 франка) на Париж; 187½ центов (1 гульден 87½ центов) на Амстердам

В 1858 году князь Оболенский, пожалованный почетным званием статс-секретаря[95], дававшим право личного доклада Его Величеству, писал в отчете Комиссариатского департамента, что *«провизия на довольствие нижних чинов, состоявших на военных судах, брандвахтах, маяках и телеграфах, производилась на основании постановлений, в мере, Регламентом определенной. Отпуск провизии из магазинов на суда и другие вышепоименованные посты производился по всем четырем Балтийским портам на основании разрешения Адмиралтейств-Совета, по билетам, выданным из Комиссариатского департамента, вследствие требований командиров судов и других команд…*

…Для разнообразия и улучшения пищи нижних чинов в кампании находившихся отпускались на суда: свежее мясо, зелень и квашеная капуста.

[94] Отчеты Кредитных установлений. Экспедиция Государственных кредитных билетов. // Коммерческая газета. — СПб., 15 августа 1857 г. № 95. С. 378.

[95] Статс-секретарь — почетное звание высших гражданских сановников, которое жаловалось только «по высочайшему усмотрению». Звание статс-секретаря давало право личного доклада императору и объявления его словесных повелений (официальное название: «словесные высочайшие повеления»). Для сравнения: из военных чинов лиц свиты Его Величества это право предоставлялось лишь дежурным генерал-адъютантам.

Проект герба портового г. Архангельска, составленный бароном Б. Кёне в 1859 г.

*Эти припасы отпускались прямо от поставщиков: в Балтийских портах по **билетам**, от Комиссариатского департамента на этот предмет судовым командирам выданным, а в Архангельском и Астраханском портах — по требованиям командиров судов, с засвидетельствованием портовых Кригс-Комиссаров»*[96].

В 1858 году Департаментом были выданы командирам судов Балтийского флота провизионные билеты 9-ти номенклатур на получение:

Вина	23 611 ведер
Уксуса	4 511 ведер
Масла коровьего	12 311 пудов
Сухарей ржаных	92 908 пудов
Гороху	20 511 пудов
Крупы	30 630 пудов
Соли	3 170 пудов
Мяса	20 683 пуда
Зелени и квашеной капусты	978 420 порций

Всего же было выдано по заготовительным ценам 1858 года «провизионных билетов» на общую сумму в 330 093 рубля 76½ копеек[97].

Маленькая деталь: во всех документах Департамента использовалось исключительно определение ***«командир судна»***, но отнюдь не ***«капитан корабля»***[98].

[96] Отчет директора Комиссариатского департамента Морского министерства, статс-секретаря Князя Оболенского за 1858 год. // Морской сборник. Т. XLI, 1859. № 5. С. 81, 84.

[97] Морской сборник. Т. XLI, 1859. № 5. С. 82.

[98] Обязанности капитана российского корабля были впервые весьма обстоятельно изложены в петровском Морском уставе. В книге III посвящена им первая глава — «О капитане». Прежде всего, из нее следует, что уже в то время должность командира корабля считалась особо ответственной. Подчеркнув, что капитан должен быть почитаем на своем корабле, *«яко губернатор или комендант в крепости»,* петровский Устав определял его многочисленные права и обязанности, особое внимание уделяя задачам в бою. Во всех последующих морских уставах русского военного флота эти обязанности неизменно уточнялись и дополнялись. Первейшей же из них являлось поддержание судна в состоянии боевой готовности.

Термины «судно» и «корабль» почти аналогичны[99]. Но, по традиции, в первой половине XIX века в России «кораблем» называли отнюдь не любое судно, а только 2–3-палубные линейные корабли[100]. Фрегаты же, к примеру, бывшие по оснастке кораблями, таковыми отнюдь не именовались[101]…

В состав Балтийского флота по окончании Крымской войны входили по дивизиям, бригадам и флотским экипажам следующие суда[102]:

1-я Флотская Дивизия			
1-я бриг.	1-й фл. экипаж	120-пуш. кор. **«Имп. Николай I»**	
	2-й фл. экипаж	84-пуш. кор. **«Выборг»**	пар.-фрег. **«Рюрик»**
	3-й фл. экипаж	84-пуш. кор. **«Константин»**	пар.-фрег. **«Камчатка»**
2-я бриг.	4-й фл. экипаж	84-пуш. кор. **«Ретвизан»**	пар.-фрег. **«Отважный»**
	5-й фл. экипаж	84-пуш. кор. **«Орел»**	10-пуш. кор. **«Вол»**
	6-й фл. экипаж	84-пуш. кор. **«Гангут»**	10-пуш. кор. **«Буйвол»**
3-я бриг.	7-й фл. экипаж	60-пуш. фр. **«Палкан»**	60-пуш. фр. **«Громобой»**
	8-й фл. экипаж	60-пуш. фр. **«Мария»**	
2-я флотская дивизия			
4-я бриг.	9-й фл. экипаж	84-пуш. кор. **«Владимир»**	фрег. **«Константин»**
	10-й фл. экипаж	60-пуш. фр. **«Вилагош»**	пар.-фрег. **«Гремящий»**
	11-й фл. экипаж	84-пуш. кор. **«Имп-ца Александра»**	пар.-фрег. **«Смелый»**
5-я бриг.	12-й фл. экипаж	74-пуш. кор. **«Память Азова»**	пар.-фрег. **«Грозящий»**
	13-й фл. экипаж	84-пуш. кор. **«Лефорт»**	фрег. **«Амфитрида»**
	14-й фл. экипаж	60-пуш. фр. **«Бородино»**	фрег. **«Кастор»**
6-я бриг.	15-й фл. экипаж	84-пуш. кор. **«Не тронь меня»**	
	16-й фл. экипаж	84-пуш. кор. **«Красный»**	

[99] Исходя из современного юридического определения, военный корабль — это судно, принадлежащее вооруженным силам государства и обладающее иммунитетом от иностранной юрисдикции. Определяется наличием внешних знаков, нахождением под командованием военного офицера, наличием экипажа, подчиненного воинской дисциплине. Согласно Уставу, корабль — это совокупность материальной части, то есть собственно корабля, предназначенного для участия в боевых действиях, и его личного состава — экипажа.

[100] Линейные корабли (англ. ship-of-the-line, фр. navire de ligne) строились и применялись с XVII в. и до начала 1860-х гг. для морских боев с использованием линейной тактики.

[101] Тем не менее, в Морском уставе 1853 г. указывалось, что *«В Морском Уставе слово „корабль“ означает вообще всякое военное судно, т.е. линейный корабль, фрегат, бриг и т.д.»* (Морской устав. — СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1853).

[102] Высочайше утвержденное разделение судов по дивизиям, бригадам и экипажам от 26 Марта 1856 г. // Морской сборник. Т. XXII, 1856. № 6. С. XV.

3-я Флотская Дивизия			
7-я бриг.	17-й фл. экипаж	100-пуш. кор. **«Имп. Петр I»**	
	18-й фл. экипаж	84-пуш. кор. **«Вола»**	пар.-фрег. **«Храбрый»**
	19-й фл. экипаж	60-пуш. фр. **«Сысой Великий»**	пар.-фрег. **«Олаф»**
8-я бриг.	20-й фл. экипаж	84-пуш. кор. **«Полтава»**	пар.-фрег. **«Богатырь»**
	21-й фл. экипаж	фрег. **«Илья Муромец»**	
	22-й фл. экипаж	74-пуш. кор. **«Вел. Кн. Михаил»**	
9-я бриг.	23-й фл. экипаж	84-пуш. кор. **«Фершампенуаз»**	
	24-й фл. экипаж	75-пуш. кор. **«Изекииль»**	
10-я бриг.	25-й фл. экипаж	75-пуш. кор. **«Бриен»**	пар. **«Ижора»**
	26-й фл.экипаж	84-пуш. кор. **«Прохор»,** транспорты: **«Або»**, **«Америка»**,	пар.: **«Владимир»**, **«Неман»**

Это, не считая отчисленных от флотских экипажей к портам кораблей: «Березино», «Ингерманланд», «Св. Георгий Победоносец», «Андрей», «Россия», фрегатов: «Нарва», «Цесаревич», «Смоленск» и еще десятков корветов и более мелких судов.

Знаменный[103] и кормовой флаг 1-й флотской дивизии

Знаменный и кормовой флаг 2-й флотской дивизии

Знаменный и кормовой флаг 3-й флотской дивизии

Командиры всех этих судов Балтийского флота получали из Комиссариатского департамента, по предварительно представленным требованиям, провизионные билеты на получение необходимых команде съестных припасов из «провиантских магазинов» военных портов Санкт-Петербурга, Кронштадта, Свеаборга и Ревеля.

[103] Знаменный флаг (введен 10 апр. 1837 г., носился на древке, к которому привязывался, а не прибивался) употреблялся вместо знамени в морских частях на берегу, когда экипаж находился в строю (на судах знамя заменял кормовой Андреевский флаг).

Вид города Ревеля, 1853 г. Полотно А.П. Боголюбова

В том же 1858 году впервые решено было, кроме утвержденной Регламентом провизии, выдавать командам российских судов со следующего, 1859 года, дополнительно также табак (из расчета ½ фунта в месяц на человека) и мыло (¼ фунта на парусных и по ½ фунта на паровых судах)[104].

То есть впредь числу номенклатур провизионных билетов (насчитывавшему изначально 8, затем 9 и 11 наименований) предстояло стать еще бóльшим.

В Морском ведомстве **«билеты»**[105] существовали не только для оплаты поставок продовольствия. В то время этим термином обозначали множество флотских документов — достаточно вспомнить, к примеру, билеты, выдававшиеся нижним чинам при увольнении их в отпуск. Помимо того Комиссариатским департаментом выпускались и другие финансовые документы с тем же названием — в главе отчета за 1858 год директор Департамента писал: *«…довольствие на детей и сирот обоего пола нижних чинов Морского ведомства провиантом в полной солдатской даче, жалованьем по 90 к. сер. в месяц и деньгами на 10 и 20 ф. соли в год, производилось по прежним правилам до 1 Мая 1857 г.; с этого времени означенное довольствие, на основании Высочайше утвержденных в 7 день Апреля 1857 года правил, заменено денежным пособием, с* ***выдачею на получение оного***

[104] Морской сборник. Т. XLI, 1859. № 5. С. 91.

[105] В русском языке слово «билет» зафиксировано с 1720 г. Заимствовано через польск. bilet или нем. Billett из франц. billet — «билет, записка» (из ст.-франц. billette, уменьш. от bille).

билетов *по формам, приложенным при тех правилах*[106]*. Таковые билеты заготовлены попечением Комиссариатского департамента и разосланы по портам и командам, а некоторые из них выданы лично родителям и воспитателям из сего департамента с назначением показанного довольствия. Отчетность о числе выданных на такое довольствие билетов от мест и лиц Балтийского управления… поступает в Комиссариатский департамент…»*[107]

В архивных делах Департамента содержится упоминание об учете бланков билетов на получение денежного пособия от казны для детей нижних чинов. Билеты эти имели купоны. В деле содержится упоминание о таких бланках на бумаге разного цвета. Упоминаются билеты (или расчетные листы) и расчетные тетради на белой, желтой, синей и зеленой бумаге.

Разноцветные купоны для неграмотных людей были более понятными, чем расписки или чеки без цветового рисунка. А суммы, выделяемые на содержание детей, были немалые. Так, в 1865 году требовалось для этой цели 395 701 рублей 92½ копейки[108].

На матросского ребенка мужского пола до 7 лет полагалось 3 рубля 50 копеек в год[109]. Поскольку пособия были различными для детей в зависимости от пола и возраста, то и билеты были разноцветные. Всего в год таких билетов было 5701 экземпляр[110].

Судя по всему, подобные билеты также не сохранились до нашего времени — уж очень велико было их значение для матерей и матросских жен. На современный взгляд, сумма очень уж маленькая, но вот в том же деле есть справка о денежном довольствии младшего писаря Департамента — оно составляло 21 рубль 55 копеек серебром в год[111]. Впрочем, писарь, занимавшийся проверкой отчетности по провизионным билетам, получал 20 рублей в месяц[112]. Кроме того, женатым матросам, не имеющим возможности разместиться в специальных казармах (по-современному — общежитиях), выдавались квартирные деньги — 2 рубля в месяц[113]. Так что сумма в 3 рубля 50 копеек хоть и небольшая, но ребенок на нее мог содержаться.

При таком изобилии ведомственных «билетов» вполне понятно, что, во избежание путаницы, определение «провизионные» стало использоваться в документации по отношению к билетам, предназначенным для «покупки» командирами судов провизии в комиссариатских магазинах четырех военных портов в Финском заливе на Балтике.

[106] Билеты заготавливались номиналами в 31/2 руб. и 7 руб. в год (для детей нижних чинов), а также в 81/2 руб. и 12 руб. в год (для детей-сирот).

[107] Отчет директора Комиссариатского департамента… // Морской сборник. Т. XLI, 1859. № 5. С. 67.

[108] Отчет директора Комиссариатского департамента… за 1865 год. // Морской сборник. Т. LXXXV, 1866. № 8. С. 209.

[109] РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1976. Л. 252.

[110] РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1976. Л. 320.

[111] РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1976. Л. 357об.

[112] РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1976. Л. 25.

[113] Кронштадт: вести из портов. // Морской сборник. Т. LXXXIII, 1866. № 11. С. 11.

В 1857–1859 годах могущество «метрополии зла» пошатнулось: в Индии — «самой яркой жемчужине» (brightest jewel) британской короны разразилось восстание сипаев.

Англичане потопили его в крови: художник Василий Верещагин[114] запечатлел в своем полотне бесчеловечный способ казни, придуманный британцами

[114] Василий Васильевич Верещагин (1842–1904) — выдающийся русский живописец и литератор, один из наиболее известных художников-баталистов. Картина Верещагина «Подавление индийского восстания англичанами» широко известна в России. Она была выставлена в Лондоне в 1887 г. и вызвала бешеный протест, газетные баталии, чуть ли не судебный процесс. Что характерно — никто не отрицал самого факта, отраженного в мрачной картине. Не было и обещанного судебного процесса, только угрозы им. Тогда законопослушные, цивилизованные британцы… украли картину. Эта картина бесследно исчезла, и где находится подлинник, до сих пор не известно. Хорошо, что копий сделано было много, и картина осталась в числе известнейших полотен В.В. Верещагина.

для плененных сипаев — когда, без долгих разбирательств, приговоренных военно-полевыми судами к расстрелу людей привязывали к дулам артиллерийских орудий...

Индию завоевали для себя убежденные расисты, уже прошедшие школу работорговли, несколько поколений угнетавшие и грабившие народы мира и привыкавшие все больше жить за их счет.

В 1858 году для английских военнослужащих, принимавших участие в борьбе с повстанцами, была учреждена медаль «Индийский мятеж». Награжденные расстреливали не просто туземцев, а однополчан, недавних военнослужащих Британской империи, которых сами же вооружали и тренировали, вместе с которыми воевали в Китае, в Бирме, в Афганистане, в Крыму против России…

Почти одновременно, в 1859 году, русские войска взяли столицу Шамиля Гуниб, а сам Шамиль сдался в плен. Завоеванные чеченцы не были подданными Российской империи, и уж тем более, не были военнослужащими России.

Тем не менее, ни штурм Гуниба, ни покорение Чечни не повлекли за собой подобных жестокостей. Боевой офицер Лев Толстой, воевавший с чеченцами, в своем «Хаджи-Мурате» признает их достоинство, их честь, относится к ним очень уважительно.

Завоевав Чечню, Российская империя запретила набеги, торговлю рабами и кровную месть. Но этим и ограничивалось ее вмешательство в жизнь завоеванного народа. Империя не мстила. Более того, она давала полную возможность «встроиться» в общую жизнь: служить в ее армии, например. Чеченец пользовался теми же правами, что и любой другой подданный: он мог поселиться в Петербурге, учить детей в тех же гимназиях, что и русские или, скажем, армяне и казанские татары. На самых общих основаниях он мог поехать за границу, получив российский паспорт, накапливать богатства, сделать карьеру.

Недавние победители в Крымской войне могли быть благородными «со своими», то есть с другими европейцами. Но не с народами колониальных империй. В то же время, какие бы страны ни входили в Российскую империю, их население сразу же получало все права подданных…

Интенсивное колониальное и политическое соперничество между двумя крупнейшими мировыми империями — Британской и Российской именовали, с легкой руки певца имперского величия Редьярда Киплинга, «Большой Игрой»[115]…

[115] «Большая Игра» (англ. *The Great Game*) — распространенный в западной историографии термин, который используется для описания империалистического соперничества («холодной войны») между Британской и Российской империями за господство в Центральной Азии с 1813 по 1907 год. В августе 1907 года британский посол Артур Николсон и русский Министр иностранных дел Александр Извольский подписали в Петербурге соглашение о разделе сфер интересов в Азии. Колониально-политические договоренности дополнили британо-французское «Сердечное согласие» (фр. *l'Entente cordiale*) и Франко-русскую конвенцию 1892 г. Петербургское соглашение сформировало Антанту как военно-политический союз, противостоявший блоку Германии, Австро-Венгрии и Италии.

Большой рейд в Кронштадте, 1840 г. Полотно И.К. Айвазовского

В 1859 году покорен был Северо-Кавказский имамат и началось завоевание Западного Кавказа.

В этом году Комиссариатским департаментом Морского министерства Российской империи выданы были командирам судов Балтийского флота провизионные билеты 9-ти номенклатур на получение:

Вина	21 913	ведер
Уксуса	4 721	ведро
Масла коровьего	13 619	пудов
Сухарей ржаных	99 031	пуд
Соли	3 646	пудов
Гороху	21 127	пудов
Круп	23 616	пудов
Мяса вообще	24 551	пуд
Зелени и квашеной капусты	1 900 100	порций

Всего же на суда было выдано билетов, по заготовительным ценам 1859 года, на общую сумму в 353 280 рублей 32¾ копеек[116].

Весной 1860 года 4-м столом Счетного отделения Департамента учреждена была особая комиссия для проверки бывших в 1859 году в обращении провизи-

[116] Отчет директора Комиссариатского департамента Морского министерства, статс-секретаря Князя Оболенского за 1859 год. // Морской сборник. Т. XLVI, 1860. № 5. С. 211.

онных билетов[117]. *«Провизия на довольствие нижних чинов*… — писал Его Превосходительство директор Департамента, — *производилась на основании постановлений в мере, регламентом определенной. Отпуск провизии из магазинов на суда… производился по всем четырем Балтийским портам … по билетам, выданным из Комиссариатского департамента вследствие требований командиров судов и других команд. Свежее и соленое мясо отпускалось на суда по одним и тем же билетам: первое от поставщиков оного, а последнее из морских провизионных магазинов, как равно кислая капуста и зелень. Отпуск сих последних припасов проводился смотря по тому, в какое время требование на них поступает».*

Что касается остальных припасов, то, как отмечал князь Оболенский в отчете, *«мыло и табак для здешних 4-х Балтийских портов, а равно чай и сахар будут заготовлены Комиссариатским департаментом в начале 1860 года»*[118]…

В это время отпуск провизии на суда в Каспийском море (в Астраханском порту) и Белом море (из казенных магазинов Архангельского порта)[119] осуществлялся прежним порядком — путем регистрации в приходо-расходных книгах.

В начале 1860-х годов военный порт Архангельск на Белом море был упразднен. На Черном же море, как мы помним, Россия лишилась права иметь военно-морской флот по результатам Парижского мирного договора 1856 года…

В начале XVIII столетия, когда в Санкт-Петербурге для нужд судостроителей между Невой и рекой Мойкой были прорыты два канала: Крюков и Адмиралтейский, в дельте Невы возникли два рукотворных острова — «Новая Голландия».

Авторство названия этого легенда приписывает Петру I. Первоначально «Голландией» в Петербурге называлось место около Адмиралтейства, где были устроены склады корабельного леса. После прорытия каналов склады были перенесены на образовавшийся остров, который получил название «Новая Голландия». Одновременно — это первый военный порт России, который был основан по указу Петра I 21 сентября 1721 года.

[117] Об учреждении комиссии для поверки провизионных билетов, бывших в обращении в 1859 году. // РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1501.

[118] Морской сборник. Т. XLVI. 1860. №5, С. 210–211, 221.

[119] Согласно тогдашнему порядку, все военные порты причислялись к Северному округу (С-Петербург, Кронштадт, Ревель, Свеаборг, Архангельск, Астрахань) и Южному округу (Николаев, Севастополь, Измаил).

Российский гюйс (1701–1924); крепостной флаг (1704–1913, 1918–1924); кейзер-флаг корабельный (1712–1917); должностной флаг генерал-адмирала (1721–1917)

Со временем места стало не хватать, и решено было провести реконструкцию с заменой всех построек на солидные каменные здания. В 1765–1780 годах здесь возведен был целый архитектурный комплекс в стиле раннего классицизма. Позже, в 1820-е годы, по проекту военного архитектора Александра Штауберта на западной стрелке острова была построена Морская тюрьма, которую автор называл арестантской башней, а в народе прозвали «бутылкой» (отсюда якобы пошло выражение «не лезть в бутылку»)…

Здесь, в «арестантской башне» Новой Голландии размещалась в середине XIX столетия Комиссариатская часть[120] Санкт-Петербургского порта…

В 1860 году, после кратковременного пребывания в должности управляющих Морским министерством просвещенного Ф.П. Врангеля[121] и своевольного Н.Ф. Метлина[122], у Е.И. Высочества Генерал-адмирала появился новый ближайший помощник — вице-адмирал Н.К. Краббе[123].

По данным отчетов Инспекторского департамента, численность личного состава на 1 января 1860 года:

Адмиралов и генералов	114 человек
Штаб-офицеров и обер-офицеров	3 569 человек
Классных чинов	1 319 человек
Нижних чинов	53 054 человека

[120] Начальником Комиссариатской части Санкт-Петербургского порта был коллежский советник (с 1864 г.) *Эдуард Федорович Штритер*, находившийся в государственной службе с 1850 г. (См.: Список гражданским чинам Морского ведомства, 1865, С. 96.).

[121] Шестой Морской министр, уроженец Эстляндии — мореплаватель и полярный исследователь, генерал-адъютант, адмирал *Фердинанд* (Федор Петрович) *фон Врангель* (1796–1870†). В 1829–1835 г.г. — главный правитель русских поселений в Америке; в 1840–1849 г.г. — директор Российско-Американской компании. В мае 1855 г. Фердинанд Петрович был назначен управляющим Морским министерством. Именем Врангеля названы остров в Северном Ледовитом океане, гора и мыс на Аляске и др.

[122] Седьмой Морской министр, адмирал Николай Федорович Метлин (1804–1884†) с февраля 1857 г. встал во главе Морского министерства. Спустя 3 года он покинул пост министра и стал членом Государственного совета. В 1862 г. Метлин был назначен членом комиссии для рассмотрения всеподданнейшего отчета по Морскому министерству за 1861 г., а в апреле 1863 г. назначен *«председателем комитета для пересмотра всех действующих постановлений о казенных заготовлениях, подрядах, поставках и хозяйственных операциях вообще».*

[123] *«Как-то Краббе прослышал, что за глаза его называют „немчурой“, и страшно обиделся. — Помилуйте! — воскликнул он. — Ну, какой же я немец? Отец мой был чистокровный финн, мать — молдаванка, сам же я родился в Тифлисе, в армянской его части, но крещен в православие… Стало быть, я — природный русак!»*

Годом позже, после сокращения штатов Морского ведомства, численность на 1 января 1861 года составляла[124]:

Адмиралов и генералов	95 человек
Штаб-офицеров и обер-офицеров	3 245 человек
Классных чинов	966 человек
Гардемаринов и кондукторов	169 человек
Нижних чинов	55 216 человек

Фотопортрет князя Д.А. Оболенского, выполненный в 1865 г. Генрихом Иоганном (Андреем Ивановичем) Деньером

В своем последнем отчете в должности директора Комиссариатского департамента князь Дмитрий Александрович Оболенский указывал, что по решению Адмиралтейств-Совета (журнал от 24 марта 1859 г, ст. 21099) в 1860 году по всем четырем Балтийским портам *«отпуск провизии из магазинов на суда и другие вышепоименованные посты производился… по билетам, выданным из Комиссариатского департамента»*[125].

В 1860 году, — когда в Великом княжестве Финляндском была впервые введена в обращение собственная валюта: «финляндская марка», на Дальнем Востоке России основан был город-порт Владивосток, а в Средней Азии для содействия войскам Туркестанского военного округа основана Аральская военная флотилия, — командирам судов Балтийского флота были выданы из Департамента[126] провизионные билеты 9-ти номенклатур на получение:

Вина	22 942	ведра
Уксуса	2 252	ведра
Масла	12 640	пудов
Сухарей	88 819	пудов
Соли	3 226	пудов
Гороху	22 524	пуда
Крупы	32 925	пудов
Мяса	29 622	пуда
Зелени	1 645 900	порций

[124] Морской сборник. Т. LIX, 1862. № 5. С. 1; Т. LXV, 1863. № 3. С. 1.

[125] Отчет директора Комиссариатского департамента Морского министерства, статс-секретаря Князя Оболенского за 1860 год. // Морской сборник. Т. LII, 1861. № 3. С. 324.

[126] Морской сборник. Т. LII, 1861. № 3. С. 392.

Ведомость о заготовительных ценах на припасы, входящие в провизию (необходимые для исчисления выплаты «заслуги» нижним чинам), была объявлена циркуляром Комиссариатского департамента за № 4 от 22 марта 1860 года[127].

Приказом от 19 февраля 1860 года должности Кригс-комиссаров в портах были упразднены, а вместо них введены Комиссариатские части. Теперь командиры судов выдавали полученные из Департамента «провизионные билеты» в обмен на припасы не кригс-комиссарам, а «начальникам Комиссариатской части», в обязанности которых входило заведование всеми денежными суммами, вещевыми, продовольственными, топливными и прочими припасами и материалами в порту, а также правильное снабжение ими судов, команд, мастерских и учреждений. Обращение же провизионных билетов все так же строго контролировалось[128].

В конце 1860 г. на С.-Петербургской бирже курс серебряного рубля составлял 36 пенсов (т.е. 3 шиллинга) на Лондон; 376 сантимов (т.е. 3,76 франка) на Париж; 175 центов (1 гульден 75 центов) на Амстердам

Ты взял свой день… Замеченный от века
Великою господней благодатью —
Он рабский образ сдвинул с человека
И возвратил семье меньшую братью…
Ф.И. Тютчев «Александру Второму»
(25 марта 1861 г.)

Крепостное право имело весьма неблагоприятное влияние на развитие Военно-морского флота Российской империи — особенно на Балтийском флоте, который был известен за особенно жесткую муштру. Но в стране уже начиналась новая эпоха[130]…

[127] Хронологический указатель морских постановлений за время с 1700 по 1875 г., с объяснениями кодификационного управления Морского министерства. — СПб., 1876. С. 779.

[128] Об учреждении комиссии для поверки провизионных билетов, бывших в обращении в 1860 году. // РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1569.

[129] Вексельные и денежные курсы. // Коммерческая газета. — СПб.: Тип. Деп. Внешней торговли, 18.11.1860 г., № 181. С. 820.

[130] Александр II получил официальное прозвание «Освободитель»: царский манифест, подписанный 19 февраля 1861 г., освободивший миллионы крепостных крестьян, навеки связан с именем государя Александра Николаевича.

Общее число личного состава флота составляло более 60 тысяч человек. Передовая часть морского офицерства все решительнее и настойчивее требовала уничтожения на флоте телесных наказаний[131]. Увлекательные рассказы, очерки и повести таких известных писателей, как И.А. Гончаров («Фрегат "Паллада"»), Д.В. Григорович («Ретвизан»), силой художественного слова будили горячее сочувствие к матросам, осуждали и высмеивали деспотичных адмиралов, командиров и боцманов старого покроя, принципиально не признававших иных методов воздействия на нижних чинов, кроме линьков и зуботычин…

Прогрессивные настроения в русском флоте были настолько сильны, что еще до официальной отмены телесных наказаний многие командиры и офицеры перестали заниматься рукоприкладством. На страницах «Морского сборника» все чаще стали появляться статьи, посвященные проблеме улучшения быта матроса.

Экономическое же положение России в то время обнаруживало все признаки денежного и коммерческого кризиса…

Для покрытия расходов, вызванных прошедшей войной, правительство прибегало к усиленному выпуску кредитных билетов и заимствованию сумм из казенных банковских учреждений. Результатом снижения процента по вкладам частных лиц стало массовое истребование вкладов из казенных банков. Для удовлетворения вкладчиков правительство вынуждено было в 1859 году прибегнуть к дополнительному выпуску кредитных билетов на 33,6 млн. рублей. Преобразование же банковской системы при постоянном изъятии вкладов требовало вновь и вновь печатать новые кредитки.

Отчетность главныхъ европейскихъ банковъ къ 1-му Сентября 1861 г.

			Противъ прошлаго мѣсяца (+) болѣе, (—) менѣе.
Звонкій запасъ:			
Въ Русскомъ (Государственномъ) Банкѣ		78,047,390 р.	+ 2,334,930 р. с.
» Англійскомъ Банкѣ	13,118,101 ф. ст., или	82,427,284 »	+ 5,770,975 » »
» Французскомъ »	385,000,000 франк. »	96,250,000 »	— 1,250,000 » »
» Прусскомъ »	90,687,000 тал. »	84,338,910 »	— 51,150 » »
Частныхъ векселей:			
Въ Русскомъ Банкѣ		18,056,444 р.	+ 629,849 р. с.
» Англійскомъ Банкѣ	17,702,085 ф. ст., или	111,257,604 »	— 5,514,757 » »
» Французскомъ »	506,000,000 франк. »	126,500,000 »	— 10,250,000 » »
» Прусскомъ »	43,755,000 тал. »	40,692,150 »	— 1,169,010 » »
Билетовъ въ обращеніи:			
Въ Русскомъ Банкѣ		713,223,276 р.	+ 2,122,400 р. с
» Англійскомъ Банкѣ	21,012,927 ф. ст., или	132,066,246 »	+ 93,050 » »
» Французскомъ »	756,000,000 франк. »	189,000,000 »	— 250,000 » »
» Прусскомъ »	97,918,000 тал. »	91,063,740 »	— 1,863,270 » »

В 1860 году было выпущено билетов на 34,8 млн. руб., а в 1861 году — на 619,6 тыс. рублей. К концу 1861 года общая сумма кредитных билетов в обращении снова поднялась до 713,6 млн. рублей; разменный же фонд к этому времени уменьшился до 80,4 млн. руб., т.е. до 11,2% от общей суммы билетов…

[131] Воинский устав Петра I предусматривал самые разнообразные наказания: хождение по деревянным кольям, битье батогами, шпицрутенами, клеймение железом, обрезание ушей, отсечение руки или пальцев и др. Уже в период правления Николая I были предприняты меры по смягчению телесных наказаний.

В ноябре 1861 г., по сведениям газеты «Посредник промышленности и торговли», на С.-Петербургской бирже серебро шло по номиналу, а золотые полуимпериалы покупали по 5 руб. 87 коп.[132]

В 1861 году, исходя из данных судовой отчетности, Комиссариатским департаментом были выданы командирам судов провизионные билеты уже 13-ти номенклатур на получение[133]:

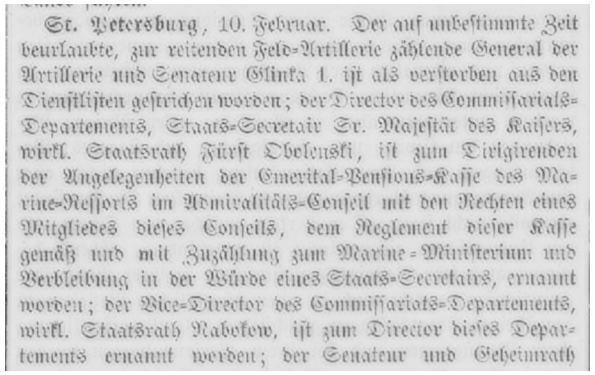
Вина	25 970 ведер	
Уксуса	3 650 ведер	
Масла коровьего	14 420 пудов	
Сухарей ржаных	101 100 пудов	
Соли	3 660 пудов	
Гороху	25 380 пудов	
Круп	36 250 пудов	
Мяса	33 170 пудов	
Зелени	1 885 000 порций	
Чая	219 пудов	27 ф. 72 зол.
Сахару	3 253 пуда	
Мыла	2 720 пудов	8 фунтов
Табаку	2 760 пудов	32 фунта

Глава Инспекторского департамента Морского министерства князь Голицын указывал в своем отчете за 1862 год: *«3) Состояние капитала в командах. Артельных денег, принадлежащих командам, в минувшем году состояло 229 292*

[132] Посредник промышленности и торговли. — СПб., 25.11.1861. № 279.

[133] Отчет директора Комиссариатского департамента Морского министерства, действительного статского советника Набокова за 1861 год. // Морской сборник. T.LIX, 1862. № 6. С. 211–212.

руб. Из них обращалось в кредитных установлениях 189 084 руб. 84½ коп. Средним числом приходится на человека около 6 рублей. Съестной суммы состояло 76 513 руб. 10¼ коп. Средним числом на человека около 2 рублей»[134].


Sr. Petersburg, 10. Februar. Der auf unbestimmte Zeit beurlaubte, zur reitenden Feld-Artillerie zählende General der Artillerie und Senateur Glinka 1. ist als verstorben aus den Dienstlisten gestrichen worden; der Director des Commissariats-Departements, Staats-Secretair Sr. Majestät des Kaisers, wirkl. Staatsrath Fürst Obolenski, ist zum Dirigirenden der Angelegenheiten der Emerital-Pensions-Kasse des Marine-Ressorts im Admiralitäts-Conseil mit den Rechten eines Mitgliedes dieses Conseils, dem Reglement dieser Kasse gemäß und mit Zuzählung zum Marine-Ministerium und Verbleibung in der Würde eines Staats-Secretairs, ernannt worden; der Vice-Director des Commissariats-Departements, wirkl. Staatsrath Nabokow, ist zum Director dieses Departements ernannt worden; der Senateur und Geheimrath

Объявление в «Рижских Ведомостях» о назначении д.с.с. Набокова директором Комиссариатского департамента[135]

Комиссариатский департамент с 1862 года возглавил ***Федор Карлович Шульц*** (1828–1881) — будущий сенатор и тайный советник, он обучался в Императорском училище правоведения и по окончании полного курса наук в мае 1847 года поступил на службу в Министерство юстиции. В 1859 году Шульц перешел на службу сперва в Министерство финансов, затем — в Морское, в Комиссариатский департамент на должность делопроизводителя. В 1862 году Федор Карлович был назначен вице-директором Департамента, а через год в чине действительного статского советника — директором Департамента[137], в должности которого он и пребывал вплоть до 1866 года.

Как мы помним, на исходе 1861 года новым директором Комиссариатского департамента Морского министерства назначен был его вице-директор, действительный статский советник[136] ***Дмитрий Николаевич Набоков***, остававшийся на новом посту недолго, поскольку уже с июня 1862 года состоял при Великом князе Константине в Царстве Польском.

Фамильный герб Ф.К. Шульца

Несколько позднее хозяйка Петербургского литературного салона Е.А. Штакеншнейдер писала о нем в своем письме Достоевскому: *«Должна сказать Вам, что Шульц, хоть и петербургский, и сенатор, но менее других либерал, в нем здравый смысл всегда одерживает верх»*…

[134] Отчет директора Инспекторского департамента Морского министерства… за 1862 год. // Морской сборник. XLVI, 1863. № 5. С. 111–112.

[135] Inland. // Rigasche Zeitung, 23.02(7.03). 1862. Nr. 45. S. 1.

[136] Действительный статский советник — гражданский (статский) чин IV класса по Табели о рангах, дававший потомственное дворянство. Соответствовал должности директоров департаментов, губернаторов, градоначальников и чинам генерал-майора армии и контр-адмирала флота. К чину применялся общий титул «Ваше превосходительство».

[137] Список гражданским чинам Морского ведомства. Ч. I. Первых восьми классов. — СПб., Тип. Мор мин. 1862, С. 49; Список гражданским чинам Морского ведомства… 1865, С. 24.

Летняя навигация 1862 года в Балтийском море открылась 17 апреля, но *«по причине значительного сокращения бюджета плавание было в весьма ограниченном размере».*

В кампанию 1862 года Комиссариатским департаментом было выдано на суда «провизионных билетов» на получение[138]:

Вина	31 780 ведер
Уксуса	4 620 ведер
Масла	1 820 пудов
Сухарей	128 760 пудов
Соли	4 620 пудов
Гороху	33 580 пудов
Крупы	45 400 пудов
Мяса	41 400 пудов
Зелени	2 270 000 порций
Чая	126 пудов
Сахару	3 256 пудов
Табаку	1 409 пудов
Мыла	1 409 пудов

1863 год — это разгар реформ в Российской империи, проводившихся императором Александром II. Шла подготовка к созданию земств, проведению судебной и других реформ.

В том же году, впервые после окончания Крымской войны, Англия стала вновь угрожать войной России. Поводом для шантажа стало восстание поляков в западных землях Империи. Британская пропаганда лгала на весь мир, что в

[138] Отчет директора Комиссариатского департамента, статского советника Шульца за 1862 год. // Морской сборник. Т. LXVI, 1863. № 6. С. 351.

Польше происходит демократическая революция, направленная против тирании Русского царя[139]. Причем самое интересное состоит в том, что и русское правительство Александра II, и позже советские историки придерживались той же точки зрения…

Когда в Царстве Польском уже разгорался новый мятеж шляхты, Александр II в свой день рождения, 17 апреля, подписал Указ «О некоторых изменениях в существующей системе наказаний уголовных и исправительных»[140]. Под этим названием скрывался государственный акт огромной важности, превративший Россию, по выражению одного из современников, «из битого царства в небитое»…

Старейший морской журнал писал в мае: *«Настоящую летопись Морского Сборника, так часто обращавшегося в последние годы к вопросу о возможности уничтожения телесных наказаний, отрадно начать вечною памятью зеленой дорожке шпицрутенам[141], кошкам, плети и клеймам! 17 апреля настоящего года составляет эру в нашем уголовном законодательстве. Из него исчезают с этого дня телесные наказания, орудия которых скоро сделаются историческою редкостью. Остаются еще розга и линьки на судах для штрафованных нижних чинов, но в приемах крайне ограниченных и не как средство универсальное, а специфическое. Дай Бог, чтобы этот новый пример отеческой заботливости правительства о благосостоянии армии и флота и о возвышении нравственного духа нижних чинов был встречен с полным сочувствием нашими офицерами. В последнем, впрочем, мы и не сомневаемся: несмотря на существование в весьма недалеком прошедшем общего убеждения, что на судне нельзя обойтись без телесных наказаний, несмотря на живучесть этого убеждения в английском флоте, мы можем с гордостью сказать, что наш флот, вследствие влияния правительственной инициативы и общественного мнения, уже готов был к принятию этой благодетельной реформы. Недаром же большинство наших молодых офицеров, несмотря на существование наказания кошками в нашем законодательстве, не только никогда не видало этого страшного орудия, но даже и не имело о нем точного понятия…*

[139] Присоединенное к России на Венском конгрессе 1815 г. бывшее Варшавское герцогство составило т. н. «Царство Польское», получившее от Александра I не только автономию, но и собственную армию, администрацию и денежную систему. Была даже своя конституция — и это в стране безграничного самодержавия! После вероломного мятежа 1830 г. Сейм и национальные войска, бывшие очагами мятежа, были распущены, конституция ликвидирована. Царство Польское обращено в Русское генерал-губернаторство, получив то же административное устройство, что и прочие области Российской империи.

[140] В тот же день были изданы высочайшие приказы по Военному и Морскому ведомствам. Согласно приказу по Морскому ведомству, наказания шпицрутенами и кошками отменялись. Нижние чины, подлежавшие наказанию шпицрутенами, должны были подвергаться наказанию розгами в количестве не более 200 ударов. Нижние чины во время плавания, подлежавшие ранее наказанию кошками, должны были подвергаться наказанию линьками в количестве не более 100 ударов. Нижние чины, имеющие нашивки за беспорочную службу, были освобождены от телесных наказаний даже по судебным приговорам.

[141] Наказание шпицрутенами было введено Воинским уставом 1716 года. О шпицрутенах упоминает и Морской устав 1720 года. Однако во флоте в основном использовали наказания розгами, линьками и кошками (специальными плетьми).

Дай Бог, чтобы флот наш поскорее пришел к убеждению, что и без линьков можно обойтись на судне, как обходятся без них и теперь на многих военных судах наших»[142].

К 1 января 1863 года по спискам флота состояло судов (в Балтийском флоте, Беломорской, Каспийской, Черноморской, Сибирской и Аральской флотилиях)[143]:

	В Балтийском флоте		всего	
	паровых	парусных	паровых	парусных
Кораблей	9	—	9	—
Фрегатов	9	1	9	1
Корветов	13	2	22	2
Клиперов	11	—	12	—
Пароходо-фрегатов	7	—	7	—
Винтовых лодок	73	—	77	—
Имп. паровых яхт	3	—	4	—
Яхт	—	5	—	6
Шхун	4	1	25	9
Тендеров	—	1	—	3
Транспортов	2	1	6	13
Барж морских	—	—	—	10
Малых пароходов	16	—	46	—
Баркасов и катер.	5	—	16	—
Итого:	152	11	233	44

Это был тревожный 1863 год…

В том году командирами более чем полутораста судов в балтийских портах приняты были из Комиссариатского департамента Морского министерства провизионные билеты на получение:

Вина	19 302 ведра	
Уксуса	2 768 ведер	20 чарок
Масла коровьего	11 008 пудов	
Сухарей ржаных	74 480 пудов	
Соли	3 085 пудов	
Гороху	19 288 пудов	
Крупы	27 584 пуда	10 фунтов

[142] Морской сборник. LXVI, 1863. № 5, Современное обозрение. С. 1–2.

[143] Отчет директора Инспекторского департамента Морского министерства… за 1862 год. // Морской сборник. XLVI, 1863. № 5, С. 134.

Мяса	25 208 пудов	
Зелени	1 418 300 порций	
Чая	71 пуд	19 ф. 48 зол.
Сахару	2 843 пуда	7 фунтов
Табаку	866 пудов	24 фунта
Мыла	889 пудов	5 фунтов

В предпоследнем обнаруженном отчете подводился итог работы Комиссариатского департамента в кампанию 1863 года[144]; сведения же за следующий год[145] опубликованы так и не были.

По данным за 1865 год, закупки продовольствия для Балтийского флота составляли 75 010 кулей муки и 7151 четверть крупы по цене от 5 рублей 60 копеек за куль[146] в Санкт-Петербурге (самые низкие цены) до 6 рублей 10 копеек в Ревеле (самые высокие цены на Балтике). Крупа стоила от 6 рублей 60 копеек до 7 рублей ¼ копейки за четверть[147].

В кампанию 1865 года Комиссариатским департаментом было выдано командирам судов «провизионных билетов» на получение[148]:

Вина	22 357 ведер	
Уксуса	3 206 ведер	
Масла	1 257 пудов	
Сухарей	88 286 пудов	
Соли	3 196 пудов	

[144] Отчет директора Комиссариатского департамента… за 1863 год. // Морской сборник. Т. LXXIV, 1864. № 9. С. 335.

[145] Об учреждении комиссии для поверки провизионных билетов, бывших в обращении в 1864 году. // РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1868.

[146] Куль — большой мешок из рогожи. Мучные кули — самые прочные и большие, рогожа в них называлась «пудовкой». Куль как отвлеченная величина означал также четверть, меру сыпучих тел, обычно ржи 9 пудов 10 фунтов, овса 6 пудов 5 фунтов.

[147] Отчет директора Комиссариатского департамента… за 1865 год. // Морской сборник. Т. LXXXV, 1866. № 8. С. 197.

[148] Там же. Т. LXXXV, 1866. № 8. С. 270.

Гороху	22 216 пудов	
Крупы	20 902 пуда	
Мяса	28 906 пудов	
Зелени	1 611 000 порций	
Чая	99 пудов	10 ф. 48 зол.
Сахару	3 254 пуда	29 фунтов
Табаку	1 002 пуда	35 фунтов
Мыла	1 050 пудов	11 фунтов

Билеты выдавались командирам судов под роспись и хранились вместе с денежной документацией: *«е) …билеты же, полученные за выданную провизию, по сортам оной, хранить как денежные документы в ящике»*[149]. В случае утраты провизионных билетов требовалось составлять специальный акт — это предписывалось циркуляром Инспекторского департамента Морского министерства от 23 сентября 1858 года[150].

Если посмотреть на документы по обращению провизионных билетов, то в них не всегда совпадали суммы выданных и полученных билетов, хотя случаев подделки подобных документов не было обнаружено.

Скорее всего, разница в суммах вызвана была тем, что в начале года портовые подразделения и корабли могли расплачиваться билетами образца предыдущего года, а часть билетов в течение года не возвращалась в Департамент.

Кроме того, наблюдалось несовпадение по отдельным позициям, видимо, связанное с неудобством учета расхода продовольствия по расходу билетов, поскольку могло не оказаться нужных номиналов билетов, и приходилось расплачиваться билетами на другой вид снабжения.

Так, в 1865 году отмечен был перерасход билетов по таким позициям, как: вино (37 ведер), уксус (58 чарок), масло (18 пудов 27 фунтов), сухари (39 пудов), мясо (41 пуд 16 фунтов) и табак (30 пудов 34 фунта).

Зато недобраны были такие позиции, как: соль (3 пуда 33 фунта), горох (102 пуда 10 фунтов), крупа (189 пудов 11 фунтов), чай (3 фунта 20 золотников), сахар (2 пуда 2 фунта), зелень (16 532 порции) и мыло (4 фунта). По денежной оценке, перерасход составил 487 рублей 22 копейки, а недобор — 419 рублей 32 копейки, и общая сумма недостачи 67 рублей 90 копеек, что на общей сумме обращения билетов, измеряемой сотнями тысяч рублей, совершенно незначительная сумма, а из-за обезлички билетов вряд ли может быть разыскана[151].

[149] Морской сборник. Т. XVI, 1855. № 5. С. LXXV.

[150] Хронологический указатель морских постановлений за время с 1700 по 1875 год, с объяснениями кодификационного управления Морского министерства. — СПб., 1876. С. 726.

[151] РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1868. Л. 26.

К сожалению, подробных документальных данных о выдаче «провизионных билетов» в Балтийских портах в кампанию 1866 года обнаружить пока не удалось.

На сегодняшний день именно этот выпуск билетов **«образца 1866 года»** является самым ранним известным в собраниях типом провизионных билетов Комиссариатского департамента.

Версия о том, что сохранились те билеты, которые не были своевременно представлены купцами в Министерство для оплаты наличными, представляется маловероятной, поскольку все известные ныне знаки — это неиспользованные бланки, не снабженные печатями Комиссариатского департамента и не выданные в свое время командирам судов.

В значительно бóльшем количестве сохранились бланки билетов **«образца 1867 года».**

На 1867 год планировалось закупить 27 000 кулей муки и 3 400 четвертей круп по закупочной цене от 6 рублей 38 копеек до 9 рублей 50 копеек за четверть. Стоимость продовольствия в столице Империи составляла: за ведро уксуса — 71 копейку; пуд соли — 63¾ копеек; пуд сахара — 7 рублей 45 копеек – 7 рублей 60 копеек; пуд табака — 2 рублей 34 копейки; пуд мыла — 3 рубля 64 копейки; свежее мясо — 3 рубля 5 копеек за пуд; вино — 2 рубля 44 ½ копейки за ведро; зелень (квашеная капуста) — 0,6 копейки за порцию[152].

Комиссариатский департамент так и не успел воспользоваться провизионными билетами нового образца, и причина этого кроется в очередной реформе Морского министерства, проведенной в эти годы, когда шло постоянное сокращение флота и расходов на него из-за расстройства государственных финансов.

Подводя итог нашим изысканиям, мы можем констатировать, что на протяжении двенадцати лет в кампаниях 1855–1866 годов командирам судов Бал-

[152] Отчет директора Комиссариатского департамента… за 1865 год. // Морской сборник. Т. LXXXV, 1866. № 8. С. 224.

тийского флота ежегодно выдавались из Комиссариатского департамента провизионные билеты, использовавшиеся в Санкт-Петербургском, Кронштадтском, Ревельском[153] и Свеаборгском портах.

Герб столичного г. Санкт-Петербурга 1856 г.

Проект герба крепости Кронштадт, составленный бароном Б. Кёне в 1859 г.

Проект герба портового г. Ревеля, составленный бароном Б. Кёне в 1868 г.

Эмблема с памятного нагрудного знака к 100-летию морской крепости Свеаборга (1808–1908 гг.)

[153] Поскольку большими недостатками первых русских портов на Балтике являлось зимнее замерзание акваторий и значительное удаление от открытого моря, Петербургская и Кронштадтская гавани, построенные в Финском заливе, не давали возможности флоту свободно действовать в Балтийском море, поэтому систему базирования флота необходимо было расширять. Петр I решил продвинуть базу флота в Балтийское море, разместив ее в одном из завоеванных шведских портов. Выбор пал на Ревельскую (Таллинскую) гавань как единственно удобную для обращения ее в военный порт (хотя и гавань в Ревеле имела ряд неудобств). С 1864 г. Ревель перестал быть исключительно военным портом и крепостью. В 1870 г. к нему подвели железную дорогу, и он стал коммерческим портом в ведении Министерства путей сообщения.

Сфера применения провизионных билетов

По бытовавшему среди коллекционеров мнению, *«провизионные билеты»* выдавались поставщикам провизии на руки вместо наличных денег, а оплата их производилась по предъявлении в Департаменте[154].

Однако, как мы теперь знаем, использование этих билетов в «натуральном» исчислении было несколько иным.

Судя по отчетам Комиссариатского департамента, сфера применения этих «провизионных билетов» была более узкой — в обороте между должностными лицами, ответственными за «комиссариатские магазины»[155] (т.е. ведомственные склады флота в портах) и «провизионные кладовые» и «броткамеры»[156] на судах Балтийского флота.

Процитируем еще раз документ, пояснявший порядок использования комиссариатских провизионных билетов: *«…командиры снабжены были особыми на каждый сорт провизии билетами, по предварительно сделанному в Департаменте расчету потребности, и на билеты сии командиры покупали, как бы за наличные деньги, провизию из магазинов»*[157].

Вид Кронштадтской гавани. Акварель Фердинанда-Виктора Перро

[154] *Alex Abezgauz, Steve Volis*. The Russian Imperial Navy Ministry Scrip of 1866–1867. // I.B.N.S. Journal. Vol. 33. No. 4. P. 14.

[155] С 1860 г. вводилась новая строго регламентированная форма отчетности для снабженческих организаций флота (Положение о комиссариатской части в портах. — СПб., 1860).

[156] Броткамера — помещение на судне для хранения сухарей, муки и сухой провизии.

[157] Извлечение из отчета директора Комиссариатского департамента... // Морской сборник. Т. XXI, 1856. № 5. С. 381.

Тем не менее, «дыма без огня не бывает» — провизионными билетами флотские офицеры и в самом деле расплачивались порой (правда, в качестве редкого исключения) и с гражданскими поставщиками.

Как мы помним, еще в 1856 году командиры судов рассчитывались подобными билетами за поставки зелени в Кронштадте, Ораниенбауме и Петербурге.

Кроме того, в конце мая 1861 года директором Комиссариатского департамента Д. Набоковым подписан был следующий циркуляр:

> Министерство Морское
> Департамент Комиссариатский
> Часть Счетная
> Мая 31 дня 1861 г.
> Комиссариатский Департамент, признавая необходимым, чтобы при требовании по провизионным билетам свежего мяса не из казенных магазинов, а непосредственно от поставщиков, на сих билетах прикладываема была казенная судовая печать, покорнейше просит Гг. Судовых Командиров принять означенную меру ныне же к исполнению.
> Подписали:
> Управляющий Департаментом Д. Набоков и за Делопроизводителя…[158]

Кроме провизионных билетов, Морским ведомством выдавались для судов, уходивших в заграничное плавание, денежные аккредитивы на получение денег в иностранных банках. Находившийся в загранплавании корабль закупал продовольствие у «шипчандлеров» (купцов-судоснабженцев)[159] за наличный расчет.

Комиссариатский департамент, входивший в состав Морского ведомства, подразделялся на «Отделения» и «Столы». Кто были те люди, что непосредственно занимались программой выпуска «провизионных билетов»?

В 1863 году к прежнему штату из 10 чиновников и 2 вольнонаемных поступило на штатные должности еще 9 человек, 4 из которых были направлены в Комиссариатскую часть Санкт-Петербургского порта. К 1864

Лист 40
Высочайше утверждено: 2го Декабря 1863 года.
Къ № 40337
РИСУНКИ
погоновъ для гражданскихъ чиновниковъ Морскаго Министерства
№ 1, для первыхъ 5-ти классовъ
№ 2, для 6, 7, и 8 классовъ
№ 3, для 9, 10, 12 и 14 классовъ
для чиновниковъ портовыхъ управленій, имѣющихъ вертишки темнаго сукна, № 4

[158] Циркуляр Комиссариатского департамента Мор. министерства за № 37 от 31 мая 1861 года. // СУПРМВ за 1861 год. — СПб., 1861. С. 817.

[159] Шипчандлер (от анг. *ship-chandler*) — судовой поставщик. Ранее бытовало в русском языке написание на французский манер (где буквосочетание «ch» читается как «ш», а не «ч») — «шипшандлер».

КОММИСАРІАТСКІЙ ДЕПАРТАМЕНТЪ.

Директоръ Д. С. С. Ѳедоръ Карловичъ Шульцъ.
Вице-Директоръ, Д. С. С. Николай Оттовичъ Тизенгаузенъ.

году в штате состояло 16 чиновников[160], а в последний, 1866 год работы — 14 служащих[161].

Вице-директор Департамента — действительный статский советник **Николай Оттович Тизенгаузен**.

Делопроизводитель — статский советник (с 1864) **Николай Петрович Храбростин**, находившийся в государственной службе с 1819 года.

Чиновник особых поручений Комиссариатского департамента, статский советник (1864 г.) **Иринарх Данилович Абиняков**, находившийся в государственной службе с 1831 года.

Старший делопроизводитель Департамента, коллежский асессор[162](1861 г.) **Илья Михайлович Галенкин**, на государственной службе с 1855 года.

Младший делопроизводитель Департамента, коллежский асессор (1860 г.) **Сергей Николаевич Попов**, в государственной службе с 1851 года[163].

Последний же директор Комиссариатского департамента, действительный статский советник **Федор Карлович Шульц**, как уже указывалось выше, состоял в этой должности до 1866 года, когда был сперва отчислен к Морскому министерству, а затем, в январе 1867-го, уволен за штатом[164].

За время службы своей в Морском министерстве Шульц неоднократно состоял членом разных комиссий и комитетов. Согласно сведениям, почерпнутым у составителей Русского биографического словаря, в 1866 году он участвовал в работе *«комиссии для пересмотра положения о провизионных билетах»*[165].

Рассмотрим внимательнее эти финансовые документы флота 1866–1867 годов.

[160] Отчет директора Комиссариатского департамента… за 1863 год // Морской сборник. LXXIV, 1864. № 9. С. 346.

[161] Морской Альманах на 1866 год (2-й год изд.). — СПб.: Тип. Морского министерства. Б.г. С. 42.

[162] Коллежский асессор — гражданский (статский) чин VIII класса по Табели о рангах. Соответствовал чинам майора армии (до 1884 г.) и капитан-лейтенанта флота. К чину применялся общий титул «Ваше высокоблагородие».

[163] Список гражданским чинам Морского ведомства, 1862. С. 100, 333, 340; Список гражданским чинам Морского ведомства, 1865. С. 53, 56; Адрес-Календарь на 1865/1866 год. Ч. 1. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1866. С. 285.

[164] Ф.К. Шульц позднее служил в Министерстве юстиции, в 1873 г. произведен был в тайные советники и назначен сенатором. Скончался скоропостижно на улице в Париже 1 мая 1881 г.

[165] Русский биографический словарь. В 25 томах. / А.А. Половцов. — М., 1896–1918. Т. 30. С. 532.

Разные продукты: количество провизионных номенклатур

Под «довольствием» на флоте понимали снабжение трех разных видов. Во-первых, денежное, во-вторых — по части комиссариатской — обмундирование[166], и, наконец, «общее» и «особое» довольствие по провиантской части.

Заграничные плавания бывали в русском флоте трех категорий: **«дальние»,** то есть кругосветные; **«ближние»**, то есть годовые плавания в Средиземном море и зимовки в иностранных портах; и так называемые **«временные посылки»** длительностью менее года, например из Черного моря на Дунай или в Константинополь, из Кронштадта во Францию и так далее. Корабли «в дальнюю» уходили чаще всего из Кронштадта. В долгий путь необходимо было основательно запасаться.

Сложнейшей проблемой было обеспечение кораблей пресной водой. Хранилась она в бочках по 25, 35 и 60 ведер. Они устанавливались в трюме поверх балласта. Через 10–15 дней вода портилась и начинала издавать дурной запах. Все попытки найти способ сохранить ее свежесть оставались безрезультатными. Воду приходилось расходовать очень экономно: матросам для питья выдавали ее только в присутствии офицера. Для личной гигиены пользовались забортной водой.

Ассортимент продуктов, употреблявшихся на кораблях парусного флота, был строго определен Морским регламентом. *«Известно, что все императорские военные суда, отправляемые из российских портов в заграничные моря,* — писал Василий Михайлович Головнин[167], — *следуют в содержании команды и продовольствии служителей провиантом одному общему правилу, предписанному в наших морских узаконениях, выключая из сего то, что, по неимению в иностранных портах хлебного вина, ржаных и солодяных сухарей, производят им французскую водку или ром, белые сухари и виноградное вино с водою вместо квасу…»*[168]

Проблема хранения продуктов была не менее сложной, нежели хранения пресной воды. Небольшой запас «живой» провизии (свиньи, бараны, куры) предназначался только для офицеров и больных. Нормы пищевого довольствия по калорийности были по нынешним понятиям вполне удовлетворительными.

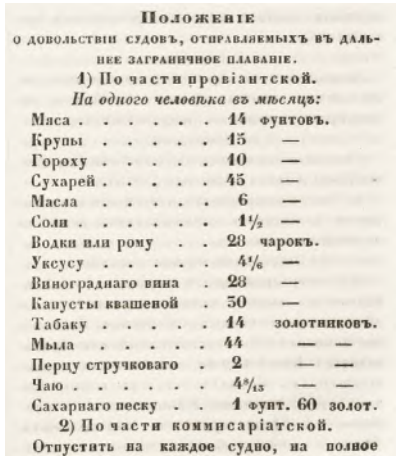
[166] Форма одежды нижних чинов флота (во многом сохранившаяся до настоящего времени) начала формироваться с середины XIX века. В 1854 г. были введены бушлаты (*брушлаты* — по тогдашней терминологии). 7 января 1863 г. было введено подразделение формы одежды на парадную, обыкновенную и рабочую, а также на летнюю и зимнюю, береговую и судовую. Береговая форма нижних чинов состояла из темно-зеленого мундира, темно-зеленых и белых брюк, фуражки, темно-синей шинели с ремнем и вязаной фуфайки. Во время службы на кораблях матросы носили синюю и белую рубахи с синим воротником, темно-зеленые и белые брюки, фуражку и рабочее платье. В 1872 г. для нижних чинов ввели рубаху с синим воротником (с двумя белыми полосами), а для белых рубах дополнительно установили синие обшлага с одной белой полосой. В том же году в русском флоте появился тельник — тельняшка (от современной она отличалась более широкими полосами). Тогда же появилась и бескозырка, на околыше которой прикреплялась черная шелковая лента с названием корабля или команды.

[167] Головнин Василий Михайлович (1776–1831†) — русский мореплаватель, вице-адмирал, член-корреспондент Петербургской академии наук, совершивший два кругосветных плавания. Сокращенное описание путешествий Головнина переиздано в его «Сочинениях...».

[168] *Головнин В.М*. Сочинения. — М-Л.: Издательство Главсевморпути, 1949. С. 34.

По тогдашним нормам, действовавшим в начале 1860-х годов, на 1 члена экипажа, отправлявшегося в дальнее плавание, полагалось в месяц (морской месяц — 28 дней):

	с **1856** года[169]	с **1858** года[170]
Мяса	14 фунтов	14 фунтов
Крупы	15 фунтов	18 фунтов
Гороху	10 фунтов	10 фунтов
Масла	6 фунтов	6 фунтов
Соли	1 ½ фунта	1 ½ фунта
Водки или рому	28 чарок	28 чарок
Уксусу	4 ⅙ чарки	4 1/6 чарки
Виноградного вина	28 чарок	28 чарок
Капусты квашеной	30 чарок	20 чарок
Табаку	14 золотников	½ фунта
Мыла	44 золотника	1 фунт (½ ф., ¼ ф.)
Перцу стручкового	2 золотника	2 золотника;
Чаю	4 8/13 золотника	4 8/13 золотника;
Сахарного песку	1 ф. 60 золотников	1 ф. 60 золотников


Положеніе
о довольствіи судовъ, отправляемыхъ въ дальнее заграничное плаваніе.
1) По части провіантской.
На одного человѣка въ мѣсяцъ:
Мяса . . . . . 14 фунтовъ.
Крупы . . . . . 15 —
Гороху . . . . . 10 —
Сухарей . . . . . 45 —
Масла . . . . . 6 —
Соли . . . . . 1½ —
Водки или рому . . 28 чарокъ.
Уксусу . . . . . 4⅙ —
Виноградиаго вина . 28 —
Капусты квашеной . 30 —
Табаку . . . . . 14 золотниковъ.
Мыла . . . . . 44 — —
Перцу стручковаго . 2 — —
Чаю . . . . . 4 8/13 — —
Сахарнаго песку . . 1 фунт. 60 золот.
2) По части коммисаріатской.
Отпустить на каждое судно, на полное

Нормы довольствия, утвержденные в качестве опыта 14 сентября 1856 г. и объявленные Инспекторским департаментом по Морскому ведомству «к сведению и исполнению»

«Здоровый и бодрый вид, которым отличались морские чины, бывшие на морской порции, — писал в отчете директор Комиссариатского департамента, — *служит ручательством, что пища, отпускаемая им по положению, весьма здорова, а значительная заслуга* (т.е. выплаченные за неупотребленные продукты деньги), *образовавшаяся во всех командах, доказывает, что порция, отпускаемая матросу, слишком достаточная»*[171].

«Заслуга» и впрямь выплачивалась немалая.

В ведомости Комиссариатского департамента *«о суммах, выданных из казначейства Морского министерства и из портовых казначейств гг. командирам военных судов на удовлетворение команд за заслуженную морскую провизию в кампании 1862 года»* указывалось:

[169] Положение о довольствии судов, отправляемых в дальнее заграничное плавание. // Морской сборник. Т. XXV, 1856. № 13. С. С–СІ; Положение... // ПСЗРИ. Т. XXXI, 1856. Отд. I-е. Ст. 30956. С. 849.

[170] Высочайше утвержденное Положение о довольствии судов, отправляемых в заграничные плавания. // ПСЗРИ. Т. XXXIII, 1858. Отд. I-е. Ст. 33168. С. 645.

[171] Извлечение из отчета директора Комиссариатского департамента Морского министерства статского советника Князя Оболенского за 1855 год. // Морской сборник. XXI, 1856. № 5. С. 386.

Названия судов	Сколько дней продолжалась кампания	Дневных порций во время кампании	Сколько выдано денег	
			за заслуженную провизию	за унтер-офиц. полупорции
			Руб. Коп.	руб. коп.
Корабли:				
«Имп. Николай I»	96	79 064	2 691 57 ¾	531 53
«Вола»	17	6 745	92 73	45 24¾
«Ретвизан»	19	6 934	210 53½	44 96
«Гангут»	92	70 826	3 630 95	605 7
Фрегаты:				
«Светлана»	23	9 374	562 82½	105 31½
«Громобой»	28	9 122	423 13	125 75
«Кастор»	84	19 124	790 57¾	460 36½
«Пересвет»	28	17 625	583 8	117 58
Корветы:				
«Баян»	84	17 052	850 89¼	137 85
«Варяг»	39	2 704	67 97	31 48
«Гридень»	28	3 396	182 23	39 89¼
«Сокол»	28	5 264	214 9¼	42 68¼
«Витязь»	65	4 536	108 43¾	44 60
Пароходо-фрегаты:				
«Рюрик»	179	32 218	1 818 72	255 50
«Гремящий»	140	30 761	1 498 30½	295 89¼
«Смелый»	173	32 696	1 734 53	331 78½
«Владимир»	172	18 604	909 12½	182 32
«Храбрый»	195	42 630	1 977 43½	431 98
«Соломбала»	127	15 851	733 90	148 5
Пароходы:				
«Курьер»	196	7 843	219 82	165 98
«Невка»	189	8 412	549 91¾	181 62

...Далее, кроме 14 пароходов и 1 клипера, список включал в себя 6 шхун, 8 яхт, тендер и 18 винтовых лодок, транспорты, паровые баркасы, плавучие маяки и прочее. В общей сложности матросам всех этих судов и подразделений Балтийского флота в 1862 году выплачено было «заслуги» на общую сумму в 49,326 рублей 63 копейки; унтер-офицерам — на 13,665 рублей 47½ копеек[172].

Однако, несмотря на все усилия, питание все же отличалось крайним однообразием. Для продовольствия морских команд некоторые продукты доставлялись из губерний «натурой», другие заготовлялись на адмиралтейских заводах или поставлялись подрядчиками.

[172] Морской сборник. Т. LXV, 1863. № 3. С. 29–32.

«Сухая» провизия: сухари, крупа, горох

В русской армии для продовольствия нижних чинов отпускались ржаная мука или печеный хлеб, гречневая крупа, мясо, соль и винные порции[173]. Основой продовольствия служил ржаной хлеб, которого полагалось на человека 3 фунта в день, и каша из ¼ фунта круп на каждого. Мяса полагалось лишь по 7 фунтов в месяц на каждого строевого нижнего чина; нестроевые получали половину, а денщики вовсе не получали.

Галѐта (Biscuit. Bisquit) морской сухарь—выпекается изъ ржаной или пшеничной муки и употребляется въ плаваніи вмѣсто хлѣба.

Для флота готовили сухари «двойной» или «тройной закалки» — уже подсушенный около пяти суток на воздухе испеченный хлеб (сухарь простой) вновь помещали на специальных лотках в раскаленную печь. В Кронштадте по сию пору сохранилось самое крупное в Европе здание для производства «морских сухарей» — Сухарный завод Кронштадтского военного порта, возводил которое в 1795–1797 годах сам Василий Баженов.

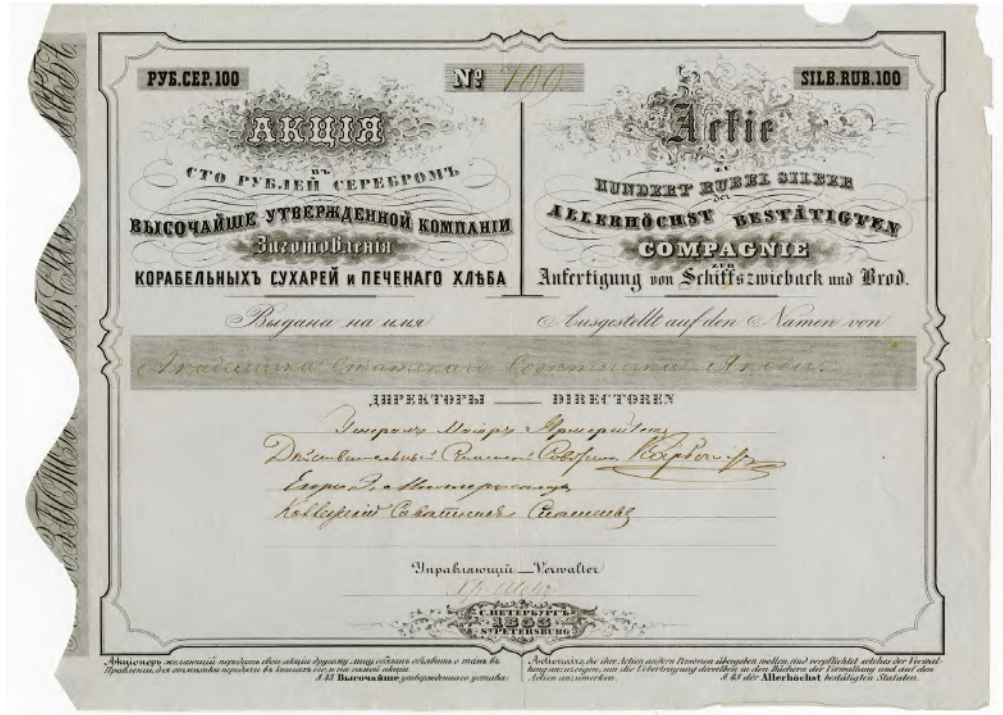
Брот-**ка́мера** (Soute à pain. Biscuit or bread-room) — помѣщеніе на суднѣ, гдѣ хранятся сухари.

На флоте же — иное. Здесь вместо хлеба выдавались сухари. Отметим, что выпуском сухарей занимались специальные сухарные фабрики, причем первая начала давать продукцию в 1712 году и находилась в Главном Адмиралтействе в Санкт-Петербурге.

Долгое время главным поставщиком сухарей для флота был купец Доннерберг, арендовавший с конца 1850-х годов Кронштадтский сухарный завод. Там он, с разрешения Комиссариатского департамента, выстроил шесть новых печей из английского кирпича, вложив в эту реконструкцию ни много ни мало 6 тысяч рублей. Впрочем, затраты окупались: из года в год Морское ведомство приобретало у него столь необходимое продовольствие. Тамошние сухари выдерживали «без червя» полгода в тропиках — для двойной закалки, и почти два года — для тройной. Естественно, при условии

[173] Свод военных постановлений, 1838. Т. X, Кн. 3, С. 482–499.

«сухости» в броткамере[174], которую поддерживали всеми известными способами, — при подмачивании качества сухарей тут же терялись. Твердость же была соответствующая — о сухарь можно было «править» бритву…



Акція в 100 рублей серебром Высочайше утвержденной Компании заготовления корабельных сухарей и печеного хлеба, С.-Петербург, 1853 г. Выписана на имя академика Бориса Семеновича Якоби[175]

— Правленіе Высочайше утвержденной Компаніи для изготовленія корабельныхъ сухарей и хлѣба имѣетъ честь пригласить всѣхъ Гг. акціонеровъ въ общее собраніе, назначенное 21 іюня 1855 г., въ 7 час. вечера, для разсмотрѣнія равныхъ предположеній по устройству завода.—Правленіе, имѣя въ виду, что предметъ предстоящихъ разсужденій, по важности своей, касается каждаго изъ участниковъ, приглашаетъ всѣхъ Гг. акціонеровъ, не исключая и тѣхъ, кои по уставу Компаніи не имѣютъ права голоса въ общихъ ея собраніяхъ, при чемъ нужнымъ считаетъ присовокупить, что тѣ изъ нихъ, кои не могли бы сами прибыть въ собраніе, имѣютъ право присылать вмѣсто себя довѣренныхъ, увѣдомивъ о томъ Правленіе Компаніи.— Общее собраніе назначено въ конторѣ Компаніи, въ собственномъ ея домѣ, у Старой Московской заставы, по Обводному каналу. (1)

[174] Броткамера (от нем. *brot* — хлеб и *kammer* — комната, каптерка) — помещение на судне для хранения сухарей, муки и сухой провизии. Помещалась в кормовой части корабля, ниже жилой палубы, и обшивалась сосновыми досками.

[175] Мориц Герман Якоби (нем. *Moritz Hermann von Jacobi;* на русский лад — Борис Семенович Якоби; 1801–1874†)— немецкий и русский физик-изобретатель. Прославился открытием гальванопластики. Построил первый электродвигатель, телеграфный аппарат, печатающий буквы. В 1855 г. по приказу Морского министра лаборатория Якоби занималась созданием изобретенных им подводных пиротехнических мин для заграждения и обороны Кронштадтских фортов.

В отчете Ревизионной экспедиции за 1863 год указывалось: *«…из запасов морской провизии, заготовленной в 1861 году для фрегата „Генерал-Адмирал“, положено было актом комиссии от 10 октября того же года выбросить 500 пуд[ов]. сухарей, стоивших казне 1400 р[ублей]. и оказавшихся негодными к употреблению в пищу; но, по соглашению с поставщиком, они обменены на половинное количество доброкачественных, и затем исключено из прихода негодных только 250 пуд[ов]. сухарей, то есть понесен убыток (по цене заготовления) в 700 руб[лей].; но не принят на счет казны. По этому предмету экспедиция также отнеслась в Комиссариатский департамент»*[176].

Остановимся вкратце на мерах веса морского провианта, основанных на казенной системе, принятой Указом 1835 года.

Вес считали, естественно, пудами[177], а 10-пудовые провизионные билеты заставляют вспомнить еще одну архаичную меру веса (тем не менее, широко использовавшуюся в торговом обороте середины XIX столетия)[178] — *берковец* (163,8 кг). Так именовалась на Руси мера в 10 пудов (название которой, как полагают, произошло от имени острова Бьерк) — как раз стандартная бочка с воском, которую один человек мог закатить на купеческую ладью, плывущую на этот самый остров…

берковец (163,8 кг)	***пуд*** (16,380496 кг)	***фунт***[179] (409,512 г)	***лот*** (12,79725 г)	***золотник*** (4,2658 г)	***доля*** (0,044435 г)
1	= 10	= 400	= 12 800	= 38 400	= 3 686 400
	1	= 40	= 1 280	= 3 840	= 368 640
		1	= 32	= 96	= 9 216
			1	= 3	= 288
				1	= 96

[176] Морской сборник. XLVI, 1863. № 5. С. 88.

[177] Здесь уместно также вспомнить и специфическую меру корабельного груза — *ласт* (от нем. *last* — тяжесть). Ласт корабельный = 2 тоннам = 200 куб. футам. На 1 ласт считалось: 117–118 пудов ржи; 55 пудов сухарей; 120 пудов сала свиного, масла коровьего, затаренного в бочки; 45 пудов сухой трески; 120 ведер вина; 145 пудов испанской, 150 пудов русской, 172 пуда французской поваренной соли (РГАВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 9. Л. 168).

[178] На основе системы единиц измерения веса складывались наиболее употребительные наборы гирь. Пудовые — в 10, 5, 3, 2, 1 пуд и ½ пуда (20 фунтов); фунтовые — в 10, 5, 3 и 1 фунт. Употреблялись также и части фунта (полфунта, четверть, восьмая часть, или «осьмуха») и фунтовые разновесы. Гиря фунтового разновеса весом в фунт состояла из чашечек, входящих одна в другую. Каждая чашечка соответственно весила: 48 золотников (полфунта), 24, 12, 6, 3, 2 и 1 золотник.

[179] Имеется в виду, конечно, «русский фунт торгового веса», а не «аптекарский», который составлял ⅞ (или 0,875) русского фунта. Кроме того, в России употреблялись: *«рижский»* фунт = 32 лотам = 128 квинталам (= 1 фунт. 2 золотн. 47,74 долей русск.); *«ревельский»* фунт = 32 лотам = 128 квинталам (= 1 фунт. 4 золотн. 85,35 долей русск.); *«курляндский»* фунт = 32 лотам = 128 квинталам (= 1 фунт. 2 золотн. 12,9 долей русск.); *«гродненский»* фунт = 32 лотам (= 0,9 фунт. русск.); *«финляндский»* фунт = 1 фунт. шведскому (= 1 фунт. 3 золотн. 60,78 долей русск.); *«польский»* фунт = 16 унциям = 128 драхмам (= 95 золотн. 5,81 долей русск.).

В середине XIX столетия по нормам Морского министерства на 1 человека в плавании полагалось в месяц:

45 фунтов сухарей (т.е. 1⅛ пуда — приблизительно 18,4 кг),

18 фунтов крупы (⁹⁄₂₀ пуда, или 7,37 кг) и

10 фунтов (¼ пуда, или 4,1 кг) гороха[180].

«Для целого экипажа корабли наши могут поместить провизии на 6 морских месяцев (каждый мес. по 28 дней), кроме сухарей, которых, равно как воды и дров, берут на 3 или 4 месяца», — указывалось в Военном энциклопедическом лексиконе в 1855 году[181].

Для одного 120-пушечного линейного корабля (такого, к примеру, как «Император Николай I», в судовой команде которого было свыше 900 нижних чинов[182]), на 3-месячное плавание требовалось по нормам довольствия более 3000 пудов сухарей.

Комиссариатским департаментом Морского министерства заказывались к изготовлению в типографии провизионные билеты на **сухари** 5 весовых разборов — в **1 фунт, 1 пуд, 5, 10** и **100 пудов**. Этими билетами в кампании разных годов было выдано из Департамента на суда:

I. Высочайше утвержденное Положеніе о довольствіи судовъ при внутреннихъ плаваніяхъ въ Россійскихъ водахъ:

А. По части провіантской:

Полагается на одного человѣка: въ морской мѣсяцъ:

Мяса	14	фунтовъ.
Крупы	18	—
Гороху	10	—
Сухарей	45	—
Масла	6	—
Соли	1½	—
Капусты квашеной	20	чарокъ.
Водки	28	—
Уксусу	4⅙	—
Солоду	2	гарнца.
Табаку	½	фунта.

Мыла:

На паровыхъ судахъ:

Машинистамъ и кочегарамъ	1	фунтъ.
Прочимъ нижнимъ чинамъ	½	—

На парусныхъ судахъ:

Всѣмъ безъ различія — ¼ фунта.

Нормы довольствия, утвержденные 19 мая 1858 г.

1855	выдано билетов на:	234 721 пуд	16 фунтов
1858	— « —	92 908 пудов	
1859	— « —	99 031 пуд	
1860	— « —	88 819 пудов	
1861	— « —	101 100 пудов	
1862	— « —	128 760 пудов	
1863	— « —	74 480 пудов	
1865	— « —	88 286 пудов	

[180] Морской сборник. Т. XXV, 1856. № 13. С. С–CI; Высочайше утвержденное Положение о довольствии судов, отправляемых в заграничные плавания. // ПСЗРИ. Т. XXXIII, 1858. Ст. 33168. С. 645.

[181] Военный энциклопедический лексикон. Изд. 2-е. — СПб., 1855. Т. VII. С. 385.

[182] Там же. 1855. Т. VII. С. 308.

В статье капитана Н. Рудановского, опубликованной в 1866 году в «Морском сборнике», приводились цены на сухари в России и в иностранных портах. Так, в России пуд сухарей стоил 2,50–3,00 рубля. Между тем, закупочные цены в Тулоне — 2,45 рубля в Лиссабоне — 2,385 рубля в Плимуте — 2,35 рубля на Мальте — 1,88–2,23 рубля Даже в Японии сухари стоили дешевле, чем в России!

Но еще дороже обходилась покупка сухарей в жестяных банках, которые в российских магазинах стоили по 50 копеек за фунт[183]…

ГОРОХ

На сегодняшний день известны сохранившиеся провизионные билеты на **«горох»** и **«крупу»** только четырех весовых разборов — в **1, 5, 10** и **100 пудов**.

Судя по документам Комиссариатского департамента, командирам военных судов в разные кампании было выдано провизионных билетов на горох:

1855	выдано билетов на:	78 063 пуда	19 фунтов
1858	— « —	30 630 пудов	
1859	— « —	23 616 пудов	
1860	— « —	32 925 пудов	
1861	— « —	36 250 пудов	
1862	— « —	33 580 пудов	
1863	— « —	27 584 пуда	10 фунтов
1865	— « —	22 216 пудов	

[183] *Рудановский Н.* О хлебной торговле в Санкт-Петербурге: о заготовке провианта в зерне и о новом приварке. // Морской сборник. Т. LXXXVII, 1866. № 11. Отдел неофициальный. С. 90–91.

Горох, которым снабжали провиантские магазины поставщики, по требованиям флота должен был быть *«сухой, свежий, без червоточины, тяжеловесный, имеющий достаточно мучных частей (удоборазваримый), при свойственном оному вкусе, в чем подвергают горох испытанию непременно при приеме оного от поставщика в казенные магазины; весом чистого гороха в четверти восьми четвериковой меры не менее десяти пудов, в двойных новых твердых и прочных кулях, или одинаких новых и прочных мешках, а с кулями и мешками десять пудов десять фунтов»*[184].

КРУПА

На крупу в кампании разных годов было выдано командирам военных судов:

1855	выдано билетов на:	51 095 пудов	10 фунтов
1858	— « —	20 511 пудов	
1859	— « —	21 127 пудов	
1860	— « —	22 524 пуда	
1861	— « —	25 380 пудов	
1862	— « —	45 400 пудов	
1863	— « —	19 288 пудов	
1865	— « —	20 902 пуда	

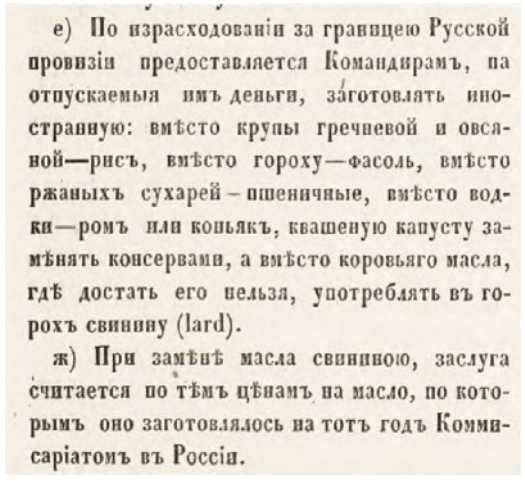
По данным за 1865 год, для Балтийского флота закуплено было 7151 четверть[185] крупы по цене от 6 рублей 60 копеек за четверть в Санкт-Петербурге (самые низкие цены) до 7 рублей ¼ копеек в Ревеле (самые высокие цены на Балтике)[186]. На 1867 год планировалось закупить 3400 четвертей круп по закупочной цене от 6 рублей 38 копеек до 9 руб. 50 копеек за четверть.

[184] Морской сборник. Т. XLI, 1859. № 5. С. 88.

[185] Указом 1835 г. было установлено, что 1 казенная четверть (209,91 л) = 2 получетвертям = 8 четверикам («мерам» по 26,239 л) = 64 гарнцам (по 3,276 л). «Четверть восьми четвериковой меры» вмещала 8 пудов крупы, или 7 пудов 10 фунтов муки. Непосредственное измерение производили осьминами и четвериками, меры четверти не было, но фактически четверти соответствовала тара — «куль», вмещавший 8 пудов.

[186] Отчет директора Комиссариатского департамента… за 1865 год. // Морской сборник. Т. LXXXV. 1866. № 8. С. 197.

Крупу — гречневую и овсяную — можно было заменять в рационе пшенной или ячневой крупой, а также кукурузой или рисом. Либо «в двух с половинном количестве» картофелем. Горох — сухими бобами, фасолью или макаронами[187].


е) По израсходованіи за границею Русской провизіи предоставляется Командирамъ, на отпускаемыя имъ деньги, заготовлять иностранную: вмѣсто крупы гречневой и овсяной—рисъ, вмѣсто гороху—фасоль, вмѣсто ржаныхъ сухарей—пшеничные, вмѣсто водки—ромъ или коньякъ, квашеную капусту замѣнять консервами, а вмѣсто коровьяго масла, гдѣ достать его нельзя, употреблять въ горохъ свинину (lard).

ж) При замѣнѣ масла свининою, заслуга считается по тѣмъ цѣнамъ на масло, по которымъ оно заготовлялось на тотъ годъ Коммисаріатомъ въ Россіи.

Чаще всего в меню была жидкая кашица с луком либо так называемая «размазня» (жидкая каша на воде). Заедать ее принято было размоченными в воде или в каше же черными ржаными сухарями. На всякий случай перед употреблением матросы стучали сухарем по палубе — таким образом можно было выбить заведшихся червяков…

Естественно, что вино, масло, уксус, мясо, рыбу и ряд других продуктов (в отличие от сухарей и круп) относили в царском флоте к «мокрой провизии», о которой мы поговорим отдельно.

[187] Свод Морских постановлений. Кн. XIII. О довольствии чинов Морского ведомства. — СПб.: Тип. Мор. мин. в Главном Адмиралтействе, 1899. С. 99. Ст. 272, 274.

«Мокрая» провизия: солонина

Скверное качество еды — вот то, что в течение столетий превращало морское плавание в ад.

Такое положение объяснялось многими причинами.

Во-первых, чаще всего команда получала дешевые и не совсем доброкачественные продукты. Поскольку поставщики заинтересованы были в том, чтобы сбываемая ими провизия не подвергалась слишком тщательному контролю, они готовы были даже оказать «материальную поддержку» отдельным офицерам и чиновникам…

Во-вторых, единственным средством консервирования таких скоропортящихся продуктов, как мясо и сало, была соль. Пересоленное мясо было почти несъедобным, тем более что из-за ограниченного количества воды на корабле его не удавалось вымочить в достаточной степени. Помимо этого в дальнем плавании, особенно в тропических широтах, качество мяса снижалось также и из-за жары.

Солонина в бочках — «адмиралтейский окорок», как прозвали ее русские моряки, — приобретала своеобразный цвет красного дерева с прожелтью: *«Соленое мясо особой посолки изготовлено было Кронштадтским 2-й гильдии купцом Блиновым, приготовлявшим мясо соленое и в прежние кругосветные плавания 1852, 1853, 1856 и 1857 годов. Посолка и укладка производилась под наблюдением самих командиров судов, отправлявшихся за границу. Посуда при укладке мяса употреблялась размерами по избранию командиров, причем, главным образом, принималось в соображение то, чтобы употреблять под поклажу такую посуду, из которой, по откупоривании, соленое мясо можно было все без остатка израсходовать в дачу, ибо остающееся в бочке или бочонке мясо соленое, после отпуска части в дачу нижним чинам, будучи неплотно закупорено, подвергается скорой порче»*[188].

При дальнейшем хранении солонина становилась коричневато-зеленоватой, и шел от нее натуральный трупный дух. Впоследствии, когда появились консервы, матросы называли волокнистую говядину из банок *«каболка»*, *«дохлый француз»* или *«мощи бригадира, павшего геройски от почечуйной болезни»*[189]…

В книге о жизни и деятельности выдающегося русского флотоводца, адмирала Федора Федоровича Ушакова — основоположника маневренной тактики парусного флота, сторонника суворовских принципов обучения и воспитания военных моряков, рассказывается: *«Вахта закончилась. Мундир отяжелел от залетавших мелких брызг, от утренней туманной ночи. Но сушить его на корабле было негде — огня не разводили, в каюте, где разместились в подвесных койках гардемарины, было холодно и сыро. Лишь к полудню, отдохнув от ночной вахты,*

[188] Морской сборник. Т. XLI, 1859. № 5. С. 142–143.

[189] Напомним, что почечуем раньше именовали геморрой.

Ушаков на ветру просушил мундир и согрелся. Обедали офицеры и гардемарины по приглашению капитана вместе. Это было заведено еще не на всех кораблях. Ели солонину и сухую рыбу, запивали вином и несвежей водой.

— Горячая пища и свежая вода, господа, будет не всегда, — поучал капитан молодых гардемаринов. — Вяленая рыба, да бочковая солонина, да сухари ваши обеды составлять будут. Ну, конечно, офицеры могут себе что-либо купить в запас, но сего не всегда хватает в плаванье. Запомните, господа, — раскурил трубку Мартынов, — когда будете капитанами, то пища, продовольствие — предмет наипервейших ваших забот. Ибо из-за оной в британском и голландском флотах не раз бунты бывали. Думаю, что ныне, — он глубоко затянулся и пустил такой мощный клуб дыма, что свечи в каюте померкли и угрожающе замигали, — когда у нас пищу морским служителям перестали раздавать на руки, готовят ее на всю команду и раздают артельно, делают правильно. — Сия артельность для лучшей свычки полезной бывает... Матрос намучается, измокнет, целую вахту с противным ветром борется, или, как его моряки окрестили, мордавиндом, его накормить и напоить надобно.

Федор усмехнулся на мордавинд, понял, что то умение русского моряка над грозным врагом потешиться, облегчить состояние свое насмешкой и улыбкой. Понял, что на флоте есть свои слова, коих нигде больше нет. Ударили склянки. Наступала вторая вахта в жизни Ушакова…»[190]

Вопросам рациона и приготовления пищи была отведена 3-я глава 4-й книги «Устава Морского». Горячая пища выдавалась 2 раза в день — утром и вечером. По дням недели предписывалось готовить:

понедельник — утром каша гречневая, вечером горох вареный;
вторник — утром и вечером мясо с кашей овсяной;
среда — утром каша гречневая, вечером горох вареный;
четверг — утром и вечером мясо с кашей овсяной;
пятница — утром и вечером рыба с кашей овсяной;
суббота — утром и вечером мясо с кашей овсяной;
воскресенье — утром и вечером мясо с кашей овсяной.

Иван Александрович Гончаров, который в качестве секретаря отправился 7 октября 1852 года в кругосветное плавание на фрегате «Паллада», писал: *«Отправляли службу, обедали, ужинали — все по свистку, и даже по свистку веселились. Обед — это тоже своего рода авральная работа. В батарейной палубе привешиваются большие чашки, называемые „баками“, куда накладывается кушанье из одного общего, или „братского“, котла. Дают одно блюдо: щи с солониной, с рыбой, с говядиной или кашицу; на ужин то же, иногда кашу…»*

В своих путевых очерках реалист Гончаров стремился увидеть и показать интересное в ежедневном быту «Паллады», в простых людях. И начинал с описания корабля, который виделся писателю частичкой Родины, отважно пересекающей океаны — *«в этом спокойствии, уединении от целого мира, в тепле и сиянии фрегат принимает вид какой-то отдаленной степной русской деревни»*. Писатель отправился знакомиться с трапезой простых моряков: *«Хлеб да соль», — сказал я.*

[190] *Ганичев В.Н.* Ушаков. — М.: Молодая гвардия, 1990. С. 48.

Один из матросов, из учтивости, чисто облизал свою деревянную ложку и подал мне». «Щи превкусные, с сильною приправой луку» — подытоживал учтивый собеседник свои впечатления.

Дворяне-офицеры, понятно, питались иначе. Однажды, когда путешественник из-за качки не мог выйти из каюты, вестовой принес ему в одной тарелке «курицу с рисом, горячий паштет, жареную баранину» и все «прикрыто вафлей». Казалось бы, вот повод поговорить о социальной несправедливости, угнетении. Но Гончаров в этом видит и справедливость, и залог стабильности, и покой — когда не каждому поровну, а каждому, что ему нужно. В самом деле, зачем простым морякам офицерские кушанья? У них свои вкусы и пристрастия: *«Эти куски солонины и лук с вареною капустой — любимое матросами и полезное на море блюдо».* Не забудем, что русскому человеку важно количество — наесться, так «до отвалу». И на корабле этот идеал простого человека исполняется: *«то от одной, то от другой группы опрометью бежал матрос, с пустой чашкой, к братскому котлу, и возвращался осторожно, неся полную до краев чашку»*[191]…

По нормам Морского министерства на 1 человека в плавании полагалось в месяц 14 фунтов (0,35 пуда, или 5,733 кг) мяса[192]. Таким образом, судовой команде в 400 человек требовалось 140 пудов солонины на 1 месяц в походе, а на 6-месячную кампанию — 840 пудов.

Как мы помним, в разные кампании было выдано командирам судов из Комиссариатского департамента:

1855	выдано билетов на:	48 617 пудов 19 фунтов
1858	— « —	20 683 пуда
1859	— « —	24 551 пуд
1860	— « —	29 622 пуда
1861	— « —	33 170 пудов
1862	— « —	41 400 пудов
1863	— « —	25 208 пудов
1865	— « —	28 906 пудов

[191] *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада». Т. 1. — Л., 1986.

[192] Морской сборник. Т. XXV, 1856. № 13. С. С–CI.

На сегодняшний день в коллекциях известны выпущенные Морским министерством провизионные билеты на «мясо» как минимум четырех весовых разборов — в **1, 5, 10** и **100 пудов**[193].

Однако в документах Комиссариатского департамента за 1865 год указан перерасход провизионных билетов на мясо в *«41 пуд 16 фунтов»*[194]. Таким образом, очевидно, что кроме вышеупомянутых билетов в пудах, известных сейчас в коллекциях, выпускались также «разменные» билеты меньшего разбора — **в 1 фунт** (как и предусмотрено было ранее постановлением Адмиралтейств-Совета).

Отправляясь в заграничное плаванье, суда основательно запасались не только соленым мясом, но и маслом по причине *«дороговизны этих припасов в заграничных портах и трудности их приобретения».*

На 1 члена экипажа, отправлявшегося в дальнее заграничное плавание, полагалось в месяц 6 фунтов (2,457 кг) масла[195].

На сегодняшний день известны сохранившиеся в коллекциях провизионные билеты на **«масло»** четырех весовых разборов — в **1 фунт** (1⁄40 пуда), **1 пуд, 5** и **10 пудов**[196].

Судя по архивным данным, в разные годы было выдано из Комиссариатского департамента командирам судов:

1855	выдано билетов на:	30 970	пудов	13	фунтов
1858	— « —	12 311	пудов		
1859	— « —	13 619	пудов		
1860	— « —	12 640	пудов		
1861	— « —	14 420	пудов		
1862	— « —	1 820	пудов		
1863	— « —	11 008	пудов		
1865	— « —	1 257	пудов		

Поскольку объемы выдачи билетов на получение «масла коровьего», как правило, не слишком отличались от показателей на иные виды провизии, велика вероятность того, что печатались провизионные билеты и самого крупного разбора — в **100 пудов** масла, как это и было предусмотрено постановлением Адмиралтейств-Совета. Однако по сию пору в коллекциях подобных знаков не известно.

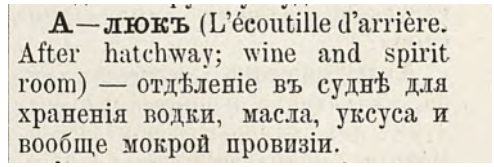
[193] Номера по каталогу: *КДММ.1866–1867.IV.8; КДММ.1866–1867.V.8; КДММ.1867.VI.8; КДММ.1867.VII.8.*

[194] РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1868. Л. 26.

[195] Положение о довольствии судов, отправляемых в дальнее заграничное плавание. // Морской сборник. Т. XXV, 1856. № 13. С. C–CI.

[196] Номера по каталогу: *КДММ.1867.I.3; КДММ.1866–1867.IV.3; КДММ.1867.V.3; КДММ.1867.VI.3.*

«Мясо, масло, вино и уксус, или так называемая мокрая провизия, — указывалось в «Военном энциклопедическом лексиконе» 1856 года, — *хранится в дубовых бочках с железными обручами, помещаемых на корабле в ахтер-люке*[197]*. Сухари насыпают в бродт-камеру; горох, крупу и соль — в особые деревянные залавки; но теперь начали насыпать их в железные ящики, такие же, в каких ныне на военных судах держат пресную воду»*[198].


А—люкъ (L'écoutille d'arrière. After hatchway; wine and spirit room) — отдѣленіе въ суднѣ для храненія водки, масла, уксуса и вообще мокрой провизіи.

Для хранения припасов на судне предназначались особые помещения — так называемые «ахтерлюки».

Один из них всегда предназначался для «мокрой провизии», то есть мяса, рыбы, солонины, вина, масла, уксуса и ряда других продуктов. Второй ахтерлюк вмещал соль, мыло, табак, а также зачастую и квашеную капусту, которая к «мокрой провизии» почему-то не относилась. В еще одном помещении хранили «сухую провизию» — лук, крупу, чай, сахар.

Как указывалось в том же Справочнике 1856 года: *«Баталер — чин нестроевых унтер-офицеров во флотских экипажах… Он перед кампанией, в присутствии ревизора, принимает морскую провизию и отвечает за ее доброту, а также госпитальные и амуничные материалы. Во время похода ежедневно из ахтер-люка достает и раздает, при свидетельстве ревизора и младшего вахтенного офицера, провизию по артелям; в шестой склянке*[199]*, то есть в исходе одиннадцатого часа утра, раздает вино, перекликая для этого всю команду, и всякого матроса, выпившего чарку вина, отмечает в винном списке: это делается для того, чтобы по окончании кампании верно можно было определить, сколько каждому матросу следует выдать денег за невыпитое, или, как они говорят, за заслуженное вино. Баталер еженедельно подает капитану судна ведомость об издержанной морской провизии и ведет шнуровые книги расхода и прихода как морской провизии, так и деньгам, которые отпускаются на суда на различное употребление; эти книги, по окончании кампании, представляются в Комиссариатский департамент Морского министерства. При раскупоривании каждой бочки провизии баталер доносит об этом комиссии (которая обыкновенно составляется из нескольких обер-офицеров и корабельного медика, под председательством старшего по команде офицера) для освидетельствования провизии, и не прежде начинает раздачу, как когда комиссия найдет, что провизия годна к употреблению;*

[197] Ахтерлюк (нидерл. *achterluik*) — один из главных люков в палубе, позади грот-мачты, служащий для погрузки внутрь судна различных грузов, а также помещение в кормовом трюме, служащее для хранения провизии в бочках.

[198] Военный энциклопедический лексикон. Изд. 2-е. — СПб., 1856. Т. X. С. 623.

[199] Склянкой на флоте называли получасовой промежуток времени. «Бить склянку» — значит отмечать ударами корабельного колокола каждые полчаса. Важно отметить, что с петровских времен русские моряки стали применять так называемое «морское счисление», в котором сутки начинались с полудня предшествующего дня по гражданскому календарю (морское счисление опережало гражданский календарь на 12 часов). Восемь склянок обозначают 4 часа — через каждые четыре часа на судне сменяется вахта, и счет склянок начинается снова.

если же, по свидетельству комиссии, окажется, что провизия испортилась, это записывают в журнал, а негодную провизию выбрасывают за борт»[200].

Зелень и уксус

Одной из важных составляющих рациона была зелень, предохранявшая в дальних походах от цинги.

Цинга, или *скорбут*[201] — одно из первых известных заболеваний, связанных с дефицитом витаминов. В средине века в Европе цинга была одной из страшных болезней, принимавший иногда характер повального мора. Наибóльшее число жертв цинга уносила в могилу в зимнее и весеннее время года, когда население европейских стран было лишено возможности получать в достаточном количестве свежие овощи и фрукты. Особенно опасной цинга была для моряков, которые ели мало свежей пищи и были вынуждены довольствоваться в основном сухарями и солониной. Дефицит витаминов на длинном морском пути превращал цингу в убийцу...

Во время некоторых длительных путешествий количество жертв цинги превышало количество выживших. В 1490 году, во время путешествия Васко да Гама из Португалии в Индию, из команды моряков в 160 человек выжили только 60. Остальные были убиты цингой.

Лишь в XVIII столетии европейцы поняли, что с цингой можно бороться посредством диеты. Практический опыт ясно указывал на то, что цинга и некоторые другие болезни связаны с дефектами питания, что даже самая обильная пища сама по себе еще далеко не всегда гарантирует от подобных заболеваний и что для предупреждения и лечения таких заболеваний необходимо вводить в организм какие-то дополнительные вещества, которые содержатся не во всякой пище.

Ростокский обер-фельдфебель Карл Фридрих Беренс, который в должности командира отряда морской пехоты сопровождал в 1721 году голландца Роггевена в его плавании в Южные моря, в своих воспоминаниях об этом путешествии, получивших название «Испытанный южанин», отмечает, между прочим, следующее: *«Эту жалкую жизнь не описать пером. На кораблях воняло больными и*

[200] Военный энциклопедический лексикон. Изд. 2-е. — СПб., 1853. Т. II. С. 169.

[201] Скорбут (лат. *scorbutus*), или цинга — болезнь, вызываемая острым недостатком витамина «С» (аскорбиновой кислоты).

мертвецами. Заболеть можно было уже от одного запаха. Больные жалобно стонали и кричали. Безучастным к этому не остался бы даже камень. Одни настолько отощали и сморщились от цинги, что являли собой зримый облик смерти. Эти люди умирали, угасая тихо, как свечки. Другие, наоборот, были распухшими и отекшими. Эти перед смертью начинали буйствовать. Кое у кого был кровавый понос... Много было и страдающих от психических расстройств. Здесь не помогли бы никакие лекарства, кроме свежей пищи, как мясной, так и растительной — зелени, фруктов, брюквы и других овощей... Цинга была у каждого из нас. Мои зубы почти полностью оголились от десен, а сами десны распухли в палец толщиной. На руках и на теле появились желваки величиной больше лесного ореха»[202]...

Джеймс Линд (1716–1794) — военно-морской врач, чья заслуга в открытии лечебного и профилактического эффекта продуктов из цитрусовых при цинге была высоко оценена. В 1747 году этот шотландский корабельный врач взял двадцать больных цингой и предписал им разные диеты, чтобы определить, какие именно продукты питания могут победить цингу. Двое из его пациентов ежедневно получали вместе с пищей порцию сидра, двое других — разбавленный раствор серной кислоты, следующая пара принимала морскую воду, остальные — уксус, морскую воду или лекарство. Двое больных ежедневно получали апельсины и лимоны. Именно эти последние двое и выздоровели в конце эксперимента, тогда как остальные так и остались больны. Результаты своих исследований Линд описал в книге «Трактат о цинге», которую он опубликовал в 1753 году.

Лишь после 1795 года, почти через пятьдесят лет после экспериментов Линда, Адмиралтейство Англии обязало капитанов давать морякам лимонный сок в целях предотвращения цинги, но лишь в 1865 году торговый флот Англии получил приказ доставить этот сок. Никто не знает, сколько моряков умерло от «морского скорбута» в результате этих бюрократических проволочек. В результате исследований на английском королевском флоте во время длительных плаваний в рацион стали включать продукты из цитрусовых (плодов лайма). А у английских матросов появилось прозвище «лаймиз» (англ. *limies*) — «лимонники».

Появление цинги связывали с длительным употреблением соленого мяса и главным образом с недостатком телодвижений, а поэтому цинготных больных «лечили», заставляя бегать по палубам и таскать пушечные ядра…

В 1838 году вышла брошюра известного русского мореплавателя И.Ф. Крузенштерна «О сохранении здоровья матросов на кораблях». В ней излагалось мнение, что причинами широко распространенных заболеваний среди моряков, и прежде всего цинги, являются сырые и плохо вентилируемые жилища для команд на кораблях, недостаточная и нездоровая пища, недоброкачественная вода и ограничения в ее употреблении, недостаток в зелени и овощах, постоянные изнурительные работы, печальное расположение духа. Крузенштерн считал, что *«ни одно лекарство не действует на больного так успешно, как попечение капитана и офицеров, которые, посещая его болезненный одр, и заботятся, чтобы помочь ему. Не говоря уже о медике, который должен посещать больных не один раз в сутки, а несколько раз, и к трудным приходить не только днем, но и ночью»*.

[202] *Ханке Х.* На семи морях. Моряк, смерть и дьявол. Хроника старины. (Перевод: Маковкин Л.Ф., Каценбоген М.С.). — М.: Изд-во «Мысль», 1989.

В целях профилактики страшной болезни рацион моряков русского флота был пополнен рядом специфических продуктов. Согласно «Нормальной табели количества провизионных продуктов, входящих в состав порции 1 человека в день», матросу полагались свежее мясо, гречневая или овсяная крупа, масло, зелень, хлеб и т.д. Однако, по этой же «Табели»... разрешалось мясо заменять солониной, хлеб — сухарями, а зелень — квашеной капустой, чем на практике пользовались излишне широко: *«Ст. 270. Во время заграничных плаваний замена положенных по нормальной табели продуктов наичаще употребляющимися для сего провизионными припасами производится на основаниях, изложенных в статьях 271–283»*[203].

В Морском уставе 1853 года, в 3-й главе «О сбережении здоровья команды», статьи 735 и 736 предписывали: *«Пищу и питье для команды должно отпускать согласно положению и надлежащего качества. Для сего принимаемая на корабль провизия свидетельствуется, как сказано в ст. 217, и тщательно хранится в назначенных местах... Когда корабль находится вблизи берегов, команде дается, по возможности, свежее мясо, вместо солонины, и зелень»*[204]. О том, как на борт доставлялись в бочках «пресная вода, солонина и зелень для команд»[205], живописно рассказывал Сергей Николаевич Сергеев-Ценский[206].

С конца 1850-х годов циркуляром Инспекторского департамента Морского министерства предписывалось отпускать на суда:

с начала кампании до 1 июня	квашеную капусту
с 1 по 20 июня	лук песочный
с 20 июня по 1 августа	морковь, чеснок и щавель
с 1 по 15 августа	лук свежий, морковь, чеснок
с 15 августа по 10 октября	свежую капусту, морковь, чеснок
с 10 октября до окончания кампании	квашеную капусту[207].

В кампании 1860 и 1861 годов подряд на поставку свежей зелени и квашеной капусты (до 500 тыс. «порций» в год) был передан купцу Мурашеву, снабжавшему Санкт-Петербургский и Кронштадтский военные порты по контрактной цене в 1/2 копейки за порцию. Поскольку опыт показался успешным, подряд на поставку был заключен с купцом еще на 2 года.

В циркуляре Инспекторского департамента за № 1440 от 10 августа 1855 года указывалось:

[203] Свод морских постановлений. Кн. XIII. О довольствии чинов Морского ведомства. — СПб.: Тип. Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1899. Ст. 270. С. 98.

[204] Морской устав. — СПб.: Тип. Морского кадетского корпуса, 1853. С. 187.

[205] *Сергеев-Ценский С.Н.* Синопский бой. // Собр. соч. — М.: «Художественная литература», 1956. Т. 3.

[206] Сергей Николаевич Сергеев (псевд. Сергеев-Ценский; 1875–1958) — русский советский писатель.

[207] Морской сборник. Т. LIX, 1862. № 6. С. 130–131.

«... 3). Для облегчения расчетов в отпущенной зелени, производить отпуск оной по порциям; с каковою целью выдавать Командирам судов билеты на **1, 10, 50** и **500** порций, по образцу, утвержденному Адмиралтейств-Советом, — на прочие предметы довольствия; предоставить Инспекторскому Департаменту объявлять Командирам ежегодно, пред началом кампании, — о количестве зелени, входящей в порцию...[208]»

Однако позднее провизионные билеты на «зелень» печатались Морским министерством несколько иных «номиналов» — в пяти мерных разборах (четыре основных и один «разменный») — на **5, 25, 50, 250** и **500 порций**[209].

В кампании разных годов Комиссариатским департаментом было выдано командирам военных судов:

1855		—
1856	провизионных билетов на	?
1857	— « —	?
1858	— « —	978 420 порций
1859	— « —	1 900 100 порций
1860	— « —	1 645 900 порций
1861	— « —	1 885 000 порций
1862	— « —	2 270 000 порций
1863	— « —	1 418 300 порций
1865	— « —	1 611 000 порций

Что подразумевалось под «порцией»? Нормальная «порция» квашеной капусты или зелени определялась Табелью в 40 золотников (т.е. около 170 г)[210].

Таким образом,
«5 порций» = 2 фунта 8 золотников (853 г);
«25 порций» = 10 фунтов 40 золотников (4 кг 266 г);
«50 порций» = 20 фунтов 80 золотников (8 кг 532 г);
«250 порций» = 2 пуда 24 фунта 16 зололотников (42 кг 658 г);
«500 порций» = 5 пудов 8 фунтов 32 зололотника (85 кг 316 г).;

В Табели о довольствии чинов морского флота в конце столетия указывалось: *«Капуста или зелень заменяются: в том же количестве — квашеною свеклою или другими подходящими сортами овощей местной производительности, или в количестве одной шестой части — прессованною капустою или прессованною зеленью в консервах (так что на одну порцию приходится семь золотников)»*[211]. То есть по провизионному билету в «500 порций» командир судна мог получить из портового провиантского магазина или от поставщика не 5 с лишним пудов квашенной капусты, а, к примеру, 36 фунтов 44 золотника прессованной консервированной зелени.

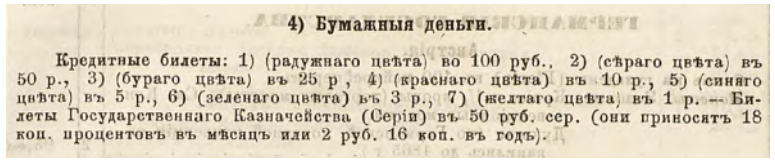
[208] СЗПМУ, 1855 Кн. II. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1855. № 83. С. 186–187.

[209] Номера по каталогу: *КДММ.1867.I.9; КДММ.1867.IV.9; КДММ.1886–1867.V.9; КДММ.1867.VI.9; КДММ.1867.VII.9.*

[210] Свод Морских постановлений. Кн. XIII... Ст. 260. С. 95.

[211] Свод Морских постановлений. Кн. XIII... Ст. 275. С. 99–100.

Впрочем, точно определить значение «порции» для зелени довольно сложно. Из статей, опубликованных в официальном издании Морского ведомства, можно узнать, что на день матросу полагалось 50 золотников капусты, но в действительности матросами по опыту 8-го флотского экипажа в 1865 году потреблялось 23,3 золотника.



4) Бумажныя деньги.

Кредитные билеты: 1) (радужнаго цвѣта) во 100 руб., 2) (сѣраго цвѣта) въ 50 р., 3) (бураго цвѣта) въ 25 р., 4) (краснаго цвѣта) въ 10 р., 5) (синяго цвѣта) въ 5 р., 6) (зеленаго цвѣта) въ 3 р., 7) (желтаго цвѣта) въ 1 р. — Билеты Государственнаго Казначейства (Серіи) въ 50 руб. сер. (они приносятъ 18 коп. процентовъ въ мѣсяцъ или 2 руб. 16 коп. въ годъ).

Опубликованный в «Календаре для всех сословий» список бумажных денежных знаков, обращавшихся в Российской империи, до 1868 г. был несравненно более коротким, нежели перечисление разнообразных монет

Достаточно любопытно, каков был денежный эквивалент этих провизионных билетов.

В Счетном Уставе Морского министерства указывался для примера, образец заполнения отчетных документов:

«Фрегат „Севастополь“. Авансовая требовательная ведомость о суммах на покупку морской провизии и на выдачу нижним чинам денег за непитое вино.

На 3-х месячную кампанию 18.. года

В NN портовую контору

…На покупку свежего мяса и зелени по числу 600 человек, считая на довольствие в продолжении 3-х месяцев на 390 пудов мяса по 3 р. 50 к. пуд и зелени 20,000 порций по 1 к. за порцию …1565 руб. — коп.»[212].

Стоимость закупленной на 1867 г. зелени (квашеной капусты) составила, по данным Комиссариатского департамента, 0,6 коп. за порцию[213]

[212] Приложение к ст. 326, 338 и 462. // Свод Морских постановлений. Кн. XV. Счетный устав Морского министерства. — СПб: Типография Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1887. С. 414.

[213] Отчет директора Комиссариатского департамента за 1865 год. // Морской сборник. Т. LXXXV,1866. № 8. С. 224.

«Зелень» обходилась сравнительно недорого: *«Квашеная капуста, по невозможности хранения ее на судах, от скорой порчи в жарких климатах заменена отчасти прессованными зеленью и кислой капустой, испытание которым было сделано в заграничных плаваниях 1856 и 1857 годов, и оказалось, что прессованные зелень и кислая капуста, приготовления французского дома Шолле и Ко, сохраняются превосходно и вполне могут заменить обыкновенную квашеную капусту»*[214].

Отсутствие же в регулярном рационе моряков овощей, к примеру, или фруктов не должно удивлять. Во-первых, как уже говорилось выше, трудно в корабельных условиях обеспечить сохранность продуктов; во-вторых, употребление в пищу овощей и фруктов чревато было заболеванием дизентерией или холерой (в то время уже немало знали о связи овощей и желудочных болезней, но мало знали о влиянии чистоты на заболеваемость).

Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1831 году была одной из самых сильных: в считанные дни она унесла до 10 тысяч человек, «преимущественно из простого народа». Русские врачи, самоотверженно боровшиеся с холерой, впервые в мировой науке четко сформулировали мысль о заразительности холеры и роли людей в ее распространении: в 1831 году в Петербурге был издан *«Трактат о повально-заразительной болезни — холере, бывшей в России в 1830 и 1831 годах»*.

Третья пандемия холеры (1846–1862 гг.) вторглась из стран Ближнего Востока. Жестокой была для Петербурга эпидемия 1848 года, когда из 32 тысяч заболевших умерло более 16,5 тысячи…

Начиная с XVIII века в аптеках просвещенной Европы, а затем и России можно было купить средство под названием «Уксус четырех разбойников» (по легенде, именно им спаслись от заразы четыре приговоренных разбойника, согласившиеся за помилование выдать секретный рецепт снадобья). Его рекомендовали применять во время эпидемий «заразительных лихорадок» или более грозных «моровых поветрий» внутрь и наружно для протирания тела, окуривания помещений и обеззараживания различных предметов.

С профилактическими целями в рационе российских моряков присутствовал уксус, даже несколько капель которого на ведро жидкости совершенно убивало холерный вибрион…

УКСУС

Классический винный уксус производится из отборных вин, долго выдерживается в дубовых бочках, благодаря чему приобретает неповторимый вкус и аромат. Впрочем, тогда в России приготовление уксуса производилось в основном на винокуренных заводах путем окисления простого хлебного вина в бочках, наполненных древесным углем или стружками, которые являлись очагами развития

[214] Морской сборник. XLI, 1859. № 5. С. 142.

бактерий. В результате брожения и окисления алкоголя получали искомый продукт: уксус пусть и «хлебный», но на манер «ренскового»[215] из виноградного вина.

Для кампании 1859 года у Петергофского 1-й гильдии купца[216] Байкова закуплено было «уксусу на манер ренскового» 7000 ведер по цене 31¾ копеек за ведро[217].

Впрочем, цены на столь необходимый припас не стояли на месте: *«Уксус куплен у фабриканта Кубли в количестве 1480 ведер по 76 к. за ведро,* — указывал в отчете за 1863 год директор Департамента Федор Карлович Шульц. — *Цена на уксус значительно возвысилась сравнительно с ценою прошлого года, вследствие введения новой акцизно-питейной системы»*[218].

Провизионные билеты на «уксус», выпускавшиеся Морским министерством, известны на сегодняшний день в коллекциях только одного разбора — в **1 ведро**[219]. По обнаруженным данным, Комиссариатским департаментом было выдано:

1855	выдано билетов на:	8 802	ведра	26½	чарок
1858	— « —	4 511	ведер		
1859	— « —	4 721	ведро		
1860	— « —	2 252	ведра		
1861	— « —	3 650	ведер		
1862	— « —	4 620	ведер		
1863	— « —	2 768	ведер	20	чарок
1865	— « —	3 206	ведер		

[215] «Ренсковыми погребами» именовали заведения, торговавшие виноградным вином. Название произошло от искаженного имени «рейнские вина».

[216] Купцами, по закону от 1 января 1863 г. «О пошлинах за право торговли и других промыслов», становились лица, пожелавшие заниматься торгово-промышленной деятельностью и получившие гильдейские свидетельства, которые подразделялись на 3 разряда (с 1865 г. установлено 2 разряда, или *гильдии*). Разряды зависели от размеров производимой торговли. Кроме того, на право содержания отдельных торгово-промышленных предприятий требовалось приобретение особых билетов, цена которых также зависела от класса местности и разряда торгового заведения. К купцам 1-й *гильдии* относились те, кто занимался оптовой торговлей с оборотом свыше 300 тыс. руб. в год. Это свидетельство давало право производить всякого рода торговлю по всей Российской империи и за ее пределами, иметь речные и морские суда, принимать повсеместно без ограничения суммы подряда, поставки и откупа, содержать фабрики, заводы, ремесленные заведения. Ко 2-й *гильдии* мог быть приписан купец с оборотами от 50 до 300 тыс. руб. в год, а к 3-й *гильдии* — от 10 до 50 тыс. руб. «Второгильдейцы» могли вести розничную торговлю по территории России, иметь речные суда, содержать ремесленные заведения и фабрики, принимать подряды на сумму до 15 тыс. руб. Купцы 3-й гильдии занимались только мелочным торгом.

[217] Морской сборник. Т. XLI, 1859. № 5. С. 86.

[218] Морской сборник. Т. LXXIV, 1864. № 9. С. 280; В бытность министром финансов А.М. Княжевича начался предварительный этап винной реформы: на смену откупам с 1 января 1862 года должна была прийти акцизная система (акциз со спирта, патентный сбор со всех заводов и питейных заведений), что считалось очень важным нововведением.

[219] Номера по каталогу: *КДММ.1866.IV.2 и КДММ.1867.IV.2.*

Исходя из этих данных, можно с уверенностью предполагать, что изготавливались также «разменные» билеты мелких разборов — в **«чарках»** (1⁄100 ведра)[220]. Подтверждается это и архивными данными о перерасходе билетов на уксус в 1865 году, который составил *«58 чарок»*[221].

В заготовительную кампанию на 1867 год стоимость ведра уксуса в С.-Петербурге составляла 71 коп.[222]

Кроме того, судя по объемам выданных билетов, вполне вероятно, что печатались и более крупные, нежели сегодня известно, разборы билетов на уксус — в **5 ведер** и, возможно, больше (вплоть до **100 ведер** включительно, как это и было предусмотрено постановлением Адмиралтейств-Совета при выпуске провизионных билетов в 1855 г.).

Чай и сахар

Говоря о рационе моряков, стоит упомянуть о продукте, без которого русский человек жил с большим трудом. *«Я думал, судя по прежним слухам,* — вспоминал Иван Александрович Гончаров, — *что слово „чай“ у моряков есть только аллегория, под которою надо разуметь пунш»*[223]…

Иностранцев удивляла способность русских матросов пить чай в умопомрачительных количествах, причем не только в умеренном климате, но и в тропиках. Чай пили до изнеможения, причем огромное количество воды в желудке не

[220] *«Единицею мер вместимости принята в России для сыпучих тел четверть, а для жидкостей ведро… Ведро, делимое с 1819 г. на 10 штофов, 20 кружек или 100 чарок, содержит в себе 750 куб. росс. дюймов и потому равняется 12,2894 Французским литрам»* (Сравнительные таблицы всех известных монет, весов и мер, приведенных к монетам, весам и мерам российским, новым французским и польским. — СПб.: Тип. Карла Крайя, 1834. С. 5).

[221] РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1868. Л. 26.

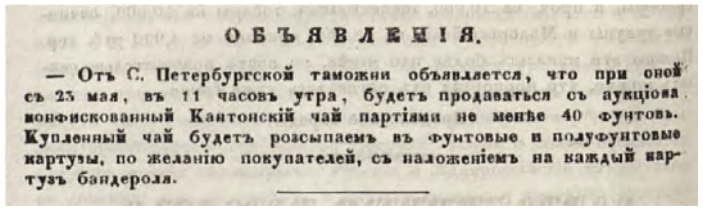
[222] Отчет директора Комиссариатского департамента за 1865 год. // Морской сборник. Т. LXXXV, 1866. № 8. С. 224.

[223] *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада». Т. 1. Л., 1986.

только согревало, но и позволяло дотянуть до обеда, который надо было ждать до полудня. А завтрак был довольно скудным…

В свое время вице-адмирал фон Шанц направил в снабженческие органы флота представление о необходимости *«довольствовать команды на судах во время плавания по утрам горячим питьем».* Последовало Высочайшее повеление: *«отпустить чай на суда под командою Вице-Адмирала Фон-Шанца, находившиеся в то время в практическом плавании, и составить соображение о постоянном отпуске оного на все вообще суда флота».*

Чаем торговали на вес, меряя на *фунты* и *золотники* (недаром до самого недавнего времени маленькая пачка чаю весом в 50 г. называлась «осьмушкой» — ⅛ фунта).


ОБЪЯВЛЕНІЯ.

— Отъ С. Петербургской таможни объявляется, что при оной съ 25 мая, въ 11 часовъ утра, будетъ продаваться съ аукціона конфискованный Кантонскій чай партіями не менѣе 40 фунтовъ. Купленный чай будетъ розсыпаемъ въ фунтовые и полуфунтовые картузы, по желанію покупателей, съ наложеніемъ на каждый картузъ бандероля.

В 1859 году Комиссариатским департаментом было закуплено чаю 108 пудов 28 фунтов (на 4 923 руб. 53 коп.) и сахарного песку 187 пудов (на 1556 руб.)[224]. Всего, с доставкой в Санкт-Петербургские и Кронштадтские «магазины» потратили 6 484 рубля 53 копейки.

Для довольствия же впредь нижних чинов всего флота чаем с сахаром потребную сумму в 24 754 руб. 80 копеек серебром внесли в смету на 1860 год по статье «на провизию». Сумму прикинули, исходя из следующих соображений: матросская месячная порция чая — 4 $^{8}/_{15}$ золотника и сахарного песку — 1 фунт 60 золотников. Цены же на чай, по результатам аукционных торгов при Петербургской таможне — по 45 рублей 20 копеек за пуд, а сахар в вольной продаже — по 8 рублей за пуд[225].

[224] *«В Англии в 1857 году потреблено 1,728.975 пудов чаю, т.е. средним числом по 2 ⅓ фунта на каждого жителя; в сравнении с Россией вдесятеро более того, что средним числом причитается на каждого русского. Из количества потребленного сахара средним числом приходится на каждого англичанина по 29 фунтов, следовательно, в двадцать девять раз больше количества, потребляемого средним числом каждым русским»* (Олонецкие Губернские Ведомости. 16.I.1860. № 3. С. 12). *«За вывезенный в 1858 году к нам из Китая чай заплачено товарами 5,700.000 р. и наличною монетою 1,500.000 р.»* (Олонецкие Губернские Ведомости. 13.II.1860. № 7. С. 26).

[225] Морской сборник. Т. XLVI, 1860. № 5. С. 206–207.

=

«Для варки и дачи командам чая, — писал в отчете директор Комиссариатского департамента князь Дмитрий Оболенский, — *отпущены были на суда, по повелению Его Императорского Высочества Генерал-Адмирала, в виде опыта, самовары с особыми приспособлениями в них для заварки чая, а для питья чая отпущены английской жести кружки и частью деревянные чашки.*

Особые приспособления в самоварах сделаны следующие: для накачивания в самовары воды, в крышке самовара сделано отверстие, в которое вставляется воронка. Чрез это же отверстие, когда закипит самовар, опускаются особые проволочные шары с чаем. Кранов в каждом самоваре четыре обыкновенных и пятый поменьше, на самом дне самовара, для выпускания остающейся воды. Самовары на судах укреплены неподвижно, посредством особых железных цепей, идущих от четырех самоварных ручек, так что при качке судна самовары не должны иметь движения. Ниже решетки сделаны в самоварах особые дверцы, для выгребания из-под решетки золы. При разводке самовара, для усиления горения наставляется на внутреннюю самоварную трубу сверху другая труба — медная; для отвода же из палубы, где самовар установлен, дыма от горения растопок и каменного угля сделаны железные колена наверх, сквозь палубу, или пущены в камбузную[226] *трубу.*

Заготовка самоваров с вышеописанным устройством, как дело новое, произведена была с разрешения Его Императорского Высочества Генерал-Адмирала, Комиссариатским департаментом»[227].

Не отставали в вопросе чаепития от матросов и офицеры. Многие из них предпочитали заваривать напиток сами, не доверяя вестовым. Более того, в мемуарах есть немало свидетельств тому, что русские моряки даже в плаваниях на Восток брали изрядный запас чая из России, поскольку местные чаи не устраивали их ни по качеству, ни по вкусу. Особое же негодование у ценителей русского чая вызывали иностранные методы заварки, особенно английский…

[226] Камбуз (голл. kombuis) — помещение на судне, соответствующим образом оборудованное и предназначенное для приготовления пищи (кухня).

[227] Морской сборник. Т. XLI, 1859. № 5. С. 143–144.

«Провизионные билеты» на чай, печатавшиеся Морским министерством с 1861 года[228], известны на сегодняшний день трех весовых разборов: в **1 золотник** (1/96 фунта), **1 фунт** и **5 фунтов** (480 золотников, или 1/8 пуда)[229].

В кампании разных годов выдано было командирам судов:

1858		—
1859		—
1860		—
1861	выдано билетов на:	219 пудов 27 фунтов 72 золотника
1862	— « —	126 пудов
1863	— « —	71 пуд 19 фунтов 48 золотников
1864	— « —	?
1865	— « —	99 пудов 10 фунтов 48 зололотников
1866	— « —	?

Как мы помним, по нормам провиантского довольствия Морского министерства, к началу 1860-х годов на 1 человека в заграничном плавании полагалось в месяц 4 8/15 золотника чая, т.е. около 19,34 грамма. Ну а какой же чай без сахара?

В месяц матросу полагалось 1 фунт 60 золотников[230], т.е. около 665 граммов.

Провизионные билеты на сахар изготавливались Морским министерством разборами в **1 фунт**, **1 пуд** (40 фунтов) и **5 пудов** (200 фунтов). В разные кампании выдано было командирам судов из Комиссариатского департамента:

1858		—
1859		—
1860		—
1861	выдано билетов на:	3 253 пуда
1862	— « —	3 256 пудов
1863	— « —	2 843 пуда 7 фунтов
1864	— « —	?
1865	— « —	3 254 пуда 7 фунтов
1866	— « —	?

В Кирпичном переулке Санкт-Петербурга, в доме под номером 4, проживал некий барон Людвиг Андреевич Гауф — *«биржевой купец под фирмой „Миллер и Гауф“. Имеет сахарный завод»,* — указывалось в адресной книге города[231]. С владельцем завода на Симбирской улице Л.А. Гауфом[232] и был заключен первый подряд на поставку сахара Морскому министерству.

[228] В кампанию 1860 г. специальных провизионных билетов на чай и сахар не заготавливали, выдавая впервые эти припасы на суда «по письменным, на сей раз, требованиям командиров судов» (ПСЗРИ. Т. XXXIV, 1859. Ст. 34743. С. 703).

[229] Номера по каталогу: *КДММ.1867.II.10; КДММ.1867.III.10; КДММ.1867.V.10.*

[230] Положение о довольствии судов, отправляемых в дальнее заграничное плавание. // ПСЗРИ. Т. XXXI, 1856. С. 849. Ст. 30956.

[231] Всеобщая адресная книга. — СПб., 1867–1868. С. 107.

«Со времени введения во флоте довольствия чаем, — писал в 1862 году в ежегодном отчете директор Департамента, статский советник Дмитрий Николаевич Набоков, — *Комиссариатский департамент, с разрешения Адмиралтейств-совета, покупал сахар у здешних заводчиков, преимущественно у барона Гауфа, на 1860 год по 9 руб., а на 1861 год по 8 руб. 85 коп. за пуд. Сверх приобретенного таким образом запаса, … с согласия г. Управляющего Морским министерством, … купил в мае 1861 года, на бирже 1500 пуд. Привезенного из заграницы сахара, отличного качества по 7 руб. 75 коп. за пуд. По сравнению с прежнею заготовительною ценою, покупка эта представила сбережения 1650 рублей. Незначительность произведенного этим способом заготовления была основана на том соображении, чтобы на первый раз обеспечить потребность в сахаре до прихода в 1862 году иностранных кораблей, а между тем дать начальнику комиссариатской части возможность устроить для хранения сахара в магазинах вполне удобное помещение, представляющее полное ручательство в том, что сложенный там годичный запас не подвергнется порче от сырости или иных причин»*[233].

Парой лет позже новый директор Департамента, статский советник Шульц отмечал: *«у купца Кенига сахару-рафинаду 1000 пудов, по 8 р. 60 к. за пуд; у купца Ротермунда чаю (конго) 82 пуд. 32 ф. 24 зол., по 75 коп. за фунт»*[234].

В закупке на 1867 год пуд сахара обходился Комиссариатскому департаменту в 7 руб. 45 коп. – 7 руб. 60 коп.[235]

[232] Людвиг (Леонтий) Андреевич Гауф (1796–1867†) был известной личностью в столице. Банкир, купец 1-й гильдии (с 1825 г. — потомственный почетный гражданин и кавалер), один из учредителей и первый председатель Правления (1864–1867гг.) Петербургского частного коммерческого банка, владелец оптовой фирмы «Миллер и Гауф» при Петербургском порте. Кроме сахарного завода на Выборгской стороне Гауф имел в собственности два оптовых склада в Гостином дворе при столичной бирже. Кроме того, состоял членом Совета Государственных кредитных установлений и Мануфактурсовета, являлся генеральным консулом Гессенским и Саксен-Веймарским. С 1862 г. и до своей кончины состоял гласным Петербургской городской думы.

[233] Морской сборник. Т. LIX, 1862. № 6. С. 131.

[234] Морской сборник. Т. LXXIV, 1864. № 9. С. 239–240.

[235] Отчет директора Комиссариатского департамента за 1865 год. // Морской сборник. Т. LXXXV, 1866. № 8. С. 224.

СОЛЬ

Ну и коль скоро уж зашла речь о сухих бакалейных товарах, отличающихся большими сроками годности, вспомним про соль.

Продукт этот испокон веку был не самым дешевым: к примеру, в ведомости утвержденных на 1856 год цен для нижних чинов Морского ведомства ведро полугарного «вина» стоило в Кронштадте 3 рубля, — пуд мяса 3 рубля 9 копеек, а пуд соли — 90 копеек серебром. И если по другим губерниям мясо и вино обходились дешевле, то соль в Остзейских и Финляндских губерниях могла стоить и до полутора рублей[236].

Стоимость закупленной на 1867 год соли составила 63 ¾ коп.[237]

Провизионные билеты на «соль», отпечатанные по заказам Морского министерства, известны ныне в коллекциях лишь двух весовых разборов — в **1 пуд** и **5 пудов.**

В кампании разных годов командирам судов было выдано из Комиссариатского департамента:

1855	выдано билетов на:	7 759 пудов 16 фунтов
1858	— « —	3 170 пудов
1859	— « —	3 646 пудов
1860	— « —	3 226 пудов
1861	— « —	3 660 пудов
1862	— « —	4 620 пудов
1863	— « —	3 085 пудов
1865	— « —	3 196 пудов

Судя по объемам выданных билетов можно предполагать, что выпускались более крупные разборы провизионных билетов на соль, нежели известны на сегодняшний день. Возможно, **10 пудов** и более.

[236] Морской сборник. Т. XXIII, 1856. № 8. С. LI.

[237] Отчет директора Комиссариатского департамента за 1865 год // Морской сборник. Т. LXXXV, 1866. № 8. С. 224.

Исходя из архивных данных о недоборе билетов на соль в 1865 году (составившем *«3 пуда 33 фунта»*[238]), можно с уверенностью утверждать, что помимо «пудовых» разборов выпускались «разменные» провизионные билеты и на **1 фунт** соли.

Табак

ТАБАК

Сначала Бог создал мужчину. Потом создал женщину. Потом Богу стало жалко мужчину, и он дал ему табак...

Марк Твен

Помимо столь полезной для здоровья зелени, необходимых сахару и чаю, положены были на флоте и выдачи табака.

Первый российский император в свое время не столько «познакомил Россию с табаком и трубкой», сколько легализовал своими указами употребление табака и наложил государственную монополию на его производство, запретив изготовление и ввоз табака частным образом[239]. Восстановила свободную продажу императрица Екатерина II, которая ввела в моду нюхательный табак. Но уже тогда с импортным нюхательным табаком (испанским, французским или немецким) начал успешно конкурировать местный, основным сортом которого был «аммерсфордский» (который в России окрестили «махоркой»). Европейцы, вообще-то, считали, что для курения этот табак непригоден, но другой в средней полосе Российской империи упорно не хотел произрастать…

Крымская война 1853–1856 годов и вызванные ею перебои с поставками высококачественного табака из-за рубежа привели к тому, что его начали выраща-

[238] РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1868. Л. 26.

[239] *«Табак в России некогда считался ненавистным зельем. Все, кто его употреблял, делали это тайно, и сами слова „любитель табака“ были весьма бранными. Посему этому народу показалось очень странным, что Петр во время своего первого [заграничного] путешествия заключил с англичанами контракт о беспошлинном ввозе табака. Еще и по сей день среди русского простонародья табак менее употребителен, чем в других странах. Некоторые считают за грех нюхать табак, но столь совестливых очень мало; даже священники и монахи носят при себе табакерки».* (*Берк К.Р.* Путевые заметки о России [Пер. Ю.Н. Беспятых] // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. — СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 225).

вать в Крыму и на Кубани, а позже в Бессарабии, причем оказалось, что южнобережный крымский табак не уступает турецкому, однако стоит гораздо дешевле. Табачный акциз был внушительной статьей дохода казны, а количество табачных фабрик по России к 1860 году превысило пять с половиной сотен.

На флоте табак (как и мыло) предписывалось выдавать с 1859 года. Директор Департамента писал: *«Сверх морской провизии, Высочайше утвержденным положением от 19 мая 1858 года, разрешено отпускать для судов, отправляющихся как в заграничное, так и внутреннее плавание в морской месяц на одного человека: табаку — ½ фунта. (* табак назначается одним курящим).*

…По сему расчету составляет потребность табаку, по числу 13.209 челов., полагая из них ¾ курящих, 9.907 челов., по ½ фунта. В месяц 123 пуд. 33 ½ фунта., а в 6 месяцев — 743 пуд. 1 фунт.

…Так как довольствие сими припасами будет производиться в 1859 году в первый раз и действительная потребность их с точностью не определена, тем более что табак определено выдавать только курящим, а сколько их именно, неизвестно, то Комиссариатский департамент, на случай недостатка сих припасов, сделал распоряжение о заготовлении табаку — 800 пуд. …На поставку же сих предметов назначил торги в Январе 1859 года. По существующим ныне справочным ценам за пуд: табаку листового – 3 р. 30 к. …Стоимость предполагаемого заготовления составит: за 800 пуд. табаку — 2640 руб. Но сумма эта при торгах может понизиться»[240]*…*

«Заготовление табаку до 800 пудов, — отчитывался Департамент годом позже, *— произведено посредством торгов, до начатия которых представленные образцы разных сортов тотчас же были испытываемы в Главном Адмиралтействе самими нижними чинами служительской команды, и по отзыву их (в числе шести человек) Общим Присутствием Комиссариатского департамента одобрен листовой табак, называемый* ***махорка-серебрянка*** *высший сорт; прочие же сорты табаку, разных наименований, оказались на вкус или слабыми, или слишком крепкими, с осадкою на языке горечи.*

По предъявлении сего образца явившимся торговаться, низшая цена на переторжке осталась за купцом Карабановым, по 2 р. 46 к. сер. за пуд, а за 800 пуд. 1968 руб.

Так как цена эта была дешевле справочной (3 р. 30 коп. за пуд), на всем количестве 800 пуд. на 672 р., то поставка и утверждена за Карабановым… »[241].

Для выяснения же «действительной доброкачественности» закупленных припасов и «соответственности их своему назначению» Департамент просил господ командиров судов составить, по окончании кампании, свои замечания на этот предмет, дабы избежать впредь ошибок в заготовке на будущее. Некоторые капитаны о табаке отозвались вполне положительно, хотя многие сочли недостаточно крепким…

Матросы курили в основном небольшие трубочки — выточенные из дерева, либо металлические, медные с крышечкой. Чашечки трубок были маленькими — времени на перекур у нижних чинов всегда было очень мало.

[240] Морской сборник. Т. XLI, 1859. № 5. С. 92.

[241] Морской сборник. Т. XLVI, 1860. № 5. С. 204.

«Заслуги»[242] за табак вроде бы в то время не полагалось. Впрочем, позднее в правилах о довольствии указывалось, что во время заграничных плаваний, взамен выдачи натурой табаку, нижние чины получают деньги из расчета 20 копеек в месяц на человека[243]. По нормам же довольствия к выдаче полагалось в месяц 14 золотников (т.е. около 60 г.), а с 1858 года — полфунта (т.е. около 200 г)[244]. По собственному опыту могу сказать — это не слишком много…

«Листовой табак для портов С.-Петербургского и Кронштадтского, — указывал в отчете директор Комиссариатского департамента в 1862 году, *— поставлялся купцом Мурашевым по утвержденной цене в 3 р. 25 к. за пуд и, сверх того, незначительное количество оного, всего на 8 р. 20 к., было куплено хозяйственным способом, для команд двух судов, зимовавших в Шлиссельбурге, которым по приказанию Его Императорского Высочества Генерал-Адмирала производилось морское довольствие. Для первых отпусков куплено табаку в Ревеле 100 пуд., по 3 р. 20 к., а в Свеаборге 2 пуда, по 4 р. за пуд»*[245].

Закупленный на кампанию 1867 года пуд табаку обходился Комиссариатскому департаменту в С.-Петербурге в 2 руб. 64 коп.[246]

[242] Напомним, что «заслугой» назывались деньги, сэкономленные при отказе в дальнем походе от водки, масла и других полагавшихся по норме продуктов.

[243] Свод Морских постановлений. Кн. XIII. О довольствии чинов Морского ведомства… С. 100. Ст. 279.

[244] Задачки из учебника арифметики С.А. Рачинского «1001 задача для умственного счета» (1899): *«Из 6 золотников табака выходит 15 папирос. Сколько их выйдет из пуда табака? [Ответ — 9600]»; «Я выкуриваю каждое воскресенье по 30 папиросок, каждый будний день по 20, а день по болезни совсем не курил. Из фунта табаку выходит 600 папирос. Сколько фунтов табаку у меня выходит в год? [Ответ —13]»; «Некто в течение двух лет (1888 и 1889) выкурил 1 пуд табаку. На сколько дней хватало ему фунта? [Ответ —17]»; «Из золотника табаку выходит 5 папиросок. Сколько из 25 фунтов? [Ответ — 12000]»; «Из 6 золотников табаку выходит 25 папиросок. Сколько из 6 фунтов? [Ответ — 2400]».*

[245] Морской сборник. Т. LIX, 1862. № 6. С. 122.

[246] Отчет директора Комиссариатского департамента за 1865 год. // Морской сборник. Т. LXXXV, 1866. № 8. С. 224.

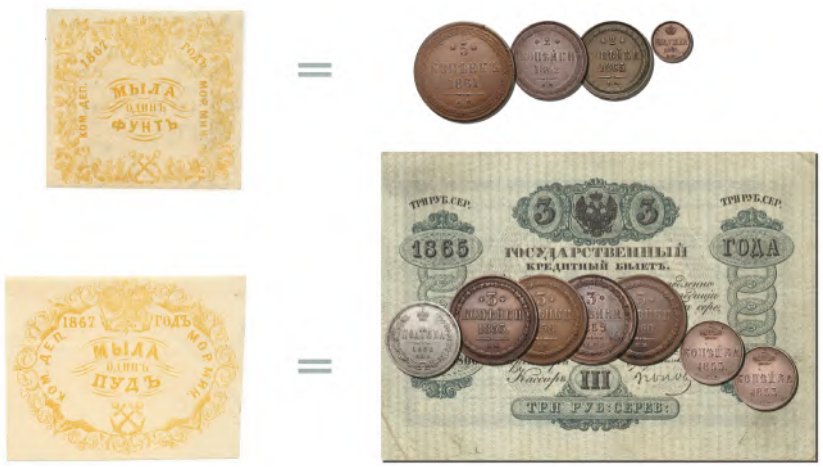
В разные кампании выдано было из Комиссариатского департамента командирам судов:

1855		—
1858		—
1859	выдано билетов на:	?
1860	— « —	?
1861	— « —	2 760 пудов 32 фунта
1862	— « —	1 409 пудов
1863	— « —	866 пудов 24 фунта
1865	— « —	1 002 пуда 35 фунтов

На сегодняшний день известны изготовленные Морским министерством и сохранившиеся в коллекциях провизионные билеты на «табак» лишь двух весовых разборов — на **1 фунт** (96 золотников) и **1 пуд** (40 фунтов). Чрезвычайно вероятно, исходя из общих объемов выданных билетов, что выпускались также подобные квитанции и более высоких разборов (на **5 пудов** табаку).

МЫЛО

То же касается и провизионных билетов на мыло, которые известны сейчас только двух весовых разборов — в **1 фунт** и **1 пуд.**



В закупке на 1867 год пуд мыла в С.-Петербурге обходился, судя по отчету Комиссариатского департамента, в 3 руб. 64 коп.[247]

[247] Отчет директора Комиссариатского департамента за 1865 год. // Морской сборник. Т. LXXXV, 1866. № 8. С. 224.

В разные кампании командиры получили из Комиссариатского департамента:

1855		—
1858		—
1859	выдано билетов на:	?
1860	— « —	?
1861	— « —	2 720 пудов 8 фунтов
1862	— « —	1 409 пудов
1863	— « —	889 пудов 5 фунтов
1865	— « —	1 050 пудов 11 фунтов

Судя по количеству выданных провизионных билетов на мыло, более чем вероятно, что существовали они, как минимум, и «5-пудовые».

Винная выдача

ВИНО

«У большинства людей, незнакомых с бытом моряков на море, почему-то существует странное и решительно ни на чем не основанное мнение, будто морские офицеры в плавании злоупотребляют в кают-компании крепкими напитками или „заливают морскую скуку“, — писал в 80-х годах XIX века литератор и военный публицист Всеволод Крестовский. — *Это величайший вздор из всех вздоров. Даже тени чего-либо подобного нет в действительности… В море моряки пьют менее, чем где-либо. Рюмка водки перед закуской, рюмка марсалы за обедом, вот и все, да и эту-то дозу принимает далеко не каждый».*

Конечно же, моряки не прочь выпить. Но попробуем посмотреть на ситуацию с питием в русском флоте как можно более непредвзято. Для начала обратимся к знакомому нам уже Морскому уставу императора Петра Великого. Царь любивший, как известно, в свободное время активно поучаствовать в Бахусовых потехах, в часы служебные к пьяницам был просто беспощаден.

Тем, «кто придет на вахту пьян», полагалось крайне суровое наказание. У офицера, на первый раз, вычитали месячное жалованье. При повторении проступка следовало лишение чина на время либо навсегда. Матроса ожидало «биение у машты». Исключений не делалось.

В бою или в виду неприятеля их полагалось «лишать живота», вне зависимости от чина. Если же проступок обнаруживался при нахождении в карауле,

то «лишение живота» могло быть заменено вечной или длительной ссылкой на галеры, «по важности вины». *«Никто не дерзнет никакого табаку или горючего вина и прочих заповедных питий для продажи на корабль привозить под потерянием всего того без повороту и сверх того наказанием по обстоятельству, по важности вины смотря»,* — указывалось в Морском уставе.

Что касается нижних чинов, то их взаимоотношения с алкоголем строились, естественно, на другой основе. Любопытна выдержка из прошения винного откупщика (о них мы поговорим чуть позже) Д.Е. Бенардаки Министру финансов на получение необычайно выгодного откупа на вино «с обоснованием»: *«...без водки русской человек жить не может: она для него жизненный эликсир, живая вода, универсальное лекарство; греет его в стужу, прохлаждает в зной, предохраняет от сырости, утешает в скорби, веселит в радости»...*

Начнем с того, что в русском флоте существовало понятие «казенной чарки». Она полагалась в плавании каждому нижнему чину (матросу, унтер-офицеру и кондуктору) ежедневно, причем дважды. Исключение составляли моряки, находившиеся «в разряде штрафованных», к которым относились матросы и унтер-офицеры, ограниченные в правах и подлежавшие за проступки телесным наказаниям.

Милий Юльевич Гюбнер — старший лейтенант Российского флота, служивший на Балтике и Черноморском флоте, в патриотическом порыве сменивший после 1914 года свою немецкую фамилию на Горденева, — в эмиграции написал книгу «Морские обычаи», опубликованную за рубежом после Октябрьской революции: *«Обычай, как таковой, может быть определен, как „вкоренившееся повторение того же самого акта или обряда, не являющегося необходимостью, и всегда по одному и тому же образцу".*

В морской службе обычай есть первая стадия закона. Обычай создается действительной жизнью, с течением времени обращается в привычку, привычка — в необходимость, и как скоро она достигает этой стадии, отвечает потребностям совместной жизни, идет рука об руку с требованиями службы, кодифицируется и становится законом».

Вот что рассказывал автор о церемонии выдачи вина команде:

«В старое доброе время во всех флотах, как военных, так и коммерческих, было обычаем (традицией) награждать команду за выполнение какой-либо особенно тяжелой или рискованной работы чаркой рома, разбавленного водой и носящего в море название „грога". Церемония такого награждения носила название „splicing main brase", что в переводе на русский язык будет „наложить сплесень на грота-брас", то есть соединить поврежденный или порванный брас главной наибольшей реи (каковой была грота-рея).

Англичане упорно держатся своих старых традиций, и это вполне разумно, уже во время великой войны мы имели доказательство верности старым традициям. В день объявления мира 11 ноября 1918 года адмирал Битти, командующий союзным флотом в Розит-Бей, сделал флоту сигнал „Мир заключен в 11 часов дня в понедельник и обычай на службе его величества — праздновать это событие методом „splicing main brase", что и должно быть исполнено на всех судах сегодня в 19 часов".

Регулярная выдача вина команде перед обедом и ужином производилась у нас со дня создания флота императором Петром Великим и по форме производства церемонии является точной копией английской. Разница только в том, что у нас вино выносилось в ендове — специальном большом медном сосуде, луженом внутри, по рисунку и форме древнерусского стиля. У англичан вино выносится в деревянной кадушке с основанием более широким, чем верхняя часть, полированной извне и обитой рядом ярко начищенных медных обручей. На кадушке надписи: сверху — „grog", несколько ниже — „King" и еще ниже — „God bless him". В этих словах, помимо подчеркнутого напоминания о главе флота, есть также указание на традиционный тост в кают-компании корабля перед началом каждого обеда, который всегда начинается поднятием бокала с вином и произнесением всеми, сидя, слова „king".

Порядок выдачи вина и сопровождающая его церемония в деталях одинакова как у нас, так и у англичан. У нас эта церемония производилась следующим образом. За 15 минут до обеда с вахты дается приказание „вино достать". По этой команде караульный начальник получает от старшего офицера ключи от ахтер-люка и в сопровождении вахтенного офицера, баталера и баталерского юнги открывает ахтер-люк. Баталер наполняет ендову вином из бочки. Ахтер-люк закрывается, и процессия идет на шкафут, где и ждет следующей команды „вино наверх", даваемой за 5 минут до обеда. Вино выносится на шканцы, устанавливается на особом табурете, покрытом чистой парусиновой подстилкой. На верхний открытый край ендовы кладется чистая дубовая дощечка, а на нее чарка. Форма чарки — также в старом русском стиле. По команде „к вину и обедать" все имеющие дудки делают первый предварительный, призывной сигнал. По этому сигналу все унтер-офицеры и боцманы располагаются вокруг ендовы, имея ее в центре, и по команде старшего боцмана делают одновременный, троекратно повторяемый сигнал дудками, очень красивый и музыкальный. После этого в порядке старшинства, начиная с боцмана, каждый с почтительно-торжественным лицом подходит к ендове, зачерпывает вино и, подставляя ладонь левой руки под чарку, чтобы ни одна капля не упала на палубу, с чувством полного блаженства на лице медленно ее выпивает. Интересно при этом отметить тот факт, что каждый, подходя, снимает фуражку и пьет чарку с непокрытой головой. Делается это в силу постоянного обычая отдания уважения шканцам и флагу. Баталер отмечает в книге всякого выпившего чарку.

У нас выдача чарки упразднена сравнительно недавно, в уступку духу времени, в силу будто бы того, что этим люди приучаются к постоянному потреблению вина. Это совершенно неверно. Пьет чарку очень малый процент команды, большинство же предпочитает получать деньгами — восемь копеек в день, что в месяц составляет 2 рубля 40 копеек. Табак также отпускался от казны, но не натурой, а деньгами по 12 копеек в месяц. Те же, кто пьют, все равно пить будут, пожалуй, даже больше, стараясь наверстать все в один съезд на берег. Церемония же раздачи вина, как вообще всякая церемония, не только дорога моряку, как традиция, но важна и тем, что является укреплением дисциплины, хотя бы уже потому, что лишний раз напоминает об основе дисциплины, понятии о старшинстве, напоминает о шканцах. Кроме того, упразднение чарки лишает офи-

цера возможности наградить матроса так, как это делалось столетия. Чарка упразднена, но чарочные деньги остались. Всякому, даже не моряку, ясно, что в награде чаркой или 8-ю копейками по существу разница большая. Этим же уменьшается значение закона, запрещающего нижнему чину брать награду деньгами.

… Морская служба это — непрерывный ряд мелочей, тесно связанных друг с другом в силу особенности условий жизни, и всякое упущение, казалось бы, даже самой незначительной мелочи, всегда, в конце концов, чревато серьезными последствиями»[248].

Постоянное включение вина в нормы морских пайков — явление сугубо закономерное, отвечавшее устойчивым традициям в его потреблении. Под «вином» в «казенной винной порции» Табель подразумевала *«простое хлебное, но очищенное от сивушного масла, крепостью 40 по спиртомеру Траллерса»*[249], то есть — водку.

В первой половине XIX века произошло лишь распространение самого слова «водка», в том смысле, что оно лишилось своей жаргонности, но понятие водки не только не пришло в соответствие со своим истинным значением, но и исказилось по сравнению с XVIII веком. Оно не было перенесено на собственно водку, то есть на хлебный спирт, разведенный водой.

Только к 70-м годам XIX столетия начинается медленное вытеснение в бытовом языке словом «водка» прежнего понятия «вина» как хлебного вина. Этому процессу препятствовал в то же время официальный, казенный язык, согласно которому во всех питейных и торговых заведениях России существовал лишь продукт, именуемый «вином»…

Весьма характерна для этого времени, например, сцена из комедии А.Н. Островского «Свои люди — сочтемся» (1850), где жеманная, неискренняя сваха просит хозяйку угостить ее *«бальсанцем с селедочкой»* (т.е. бальзамом), называя так (согласно ремарке автора) именно водку, в то время как другой персонаж — стряпчий Сысой Расположенский, хронический пьяница, по поводу того же «бальсанца» говорит: *«Что это, водочка у вас? Я рюмочку выпью»*. И на предложение попробовать виноградного вина отвечает, что оно ему «претит» и что он пьет только чистую водку.

Интересно, что спустя примерно полтора десятилетия после этого эпизода другой русский классик — М.Е. Салтыков-Щедрин, употреблявший в своих произведениях только термин «водка», отмечал: *«Знайте, что пьет человек водку — значит, не ревизор, а хороший человек»*, подчеркивая этим косвенно, что признание за водкой самого термина «водка» требует известной доли мужества и искренности и, главное, презрения к казенщине и казенной терминологии…

Но вернемся к «винной порции». На флоте каждый день в определенное время — перед обедом и в 6 часов вечера — на палубу выносилась огромная луженая *ендова* с водкой (в российских водах) или ромом (в заграничном плавании). Сосуд устанавливался на шканцах. Затем появлялся баталер (ведавший запасами

[248] *Горденев М.Ю.* Морские обычаи, традиции и торжественные церемонии Русского Императорского флота. — М.: Андреевский флаг, 1992.

[249] Свод Морских постановлений. Кн. XIII. О довольствии чинов Морского ведомства… С. 96. Ст. 264.

провианта и алкоголя[250]) с мерной получаркой, в которую помещалось около половины современного граненого стакана. В ведении баталера была и так называемая «форменная книга», где отмечались пьющие и трезвенники.

Ключ от корабельного «винного погреба» хранился в каюте старшего офицера судна. Баталер — обязательно в присутствии вахтенного офицера — открывал кран цистерны с ромом или другим подходящим случаю напитком, сцеживал необходимое количество в ендову, после чего разводил «живительную влагу» до необходимой пропорции.

Затем начинали свистеть боцманские дудки, причем их призыв к водке матросы называли не иначе, как «соловьиным пением»: *«Как только „соловьи“ пропели, на шканцы высыпает из жилой палубы толпа матросов, и баталер передает чарку старшему боцману. Тот зачерпывает ею до верху из ендовы и, выпив, передает по старшинству второму себе по чину,* — писал Всеволод Крестовский. *— Таким образом, сначала „кушает“ начальство, господа боцманы и прочие боцманского ранга люди, а затем уже приходит очередь матросов...»*[251]

Согласно нормам довольствия, принятым в 1858 году, нижним чинам флота, находившимся в плавании во внутренних российских водах, выдавалось в месяц 28 чарок водки на 1 человека: *«При даче команде поутру горячего завтрака из кашицы, чарку водки разделять на две части — одну треть чарки давать перед завтраком и две трети чарки давать перед обедом. Ром или коньяк (вместо водки) всегда разбавить наполовину и отпускать по две дачи к обеду и завтраку. Одна чарка рома отпускается в виде 2 чарок грога»*[252]

Сразу отметим, что разбиение винной порции на два приема было обусловлено требованиями морских врачей, которые считали, что прием одновременно более 100 граммов алкоголя не приносит матросу ничего, кроме вреда. Кстати, нормативы Морского ведомства требовали делить «чарку» не ровно пополам, а из расчета ⅔ к обеду и ⅓ — к ужину[253]. Но чаще всего требования циркуляров не соблюдались, и матросы получали каждый раз равную дозу.

Что же касается наказаний за пьянство на берегу, то любопытно познакомиться с решением, принятым персонажем книги Константина Станюковича «Вокруг света на "Коршуне" — командиром корвета Василием Федоровичем. Этот персонаж списан был с командира корвета «Калевала» (на котором Станюкович совершил кругосветку) — Василия Федоровича Давыдова.

[250] Баталёр (от франц. *batailler* — «сражаться»), — лицо, ведающее на корабле продовольственным и вещевым снабжением личного состава. *«Баталер (Commis aux vivres; Store keeper; steward) — унтер-офицер на судне, помощник коммисара. Содержатель провизионных запасов»,* — указывалось в Морском словаре (Объяснительный морской словарь. Настольная книга для имеющих отношение к морскому делу. / Сост. В.В. Вахтиным. 2-е изд., доп. — СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1894. С. 17).

[251] *Крестовский В.* В дальних водах и странах. В 2-х томах. Т. 1 — М.: Век, 1997.

[252] Высочайше утвержденное положение о довольствии судов, отправляемых в заграничные плавания. // ПСЗРИ. Т. XXXIII, 1858. Ст. 33168. С. 645.

[253] Свод Морских постановлений. Кн. XIII. О довольствии чинов Морского ведомства… С. 96. Ст. 265.

Василий Федорович (как и его прототип) был решительным противником телесных наказаний, в тот момент во флоте официально еще не отмененных. Поэтому ему пришлось придумать наказание, которое воздействовало бы на психологию матросов-пьяниц.

Судовому плотнику было приказано соорудить нечто вроде загона, куда, как свиней, посадили четырех проштрафившихся матросов. Перед ними поставили ендову с водкой и чарку. Результат поразил всех: *«Все четверо матросов были, видимо, сконфужены неожиданным положением, в котором они очутились. Никто из них не дотрагивался до чарки… Расчет капитана на стыд наказанных оправдался: ни один из них не прикоснулся к водке; все они чувствовали какую-то неловкость и подавленность и были очень рады, когда им приказали выйти из загородки и когда убрали водку»*[254].

Черный миф о русском пьянстве окончательно сформировался в общеевропейском мнении к середине XIX века. В газетах печатался материал исключительно о пьянстве и алкогольном пристрастии русских. Иностранный путешественник, готовившийся к поездке в Россию, был готов к тому, что это — страна пьяных мужиков. Любой случай, связанный с выпивкой, расценивался как доказательство этого утверждения…

О таком внушении и своеобразной «подготовленности» упоминал в своих «Письмах из деревни» известный публицист XIX столетия Александр Николаевич Энгельгардт: *«Начитавшись в газетах о необыкновенном развитии у нас пьянства, я был удивлен тою трезвостью, которую увидал в наших деревнях. Все, что пишется в газетах о непомерном пьянстве, пишется корреспондентами, преимущественно чиновниками, из городов»*[255].

Тем не менее, в 1866 году Управляющим Морским министерством подписан был приказ «О мерах противу буйства и крика нижних чинов, возвращающихся с берега на суда в чрезмерно пьяном виде, и о взыскании, коему подлежат такие нижние чины»[256].

Мужчины, уставшие от военной службы со строгим распорядком дня, ночных вахт и частых экстремальных ситуаций, на берегу, в свои нечастые увольнительные дни и часы, пускались, что называется, во все тяжкие. В походах — совсем иное.

Итак, в месяц матросу полагалось чуть больше ведра казенной водки…

Основная русская дометрическая мера объема жидкостей — ***ведро***[257]. В обиходе два ведра на коромысле должны были быть «в подъем женщине»…

[254] *Станюкович К.М.* Вокруг света на «Коршуне» / Собр. соч. в 10 т. Т. 6. — М., 1977.

[255] *Энгельгардт А.Н.* Письма из деревни. — М.: Просвещение, 1989.

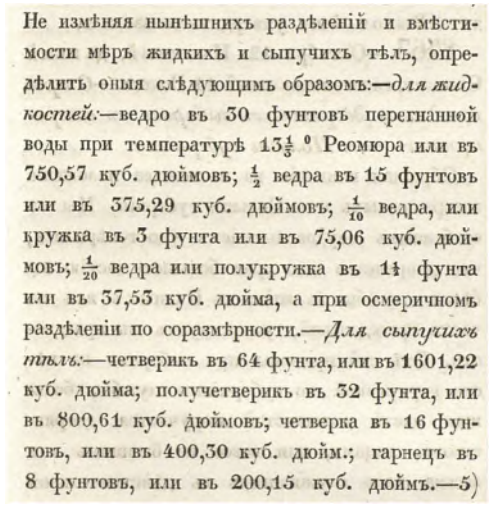
[256] Приказ Управляющего Морским министерством за № 66 от 3 мая 1866 года.

В «Морском Альманахе» в таблице «мер емкости для жидких тел» указывалось, что 1 ведро = 9,6429 рижских штофов = 0,1230 гектолитров = 2,7070 галлонов = 0,1790 прусских эймеров (См.: Морской Альманах на 1866 год. — Спб.: Тип. Морского мин-ва. Б.г. С. 43).

Деление на более мелкие меры проводилось по двоичному принципу: ведро делили на 2 полуведра, или на 4 четверти[258], или на 8 получетвертей, а также на «кружки»[259] и «чарки».

ведро (12,29941 л)	***кружка (штоф)*** (1,229941 л)	***бутылка водочная*** (0,6149705 л)	***чарка*** (0,1229941 л)	***шкалик*** (0,0614971 л)
1	= 10	= 20	= 100	= 200
	1	= 2	= 10	= 20
		1	= 5	= 10
			1	=2

Итак, ведро = 1/40 бочки «мерника» = 10 кружек = 20 водочных бутылок (0,6 л)[260] = 16 винных бутылок (0,75 л) = 100 чарок = 200 шкаликов — именно в этих казенных ведрах, определенных законом «О системе Российских мер и весов» от 11 октября 1835 года,[261] и указывались мерные разборы провизионных билетов.


Не измѣняя нынѣшнихъ раздѣленій и вмѣстимости мѣръ жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ, опредѣлить оныя слѣдующимъ образомъ:—*для жидкостей:*—ведро въ 30 фунтовъ перегнанной воды при температурѣ $13\frac{1}{3}$ ° Реомюра или въ 750,57 куб. дюймовъ; $\frac{1}{2}$ ведра въ 15 фунтовъ или въ 375,29 куб. дюймовъ; $\frac{1}{10}$ ведра, или кружка въ 3 фунта или въ 75,06 куб. дюймовъ; $\frac{1}{20}$ ведра или полукружка въ $1\frac{1}{2}$ фунта или въ 37,53 куб. дюйма, а при осмеричномъ раздѣленіи по соразмѣрности.—*Для сыпучихъ тѣлъ:*—четверикъ въ 64 фунта, или въ 1601,22 куб. дюйма; получетверикъ въ 32 фунта, или въ 800,61 куб. дюймовъ; четверка въ 16 фунтовъ, или въ 400,30 куб. дюйм.; гарнецъ въ 8 фунтовъ, или въ 200,15 куб. дюймъ.—5)

Помимо этих билетов Комиссариатского департамента, по которым командиры российских судов получали в плавание «хлебное вино» из казенных «провиантских магазинов», сохранились в коллекциях и документы несколько иного рода.

Это рукописные требования — «билеты», направлявшиеся командирами флотских подразделений в «винный откуп» для получения хлебного вина по казенной цене не в морские походы, а на берегу (где, как известно, винная выдача не входила в рацион).

[258] Четверть («четвёртая часть ведра») = 3 литра (раньше это была узкогорлая стеклянная бутылка). Мера «бутылка» появилась в России при Петре I.

[259] Кружка (слово означает «для пития по кругу») = 10 чаркам = 1,23 литра.

[260] Стандартная полулитровая бутылка появилась много позже — в 20-е годы XX в. Поскольку в ведре вмещалось 20 бутылок (20×0,6 = 12 л), а в торговле счет шел на ведра, то ящик до сих пор вмещает 20 бутылок.

[261] ПСЗРИ. Т. X, 1835. Ст. 8459. С. 1010–1011.

Кронштадт. Военная гавань зимой. Акварель Луиджи (Людвига Осиповича) Премацци, 1851

Что представлял собой пресловутый винный откуп?

Традиционно водка приносила в России громадные доходы, из которых только часть доставалась государству. До 1861 года, наряду с «питейной монополией», существовала система «откупов», когда взимание косвенного налога осуществлялось путем продажи частным предпринимателям права торговли «вином» Кто больше давал на торгах за право торговли в определенной местности, тот и становился откупщиком. На каждый кабак, приписанный к определенной территории, фискальные органы распределяли доходную разверстку, откупщики платили государству заранее оговоренную денежную сумму, получая право на откуп на публичных торгах.

За откупы шла настоящая война, — это было хоть и сложным, но весьма прибыльным предприятием. Именно на винных откупах создавались миллионные состояния. Через подставных лиц в откупах даже участвовали высшие государственные чиновники; очень уж лакомым был «кусок пирога» — в руках откупщиков было «золотое дно»: собранные ими с населения доходы в 2–3 раза превышали средства, вносимые в казну.

Владельцы откупов раз в год выплачивали государству определенную сумму и могли торговать водкой практически бесконтрольно. Естественно, что появились дельцы, которые стали брать откуп на винную торговлю не в отдельном кабаке, а на уезд и даже губернию — в их полном распоряжении оказывалась винная торговля в громадных российских регионах. Как тогда говаривали — дело «лихое и грешное», хотя и узаконенное…

Из-за неудобств и злоупотреблений откупной системы правительство по предложению Министра финансов Гурьева[262] пришло к мысли о введении с 1817 года казенной продажи вина. Попытка обернулась едва ли не крахом бюджета — по настоянию графа Е.Ф. Канкрина[263] с 1827 года вновь вернулись к откупной системе.

Злоупотребления были столь велики, что в 1851 году по Высочайшему распоряжению начато было следствие о беззакониях, чинимых петербургскими откупщиками. Однако уже через 10 дней следствие было прекращено. Всего десять дней понадобилось откупщикам, чтобы добиться отмены распоряжения…

С наступлением же Крымской войны, опасаясь уменьшения доходов при перемене системы, правительство решилось оставить откупы в прежнем виде.

Доход казны от откупов в 1859–1862 годах составлял около 128 миллионов рублей, то есть до 40% от всего государственного бюджета[264]. Тем не менее, откуп был баснословно прибыльным: при заводской цене за ведро водки в 40–45 копеек откупщик покупал его за 3–4 рубля, а продавал за 10–12 рублей. А ежели в своей лавке пускал его в розлив, получал до 20 рублей выручки! Прибегали откупщики не только к произвольному повышению цен, но и к отказам потребителям в отпуске простого хлебного вина...

Много шума в русской печати наделала необычная встреча Москвой в феврале 1856 года героев самоотверженной обороны Севастополя[265]: представители столичного купечества, встав в ряд, в ноги кланялись защитникам города-крепости!

Устроитель торжественной церемонии и широких народных гуляний по этому поводу — богатейший в стране промышленник, откупщик-комиссионер, купец 1-й гильдии Василий Александрович Кокорев (которого Савва Мамонтов назвал в своих воспоминаниях «откупщицким царем») — громогласно объявил, что *«откуп разрешает героям три дня пить безданно и беспошлинно»*.

Молодой писатель Лев Толстой, сам герой Севастопольской обороны, с негодованием отозвался в прессе: купцы обыкновенной пьянкой затмили истинный героизм…

Как мы помним, «морская провизия» выдавалась на суда только на время кампаний. На суше провиант не выдавался натурой, а для приобретения его выделялись чинам Морского ведомства, назначенные по штату, так называемые ***«береговые столовые деньги».***

---

[262] Граф Дмитрий Александрович Гурьев (1758–1825†) — третий Министр финансов Российской империи в 1810–1823 гг.

[263] Граф Егор Францевич (Георг Людвиг) Канкрин (1774–1845†) — четвертый Министр финансов Российской империи в 1823–1844 гг. При нем была в 1839–1843 гг. осуществлена денежная реформа, начат обмен всех ассигнаций на государственные кредитные билеты, обменивающиеся на золото и серебро.

[264] *«В настоящее время в России существует 64.000 питейных домов, 8.500 выставок, 3.800 ведерных и штофных лавок, 1.100 водочных магазинов, 500 портерных лавок, 1.400 ренсковых погребов, 3.000 трактиров, 7.500 винокурен и т.п. заводов, около 30.000 постоялых дворов и 2.000 складов для оптовой продажи вина»* (Олонецкие Губернские Ведомости. 27.II.1860. №9. С. 34).

[265] В годы Крымской войны в осажденном Севастополе продолжал действовать винный откуп Евзеля Гинсбурга, выходца из бедной еврейской семьи, впоследствии купившего себе на винные деньги баронство у герцога Гессен-Дармштадтского.

25 коп. сер. Л.с.
Боны, выпускавшиеся во время разменного кризиса в 1860 г. Конторой Одесского чарочного откупа.

25 коп. сер. О.с.

Подавляющее большинство населения о. Котлина принадлежало к военному сословию. Владимир Петрович Невельской — автор изданных в 1865 году «Путевых записок» — задался целью подсчитать, сколько в Кронштадте питейных заведений, и *«насчитал их что-то чересчур много — кажись, до 200»*[268].

Вдоль бывшей петровской «прешпективы», ставшей средней аллеей устроенного в 1809 году Летнего сада, по Петербургской улице города-крепости, пересекавшей овраг и шедшей к тогдашнему центру Кронштадта — линии так называемых «Губернских домов», можно было добраться до стоящего на горке «питейного дома».

Из этих сумм командиры флотских подразделений зачастую приобретали необходимую для команд водку, естественно, покупая ее по «казенной» цене в 3 рубля[266], а не по спекулятивной в 7–8, а то и 10 рублей за ведро[267].

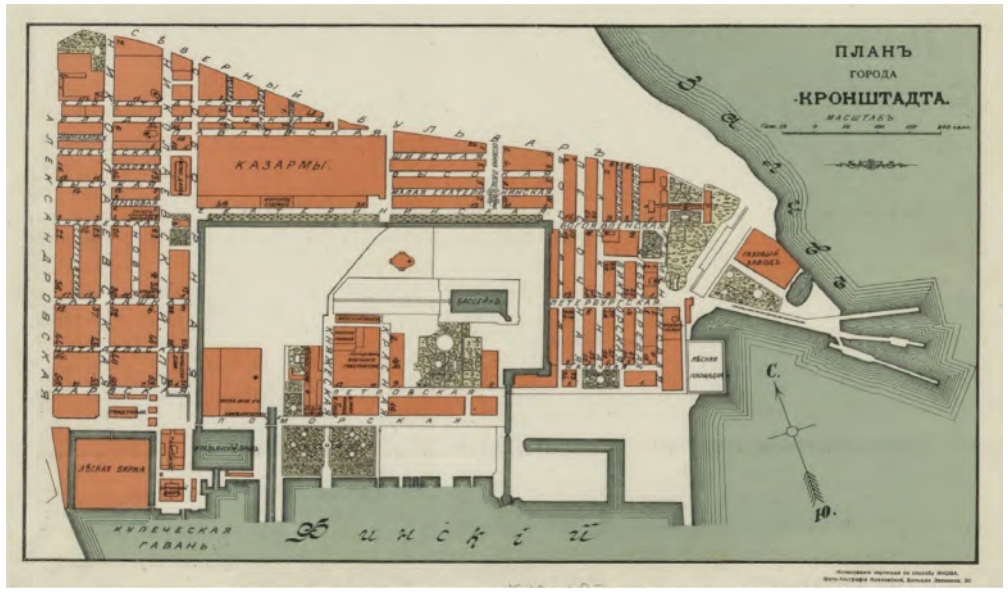
Закупался, конечно, полугар. Название «полугарное вино» произошло от способа измерения крепости напитка — так называемого «отжига». Суть его сводилась к тому, что «хлебное вино», предварительно нагрев до кипения, поджигали, ожидая, когда выгорит, и по остатку воды определяли количество выгоревшего спирта. Стандарт доброты предписывал, чтобы контрольная проба при выжигании выгорала ровно наполовину. Вино такого качества (крепостью 38–39 градусов) называлось вначале «полувыгарное вино», затем «полугарное вино» или просто «полугар».

Наиболее точно понятие «полугара» формулировалось в Указе Николая I от 1842 года «О доброте питий»: *«Вино полугарное должно быть узаконенной доброты, которая определяется таким образом, чтобы влитая в казенную заклейменную отжигательницу проба оного, при отжиге выгорела в половину».*

[266] В составленной в конце 1855 г. записке «О финансах России» высокопоставленный чиновник Министерства финансов Ю.А. Гагемейстер писал: *«В великороссийских губерниях, в коих 33 500 000 жителей, казна сама скупает вино у производителей, платя обыкновенно от 60 до 70 коп. за ведро полугара, и отпускает оное откупщикам по 2½ руб., предоставляя им право продавать вино по 3 руб.; остающаяся затем в пользу откупщиков полтина с ведра должна не только покрывать все расходы по управлению откупом, но дать откупщику возможность взносить некоторую сумму в казну и вознаградить себя за все убытки, могущие произойти от продажи в течение года меньшего количества вина, чем установлено для каждой местности откупными условиями».*

[267] Желая получить напоследок максимальную прибыль, откупщики уже в 1858 г. стали повышать цены с 3–31/2 до 8–10 рублей за ведро водки при официальном распоряжении, что подобная акция *«не должна быть считаема за злоупотребление».* В наиболее радикальном журнале «Современник» в 1858 г. была опубликована нашумевшая повесть В.Н. Елагина «Откупное дело», в которой со знанием предмета описаны обычная практика откупщиков по обману казны и их фактическая безнаказанность, обеспеченная отлаженной системой подкупа местных чиновников.

[268] *Невельской В.П.* Путевые записки от СПб. до Кронштадта и обратно. — СПб., 1865.



Сюда, в контору «кабакомудрых»[269] откупщиков, направляли офицеры флота, вкупе с наличными деньгами, стандартные записки-требования (именовавшиеся по привычке «билетами»)[270] с просьбой отпустить «полугарного вина» по казенной цене.

В 1858 году:

Билет

По сему билету прошу Кронштадтского винного откупа отпустить вина полугарного три четверти ведра по казенной цене на похороны, квартирмейстера Николая Васильева, в чем свидетельствую подписом и приложением казенной печати

Сентября 8 дня 1858 года

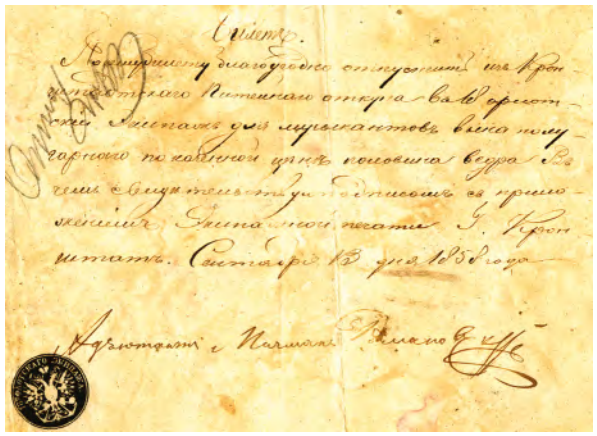
Командир 26-го флотского Экипажа, Капитан I ранга [...]

Гербовая печать 26-го флотского экипажа[271].

[269] Этим эпитетом поэт С.А. Соболевский, писавший эпиграммы на сановных лиц, наградил одного из богатейших коммерсантов-откупщиков — Д.Е. Бенардаки. Нередко контракт с казной заключался купцом не в одиночку, а «в товариществе». В таком случае от компании назначался управляющий откупом, а на местах определялись поверенные. Для обслуживания откупа содержался целый штат работников — приказчики, дистанционные и частные поверенные (ведали всеми местами продажи в своей «дистанции»), смотрители магазинов (складов) и их «подвальные» работники, сидельцы-продавцы в питейных домах, бухгалтеры, — в чью задачу входило обеспечение функционирования всех звеньев откупа как коммерческого предприятия.

[270] Такие записки-требования, заверявшиеся подписью ответственного лица и печатью подразделения или судна, известны с датами 1858–1861 гг.

[271] 26-й флотский экипаж (10-й бригады 3-й флотской дивизии).



Билет

По сему билету благоугодно отпустить из Кронштадтского Питейного откупа в Флотский экипаж для музыкантов вина полугарного по казенной цене половина ведра. В чем свидетельствую подписом с приложением Экипажной печати.

Г. Кронштадт. Сентября 13 дня 1858 года.

Адъютант мичман [...]

Гербовая печать 18-го флотского экипажа[272].

Здесь необходимо небольшое пояснение.

«**Флотский экипаж**» — это была базовая часть в организации Военно-морского флота Российской империи, которая приравнивалась к полку сухопутных сил[273]. К экипажам «приписывались» определенные суда, комплектовавшиеся личным составом из флотского экипажа, командовал которым старший из командиров судов I ранга[274].

К 1853 году на Балтийском флоте экипажи носили номера с «1-го» по «27-й» включительно. Затем состав и нумерация их часто менялись[275].

[272] 18-й флотский экипаж (7-й бригады 3-й флотской дивизии).

[273] Флотский экипаж делился на роты и состоял из одного капитана 1-го ранга, одного капитана 2-го ранга, 4 капитан-лейтенантов, 12 лейтенантов, 12 мичманов, 80 боцманов, боцманматов и квартирмейстеров, 25 барабанщиков и горнистов и 1000 матросов.

[274] В Балтийском флоте с 1816 г. флотских экипажей нового состава (из 8 рот) было 27, в Черноморском — 17 и в Каспийской флотилии — 1. Номера экипажей были в Балтийском флоте от «1» до «27», в Черноморском — от «28» до «44» включительно и в Каспийской флотилии — «45-й» экипаж.

[275] В 1853 г. сформирован «28-й» флотский экипаж Балтийского флота, а бывший 28-й флотский экипаж Черноморского флота переименован в «45-й» флотский экипаж. К июлю 1857 г. в Балтийском флоте № 1–24 флотские экипажи, № 25–26 — экипажи малых судов, а № 27–28 — экипажи уже Каспийской флотилии. В 1863 г. уменьшилось количество балтийских флотских экипажей, — их стало всего 8 до реформы 1891 г.

Номер флотского экипажа определял место службы моряка и носился на погонах. Поскольку экипажей было много, в номерах на погонах и местах службы разбирались только флотские.

Так, Иван Сергеевич Тургенев в рассказе «История лейтенанта Ергунова», написанном в 1868 году, воссоздает загадочные события, якобы имевшие место еще до Крымской войны. Герой рассказа лейтенант Василий Кузьмич Ергунов был откомандирован в Николаев для выполнения какого-то поручения. Девушке, втянувшей его в опасное приключение, он представился: *«Я служу в девятнадцатом черноморском экипаже, во флоте»*. И девушка, и читающая российская публика не заметили, что 19-й экипаж был не черноморским, а балтийским. Этот флотский экипаж размещался в Кронштадте, где базировались в то время 14 экипажей Балтийского флота. Еще 3 — в Санкт-Петербурге; 5 — в Ревеле; 3 — в Свеаборге[276].

Между тем, слово «экипаж» в то время употреблялось и в отношении корабля: «экипаж судна» включал и офицеров, и нижних чинов. Последние же составляли «команду» судна.

В 1859 году флотские офицеры вновь направляли в Кронштадтскую контору винного откупа записки-требования с просьбой отпустить для команд хлебное вино по казенной цене:

<...>

Билет

Благоволено было отпустить из Конторы питейного откупа для нижних чинов 3 роты вина полугарного четверть ведра[277], в чем подписом с приложением Экипажной печати удостоверяю.

Апреля 1-го дня 1859 года.
Командир 3-й роты 6-го флотского экипажа.
Лейтенант [...]
Гербовая печать 6-го флотского экипажа[278].

[276] Судя по сметам Комиссариатского департамента Морского министерства.

[277] В 1885 году объем четверти определялся в 3,0748 литра. Использовалась при продаже главным образом винно-водочной продукции и делилась на 5 водочных или 4 винных бутылки.

[278] 6-й флотский экипаж (2-й бригады 1-й флотской дивизии).

Билет

По сему билету отпустить из кронштадтской питейной конторы по казенной цене вина полугарного одно ведро в 1 роту учебного артиллерийского корабля „Прохор", в чем свидетельствую, г. Кронштадт. Апреля 7 дня 1859 года.
Командир 26-го флотского Экипажа Капитан I ранга […]
Гербовая печать артиллерийского корабля[279].

Билет

Посему прошу Контору Питейного откупа в г. Кронштадте отпустить для нижних чинов Лабораторной №1 роты вина полугарного половину ведра в чем свидетельствую подписом моим с приложением казенной печати. Апреля 10 дня 1859 года.
Командир Лабораторной №1 роты
Майор […]
Гербовая печать «Лабораторн. №1 роты корп. морск. арт.»[280].
За Адъютанта прапорщик […]

Билет

По сему билету прошу кронштадтского винного откупа отпустить вина полугарного одно ведро по казенной цене команде шхуны метеор в чем свидетельствую подписом моим и приложением казенной печати.
Г. кронштадт. Апреля „10" дня 1859 года.
Командир шхуны Метеор
Капитан лейтенант […]
Гербовая печать шхуны Метеор[281].

Билет

По сему благоволено было бы отпустить из Кронштадтской Конторы винного откупа по казенной цене половину ведра полугарного (ведра) вина. В чем свидетельствую подписью и приложением казенной печати.
Кронштадт. Апреля … дня.
Лейтенант […]
Гербовая печать винтового клипера Разбойник[282].

[279] Парусный 84-х пушечный «Прохор», заложенный 15 января 1848 г. в Санкт-Петербургском Новом адмиралтействе, в 1858–1861 гг. использовался как учебно-артиллерийский корабль (10-й бригады 3-й флотской дивизии) и каждую кампанию приходил из Кронштадта на Ревельский рейд для обучения комендоров и выполнения учебных стрельб. В 1858–1859 гг. артиллерийским кораблем «Прохор» командовал капитан 1-го ранга Воин Андреевич Римский-Корсаков (впоследствии контр-адмирал, директор Морского Кадетского Корпуса). В 1860 году на корабле испытывались ракеты конструкции генерал-майора К.И. Константинова. Артиллерийский корабль «Прохор» исключен из списков судов БФ 11 сентября 1863 г.

[280] Лабораторные и арсенальные роты относились к созданному в 1734 году Корпусу морской артиллерии. Лабораторные роты занимались снаряжением бомб, гранат, брандскугелей и т.д.

[281] Парусная шхуна «Метеор» была заложена на Соломбальской верфи 6 февраля 1835 г. и после спуска на воду 6 мая 1836 г. вошла в состав Балтийского флота. 23 июля 1856 г. принимала участие в Высочайшем смотре судов Балтийского флота на Кронштадтском рейде. В 1861 году шхуна была продана на слом, а 5 января 1863 г. исключена из списков судов флота.

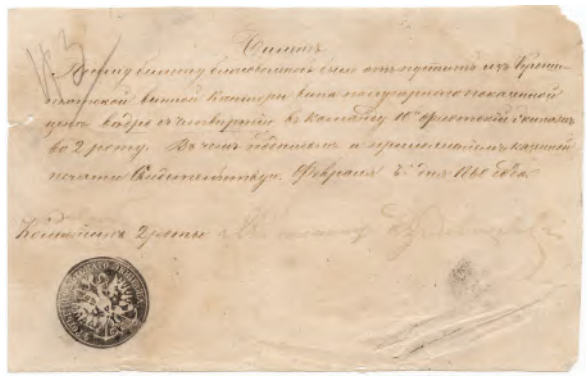
[282] «Разбойник» начал строиться в Архангельске как «винтовая лодка» в 1855 г. Построен в 1856 г. Водоизмещение — 615 т, мощность машины — 150 л.с., вооружение — 6 пушек, экипаж состоял из 7 офицеров и 95 нижних чинов. После окончания постройки «Разбойник» некоторое время находился в составе Балтийского флота. Весной 1858 г. экипаж клипера производил опись и промер фарватера в шхерах между Торнео и Улеаборгом (Финляндия); в этом же году был предназначен к походу на Дальний Восток, куда вышел (под командованием капитан-лейтенанта Ратькова) в августе 1859 г. в составе 3-го Амурского отряда. В 1863 г. (под командованием капитан-лейтенанта В. Попова) вернулся на Балтику, где и находился до своего списания в 1867 г.

В 1860 году:

Билет

Посему билету благоволено б было отпустить из Кронштадтской винной Конторы вина полугарного по казенной цене ведро с четвертью в Команду 10-й Флотский Экипаж во 2 роту. В чем подписом и приложением казенной печати свидетельствую. Февраля 6 дня 1860 года.

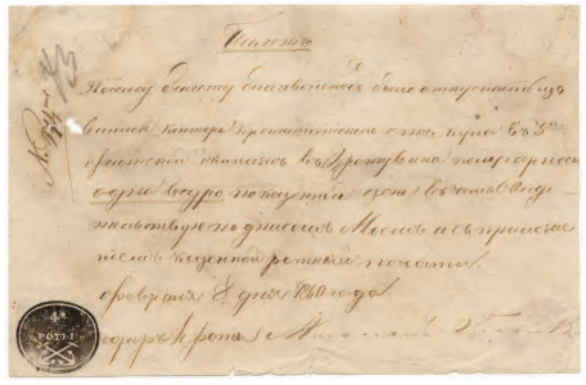
Командир 2 роты […]
Герб. печать 4 Роты 10-го Флотского Экипажа[283].



Билет

Посему билету благоволено б было отпустить из Винной Конторы Кронштадтского откупа в 3-й флотский экипаж в 4 роту вина полугарного одно ведро по казенной цене в чем свидетельствую подписом Моим и с приложением казенной ротный печати. Февраля 8-го дня 1860 года.

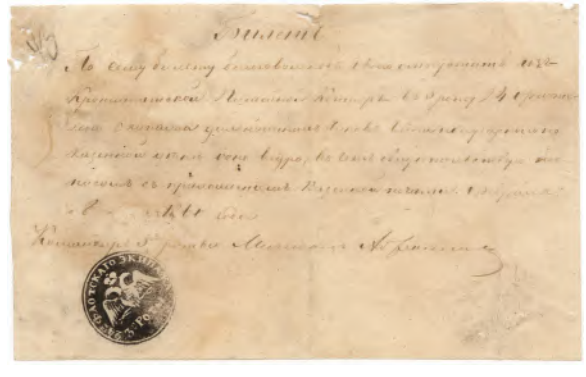
Командир 4 роты […]
Печать 4-й роты.



Билет

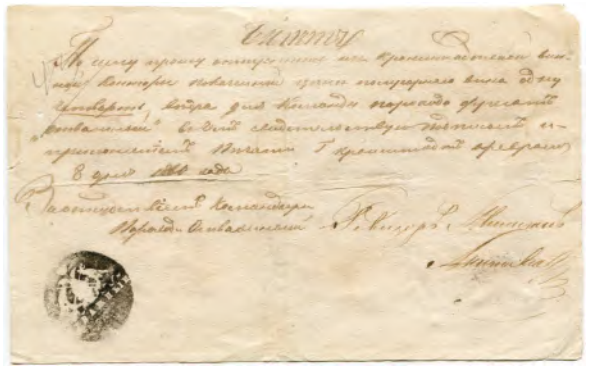
По сему билету благоволено б было отпустить из Кронштадтской Питейной Конторы в 3 роту 24 Флотского Экипажа для нижних чинов вина полугарного по казенной цене одно ведро, в чем свидетельствую подписом с приложением Казенной печати. Февраля 8 дня 1860 года.

Командир 3-й роты […]
Герб. печать 3 Роты 24-го Флотского Экипажа[284].



[283] 10-й флотский экипаж (4-й бригады 2-й флотской дивизии).

[284] 24-й флотский экипаж (9-й бригады 3-й флотской дивизии). В 1855 г. базировался в Свеаборге.



Билет

По сему прошу отпустить из Кронштадтской винной Конторы показенной цене полугарного вина одну четверть ведра для Команды парохода фрегат „Отважный“ в чем свидетельствую подписом и приложением печати Г. Кронштадт Февраля 8 дня 1860 года

За отсутствием Командира парохода Отважный [...][...][...]
Гербовая печать Отважный[285].

Билет

По сему билету благоволено б было отпустить из Кронштадтской Питейной Конторы для нижних чинов 3 роты Учебного Артиллерийского Корабля „Прохор“ вина полугарного показенной цене четверть ведра в чем свидетельствую подписью и приложением Казенной печати Г. Кронштадт Октября 13 дня, 1860 года.

Командир 3 роты Лейтенант [...]
Оттиск печати на сургуче красного цвета.

В 1861 году:

Билет

По сему билету благо волено б было отпустить из Конторы питейного откупа вина простого по казенной цене одну четверть ведра.

Г. Кронштадт. Января 27 дня 1861 года
Помощник смотрителя госпиталя [...]
Гербовая печать.

Билет

По сему билету отпустить из винной конторы вина полугарного по казенной цене полведра. Подписом я свидетельствую.

Кронштадт. Мая 14-го дня 1861 года
Помощник смотрителя госпиталя [...] [286]

Гербовая печать.

[285] Пароходо-фрегат «Отважный» заложен на Охтенской верфи в Санкт-Петербурге 30 ноября 1842 г., спущен на воду 11 сентября 1843 г. Вступил в строй в 1844 г. Исключен из списков судов флота и продан на слом 8 апреля 1861 г.

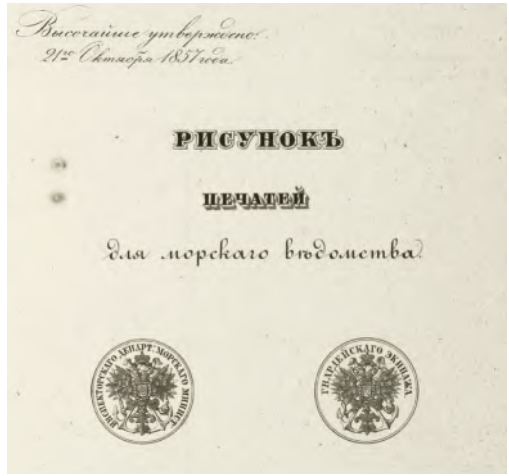
[286] Во второй половине XIX в. Кронштадтский морской госпиталь оставался самым большим в Морском ведомстве. Смотритель госпиталя, назначавшийся из морских офицеров, подчинялся Главному доктору и должен был выполнять все законные его требования по службе. Смотрителю подчинялись помощник и комиссар. Последний должен был принимать, хранить и расходовать по распоряжению конторы денежные суммы.

Любопытно, что и в начале 1860-х годов продолжали использоваться казенные гербовые печати с изображением «старого», еще времен царствования Александра I, гербового орла «с опущенными крыльями»[287].

Между тем, еще 31 июля 1857 года направлен был всем командирам флота циркуляр Инспекторского департамента о том, «*чтобы на всех предметах Императорский герб был изображаем с орлом, имеющим крылья поднятые*»[288].

«По случаю изменения Императорского герба, — указывалось в распоряжении, объявленном флоту в начале августа, — *согласно первоначального его вида, т.е. с орлом, имеющим кверху поднятые крылья, Государь Император Высочайше повелеть соизволил: на всех головных уборах и вообще на всех предметах, где имеется изображение Орла, — иметь таковой с подъятыми кверху крыльями.*

По приказанию Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Генерал-Адмирала, Высочайшую волю сию Инспекторский Департамент имеет честь объявить по морскому ведомству к сведению и до кого касаться будет, к исполнению согласно прилагаемых при сем рисунков»[289].


Высочайше утверждено
21-го Октября 1857 года

РИСУНОКЪ

ПЕЧАТЕЙ

для морскаго вѣдомства

[287] В 1825 г. государственному орлу придана была не геральдическая, а совершенно произвольная форма. Этот орел имел широко распущенные крылья и держал перевитые лентами громовые стрелы и факел в правой лапе, а лавровый венец — в левой. Исчезла династическая Андреевская цепь, а на груди орла появился нетрадиционный (сердцевидной формы), заостренный кверху, щит с Московским гербом. Император Николай I уже в 1830 г. вернулся к традиционной эмблеме, дополнив ее гербами царств, входящих в состав Российской империи. Щиты этих гербов располагались на распахнутых крыльях орла.

[288] Хронологический указатель морских постановлений за время с 1700 по 1875 г., с объяснениями кодификационного управления Морского министерства. — СПб.: Тип. Морского мин., 1876. С. 1856. № 48

[289] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Соб. 2-е, 1857. Т. XXXII, С. 659–660. № 32128.

Все ныне известные флотские записки-билеты датированы 1858–1861 годами. И это совершенно не случайно.

Контракты государства с откупщиками заключались на 4 года — последний винный откуп действовал с 1859 по 1862 год — правительство пользовалось услугами 216 откупщиков, заключавших откупные договоры с казной не на отдельные кабаки, а на целые уезды и даже губернии со всеми находящимися в них питейными заведениями[290]. Общая сумма сборов по этим контрактам составила более 127 миллионов 769 тысяч рублей[291]. Но уже тогда рассматривался вопрос о ликвидации скомпрометировавшей себя системы откупов — совсем не напрасно само слово «откупщик» приобрело устойчивый бранный оттенок[292].

[290] Питейные дома Империи были поделены между 146 крупнейшими откупщиками, обладавшими колоссальными состояниями;7 человек держали откупы на сумму более 3 млн. рублей каждый (Бенардаки, Утин, Рюмин, Базилевский, Гинцбург, Кокорев, Мамонтов), 21 человек — более чем на 1 млн., 30 человек — от 500 тыс. до 1 млн., 87 — от 100 до 500 тыс. рублей.

[291] Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. — СПб., 1913. С. 7–8.

[292] Винные откупа вызывали возмущение народа и привели к открытым выступлениям в 1858–1859 гг. В виде протеста стали образовываться «общества трезвости», и летом 1859 г. такие общества действовали уже в 32 губерниях. Во многих местах происходили беспорядки — народ требовал, чтобы водку продавали по установленной государством цене и не подменяли сомнительным одурманивающим пойлом. В мае 1859 г. крестьяне приступили к разгрому питейных заведений в 15 губерниях, подавленных войсками. После реформы 1861 г. правительство положило конец откупной системе, которая была ликвидирована и в 1863 г. заменена другим видом косвенного налога — акцизом.

27-го октября 1860 года государь Александр II Высочайшим повелением отменил «винные откупа». Формально это сделано было ради искоренения мздоимства на местах: *«Получать жалованье из откупа считается теперь для чиновника не взяткою, а безгрешной добавкой к жалованью»*, — указывалось в отчете Министерства финансов. Прав был незабвенный Михаил Евграфович, — самый великий памфлетист, которого знала Россия, — описавший в своей «Истории города Глупова» главнейший закон богоспасаемого града сего: *«Всякий человек да опасно ходит; откупщик же да принесет дары»*…

Окончательно откупы были ликвидированы новым Положением о питейном сборе от 4 июля 1861 года[293].

Тогда же ушли в безвозвратное прошлое и записки флотских офицеров в контору откупщиков с просьбами продать ведро водки по казенной цене…

Несмотря на то что эти редчайшие рукописные «билеты» представляют, вне всякого сомнения, большой исторический интерес, они не имеют прямого отношения к теме нашего исследования[294], и потому вернемся к провизионным билетам Комиссариатского департамента, выдававшимся командирам судов на получение «вина» в плавание.

В отчете за 1863 год директор Департамента Федор Карлович Шульц указывал: *«Полугарное вино заготовлено с торгов и поставлялось по контракту, заключенному 11-го мая 1863 года, почетным гражданином Ненюковым* (П. Ненюков — один из известных купцов-откупщиков), *по утвержденной журналом адмиралтейств-совета 24 апреля 1863 г. …, цене 3 р[убля]. 20 к[опеек]. за ведро. Вина сдано на суда, по провизионным билетам, 1976 ведер на 6323 р[убля]. 20 к[опеек].»*[295].

Провизионные билеты на «вино» известны сейчас только трех мерных разборов: на **1 ведро** (т.е. 100 чарок[296]), **5 ведер** (500 чарок, или 100 бутылок) и **10 ведер**[297] (200 бутылок, или ¼ мерной бочки).

[293] ПСЗРИ. Т. XXXVI, 1861. № 37197.

[294] Некоторые каталоги ошибочно причисляют эти документы (информация о которых была впервые опубликована в 2005 г.), к некой более ранней разновидности ***провизионных билетов.*** Вполне вероятно, что «*письменные билеты-требования гг. командиров с приложением их печати*», использовавшиеся в 1855 г. для получения некоторых сортов провизии (на которые не были заблаговременно отпечатаны провизионные билеты), по форме были весьма схожи с «билетами» на вино 1858–1861 гг. Однако между ними была существенная и принципиальная разница — если первые служили своего рода платежным суррогатом, по которому получали припасы в плавание из ведомственных складов и от поставщиков, то вторые были лишь документом, свидетельствующим (на суше, где винная выдача не полагалась) в конторе винного откупа право на приобретение хлебного вина со «скидкой» до казенной цены.

[295] Морской сборник. Т. LXXIV, 1864. № 9. С. 280.

[296] Интересна связь индивидуальных мер объема водки с историей этого напитка. Первоначальная единица — «кружка», или «стопа», близкая к литру, заменена с XVIII в. исключительно «чаркой». Это указывает на то, что до XVIII в. водка была крайне слабой, и ее разбавляли водой сразу же после перегонки из ординара. С XVIII в. водку преимущественно приготавливали из двоенного и даже троенного спирта, ее крепость значительно возрастает, а также и единицы ее фасовки и одноразового потребления становятся более дробными. В XIX в. крепость водки установлена на современном уровне и для распивочной розничной торговли введена наряду с основной единицей — чаркой (145 г) еще и более мелкая — получарка (72,5 г, а практически — 70 г при естественном недоливе до краев).

[297] Номера по каталогу: *КДММ.1867.IV.1; КДММ.1866–1867.V.1; КДММ.1867.VI.1*.

Судя по отчетам за прошлые годы, можно сделать вывод, что Комиссариатский департамент выдавал также и «разменные» билеты более мелких разборов, нежели сейчас известны — в «чарках»[298] (как это и было предусмотрено постановлением Адмиралтейств-Совета).

1855	выдано билетов на:	58 951 ведро 70 чарок
1858	— « —	23 611 ведер
1859	— « —	21 913 ведер
1860	— « —	22 942 ведра
1861	— « —	25 970 ведер
1862	— « —	31 780 ведер
1863	— « —	19 302 ведра
1865	— « —	22 357 ведер

Если судить по этим цифрам (в сравнении с объемами выдачи билетов на иные виды провизии), практически не вызывает сомнения, что выпускались также провизионные билеты на «вино» и самого крупного разбора — в **«100 ведер»** (1229,941 л = 10 000 чарок, 2000 водочных бутылок, 1000 штофов или 2 ½ бочки)[299].

Сколько это стоило в наличных деньгах?

Исходя из данных на 1863 год — 3 рубля 20 копеек за ведро. В уже упоминавшемся выше образце заполнения отчетных документов из Счетного Устава Морского министерства в ведомости фрегата «Севастополь» на 3-месячное плавание указывалось: «*на выдачу нижним чинам за непитое вино, примерно 200 ведер, по 3 руб. ведро … 600 руб. — коп.*»[300].

Примечательно, что матрос мог отказаться от чарки и при этом не остаться внакладе. В этом случае он получал денежную компенсацию — так называемую, «заслугу», которую выдавали также за отказ от потребления других продуктов.

К примеру, в 1861 году заслугу рассчитывали по следующим ценам: вино полугарное — 3 рубля за ведро (в Санкт-Петербургском и Кронштадтском портах), 2 рубля 70 копеек (в Свеаборгском порту) и 2 рубля 75 копеек. (в Ревельском порту)[301].

[298] РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1868. Л. 1.

[299] При оптовой продаже вино измерялось также крупными единицами: «десятней» (бочонок вместимостью в 10 ведер) и «мерником» («бочкой» — мерой в 40 ведер).

[300] Приложение к Ст. 326, 338 и 462. // Свод Морских постановлений. Книга XV. Счетный Устав Морского министерства. — СПб.: Типография Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1887, С. 414.

[301] Морской сборник. Т. LIX, 1862. № 6. С. 119.

В закупке на 1867 год ведро хлебного вина, судя по отчету Комиссариатского департамента, обходилось в С.-Петербурге в 2 руб. 44½ коп.[302]

В 1863 году нижним чинам и унтер-офицерам флота выдано было в заслугу 27.667 рублей с копейками[303].

За длительное плавание некоторые нижние чины скапливали за счет «заслуги» немалые для них суммы. В начале 80-х годов XIX столетия за каждую невыпитую чарку матросу начисляли 5 копеек (т.е. 5 руб. за ведро). Помножим на минимум два года кругосветного плавания — уже 36 с половиной целковых прибавки к жалованию нижнего чина[304]. И это ведь без учета возможных наградных. На тот момент — деньги немалые…

[302] Отчет директора Комиссариатского департамента за 1865 год. // Морской сборник. Т. LXXXV, 1866. № 8. С. 224.

[303] Морской сборник. Т. LXXIV, 1864. № 9. С. 335.

[304] *Манвелов Н.В.* Обычаи и традиции Российского Императорского флота. — М.: Яуза Эксмо, 2008. С. 140.

Дальние походы

Не слышно на палубе песен, Эгейские волны шумят...
Нам берег и душен, и тесен; Суровые стражи не спят.
Раскинулось небо широко, Теряются волны вдали...
Отсюда уйдем мы далеко, Подальше от грешной земли!
Не правда ль, ты много страдала? Минуту свиданья лови...
Ты долго меня ожидала, Приплыл я на голос любви.
Спалив бригантину султана, Я в море врагов утопил
И к милой с турецкою раной, Как с лучшим подарком, приплыл…

Историк российского флота Феодосий Федорович Веселаго писал: *«Неприглядные злоупотребления, существовавшие во флоте и морском ведомстве того времени, в сущности были только частности, представлявшие вредную плесень, местами загрязнившую поверхность, но не проникавшую в самую почву морского общества, в глубине которой тлели благотворные искры, зажженные великим основателем нашего флота.*

В пережитом русским флотом печальном застое первым проблеском радостной зари, ожидаемого моряками с нетерпением светлого утра, были кругосветные плавания и отдаленные гидрографические экспедиции.

…Кругосветные плавания и важные ученые экспедиции значительно расширили специально научный горизонт наших моряков, на практике указали им высокие стороны морской деятельности и заставили сознательно гордиться званием флотского офицера. В отдаленных морях, где необходимость заставляет надеяться только на свои собственные судовые средства и где все направляется к одной цели — успешному плаванию, там в минуту крайней опасности каждым моряком ясно сознается необходимость добросовестного исполнения своих служебных обязанностей»[305].

Во второй половине XIX века российский флот постоянно совершал дальние походы: несмотря на поражение в Крымской войне, Россия вновь вышла в Мировой океан.

«Отправляясь за границу, — писал Директор Комиссариатского департамента, — *суда запасаются провизиею по мере вместимости их трюмов; причем они обыкновенно принимают соленое мясо, квашеную капусту и масло в большем количестве сравнительно с другими припасами, как по причине чрезвычайной дороговизны этих трех предметов за границею, так и трудности самого приобретения их в заграничных портах»*[306]…

[305] *Веселаго Ф.* Краткая история Русского Флота. — М-Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1939. С. 302.

[306] Отчет директора Комиссариатского департамента… за 1863 год.// Морской сборник. Т. LXXIV, 1864. № 9. С. 339.

В 1856–1862 годах русские корабли прошли больше миль в океане, чем за всю предшествующую историю нашего флота. При этом постоянное военное присутствие России в Средиземном море, на Тихом океане, в Атлантике и других районах было достигнуто с помощью сравнительно небольшого числа кораблей.

После окончания «Восточной войны» Англия впервые стала угрожать войной России в 1863 году. Поводом для шантажа стало восстание поляков в западных землях Империи[307]. Британская пропаганда вещала на весь мир, что в Польше происходит «демократическая революция, направленная против тирании русского царя».

Исход кризиса 1863 года решили наши храбрые моряки, готовые драться с англичанами на всех широтах. Не меньшую роль сыграли и наши солдаты, которые совместно с польскими и малороссийскими крестьянами укротили буйное панство…

В непростое для страны время в России была создана эскадра крейсерских судов, способная доставить большие неприятности «просвещенным мореплавателям» во всех уголках Мирового океана. В мирное же время крейсерские суда должны были поддерживать своим присутствием интересы Российской империи. Прежде всего это относилось к Средиземному морю и к Дальнему Востоку[308]. Сразу же после окончания Крымской войны, 8 октября 1856 года, из Кронштадта в Средиземное море вышла эскадра контр-адмирала Е.А. Беренса. С 1857 года русские корабли непрерывно находились в Средиземном море, где воюющая Италия стала пороховой бочкой Европы. Наши корабли плавали там полгода–год, а затем заменялись новыми. Россия на основании статей Парижского договора 1856 года должна была вместе с другими государствами Европы выступать и защитницей христианского населения, проживавшего в странах Ближнего Востока.

«Дальний вояж»… Все мы с детства зачитывались морскими историями и рассказами.

В том же 1866 году, когда разворачивались события, которым мы посвятили свое исследование, в Петербург возвратился из глубинки, где он учительствовал в начальной школе, чтобы «…лучше узнать жизнь народа», молодой 23-летний Константин Станюкович — потомственный моряк и талантливейший русский писатель.

[307] Еще до восстания 1863 г. в Польше, да и в России была пущена в ход доктрина, сочиненная либеральным меньшинством, что прогресс Русского государства требует раздробления его по-национально на многие чуждые друг другу государства, которые в то же время должны были, по мысли этих авторов, оставаться в тесной связи между собой.

[308] В 1860 г. начальник отряда русских кораблей в Тихом океане (официально именовавшегося «Экспедицией в китайские и японские воды») капитан 1-го ранга Иван Лихачев договорился с властителем нескольких островов к северу от Японии о переходе под российский протекторат. Это, впрочем, очень не понравилось британскому МИДу, и российским судам пришлось покинуть архипелаг. Возможно, прояви российское внешнеполитическое ведомство больше настойчивости, последующая история Российской империи и ее флота могла бы сложиться несколько по-другому. Злосчастные острова носят название Цусимских...

Его рассказы о море и моряках любимы по сию пору, но мало кто помнит, что из тринадцати томов собрания сочинений, вышедшего при жизни Станюковича, «морские» рассказы и повести составляют только три. В них он первым во всей жизненной правде показал то особое и удивительное человеческое существо, которое именуется русским моряком — будь то матрос или адмирал.

Были и до него в русской литературе книги о кораблях и о моряках. Но разве можно сравнить книжные мелодраматические персонажи моряков Бестужева-Марлинского с живыми, плотными на ощупь образами Станюковича? Разве литературные описания Марлинским бушующего моря идут в какое-либо сравнение с точным, строгим и мужественным рассказом Станюковича о шторме хотя бы в очерке «На каменьях»? Очень мало можно было узнать о матросах и офицерах, об их жизни на военном корабле из академически спокойного и как бы постороннего труда Гончарова «Фрегат «Паллада». Вряд ли нужно перечислять доказательства, которые можно взять из любого рассказа Станюковича. И без того несомненно, что новым своим циклом Станюкович перевернул всю свою литературную биографию. Как ни велики были его литературные заслуги, они померкли перед тем, что посчастливилось написать ему за короткие годы.

Мало кому не памятен персонаж одного из его «Морских рассказов» — Максимка[309]. Русский военный паровой клипер «Забияка»[310], осуществляющий морской досмотр, ловит в открытом океане английское работорговое судно. Англичане выбрасывают за борт свой ценный груз. Команда русского судна подбирает в океане единственного спасшегося: арапчонка лет десяти. Моряки спасают ребенка, «арапчонок» (т.е. негритенок) Максимка становится юнгой русского флота[311].

Рассказ написан на вполне жизненном материале: корабли русского флота действительно несли боевую вахту в Атлантике, перехватывая суда работорговцев. …

Работорговлю начали запрещать только в XIX веке, и инициатором этого запрета стала Россия. Рассуждая о «рабском» характере русских, о привычке их к жестокости и самым страшным формам подавления человеческого достоинства, европейцы как-то плохо помнят об этом.

[309] В 1952 г. по одноименному рассказу Станюковича снят был художественный фильм, по сюжету которого в 1864 году в водах Атлантического океана русские моряки корвета «Богатырь» спасают запуганного работорговцами негритенка.

[310] Как и в военно-морских силах других стран, в Российском императорском флоте существовала достаточно сложная система наречения кораблей. Выбор названий для боевых судов 1-го и 2-го рангов был исключительно прерогативой императора. Более легким типом крейсеров были *клиперы*, строившиеся как быстроходные (по меркам середины XIX в.) разведчики. Наиболее часто названия кораблей вызывали ассоциации... с кавалерией. Среди клиперов попадались и «лихие люди» — «Разбойник», «Опричник», «Абрек», «Гайдамак» и «Забияка». Несколько кораблей этого класса были названы в честь солдат различных частей, участвовавших в Крымской войне 1853–1856 годов: «Пластун» и «Стрелок».

[311] *Станюкович К.М.* Максимка // Станюкович К.М. Морские рассказы. — Минск: Юнацтва, 1981.

Именно русские на Венском конгрессе подняли вопрос о работорговле. Не так уж много они видели и знали о ней, — разве что во время международных экспедиций могли наблюдать работорговлю и труд рабов на плантациях. Но, видимо, эти сцены произвели на них достаточно сильное впечатление. А свидетельства очевидцев производили достаточное впечатление на высшую знать, участников Венского конгресса. И то правда, расистских «теорий» на Руси не было…

В 1814 году Парижский мирный договор ограничил торговлю рабами. Заметим — не рабовладение, а только охоту на рабов. Декларация о запрещении торговли рабами приложена к Генеральному акту Венского конгресса 1815 года.

С самого начала было очевидно, что купцы, в первую очередь английские, будут игнорировать и обходить международные постановления. Россия предложила создать международную морскую полицию. Это предложение было отклонено Аахенским конгрессом 1818 года. Из чего уже видно — европейцы не собирались принимать против торговли рабами реальные меры и тратить на их осуществление силы и деньги.

То есть что-то, конечно, постепенно сдвигалось. В XIX и начале XX веков заключено было более 50 двусторонних и многосторонних договоров, запрещающих рабство. Самый серьезный из них был «Договор Пяти» 1841 года[312], запрещавший ввоз из Африки в Америку негров. Договорились Англия, Франция, Австрия, Пруссия, Россия.

Договор не действовал потому, что Франция отказалась его ратифицировать. Одна из причин, по которой Палата представителей Франции не ратифицировала договор, — в Российской империи «угнетают поляков» и там есть крепостное право…

К этому времени относится действие двух известных литературных произведений. Одно из них — «Пятнадцатилетний капитан» Жюля Верна. В этом довольно мрачном романе работорговля осуждается совершенно бескомпромиссно впервые в истории всей европейской литературы. Второе произведение — это «Максимка» Станюковича…

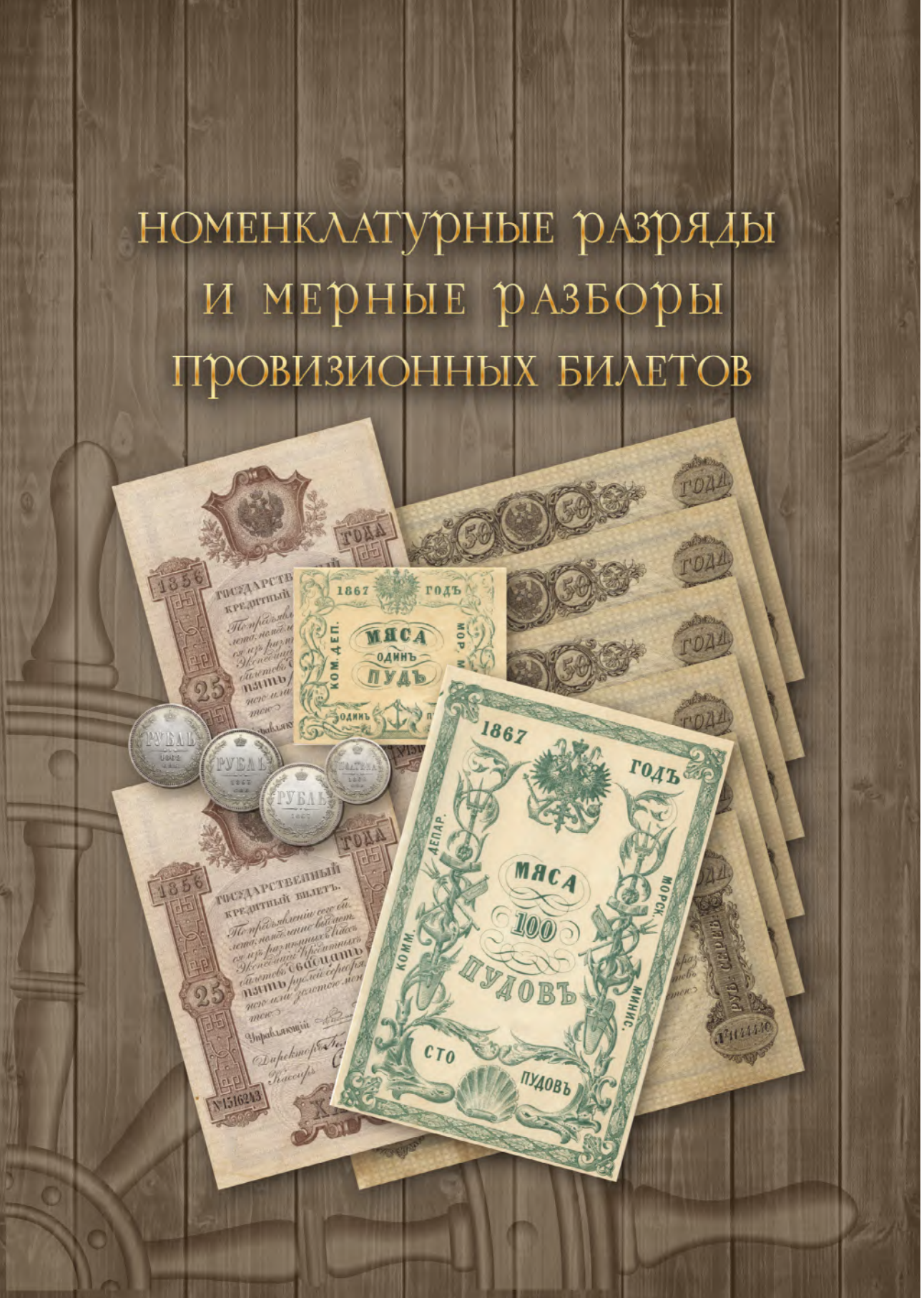
Работорговцы выбрасывали за борт свой «товар», чтобы не платить крупных штрафов. Некоторые русские капитаны по кодексу дворянской чести считали работорговцев пиратами, и если ловили их, то тут же вешали на реях… Вот только русских сторожевых кораблей было мало, а могучая морская держава своих судов не присылала: Британия не считала нужным заниматься такой «чепухой». Трудно понять логику обвинений России в жестокости, рабском характере народа, в пренебрежении международными договорами и еще много в чем.

С работорговлей в конце концов покончили, но намного позже, чем в России с крепостным правом. Торговать рабами, перевозя их через океан, перестали после подписания Договора Англии и США от 7 апреля 1862 года. Уже тогда говорили, что английские купцы не остались внакладе: вложили деньги в рабов на Юге США. Ввозить новых перестали, оставшиеся резко пошли вверх в цене. Коммерция…

[312] В 1841 г. запрет работорговли был подтвержден в Пятистороннем договоре (Quintuple Treaty) Англией, Россией, Францией, Пруссией и Австрией.

Окончательно пресекли работорговлю только в 1890 году, когда Брюссельский противоневольничий акт подписали более 20 стран в Европе, Азии, Африке.

А российские корабли продолжали бороздить океан, уходя в «ближние» и «дальние» походы из Кронштадта, где запасались провиантом и прочим «комиссариатским» припасом…



Номенклатурные разряды и мерные разборы провизионных билетов

«Билеты для требования и отпуска морской провизии» выпускались на основании постановлений Адмиралтейств-Совета от 25 февраля 1855 года, 9 марта 1856 года и 24 марта 1859 года.

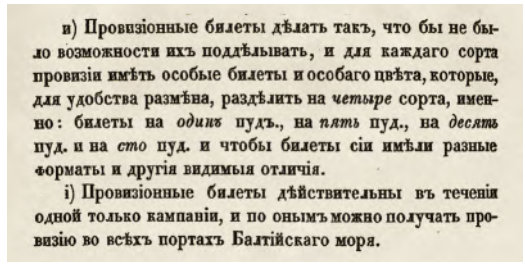
Как мы помним, первые провизионные билеты 1855 года, — отпечатанные для использования в «магазинах Комиссариатской части» (т.е. интендантских складах) Кронштадтского, Санкт-Петербургского, Свеаборгского и Ревельского портов, — предусматривали 8 номенклатур, с 1856 года — 9 наименований, а с 1861 года — 13 стандартных номенклатурных разрядов:

1855–	(8)	***Вино, Уксус, Масло, Сухари, Соль, Горох, Крупа, Мясо***
1856–	(9)	те же и дополнительно: ***Зелень***
1860–	(11)	те же и дополнительно: ***Чай, Сахар***
1861–1867	(13)	те же и дополнительно: ***Табак, Мыло***

В числе припасов, перечень которых был строго регламентирован, была не только хранившаяся в броткамере *«сухая провизия»*: 1) сухари, 2) соль, 3) горох, 4) крупа, 5) зелень, 6) чай, 7) сахар, 8) табак, 9) мыло; но и так называемая *«мокрая»*, для хранения которой в трюме необходима была специальная тара: 10) мясо (солонина), 11) масло, 12) вино, 13) уксус.

В середине 1860-х годов — в последний период своего использования — провизионные билеты подразделялись по «сортам» получаемых припасов на эти 13 номенклатурных разновидностей, различавшихся по цвету.

Как указывалось в постановлении Адмиралтейств-Совета: *«...и) Провизионные билеты делать так, чтобы не было возможности их подделывать, и для каждого сорта провизии иметь особые билеты и особого цвета...»*[313]


и) Провизіонные билеты дѣлать такъ, что бы не было возможности ихъ поддѣлывать, и для каждаго сорта провизіи имѣть особые билеты и особаго цвѣта, которые, для удобства размѣна, раздѣлить на *четыре* сорта, именно: билеты на *одинъ* пудъ., на *пять* пуд., на *десять* пуд. и на *сто* пуд. и чтобы билеты сіи имѣли разные форматы и другія видимыя отличія.

і) Провизіонные билеты дѣйствительны въ теченія одной только кампаніи, и по онымъ можно получать провизію во всѣхъ портахъ Балтійскаго моря.

В том же постановлении указывалось, что *«і) Провизионные билеты действительны в течение одной только кампании»* — в силу чего билеты выпускались Комиссариатским департаментом ежегодно и по истечении срока действия подлежали сдаче в Министерство с последующим уничтожением. По окончании кампании туда же с кораблей сдавались приходо-расходные книги (тогда их называли «шнуровыми книгами»), и производилась сверка расходов и их соответствия нормам пайка. В Комиссии по учету и уничтожению билетов находился представитель (чиновник) от госконтроля.

Цветовая кодировка по сортам провизии в каждом годовом комплекте билетов менялась, по всей видимости, ежегодно от кампании к кампании. В нашем распоряжении есть лишь частичная информация по немногим сохранившимся билетам 1866–1867 годов:

[313] Морской сборник. Т. XVI, 1855. № 5. С. LXXVI.

В приведенном ниже списке указан цвет печати билетов на различные виды провизии, перечисленные в порядке, принятом в 1860-е годы[314]:

		1866 год	1867 год
1.	Вино	темно-зеленого цвета	шоколадно-коричневого цвета
2.	Уксус	серо-коричневого цвета	оливково-зеленого цвета
3.	Масло	красно-оранжевого цвета	темно-синего цвета
4.	Сухари	оранжево-коричневого цвета	черного цвета
5.	Соль	оливково-зеленого цвета	темно-коричневого цвета
6.	Горох	серо-лилового цвета	красного цвета
7.	Крупа	черного цвета	серо-фиолетового цвета
8.	Мясо	темно-синего цвета	темно-зеленого цвета
9.	Зелень	серо-зеленого цвета	оранжевого цвета
10.	Чай	шоколадно-коричневого цвета	красно-вишневого цвета
11.	Сахар	?	серо-синего цвета
12.	Табак	желтого цвета	светло-синего цвета
13.	Мыло	?	лимонно-желтого цвета

В постановлении Адмиралтейств-Совета указывалось, что выпускаемые провизионные билеты необходимо *«для удобства размена, разделить на четыре сорта, именно: билеты на **один** пуд., на **пять** пуд[ов]., на **десять** пуд[ов]. и на **сто** пуд[ов]. и чтобы билеты сии имели разные форматы и другие видимые отличия».*

[314] Вопрос о том, в каком порядке необходимо перечислять и систематизировать провизионные билеты по сортам провизии, является, безусловно, едва ли не определяющим в составлении их реестра. Очевидно, что алфавитный порядок, использовавшийся в изданных ранее каталогах, был совершенно бесполезен в исследовательской работе. Первоначально в рукописи, подготовленной в 2009–2011 гг., мной после попыток разделить «сухую» и «мокрую» провизию была использована очередность перечисления в соответствии с порядком, официально принятым в Табели провизионных продуктов Российского Императорского флота (Приложение к Ст. 256. // Свод Морских постановлений. Кн. XIII. О довольствии чинов Морского ведомства. — СПб., Типография Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1899. С. 229). Однако, как выяснилось позднее, и это был не совсем верный подход, не позволявший до конца понять суть запутанной системы. Как оказалось, наиболее простым и очевидным был порядок перечисления, использовавшийся в отчетах директоров Комиссариатского департамента в 1860-е гг.

Кроме того, *«для предупреждения затруднений при отпуске провизии в посуде, — где почти невозможно производить расчет круглым числом на пуды, — снабжать криг-комиссаров особыми **фунтовыми** билетами, которыми они могли бы сравнивать разность»*[315].

Таким образом, изначально был предусмотрен выпуск билетов 5 разборов: четырех в пудах (1, 5, 10 и 100) и одного дополнительного для «разменных» билетов в фунтах (1/40 пуда). В соответствии с этим распоряжением знаки печатались пяти различных типовых оформлений, отличавшихся форматом и рисунком (при этом каждый, в свою очередь, — в нескольких вариантах цветов для различных номенклатур провизии).

Однако позднее, в связи с тем, что список наименований провизии пополнился новыми номенклатурами, в стройную схему оформления были внесены некоторые изменения и дополнения, в результате чего типовых оформлений билетов стало уже семь вместо пяти.

Подобная схема (если судить по выпускам 1866–1867 гг.) к середине 1860-х годов была стандартной:

I.		«Разменные» билеты (в **1 фунт**) для основного списка провизионных номенклатур. Рисунок в виде овальной рамки из ветвей (размер по печатной рамке приблиз. 66×56 мм)
II.		«Разменные» билеты (в **1 фунт** / 1 золотник чая) для дополнительного списка номенклатур. Рисунок в виде квадратной рамки (размер приблиз. 65×60 мм)
III.		Билеты «**1-пудовые**» («1-фунтовые» на чай) для дополнительного списка номенклатур. Рисунок в виде овальной рамки (размер приблиз. 82×64 мм)
IV.		Билеты «**1-пудовые**» (или «1-ведерные»[316]) для основного списка номенклатур провизии. Рисунок в виде прямоугольной рамки (размер приблиз. 80×69 мм)
V.		Билеты «**5-пудовые**» (или «5-ведерные») основного списка номенклатур провизии. Рисунок в виде вертикальной прямоугольной рамки (размер приблиз. 65×98 мм)

[315] Циркулярное предписание Инспекторского департамента Морского министерства за №1350 от 14 марта 1855 г. // СЗПМУ, 1855. Кн. I. С. 118–119; Морской сборник. Т. XVI, 1855. № 5. С. LXXVI.

[316] Как отмечал капитан-лейтенант Рудановский в своем отчете о хлебной торговле в низовых волжских губерниях (откуда шло в основном снабжение Балтийского флота), ведро полугара выгонялось приблизительно из 1 пуда муки, потому принималось в пересчете ведро за пуд (Морской сборник. Т. LXXXI, 1865. № 11. Отд. неофиц., С. 3).

VI.		Билеты «**10-пудовые**» для основного списка номенклатур провизии. Рисунок в виде украшенной прямоугольной рамки (размер приблиз. 127×85 мм)
VII.		Билеты «**100-пудовые**» для основного списка номенклатур провизии. Рисунок в виде вертикальной прямоугольной рамки с богатым декором (размер приблиз. 116×181 мм)

Основная масса отпечатанных билетов выпускалась сброшюрованными в «месячных» книгах — в 1857 году, как мы помним, *«для каждого ранга судов исчислена, по штатному числу, потребность всех сортов провизии на один месяц; подобранные на такое количество билеты соединены в особые книги, которые и разосланы заблаговременно в портовые казначейства, откуда командиры получают их, по мере надобности, без малейшего уже промедления».*

На отдельных же листах выпускалось лишь незначительное число провизионных билетов — так, к примеру, в 1865 году расход билетов составил:

по «вину» — 40 ведер в листах, а в книгах — 21 980 ведер;

по «мясу» — 67 пудов 20 фунтов в листах и 28 106 пудов в книгах;

по «чаю» — 19 пудов 29 фунтов 16 золотников в листах и 96 пудов 31 фунт в книгах[317].

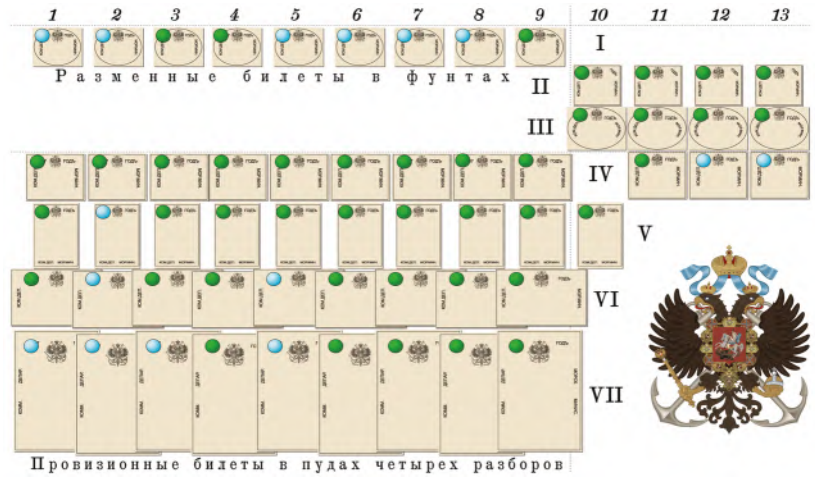
На сегодняшний день в коллекциях известно в общей сложности 42 различных типовых билета 13 товарных номенклатур в 7 мерно-весовых разборах. Именно это количество (более или менее полно) было зафиксировано в различных специализированных каталогах, изданных за последние четверть века[318].

Тем не менее, учитывая обнаруженные документальные данные о выпуске билетов в сезонные кампании разных годов, полный ежегодный набор «провизионных билетов» Комиссариатского департамента состоял, по-видимо-

[317] РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1868. Л. 14.

[318] **32 знака** (*Рябченко П.Ф.* Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России и СССР (1769–1990 гг.). — Киев, 1991. С. 525–526); **33 знака** (*Рябченко П.Ф.* Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769–1994 гг.). — Киев, 1995. С. 576–577); **40 знаков** (*Рябченко П.Ф.* Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769–2003 гг.). 3-е переизд., доп. и переработ. Т. 3. Дополнения к т. 1 «Боны России» и т. 2 «Боны Украины». — Киев, 2005. С. 22–23); **40 знаков** (*Кац Л.З., Малышев* В.П. Энциклопедия бумажных денежных знаков России. (Т. I. Правительственные эмиссии 1769–1995). — СПб, 1998. С. 23); **41 знак** (*Денисов А.Е.* Государственные бумажные знаки России, которые использовались в денежном обращении 1798–1917. — М., 2002. С. 138–139); **41 знак** (*Денисов А.Е.* Бумажные денежные знаки России 1769–1917 гг. Ч. 4. Региональные бумажные денежные знаки 1800–1917 гг. — М., 2005. С. 87–92).

му, из 53 (или 57) знаков[319], различавшихся по номенклатурным сортам припасов и мерно-весовым разборам:



	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
	Вино	Уксус	Масло	Сухари	Соль	Горох	Крупа	Мясо	Зелень	Чай	Сахар	Табак	Мыло
I	●	●	●	●	●	●	●	●	●	–			
II	–	–	–	–	–	–	–	–	–	●	●	●	●
III	–	–	–	–	–	–	–	–	–	●	●	●	●
IV	●	●	●	●	●	●	●	●	●	–	●	●	●
V	●	●	●	●	●	●	●	●	●	●	?	?	?*
VI	●	?	●	●	?	●	●	●	●	–	–	–	–
VII	●	?	●	●	?	●	●	●	●	–	–	–	–
	3(5)	1(3?)	4(5)	5	2(3?)	4(5)	4(5)	4(5)	5	3(3?)	3(3?)	2(3?)	2(3?)

● – Известные на сегодняшний день в коллекциях знаки.
● – Знаки, определенно выпускавшиеся, но пока не обнаруженные.
✳ – нельзя исключать вероятность того, что на «сахар», «табак» и «мыло» выпускались билеты и больших разборов, нежели в 5 пудов.

[319] 9 номенклатур провизии из первоначального списка по 5 разборов (4 билета в пудах/ведрах/порциях и 1 «разменный» в фунтах/чарках) и 4 дополнительных номенклатуры (добавленных в рацион позднее) по 3 разбора билетов. В общей сложности: 9×5+4×3=57 шт. Поскольку нет документального подтверждения того, что крупные (в 10 и 100 пудов/ведер) билеты на «уксус» и «соль» выпускались в 1860-е гг. так же, как было предусмотрено в первоначальной схеме выпуска, за вычетом этих гипотетических билетов полный комплект составлял, как минимум, 53 знака. Однако нельзя исключать вероятность того, что на «сахар», «табак» и «мыло» (из дополнительного списка) выпускались билеты и больших разборов, нежели в 5 пудов. В таком случае полный ежегодный комплект провизионных билетов мог бы состоять и из 60 шт.

Провизионные билеты КДММ «образца 1866 года»

«Петербург — это аккуратный немец,
больше всего любящий приличия…»
Н.В. Гоголь
«Петербургские записки 1836 года»

На провизионных билетах «образца 1866 года» название «**Морск**[ого]. **Минис**[терства]. **Ком**[иссариатский]. **департ**[амент].» выполнено было шрифтом, стилизованным под готическое написание. Этот своеобразный тип немецкого шрифта, в отличие от просто «латинского шрифта» или «антиквы», назывался «фрактурой»[320], «готическим шрифтом» или «немецким письмом».

В 1865 году на изготовление провизионных билетов Морского министерства было израсходовано 25 стоп (по 500 листов каждая) специальной бумаги с водяными знаками, которая подлежала строгому учету[321]. По всей видимости, примерно такое же количество потребовалось для изготовления билетов и на кампанию 1866 года.

Конец 1860-х — начало 1870-х годов ознаменованы были выпуском изумительной по своей красоте серии новых кредиток[322] «образца 1866 года», украшенных портретами российских монархов: *«Наши кредитные билеты последнего образца исполнены в высшей степени художественно: в них были собраны почти все непреодолимые технические трудности для их подделки».*

[320] Фрактура (нем. *Fraktur* — «надлом») — поздняя разновидность готического письма, возникшая в XVII–XVIII вв. В немецком языке его обычно называют *Deutsche Schrift* («немецкий шрифт»). Начало XIX столетия — период подъема немецкого национального чувства, сопровождавшийся попытками определить, что «немецкое», а что нет, что характеризует «национальный дух» и культуру немцев, а что им чуждо. Мыслители того времени стали рассматривать шрифт «антиква» как ненемецкий, воплощающий такие чуждые немецкому духу свойства, как легкость, несерьезность, поверхностность. В то же время, по мнению многих, «фрактура» олицетворяла в себе такие «исконно немецкие качества, как основательность, серьезность, глубина». Мать Гете писала своему сыну, чтобы он оставался немцем «и в буквах тоже»…

[321] РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1868. Л. 14.

[322] По Манифесту 1 июня 1843 г. «кредитные билеты» становятся единственным видом бумажных денег: они обязательны к размену на серебро в любой момент и обеспечиваются всем достоянием государства Российского. Обмен старых ассигнаций и депозитных билетов в основном происходил в течение нескольких лет и был окончательно прекращен 1 марта 1853 г.

Для выделки бумаги для новых кредитных билетов решено было использовать пеньку. В своей записке от 4 декабря 1857 года после возвращения из загранкомандировки Ф. Винберг писал: *«хорошо выделанная из пеньковой массы бумага есть лучшая для мелких кредитных знаков, обращающихся в простонародии, ибо только она сохраняет первоначальный вид и крепость»*[323].

Вначале предполагалось делать ее двусторонней (черпание два раза) так, чтобы одна сторона была беленая, а другая — небеленая, желтоватого цвета. Этот цвет, ввиду отсутствия в продаже бумаги из чистой пеньки, мог служить признаком отличия от фальшивой. Но в связи с трудоемкостью отлива такой бумаги остановились на использовании небеленой пеньковой бумаги, проклеенной животным клеем, черпанной в один раз.

Бумага для билетов всех достоинств отливалась с применением внутренних («водяных») знаков. Для изготовления черпальных форм сетки прессовались со стального оригинала и нашивались на форму. «*Особенность изготовления бумаг с водяным знаком,* — писали в начале XX столетия историки российского бумажного производства на ЭЗГБ, — *начиная с изготовления форм (в Испытательном и III Отделениях Экспедиции) при особом размоле и составе бумажной материи и исстари выработанных приемах отлива, особенно тщательная выработка водяных знаков, а равно и высокие требования на прочность и эластичность, — все это выделяет бумаги с водяными знаками из разряда других, изготавливаемых Экспедициею…»*[324]

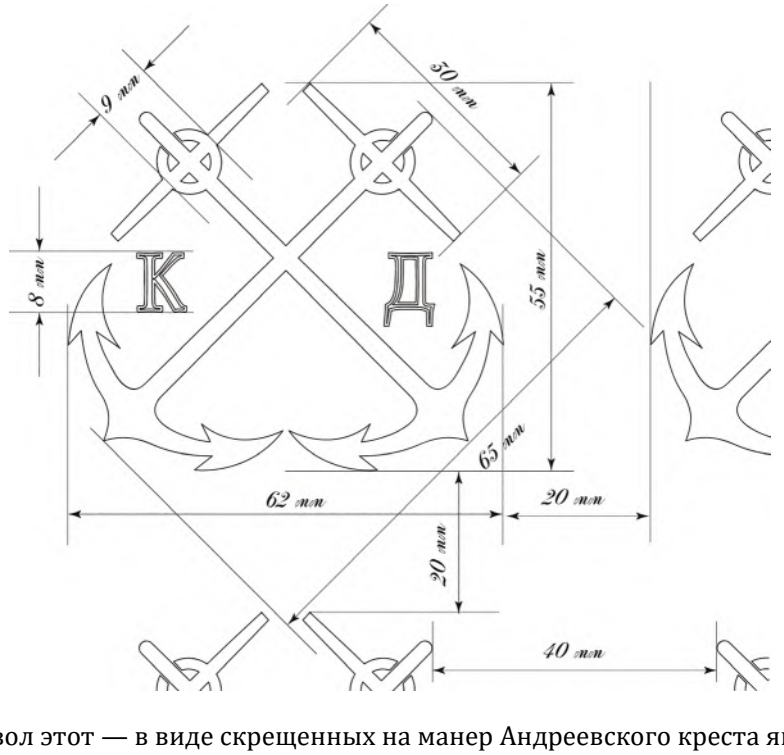
В Экспедиции, назначение которой состояло *«в заготовлении государственных бумаг, как кредитных, так и всех прочих, с государственным гербом установленных»*[325], в то же время изготавливалась не только бумага для кредиток, но и снабженная иным водяным знаком — рисунком двух положенных накрест якорей[326].

[323] Ленинградское областное архивное управление. Дела ЭЗГБ. Пор. 401. Св. 423, Л. 85–112. Взято из: *Алехов А.В.* Америка — Россия: кредитные билеты 1866 года. // Нумизматический альманах. — М., 2001 № 2. С. 32–41.

[324] *Мельников Н.П., Мельников П.Н.* История, статистика, литература писчебумажного производства. Водяные знаки (филиграни). Будущее писчебумажного производства. — СПб.: Тип.: П.П. Сойкина, 1906. С. 67–68.

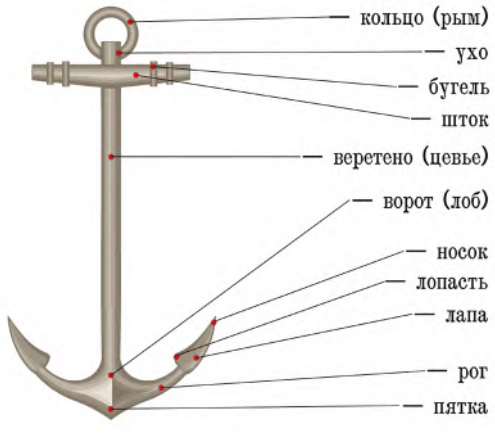
[325] *Мельников Н.П., Мельников П.Н.* Указ. соч. С. 61.

[326] Стилизованное изображение адмиралтейского якоря — неотъемлемая часть эмблем, знаков и печатей морских ведомств почти всех стран, имеющих флоты. В эмблематике закрепилось название «адмиралтейский якорь», появившееся в XIX в. после испытаний якорей различных конструкций, проведенных Британским адмиралтейством. В результате в 1852 г. был принят стандарт на новые якоря. Собственно, «адмиралтейским якорем» (анг. *Admiralty Pattern Anchor*) изначально назывался якорь, изготовленный по британскому стандарту 1852 г.



Символ этот — в виде скрещенных на манер Андреевского креста якорей — являлся знаком Морского министерства, появившимся еще на адмиралтейском флаге Петра Первого в конце XVII столетия.

На рисунке водяного знака якоря с удлиненным цевьем и кольцом-рымом, лежащим на анкерштоке, сопровождаются двумя литерами: **«К»** и **«Д»** — *«Комиссариатский Департамент [Морского Министерства]».*



На бумаге с этим раппортным (т.е. расположенным по всему полю листа) водяным знаком печатались в 1866–1867 годах «провизионные билеты» для Военно-морского флота Российской империи.

Единственный известный на сегодняшний день провизионный билет самого малого разбора «образца 1866 года» вместо изображения гербового «орла на якорях» (которые помещались на всех остальных билетах) отпечатан с двумя круглыми медальонами, в которых выворотной (т.е. светлыми пробельными элементами на темном фоне) изображены малоразборчивые символы с якорем.

КДММ.1866.I.09. Билет провизионный на 5 порций зелени (размер по печатной рамке ≈ 66×56 мм).

Более всего эти изображения напоминают арматуры, помещавшиеся на пуговицах форменных мундиров Морского ведомства:

Адмиралтейский якорь в медальонах на провизионном билете изображен вертикально рымом вверх — как на введенных в 1830 году пуговицах моряков, флотских штурманов и чиновников Морского министерства.

Однако на изображении отчетливо видны светлые штрихи, пересекающие рисунок якоря крест-накрест и поперек.

Весьма маловероятно, что это могли быть изображения пушек (как на пуговицах и кокардах Корпуса Морской артиллерии[327]) или топориков (как в арматурах Корпуса корабельных инженеров). Не слишком похоже это и на два весла, которые изображались с литерами «Г.К.» на пуговицах штаба и Канцелярии главных командиров портов.

[327] Корпус морской артиллерии (КМА) учрежден Указом от 22 апреля 1734 г. Корпус корабельных инженеров (ККИ) образован Указом от 14 декабря 1826 г. Корпуса Морского ведомства — в Российском Императорском флоте подразделения, к которым причислялись военно-морские технические специалисты, не состоящие на флотской строевой службе. Создание корпусов объяснялось невозможностью для строевых офицеров парусного флота совмещать обязанности строевых командиров с совершенствованием в морских специальностях.

Быть может, рано или поздно удастся найти более отчетливое изображение и разобраться с загадочным символом…

Провизионных билетов **«выпуска 1866 года»** II-го разбора (в фунтах сахару, мыла и в золотниках чая) в коллекциях на сегодняшний день не известно.

Билетов же III разбора известно только два: № III.10) *чаю 1 фунт* и III.12) *табаку 1 фунт*[328]:

КДММ.1866.III.10. Билет провизионный на 1 фунт чаю (размер ≈ 82×64 мм)

КДММ.1866.III.12. Билет провизионный на 1 фунт табаку (размер ≈ 82×64 мм)

КДММ.1866.III.12. Билет провизионный на 1 фунт табаку (размер ≈ 82×64 мм)

Провизионные билеты **«выпуска 1866 года»** IV-го разбора (**«1-пудовые»**) известны сегодня 7 видов: IV.02) *уксус*; IV.03) *масло*; IV.04) *сухари*; IV.05) *соль*; IV.06) *горох*; IV.08) *мясо;* IV.09) *зелень* (25 порций).

КДММ.1866.IV.02. Билет провизионный на 1 ведро уксуса (размер ≈ 80×69 мм). С фрагментом неразрезанного листа

[328] Здесь необходимо отметить, что в стройной структурной схеме оформления, восстановленной по большей части благодаря сохранившимся билетам «образца 1867 года», в III разборе были представлены в основном 1-пудовые билеты (на сахар, табак и мыло). Между тем, среди сохранившихся билетов «образца 1866 года» билет на табак был номинирован (как и билет на чай) весом в 1 фунт, а не 1 пуд. На данный момент не представляется возможным со всей определенностью утверждать, было ли это результатом ошибки или сознательного изменения структурной схемы.

КДММ.1866.IV.03. Билет провизионный на 1 пуд масла (размер ≈ 80×69 мм)

КДММ.1866.IV.08. Билет провизионный на 1 пуд мяса (размер ≈ 80×69 мм)

КДММ.1866.IV.04. Билет провизионный на 1 пуд сухарей (размер ≈ 80×69 мм)

КДММ.1866.IV.09. Билет провизионный на 25 порций зелени (размер ≈ 80×69 мм)

КДММ.1866.IV.04. Неразрезанный фрагмент отпечатанного листа с провизионными билетами на 1 пуд сухарей

Провизионные билеты **«выпуска 1866 года»** V-го разбора (**«5-пудовые»**) известны на сегодняшний день 5 видов: V.01) *вино*; V.06) *горох*; V.07) *крупа*; V.08) *мясо*; V.09) *зелень*.

КДММ.1866.V.01. Билет провизионный на 5 ведер вина (размер ≈ 65×98 мм)

КДММ.1866.V.06. Билет провизионный на 5 пудов гороху (размер ≈ 65×98 мм)

КДММ.1866.V.08. Билет провизионный на 5 пудов мяса (размер ≈ 65×98 мм)

КДММ.1866.V.09. Билет провизионный на 50 порций зелени (размер ≈ 65×98 мм)

Самый крупный известный сейчас в коллекциях провизионный билет **«выпуска 1866 года»** — это 10-пудовый (VI-го разбора) билет на сухари.

КДММ.1866.VI.04. Билет провизионный на 10 пудов сухарей (размер ≈ 127×85 мм)

Провизионные билеты КДММ «образца 1867 года»

В отличие от предыдущих выпусков, провизионные билеты, датированные **«1867»** годом, которые и сохранились в основном в коллекциях, так никогда и не были использованы по прямому назначению.

Причина этого кроется в реформе Морского министерства, вновь проведенной в 1860-е годы под руководством Генерал-Адмирала Великого князя Константина Николаевича[329].

В эти годы шло постоянное сокращение расходов на флот из-за расстройства государственных финансов. Было произведено значительное сокращение центрального аппарата (более чем в 2 раза) — упразднялись органы и должности, потерявшие свое значение.

«От внутренней ломки бедного министерства только треск стоял в воздухе, — язвительно отмечал позднее в своих заметках П.М. Ковалевский о подобных пертурбациях. — *Испытанные командиры-моряки, лучшие артиллеристы, техники всяких специальностей выбрасывались массами за борт „по цензу". В докладах кому следует оно выходило превосходно: расходы по личному составу сокращались; многочисленные погоны адмиралов снимались совсем или нашивались навыворот в знак адмиральской негодности; на деле же строящийся флот оставался без командиров, пушки без артиллеристов, и все ведомство, как во время землетрясения.*

— Прежде у нас не было чем командовать, — говорили сведущие моряки, — не было флота, а теперь флот есть, да командовать им некому. Упаси Боже — война! Одни новички на судах!..»[330]

Флаг командиров портов (Свеаборг, Ревель)[331]

В 1867 году было введено новое Положение об управлении Морским ведомством[332], которое про-

[329] О преобразовании управления Морским ведомством с 1 января 1867 г. // Морской сборник. Т. LXXXVIII, 1867. № 1.

[330] *Ковалевский П.М.* Власти предержащие. В Главном Адмиралтействе. // Русская старина. Т. CXXXVII, 1909. № 1, С. 88–89.

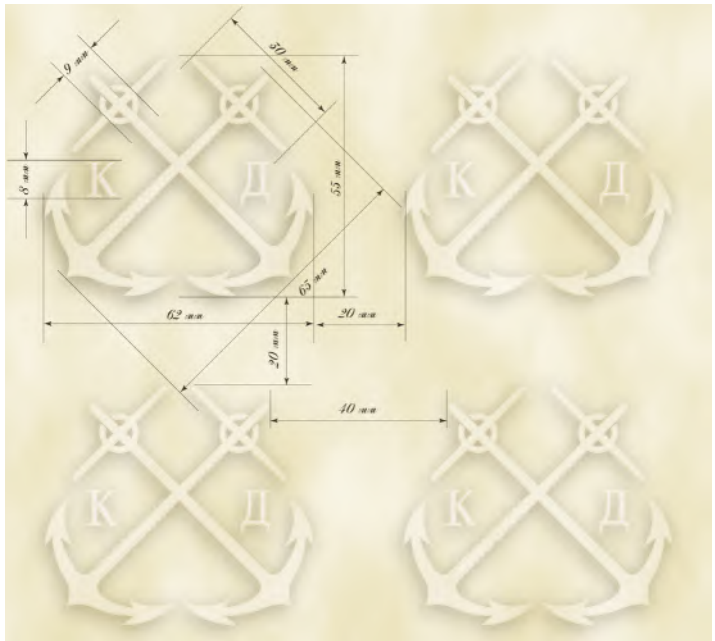
[331] В 1860 г. морские порты по степени важности были разделены на 2 разряда: главные (Кронштадт, Архангельск, Николаевск, Астрахань, Николаев и на особом положении Санкт-Петербург) и 2-го разряда (Свеаборг, Ревель, Севастополь).

[332] Высочайше утвержденное положение об управлении Морским ведомством (со штатами). // Морской сборник. Т. XCI, 1867. № 8.

Флаг Главных командиров портов (Кронштадт, Санкт-Петербург)

вело децентрализацию хозяйственного управления — с предоставлением главным командирам портов прав самим производить все хозяйственные заготовки, — необходимость в обширных хозяйственных органах в центральном морском управлении отпала. По новому Положению был упразднен в числе прочих и Комиссариатский департамент, функции которого передавались в местные структуры управления[333].

В феврале того же года специальная комиссия рассмотрела положение о снабжении кораблей посредством провизионных билетов и утвердила решение об изменении этого порядка[334].



Снабжение кораблей передано было в ведение портов[335], а расчеты с поставщиками стали осуществляться командирами кораблей наличными деньгами[336]. Кроме того, денежная форма расчетов позволяла избежать обезлички платежей, которая наблюдалась при учете билетов (как это показывали акты проверки, например, за 1865 г.).

[333] Три века Российского флота. В 3-х т. Т. 1. — СПб.: LOGOS, 1996. С. 214–216.

[334] РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1976. Л. 131.

[335] Об обязанностях портовых комиссариатских частей с упразднением Комиссариатского департамента. // Морской сборник. Т. LXXXIX, 1867. № 4.

[336] О заготовлении ассигновок в экспедиции государственных бумаг. // Морской сборник. Т. XCI, 1867. № 7.

Однако заготовление провизионных билетов для снабжения в кампании будущего года осуществлялась заранее, и потому билеты **«образца 1867 года»** уже изготовлены были в типографии.

В делах Департамента есть Акт об уничтожении билетов от 14 февраля 1867 года — заказанные и изготовленные на кампанию 1867 года провизионные билеты нового образца стали ненужными и были уничтожены[337]. Но, как оказалось, не все…

Разменные билеты I-го разбора («фунтовые»)

КДММ.1867.I.03. Билет провизионный на 1 фунт масла (размер ≈ 66×56 мм).

КДММ.1867.I.04. Билет провизионный на 1 фунт сухарей (размер ≈ 66×56 мм).

КДММ.1867.I.09. Билет провизионный на 5 порций зелени (размер ≈ 66×56 мм).

Разменные билеты II-го разбора («фунтовые») для дополнительных номенклатур)

КДММ.1867. II.10. Билет провизионный на 1 золотник (1/96 фунта) чаю (размер ≈ 65х60 мм).

КДММ.1867. II.11. Билет провизионный на 1 фунт сахару (размер ≈65х60 мм).

КДММ.1867. II.12. Билет провизионный на 1 фунт табаку (размер ≈65х60 мм).

КДММ.1867. II.13. Билет провизионный на 1 фунт мыла (размер ≈ 65х60мм).

[337] РГАВМФ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 1868. Л. 29.

Билеты III-го разбора («1-пудовые») для дополнительных номенклатур

КДММ.1867. III.10. Билет провизионный на 1 фунт чаю (размер ≈ 82х64 мм)

КДММ.1867. III.11. Билет провизионный на 1 пуд сахару (размер ≈82х64 мм)

КДММ.1867. III.12. Билет провизионный на 1 пуд табаку (размер ≈ 82х64 мм)

КДММ.1867. III.13. Билет провизионный на 1 пуд мыла (размер ≈82х64 мм)

Билеты IV-го разбора («1-пудовые»)

КДММ.1867.IV.01. Билет провизионный на 1 ведро вина (размер ≈ 80×69 мм)

КДММ.1867.IV.02. Билет провизионный на 1 ведро уксусу (размер ≈ 80×69 мм)

КДММ.1867.IV.03. Билет провизионный на 1 пуд масла (размер ≈ 80×69 мм)

КДММ.1867.IV.04. Билет провизионный на 1 пуд сухарей (размер ≈ 80×69 мм)

КДММ.1867.IV.05. Билет провизионный на 1 пуд соли (размер ≈ 80×69 мм)

КДММ.1867.IV.06. Билет провизионный на 1 пуд гороху (размер ≈ 80×69 мм)

КДММ.1867.IV.07. Билет провизионный на 1 пуд крупы (размер ≈ 80×69 мм)

КДММ.1867.IV.08. Билет провизионный на 1 пуд мяса (размер ≈ 80×69 мм)

КДММ.1867.IV.09. Билет провизионный на 25 порций зелени (размер ≈ 80×69 мм)

В том же ряду IV разбора — провизионный билет на пять пудов сахару, оформление которого несколько отличалось от остальных знаков этого формата.

КДММ.1867.IV.11. Билет провизионный на 5 пудов сахару (размер ≈ 80×69 мм)

Билеты V-го разбора («5-пудовые»)

КДММ.1867.V.01. Билет провизионный на 5 ведер вина (размер ≈ 65×98 мм)

КДММ.1867.V.04. Билет провизионный на 5 пудов сухарей (размер ≈ 65×98 мм)

КДММ.1867.V.05. Билет провизионный на 5 пудов соли (размер ≈ 65×98 мм)

КДММ.1867.V.06. Билет провизионный на 5 пудов гороху (размер ≈ 65×98 мм)

КДММ.1867.V.07. Билет провизионный на 5 пудов крупы (размер ≈ 65×98 мм)

КДММ.1867.V.08. Билет провизионный на 5 пудов мяса (размер ≈ 65×98 мм)

КДММ.1867.V.09. Билет провизионный на 50 порций зелени (размер ≈ 65×98 мм)

КДММ.1867.V.10. Билет провизионный на 5 фунтов чаю (размер ≈ 65×98 мм)

Знак этот резко отличается по оформлению от остальных билетов V разбора. В частности, нехарактерным рисунком якорей в эмблеме Морского ведомства — с почти прямыми лапами.

Изображение герба на провизионном билете в 5 фунтов чаю

За тысячу лет форма якоря претерпела мало изменений. В принципе он остался таким же, каким был изображен еще на колонне Траяна в Риме.Правда, изготовлявшиеся в разных странах якоря несколько отличались друг от друга.

Например, в таких морских державах XV–XVII веков, как Испания и Португалия, якоря изготавливались с рогами, изогнутыми в форме дуги окружности. Почти ничем не отличались от них якоря Голландии, которая к началу XVII столетия вышла на первое место в судостроении среди европейских стран. Якоря же английского производства XVII–XVIII веков отличались от испанских, португальских и голландских якорей как раз тем, что их рога делались совершенно прямыми от стыка с веретеном до носка рога (т.н. «якоря старого чертежа» в отличие от «адмиралтейских»).

Якоря с прямыми рогами ковали и в России в первой четверти XIX века. Им на смену пришли более простые по форме якоря с округлыми рогами и веретеном.

Билеты VI-го разбора («10-пудовые»)

КДММ.1867.VI.01. Билет провизионный на 10 ведер вина (размер ≈ 127×85 мм)

КДММ.1867.VI.03. Билет провизионный на 10 пудов масла (размер ≈ 127×85 мм)

КДММ.1867.VI.04. Билет провизионный на 10 пудов сухарей (размер ≈ 127×85 мм)

КДММ.1867.VI.06. Билет провизионный на 10 пудов гороху (размер ≈ 127×85 мм)

КДММ.1867.VI.07. Билет провизионный на 10 пудов крупы (размер ≈ 127×85 мм).

КДММ.1867.VI.09. Билет провизионный на 250 порций зелени (размер ≈ 127×85 мм).

Билеты VII-го разбора («100-пудовые»)

Все квитанции Комиссариатского департамента Морского министерства оформлены были в едином художественном стиле, напоминая, прежде всего, фронтиспис «Устава морского», изданного в Петербурге в 1720 году.

Прежде всего, это — прихотливые и изысканные рамки в стиле барокко[338], отличавшегося стремлением к величию и пышности, с характерной показною роскошью, хотя и сохранявшем симметрию, присущую классическому стилю. Отпечатанные на квитанциях рамки украшены декоративными «рокайлями», присущими стилю рококо[339]. В 1760-х годах в России на смену барокко пришел классицизм[340] — художественный стиль, признававший высшим достижением человечества античное искусство, во всем равнявшийся на греческие и римские образцы…

Аллегорические украшения на перестроенном в начале XIX столетия здании Адмиралтейства в Санкт-Петербурге, сообразно духу времени, также почерпнуты были из древней мифологии.

Барельеф над большой аркой под шпицем представлял создание флота Петром I: Нептун передает свой трезубец, эмблему власти над морями, Петру, стоящему на корабельной верфи на берегу Невы. Подле царя — богиня мудрости Минерва

[338] Барокко (итал. *barocco* — «порочный», «распущенный», «склонный к излишествам»; португ. *perola barroca* — «жемчужина причудливой формы») — главенствующий стиль в европейском искусстве конца XVI — середины XVIII вв. В разных контекстах слово «барокко» могло означать «вычурность», «неестественность», «элитность», «деформированность», «преувеличенную эмоциональность». Все эти оттенки слова барокко в большинстве случаев не воспринимались как негативные.

[339] Рококо (фр. *rococo*, от фр. *rocaille* — «декоративная раковина, ракушка», «рокайль») или «стиль Людовика XV» — стиль в искусстве (в основном в дизайне), возникший во Франции в первой половине XVIII в. как развитие стиля «барокко». Характерными чертами рококо являются изысканность, большая декоративная нагруженность композиций, грациозный орнаментальный ритм.

[340] Классицизм (фр. *classicisme*, от лат. *classicus* — «образцовый») — художественный стиль европейского искусства XVII—XIX вв., одной из важнейших черт которого было обращение к античному искусству и опора на традиции высокого Возрождения. Художественным формам классицизма свойственны строгая организованность, уравновешенность, ясность и гармоничность образов. Период позднего классицизма — *ампир* (от фр. *empire* — «империя»), отличавшийся парадностью и пышностью — приходится на первую треть XIX века.

и статуя победы. К строящимся кораблям услужливые тритоны, изображающие Волгу, Волхов и другие реки, приносят лес, веревки, якоря и прочее. Это их дань новой владычице Неве, представленной в виде женщины, держащей весло с гербом Петербурга. Урна ее, эмблема реки, обвита лаврами в ознаменование побед, одержанных на берегах ее Александром Невским и самим Петром. Близ Невы, на середине барельефа, возвышается скала, на которой под тенью лаврового дерева, обвешенного щитами с гербами губерний, сидит женщина, представляющая Россию. На голове ее корона в форме городских башен, в правой руке палица Геркулеса — эмблема силы, в левой — рог изобилия, к которому прикасается своим кадуцеем бог торговли Меркурий, а у ног его видны кипы товаров, означающие, что материальные богатства страны приобретаются торговлей. С другой стороны — Вулкан складывает к ногам России выкованные им перуны и разное оружие, необходимое для поражения врага. Наверху парящая Слава несет русский флаг над морем, на котором виден созданный Петром флот, окруженный толпой ликующих тритонов.

В конце 1840-х годов в Петербурге был возведен Благовещенский мост через Неву, чугунные решетки которого выполнены по проекту архитектора А.П. Брюллова[341].

В несколько вытянутом обрамленном прямоугольнике заключен орнамент, представляющий композицию, середину которой акцентирует трезубец на раковине. К нему обращены с двух сторон морские коньки — гиппокампы с поднятыми кверху хвостами, вплетенные в симметричный растительный орнамент.

В той же манере оформлены были и квитанции, отпечатанные по заказу Морского министерства.

[341] Александр Павлович Брюллов (1798–1877†), — профессор архитектуры Императорской Академии художеств, старший брат Карла Павловича Брюллова.

Основное украшение — кормило, рулевое весло. Нехитрая аллегория судоходства имела и второй более возвышенный смысл: в символизме тогдашнего искусства это был атрибут могущества и мудрости правителей[342].

Неудивительно, что венчает черен весла трезубец — символ власти над пучинами: *«…великие тучи поднявши, трезубцем воды взбуровил и бурю воздвиг, отовсюду прикликав ветры противные;* — писал в сороковых годах Василий Андреевич Жуковский[343] в своем переводе «Одиссеи». — *облако темное вдруг обложило море и землю, и тяжкая с грозного неба сошла ночь»…*

Гёте же в своем законченном за десять лет до того «Фаусте» написал: *«Мы этот трезубец сковали Нептуну, Он им усмиряет валы и буруны. Когда Громовержца удары гремят, Нептун отвечает на грома раскат. Зубчатые молнии падают в воду, Косматые волны встают к небосводу, А все, что меж ними, то обречено в неравной борьбе погрузиться на дно. Жезл этот нам передан временно в руки, Чтоб праздник прошел без заботы и скуки»…*

На «жезлах» с трезубцем и веслом лежат якоря, разительно напоминающие… золотое шитье на высоких воротниках адмиральских мундиров.

В мае 1803 года во флоте введены были (вместе с повседневным сюртуком[344]) темно-зеленые мундиры[345] нового фасона, туго облегавшие корпус, со стоячим воротником и фалдами фрачного покроя. Впервые на оба плеча у адмиралов введены были погоны с черными вышитыми орлами, украшенными Андреевским крестом. Тогда же появилось и золотое шитье на воротнике и обшлагах: вышитые канителью якоря — у штаб- и обер-офицеров, и такие же якоря, увитые якорными канатами — у адмиралов.

[342] Управлять кораблем всегда было настоящим искусством. Моряк по-гречески *наутес*, командир корабля — *хипернаутес*, (от слова *хипер* — «над, сверх»), искусство кораблевождения — *хипернаутика*. В результате заимствований и языковых мутаций от него произошло, в частности, слово «кибернетика». Отсюда же и французское слово *гувернай* (фр. *gouvernail*) — «руль, кормило». И «губернатор» — это тоже в основе своей искаженное греческое слово.

[343] Василий Андреевич Жуковский (1783–1852†), — русский поэт, переводчик, критик. Основоположник романтизма в русской поэзии

[344] Название «сюртук» («суртук», «сертук») произошло от соединения двух французских слов — «сюр» (*sur*) и «ту» (*tout*), в переводе означающие «на всё», то есть на все случаи жизни. Флотские сюртуки до 1872 г. не отличались по своему покрою от общеармейского, сохраняя по-прежнему свой темно-зеленый цвет. В 1872 г. на морских сюртуках был отменен высокий воротник и утвержден отложной с широкими лацканами. Нужно сказать, что вплоть до 1910 г. во всей морской официальной документации, относившейся к вопросам формы одежды как офицерского, так и рядового состава, неизменно указывался темно-зеленый цвет морских мундиров.

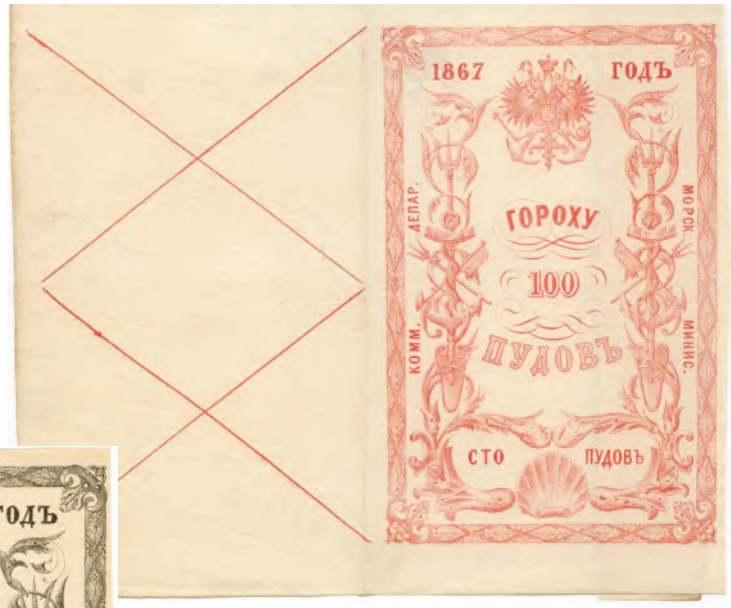
[345] Кроме мундира существовал т.н. «вице-мундир», или вицмундир, как парадно-выходная форма одежды. Термин вицмундир появился в первой четверти XIX в., когда для всех родов войск окончательно были введены эполеты. Вицмундир, по покрою в точности повторявший мундир, носили без эполет, но с небольшими поперечными контрпогончиками из золотого или серебряного галуна, без шитья на воротнике и нарукавных петлиц.

Александр Марлинский[346] в повести «Фрегат Надежда» описывал диалог капитан-лейтенанта Ильи Правина с дамой, что интересовалась, «в добром ли здравии» судно: *«Надеюсь по крайней мере, — продолжала княгиня, все еще играя словами о имени моего фрегата, — надеюсь, она вас не покинула!*

— Все равно почти: я очень далек от нее!

— Но, как верный рыцарь, не покидаете зато ее символа: на воротнике вашем таинственно блестят два якоря.

— Заметьте, княгиня, — промолвил я со вздохом, — они с оборванными канатами»...



КДММ.1867.VII.04. Билет провизионный на 100 пудов сухарей (размер ≈ 116×181 мм)

КДММ.1867. VII.06. Билет провизионный на 100 пудов гороху. Неразрезанная часть листа. (Размер билета по печатной рамке ≈ 116×181 мм)

КДММ.1867. VII.09. Билет провизионный на 500 порций зелени (размер ≈ 116×181 мм).

[346] Александр Александрович Бестужев-Марлинский (1797–1837†), — писатель, критик, публицист. За участие в заговоре декабристов в 1825 г. был сослан в Якутск, а оттуда в 1829 году переведен солдатом на Кавказ, где и погиб.

КДММ.1867. VII.07. Билет провизионный на 100 пудов крупы (размер ≈ 116×181 мм)

КДММ.1867. VII.07. Оборотная сторона (размер ≈ 116×181 мм)

КДММ.1867.VII.08. Билет провизионный на 100 пудов мяса. Неразрезанная часть листа. (Размер билета по печатной рамке ≈ 116×181 мм)

КДММ.1867.VII.08. Билет провизионный на 100 пудов мяса (размер ≈ 116×181 мм)

Конец двенадцатилетней истории флотских провизионных билетов

Вам слава, моряки России! Мысль Божья вами понята:
У вас среди морской стихии, согласье, дружба, простота.
Своею жизнью досточтимой даете вы пример Земле:
Святой союз семьи родимой у вас живет на корабле.
И мысль та Божья правит вами
По всем концам путей морских:
Под всеми мира небесами Вы братьев видите своих...

Выпуск комиссариатских билетов на флоте пришелся на нелегкое время: *«Печалование о расстройствах русских финансов объемлет в настоящее время все сословия: все чувствуют, как в наших карманах тают денежные средства и как неуклонно мы приближаемся к самому мрачному времени нужд и лишений...».*

Эти строки из книги «Экономические провалы: по воспоминаниям с 1837 года», написанной московским купцом Кокоревым[347], — которому за печальные прогнозы и предложения мер по предотвращению будущих «великих потрясений» современники дали прозвище «Кандидат в министры финансов», — еще не раз оказывались злободневными...

На рубеже 50-60-х годов XIX столетия в России вновь разразился кризис денежной системы. Сложная ситуация еще более обострялась в связи с недостатком в обращении разменной монеты. *«Повсеместный недостаток звонкой и даже медной монеты, стеснение частного и государственного кредита, застой торговых оборотов и упадок достоинства кредитных билетов, возвышение вследствие этого цен на все произведения и понижение курса по переводу денег за границу производили вредное действие на промышленность и торговлю страны, а постоянно повторявшийся дефицит имел гибельное влияние на государственное хозяйство вообще...»* — писал Министр финансов Александр Максимович Княжевич о денежном кризисе конца 50-х — начала 60-х годов[348].

С понижением ценности кредитного рубля и прекращением размена серебряная монета, чеканившаяся 83⅓ пробы, стала исчезать из оборота, так как выгодно было переплавлять ее в изделия и сбывать за границу. Банковская и даже разменная монета исчезали из оборота, оседая на руках у населения, пытавшегося застраховаться от возможных финансовых потерь...

Возникала своеобразная наценка — *«лаж на звонкую монету при промене ее на кредитные билеты или падение ценности кредитных билетов (депрециация их), постоянно возраставшее с 1856 по май 1862 г.». Кроме того, «безусловное исчезновение звонкой монеты из народного обращения, посредством сбережения, накопления, переплава и вывоза, превращение звонкой монеты в товар и страшное повсеместное у нас развитие спекуляции и торга на монету...»*[349]

Обнаружившийся вследствие этого повсеместный недостаток серебряной монеты обратил на себя внимание правительства, и 22 марта 1860 года Высочайше

[347] Василий Александрович Кокорев (1817–1889†),— банкир и купец-промышленник, разбогатевший на винных откупах.

[348] Министерство финансов, 1802–1902 гг.. — СПб.: ЭЗГБ, 1902. Ч. 1, С. 461.

[349] *Безобразов В.П.* О некоторых явлениях денежного обращения в России. // Русский Вестник. — М., 1863. Т. 48. № 12. С. 786–787.

утвержденным мнением Государственного совета постановлено было выпустить новую серебряную разменную монету в 20, 15, 10 и 5 копеек 72-й пробы, с понижением внутреннего достоинства ее на 15% против нарицательной цены[350].

Общепринятой денежной единицей становился идеальный, так называемый *«серебряный рубль в кредитных билетах»*, который принимался за действительный серебряный рубль по всем платежам в казну и которым выгоднее было, чем звонкой монетой, производить все платежи между частными лицами. Но и эти меры не давали быстрых результатов. По некоторым сведениям, к 1862 году общий уровень лажа доходил до 14% и даже почти 15% (т. е. серебряный рубль обменивался на 114–115 копеек кредитными билетами)[351].

Недостаток разменной монеты вынудил правительство опубликовать распоряжение *«Об обязании казначеев и всех вообще сборщиков вносить в казну следующие от них суммы непременно в той самой монете, в которой суммы сии к ним поступили»*[352]…

Начиная с новой программы Министра финансов Рейтерна[353], выдвинутой в 1866 году, отсчитывается новый этап в правительственной политике, основное содержание которой в этот период можно свести к двум положениям. Правительство перестало действовать в области экономики арифметическими методами, поняв, что курс рубля есть не просто результат биржевой игры, но показатель развития народного хозяйства страны и состояния ее бюджета. В то же время и правительство, и общество по-прежнему считали конечной целью валютной политики восстановление свободного размена бумажных кредиток на звонкую монету по курсу один к одному…

К этому же времени относится и прекращение истории с «провизионными билетами» на флоте. История их была недолгой — исчезло ведомство, занимавшееся их выпуском. После очередного преобразования Морского министерства в 1860 году в том виде оно просуществовало до 1867 года, когда на основании 7-летнего опыта было введено новое Положение, которое действовало до 1885 года, хотя было введено как временное на 5 лет.

В Военном министерстве в 1864 году Комиссариатский и Провиантский департаменты были вновь, как уже случалось не раз, объединены в одном ведомстве. На основании Закона от 6 августа прежние учреждения слились в одно Интендантское ведомство. Высшим центральным органом управления стало Главное интендантское управление, в состав которого вошли бывшие департаменты.

В Морском министерстве в наступающем 1867 году Комиссариатский департамент также был ликвидирован: 19 декабря был подписан Закон «О главных основаниях для преобразования управления Морским ведомством»[354].

Одними из главных идей «либеральных бюрократов», возглавлявших тогда Военно-морское ведомство, были сокращение административного аппарата и децентрализация управления. В идеале Министерство должно было сократиться до

[350] Министерство финансов... С. 460.

[351] *Безобразов В.П.* Указ. соч. С. 15.

[352] Перечень постановлений по разным ведомствам. // Журнал Министерства внутренних дел, 1856. Кн. 5. Часть офиц. Отд. I. С. 33.

[353] Михаил Христофорович Рейтерн (1820–1890†). — Министр финансов Российской империи в 1862–1878 годах

[354] ПСЗРИ, 1866. Т. XLI. Отд. II. С. 415–417. № 44010.

двух органов — одного для сообщения «приказаний и предположений» высшего морского начальства на места (канцелярию), а другого — «для рассмотрения тех вопросов, разрешение коих требует особых специальных познаний». При этом все хозяйственные дела предполагалось передать в ведение портовых управлений[355].

В 1867 году эта идея была отчасти воплощена. По крайней мере, в составе центрального аппарата Морского министерства не осталось ни одного самостоятельного хозяйственного органа, в том числе ликвидирован был и Комиссариатский департамент[356]…

В полной мере осуществить децентрализацию, конечно, не удалось. Очередной же этап административных реформ в Морском ведомстве наступил при Александре III. «Либеральное» Положение об управлении 1867 года вскоре после его воцарения было заменено — по новому Положению в аппарате Министерства создавался орган, ведавший практически всем хозяйством, — Главное управление кораблестроения и снабжения[357]. Реформы 1885 года вновь привели к крайней централизации управления, отрицательные последствия которого вновь отчетливо проявились в ходе Русско-японской войны…

«Провизионные билеты», выпускавшиеся Комиссариатским ведомством, ушли в прошлое — иначе стал производиться учет полученного на судах продовольствия. Впредь и расчеты с поставщиками производились иным образом: в Экспедиции заготовления государственных бумаг был заказан Морским ведомством тираж специальных ассигновок. Статьи же Счетного устава Морского министерства предусматривали: *«81. Лица, коим причитаются из казны денежные выдачи, удовлетворяются через ассигновки, выдаваемые на подлежащие кассы… 84. Ассигновки составляются на одни только поименованные в ст. 11 расходные кассы. … 85. Ассигновки составляются на имя одного лица…»*[358]

А российские корабли продолжали бороздить океан, уходя в «ближние» и «дальние» походы из Кронштадта, где запасались провиантом и прочим «комиссариатским» припасом.

Во многих военных портах России очень часто вместо слов «что Бог даст» говорили «что Флот даст». И это было далеко не случайно. Например, такие города, как Кронштадт, Севастополь, Николаев и Владивосток, выросли практически исключительно благодаря присутствию на их стапелях и рейдах кораблей под Андреевским флагом…

С благодарностью за помощь и содействие в работе коллегам, и в особенности петербургскому коллекционеру М.А. Мурадяну, без товарищеской помощи которого труд этот вряд ли удалось бы довести до конца.

✡ ✡ ✡ ✡ ✡

[355] Обзор деятельности Морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича, 1855–1880. — СПб., 1880. Ч. 2. С. 915.

[356] Высочайше утвержденное положение об управлении Морским ведомством, 18 июня 1867 года // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLII. № 44714.

[357] РГАВМФ. Ф. 427 — Главное управление кораблестроения и снабжения Морского министерства (ГУКиС). — СПб. (1885–1911 гг.).

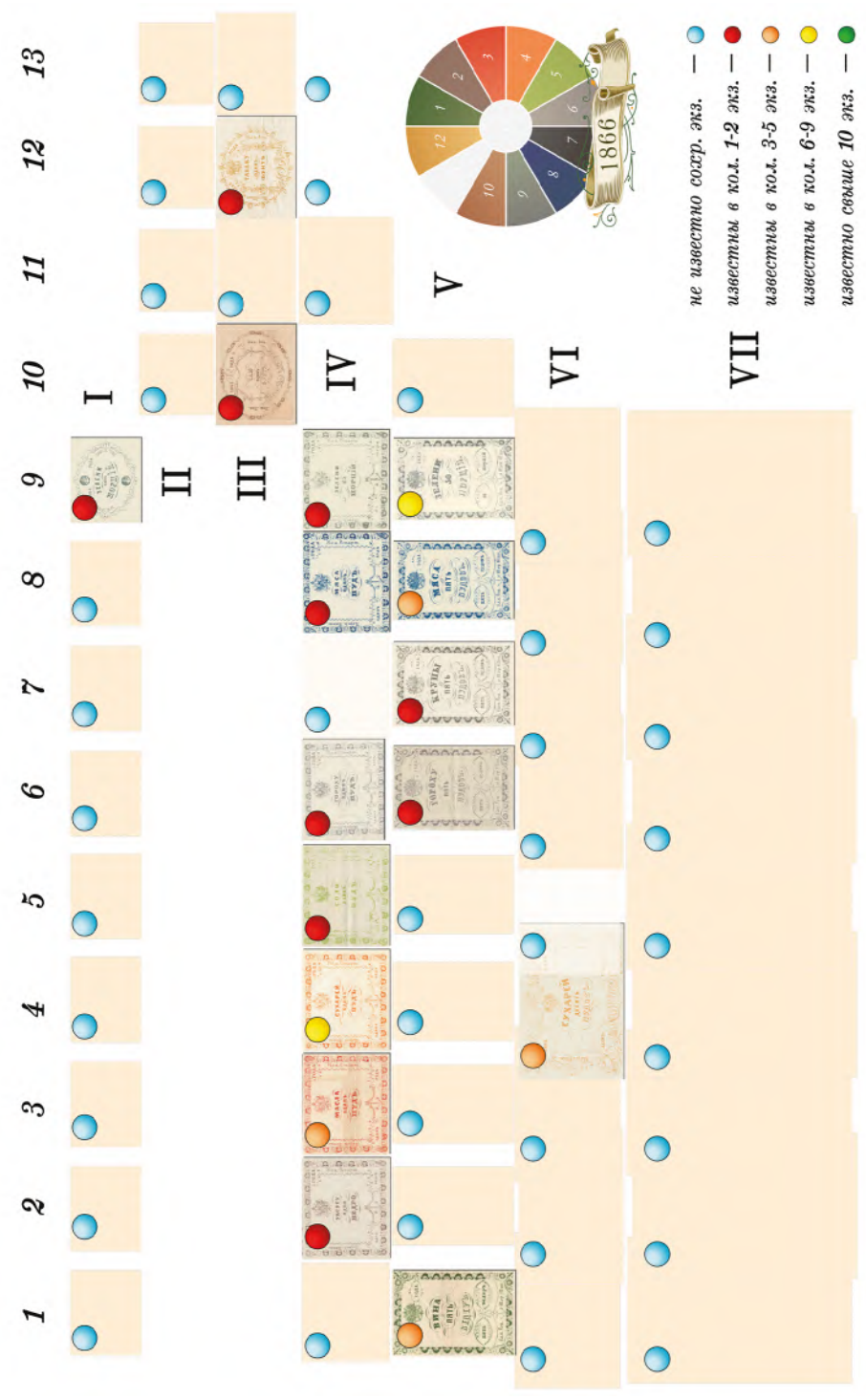
[358] Свод морских постановлений. Кн. XV. Счетный устав Морского министерства. — СПб., Типография Морского министерства в Главном адмиралтействе, 1887. С. 29–30.

Сравнительная степень редкости сохранившихся в коллекциях «провизионных билетов Комиссариатского департамента Морского министерства»
1866 года выпуска

На основе выборки из 44 штук известных автору сохранившихся в коллекциях знаков построена следующая таблица сравнительной степени редкости провизионных билетов КДММ **«образца 1866 года»**:

	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	13.
	Вино	Уксус	Масло	Сухари	Соль	Горох	Крупа	Мясо	Зелень	Чай	Сахар	Табак	Мыло
I	?	?	1 ф.	1 ф.	?	?	?	?	5 пц.				
II										1 зол.	1 ф.	1 зол.	1 ф.
III										1 ф.	1 п.	1 ф.	1 п.
IV	1 в.	1 в.	1 п.	1 п.	1 п.	1 п.	1 п.	1 п.	25 пц.	—	5 п.	?	?
V	5 в.	?	5 п.	5 п.	5 п.	5 п.	5 п.	5 п.	50 пц.	5 ф.			
VI	10 в.	?	10 п.	10 п.	?	10 п.	10 п.	10 п.	250 п.				
VII	?	?	?	100 п.	?	100 п.	100 п.	100 п.	500 п.				

— ? *сохранившихся экземпляров не известно*
— XRare *известны в количестве 1–2 экз.*
— RRR *известны в количестве 3–5 экз.*
— RR *известны в количестве 6–9 экз.*
— R *известны в количестве от 10 экз. и более*

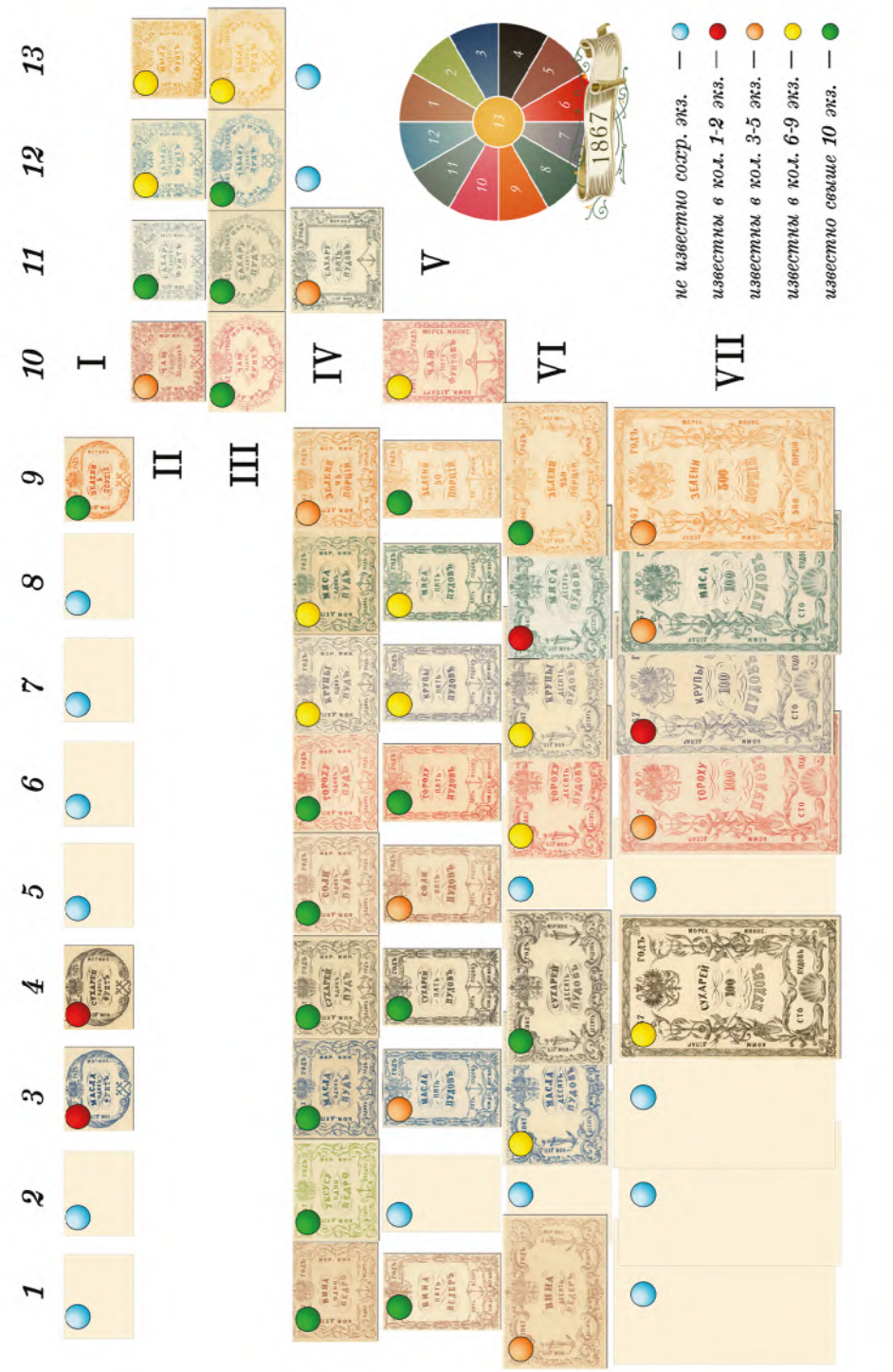


Сравнительная степень редкости сохранившихся в коллекциях «провизионных билетов Комиссариатского департамента Морского министерства» 1867 года выпуска

На основе выборки из 396 штук известных автору сохранившихся знаков построена таблица сравнительной степени редкости провизионных билетов КДММ «**образца 1867 года»**:

	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	13.
	Вино	Уксус	Масло	Сухари	Соль	Горох	Крупа	Мясо	Зелень	Чай	Сахар	Табак	Мыло
I	?	?	1 ф.	1 ф.	?	?	?	?	5 пц.				
II										1 зол.	1 ф.	1 ф.	1 ф.
III										1 ф.	1 п.	1 п.	1 п.
IV	1 в.	1 в.	1 п.	1 п.	1 п.	1 п.	1 п.	1 п.	25 пц.	—	5 п.	?	?
V	5 в.	?	5 п.	5 п.	5 п.	5 п.	5 п.	5 п.	50 пц.	5 ф.			
VI	10 в.	?	10 п.	10 п.	?	10 п.	10 п.	10 п.	250 п.				
VII	?	?	?	100 п	?	100 п.	100 п.	100 п.	500 п.				

— ? *Сохранившихся знаков не известно*
— XRare *Известны в количестве 1–2 экз.*
— RRR *Известны в количестве 3–5 экз.*
— RR *Известны в количестве 6–9 экз.*
— R *Известны в количестве 10 экз. и более*
— *Наиболее часто встречающиеся*



Источники и литература:

Неопубликованные источники:

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

ГАРФ. Фонд 722 — Личный фонд Великого князя Константина Николаевича, управляющего Морским министерством (1855–1880 гг.), наместника Царства Польского (1862–1863), председателя Государственного совета (1865–1881 гг.).

Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ).

РГАВМФ. Фонд 157 — Комиссариатский департамент Морского министерства (1827–1866 гг.).

РГАВМФ. Фонд 427 — Главное управление кораблестроения и снабжения Морского министерства (1885–1911 гг.).

Сборники документов:

Морской устав — СПб.: Тип. Морского кадетского корпуса, 1853.

Морской устав — СПб.: Тип. 2-го Отделения собственной Е.И.В. Канцелярии, 1853.

Полное собрание законов Российской империи (Собр. 2-е, с 12 дек. 1825 — 1 марта 1881 г.). В 55 т. (ПСЗРИ) — СПб.: Тип. 2-го Отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830–1884.

Свод Морских постановлений. Кн. XIII. О довольствии чинов Морского ведомства. — СПб.: Тип. Морского министерства в Главном адмиралтействе, 1899.

Свод Морских постановлений. Кн. XIV. Хозяйство экипажей и команд на берегу и хозяйство на судах флота, 1887.

Свод Морских постановлений. Кн. XV. Счетный Устав Морского министерства, 1887.

Собрание законов и постановлений, до части Морского управления относящихся (СЗПМУ), 1855. Кн. I–III. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1855; СЗПМУ. 1956-й год. Кн. I. — СПб., 1956; СЗПМУ, 1957. Кн. I–III. — СПб., 1958; СЗПМУ, 1959. Кн. I–III. — СПб., 1959.

Собрание узаконений, постановлений и других распоряжений по Морскому ведомству (СУПРМВ) за 1860 год. / Изд. кодификационным управлением Морского министерства — СПб.: Тип. Морского министерства, 1861; СУПРМВ за 1861 год. — СПб., 1862; СУПРМВ за 1862 год. — СПб., 1869; СУПРМВ за 1863 год. — СПб., 1864; СУПРМВ за 1864 год. — СПб., 1865; СУПРМВ за 1865 год. — СПб., 1866; СУПРМВ за 1866 год. — СПб., 1867; СУПРМВ за 1867 год. — СПб., 1868.

Собрание узаконений и распоряжений правительства. — СПб., 1867.

Устав морской о всем, что касается доброму управлению в бытность флота на море. Напечатался повелением Царского величества в Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук, шестым тиснением 1780 года.

Справочные издания:

Адрес-Календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом Княжестве Финляндском на 1865–1866 год. Ч. 1. — СПб.: Типография императорской Академии наук, 1866.

Александр Второй: Воспоминания. Дневники. — СПб., 1995.

Военный энциклопедический лексикон, издаваемый О-вом военных и литераторов, посвященный Его Имп. Велич. Государю Императору Александру Николаевичу. Изд. 2-е. Т. I–XIV. — СПб.: Тип. Главного штаба по военно-учебным заведениям, 1852–1858.

Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802–1902 гг.) / Сост.: Огородников С.Ф. по поручению Министерства отстав. подполк. Корп. флот. штурманов. — СПб.: Тип. Мор. министерства, 1902.

Историческое обозрение устройства управления Морским ведомством в России. / Сост.: В. Чубинским. — СПб.: Тип. Мор. министерства, 1869.

Календарь для всех сословий на 1868 г. (високосный). — СПб.: Изд. А. Гриневского, 1868.

Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. — СПб., 1913.

Министерство финансов, 1802–1902 гг. — СПб.: ЭЗГБ, 1902. Ч. 1.

Морской Альманах на 1866 год (2-й год изд.). — СПб.: Тип. Морского министерства. Б.г.

Морская терминология с русского на английский язык. /Сост.: Капитан I ранга Сорохтин. — СПб.: Тип. Мор. министерства, 1872.

Обзор деятельности Военного министерства в последнее пятилетие, финансовых его средств и нужд армии. — СПб., 1865.

Обзор деятельности Морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича, 1855–1880. — СПб., 1880.

Объяснительный Морской словарь (Настольная книга для имеющих отношение к мосркому делу). / Сост.: В.В. Вахтин. 2-е изд. доп. — СПб.: Тип. В. Безобразова и компании, 1894.

Очерк Военно-морской администрации. Руководство для гардемаринов Морского кадетского корпуса. / Сост.: полковник А. Долгов. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1896.

Перечень постановлений по разным ведомствам. // Журнал Министерства внутренних дел, 1856. Кн. 5. Часть официальная, Отд. I.

Список высшим чинам Государственного, губернского и епархиального управлений, 1856. — СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1856; Список … 1865. — СПб., 1865.

Список гражданским чинам Морского ведомства. Часть I. Первых восьми классов. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1855; Список … 1862; Список … 1865.

Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1872.

Сравнительные таблицы всех известных монет, весов и мер, приведенных к монетам, весам и мерам российским, новым французским и польским, составленные магистром права и философии Фомою Массальским. — СПб.: Тип. Карла Крайя, 1834.

Хронологический указатель морских постановлений за время с 1700 по 1875 год, с объяснениями кодификационного управления Морского министерства. Ч. 1 и 2. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1876.

Документальные публикации:

Извлечение из отчета директора Комиссариатского департамента Морского министерства, статского советника князя Оболенского за 1854 год. // Морской сборник. Т. XIV, 1855. № 2. С. 167–246.

Извлечение из отчета директора Комиссариатского департамента… за 1855 год. // Морской сборник. Т. XXI, 1856. № 5. С. 331–393.

Об обязанностях комиссариатских частей С.-Петербургского и Кронштадтского портов. // Морской сборник. Т. LXXXIX, 1867. № 4. С. 22–23.

Отчет вице-директора Комиссариатского департамента Морского министерства, действительного статского советника Набокова за 1857 год. // Морской сборник. Т. XXXV, 1858. № 5. С. 1–44.

Отчет директора Комиссариатского департамента Морского министерства, статс-секретаря князя Оболенского за 1858 год. // Морской сборник. Т. XLI, 1859. № 5 (май), С. 57–171.

Отчет директора Комиссариатского департамента… за 1859 год. // Морской сборник. Т. XLVI, 1860, № 5. С. 186–266; Отчет директора Комиссариатского департамента… за 1860 год. // Морской сборник. Т. LII, 1861. № 3. С. 311–393.

Отчет директора Комиссариатского департамента Морского министерства, действительного статского советника Набокова за 1861 год // Морской сборник. Т. LIX, 1862. № 6. С. 111–214.

Отчет директора Комиссариатского департамента Морского министерства, действительного статского советника Шульца за 1862 год. // Морской сборник. Т. LXVII, 1863. № 6. С. 251–371;

Отчет… за 1863 год. // Морской сборник. Т. LXXIV, 1864. № 9. С. 209–346; Отчет… за 1865 год. // Морской сборник. Т. LXXXV, 1866. № 8. С. 189–291.

Периодические и повторяющиеся издания:

Коммерческая газета. — СПб.: Тип. Департамента Внешней торговли, 1855–1860.

Морской сборник, издаваемый под наблюдением Ученого отделения Морского технического комитета. Т. I–CCCXLVIII. — СПб.: Тип. Гл. Адмиралтейства, 1848–1908.

Посредник промышленности и торговли. — СПб.: Тип. Н. Греча, 1861.

Русская старина: ежемесячное историческое издание. — СПб., 1870–1918.

Северная пчела. Газета политическая и литературная. — СПб.: Тип. Н. Греча, 1855.

Libausches Wochenblatt («Либавский еженедельник»). — Libau, 1855–1860.

Rigasche Zeitung («Рижские ведомости»). — Riga, 1862.

Литература:

Безобразов В.П. О некоторых явлениях денежного обращения в России. // Русский Вестник. — М., 1863. Т. 48. № 12.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке — М.: Наука, 1973.

Боголюбов А.П. Записки моряка-художника, 1842–1847. // Журнал «Волга», 1996. № 2–3.

Веселаго Ф. Краткая история Русского Флота. — М-Л.: Военно-морское изд-во НКВМФ СССР, 1939.

Ганичев В.Н. Ушаков. — М.: Молодая гвардия, 1990.

Головнин В.М. Сочинения. — М-Л.: Изд. Главсевморпути, 1949.

Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Т. 1. — Л., 1986.

Горденев М.Ю. Морские обычаи, традиции и торжественные церемонии Русского Императорского флота. — Сан-Франциско: Мор. изд. при Кают-компании Рус. мор. офицеров при содействии «Мор. журн.», 1937.

Гурьев А. Денежное обращение в России в XIX столетии. Исторический очерк. — СПб., 1903.

Дуров И.Г. Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого. — Н. Новгород: изд-во Нижегородского Госуниверситета, 2002; *Дуров И.Г.* Регламентация питания моряков при становлении русского военно-морского флота. // Материалы Меншиковских чтений. Вып. 7. — СПб.: «Ист. иллюстрация», 2010.

Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского, 1855–1879. — СПб.: Нестор-История, 2005.

Истомин М.К. Балтийский флот 50 лет назад, в кампанию 1854–1855 годов. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1904.

Ковалевский П.М. Власти предержащие. В Главном Адмиралтействе. // Русская старина. Т. CXXXVII, 1909. № 1, С. 67–89.

Крестовский В. В дальних водах и странах. В 2-х томах, Т. 1. — М.: Век, 1997.

Манна К.А. Обзор деятельности Морского управления в России 1855–1880 года. В 2-х ч. — СПб., 1880.

Манвелов Н.В. Обычаи и традиции Российского Императорского флота. — М.: Яуза. Эксмо, 2008.

Материалы для истории русского флота. Т. I–XVII. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1867–1904.

Мельников Н.П., Мельников П.Н. История, статистика, литература писчебумажного производства. Водяные знаки (филиграни). Будущее писчебумажного производства. — СПб. Типография П.П. Сойкина, 1906.

Невельской В.П. Путевые записки от СПб. до Кронштадта и обратно. — СПб., 1865.

Подвиги Русских морских офицеров на Крайнем Востоке России в 1849–1855 годах. Приамурский и Приуссурийский край. Посмертные записки Адмирала Невельского. Изданы супругою покойного Екатериною Ивановною Невельскою под ред. В. Вахтина. — СПб.: Русская Скоропечатня П.С. Нахимова, 1878.

Сергеев-Ценский С.Н. Синопский бой. // Собр. соч. Т. 3. — М.: Художественная литература, 1956.

Современная Россия: очерки нашей государственной и общественной жизни. Изд. 2-е. Т. II. — СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1890.

Станюкович К.М. Вокруг света на «Коршуне». / Соб. соч. в 10 томах Т. 6. — М., 1977; *Станюкович К.М.*, Морские рассказы. — Минск: изд-во «Юнацтва», 1981.

Тарле Е.В. Крымская война: в 2-х томах. — М.-Л., 1941–1944.

Тимофеевский Ф.А. Краткий исторический очерк двухсотлетия города Кронштадта. — Кронштадт, 1913.

Три века Российского флота. В 3-х томах. Т. 1. — СПб.: LOGOS, 1996.

Федченко Г.П. О налоге на соль в России. — М.: Универ.тип. (Катков и К°), 1865.

Ханке Х. На семи морях. Моряк, смерть и дьявол. Хроника старины. (Пер.: Маковкин Л.Ф., Каценбоген М.С.). — М.: изд-во «Мысль», 1989.

Штенцель А. История войн на море. — М.: Изографус, ЭКСМО-пресс. 2002.

Alex Abezgauz, Steve Volis. The Russian Imperial Navy Ministry Scrip of 1866–1867 годах // I.B.N.S. Journal. Vol. 33. No. 4, pp. 14–17.

Каталоги бон:

Денисов А.Е. Бумажные денежные знаки России 1769–1917 гг. Часть 4. Региональные бумажные денежные знаки 1800–1917 гг. — М., 2005. С. 87–92.

Кардаков Н. Katalog der Geldscheine von Russland und der Baltischen Staaten, 1769–1950 годах. Каталог денежных знаков России и Балтийских стран, 1769–1950 годах. — Берлин, 1953.

Каталог бумажных денег России, РСФСР и СССР. Составители: Кириченко Е.С., Ильчишин А.С. — Киев, 1988.

Кац Л.З., Малышев В.П. Энциклопедия бумажных денежных знаков России. (Том I. Правительственные эмиссии в 1769–1995 гг.). — СПб., 1998.

Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России и СССР (1769–1990 гг.). Сост.: Рябченко П.Ф. — Киев, 1991. С. 525–526.

Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769–1994 гг.). Сост.: Рябченко П.Ф. — Киев, 1995. С. 576.

Рябченко П.Ф. Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769–2003 гг.). 3-е переизд., доп. и перераб. Т. 3. Боны стран СНГ и Прибалтики. Дополнения к т. 1 «Боны России» и т. 2 «Боны Украины» — Киев, 2005. С. 22–23.

«ЗАКОЛДОВАННЫЕ» КРЕДИТКИ...

Парамонов О.В. (Москва)

«ЗАКОЛДОВАННЫЕ» КРЕДИТКИ…

…Чехонин гудел в свои ампирные формы, как в боевые трубы. Он трубил сбор. Он звал героев. Он пророчил победы. Он славил великую силу власти. Он был Мастер Ампира в подлинном, исконном, единственном значении слова. Это горело чувство, утраченное, казалось, в искусстве давно и невозвратно, начисто выветренное анархическим и демократическим столетием. Это поднимался пафос государственности…

Его советский ампир то изгибал свой вековой материал по новым ложбинам, то стариннейшей красотой одевал беглые лозунги политического дня. В пифическом опьянении Чехонин сместил прошлое и будущее в настоящее.

(Эфрос Абрам Мастер советского ампира*)*

Среди обширной коллекции российских общегосударственных денежных знаков особое внимание привлекают к себе нечастые и весьма необычные кредитные билеты, подлинная история которых вот уже многие десятилетия остается неизведанным «белым пятном»…

На протяжении более чем восьми десятков лет единственным источником, позволявшим судить об этих невыпущенных знаках, было упоминание в статье В.П. Вязельщикова[1], опубликованной в 1927 году. Однако чего греха таить — те скупые строчки, интригующие своей недосказанностью, скорее еще больше запутывали читателя, нежели проливали свет на таинственные знаки.

По сию пору в специализированных каталогах эти не то «чеки», не то «кредитные билеты», изготовленные по эскизам С.В. Чехонина, представлены и как пробные банкноты Временного правительства, что должны были заменить в обороте кредитки дореволюционного образца, и, как это ни странно, вместе с тем — как невыпущенные боны частных банков.

Подлинная же история этих так и не попавших в обращение дензнаков, начавшаяся летом 1917 года и завершившаяся к осени 1920-го, была, несомненно, одной из самых удивительных и запутанных. Недаром в одной из газетных заметок 1918 года эти кредитки названы были «заколдованными».

[1] Вязельщиков Виктор Петрович (1882–1967) — с 1924 г. — член Правления ВОФ, глава секции бонистов. Вел исследовательскую работу по вопросам бонистики и публиковал эти материалы в издававшемся в 1920-х гг. журнале «Советский коллекционер».

Первоначальный проект выпуска бон банковским Союзом

Несмотря на огромное увеличение объема денежных знаков в России за время Первой мировой войны и особенно после революции, страна переживала «денежный голод»: *«Громадное увеличение, сравнительно с мирным временем и даже с первоначальным периодом войны, спроса на деньги для покрытия огромных расходов, вызываемых исключительными обстоятельствами данного времени, и невозможность по техническим условиям изготовлять достаточное количество обращающихся ныне бумажных денежных знаков всех достоинств создали для финансового ведомства весьма серьезные затруднения в деле удовлетворения требований на денежные знаки»*[2].

В сентябре 1917 года в Министерство финансов стали усиленно поступать сведения от провинциальных отделений и контор Госбанка об отсутствии у них достаточного количества кредитных билетов мелкого достоинства. Положение в Петрограде обострилось также в связи с паникой, возникшей в августе 1917 года, когда из-за военных неудач на северном фронте началось усиленное востребование вкладов из сберегательных касс. Первая попытка выпуска специальных бон коммерческими банками Петрограда осуществлялась ввиду возможной оккупации Петрограда немцами…

После Февральской революции русская армия еще сохраняла боеспособность, поэтому летом 1917 года командование решило начать крупное наступление, которое закончилось неудачей.

19–24 августа (1–6 сентября) германская армия провела на Восточном фронте Рижскую наступательную операцию, в ходе которой применила новую тактику прорыва, которая предполагала минимальное время на ураганную арт-подготовку и быструю атаку пехоты — для обеспечения неожиданности она выдвигалась на боевые позиции в самый последний момент. При этом огневые точки противника накрывались дымовой завесой, образуемой от взрывов специальных дымовых снарядов.

В ходе наступления немцы прорвали фронт под Икскюлом, форсировали Двину, угрожая выйти в тыл оборонявшим Ригу частям. Распропагандированные 6-й и 2-й Сибирские корпуса обратились в бегство, увлекая за собой и остальные части армии. Лишь немногие боевые подразделения пытались обороняться и переходить в контратаки, чем немного задержали продвижение немцев.

[2] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 166. Л. 11.

Потери сдавшей Ригу 12-й армии составили 18–25 тысяч человек, из которых пленными — от 8 до 15 тысяч. Главковерх Корнилов[3] по поводу этого поражения отмечал: *«В действительности, развращенный Северный фронт потерял всякую силу сопротивления…»*

Герб С.-Петербургской губернии[4], утвержденный 5 июля 1878 г.

20 августа (2 сентября) 1917 года Петроград и его окрестности объявлены были находящимися на военном положении. Начавшаяся эвакуация населения («разгрузка» Петрограда) привела к развитию панических настроений: *«Рига отдана. Двинские позиции прорваны,* — сообщал печатный орган эсеровской партии, — газета «Дело народа». — *Рижскому заливу угрожает немецкий флот, по-видимому, готовящий десантную операцию. Русские войска сопротивлялись, сколько было сил, но дрогнули. Фронт обнажился, и полчища германцев начали свой марш по направлению к Петрограду…»*

«Беспримерная катастрофа», «Неужели нет спасения?» — такими заголовками пестрели газетные статьи. *«Нынешнее состояние нашей власти — неудовлетворительно. Она не обеспечивает нам уверенности в том, что мы успешно справимся с теми бедами, которые обступили нас со всех сторон»,* — писала «Русская Воля». «*Рига сдана!* — вторила «Народная газета». — *Виноват кругом и всецело Керенский. Кто защитит Петроград?..»*

Несмотря на все уверения «особоуполномоченного по разгрузке Петрограда», что слухи о быстром продвижении неприятеля к столице беспочвенны, что нет оснований для паники, тревога продолжала расти. *«Эвакуация Петрограда — это разрытая куча муравьев»,* — записал позднее в своем дневнике Михаил Михайлович Пришвин.

[3] В августе 1917 г. последовали события, которые вошли в историю под названием «корниловщины»: под предлогом наведения порядка в Петрограде намечались разгон Совета и арест Временного правительства. Для этого в столицу стягивался 3-й конный корпус и Кавказская «туземная» дивизия. Согласно плану военного переворота, военная и гражданская власть передавалась в руки верховного главнокомандующего. Это была попытка установить в стране диктатуру. А.Ф. Керенский успел принять контрмеры: 29 августа (11 сентября) указом Временного правительства Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918) был отчислен от должности верховного главнокомандующего «с преданием суду за мятеж».

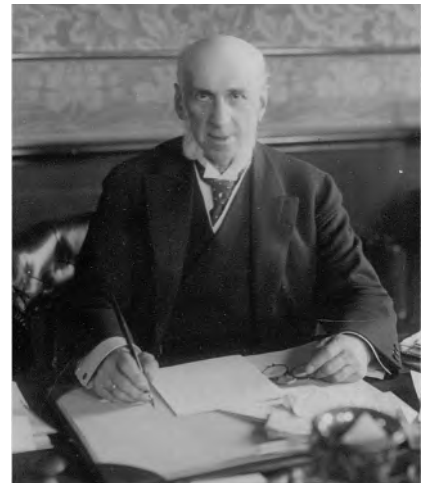
[4] 18(31) августа 1914 года, через месяц после вступления России в Первую мировую войну, на волне антигерманских настроений Санкт-Петербург был переименован императорским указом в Петроград. Современники приписывали инициативу переименования столицы министру земледелия А.В. Кривошеину, пользовавшемуся тогда особым расположением императорской семьи. *«Историческое имя, связанное с основателем города и заимствованное из Голландии, напоминающее „вечного работника на троне“, заменено под влиянием какого-то патриотического каприза ничего не говорящим названием Петрограда, общего с Елизаветградом, Павлоградом и другими подобными»,* — с сожалением писал известный петербургский адвокат А.Ф. Кони.

Тем временем Министерство финансов уже приступило к эвакуации некоторых своих учреждений: были вывезены архив Госбанка, ценности из казенного ломбарда («ссудной казны») — серебряные вещи на 15 миллионов рублей отправлялись в различные города центральной России[5].

Испуганные обыватели изымали деньги с текущих счетов, предпочитая держать их в наличных. Представители банков, обратившиеся к главнокомандующему с докладом об общем финансовом состоянии страны, *«не скрыли своих тревожных опасений относительно возможности в ближайшем будущем приостановления правильного функционирования банков, если власть не вмешается в урегулирование частного хозяйства. …В настоящее время понятие „обилие денег в стране“ начинает уже не совпадать с понятием „обилие денег в банках“, что может дать весьма отрицательные результаты, если начавшийся отлив вкладов не будет компенсироваться также и соответствующим притоком»*[6].

В связи с военными осложнениями на Северном фронте в финансовых кругах столицы возник вопрос о выработке плана действий Петроградских коммерческих банков на случай самого худшего варианта развития событий...

Здесь стоит отметить, что так называемые *«Съезды представителей акционерных банков коммерческого кредита»* являлись одной из старейших представительских организаций в России (созданной еще в 1873 году). Однако съезды эти не внесли тогда заметного вклада в защиту корпоративных интересов: за полвека их состоялось всего три: в 1873, 1903 и 1916 годах[7]. Вплоть до Мировой войны не было отмечено инициативы банков в решении каких-либо общих вопросов через съезды или Комитет съездов[8]. Такое положение можно объяснить лишь тем, что ведущую роль в организации и деятельности съездов играли не сами банкиры, а представители государства — текущую работу в Комитете съездов вели в основном чиновники Министерства финансов и Государственного банка.



Председатель Комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков Яков Исаакович Утин (1839–1916)

Лишь в 1916–1917 годах, в условиях постепенного развала экономики, банки почувствовали необходимость в координации усилий и предприняли попытку

[5] «Коммерсант», 6(19) сентября 1917 г., № 2239. С. 1.

[6] Банки и состояние страны. // «Коммерсант». 23 августа (5 сент.) 1917 г., № 2231. С. 1.

[7] 24 ноября 1873 года состоялся I Съезд представителей акционерных коммерческих банков, а первым председателем Комитета был избран управляющий Государственным банком Е.И. Ламанский. 15 апреля 1903 г. II Съезд представителей банков принял решение о продолжении деятельности Комитета, избрал председателя — А.Ф. Мухина.

[8] 21 декабря 1874 г. было утверждено Положение о «Комитете съезда представителей акционерных банков коммерческого кредита», т. е. был создан постоянный орган банкового объединения.

придать деятельности организации новый импульс. На третьем Съезде в июне 1916 года был провозглашен курс на превращение банковской организации в «структуру с общественно-политическим значением»[9]. Для представительства интересов был организован постоянный Комитет в составе 16 членов[10].

На Съезде представителей банков, созванном в мае 1917-го, был выбран новый Комитет из 9 человек. Председателем стал А.И. Вышнеградский (член Правления, директор-распорядитель Петроградского международного коммерческого банка). У председателя было два товарища: А.Д. Шлезингер (председатель Правления Московского купеческого банка) и Е.М. Эпштейн (член Правления Азовско-Донского коммерческого банка)[11] .

Однако следует учитывать, что корпоративные связи внутри отдельных групп банкиров поддерживались и независимо от банковского съезда. Например, в годы войны в Петрограде банкиры собирались частным образом в помещении Петербургского Учетного и ссудного банка. Встречи эти были многолюдны, часты, на них также обсуждались проблемы военного времени. Именно поэтому в бурных событиях 1917–1918 годов нет четкой границы между «Комитетом съездов» и «совещаниями» или «комиссиями» представителей акционерных коммерческих банков.

На заседании 22 августа 1917 года совещание обсуждало вопрос о способах эвакуации банков из Петрограда. Предполагалось преобразовать правления банков в отделения, которые, оставаясь в оккупированном городе, должны были быть снабжены достаточными денежными средствами. Главной функцией этих отделений стало бы ведение текущих счетов.

Однако могло случиться, что петроградские отделения столкнулись бы с острым дефицитом денежных знаков — в этом случае оставшимся кредитным учреждениям, действующим солидарно, пришлось бы взять на себя трудную задачу по выпуску особых расчетных средств.

[9] В июне 1916 г. в Петрограде состоялся III Съезд представителей акционерных коммерческих банков, на котором было выработано новое Положение о съездах и их постоянных органах, которыми являлись Комитет и Совет. 24 мая 1917 г. председателем Комитета и Совета был избран член Правления Петроградского Международного банка А.И. Вышнеградский. Комитет действовал до начала 1918 г.

[10] *Клаус Р.* Война и народное хозяйство России (1914–1917 гг.). — М.-Л.: Госвоениздат, 1926. С. 37.

[11] Совет съездов представителей акционерных коммерческих банков (Фонтанка, 15). Комитет: пред. — *Утин Яков Исаакович*, тов. пред. — *Шлезингер Александр Данилович, Вышнеградский Александр Иванович*. Члены: *Эпштейн Еф. Моис., Каратыгин Евг. Серг., Идельсон Влад. Роб., Боголепов Мих. Ив., Варшавер Солом. Ром., Жаба Пав. Иос.* Упр. делами Совета: *Розенберг Влад. Валент.* Упр. делами Комитета: *Русаков Вениам Мих.* (См.: Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. 24-й год издания. — Пг.: Изд-во Т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1917. С. 1257).

На заседании 13(26) сентября в Петрограде совещание заслушало доклад А.Н. Зака[12], в котором он сформулировал задачи по выпуску синдикатом банков временных бон.

Предполагалось, что наиболее целесообразным мог бы быть выпуск 50- и 100-рублевых знаков — эти **«беспроцентные банковые билеты»** должны были подлежать обмену на русские общегосударственные кредитные билеты по прошествии, к примеру, 3–6 месяцев после эвакуации неприятеля из Петрограда.

Важное место в проекте уделялось обеспечению безопасности эмиссионного аппарата от покушений на его использование со стороны немецких оккупационных властей.

По поводу доклада А.Н. Зака, совещание отметило, что оставление в качестве обеспечения выпускаемых банкнот большого количества фондов и дивидендных бумаг нецелесообразно — следует оставить в Петроградских отделениях лишь столько бумаг, сколько необходимо для оборота самих отделений. Кроме того, было решено, что вряд ли было бы правильным предположение о выпуске банкнот крупных номиналов, поскольку сама эмиссия может быть вызвана скорее острым голодом на разменные знаки, нежели недостатком оборотных денежных средств.

На августовском совещании банкиров был рассмотрен и доклад специальной подкомиссии[13] о «Союзе акционерных коммерческих банков Петрограда», сформулированный в виде тезисов И.И. Левиным[14] :

[12] Зак Александр Наумович (1890–1955) — российский экономист, приват-доцент Петроградского университета. Автор работ по финансово-экономическим вопросам. Учился в С.-Петербургском политехническом институте и юридическом факультете Московского университета. Печатался в «Русской мысли», «Торгово-промышленной газете», «Биржевых ведомостях», «Вестнике финан-сов» и других изданиях. В 1920-е гг. он стал профессором права в Париже и написал несколько работ на тему легитимности и содержания государственного долга.

[13] Доклад был подготовлен подкомиссией в составе: *Е.М. Эпштейна, Г.С. Шампаньера* и *И.И. Левина*. Ефим Моисеевич Эпштейн (1857–1939) — известный специалист по истории денежного обращения, банковского и биржевого дела в России и за рубежом, член Правления Азовско-Донского банка, в 1910-е гг. преподавал в Московском и Петербургском коммерческих институ-тах. В эмиграции издал книгу «Российские коммерческие банки: роль в экономическом развитии России и их национализация» (Les banques de commerce russes, leur role dans l'evolution economique de la Russie, leur nationalisation. — Paris, 1925).

[14] Левин Исаак Ильич (Ельевич) (1887–1945) — экономист, автор многих печатных работ, препода-вавший учение о кредите, банках, бирже и экономии промышленности в Петроградском институте Высших коммерческих знаний. Доктор политэкономии Фрейбургского университета, автор из-данной в 1917 г. книги «Акционерные коммерческие банки в России».

«1. *Задача Союза* — создание возможности означенным кредитным учреждениям беспрерывно оправдывать свои обязательства.

2. *Участники Союза* — все петроградские акционерные банки и петроградские отделения московских и провинциальных акционерных банков, которые войдут в соглашение.

3. *Способы осуществления* — в случае эвакуации из Петрограда петроградской конторы Государственного Банка и невозможности, вследствие этого, получить денежные средства для текущего оборота, банки организуют Союз, выпускающий за солидарной ответственностью всех участников особые боны, беспрепятственно принимаемые всеми банками, на все время оккупации Петрограда.

4. *Управление Союза* — для управления эмиссионной операцией бонов, распределения таковых и ведения контроля и всего делопроизводства Союза учреждается Комитет в составе 5-ти уполномоченных представителей Союза. Означенные представители избираются общим собранием Союза простым большинством голосов.

5. *Доли участия отдельных банков* — по избрании Комитета участники сообщают о той сумме бонов, которую данный участник предполагает истребовать. Установление таковых сумм предоставлено Комитету.

6. *Обеспечение бонов составляют,* — помимо солидарной ответственности всех участников, специальные депо ценных бумаг, внесенных заранее каждым участником Союза ...в Государственный Банк в депозит Союза, на котором лежит обязанность управлять этими ценностями. Расходы же по хранению в Государственном Банке взимаются с участников pro rata, установленного Комитетом участия отдельных участников в бонах.

7. *Расценка обеспечения,* — комитетом Союза вырабатывается список бумаг, принимаемых в обеспечение, и их расценка.

8. *Выпуск бонов* — производит Комитет Союза в Петрограде по мере предъявляемых к нему требований отдельными банками и в пределах доли, устанавливаемой заранее.

...

12. *Ликвидация выпущенных бонов*. Выпуск бонов прекращается с момента снятия оккупации Петрограда, а обмен этих бонов на государственные кредитные билеты должен быть произведен каждым участником в течение одного года по заключении мира»[15].

[15] Цит.: по *Зак А.Н.* Денежное обращение и эмиссионная операция в России 1917–1918 гг. — Пг.: Свобода. 1918. С. 28–29.

Этим проектом предусматривалась, в общих чертах, и форма новых денежных знаков.

Предполагалось отпечатать «распоряжением Комитета Союза» боны купюрами 1-, 3-, 5-, 10-, 25- и 100-рублевого достоинства. В оформлении знаков предполагалось поместить примерный текст, предусмотренный пунктом 9-м проекта:

«№ ... Союзъ акціонерныхъ коммерческихъ банковъ Петрограда

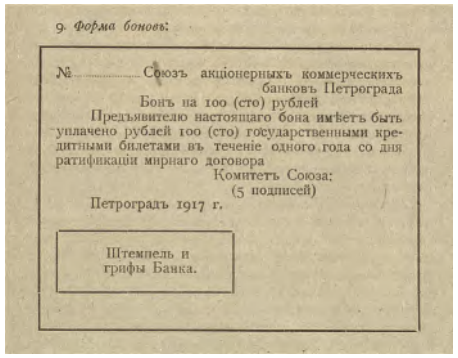
Бонъ на 100 (сто) рублей

Предъявителю настоящаго бона имѣетъ быть уплачено рублей 100 (сто) государственными кредитными билетами въ теченіе одного года со дня ратификаціи мирнаго договора.

Комитетъ Союза: (5 подписей)

Петроградъ 1917 г.

Штемпель и грифы Банка».


9. Форма бонов:

№ ..... Союзъ акціонерныхъ коммерческихъ банковъ Петрограда

Бонъ на 100 (сто) рублей

Предъявителю настоящаго бона имѣетъ быть уплачено рублей 100 (сто) государственными кредитными билетами въ теченіе одного года со дня ратификаціи мирнаго договора

Комитетъ Союза:
(5 подписей)

Петроградъ 1917 г.

Штемпель и грифы Банка.

Совещание признало, что приведенный проект предполагал создание если не эмиссионного банка, то, во всяком случае, эмиссионного аппарата. Последний же мог быть использован оккупационными властями во вред банкам и под принуждением синдикат петроградских отделений банков должен будет выпускать банкнот гораздо больше, нежели позволяло бы реальное обеспечение.

При дальнейшем обсуждении проекта было признано, что потребность в подлинных банкнотах вряд ли вообще возникнет — понадобится выпуск простых разменных бон, соответствующих по своему назначению в нормальных условиях разменной монете.

Оценивая же размеры общей суммы выпуска, совещание, исходя из потребностей Петрограда, определяло ее в 200 млн. рублей.

1(14)сентября 1917 г. А.Ф. Керенский подписал постановление Временного правительства, в котором говорилось, что государственный порядок управления Российским государством есть порядок республиканский, и провозглашалось создание Российской республики

Таковы были общие соображения, которые высказывались по поводу возможной эмиссионной операции акционерными коммерческими банками в условиях вероятной оккупации Петрограда неприятелем. Однако дальнейших практических мероприятий, направленных к приведению в исполнение намеченного плана, предпринято так и не было, поскольку вопрос об эвакуации Петрограда «не получил определенного разрешения со стороны органов Временного Правительства»...

Попытка номер два: консорциум для выпуска «особых чеков на круглые суммы»

Позднее к проекту выпуска бон все же вернулись. Однако уже не столько военные обстоятельства обусловили необходимость прибегнуть к эмиссии банкнот или других расчетных знаков акционерными коммерческими банками — к мысли о подобных выпусках пришлось возвратиться в связи с неимоверными затруднениями после Октябрьского переворота.

В итоговом обзоре деятельности Комитета съездов банковских представителей скупо сообщалось:

> «Во второй половине 1917 года стал во многих местностях проявляться, в связи с расстройством путей сообщения и непомерным увеличением всех цен, недостаток в денежных знаках. Из разных мест Комитет получал об этом телеграфные сообщения и немедленно принимал меры к тому, чтобы Государственный Банк не замедлил с снабжением таких городов надлежащим запасом кредитных билетов. За отчетный период Комитет обращался с такого рода просьбами в 28 случаях. С времени октябрьского переворота недостаток денежных знаков превратился во многих городах в острый голод, из-за которого происходило закрытие кредитных учреждений на более или менее продолжительные сроки. В связи с этим на местах возникли предположения о выпуске местных бонов. Против этих предложений энергично возражал Комитет и Совещание представителей Правлений банков, опасаясь от осуществления этих проектов воцарения хаоса в денежном обращении. Борьба с недостатком в денежных знаках должна вестись мерами, исходящими из центра, и с этой точки зрения банковая организация с ноября стала разрабатывать проект выпуска особых чеков, обеспеченных депонированными банками ценностями и выпущенных за их солидарною ответственностью, однако, в силу совершенно непредвиденных обстоятельств, эта мера не получила осуществления в 1917 году…»[16]

Судьбоносные события нашей истории в представлении широких кругов нередко предстают как устоявшиеся схемы, лишенные всего богатства нюансов, неизменно присутствующих в реальной жизни. Так, одна из переломных вех российской истории — октябрь 1917 года — видится в первую очередь как революционная буря. Но разворачивались и другие события, также сыгравшие свою роль в развитии революции, хотя совершались они тихо. Политические потрясения сопровождались радикальными изменениями в хозяйственной жизни и экономической политике.

[16] Деятельность банковой организации, вызванная особыми обстоятельствами переживаемого времени. // Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов. 1 июля 1916 г. — 1 января 1918 г. / Комитет съездов представителей акционерных коммерческих банков. — Пг.: Свобода, 1918. С. 107.

«Государственная экспедиция допечатывала девятнадцатый миллиард кредитных рублей[17]*, и бездонное народное чрево, поглощало бесследно обесцененные бумажные деньги,* — писал в своих «Очерках русской смуты» А.И. Деникин о последнем месяце существования Временного правительства, — *в то же время агитация против банков и в пользу конфискации капиталов приостановила вклады, нарушила кредитный оборот и вызвала хроническое состояние денежного голода»*[18].

Паралич в деятельности Государственного банка не мог не отразиться на деятельности акционерных банков — в Петрограде они стали закрываться 25 октября около полудня. Решено было сократить выдачу наличными до 3 000 рублей на каждого клиента. Открыты банки были не более 1–2 часов в день и производили лишь самые неотложные операции. С середины ноября выдачи наличными были ограничены 1 000 рублей для частных лиц и 10 000 рублей для юридических лиц.

Главный бухгалтер столичной конторы Госбанка Н.В. Лебедев отмечал, что ЭЗГБ *«едва успевала удовлетворять потребности... Выпущенные кредитные билеты в кассы Государственного банка поступали в весьма небольшом количестве, все держалось в то время на печатном станке»*[19].

Незадолго до октябрьских событий в Министерстве финансов было уже принято решение об организации филиального отдела ЭЗГБ в Москве, однако поиски подходящего помещения так ни к чему и не привели. Прибывшие из Петрограда чиновники наиболее удачными вариантами предполагали фабрики Жиро, Говарда, вновь строящуюся автомобильную фабрику Рябушинского и фабрику Товарищества Эйнем. Последняя была признана в особенности подходящей для этих целей, однако в самый последний момент вмешался Совет солдатских и рабочих депутатов, указавший на недопустимость реквизиции фабрики. Дело застопорилось в ожидании решения[20]…

«Денег на ведение войны требовалось все больше и больше, — указывалось в статье «Финансовые итоги года революции», опубликованной в эсеровском сборнике, — *возможность производства займов как внутренних, так и внешних становилась все более и более неосуществимой, печатные станки экспедиции заготовления государственных бумаг трещали от напряженной работы и то и дело останавливались, усугубляя и без того правительственный голод в денежных знаках; на помощь пришла техника, которая вместо печатания красивых и*

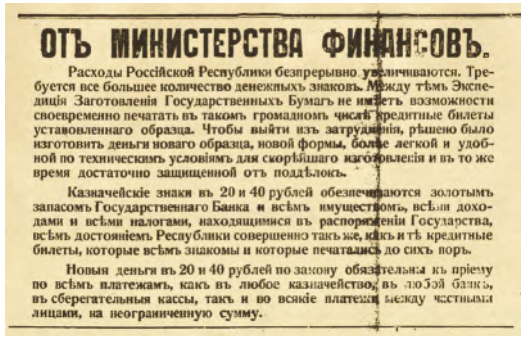
[17] Общее количество бумажных денег, выпущенных в обращение, составляло на 1 января 1917 г. — **9,103** млрд. руб.; на 1 апреля — **10,868** млрд. руб.; на 1 июля — **12,993** млрд. руб.; на 1 октября — **17,175** млрд. руб.; на 1 ноября — **22,446** млрд. руб. (РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6911. Л. 77; Денежное обращение и кредит. Т. 1. Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914–1921 гг.). — Пг., 1922. С. 12).

[18] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Том II. Борьба Генерала Корнилова (Август 1917 г. — Апрель 1918 г.). — Париж, 1921. С. 110.

[19] *Лебедев Н.В.* События в Государственном банке в дни Октябрьской революции. // Красная летопись, 1923. № 6. С. 340.

[20] К организации в Москве отдела Экспедиции заготовления государственных бумаг. // Коммерсант, 4(17) октября 1917 г. № 2257. С. 1.

больших бумажек 100, 50 и 25-рублевого достоинства стала выбрасывать бесконечные ленты маленьких уродливых „керенок“ 40 и 20-рублевого достоинства»[21].



ОТЪ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ.

Расходы Россійской Республики безпрерывно увеличиваются. Требуется все большее количество денежныхъ знаковъ. Между тѣмъ Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ не имѣетъ возможности своевременно печатать въ такомъ громадномъ числѣ кредитные билеты установленнаго образца. Чтобы выйти изъ затрудненія, рѣшено было изготовить деньги новаго образца, новой формы, болѣе легкой и удобной по техническимъ условіямъ для скорѣйшаго изготовленія и въ то же время достаточно защищенной отъ поддѣлокъ.

Казначейскіе знаки въ 20 и 40 рублей обезпечиваются золотымъ запасомъ Государственнаго Банка и всѣмъ имуществомъ, всѣми доходами и всѣми налогами, находящимися въ распоряженіи Государства, всѣмъ достояніемъ Республики совершенно такъ же, какъ и тѣ кредитные билеты, которые всѣмъ знакомы и которые печатались до сихъ поръ.

Новыя деньги въ 20 и 40 рублей по закону обязательны къ пріему по всѣмъ платежамъ, какъ въ любое казначейство, въ любой банкъ, въ сберегательныя кассы, такъ и во всякіе платежи между частными лицами, на неограниченную сумму.

Объявление Министерства финансов о предстоящем выпуске казначейских знаков[22]

В конце ноября, в условиях все увеличивающихся затруднений из-за недостатка денежных знаков и вероятности наступления в скором времени полного денежного голода, когда стало ясно, что денежной наличности для обслуживания клиентов надолго не хватит, Совещание представителей акционерных коммерческих банков занялось разработкой в срочном порядке вопроса о выпуске собственных суррогатных денежных знаков.

Из провинции поступали сведения о том, что там такие попытки уже предпринимаются: 17(30) октября 1917 года появились денежные суррогаты в Екатеринбурге, 10(23) ноября — в Воронеже. В это же время в Астрахани было введено чековое обращение. Проекты введения местных бон вынашивались в Вятке, Екатеринославле, Одессе, Тифлисе, Ростове-на-Дону…

Совещание представителей правлений Петроградских банков с самого начала проявило по отношению к выпуску бон местными отделениями совершенно негативное отношение. На заседании 27 ноября (10 декабря), заслушав сообщение о тяжелом финансовом положении ряда районов в связи с острым недостатком денежных знаков, Совещание признало, что в этом отношении бессильно чем-либо помочь, так как самостоятельный выпуск бон отделениями совершенно недопустим. Выпуск суррогатов денежных знаков возможен лишь из Центра при построении всей этой операции на едином основании. На позднейших совещаниях было вновь признано, что в сложившихся обстоятельствах выпуск бон провинциальными кредитными учреждениями нежелателен и опасен, а недостаток на местах в денежных знаках должен быть восполнен выпуском бон местными учреждениями Государственного банка по поручению краевой власти или органов городского самоуправления.

НОЯБРЬ
17
1917
Freitag. November 30 Vendredi. Novembre
Пятница

[21] *Данилов Ф.А.* Финансовые итоги года революции. // Год русской революции (1917–1918 гг.). / Сборник статей. — М.: Изд-во «Земля и Воля», 1918. С. 172–173.

[22] Объявление было опубликовано во многих газетах, в том числе — в далеком Харбине (См.: Новые образцы бумажных денег. // Харбинский Вестник. Газета общественная, политическая и экономическая, 24 сентября (7 октября) 1917 г. № 4205. С. 2

В пятницу 17(30) ноября 1917 года Совещание признало необходимым ускорить образование Союза российских банков, который выпускал бы особые чеки на предъявителя, имеющие возможность размена на кредитные билеты в течение какого-либо срока, примерно год по заключении мира, а до этого принимающиеся банками в уплату по всем операциям.

Решено было срочно составить проект договора между банками о выпуске подобных чеков, чем и занялась специальная комиссия из опытных юристов, специализировавшихся на вопросах договорного права. Составление проекта соглашения было поручено А.И. Каминке[23], В.Б. Ельяшевичу[24] и В.В. Розенбергу[25]. В качестве консультанта приглашен был также профессор Н.И. Лазаревский[26].

Здесь, наверное, нелишним будет отметить, что расстрелянному в 1921 году Николаю Ивановичу Лазаревскому вменялось в вину именно то, что он, участвуя в организации, ставившей целью смену режима, *«к моменту свержения советской власти подготовлял проекты по целому ряду вопросов, как то: а) формы местного самоуправления в России; б) о судьбе разного рода бумажных денег (русских); в) о форме восстановления кредита в России»*[27].

В ноябре же 1917 года на основе разработок именитых юристов составлен был проект договора о **Союзе акционерных коммерческих банков** в целях «производства платежей при недостатке денежных знаков особыми расчетными билетами».

Однако предложенный проект межбанковского договора вызвал множество возражений из-за «опасности неумеренного выпуска билетов», как это случилось с эмиссией Государственного банка. Проект неоднократно обсуждался на заседаниях с 19 по 27 ноября (со 2 по 10 декабря по новому стилю), в результате чего, после внесения некоторых изменений, Совещание избрало **Организационную комиссию** для приведения в исполнение пунктов проекта об организации Союза и изготовления чеков.

[23] Каминка Август Исаакович (1865–1941), — российский юрист, общественный и политический деятель, публицист, издатель. Автор фундаментального труда «Очерки торгового права» (1910). Сферу научных интересов А.И. Каминки составляли римское право, теория торгового права, вексельное право. Являлся одним из организаторов и лидеров партии кадетов, членом ЦК партии. В 1918 году эмигрировал в Финляндию, с 1920 года жил в Берлине.

[24] Ельяшевич Василий Борисович (1875–1956), — российский и советский юрист, теоретик гражданского права, историк. Совмещал научную и педагогическую деятельность с работой в государственных органах: в 1915 году назначен помощником юрисконсульта при Министерстве финансов, в 1916 году — чиновником особых поручений при Министре торговли и промышленности, в 1917 году — членом Совета этого же Министра. Основные научные труды — по теории юридического лица, праву собственности, договорному праву.

[25] Розенберг Владимир Валентинович (1878–?), — статский советник, профессор Санкт-Петербургского университета, автор классических работ в области регулирования использования фирменных наименований в гражданском праве, а также о «банковском промысле», чековом обращении и др.

[26] Лазаревский Николай Иванович (1868–1921), — российский юрист, деятель партии кадетов, принимавший активное участие в работе Юридического совещания — специального органа, образованного Временным правительством для подготовки проектов наиболее важных законодательных актов, в том числе проект Конституции Российской республики к предстоящему Всероссийскому Учредительному Собранию.

[27] *Мельгунов С.П.* Красный террор в России (1918–1923), Чекистский Олимп / С.П. Мельгунов [предисл. Ю.Н. Емельянова]. 2-е изд., доп. — М.: Айрис-пресс, 2008.

Окончательный проект договора *«о выдаче чеков, обеспеченных ценностями за солидарной ответственностью банков»*, состоял из 25 статей, в которых, среди прочего, указывалось:

«Декабря ...дня 1917 года, нижеподписавшиеся банки заключили нижеследующее соглашение, причем участники соглашения именуются в дальнейших пунктах сего договора членами **Союза акционерных коммерческих банков.**

1) Целью настоящего соглашения является, в виду недостатка денежных знаков для производства банковых платежей государственными кредитными билетами, организация расплат по взаимным расчетам между банками, а равно по расчетам банков с их клиентами, посредством выдачи, за солидарною ответственностью всех участников соглашения[28], чеков[29], обеспеченных ценностями, депонированными банками.

<…>

8) Члены Союза — банки — уплачивают Союзу с суммы полученных от Союза чеков проценты в размере, определенном общим собранием участников соглашения, но не выше 4½ годовых[30]. Вырученные этим путем суммы обращаются на покрытие расходов по изготовлению чеков ...

9) Общая сумма выданных Союзом на банки чеков не должна превышать 500 мил. рублей.

<…>

13) Каждый банк — член Союза — обязуется полученные им от Союза чеки предлагать и выдавать, снабжая их своим акцептом, вместо наличных денег при производстве платежей…

14) Члены Союза обязуются, в силу настоящего договора, принимать таковые чеки, акцептованные кем-либо из участников соглашения, при произвоводстве ему платежей и взносов, как банками, так и всяким иным, физическим или юридическим лицом.

15) Начиная со 2 января 1919 года[31] банк-акцептант обязуется немедленно по предъявлении, а всякий другой член Союза — не позднее двух недель по предъявлении уплатить предъявителю чека указанную в нем сумму денег.

16) Выпускаемые Союзом однотипные чеки имеют нижеследующее содержание:

«Союз акционерных коммерческих банков.

Чек на ... рублей. № ...

Предъявителю настоящего чека имеет быть уплачено ... банком ... рублей государственными кредитными билетами, начиная со 2 января 1919 года. Настоящий чек, снабженный акцептом вышеуказанного банка, подлежит обязательному приему банками, участниками соглашения, поименованными на обороте, при производстве им платежей и взносов по всем операциям.

Чек выпущен под обеспечение ценностями, депонированными Союзу членами Союза и за солидарною ответственностью всех участников соглашения. Начиная со 2 января 1919 года банк — акцептант чека обязуется немедленно по предъявлении, а всякий другой член Союза — не позднее двух недель по предъявлении уплатить предъявителю настоящего чека вышеуказанную сумму ... рублей. Гербовый сбор уплачен.

Петроград ... декабря 1917 года. Комитет Союза (печатные подписи)».

На лицевой стороне акцепт банка — члена Союза (подпись от руки), а на обороте — список всех членов Союза с указанием общей суммы их собственных капиталов.

17) В течение января месяца 1919 года каждый член Союза обязан рассчитаться с Союзом по всем акцептованным им чекам и внести в Союз кредитными билетами или чеками Союза, на него же выданными, сумму полученных им от Союза чеков.

<…>

18) Принятые от членов Союза и служащие обеспечением чеков ценности выдаются каждому участнику соглашения обратно по мере возвращения им Союзу полученной суммы чеков кредитными билетами или чеками же Союза, на него выданными.

<…>

21) Ранее оплаты Союзу (ст. 17) всех акцептованных банками чеков Союза никто из членов не может выйти из Союза.

22) ...Член Союза, не принявший, вопреки договору, в платеж акцептованного кем-либо из членов Союза чека, уплачивает Союзу пеню в размере десятикратной суммы не принятого им чека, но не свыше 20.000 р. за каждый случай отказа.

<…>

24) Настоящий договор заключается на срок до 2 января 1919 года.

25) … Подлинный договор хранится при делах Союза, а нотариальная с него копия выдается каждому из участников соглашения»[32].

Вскоре суть нового договора освещалась в общих чертах на страницах петроградских газет:

«Совещание представителей акционерных коммерческих банков решило объединиться в союз с целью урегулирования денежного обращения. Для взаимного расчета между банками и для расчета банков с клиентами союз выпускает особые расчетные билеты (именно так, как мы помним, предполагалось назвать новые платежные средства в первоначальных проектах межбанковского договора. — О.П.), *обеспеченные ценностями, принадлежащими банкам. Каждый*

[28] Некоторые московские банки (Московский Купеческий, Московский, Московский Народный, Московский Торговый и Московский Учетный) высказались против полной солидарной ответственности всех участников (письмо в Комитет от 11 декабря 1917 г. и устное сообщение Совещанию банков в Петрограде 4 дек. 1917 г. Члена Совета Московского банка С.А. Шереметьевского). Другие три московских банка (Московский Промышленный, Московский Частный и Соединенный) согласились с принципом солидарной ответственности. В связи с этим возникал даже вопрос об ограничении рамок соглашения и создании только Петроградского союза акционерных коммерческих банков.

[29] В первоначальном проекте вместо названия ***«чеки»*** было ***«особые расчетные билеты»***.

[30] Первоначально предполагалось 3%, затем 2%.

[31] В первоначальном проекте предполагалось: *«через 11 месяцев со дня выпуска расчетных билетов банки обязуются внести в Союз полученную ими от Союза сумму билетов государственными кредитными билетами или же расчетными билетами, акцептованными одним из членов Союза. По истечении года со дня выпуска расчетных билетов Союз обязан оплачивать гос. кред. билетами предъявляемые ему расчетные билеты, члены же Союза принимают до 30 июня 1919 года включительно расчетные билеты Союза на инкассо франко-комиссия».*

[32] *Зак А.Н.* Денежное обращение и эмиссионная операция в России 1917–1918 гг. — Пг.: Свобода, 1918. С. 48–55.

банк — член союза — выдает полученные от союза расчетные билеты, снабжая их своим акцептом, и обязуется принимать билеты, акцептованные другими членами союза»[33].

Петроградское отделение Московского коммерческого банка. Невский проспект, 26 [34]

По первоначальному предложению представителей московских банков срок действия договора следовало установить до полного погашения чеков и ликвидации всех установленных им для договаривающихся сторон отношений. Однако в окончательной редакции фигурировал конкретный предельный срок — ***«2 января 1919 года»***.

Несколько дней спустя, в начале декабря 1917 года, газеты сообщали подробности о планах банковского консорциума:

«В целях частичного облегчения денежного обращения, в виду отсутствия денежных знаков, среди частных кредитных учреждений возник вопрос об образовании союза российских банков, при помощи которого можно будет выпускать, под обеспечение депонированных банками ценностей, особые чеки на предъявителя в круглых суммах...

Петроградское отделение Соединенного коммерческого банка. Невский проспект, 23

Ныне эта идея вступила в стадию осуществления; 27 петроградскими банками образован консорциум для выпуска особых чеков на круглые суммы, обеспеченных солидарной ответственностью всех банков-участников и особым депозитом из процентных бумаг. Чеки эти будут разверстаны между банками пропорционально величине их вкладов. Для выработки их объявлен конкурс, и через несколько недель банками будут выпущены эти новые денежные суррогаты, которые будут ими приниматься в уплату наравне с государственными деньгами»[35].

[33] Выпуск банками разменных денег. // Дело Народа, 30 ноября (13 дек.) 1917 г. № 220. С. 4.

[34] К концу XIX в. Невский проспект Санкт-Петербурга становится центром деловой жизни столицы: здесь 40 банков, 24 банкирские конторы, 10 страховых обществ, торговые дома многих фирм.

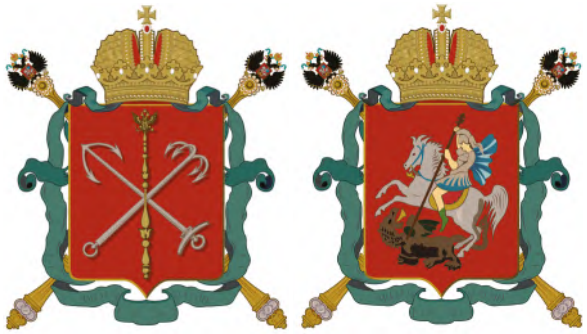
[35] Торгово-промышленная газета, 11 (24) декабря 1917 г. № 236.

Консорциум коммерческих банков Петрограда и Москвы — **«Союз российских акционерных коммерческих банков»**		
1.	Петроградские банки	Азовско-Донской коммерческий банк (ул. Морская, 3-5)
2.		Волжско-Камский коммерческий банк (Невский пр., 38/2)
3.		Восточный коммерческий банк
4.		Золотопромышленный банк
5.		Петроградский банк (быв. «Маврикий Нелькен», Невский пр., 22)
6.		Международный коммерческий банк (Невский пр., 58)
7.		Нидерландский для Русской Торговли банк (Невский пр., 20)
8.		Петроградский банк
9.		Петроградский Торговый банк (Невский пр., 7-9)
10.		Петроградский Учетный и Ссудный банк (Невский пр., 30)
11.		Петроградский Частный коммерческий банк (Невский пр., 1)
12.		Русско-Азиатский банк (Невский пр., 62)
13.		Русско-Английский банк (Невский пр., 28)
14.		Русско-Голландский банк (Невский пр., 21)
15.		Русский Коммерческий банк
16.		Русский для внешней торговли банк (ул. Морская, 32)
17.		Русский Торгово-Промышленный банк (ул. Морская, 15)
18.		Русско-Французский коммерческий банк (Невский пр., 42)
19.		Сибирский Торговый банк (Невский пр., 44)
20.		Союзный банк («Союз провинц. коммерч. банков», Невский пр., 65)
21.		Русский Торговый и Транспортный банк
22.		Петроградско-Рижский коммерческий банк (Невский пр., 47)
23.	Московские банки	Московский коммерческий банк (Пгр. отд. Невский пр., 26)
24.		Московский купеческий банк (Пгр. контора Невский пр., 46)
25.		Московский Народный банк (ул. Мясницкая, 15)
26.		Московский Промышленный банк (ул. Кузнецкий мост, 10; Пгр. отд. Невский пр., 12; Каменноостровский пр., 35)
27.		Московский Торговый банк
28.		Московский Учетный банк (Старый Гостиный Двор)
29.		Московский Частный коммерческий банк
30.		Соединенный банк (ул. Кузнецкий мост; Пгр.отд. Невский пр., 23)

По сути, это была попытка организовать монополистическое кредитное объединение с эмиссионным правом под видом выпуска в обращение банковских чеков. Один из организаторов этой операции — Александр Наумович Зак писал: *«Известные примеры в пользу частного центрального банка, вследствие его большой силы сопротивления против притязаний государственного казначейства, иммунитета при вторжении в страну врага и отсутствия чисто пар-*

тийных политических влияний парламента, высших органов управления и т.п. — общеизвестны и не требуют особого рассмотрения. Однако полезно подчеркнуть, что Французский банк не мог бы оказать такой громадной помощи Франции во время катастрофы 1870–1871 гг., если бы был чисто государственным банком, ибо вместе с политическим авторитетом наполеоновского правительства оказались бы разгромленными и его финансовое значение, и его кредит»[36].

Объединение столичных банкиров добивалось фактически создания частного центрального эмиссионного банка — советский экономист Б. Ривкин указывал позднее, что частные банки, стремившиеся встать на путь самостоятельной эмиссии дензнаков, пытались таким образом освободиться от влияния и контроля Госбанка:



Гербы городов С.-Петербурга и Москвы в соответствии с утвержденными в 1857 г. правилами украшения городских гербов (ПСЗРИ. Т. XXXIII, № 32037)

«Характерна поспешность, с которой банковские дельцы стремились осуществить этот план. Банковские заправилы, еще не развернув своей „деятельности“, ограничили круг участников дележа добычи от намечавшейся эмиссионной операции. В члены „Союза российских банков“ по „техническим“ соображениям могли войти только петроградские и московские банки; остальным предоставлялась возможность пользоваться кредитом у столичных банков. ...Так буржуазия пыталась использовать опыт подавления Парижской коммуны для борьбы против овладения диктатурой пролетариата банковой системой...»[37]

Старинный термин «консорциум» (от лат. *consortium* — «соучастие, сообщество») обозначал некую форму временного объединения независимых организаций с целью координации их деятельности для участия в крупном капиталоемком проекте. В данном случае таким проектом был выпуск новых денег, которые должны были обращаться параллельно с государственными.

Как мы помним, предполагавшиеся первоначально к выпуску **«особые расчетные билеты»** решено было заменить в межбанковском договоре на **«особые чеки на круглые суммы».**

Несмотря на то что в Европе чеки были распространены еще в XIII–XIV веках, в России они появились лишь во второй половине XIX столетия. И если место зарождения европейского чека до сих пор точно не установлено, то о российском чеке известно доподлинно, что он появился в 1860 году по инициативе Государственного банка.

[36] *Зак А.Н.* Денежное обращение и эмиссионная операция в России 1917–1918 гг. — Пг.: Свобода, 1918. С. 62.

[37] *Ривкин Б.* Финансовая политика в период Октябрьской революции. — М.: Госфиниздат, 1957. С. 88.

Следует отметить, что тогдашнее нововведение не привело ни к дополнению действовавшего законодательства нормами о чеках, ни к повсеместному применению их на практике. Г.Ф. Шершеневич[38] писал по этому поводу: *«на русской почве, столь неблагоприятной вообще для торговли, трудно было бы ожидать значительного распространения чеков. Действительно, только в больших городах, торговых и преимущественно портовых, как С.-Петербург и Одесса, встречаем мы сколько-нибудь значительное употребление чеков в качестве средства платежа... Невозможно требовать от русского законодательства, чтобы оно уделило свое внимание такому институту, который не вошел еще в правосознание народа»*[39].

Единственная норма, появившаяся в Российской империи о чеках, — это статья 67 Устава о гербовом сборе[40], которая упоминала чеки (кассовые ордера). В основном же употребление их регулировалось банковскими правилами о текущем счете, торговыми обычаями, а также немногими решениями Сената, постановленными по поводу процессов об ответственности по подложным чекам.

Петроградский коммерческий Учетный и Ссудный банк. Невский проспект, 30

Дореволюционное чековое обращение развивалось в отсутствие нормативной регламентации, но существенно от этого не страдало — к концу XIX века *«чек получил весьма широкое распространение, не будучи нормирован законодательством. В сущности, чековые отношения мало страдают от этого ввиду живучести чека... дела по чекам сравнительно редко доходят до судов»*[41]. Тем не менее, в своем обзоре Комитет представителей акционерных коммерческих банков вынужден был констатировать: *«Ясно, что чек не является в России платежным средством, ибо трудно представить себе коммерческого человека, не имеющего нужды в платеже чаще, чем один раз в месяц; очевидно, обычные платежи производятся у нас исключительно наличными, а чек пишется лишь в том случае, когда наличных в кассе или в кармане не хватило или когда снимается со счета крупная сумма ...Таким образом, чек в России — не есть орудие широкого торгового оборота; напротив, чек у нас явление скорее аристократического порядка — случайный и редкий гость довольно высокого ранга, от поры до времени удостаивающий занять место в толпе демократических кредиток»*[42].

[38] Шершеневич Габриэль Феликсович (1863–1912), — ученый-юрист, профессор Казанского и Московского университетов, депутат I-й Государственной Думы.

[39] *Шершеневич Г.Ф.* О чеках. — Казань, 1888. С. 1–2.

[40] Свод законов Российской Империи. Т. V. Устав о пошлинах. — СПб., 1912.

[41] *Бернштейн Б.* К вопросу о чеках. // Журнал юридического общества, 1895. Кн. 1. С. 76.

[42] Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов, 1 июля 1916 г. — 1 января 1918 г. / Комитет съездов представителей акционерных коммерческих банков. — Пг.: Свобода, 1918. С. 126–127.

Многие тогдашние юристы в своих работах уделяли место для перечисления отличий чека и переводного векселя и отмечали, что сходство их лишь внешнее, и *«что даже при самом быстром взгляде на природу и сущность этих платежных документов обнаруживается между ними глубокая разница»*[43]. В юридической литературе обсуждались актуальные вопросы чекового права, в частности о природе и основаниях чекового обязательства, характере и субъектах ответственности по чеку, классификации чеков и другое.

Среди правоведов, изучавших чековое обращение и работавших над юридическим его обоснованием, был и Владимир Валентинович Розенберг[44] — профессор Петроградского университета, специалист по гражданскому, финансовому, торговому, авторскому праву, бирже и биржевым операциям. В декабре 1917 года В. Розенберг как управляющий делами Совета съездов представителей акционерных коммерческих банков, избранный в Организационную комиссию, принимал самое деятельное участие в подготовке будущей эмиссии банковского Союза.

Вопросы предстоящего выпуска подробно обсуждались на заседаниях Комитета съездов 17(30), 19 ноября (2 декабря), 22 (5 декабря), 25–26 (8–9 декабря), 27 (10 декабря), 29 ноября (12 декабря), 4(17), 9(22), 11(24), 12(25) декабря 1917 года[45].

Техническая комиссия по выпуску чеков

К 25 ноября (8 декабря) 1917 года все средства коммерческих банков были исчерпаны. В этот день, являвшийся днем выплаты заработной платы, коммерческие банки подали в Государственный банк платежные требования на получение подкреплений и закрылись до среды 29 ноября (12 декабря).

А уже на следующий день, 30 ноября (13 декабря) 1917 года, состоялось первое заседание учрежденной Союзом банков Организационной комиссии[46] для решения технических вопросов выпуска бон, проходившее под председательством Владимира Францевича Соллогуба[47].

Прежде всего, были намечены вопросы о найме помещения для Союза, выработке форм книг и формуляров, об оформлении заказа чеков и т.д. По первому вопросу, отклонив пару предложений, решено было использовать для хранения денег и чеков кладовую или арендовать в банке несколько сейфов. Заседания же Комитета союза проводить в помещении Совета съездов — в доме № 15 по набережной р. Фонтанки.

В период с 2(15) по 10(23) декабря проект эмиссии был окончательно утвержден, и Организационная комиссия разрешила почти все технические вопросы. Больше всего времени отняли вопросы, связанные с выпуском чеков (их форма, система учета и прочее).

По вопросу об оформлении заказа на изготовление чеков были рассмотрены предложения типографий, готовых взяться за печатание бланков по цене в 9 копеек за штуку. Решено было передать им этот заказ, прося доставить подробную спецификацию предложенной цены.

Типография Товарищества на паях Р. Голике и А. Вильборг

Среди столичных печатных заведений, кроме прекрасной полиграфической базы в лице Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, качеством своей работы выделялся целый ряд частных типографий: А.Ф. Маркса; Р. Голике и А. Вильборга; Э.И. Маркуса; И. Кадушина; О. Кирхнера, Картографическое заведение А.А. Ильина и т.д., и т.п.[48]

В результате обсуждений заказ на изготовление новых денежных знаков был передан *«Товариществу Р. Голике и А. Вильборг. Типография, литография, цинкография, фототипия, гелиография, переплетная»*, размещавшемуся в Петрограде по адресу ул. Звенигородская, д. 11[49].

Акционерное художественно-книгоиздательское товарищество было основано в Петербурге в феврале 1903 года в результате объединения двух ведущих частных фирм книгоиздательской отрасли: типолитографии статского и коммерции советника Романа Романовича Голике и фототипии и фотоцинкографии потомственного почетного гражданина Артура Ивановича Вильборга.

[43] Российское чековое право восприняло германский подход к чекам и ценным бумагам в целом. Англо-саксонский подход, в соответствии с которым чек рассматривался как разновидность переводного векселя, в России не нашел своих сторонников.

[44] См.: *Розенберг В.В.* О грядущем чековом законе. – Петроград, 1917.

[45] Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов, 1 июля 1916 г. — 1 января 1918 г. / Комитет съездов представителей акционерных коммерческих банков. — Пг.: Свобода, 1918. С. 348.

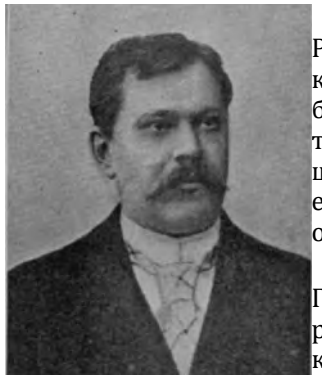
[46] В состав Комиссии вошли: 1) **В.Ф. Соллогуб**; 2) **Владимир Семенович Субботник** (?–1921) — промышленник, банкир, потомственный почетный гражданин. Вице-директор и член Правления Сибирского Торгового банка, директор Волжского общества маслобойных и химических заводов «Салолин» и Западно-Донецкого каменноугольного общества. После эмиграции жил в Париже; 3) **Евгений Сергеевич Каратыгин** (1872–1930) — русский писатель, один из авторов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Работал в редакциях периодических изданий Министерства финансов; 4) **С.Б. Габриэль** — коммерции советник, вице-директор коммерческого Международного банка. Директор Кольчугинской, Подольской и Черноморской железных дорог; член Правления Общества Кузнецких каменноугольных копей; 5) **В.В. Розенберг —** управляющий делами Комиссии.

[47] Соллогуб Владимир Францевич (1871–1945) — член Правления Волжско-Камского коммерческого банка (См.: Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. 24-й — год издания. Пг.: Изд-во Товарищества А.С. Суворина «Новое время», 1917. С. 1254). В.Ф. Соллогуб похоронен с женой на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

[48] По данным статистического отделения городской управы Петрограда, в графе «Полиграфическое производство и художественная промышленность» значилось в общей сложности 645 владельцев предприятий, 1318 человек административного персонала и 18.269 рабочих мужского и женского пола (см. Статистический справочник по Петрограду. — Пг., 1919. С. 18).

[49] См.: Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. 24-й год издания. Пг.: Изд-во Товарищества А.С. Суворина «Новое время», 1917. С. 1290.

Статский и коммерции советник Роман Романович Голике (1848–1919)



Потомственный почетный гражданин Артур Иванович Вильборг (1856-?)

Зачинатель дела — Роман Богданович Голике — прошел путь от наборщика до владельца типографии (1852 г.). Расширив производство (купив еще 3 типографии), Голике основал издательскую фирму.

Его сын, Роман Романович Голике, быстро включился в работу отца, а в 1884 году открыл первую школу печатного дела при Русском техническом обществе.

Не без помощи Р.Р. Голике — «владельца лучшей частной типографии в России»[50] — было создано Русское общество деятелей печатного дела и был проведен Первый Всероссийский съезд деятелей печатного дела.

Роман Романович Голике принимал самое активное участие в первой Международной выставке художественных афиш, прошедшей в Петербурге в 1897 году, занимался благотворительной деятельностью. В перечне услуг его типографии значилось изготовление плакатов, картин и другие мелкие художественные работы.

Хромолитография и фототипия «А.И. Вильборг» (Мещанская ул., д. 2 — угол наб. Екатерининского кан., д. 57)

Вторым совладельцем был Артур Иванович Вильборг — российский типограф и художник, основавший в 1890 году в Петербурге «Художественную фототипию» для печатания высококачественных репродукций[51]. Несмотря на маленькие масштабы, дело А.И. Вильборга сразу приобрело известность в России. Он стал почетным гражданином, купцом 2-й, а затем и 1-й гильдии.

В 1902 году произошло объединение типографии и литографии Р.Р. Голике с цинкографией и хромолитографией А. Вильборга — 18 июня император Николай II подписал Устав нового художественно-книгоиздательского Товарищества на паях[52].

[50] Располагавшейся тогда в Санкт-Петербурге по адресу: наб. Екатерининского канала, д. 166.

[51] *Штейн В.* Товарищество Р.Р. Голике и А.И. Вильборг. // Печатное искусство, 1903. № 2.

[52] Устав товарищества Р. Голике и А. Вильборг. Типография. Литография. Фототипия. Цинкография. [утв. 28/VI 1902 г.]. — СПб.: Печатня Р. Голике, 1902.

Благодаря объединению типографских мощностей и разных технологий (высокой печати, литографии, фототипии и фотоцинкографии) возможности предприятия приумножились. Вновь созданное товарищество было изначально задумано как предприятие достаточно широкого профиля.

Рождение нового предприятия отмечено было тремя основными датами.

28 июня 1902 года император лично утвердил Устав предприятия. 15 декабря 1902 года впервые собрались пайщики, выбрали правление и председателя. С этой даты началась деятельность новой компании. 14 февраля 1903 года в типографии собрали всех рабочих (353 человека), пригласили около 60 почетных гостей, которым показали мастерские. Это был день официального открытия фирмы.

Едва не с первых дней своего существования типография Голике и Вильборга была признана лучшей в Петербурге и России. Использовались зарубежные машины и материалы, немецкие краски, немецкая и финская бумага. Позже началось движение в поддержку отечественного производителя расходных материалов, и это означало, что шрифт, бумага и клише должны быть русскими.

Основным направлением деятельности в Уставе значилась подготовка и выпуск изящных художественных изданий. Фирме удалось привлечь к работе художников объединения «Мир искусства»[53]: В подготовке книг участвовали такие художники, как А.Н. Бенуа, И.Я. Билибин, И.Э. Грабарь, Е.Е. Лансере, Г.И. Нарбут, Л.О. Пастернак и другие. Основными заказчиками издательства были Община Св. Евгении[54], Комитет популяризации художественных изданий, Кружок любителей русских изящных изданий. Выходили подарочные фолианты, книги к знаменательным датам (100-летие начала Отечественной войны 1812 года, 200-летие Санкт-Петербурга, 300-летие Дома Романовых и др.).

Один из организаторов и вдохновителей «Мира искусства», идеолог и глава этой группы Александр Николаевич Бенуа[55], занимавшийся книгоиздательской деятельностью, писал: *«душой и мозгом сложного целого стал не вечно суетливый хлопотун и путаник Роман Романович Голике и не апатичный вялый Артур (Иванович) Вильборг, а главный техник в деле последнего Бруно (или Александр) Георгиевич Скамони — один из самых толковых и дельных людей, когда-либо*

[53] «Мир искусства» (1890–1924) — художественное объединение, сформировавшееся в России в конце 1890-х годов. Под тем же названием выходил журнал, издававшийся с 1898 г. членами группы.

[54] Организованный в 1882 г. деятелями искусства Санкт-Петербургский Попечительный комитет о сестрах Красного Креста получил название «Община св. Евгении», небесной покровительницы принцессы Е.М. Ольденбургской (внучки имп. Николая I), ставшей попечительницей благотворительной организации. В поисках средств в 1896 г. «Община св. Евгении» приступила к издательской деятельности. В 1920 г. издательство было переименовано в Комитет Популяризации Художественных Изданий (КПХИ).

[55] Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) — одна из центральных фигур в русской художественной культуре начала XX века: известный живописец, график, театральный художник, издатель, литератор, критик, идеолог общества «Мир искусства». В марте 1917 г. А.Н. Бенуа стал одним из помощников М. Горького, возглавившего созданную им Комиссию по делам искусств при Наркомпросе.

встречавшихся на этом поприще»[56]. Потомственный полиграфист Бруно Скамони[57] был техническим директором-распорядителем типолитографии.

Товарищество Р. Голике и А. Вильборгъ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Полиграфическая продукция «Товарищества Р. Голике и А. Вильборг» неоднократно удостаивалась высших наград на отечественных и зарубежных выставках. Успехи предприятия «Поставщиков Двора Его Императорского Величества»[58] получили международное признание: в 1909 году типолитография награждена была золотой медалью в Дрездене, а в 1911 году — получила Гран-при в Турине. Товарищество «Р. Голике и А. Вильборг» процветало вплоть до 1917 года; его называли «купелью Санкт-петербургской школы книжной графики».

В 1917 году типография пережила блокаду города, мобилизацию рабочих в армию, а позднее — в провинциальные типографии (туда же была отправлена и часть полиграфической техники).

В конце года Александр Николаевич Бенуа отмечал в своем дневнике:

[56] *Бенуа А.* Мои воспоминания (в пяти книгах). Кн. 4–5. — М.: Наука, 1980. С. 319–320.

[57] Скамони Бруно Георгиевич — сын Георгия Николаевича Скамони (1835–1907), известного художника-фотографа, руководившего художественно-графическим делом в ЭЗГБ.

[58] Звание придворного «Поставщика», регламентация и форма знака были введены в начале царствования Александра II в 1856 г. С 1862 г. разрешалось употребление государственного герба на вывесках и изделиях фабрикантам, художникам и ремесленникам, которые выполняли заказы Двора в течение 8–10 лет. Звание «Поставщика Высочайшего двора» давалось лицу, доказавшему добросовестность, трудолюбие и способность; считалось самым почетным и уважаемым у деятелей промышленности и торговли.

«Четверг, 23 ноября/6 декабря

...Утром у меня Б.Г. Скамони и с ним в первый раз председатель их правления (б. Голике-Вильборг) Наум Борисович Глазберг[59] *— важный, меланхоличный, самодовольный, толстый, огромный еврей с эспаньолкой. Предложили мне написать текст к монографии Сомова, продолжить переработку „Русской школы живописи“, а кончил Глазберг просто „предоставлением всего их предприятия под какие угодно мои затеи“. Я был искренне тронут и обещал подумать. К сожалению, в душе я мало верю, что все такие чудесные проекты, при наступивших условиях, осуществимы. Один кризис в денежном обороте помешает этому. Как раз за последние дни замечается катастрофическая убыль кредитных билетов — что, очевидно, находится в связи с закрытием Государственного банка и отчасти с обструкцией других банков. В Москве большевики уже издали запрещение выдавать с текущего счета более 500 руб. в неделю. Здесь же сами банки постановили не выдавать более 1000 руб. зараз...»*[60]

Утверждение рисунка будущих чеков

Определившись с выбором предприятия, где предполагалось печатать новые чеки «Союза акционерных коммерческих банков», на очередных заседаниях 5(18) и 7(20) декабря Организационная комиссия занялась, при участии прибывших представителей типографий, рассмотрением образцов рисунка и фона чеков.

Как сообщала в декабре «Торгово-промышленная газета», осуществляя подготовительные мероприятия по выпуску ***«особых чеков на круглые суммы»***, банковский консорциум объявил специальный конкурс[61]. Нам не известны его подробности, но, так или иначе, проект оформления новых денежных знаков был доверен известнейшему русскому художнику и виртуозу декоративного дизайна, проживавшему в то время в доме под №43 на 12-й линии Васильевского острова[62].

Сергей Васильевич Чехонин — с портрета работы П.И. Нерадовского, 1922 г.

Яркий представитель русского модерна, Сергей Васильевич Чехонин (1878–1936), вместе с Нарбутом и Митрохиным принадлежал ко второму поколению «Мира искусства» (так называли художников, вошедших в объединение в 1910-х годах). Как известно, «Мир искусства» стал выразителем духовных и эстетических потребностей общества на рубеже XIX–XX веков, дал импульс развитию творческих тенденций, которые подготовили почву для возникновения новых течений в искусстве.

[59] Глазберг Наум Борисович (1874–1963) — адвокат, председатель правления целого ряда крупнейших акционерных обществ России начала XX в.

[60] *Бенуа А.Н.* Мой Дневник: 1916–1917–1918 / Вступит. статья Дж.Э. Боулта и Н.Д. Лобанова-Ростовского. — М.: Русский путь, 2003.

[61] Торгово-промышленная газета, 11(24) декабря 1917 г. № 236.

[62] Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. 24-й год издания. — Пг.: Изд. Т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1917. Отд. III. Алфавитный указатель жителей г. Петрограда. С. 746.

Двадцать пять лет интенсивного труда на родине и восемь лет за рубежом — в эти границы укладывается вся творческая биография художника.

Сын паровозного машиниста (обучавшийся в Петербургской рисовальной школе Общества поощрения художеств, а затем в школе М.К. Тенишевой у И.Е. Репина), свою известность он получил, прежде всего, как уникальный, возможно, лучший в России того времени мастер орнамента. Им был разработан в технике рисунка свой неповторимо-элегантный «чехонинский» стиль, поэтически воспроизводящий — в духе модернистского историзма — характерные мотивы русского ампира.

В 1910-е годы Чехонин выдвинулся в первый ряд виднейших русских графиков, потеснив на этом поприще даже Евгения Лансере — наверное, самого чуткого и пластичного исполнителя заголовков для журналов и книг начала XX века. Ранняя чехонинская графика представляла собой своеобразную, подчас причудливую смесь модернистских приемов, привнесенных главным образом из Европы, и отечественных исторических мотивов, разрабатывавшихся деятелями «Мира искусства».

Это был модный мастер со своим узнаваемым и элегантным стилем[63]. На исходе революционного 1917 года Сергеем Чехониным был подготовлен эскизный проект нового денежного знака, представленный заказчикам уже к 5(18) декабря.

Рисунок на бонах

Прежде всего, в проекте нового дензнака бросалась в глаза не самая обычная форма его, отличавшаяся от привычных крупных купюр «романовской» серии и более всего напоминавшая пропорции выпущенной в революционном 1917 году «думской» тысячерублевки[64].

Если, не поленившись, измерить линейные размеры этого знака (около 213 мм длиной и шириной в 133 мм), то соотношение сторон даст число, очень близкое к значению пресловутого «золотого сечения»…

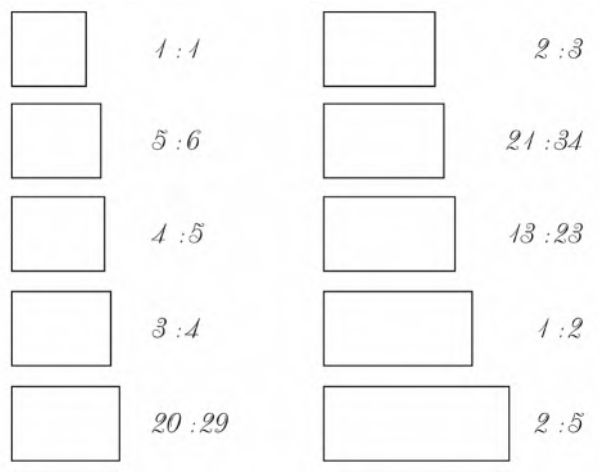
[63] По всей видимости, это был не первый опыт С. Чехонина в работе над оформлением денежных знаков. В переписке Я.Л. Шрайбера (1905–1982) с коллекционерами (И.Г. Пиппар, Горький, 1964) описывался проект гос. кредитных билетов, разработанный в 1913 г.: *«… г) Не выпущенные царские пятирублевые кредитные билеты. Рисунки выполнены на ватмане синим карандашом, размером 150×59 мм и 140×85 мм. На одном из рисунков изображена лицевая сторона билета (с орлом). На двух других — разные варианты стороны с надписью „государственный кредитный билет пять рублей“. Ни на одном из рисунков не обозначена дата, но на полях одного из них черным карандашом написано — „1913“. На обороте этого рисунка имеется карандашная надпись. Хотя она хорошо сохранилась, но почерк плохо разбирается. Прочел лишь следующее: „Не принято, как проект. Надписи установлены не в установленной последовательности. Современный орел должен быть (неразборчиво)…“* Проекты эти (предположительно, оригиналы работы С. Чехонина) хранились в собрании Я.Л. Шрайбера.

[64] На основании постановления Временного правительства от 26 апреля 1917 г. товарищ Министра финансов С.А. Шателен 3 мая утвердил образец нового государственного кредитного билета достоинством в 1000 руб.

Пропорции эти, широко применявшиеся в архитектуре для придания гармонии, в эпоху Возрождения один из друзей Леонардо да Винчи назвал в своем трактате «божественными».

Многочисленные книги рассматривали «золотое сечение» в качестве «самой совершенной» пропорции, причем совершенство это трактовалось по преимуществу психологически: прямоугольник с «золотым» отношением сторон считался самым приятным для зрительного восприятия. Начиная с Леонардо многие художники сознательно использовали пропорции «золотого сечения»: нередко выбирали исходя из этих соотношений размеры холста, строили композицию.

В XIX столетии широкую известность получили так называемые «психологические опыты Фехнера»[65], одного из авторов «основного психофизического закона». «Опыты Фехнера» были направлены на выявление у взрослых людей чувства прекрасного, гармонии.



Всем участникам (228 мужчин и 119 женщин) предлагалось оценить эстетические качества десяти белых прямоугольников с отношением сторон от 1:1 (квадрат) до 2:5. Одним из предложенных был «золотой» прямоугольник с отношением сторон 21:34 (что весьма близко к пресловутому значению 1,6180339887). Испытуемым предлагалось посредством сравнения упорядочить прямоугольники по степени привлекательности для восприятия, отобрав наиболее удовлетворяющие «эстетическому критерию».

Результаты тогдашних опытов оказались чрезвычайно благоприятными для «золотого» прямоугольника[66].

Именно эти пропорции, полюбившиеся главному художнику Петроградской Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг Рихарду Зариньшу[67], исполь-

[65] Фехнер Густав Теодор (Gustav Theodor Fechner; 1801–1887) — немецкий физик, психолог, философ-идеалист. Один из основоположников экспериментальной психологии, психофизиологии и психофизики.

[66] Справедливости ради стоит отметить, что в XX в. многие чудесные свойства «золотого сечения» были подвергнуты серьезным сомнениям.

[67] Зариньш Рихард Германович (Rihards Zariņš; 1869–1939) — российский и латвийский художник, с 1899 по 1919 г. работавший в ЭЗГБ, с 1912 года заведовавший художественным отделом Экспедиции. Автор проектов оформления многих российских кредитных билетов.

зованы были для новых российских 1000-рублевых кредитных билетов (идея оформления которых зародилась еще в 1915 году для совсем иного заказа)[68].

«Золотой» прямоугольник для грядущего «золотого века» революционной России… Излюбленная пифагорейцами и вольными зодчими мистическая пропорция — недаром в некоторых газетах времен революции и Гражданской войны эти странные купюры именовались в биржевых сводках жаргонным именем «масонских крестиков».

В долгосрочной программе замены монархических символов предполагалась и постепенная замена денег старого образца — в первую очередь, требовалось изъять кредитные билеты крупного достоинства, портретные изображения на которых и дали название «романовской» серии. Однако целиком поглощенная работой по удовлетворению текущих потребностей, ЭЗГБ не имела достаточных технических мощностей и резервов для решения еще одной стратегической задачи по постепенной замене существовавших денежных знаков новыми, «революционными»[69].

[68] В начале июня 1917 г. газеты сообщали: *«Экспедиция заготовления государственных бумаг, по распоряжению Временного правительства, отпечатала первую серию тысячерублевых кредитных билетов, которые по опубликовании образца поступят в распоряжение публики. По распоряжению кредитной канцелярии местным конторам государственного банка разослана первая партия тысячерублевых билетов. Тысячерублевые кредитные билеты несколько больше 25-рублевых кредитных билетов и меньше 100-рублевых. Длина тысячной кредитки 213 миллим., ширина 132 миллиметра. Лицевая сторона окрашена в лиловый цвет, на ней имеется изображение здания Таврического дворца; другая сторона — зеленая, с разноцветным узором, как на трехрублевых кредитных билетах. На этой стороне имеется ряд надписей: „подделка преследуется со всей строгостью закона“ и т.д. Эмблем на новых кредитных билетах не имеется. Лицевая лиловая сторона имеет почти те же изображения, какие имеются на обязательствах „Займа Свободы“. Бумага новых кредитных билетов вся в водяных знаках, составляющих ряд художественных узоров и фигур»* (Коммерсант, 9 июня 1917 г. № 1705. С. 2).

[69] Именно тогда в Министерстве финансов возникла идея заказать изготовление некоторых русских кредитных билетов за границей. Номинальный ряд «революционных» кредиток в 250 и 1000 руб. должны были пополнить билеты в 25 и 100 руб. Об истории этого «американского заказа» автором готовится к публикации обширная монография.

К необычному заданию по оформлению денежных знаков Чехонин отнесся с той обыденной мастеровитой практичностью, с какой привык относиться ко всякому заказу — педантично, кропотливо и весьма сдержанно, несмотря на то, какие «красоты» порой выходили из-под его руки.

В оформлении проекта явно чувствуется стиль книжного оформления. В свое время в первом периоде творчества С. Чехонина проявил себя в основном как оформитель книг: в 1905–1906 годах художник активно сотрудничал в журналах — в те годы складывалась специфическая манера чехонинской обложки: строго конструктивно выстроенный лист с большим пространством белого поля, введенного в границы декоративной рамы — овальной «медальонной» или прямоугольной.

Стилистическая манера С. Чехонина ориентирована была, главным образом, на искусство классицизма[70] — художественного стиля, признававшего высшим достижением человечества античное искусство, во всем равнявшегося на греческие и римские образцы. Чехонин — последовательный неоклассик в приверженности к чеканной строгости и патетике изобразительных форм и в использовании набора классицистических атрибутов: венков, гирлянд и т.д.

Мотивы своих декоративных композиций художник изобильно черпал в европейском и русском ампире, создавая при этом своеобразный сплав индивидуальной характерности и стилевых напластований.

Проект чека Союза акционерных коммерческих банков — эскиз работы С.В. Чехонина, опубликованный в 1924 г. (См.: *Эфрос А., Пунин Н., Чехонин.* — М.-Пг.: Госиздат, 1924, С. 90).

[70] Классицизм (фр. *classicisme*, от лат. *classicus* — «образцовый») — художественный стиль европейского искусства XVII—XIX вв., одной из важнейших черт которого было обращение к античному искусству и опора на традиции высокого Возрождения. Художественным формам классицизма свойственны строгая организованность, уравновешенность, ясность и гармоничность образов. Период позднего классицизма — ампир (от фр. *empire* — «империя»), отличавшийся парадностью и пышностью, — приходится на первую треть XIX века.

В характерную рамку помещено было изображение на чеках банковского консорциума: замкнутое в прямоугольную рамку изображение венчала уложенная мягкими складками лента с вписанным в нее названием эмитента. Под нею — графическая композиция из двух аллегорических фигур, опирающихся на овальный медальон с прихотливо орнаментированными цифрами номинала.

Классицизм и академизм рассматривали аллегорию как часть «высокого» исторического жанра.

Слева в рисунке эскиза — юная девушка с обнаженной грудью, серпом в руке и венком из васильков в развевающихся волосах — «Дарительница плодов»[71], богиня земли, произрастания и созревания злаков: *«вот вам Цереры дары: по широким рассеяны нивам, пышные жатвы они принесут вам и добрую пищу»,* — писал Овидий[72]. Справа в рисунке — юноша в характерной крылатой шапке-петасе, плаще и крылатых сандалиях, небрежно держащий увитый змеями жезл — «атлантов потомок, Майей рожденный», покровитель дорог, путешественников, купцов и торговли.

При взгляде на рисунок 1917 года невольно вспоминается композиция с работы швейцарского живописца, где расположение фигур удивительным образом напоминает использованное позднее С. Чехониным. На картине Арнольда Бёклина возлежащие на облаках Церера и Вакх символизируют щедрость и изобилие: «хлеб жизни и вино экстаза».

«Церера и Вакх» (Ceres und Bacchus) — работа выдающегося представителя символизма в европейском изобразительном искусстве XIX в. швейцарского художника Арнольда Бёклина (1827–1901) написанная им в Мюнхене в 1874 г.

Но даже откровенно кому-то или чему-то подражая, Чехонин неизменно все перекраивал на свой манер.

Конечно же, Вакх с его хмельною чашей и разгулом страстей не слишком подходящий персонаж — для финансовых документов требовались иные аллегории.

Стилизованные изображения серпа и кадуцея в традиционном обозначении планет Цереры и Меркурия

В европейской традиции уже были подходящие для денежных знаков античные боги: на банковских билетах Германской империи (в медальонах на рейхсбанкнотах в 100 марок 1909 г.) и Французской республики (в рисунках водяного знака билетов в 100 франков образца 1882 г.) помещались образы Цереры и Меркурия как аллегорий земледелия и торговли — достойных занятий, преумножающих благо государства.

[71] Среди греческих эпитетов Деметры/Цереры — *Карпофора* («Дарительница плодов»); *Сито* — «Хлебодарная»; *Хлоя* («Зеленеющая»).

[72] *Публий Овидий Назон*. Сочинения. Т. 2. Метаморфозы. — СПб., 1903.

Церера (лат. – *Cerēs*)[73] — древнеримская богиня, вторая дочь Сатурна и Реи. Ее изображали, как правило, прекрасной матроной с фруктами в руках, ибо она считалась покровительницей урожая и плодородия (нередко вместе с Анноной — покровительницей жатвы).

Меркурий — сын Юпитера, покровитель дорог, путешественников, купцов и торговли изображен в шлеме и с кадуцеем. Традиционный атрибут бога торговли — колоколовидный шлем с крылышками в форме древней шапочки пастухов и путешественников с широкими полями (греч. — *pilos*), позднее становится символом быстрых коммуникаций. Другой непременный атрибут Меркурия — кадуцей. Древний знак миролюбия (от лат. *caduceator* — «парламентер, переговорщик»), увитый виноградными лозами и плющом, в руках Меркурия как непременный атрибут бога торговли получил новую форму — жезл обвит двумя змеями, поскольку торговля почиталась делом мудрым и в то же время требующим бдительной охраны. Так сложился современный внешний вид этого символического знака, ставшего в новое время, особенно после Великой Французской революции, международной эмблемой мирной торговли и международного обмена.

В эскизном проекте 1917 года изображенные Чехониным фигуры опираются на два рога изобилия, из которых обильно появляются пышные цветы и «плоды земные».

Рог изобилия — Cornu copiae (корну копиэ), — что разместил Чехонин в своей композиции, очень похож на те, что украсили обложки для юбилейного издания Красного Креста, подготовленные им незадолго до этого и изданные в 1917 году. В плетении цветочных узоров проявляется еще одна важная особенность авторской манеры: его цветы, листья, травы легко узнаются, у них свое, «чехонинское», обличье. В проекте дензнаков художник полностью отдается своим орнаментальным пристрастиям: буйству растительных декораций…

К сожалению, художник не оставил воспоминаний — писать Чехонин не любил и потому делал это редко, стараясь не отвлекаться попусту от дел.

В Русском музее[74] хранится переданный самим художником эскиз денежного знака, разработанный С.В. Чехониным для Союза акционерных коммерческих банков — на рисунке, выполненном тушью и акварелью, вверху под изображением графитным карандашом сделана надпись: ***«Церера и Меркурий»***, а внизу слева подпись — ***«Сергей Васильевич Чехонин»***.

На обороте пояснение: ***«эскиз бона Союза Акционерных и коммерческих банков. Отпечатан в типографии „Голике и Вильборг“ как денежный знак, но еще не выпущен в хождение. Сергей Чехонин»***[75].

[73] В греческой мифологии ей соответствует Деметра, дочь Кроноса и Реи.

[74] Государственный Русский музей (до 1917 г. Русский музей Императора Александра III) — крупнейший музей русского искусства, открытый 7(19) марта 1898 г. и располагавшийся в в Михайловском дворце Санкт-Петербурга. В первое десятилетие после Октябрьской революции коллекция росла стремительными темпами благодаря деятельности Государственного музейного фонда (1921–1928), распределявшего между музеями национализированные произведения искусства.

[75] Русский музей. Отдел советской графики. Инв. номер: РС-2677. 17,3х24,5; тушь, акварель.

Утверждение текстов на чеках

Представленные на заседаниях 5(18) и 7(20) декабря варианты оформления новых чеков были одобрены Организационной комиссией, и типографии было поручено приступить к печати. Вместе с тем Комиссия утвердила проект расцветки двух номиналов в 100 и 25 рублей: первый должен был иметь желто-коричневую расцветку, второй — зелено-лиловую.

После этого Комиссия в своих обсуждениях занялась вопросом размещения текстов на лицевой и оборотной сторонах чеков. Обратив внимание на некоторое противоречие в текстах сторон, собравшиеся пришли к заключению о необходимости исключить в тексте на лицевой стороне упоминание об оплате чеков государственными кредитными билетами «со 2 января 1919 года», поскольку об этом же говорилось на обороте.

Внесено было и еще несколько чисто редакционных поправок. Остановились на следующем варианте:

> ***«Чекъ на ... рублей № ...***
>
> ***Предъявителю настоящаго чека имѣетъ быть уплачено нижеподписавшимся банкомъ ... рублей государственными кредитными билетами. Настоящій чекъ, снабженный акцептомъ нижеуказаннаго банка, подлежитъ обязательному пріему банками участниками соглашенія, поименованными на оборотѣ, при производствѣ имъ платежей и взносовъ по всѣмъ операціям. Гербовый сбор уплаченъ.***
>
> ***Петроградъ ... 191.. года.***
>
> ***Комитетъ Союза*** (печатные подписи).
>
> ***Акцептъ банка-члена Союза*** (подпись от руки)».

Сбоку с обеих сторон рисунка: *«чекъ подлежитъ уплатѣ, начиная со 2-го января 1919 года».*

На оборотной стороне декларативный текст:

> ***«Чекъ выпущенъ подъ обезпеченіе цѣнностями, депонированными Союзу членами Союза и за солидарною отвѣтственностью всѣхъ участниковъ соглашенія. Начиная со 2 января 1919 года, банкъ-акцептантъ чека — обязуется немедленно по предъявленіи, а всякій другой членъ Союза — не позднѣе двухъ недѣль по предъявленіи, уплатить предъявителю настоящаго чека вышеуказанную сумму ... рублей».***

Далее — список всех членов Союза с указанием общей суммы их собственных капиталов.

«Деньги со Звенигородской» — Церера и Меркурий

Прошло два месяца после Октябрьского переворота, но положение в городе не становилось более спокойным. Заполненный солдатами-дезертирами, бывшими офицерами, беженцами, недавно вернувшимися эмигрантами, — он оказался идеальным рассадником для разного рода бесчинств.

У типографии «Голике и Вильборг» на углу ул. Звенигородской и Обводного переулка в декабре неспокойно: в четверг 7(20) декабря (когда представленный банкирам проект оформления чеков утвержден был в печать), в своем дневнике Александр Николаевич Бенуа писал: *«...На Звенигородской уже нет того „праздника“, который, по словам Скамони, там бушевал все эти дни (по случаю разгрома погребов Петровой)»*[76]. Но работа, тем не менее, кипела: зимой на исходе 1917 года в типографии, которой управлял Николай Матвеевич Насонов, а технической частью руководил Бруно Скамони, изготавливались новые денежные знаки для банковского консорциума.

В коллекциях сохранились чрезвычайно редкие экземпляры этих пробных билетов, отпечатанные по эскизам С.В. Чехонина.

В своей работе «Денежное обращение трех систем»[77] В. Вязельщиков писал в 1920-е годы: *«...проектировали к выпуску 100 руб. и 500 руб. (оливковое поле с фиолетовым рисунком и рамкой) с измененной надпечаткой: на лицевой стороне — по верху рисунка в ленте — вместо „государственный кредитный билет“ надпись: „Союз акционерных коммерческих банков“; на обратной стороне — вместо вышеуказанных четырех групп надпечаток по всему чеку надпись в 17 строчек (по старой орфографии): „Чек выпущен под обеспечение ценностями, депонированными союзу членами союза, и за солидарною ответственностью всех ниже перечисленных участников соглашения. Начиная с 2 января 1919 года банк — акцептант чека обязуется немедленно по предъявлении, а всякий другой член Союза — не позднее двух недель по предъявлении уплатить предъявителю настоящего чека вышеуказанную сумму в сто рублей».*

Вверху на складках орнаментальной ленты вписано название эмитента: **«СОЮЗЪ АКЦИОНЕРНЫХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ БАНКОВЪ.»** (на купюре в 500 рублей) или **«СОЮЗЪ РОССІЙСКИХЪ АКЦИОНЕРНЫХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ БАНКОВЪ.»** (на купюре в 100 рублей)[78].

Уже вскоре после декабрьских совещаний петроградских банкиров 9(22) декабря газета «Наш век» сообщала: *«По соглашению частных коммерческих банков выпускаемые ими деньги, официально именуемые банковскими чеками, поступят в обращение 1 января 1918 г. В настоящее время частными типографиями, в которые передан для исполнения заказ по изготовлению чеков, уже заканчивается печатание первой партии на общую сумму 1/2 млрд. рублей»*[79].

---

[76] *Бенуа А.Н.* Мой Дневник: 1916–1917–1918. / Вступит. статья Дж.Э. Боулта и Н.Д. Лобанова-Ростовского. — М.: Русский путь, 2003.

[77] *Вязельщиков В.* Денежное обращение трех систем. // Советский коллекционер, 1927 № 11. С. 16–20; № 12. С. 15–17; Советский филателист, 1928. № 1. С. 15–16; № 3. С. 11; № 4. С. 11–12; 3 с. обл.; № 6. С. 13–14; Советский коллекционер, 1928. № 6. С. 2–3; *Вязельщиков В.* Государственные кредитные билеты Временного Российского Правительства. // Московский бонист, 1964. № 3–4 (30–31).

[78] В каталоге Н. Кардакова указывалось: *«Союз Российских Акционерных коммерческих банков. Консорциум 30-ти петроградских и московских банков. Предполагаемая эмиссия. Заготовленные в 1917 году знаки почти полностью все уничтожены».* (*Кардаков Н.* Каталог денежных знаков России и Балтийских стран 1769–1950. Katalog der Geldscheine von Russland und der Baltischen Staaten 1769–1950. Берлин, — 1953. С. 16).

[79] Наш век, 9(22) декабря 1917 г. № 9.

Согласно договору, чеки эти должны были быть распределены между банками пропорционально вложенным ими в фонд обеспечения чеков ценностям. Получив от Союза бланки новых расчетных средств, банковские конторы должны были проставить на их обороте собственный штамп. Таким образом, чек как бы дважды гарантировался.

Каждое кредитное учреждение обязывалось ежедневно сообщать Комитету акционерных банков сумму выданных в течение дня чеков, полученных и имеющихся в наличии в своей кассе[80].

Однако все эти планы так и остались на бумаге: выпуску этих бон не суждено было осуществиться. Попытка закончилась полным крахом — в тот же день, когда было напечатано объявление о скором выпуске чеков, началась подготовка к вооруженному захвату банков новой государственной властью. За военную часть этой операции отвечал Н.И. Подвойский, за экономико-юридическую — Г.Я. Сокольников.

«Красногвардейская атака на капитал» — крах эмиссионных планов Союза акционерных банков

«Могучей рукой пролетарской диктатуры» была прекращена деятельность частных банков — этой *«организованной и сознательной воли капитала»*[81]…

Большевики уже имели негативный опыт с попыткой поставить под контроль Госбанк, поэтому подготовка к захвату коммерческих банков проводилась более тщательно и втайне: по поручению В.И. Ленина Г.Я. Сокольников разработал проекты декретов о национализации частных банков[82], причем о подготовке этих документов в финансовом ведомстве республики не знали.

Захват, начавшийся утром 14(27) декабря, напоминал боевую операцию: к полудню все банки были заняты вооруженной силой. В первую очередь большевики потребовали от членов правлений ключи от касс и кладовых — в случае сопротивления директоров и членов правлений арестовывали. Общая сумма залога в 5 млн. рублей за пятерых арестованных, заключенных в Петропавловскую крепость, была распределена между банками пропорционально размеру капитала и вкладов. Освобожденные банкиры дали подписку, что они явятся в Революционный трибунал на слушание их дела[83].

Опубликованным на следующий день после штурма Декретом *«в интересах правильной организации народного хозяйства, в интересах решительного искоренения банковой спекуляции и всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения от эксплуатации банковым капиталом и в целях образования подлинно служащего интересам народа и беднейших классов»*[84] банковское дело было объявлено государственной монополией.

[80] См.: Грядущий день, 28 ноября (11 дек.) 1917 г. № 1.

[81] Национализация банков. // Известия Вологодского совета рабочих и солдатских депутатов, 11(24) января 1918 г. № 44. С. 1.

[82] РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 15. Л. 18–18 об., 19–21, 22.

[83] *Гиндин А.М.* Как большевики национализировали частные банки. — М., 1962. С. 50, 58–59; Сторговались. // Дело народа, 19 декабря 1917 г. № 236. С. 3.

[84] Дело Народа, 15 декабря 1917 г. № 233. С. 4; Собрание Узаконений, 28 декабря 1917 г. № 10, Отд. 1. Ст. 150; Систематический сборник важнейших декретов, 1917–1920. — М., 1920. С. 212–213.

Ответом на национализацию стала забастовка служащих коммерческих банков, которая продолжалась в Петрограде до 6 апреля, а в Москве — до 25 апреля 1918 года и практически парализовала работу банков: *«Скучно, тоскливо в банковских учреждениях, особенно в помещениях бывших банков, как, например, Петроградском Частном, Русско-Азиатском, Русском для Внешней торговли… Несколько служащих бродят по отделам, а в операционных залах — пустота…»*[85]

Сейфы Петроградского Международного коммерческого банка. Невский проспект, 58

Александр Блок писал поэму «Двенадцать» в январе 1918 года. Ветер, метель, ледяное безлюдье — таким предстает в ней Петроград. В снежном мареве еще виден измятый плакат «Вся власть Учредительному Собранию!»…

Год спустя «Петроградская правда» писала о *«Годовщине национализации банков»: «Год тому назад, 14 декабря (ст.ст.) 1917 г., тогда еще молодою Советской властью, в лице Центрального Исполнительного комитета был принят декрет о национализации банков, совершивший революцию в области финансов. Этим декретом из рук наших классовых противников было вырвано самое опасное для судеб пролетарской революции оружие — власть над кредитным и финансовым капиталом. …Тяжелые дни, ночи, недели ушли на нечеловеческую работу по налаживанию деятельности Государственного Банка, а попутно возник вопрос о судьбе бывших частных банков. В отношении последних у Советской власти было тогда три пути: путь контроля над деятельностью частных банков, предоставление их собственной судьбе или национализация их, т.е. объявление их народным достоянием…*

Подводя краткие итоги, мы должны сказать, что декретом 14(27) декабря разрушен тот капиталистический банковый аппарат, который расцвел таким отвратительным пышным болотным цветком в годы империалистической бойни, когда разрушалось и губилось все живое, производительное, полезное, и который являлся мощным оружием финансового и кредитного капитала в его борьбе за угнетение рабочего класса»[86].

[85] В банках. // «Петроградский голос», 30(17) мая 1918 г. № 93. С. 2.

[86] Годовщина национализации банков. // Петроградская правда. Орган Центр., Сев. Областн. и Петроград. ком. РКП (б), 27 декабря 1918 г. № 285(510). С. 2.

«Преступная деятельность банковских заправил» была пресечена. Вопрос о выпуске Союзом акционерных коммерческих банков в начале 1918 года специальных денежных знаков потерял характер меры, подлежащей срочному выполнению для нужд частного кредита в стране.

Самое же интересное, однако, в том, что история уже печатавшихся дензнаков на этом отнюдь не закончилась…

Попытка номер три: новые кредитки Советской Республики

«Деньги — независимость, сила, оружие. А оружие никто не бросает во время войны, хотя бы оно и было неприятельское, даже ржавое».

А.И. Герцен.

В политике Советской власти по отношению к денежному обращению можно выделить несколько периодов. Первый из них охватывал время с Октябрьского переворота и до начала 1918 года. Это было время, когда власть захватывала аппарат государственного управления, когда речь шла о том, чтобы получить из Государственного банка необходимое количество денежных знаков для оплаты жалованья Красной гвардии и служащим, когда в центре забот было привлечение на свою сторону персонала. В эти первые три месяца существования Советского правительства оно практически никак не обозначило своего отношения к вопросам денежного обращения в стране.

Однако наступал новый этап, что продлился приблизительно с начала 1918-го до осени того же года. Это был период выявления сразу нескольких течений как в области банковской политики, так и по вопросам денежного обращения, которые становились все более актуальны. Это было время, когда, прислушиваясь к мнению финансовых специалистов, обсуждались вопросы урегулирования и оздоровления денежного обращения в стране.

Между тем денежный голод обострялся.

Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг не справлялась с резко возросшим объемом работы. Ее управляющий М.К. Лемке[87] все время «терроризировал» Советское правительство, заявляя, что по техническим причинам денег не хватит — он настаивал на выпуске в обращение в качестве дензнаков облигаций «Займа Свободы», в большом количестве лежавших в Экспедиции[88].

[87] Лемке Михаил Константинович (1872–1923) — историк русской журналистики, цензуры и революционного движения, писатель. В сложный период Февральской революции Временным правительством был назначен новым управляющим ЭЗГБ, сменив на этом посту Николая Ивановича Тавилдарова (1846–1918). В августе 1918 г. М.К Лемке как бывший офицер царской армии, был арестован. Так закончились 526 дней его руководства Экспедицией. После освобождения занимался литературной и преподавательской работой.

[88] *Боголепов Д.П.* Деньги Советской России. — Л.: «Прибой», 1924. С. 20. В начале февраля (20 января/2 февраля) СНК признал принципиально возможным выпуск мелких купюр «Займа Свободы» в качестве вспомогательных денежных знаков. 29 января (11 февраля) Совнарком признал желательным введение Госбанком в обращение облигаций займа (не свыше 100 руб.) на правах кредитных билетов с точно установленным курсом. Декрет был принят 30 января (12 февраля).

«В день печатается около 70 миллионов рублей, и то не хватает. Пришлось выпустить листы займа свободы»[89] — сетовали авторы газетных статей. В эсеровском сборнике, посвященном итогам большевистского переворота, Д.Ф. Раков (тот самый, что возглавил позднее финансовое ведомство Комуча) писал весной 1918-го, что *«очутившись у власти и аннулировавши все государственные займы», большевики «облигации „Займа Свободы" объявили кредитными билетами, чем неожиданно подарили растерявшейся, оторопевшей русской буржуазии больше двух миллиардов рублей»*[90].

Подписанный Лениным ***«Декрет о выпуске облигаций „Займа Свободы" в качестве денежных знаков»*** был опубликован 14 февраля в № 25 газеты «Правда»: *«…Отказывающиеся принимать облигации „Займа Свободы" как денежные знаки, по номинальной стоимости, подлежат преданию суду и караются по всей строгости революционных законов»*[91].

Вскоре пришлось использовать в обороте и другие «заменители» денег, однако эти распоряжения зачастую делались уже не в форме декретов.

Несмотря на то что государство стало само узаконивать суррогаты, пытаясь вырваться из тисков денежного голода, проблему решить не удавалось. Вследствие этого местные органы власти постоянно обращались в Центр с просьбами разрешить им выпуск собственной «банковской валюты»[92]. Однако правительство неизменно отвечало на все обращения отказом — Совнарком всеми силами старался сохранить централизованную эмиссию.

Пришедшая к власти в октябре 1917-го коалиция представителей двух леворадикальных партий: социал-демократов (большевиков) и социалистов-революционеров (левые эсеры) пыталась действовать сообща. Впрочем, совместная деятельность длилась недолго — копились противоречия, в конце концов вылившиеся все-таки в вооруженное противостояние.

В начале же февраля 1918 года печатный орган Петроградского комитета партии эсеров, выходивший под лозунгом *«В борьбе обретешь ты право свое!»*, опубликовал примечательную заметку, осуждающую новые действия правительственной коалиции:

«Печатание кредиток в частных типографиях.

Выпускаемых с быстротой молнии „ленинок" оказывается все-таки недостаточно. И вот вчерашние „Известия" печатают следующее сообщение:

„В виду того, что все принятые экспедицией заготовления государственных бумаг меры к увеличению возможности выпуска большего количества денежных

[89] Недостаток средств. // «Рабочая и Крестьянская Красная армия и флот» (быв. «Армия и флот Рабочей и Крестьянской России»). Орган Совета народных комиссаров по военным и морским делам, 24 февраля 1918 г. № 22(67). С. 4.

[90] *Раков Д.Ф.* Финансовая политика большевистской власти. // Большевики у власти. Социально-политические итоги октябрьского переворота. / Сборник статей. — М.: изд-во «Революционная мысль», 1918. С. 174.

[91] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 40. Л. 7.

[92] *Атлас З.В.* Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917–1925). М., — 1940. С. 19.

знаков не приводят к желательному результату, и количество печатаемых в настоящее время на 60 миллионов руб. в день оказывается недостаточным, и везде ощущается недостаток в денежных знаках; в настоящее время возбужден вопрос о необходимости приспособить некоторые частные типографии для вспомогательной работы экспедиции по напечатанию кредитных билетов".

Интересно, сколько же будет стоить наш рубль после того, как совет народных комиссаров „национализирует" все частные типографии и приспособит их под печатание кредиток?..»[93]

К слову о **«ленинках»** (а именно так к весне 1918 года именовали уже зачастую неказистые «керенки»), которые постепенно превращались едва ли не в основное платежное средство в Советской России.

Об этих казначейских знаках и их недостатках написано уже немало. Однако мало кто из современников тех событий и поздних исследователей знал истинную подоплеку их выпуска. Тема эта заслуживает отдельного, глубокого исследования, но нелишним будет уделить ей и здесь пару строк.

Дело в том, что кроме постоянной нехватки разменных кредитных билетов в 1, 3, 5 и 10 рублей, снабдить которыми оборот ЭЗГБ хронически не успевала, с конца 1916 года совершенно неожиданно возникла необходимость в самых крупных номиналах — вызвано это было нуждами военно-промышленного комплекса. Выпуск «думских» кредитных билетов[94] мало чем способствовал разрешению кризиса, который к осени обещал стать едва ли не катастрофическим. Тогда-то и было найдено решение, которое можно назвать едва не конгениальным: в качестве временной меры, рассчитанной на несколько кризисных месяцев, выпускались совершенно необычные платежные средства в 800 и 1600 рублей (листами по 40 шт. казначейских знаков), которые при необходимости можно было разделить — даже не разменивая, а просто разрезав, — на дензнаки среднего достоинства по 20 и 40 рублей, либо на иные, кратные им суммы. Не совсем же привычные номиналы «казначейских знаков» выбраны были специально не совпадающими с кредитными билетами из стандартного номинального ряда, дабы не создавать путаницы в банковской отчетности.

[93] Печатание кредиток в частных топографиях. // Дела народа, Орган Петроградского комитета партии с.-р., 13 февраля (31 янв.) 1918. № 2. С. 4.

[94] В своих воспоминаниях В.П. Аничков (возглавлявший Екатеринбургское отделение Волжско-Камского банка) писал: *«Кредитных знаков настолько не хватало, что впервые начали выпускать „зеленые деньги", называемые так по их расцветке. Называли их и деньгами „с баней" — на кредитках вместо портретов Государя довольно неудачно была изображена Государственная Дума. С самого начала публика, хотя и не отказываясь их принимать, относилась к ним с меньшим доверием, чем к царским деньгам. Нетрудно было предсказать, что закон Грехама вступит в силу. Так и случилось: царские деньги, как лучшие по исполнению, стали оседать в крестьянских кубышках, чем еще более способствовали денежному голоду»* (*Аничков В.П.* Екатеринбург—Владивосток (1917–1922). — М.: Русский путь, 1998).

Остроумное решение и сравнительно невысокая цена проекта делали решение проблемы оптимальным при условии, что экстраординарная мера эта будет вскоре отменена, прослужив лишь весьма короткий срок: *«в качестве временной меры, вызванной чрезвычайными обстоятельствами»*, — указывалось в постановлении об их выпуске.

Однако пришедшее к власти новое правительство совершенно извратило первоначальный замысел, превратив кратковременную меру в постоянную практику и заваливая рынок этими бумажками, вытеснявшими добротные платежные средства: *«Главным источником дохода Смольного правительства являются печатные станки, которые выбрасывают ежедневно не менее 30 милл. „керенок". Эта колоссальная масса кредиток задерживается на руках жителей, совершенно не возвращаясь в казну»*[95].

Именно печатные станки Наркомфина сделали из пресловутых «керенок» посмешище и синоним ничего не стоящей бумаги...

«Роковой печатный станок — вот единственный источник доходов большевистской власти, — писалось в эсеровском сборнике в апреле 1918 года. — *Печатание цветных бумажек всех родов и видов, именуемых кредитными билетами, — единственная область, где большевики за короткий сравнительно срок сумели создать небывалый подъем производительности. Печатаются, главным образом, бумажки самого упрощенного образца, без разделения на серии, без нумерации, с примитивным, легко поддающимся подделке рисунком, которые лишь по недоразумению называются не „ленинками", а „керенками". Печатаются кредитки не только в государственных, но и в частных типографиях, печатаются в Петрограде, скоро будут печататься в Пензе. На какую фантастическую сумму напечатано „ленинок", — вероятно, не знает и сам Ленин. ...Непроницаемой тайной большевики окружили производство денег. Со времени октябрьского переворота Россия не имеет абсолютно никаких официальных данных, сколько бумажных денег выпущено в обращение, сколько их выпускается теперь, сколько будет и впредь выпускаться»*[96].

С февраля 1918 года ходят упорные слухи о печатании кредитных билетов в частных типографиях Петрограда. Однако автор язвительной статьи, цитата из которой приведена выше, ошибался — в частных типографиях печатались отнюдь не «керенки».

Вечером 20 января (2 февраля) 1918 года В.И. Ленин председательствовал (с 21 часа) на заседании Совнаркома; в повестке дня (или уж, скорее, ночи), кроме других немаловажных пунктов, стоял и вопрос ***«о выпуске денежных знаков нового образца»***[97]...

[95] Финансовые итоги года революции. // Год русской революции (1917–1918 гг.). / Сборник статей. — М.: Изд-во «Земля и Воля», 1918. С. 176.

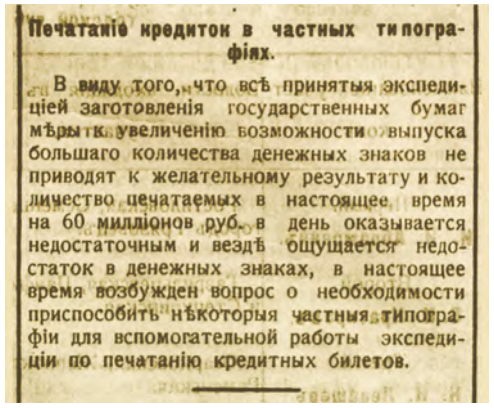
[96] *Раков Д.Ф.* Финансовая политика большевистской власти. // Большевики у власти. Социально-политические итоги октябрьского переворота. / Сборник статей. — М.: Изд-во «Революционная мысль», 1918. С. 182.

[97] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 214. Л. 17.

Нетрудно догадаться, что после войсковой операции по захвату коммерческих банков, ревизии доставшихся ценностей и документов в руки новой власти попали все кропотливые наработки консорциума по подготовке к выпуску специальных чеков. Начатая было ликвидированным «Союзом акционерных банков» программа изготовления новых дензнаков была продолжена уже на новых основаниях.

Еще в начале января вышло распоряжение властей об учреждении специального Технического совета по управлению государственными типографиями.

Впредь, до организации необходимых полиграфических мощностей, Техническому совету (в который входили представители Наркомата финансов) для выполнения госзаказов «в государственном масштабе» предоставлялось право брать на учет все частные типографии и распределять между ними работы, «необходимые для государственных нужд». Отдельно оговаривалось, что в случае надобности Технический совет реквизирует и конфискует частные типографские заведения[98].



Печатаніе кредиток в частных типографіях.

В виду того, что всѣ принятыя экспедиціей заготовленія государственных бумаг мѣры к увеличенію возможности выпуска большаго количества денежных знаков не приводят к желательному результату и количество печатаемых в настоящее время на 60 милліонов руб. в день оказывается недостаточным и вездѣ ощущается недостаток в денежных знаках, в настоящее время возбужден вопрос о необходимости приспособить нѣкоторыя частныя типографіи для вспомогательной работы экспедиціи по печатанію кредитных билетов.

Слухами земля полнится — вскоре провинциальная пресса сообщала полученные из Петрограда необыкновенные известия — впрочем, разве можно было чем-либо удивить тогдашнего обывателя, бывшего свидетелем и не таких событий: *«В виду того, что все принятые Экспедицией заготовления государственных бумаг меры к увеличению возможности выпуска большего количества денежных знаков не приводят к желательному результату и количество печатаемых в настоящее время на 60 миллионов руб. в день оказывается недостаточным и везде ощущается недостаток в денежных знаках, в настоящее время возбужден вопрос о необходимости приспособить некоторые частные типографии для вспомогательной работы экспедиции по печатанию кредитных билетов»*[99].

В типографии «Товарищества Р. Голике и А. Вильборг» новой властью были продолжены работы по изготовлению невиданных еще доселе денежных знаков…

[98] Об организации Технического совета по управлению государственными типографиями. // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 9 января 1918 г. № 5; Собрание Узаконений, 9 января 1918 г.. № 14. Отд. 1. Ст. 207.

[99] Печатание кредиток в частных типографиях. // Известия Вологодского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, 17(4) февраля 1918 г. № 49. С. 3.

Изготовление новых советских кредиток

Многим из нас памятен рассказ «Советский герб» с уроков патриотического воспитания в школе. Рассказ с хрестоматийной фразой о том, что «меч — не наша эмблема!»

Реконструкция проекта печати Совнаркома марта-апреля 1918 г.

В мифологизированном повествовании, написанном для детей и изобиловавшем историческими несоответствиями, В.Д. Бонч-Бруевич[100] рассказывал, как в бытность его управделами СНК он представил Ленину в начале 1918 года проект герба для «первого в мире государства рабочих и крестьян». Тот самый рисунок, в котором вождь собственноручно вычеркнул изображение меча, оставив серп и молот.

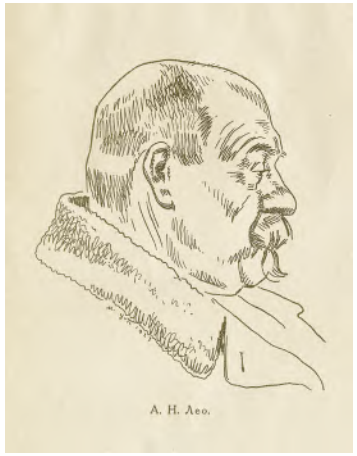
24 января (6 февраля) 1918 года секретарь Совнаркома направил в секцию графического искусства Всероссийского союза мастеров и техников просьбу изготовить образец-проект официальной государственной печати. Председатель секции Владимир Ильич Анисимов[101], назначенный комиссаром в типографию «Р. Голике и А. Вильборг»[102], доверил задание художнику «*лучшего полиграфического заведения того времени, где еще сохранялись старые кадры высококвалифицированных рабочих»* (как отзывался о типографии заведующий издательством «Брокгауз-Ефрон»)[103].

[100] Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) — революционер, партийный и государственный деятель, этнограф, писатель. В 1917 году возглавлял комендатуру района Смольный — Таврический дворец, до 1920 года был управляющим делами СНК. Ближайший помощник и фактически секретарь Ленина. Автор сочинений по истории революционного движения в России, в частности сборника «Ленин и дети», в котором приводится рассказ о создании герба.

[101] Анисимов Владимир Ильич (1870–1932) первоначальное образование получил дома, с 1880 по 1884 год обучался в частном пансионе Штегман, в 1885 году поступил в качестве ученика в типографию Бенке. С 1886 по 1888 год также посещал школу печатного дела. В 1890 году окончил курс обучения, после чего работал в нескольких типографиях.

[102] Позднее, в 1918 г. быв. заведение «Р. Голике и А. Вильборг» было национализировано и несколько раз видоизменяло свою структуру. После национализации получило название *«15-я государственная типография Полиграфической секции совнархоза Северного района»: «Согласно договору между Комиссариатом просвещения и Советом Народного хозяйства, типография быв. „Голике и Вильборг", ныне государственная 15-я, передается в ведение Отдела Изобразительных Искусств при Комиссариате народного просвещения»* (Петроградская правда, 20 окт. 1918, № 230 (456). С. 3). Владимир Анисимов был назначен директором. В 1922 г. типографии присвоено было имя первопечатника Ивана Федорова.

[103] *Перельман А.* Воспоминания. — СПб.: Европейский дом. 2009.



Автопортрет А.Н. Лео

По общепринятому мнению, автором первого проекта совнаркомовской печати (не упомянутым в рассказе Бонч-Бруевича) был Александр Николаевич Лео[104], на протяжении долгих лет работавший в типографии на Звенигородской ул. — он был главным художником у «Р. Голике и А. Вильборга».

Именно под его руководством в начале года готовились к печати будущие советские кредитки, прообразом которых послужил первоначальный чехонинский эскиз.

Уже вскоре после декабрьских совещаний петроградских банкиров в «Вестнике промышленности» промелькнуло сообщение о том, что *«боны-чеки были напечатаны на 1 млрд. руб. частными коммерческими банками для удовлетворения клиентов по вкладам и текущим счетам»*[105]. Как мы уже знаем, автор этой заметки ошибался: тираж этих чеков (запланированный, к слову, только на 500 млн. рублей) так и не был изготовлен — дальше подготовительных работ дело довести не успели.

В начале же 1918 года на готовых литографских формах в орнаментальной ленте с названием эмитента слова **«СОЮЗЪ АКЦІОНЕРНЫХЪ КОММЕРЧЕСКИХЪ БАНКОВЪ»** были заменены на название **«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТ[Ъ]»**:

Александр Бенуа, упомянув в своем дневнике в конце января о визите директора-распорядителя типографии Бруно Скамони и члена тамошнего Правления — «претенциозного скучилы Наума Борисовича», многозначительно отметил: *«Они на Звенигородской не унывают и продолжают работать...»*

[104] Лео Александр Николаевич (1868–1943) — художник книги, каллиграф, шрифтовик. В 1883–1887 гг. посещал классы рисования Русского технического общества в Москве. С 1887 г. стал работать в литографской мастерской по репродуцированию этикеток. С 1900 занимался графикой, с 1903 был художником в типографии товарищества «Р. Голике и А. Вилъборг», где, непосредственно участвуя в производстве, в значительной мере обеспечивал высокий полиграфический уровень изданий. В 1927 г. Ленинградским обществом библиофилов был издан сборник к 40-летию его творческой деятельности.

[105] Вестник промышленности — Пг., 1918. № 4.

Работа в типографии «Р. Голике и А. Вильборг» действительно кипела: денежные знаки, эскиз которых разработан был Сергеем Чехониным для банковского консорциума, теперь изготавливались уже в качестве будущих новых государственных кредитных билетов.

Бланк «Государственного кредитного билета» в 25 рублей. Л.с.— Неразрезанный оттиск рисунка и фоновой сетки без прописей текста

Бланк «Государственного кредитного билета» в 25 рублей. О.с.— Неразрезанный оттиск фоновой сетки с рисунком без прописей текста

В марте 1918 года газета «Петроградское эхо» сообщала в заметке «Новые кредитки» о заказе на изготовление новых денежных знаков: *«...Несколько лучших типографских предприятий Петрограда занято сейчас изготовлением кредитных билетов нового образца. Кредитки печатаются 25, 50, 100 и 500-рублевого достоинства.*

Работа частично распределена между рядом предприятий.

В беседе с нами директор-распорядитель одного из выполняющих заказ типографских предприятий сообщил любопытные сведения об общем ходе работ и некоторые интересные подробности...»

Здесь мы прервем газетную цитату, чтобы попытаться разъяснить пару вопросов. Прежде всего, — как показали дальнейшие события, работы велись по изготовлению только трех номиналов: в 25, 50 и 100 рублей. По всей видимости, от печати крупнономинальных 500-рублевок (оформление которых было прототипом остальных знаков) отказались.

Кроме того, возникает вопрос о «нескольких предприятиях» — ведь, насколько мы знаем, прежде изготовление «чехонинских» знаков производилось лишь в типографии «Голике и Вильборг» на Звенигородской.

Дело в том, что 11 февраля (30 января) 1918 года в «Известиях Совета рабочих и солдатских депутатов» было напечатано объявление о приспособлении части типографий для печатания кредиток — на это предложение откликнулась Государственная типография (бывшая «Теодор Киббель»)[106]. Хромолитография Т.Ф. Киббеля, располагавшаяся с 1894 года в Петроградском районе, на углу Большой Ружейной и Кронверкской улиц[107], была конфискована распоряжением СНК от 29 ноября (12 декабря) 1917 года — распоряжение о конфискации предприятия и передаче его в ведение рабочего контроля было одним из первых актов Советской власти по отношению к частному предприятию[108]. Переименованная в «1-ю государственную литографию», она печатала политические плакаты, юбилейные издания, посвященные общественно-политическим событиям и т.п.

Наиболее вероятно, что в феврале 1918 года здесь также могли частично производиться работы по печати прописей текста в бланках кредиток, изготовленных на Звенигородской.

[106] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2766. Л. 32.

[107] Хромолитография и картонажная фабрика Т.Ф. Киббеля (осн. в 1881 г.) являлась одной из самых крупных и разносторонних фабрик в дореволюционной полиграфической промышленности. Имела отделения конгревного тиснения, собственную металлогравернную мастерскую и т.д. В перечне ее услуг значилось изготовление плакатов, картин и другие мелкие художественные работы. В 1912 г. была удостоена Гран-при и Большой золотой медали в Риме, в 1913 г. — в Париже и Лондоне.

[108] Всего же до 30 июня 1918 г. было секвестировано, реквизировано, конфисковано или национализировано более 150 предприятий полиграфической промышленности.

Вернемся к газетному сообщению «Петроградского эха» от 29(16) марта: *«...*

„Заколдованные“ кредитки.

Работы по печатанию новых знаков близятся к концу, а между тем не разрешен еще вопрос — увидят ли свет эти новые деньги?

Такое странное положение создалось в результате любопытной истории заказа. Первоначально предполагался выпуск бон союза частных банков. Банки, не имея доступа в экспедицию заготовления государственных бумаг, сдали заказ частным типографиям. Этим, в частности, объясняется и та „роскошь“ в заданиях заказа, на которую едва ли пошло бы советское правительство.

Впоследствии, при национализации банков, возможность выпуска банкнот отпала. Работа по изготовлению знаков, однако, настолько продвинулась к тому времени вперед, что возник вопрос об использовании их для нужд государства — с некоторыми лишь изменениями в тексте билетов.

Сейчас печатание кредиток идет полным ходом, но окончательного разрешения вопроса о выпуске их все еще нет.

В отделе кредитных билетов Государственного банка нам заявили, что на днях созывается по этому поводу совещание представителей Госуд. Контроля и Совета Нар. Комиссаров. Все говорит за то, что печатаемые кредитки ***будут пущены*** *в обращение* (выделено в тексте газетной статьи. — О.П.). *В противном случае пришлось бы предавать уничтожению сделанные запасы.*

Внешний вид новых денег

По внешности новые кредитки возвращают нас к богатству и роскоши прежнего времени.

Рисунок билетов в высшей степени художественно выполнен С.В. Чехониным. Формат приближается к прежним билетам соответственного достоинства. В ширину новые кредитки даже несколько больше и потому выглядят „квадратнее". Окраска и расцветка очень сложны. Сильно изменен, в сравнении с прежними кредитками, текст билетов.

Приняты все меры к затруднению подделок. Насколько позволяют условия, бумага по качеству выбрана не хуже довоенных сортов.

Предосторожности при производстве

Незаурядный случай печатания государственных бумажных денег в частных типографиях понудил правительство к самому тщательному контролю при производстве.

Изготовление кредиток происходит по точному подсчету листов. Правительственные агенты присутствуют при всех работах и во всех отделах. Каждый лист на учете. Брак уничтожается под наблюдением агентов.

Резка, нумерование и грифование билетов будут производиться в государственном банке»[109].

Под наблюдением «правительственных агентов» в феврале 1918 года печатались купюры трех достоинств — в 25, 50 и 100 рублей[110] с одинаковым рисунком.

На лицевой стороне, поверх линейной сетки фона — четырехрядная орнаментальная рамка с цифрами номинала по углам. В верхней части заключенного в рамку изображения — крупные цифры в овальном медальоне, по обеим сторонам которого помещены аллегорические фигуры Цереры и Меркурия с рогами изобилия в руках, наполненными цветами, фруктами и колосьями.

[109] Новые кредитки. Заказ частным типографиям. // Петроградское эхо. 29(16) марта 1918 г., № 38. С. 3.

[110] «100 руб. с лицевой стороны — светло-синее поле с серым рисунком и рамкой и с оборотной стороны — желтая сетка» (См.: *Вязельщиков В*. Денежное обращение трех систем. // Советский филателист — Советский коллекционер, 1927. № 12. С. 16).

Бланки кредитных билетов печатались литографским способом в 3 краски: а) линейная фоновая сетка лицевой стороны; б) рамка и рисунок лицевой стороны; в) фоновый рисунок оборотной стороны.

Номинал	Лицевая сторона		Оборотная сторона
	цвет фоновой сетки	цвет рамки и рисунка	цвет фона
25 рублей	светло-зеленый	серо-фиолетовый	лиловый
50 рублей	серо-голубой	серо-коричневый	светло-зеленый
100 рублей	желтый	коричневый	желтый
500 рублей	зеленый	оливково-коричневый	серо-голубой

На литографированных бланках-заготовках четвертым оттиском печатались черной краской прописи текстов.

Что удивительнее всего в газетной заметке от 29 марта, так это указание на то, что, мол, тексты на новых кредитках претерпели значительное изменение — вот уж, пожалуй, единственное, что делало их похожими на довоенные «романовские» кредитные билеты, так это надписи на них!

Негрифованный бланк «Государственного кредитного билета» в 25 рублей (167x111 мм). Л.с.— Сетка оливковая, рамка и рисунок — серо-фиолетовый, прописи текста — черный

На лицевой стороне новых денежных знаков в центре поля отпечатано было легким и строгим ампирным шрифтом **«1812 года»**[111] словесное обозначение номинала, ниже которого помещен был в четыре строки набранный мелким кур-

[111]Декоративный шрифт «1812 года», приведенный в сборнике под ред. А.М. Иерусалимского (См.: Художественные шрифты и их построение. Работы художников Е.Д. Белухи, А.А. Горбова, Е.М. Иерусалимской, А.Н. Лео, О.Л. Лялина, Н.В. Оленева, А.А. Ушина, Л.С. Хижинского. С.В. Чехонина, Шольпа и др. — Харьков: Униздат, 1930. С. 90).

сивом («диамант на кегель 4»[112]) стандартный для российских бумажных денег декларативный текст: ***«Государственный Банк[ъ] размѣниваетъ[ъ] кредит- / ные билеты на золотую монету безъ[ъ] ограниченія / суммы (1 р. = 1/15 им- / періала, содержитъ[ъ] 17,424 долей чистаго золота)»***.

К 1918 году ссылки на Законы от 4 января и 14 ноября 1897 года[113] стали уже, вне всякого сомнения, явным анахронизмом — после четырех лет войны все давно уже позабыли о каком-либо размене кредиток на золото[114]. Однако подобные тексты призваны были вызывать доверие к новым деньгам, пробуждая «довоенные» ассоциации. Даже полгода спустя, в первой половине июля 1918 года, в записке, направленной заместителю народного комиссара финансов, Ленин писал о том, что в текстах советских дензнаков необходимо давать *«старое по вопросу о размене на золото (с приостановкой размена декретами особо)»*[115].

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ
РУБЛЕЙ
25
1. Размѣнъ государствен- ныхъ кредитныхъ билетовъ на золотую монету обез- печивается всѣмъ достоя- ніемъ Государства.
2. Государственные кре- дитные билеты имѣютъ хожденіе во всей Имперіи наравнѣ с золотою мо- нетою.
3. За поддѣлку кредитныхъ билетовъ виновные подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ в каторжную работу.

Бланк «Государственного кредитного билета» в 25 рублей. (167x111 мм)
О.с. — Сетка и рисунок — серо-сиреневым, прописи текста — черным.

Совершенно так же, «по инерции», помещены были на обороте и извлечения из закона с упоминанием «хождения во всей Империи», набранные курсивом в трех абзацах:

[112] «Диамант» — мелкий типографский шрифт, кегль (размер) которого равен 4 пунктам (в системе Дидо 1,504 мм). В наборе текста использован был шрифт, схожий по начертанию с разработанным английским типографом Джоном Баскервиллем в XVIII веке.

[113] Об изменении надписей на государственных кредитных билетах. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (1881–1913). Т. XVII, 1897. Ст. 14633. С. 630.

[114] С началом военных действий Законом от 23 июля 1914 г. правительство отменило обязательный обмен кредитных билетов на золото (См.: Приостановление размена кредитных билетов. // Коммерсант, 26 июля 1914 г. № 1418. С. 2.

[115] *Ленин В.И*. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 118–119.

«1. Размѣнъ[ъ] государствен- / ныхъ[ъ] кредитныхъ[ъ] билетовъ[ъ] / на золотую монету обез- / печивается всѣмъ[ъ] достоя- / ніемъ[ъ] государства.

2. Государственные кре- / дитные билеты имѣютъ[ъ] / хожденіе во всей Имперіи / наравнѣ с золотою мо- / нетою.

3. За поддѣлку кредитныхъ[ъ] билетовъ[ъ] виновные / подвергаются лишенію всѣхъ[ъ] правъ[ъ] состоянія и / ссылке в каторжную работу»[116].

Любопытно, что отпечатанные в феврале 1918 года прописи текстов на «чехонинских» кредитках отнюдь не буквально копировали тексты с дореволюционных билетов — все они выполнены были с одной грамматической ошибкой, повторявшейся на удивление методично.

Несмотря на то что декрет СНК «о введении новой орфографии» будет принят только в октябре 1918-го[117], еще за десять месяцев до этого, 23 декабря 1917 года (5 января 1918 г.), «всем правительственным и государственным изданиям» предписывалось впредь, с 1(14) января «печататься согласно новому правописанию»[118].

Большевики претворяли в жизнь решения комиссии, созданной задолго до революционных событий: *«Особая комиссия при Академии наук ополчилась на половину букв русского алфавита и решила облегчить грамматику от излишнего орфографического багажа. Узнав о таком мудром решении комиссии, прежде всего, обрадовались ученики народных училищ, затем гимназисты младших классов, а вслед за ними вся необъятная великая безграмотная Русь…»*[119]

В тексте, отпечатанном в начале 1918 года на выполненных по рисункам Сергея Чехонина бланках «государственных кредитных билетов», пострадали отнюдь не «яти», а «еры». Наборщики, с младых ногтей вызубрившие пресловутое «бѣлый, блѣдный, бѣдный бѣсъ…», по привычке оставили в тексте «яти», сохранив и «десятиричные і» перед гласными. Однако же все пятнадцать твердых знаков на конце слов были аккуратно удалены из набора — эдакая вот «полуновая» орфография: еще не «безъятие», но уже «безъерие»…

«В настоящее время „ъ“ в русской азбуке совершенно излишний балласт, отнимающий у пишущих, печатающих и читающих массу труда, времени и средств, — писал академик Карский еще в 1904 году. — *Уже давно произведено вычисление, что ъ составляет 8% всех букв печатного или рукописного текста. Таким*

[116] Текст этот в точности (за исключением грамматических отступлений от существовавших ранее норм орфографии) повторял предусмотренный законом «Об изменении надписей на государственных кредитных билетах». // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (1881–1913). Т. XVII, 1897. Ст. 14633. С. 630.

[117] О введении новой орфографии. Декрет Совета Народных Комиссаров. // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 13 октября 1918 г. № 223; Собрание узаконений. 17 октября 1918 г. № 16. Отд. 1. Ст. 804.

[118] Декрет о введении нового правописания. // Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства, 23 декабря (5 января) 1917 г. № 40. С. 1.

[119] Случайные заметки. // Московский листок, 18 апреля (1 мая) 1904 г.

образом, если на издание тратится 100.000 рублей, один ъ обходится в 8.000 р. Устранение его даст не только сбережение капитала, но и труда пишущих, наборщиков, читателей…»[120]

Спустя почти полтора десятилетия реформаторы подводили итог: *«Упраздненная Советской властью (5 января 1918 г.) буква „ъ“ в среднем приходилась на каждые 26 букв. Таким образом, каждая книга об'емом примерно в 260 страниц теперь без буквы „ъ“ экономит 10 страниц, а на полных собраниях сочинений некоторых плодовитых писателей мы экономим в настоящее время по 1–2 целых тома, т.е. громадное количество труда, бумаги и времени»*[121].

Однако же, как отмечала в мае «Вечерняя Правда»: *«Новое реформированное правописание почти не находит себе применения ни в школе, ни в жизни. Очевидно, имеется ряд причин, обусловливающих такую нежизнеспособность нового правописания»*[122]. Когда же спустя пару месяцев представители «пролетариев наборной кассы и станков» жаловались в июле членам Комиссариата печати, что, мол, трудно неподготовленным наборщикам и корректорам освоиться с новинкой, представители власти резонно отвечали, что коль скоро Декрет Луначарского издан, то должен выполняться, а *«орфография — вещь условная, легко привыкнуть»*[123].

Негрифованный бланк «Государственного кредитного билета» в 50 рублей (167x111 мм). Л.с. — Сетка серо-голубого цвета, рамка и рисунок — серо-коричневого, прописи текста — черного

[120] *Карский Е.Ф.* К вопросу о реформе русской орфографии [Доклад, читанный 11 сентября 1904 г. в заседании Отделения историко-филологических наук Общества истории, филологии и права при императорском Варшавском университете] / Е.Ф. Карский. — Варшава: Тип. Варш. учеб. округа, 1904. С. 8.

[121] *Вержбицкий Н.К.* Три года Советской власти и печатное слово. — Пермь, 1920. С. 54.

[122] Диспут о правописании. // Петроградская правда. Вечерний выпуск, 17 мая 1918 г. № 100. С. 4.

[123] Печатники и орфография. // Петроградский голос, 19 июля 1918 г. № 134. С. 3.

Бланк «Государственного кредитного билета» в 50 рублей. (167x111 мм). О.с. — Сетка и рисунок — светло-зеленый, прописи текста — черный

Бланк «Государственного кредитного билета» в 100 рублей. (167x111 мм). Л.с. — Сетка серо-голубого цвета, рамка и рисунок — серо-коричневого, прописи текста — черного

Бланк «Государственного кредитного билета» в 100 рублей. (167x111 мм). О.с. — Сетка и рисунок — оливково-зеленый, прописи текста — черный

Увеличенный фрагмент цифр номинала в виньетке на о.с. 100-рублевого кредитного билета

Увеличенный фрагмент современной копии с декоративным шрифтом, заметно отличающимся от оригинала

В начале марта «Петроградский голос» («политическая, общественная и литературная газета с рисунками в тексте») опубликовала забавную карикатуру — «Петроград в отставке», — намекая на последние новости с предстоящим переносом столицы и «заменой Смольного на Кремль».

В этом же номере — прелюбопытная заметка относительно новых кредиток: *«Сейчас много говорят о предстоящем выпуске бумажных денег нового образца — 25, 50 и 100-рублевого достоинства. История предстоящего выпуска новых кредитных билетов не лишена интереса. Еще несколько месяцев назад союз частных банков решил, на случай прихода в Петроград немцев, заготовить достаточное количество чеков, которые могли бы заменить собою вывезенные с эвакуацией банков народные сбережения.*

Союз банков предварительно постановил, чтобы выпускаемые чеки были обеспечены более чем в два раза ценностями, находящимися в его распоряжении.

Банки решили выпустить чеки 25, 50 и 100-рублевого достоинства. От слов союз банков быстро перешел к делу, и печатание чеков было заказано одной из столичных типографий. Печатание должно было происходить в три приема. Сначала печатался фон, на него накладывался сложный рисунок, а затем текст.

Типография, принявшая заказ Союза банков, производила работы полным ходом. Приблизительно должно было быть отпечатано таких чеков на 500 миллионов. Соответствующее количество чеков было уже готово. Только текст на них наложен не был.

Экспедиция заготовления гос. бумаг пробовала было указать союзу банков, что чеки эти легко подделать, и взялась изготовить факсимиле, но, увы, чеки были сделаны настолько художественно, что экспедиция после долгих попыток подделки должна была расписаться в преждевременной критике. Подделка не удалась...»[124]

Примечательно, что практически все источники сходятся на том, что в начале 1918 года к выпуску готовились только 3 номинала новых кредиток до 100 рублей включительно. Однако до нашего времени сохранилось документальное свидетельство того, что подготовительные работы велись и над билетом самого крупного, 500-рублевого, достоинства:

Бланк «Государственного кредитного билета» в 500 рублей. (167x111 мм). Л.с. — Сетка серо-зеленого цвета, рамка и рисунок — оливково-коричневого, прописи текста — черного

[124] *П. М-ов.* В банках. // Петроградский голос, 20(7) марта 1918 г. № 38. С. 2.

(Знак из собрания А. Абезгауза, любезно предоставленный им для иллюстрации)

Бланк «Государственного кредитного билета» в 500 рублей. (167x111 мм). О.с. — Сетка и рисунок — сине-голубой, прописи текста — черный

Оформление оборотной стороны для этого самого крупного билета несколько отличалось от сетки на мелких номиналах:

Фрагмент сетки о.с. бланка 500-рублевого кредитного билета

Фрагмент оформления современной копии, выполненной по образцу мелких номиналов

В марте же 1918-го автор заметки в «Петроградском голосе» продолжал свой рассказ:

«…Октябрьский переворот застал изготовляемые союзом банков чеки в тот момент, когда на них предполагалось начать накладку текста. Конечно, работы банков по выпуску чеков были приостановлены.

Теперь в связи с недостатком денежных знаков возникла мысль воспользоваться заготовленными союзом банков чеками. После выпуска в обращение „керенок“ и „займа Свободы“ это будут деньги четвертого сорта.

Внешний вид новых денег будет таков: по размеру они напоминают бумажки 10-рублевого достоинства в несколько суженном виде. Рисунок на чеках наложен не поперек, как на 10-рублевках, а вдоль полосы бумаги. Бумага не имеет никаких водяных знаков. 25-рублевые бумажки двухцветные — лилово-розоватые, 50-рублевые — сероватые и 100-рублевые — желтоватые.

В банковых сферах интересуются, какой гриф будет поставлен на деньгах нового образца. Как известно, и сейчас Экспедиция заготовления гос. бумаг непрерывно выпускала бумажные деньги, на которых ставилась подпись давно уже „упраздненного“ управляющего гос. банком Шипова[126]*. Некоторые полагают, что на новых деньгах должен появиться гриф Менжинского*[127]*. Во всяком случае, вопрос этот занимает очень многих»*[128].

Будущий шеф госбезопасности[125] *Вячеслав Менжинский, чья факсимильная подпись, по мнению «осведомленных» кругов, могла появиться весной 1918 г. на первых советских деньгах*

Чьи же подписи могли появиться на бланках «чехонинских» кредиток? Этот вопрос занимал многих тогда, интересен он и сейчас.

Конечно же, бывший Управляющий Госбанка, уволенный в ноябре за «саботаж» и отказ признать Советскую власть, не смог бы украсить своей факсимильной подписью новые дензнаки — более того, в марте в петроградской прессе промелькнуло сообщение о смерти И. Шипова, скончавшегося якобы в Ессентуках[129].

---

[125] Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК при СНК РСФСР) была создана 7(20) декабря 1917 г. В.И. Ленин, главный идеолог ее формирования, называл ВЧК *«нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас».*

[126] Шипов Иван Павлович (1865–1919), — Министр финансов (1905–1906), — Министр торговли и промышленности (1908–1909), управляющий Государственным банком (22 апр. 1914 – 11 нояб. 1917).

[127] Менжинский Вячеслав Рудольфович (польск. *Wacław Mienżynski, Mężyński;* 1874–1934) — во время Октябрьской революции член Петроградского военно-революционного комитета, комиссар ВРК в Госбанке. Был назначен заместителем наркома финансов (фактически исполнял обязанности наркома, т. к. назначенный наркомом И.И. Скворцов-Степанов к работе не приступал). В январе–марте 1918 г. занимал пост наркома финансов. При участии Менжинского проводились национализация банков и жесткая борьба с забастовкой банковских служащих (вплоть до увольнения саботажников). В марте 1918 г., когда Советское правительство переехало в Москву, Менжинский по решению ЦК остался работать в Петрограде. Руководил уголовным сектором Комиссариата юстиции Петроградской трудовой коммуны и принимал активное участие в работе Петроградской ЧК. В состав ВЧК Менжинский был введен 8(21) декабря 1917 года.

[128] *П. М-ов.* В банках. // Петроградский голос, 20(7) марта 1918 г. № 38. С. 2.

[129] Петроградский голос, 27(14) марта 1918 г. № 44. С. 3. Точная же дата смерти И.П. Шипова неизвестна; по некоторым сведениям, он умер от тифа в Ростове-на-Дону в конце 1919 г.

Тем не менее, Иван Павлович Шипов продолжал здравствовать и, перебравшись позднее в Екатеринодар, а затем в Ростов-на-Дону, активно участвовал в работе финансовых органов Вооруженных сил на юге России (ВСЮР). Через прессу Белого Юга обращался он позднее к русским гражданам с призывом не доверять фальшивой подписи его, проставлявшейся большевиками на печатавшихся ими кредитках дореволюционного образца. В секретной сводке, составленной Информационной Частью Отдела пропаганды Особого Совещания при Главнокомандующем ВСЮР в мае 1919 года, указывалось: *«...заявление Шипова, появившееся 3/V в Екатеринодарской печати, но составленное еще 12 марта и засвидетельствованное Нотариусом и рядом свидетельских показаний. Шипов объявляет „всем держателям государственных кредитных билетов и казначейских знаков в России и за границей, что слагает с себя ответственность за все кредитные билеты и денежные знаки", напечатанные и выпущенные в обращение после устранения его большевиками от должности Управляющего Государственным Банком в ноябре 1917 г. ...Также и подпись свою на всех кредитных билетах, выпущенных после этого срока, он считает фальшивой»*[130].

В финансовых же кругах Советской России происходила тогда неописуемая чехарда: банковские комиссары и наркомфины сменялись с калейдоскопической быстротой...

После недолгого управления в конце 1917 года комиссаров *Пестковского*[131] и *Осинского*[132] главой Госбанка стал ***Г.Л. Пятаков***[133]. После заключения Брестского мира, противником которого он был, перед своим отъездом на Украину Пятаков возложил обязанности главного комиссара Народного банка РСФСР на своего заместителя ***Н.Н. Крестинского***[134], а затем на ***А.П. Спунде***[135], подписывавшего документы как *«товарищ главного Комиссара Гос. банка на правах управляющего банком»* и занимавшего этот пост до июня 1918 года. Экспансивного ***Т.И. Попова***[136] (при котором золотой запас России был вывезен из Москвы в Казань, где его захватили восставшие чехословаки) в октябре вновь сменил

[130] ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 34-а. Л. 5.

[131] Пестковский Станислав Станиславович (1882–1937) — «Комиссар по Государственному банку на правах управляющего» с 11(24) ноября по 13(26) ноября 1917 г.

[132] Оболенский Валериан Валерианович (парт. псевдоним «Н. Осинский», 1887–1938) — «Главный комиссар по Государственному банку» с 13(26) ноября по 17(30) декабря 1917 г.

[133] Пятаков Георгий (Юрий) Леонидович (1890–1936) — «Главный комиссар Государственного банка» в декабре 1917 г. — феврале 1918 г.; «Главный комиссар Народного банка РСФСР» в октябре–ноябре 1918 г.; «Председатель Правления Государственного банка СССР» в 1929–1930 гг.

[134] Крестинский Николай Николаевич (1883–1938) — с марта 1918 г. товарищ (заместитель) и «исполняющий обязанности главного комиссара Государственного банка». В августе 1918 г. назначен наркомом финансов РСФСР, каковым являлся до 1922 г. В 1918–1922 гг. нарком финансов РСФСР.

[135] Спунде Александр Петрович (1892–1962) в январе 1918 г. назначен комиссаром Государственного банка «на правах товарища управляющего»; исполнял обязанности «Главного комиссара Народного банка РСФСР» в марте–июне 1918 г.

[136] Попов Тихон Иванович (1872–1919) — «главный комиссар Народного банка РСФСР» с июня по октябрь 1918 г.

вернувшийся Пятаков, славившийся «революционным романтизмом и темпераментом», но являвшийся, по собственному признанию, полным профаном в банковском деле. В результате Пятакова заменили на ***Я.С. Ганецкого*** (Фюрстенберга)[137], при котором Народный банк на Неглинке превратился, как говорили современники, «в темное, подозрительное учреждение». Свое внимание новый комиссар сосредоточил на банковских сейфах, в которых хранились драгоценности…

В январе 1918 года Совнарком утвердил персональный состав Коллегии Наркомфина, первое заседание которой состоялось 10 января. Помимо Менжинского (назначенного «народным комиссаром по делам финансов»[138]), на нем присутствовали: Д.П. Боголепов, А.П. Спунде, Г.Л. Пятаков (председатель), А.Е. Аксельрод, а также Фюрстенберг (Ганецкий) и Бронский (двое последних с совещательным правом голоса). Основным на заседании был вопрос об оформлении Коллегии, определении ее состава и функций. Коллегии было решено присвоить название «народного комиссариата по финансовым делам» в составе комиссара и 8 членов Комиссариата. Членами Коллегии сразу же были назначены Боголепов, Спунде, Акселерод, Пятаков, Александров (Ольминский), Сокольников[139].

Именно в этом кругу были те люди, чья подпись могла бы заверять первые советские деньги, коль скоро они были бы выпущены весной 1918 года…

К этому времени даже на периферии страны известны были уже некие расплывчатые сведения и слухи о грядущем выпуске: *«Комиссар Меньжинский* (так в тексте. — О.П.) *утвердил проект новых кредиток в 25 и 50 рублей, — писали оренбургские газеты. — Деньги представляют небольшую расписку с печатью Совета народных комиссаров и гербом, где заявляется, что народные банки республики обязуются принимать названные расписки наравне с остальными кредитными билетами. В данный момент экспедиция государственных бумаг за истощением красок и дорогих сортов бумаги значительно сократила производство кредиток. Большинство расчетов петроградская контора госбанка производит тысячерублевыми билетами».*

В апреле эсеровская пресса иронизировала: *«Экспедиция заготовления государственных бумаг не успевала обогащать благоденствующий пролетариат, и ей на помощь пришли частные типографии»*[140]. По мере изготовления новые партии негрифованных бланков «чехонинских» кредиток в 25, 50 и 100 рублей передавались в распоряжение ставшего уже «Народным» бывшего Госбанка, в кладовых которого они хранились вплоть до эвакуации из Петрограда.

[137] Ганецкий (Фюрстенберг) Яков Станиславович (1879–1937) — с ноября 1918 г. «временно исполняющий обязанности Главного комиссара» Народного банка РСФСР. Вр.и.о. оставался вплоть до упразднения Банка в январе 1920 г.

[138] Однако период этой работы Менжинского был недолог — после подписания Брестского мира он был направлен на работу в Наркоминдел. В апреле 1918 года, по предложению Ленина, Менжинский назначается генеральным консулом РСФСР в Берлине.

[139] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1 Л. 7–7об.

[140] Бюджет. Маленький фельетон. // Дело Народа,. 23(10) апреля 1918 г. № 26. С. 1.

Моржовки

В том же марте 1918 года газета «Петроградское эхо», рассказывая об изготовлении частными типографиями новых кредитных билетов, сообщала: «*Попутно те же типографии изготовляют боны для отдельных областей и городов России. „Кустарное“ производство бон самой провинцией породило лишь полное недоверие населения к этим деньгам: так аляповата и невнушительна оказалась их внешность. Даже Одесса и Киев испытали это. Научённые горьким опытом города начали обращаться за помощью к богатству столичной типографской техники. Одним из первых был Архангельск. Местное отделение гос. банка заказало петроградским типографиям для Архангельской губернии боны 3, 5, 10 и 25-рублевого достоинства — с сопроводительной просьбой: по возможности затруднить подделку... Заказ этот выполняется и вскоре будет закончен*»[141].

Проект чека Архангельского Отделения Государственного банка — эскиз работы С.В. Чехонина, опубликованный в 1924 г.
(См.: Эфрос А., Пунин Н. Чехонин. М.-Пг.: Госиздат, 1924. С. 91)

[141] Губернские боны. // Петроградское эхо, 29(16) марта 1918 г. № 38.

Изготовленный Госбанком эталонный образец 25-рублевого «Чека Архангельского Отделения Государственного банка» на отпечатанном в литографии «Р. Голике и А. Вильборг» бланке без прописей текста (165x108 мм) Л.с.

Если в проекте для банковских чеков сгущенной весомости центрального изображения соответствовало облегченно-геометризированное обрамление, в новом эскизе все поле буквально заполнено прихотливыми сюжетами и вязью растительных сплетений. Изображение в пышной орнаментальной рамке — стилизованные цветочные узоры и букеты — с годами любимый художником мотив ампирного венка из гирлянд, соцветий и бутонов делался все изобильнее и изощреннее.

*Увеличенный фрагмент л.с. 25-рублевого чека с инициалами художника «**С**[ергей]**Ч**[ехонин]» и датой «**19 / 18**», помещенными среди элементов декора*

Эталонный образец «Чека Архангельского Отделения Государственного банка» в 25 рублей. (165х108 мм). О.с.

Чистые пропорции, строго выверенные контурные линии и тончайшее согласование фигур и декора — компоновать и уравновешивать Чехонин умел виртуозно.

Не менее изысканны чеки и мелких номиналов — здесь Чехонин в полной мере использовал набор атрибутов неоклассицизма:

«Когда обманутый философами мир,
Тоскуя по богам, создал Наполеона,
Средь шатких ступеней нededовского трона
Взошел, как белый цвет, изысканный ампир.
Отзвучье тонкое Гомера грубых лир,
Кинжал Гармодия, кирпичная колонна,
Из лавров Корсики сплетенная корона,
И консул генерал, развенчанный кумир.
Верны далекому медлительные девы,
На пестрых кошельках вторят венков напевы.
В цветистом бисере живет еще Давид,
Но вместо Греции, Парижа и Ваграма
Под ветром Скифии дрожит ночная рама
И тусклая свеча, как прошлое, горит»[142]

[142] *Иванов В.* Ампир (Сонет). // Свободная Пермь, 16 марта 1919 г. № 49. С. 2.

Эталонный образец «Чека Архангельского Отделения Государственного банка» номиналом в 10 рублей. (138х86 мм). Л.с.

Эталонный образец «Чека Архангельского Отделения Государственного банка» номиналом в 10 рублей. (138х86 мм). О.с.

Чехонинский ампир пышный, отчасти даже бравурный — недаром советский искусствовед Абрам Эфрос[143], чьим излюбленным жанром были критические «портреты», писал чуть позднее в 1923 году:

«Мы были вправе не верить Чехонину; его советский облик был слишком неожидан; ничто раньше не предвещало его; его искусство и его пафос были старорежимны. Это был очаровательный и дамский кумир; это был эмальер, ювелир, фарфорщик, акварелист богатой жизни; это был созидатель виньет и миниатюр для коллекционеров, гербовщик родовой плутократии и формовщик дворянских эмблем, поэт вековой государственности, воскреситель старой эстетики дней Александровых, чистейший чувственник прелести ампира, образец ретроспективизма, пай-дитя „Мира искусства“, изготовитель очаровательных и драгоценных безделиц, самых хрупких и самых бесцельных вещей, какие в состоянии был произвести российский императорский декаданс… Если бы еще он изменил своему искусству, забыл свое старинное мастерство, отказался от нежнейших гирлянд и гербов, повернулся спиной к ампирному этикету; если бы перестал быть спутником аристократии…»[144]

«Старая эстетика» чужда была новому режиму. Как писал Карл Маркс в своих экономических рукописях: *«Возможен ли Ахиллес в эпоху пороха и свинца? Или вообще „Илиада“ наряду с печатным станком и тем более с типографской машиной? И разве не исчезают неизбежно сказания, песни и музы, а тем самым и необходимые предпосылки эпической поэзии, с появлением печатного станка?»*[145].

[143] Эфрос Абрам Маркович (1888–1954), — искусствовед, литературовед, поэт и переводчик. В 1918–1927 гг. — один из ведущих сотрудников Коллегии (отдела) по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР. Работу в музеях совмещал с научно-преподавательской деятельностью.

[144] *Эфрос А.М.* Профили: Очерки о русских художниках / Предисл. С.М. Даниэля [Переиздание 1930-го года.] — СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 213–214.

[145] *Маркс К.* К критике политической экономии (Из экономических рукописей 1857–1858 гг.). — Пг., 1922.

Тем не менее, в отличие от предыдущего чехонинского проекта, «моржовки», отпечатанные в типографии на Звенигородской, все же увидели свет, попав несколько позже в денежное обращение на севере страны[146].

Чек Архангельского Отделения Государственного банка 25-рублевого достоинства, выпущенный в Архангельске в мае–августе 1918 г. (912.400 шт. из 2.451.000 шт. заготовленных) (165x108 мм). Л.с.

Тогда, весной 1918 года казалось, что столь же близки к осуществлению и планы выпуска общероссийских чехонинских кредиток с «Церерой и Меркурием»…

Вывоз в Москву готовых бланков

Проект герба, предложенного Б. Кёне в ходе геральдической реформы для города-крепости Брест-Литовск

С 23 ноября 1917 года в Брест-Литовске велись мирные переговоры. К середине декабря мир стал осязаемым…

[146] Эпопея создания, выпуска и обращения «моржовок» — это отдельная и обширная история, скрупулезно восстановленная автором по результатам архивных изысканий. Позднее мы подробно рассмотрим этот материал на страницах «Альманаха».

Однако к февралю переговоры Советской России с немцами зашли в тупик[147] — в полдень 18-го числа истек срок перемирия, и Германия перешла в наступление по всему фронту. Пятьдесят три немецкие дивизии направлялись на Украину на юге и к Пскову, Ревелю и Петрограду — на севере.

Генерал Макс Гофман в своих мемуарах определил позднее эту операцию как «экскурсию по железной дороге и в автомобилях». Передовые части немцев дошли до Нарвы и только здесь встретили сопротивление.

Военный флаг Германской империи

21 февраля был принят Декрет **«Социалистическое Отечество в опасности!»**[148] — после разгрома красных частей и их отступления вновь в полный рост встала угроза оккупации Петрограда наступающими немецкими войсками. 2 марта германцы настолько приблизились к Петрограду, что смогли начать его обстрел из артиллерии…

Михаил Пришвин писал тогда в своем дневнике: *«На Невском в трамвае как бывает — сидят люди молча, хмуро, стоят в тесноте, поглядывают, как бы сесть. И вдруг языки развязываются, все вступают в спор, и видишь в окошко, что на улице тоже везде кучками о чем-то говорят. Это значит, что день поворотный, исторический. Никаких газет не надо в эти дни, нужно только прислушиваться, о чем говорят. Сегодня о немцах говорят, что в Петроград немцы придут скоро, недели через две. … „Последние денечки“ — это, значит, те, которые остаются до немцев»...*

В случае захвата Петрограда неприятеля ожидала военная добыча, размеры которой и значение трудно поддавались определению. В этих условиях было принято решение об эвакуации города[149] и переносе столицы в Москву.

«Мир подписан — мира нет»[150].

[147] 10 февраля 1918 г. Л. Троцкий заявил следующее: *«Мы отказываемся подписывать эти жесткие условия мира, но Россия воевать более не будет»*. Мирный договор не подписан, но Россия выходит из состояния войны, распускает свою армию по домам и объявляет о своем решении всем народам и государствам. Переговоры были сорваны в четвертый раз — советская делегация покинула Брест-Литовск и вернулась в Петроград. Перемирие же оканчивалось 17 февраля и не восстанавливалось в том случае, если русская делегация не возвращалась в Брест-Литовск.

[148] Декрет был опубликован 22 февраля 1918 г. в «Правде» и «Известиях ЦИК», кроме того, выпущен отдельным листком (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 488. Примеч. № 141).

[149] При этом несколькими месяцами ранее, когда правительство Керенского в аналогичных условиях начало планировать «разгрузку» Петрограда, большевики во главе с председателем Петросовета Л.Д. Троцким резко раскритиковали эти планы, как показывающие намерение «буржуазии» «сдать красный Питер немцам».

[150] По настоянию В.И. Ленина в ночь с 23 на 24 февраля 1918 г. большинство в Центральном исполнительном комитете проголосовало за подписание Брестского мира. 3 марта унизительный («похабный» — по словам Ленина) мирный договор был подписан относительно второстепенными фигурами и с германской, и с русской стороны. На закрытой партийной конференции Ленин охарактеризовал подписанный мир как временную передышку. Реальностью же стала выдача немцам трети территории европейской России.

После подписания в Брест-Литовске мирного договора Советское правительство начало прямую подготовку к переезду и делало это весьма решительно. 4 марта в вечерних газетах было опубликовано чрезвычайное постановление Совета народных комиссаров:

«Ввиду того, что германские грабители, ведя мирные переговоры, продолжают наступление по направлению к Петрограду, СНК постановил: продолжать со всей энергией оборону, принять меры к эвакуации и принять все необходимые меры к быстрому и единовременному взрыву всех запасов, которые не будут своевременно вывезены из Петрограда. В случае наступления на столицу — ни одного орудия, ни одного снаряда, ни одного фунта меди, ни одного пайка хлеба врагу. Те ведомства или учреждения, по вине которых в руки германских хищников попадет боевое продовольствие или иные запасы, будут подвергнуты расстрелу».

В тот же день СНК принял постановление о создании Центральной коллегии по эвакуации и разгрузке Петрограда[151], в состав которой в качестве одного из отделов влилась ранее образованная Чрезвычайная комиссия по разгрузке[152].

Начался вывоз из Петрограда первых промышленных предприятий, параллельно вывозились и советские учреждения. Транспортировка осложнялась плохим состоянием железнодорожного состава, недостатком топлива, а кроме того, хаосом, охватившим страну. Так, литерный поезд, на котором председатель Совнаркома В.И. Ленин выехал 10 марта из Петрограда, был окружен на станции Малая Вишера толпой матросов, которую удалось разоружить только под дулами пулеметов, после чего поезд с правительством смог продолжить движение[153]…

[151] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 138. Л. 3.

[152] 22 февраля 1918 г. сформирована Чрезвычайная комиссия по эвакуации и разгрузке Петрограда, на должность председателя которой был назначен левый эсер В.А. Агласов.

[153] *Шелаев Ю.Б.* Деятельность чрезвычайной комиссии по эвакуации и разгрузке Петрограда весной 1918 г. // Вспомогательные исторические дисциплины, 1990. № XX. С. 35.

Мнения по поводу переноса столицы, как и полагается, были разные. Многие из них выплескивались на страницы газет, будоража общественное мнение: *«И вот, казалось, невозможное стало возможным. Каждый день, особенно около 6 часов вечера, на станции Николаевской железной дороги можно наблюдать картину „вывоза ведомств“. В мешки запиханы самонужнейшие дела (прочие оставлены в архивах), и тысячи мелких и небольших чиновников грузятся в вагоны и отправляются в Москву и дальше. На сборы дается 3–4 дня. Семейства большей частью остаются и плачут на платформе. Бывшие саботажники крепятся и, хмуря брови, стараются смотреть в сторону. Куда едут? Как? Как поместятся?.. Ни в чем, быть может, так не сказалась логика истории и событий, как в этом поспешном, похожем на бегство оставлении Петербурга. Как Петербург возник, так и умер — по щучьему велению, как в сказке»*[154].

Газета «Новое слово» следила за процессом размещения в Москве вновь прибывших петроградских комиссаров и чиновников, рассказывая читателям, как особая комиссия во главе с Я.М. Свердловым осматривала здания в Кремле для размещения учреждений СНК, ЦИК, а также какие дворцы и какие гостиницы Москвы были задействованы для временного размещения служб комиссариатов.

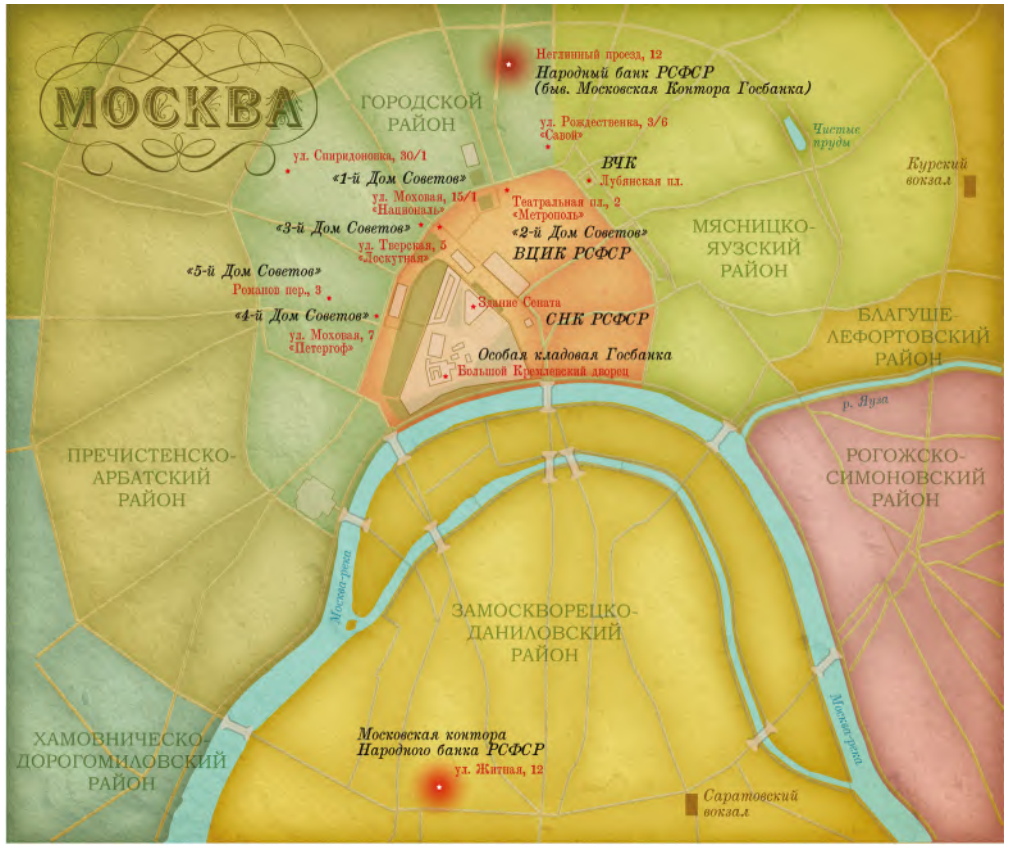
Для перевозки центральных учреждений Наркомфина в его составе 1 марта был образован «Особый отдел по эвакуации», который продолжил дело «Особого совещания по вызову из Петрограда учреждений Министерства финансов», образованного еще постановлением Временного правительства[155].

[154] Мертвый город. // Новое слово, 10 марта (25 февр.) 1918 г.

[155] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 58. Л. 12.

Первоначально планировалось перевезти 19 центральных учреждений Наркомфина, среди которых: Экспедиция заготовления государственных бумаг, Петроградский монетный двор, Народный банк[156].

Приготовления к эвакуации ЭЗГБ начаты были уже в феврале[157] — Московскому, Пензенскому, Саратовскому и Самарскому Советам предписано было «оказывать Экспедиции всяческое содействие»[158]. Особенно активно вывозились ее грузы в марте: в письме членов Комиссии по эвакуации ЭЗГБ — Минкина, Семенова, Лебедева — предлагалось создать *«ввиду необходимости надлежащей охраны для сопровождения эвакуированных ценностей Экспедиции заготовления государственных бумаг надежный отряд»*[159].



[156] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 7. Л.Л. 1, 2, 3, 17.

[157] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 73. Л. 35; Д. 252. Л. 252.

[158] Краеведческие записки архива Пензенской области. Вып. 1. — Пенза, 1963. С. 194–195.

[159] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 73. Л. 31. С февраля 1918 г. и в течение 1919 г. проходила эвакуация ЭЗГБ из Петрограда в Пензу, Пермь, Саратов и Москву. В 1919 г. были эвакуированы в Москву последние цеха печатного и формно-художественного отделения Петроградской части Экспедиции. В Петрограде осталось только одно отделение — бумагоделательное.

В четверг, 18 апреля, было объявлено, что эвакуация Народного (быв. Государственного) банка начнется уже на этой неделе — в Москву переводилось центральное управление, в Петрограде же оставалась только местная контора[160]. Спустя девять дней, 27 апреля, из Петрограда в Москву отправился первый поезд со служащими и грузом центральной канцелярии Госбанка. К 3 мая большая часть отделов была уже эвакуирована в Москву. Оставшиеся служащие заканчивали последние дела, получали проездные деньги по 200 рублей на человека, удостоверения на право выезда и т.п.

Центральное управление Народного банка было эвакуировано в Москву.

В апреле частично был вывезен и «Кребиль» (быв. Отдел кредитных билетов Госбанка, переименованный в Отдел денежных и расчетных знаков Народного банка РСФСР). В числе перевезенных в Москву сотен тысяч пудов различных грузов 74 эвакуированных учреждений был и неприметный груз Отдела, в распоряжении которого находились полученные из типографии «Р. Голике и А. Вильборг» негрифованные бланки кредитных билетов нового образца.

Под охраной бойцов из штаба Отдельного пограничного корпуса[161] они перевозились в новое место хранения

Настоятельная необходимость выпуска весной 1918 года

16 марта 1918 года Москва официально стала столицей РСФСР. Недовольный потерей столичного статуса глава Петросовета Г. Зиновьев немедленно после переезда переименовал Петроградский совет в так называемую «Петроградскую трудовую коммуну»[162]. Исполком Совета при этом был переименован в Совет комиссаров, а его отделы — в комиссариаты. *«С переездом „наркомов“ в Москву, с перенесением туда всех страстей классовой, политической и т.п. борьбы петроградцы вошли в тихую сень северной коммуны, возглавляемой Зиновьевым,* — сообщала позднее со слов приезжих сибирская пресса. — *Жизнь эта легко определяется трехчленной формулой: голод, холера и... равнодушие истрепанного, исстрадавшегося до апатии обывателя»*[163].

[160] Эвакуация Гос. банка. // Петроградский голос, 18(5) апреля 1918 г. № 62. С. 4.

[161] 30 марта 1918 г. при Наркомате финансов было образовано Главное управление пограничной охраны, пришедшее на смену Отдельному пограничному корпусу.

[162] *«Коммуна: кому — на, а тебе шиш»,* — иронизировал еженедельный журнал сатиры и юмора в фельетоне «Новый русский словарь (в помощь малограмотным читателям нашим)» («Трепач», 1918. № 3. С. 14). В качестве исключительно городской власти «Петроградская Трудовая Коммуна» существовала недолго: 29 апреля на I съезде Советов Северной области было решено создать Союз коммун Северной области, в состав которого вошли первоначально 6 губерний (Архангельская, Вологодская, Новгородская, Псковская, Петроградская и Олонецкая). Союз коммун Севобласти был ликвидирован постановлением III Съезда советов Северной области от 24 февраля 1919 г. в течение марта-апреля 1919 г.

[163] В Петрограде. // Сибирский Вестник. Орган Временного Сибирского правительства, 10 сентября 1918 г. № 19. С. 3.

Примерно в это же время, 29 марта 1918 года, в Совнаркоме обсуждался проект Президиума Московского Областного Совета[164] о выпуске, «ввиду чрезвычайной скудости денежных знаков в Московской области» местных бон с правительственной гарантией.

«События последнего времени вынуждают обратить особое внимание на расстройство денежного обращения, как на фактор, грозящий довести безработицу до ужасающих размеров, — объясняли газеты тогдашнюю инициативу. — *Вся страна остро ощущает „недостаток денежных знаков". Несмотря на то что экспедиция заготовления государственных бумаг в последние месяцы до эвакуации выпускала довольно большое количество денежных знаков, в населении этих знаков не видно…*

По причине того же крайнего недостатка денег во многих местах рабочим в течение нескольких месяцев не выплачивалась заработная плата. Так это было до сих пор в Бежице (Брянский район), где рабочие не получали заработную плату в продолжении трех месяцев. То же происходило в Нерехте (Костромская губ.), такая же картина наблюдается в Вязниках (Владимирской губ.), в Рославле (Смоленской губ.); в казначействе нет ни гроша и выдавать рабочим заработную плату нет возможности. В Клину (Московской губ.) предприятия не могут получить из банков необходимые средства и т.д. Кое-где рабочие еще держатся, это преимущественно в тех местах, где есть возможность добывать хлеб и кое-как кормиться (Брянск, Бежица). В голодных же районах (Владимирский, Тверской, Московский) дело обстоит гораздо хуже: продовольственные продукты, особенно хлеб, сюда попадают в очень скудном количестве и могут приобретаться лишь по очень высоким ценам. Естественно, что рабочие, не получающие заработной платы, этих продуктов приобретать не могут. На этой почве среди голодающих рабочих создается крайне тревожное настроение, во многих местах рабочие бросают работу, а там, где она продолжается, производительность ее достигает самых низших пределов…

Наша задача — все силы направить на то, чтобы это бедствие было во что бы то ни стало предотвращено. Что надо сделать для этого?

Прежде всего — равномернее распределить между отдельными районами те денежные знаки, которые отпускаются государством для выдачи заработной платы рабочим. …В меру возможностей и столичные, и провинциальные рабочие должны удовлетворяться наличными денежными знаками равномерно.

Второе средство, которое необходимо провести в самом срочном порядке — это увеличение количества денежных знаков. В этом отношении значительно может помочь делу и увеличение производительности госуд[арственной]. экспедиции и выпуск новых особых дополнительных знаков — так называемых бонов.

[164] Московская область — областное объединение Советов, существовавшее с декабря 1917 по декабрь 1918 г. В отличие от современной области (быв. Московской губ.) тогдашняя включала в себя территории 14 губерний: Московской, Владимирской, Воронежской, Калужской, Костромской, Курской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Смоленской (до весны 1918 г.), Тамбовской, Тверской, Тульской и Ярославской.

Президиум Московского Совета разрешил вопрос о выпуске бонов в положительном смысле. Остается пока как будто невыясненным, от чьего имени будут выпущены боны — от имени Совета Народных Комиссаров Российской Республики или от имени Московской области. Но это вопрос второго порядка. …В интересах обеспечения предприятий и рабочих денежными знаками необходимо в самом срочном порядке осуществить две меры: равномерное распределение знаков по всей области и чрезвычайный выпуск бонов»[165]…

Еще раз напомним: речь шла отнюдь не об «области» в сегодняшнем ее понимании — тогдашняя «Московская область» была федерацией четырнадцати губернских Советов, подчинявшихся Совету областному.

Мособлсоветом принято было решение выпустить «*местные разменные деньги от имени Московского Областного Совета Р., С. и Кр. Д. с обязательным хождением их в пределах области наравне с общегосударственными кредитными билетами. Выпуск произвести с согласия Совета Народных Комиссаров, обеспечить их свободным обменом рубль за рубль на общегосударственные кредитные билеты от 1.000 рублей и выше; выпуск произвести мелкими купюрами не свыше ста рублей»*[166].

[165] Борьба с безработицей в связи с расстройством денежного обращения. // Известия Вологодского Губ. Совета Р., С. и Кр. Деп., 2 апреля (20 марта) 1918 г. № 67. С. 2.

[166] Московская хроника. Финансовые мероприятия. // Петроградская правда. 28(15) марта 1918 г. № 61. С. 2.

Подготовка к выпуску этих «московских» денег (а по сути дела, речь шла о бонах, предназначенных для большей части Центральной России) велась весьма основательно — был организован специальный конкурс на оформление новых денежных знаков, к которому привлекли художников В. Фалилеева[167], В. Масютина[168], А. Манганари, Ф. Захарова, Н. Буниатова[169], Э. Норберта, А. Щусева[170], И. Жолтовского[171].

В протоколе заседания жюри конкурса, объявленного комиссией Московского совета по выпуску денежных знаков, указывалось: *«Премию под девизом „И так далее“ получил художник А.В. Манганари»*[172].

В Протоколе, подписанном комиссаром имуществ Российской республики П.П. Малиновским и шестью крупнейшими художниками во главе с С.Т. Коненковым[173], указывалось, что было постановлено премировать автора и поручить ему *«исполнить всю серию в окончательной раскраске»*[174].

Дело совсем уже было шло к изготовлению тиража — решено было печатать знаки в мастерских бывшего Строгановского училища[175], для чего подобраны были мастера, найдены литографские камни и краски[176].

[167] Фалилеев Вадим Дмитриевич (1879–1950) — один из крупнейших русских граверов первой четверти XX в., мастер станкового декоративного эстампа, цветной гравюры на линолеуме, художник, который утвердил гравюру как искусство самостоятельное, равноправное с живописью.

[168] Масютин Василий Николаевич (1884–1955) — художник, график, гравер, теоретик искусства и писатель. После Первой мировой войны работал в составе Комиссии по охране памятников искусства и старины, преподавал искусство офорта в Государственных Свободных Художественных Мастерских.

[169] Буниатов Николай Гаврилович (1884–1943) — один из ведущих армянских зодчих первой половины XX в. С 1917 по 1924 г. Н.Г. Буниатов работал в Москве, преподавал в Московском институте гражданских инженеров. В 1924 г. приглашен Правительством Армянской ССР на должность главного архитектора Еревана, в которой проработал свыше 13 лет.

[170] Щусев Алексей Викторович (1873–1949) — русский и советский архитектор, в 1918–1923 гг. руководивший разработкой генерального плана «Новая Москва».

[171] Жолтовский Иван Владиславович (польск. *Jan Żółtowski*; 1867–1959) — русский и советский архитектор, художник, просветитель, крупнейший представитель ретроспективизма в архитектуре Москвы. После революции 1917 г. Жолтовский сосредоточился на преподавательской деятельности в ВХУТЕМАСе и городском планировании.

[172] Манганари Александр Викторович (1879–1934) — художник, офортист. Выпускник Академии художеств (1891–1896). Работал в мастерской проф. В.В. Матэ.

[173] Конёнков Сергей Тимофеевич (1874–1971) — русский и советский скульптор, которого еще до революции называли «русским Роденом». После революции участвовал в реализации плана «монументальной пропаганды».

[174] Несмотря на то что выпуск не был осуществлен, эскизы знаков Моссовета пригодились впоследствии. Версия о дальнейшей судьбе предлагавшихся к выпуску проектов «московских» денежных знаков см.: *Парамонов О.* Планы выпуска бон для Московской области в 1918 году. // Таганский бонист — М., 1999. № 1 (64). С. 2.

[175] Бывшее Императорское Строгановское Центральное художественно-промышленное училище, основанное в 1825 г. графом С.Г. Строгановым как школа подготовки художников декоративно-прикладного искусства и первоначально именовавшееся как «Рисовальная школа в отношении к искусствам и ремеслам». Располагалось на Мясницкой ул. в Москве. Ныне — МГХПА им. Строганова.

[176] См.: *Вержбицкий Н., Медведовская Э.* Деньги революции. // Журнал «Москва», 1966. № 6.

Однако на исходе марта Всероссийский Совнарком отклонил ходатайство о выпуске столь необходимых суррогатов, постановив *«не выпускать в Москве и Московской области денежных знаков (бон или местных советских денег)»*[177]. И мотивировано это решение было, прежде всего, тем, что совсем вскоре, мол, ожидается более чем достаточное пополнение запасов наличности деньгами единого общегосударственного образца.

Казалось бы, со дня на день должны были появиться в обороте «чехонинские» кредитки!..

Выпуск этих новых дензнаков был к тому времени уже крайне необходим. И даже не столько из политических побуждений с необходимостью замены кредитных билетов «монархического» образца, сколько из соображений сугубо практических: уже не только в провинции, но и в Петрограде разменный кризис набирал обороты — нередкими стали случаи, когда за размен тысячерублевого «думского» билета брали 25–50 рублей. На петроградских базарах образовались группы своеобразных менял, бравших за размен крупных дензнаков 10–15%.

Мелкие кредитки и разменные знаки (выпущенные в конце 1915 года взамен исчезнувшей мелочи) истрепались и пришли в негодность. В городских трамваях (где с 25 марта тариф за проезд подняли до 40 копеек[178]) — хронические скандалы из-за обветшавших марок.

«Производим теперь мы очень мало, — писал в газетной статье известный поэт и публицист Федор Сологуб[179]. — *Некогда работать, надо углублять революцию и укреплять завоевания пролетариата. Даже производство денежных знаков из бумаги стало отставать от роста потребностей»*[180].

Недостаток мелких купюр усугублялся тем, что все эвакуирующиеся из Петрограда лица и учреждения, опасаясь того, что в провинции «керенки/ленинки» не принимают, выездные пособия получили исключительно в «надежных» кредитках. Таким образом, каждую неделю громадная масса наличных в удобных и привычных кредитных билетах утекала из города…

В сообщении «От главного комиссара Государственного банка» указывалось: *«За последние дни наблюдается чрезвычайно большой наплыв публики в разменную кассу Петроградской конторы Гос. банка, причем для размена представляются не столько кредитные билеты крупного достоинства (1000, 500, 250), сколько казначейские знаки в 40 и 20 р. и билеты государственного казначейства.*

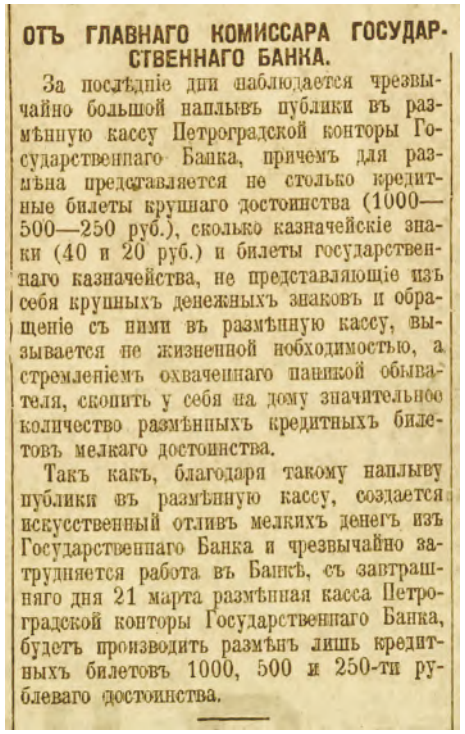
[177] Сообщение о постановлении 29 марта не выпускать местных денежных знаков в Москве и Московской области, 31.III.1918 г. // Декреты Советской власти, Т. 2. 1959. С 39.

[178] В конце 1916 г. городская дума Петрограда подняла тариф с 5 до 10 коп., что вызвало резкие протесты. В мае 1917 г. — 15 коп., с осени — 20 коп. С 25 марта 1918 г. тариф увеличен до 40 коп. В это время вагоновожатый получал зарплату в 260 руб., квалифицированные рабочие трамвайных депо — 350 руб.

[179] Федор Сологуб (наст. имя *Федор Кузьмич Тетерников*; 1863–1927) — русский поэт, писатель, драматург, публицист. Один из виднейших представителей символизма.

[180] *Сологуб. Ф.* Какой-то. // Петроградский голос, 9 апр. (21 марта) 1918 г. № 54. С. 1.

При существующей дороговизне на все продукты казначейские знаки и билеты государственного казначейства не представляют из себя крупных денежных знаков, и обращение с ними в разменную кассу вызывается не жизненной необходимостью, а стремлением охваченного паникой обывателя скопить у себя на дому значительное количество разменных кредитных билетов мелкого достоинства.



ОТЪ ГЛАВНАГО КОМИССАРА ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

За послѣдніе дни наблюдается чрезвычайно большой наплывъ публики въ размѣнную кассу Петроградской конторы Государственнаго Банка, причемъ для размѣна представляется не столько кредитные билеты крупнаго достоинства (1000—500—250 руб.), сколько казначейскіе знаки (40 и 20 руб.) и билеты государственнаго казначейства, не представляющіе изъ себя крупныхъ денежныхъ знаковъ и обращеніе съ ними въ размѣнную кассу, вызывается не жизненной нобходимостью, а стремленіемъ охваченнаго паникой обывателя, скопить у себя на дому значительное количество размѣнныхъ кредитныхъ билетовъ мелкаго достоинства.

Такъ какъ, благодаря такому наплыву публики въ размѣнную кассу, создается искусственный отливъ мелкихъ денегъ изъ Государственнаго Банка и чрезвычайно затрудняется работа въ Банкѣ, съ завтрашняго дня 21 марта размѣнная касса Петроградской конторы Государственнаго Банка, будетъ производить размѣнъ лишь кредитныхъ билетовъ 1000, 500 и 250-ти рублеваго достоинства.

Благодаря такому наплыву публики в разменную кассу создается искусственный отлив мелких денег из Гос. банка и чрезвычайно затрудняется работа в банке, с завтрашнего дня 21-го марта разменная касса Петроградской конторы Государственного банка будет производить размен лишь кредитных билетов 1000, 500 и 250 р. достоинства.

Исполн. об. главного комиссара Гос. банка Крестинский»[181].

С мнением господина главного комиссара банка трудно согласиться — не столь уж и «мелкой» купюрой были тогда «керенки», и отнюдь не простой блажью было стремление разменять их.

Конечно же, покупательная способность рубля упала — у всех на устах была газетная шутка на злобу дня: *«Не может быть, чтобы немцы изобрели пушку, стреляющую на 120 километров!.. — А вы разве не можете допустить, что во время войны во Франции километр упал так же, как у нас рубль?..»*

Довоенный «паритетный» курс в 2,666 франц. франка за 1 рубль

Довоенный «паритетный» курс в 2 шиллинга 1 $^{5}/_{12}$ пенса за 1 рубль

Довоенный «паритетный» курс в 0,51 амер. доллара за 1 рубль

[181] Петроградская правда, 21(8) марта 1918 г. № 54(280). С. 1; Петроградский голос, 21(8) марта 1918 г. № 39. С. 4.

Весной 1918 г. за 1 рубль давали 0,72 франц. франка

Курс б $^{5}/_{12}$ пенса за 1 рубль

Весной 1918 г. курс 0,13 амер. доллара за 1 рубль

Перепуганным современникам и очевидцам тех событий свойственно было преувеличивать драматизм инфляционной ситуации:

«Что сделали со мною? Как быть теперь рублю?
Поймите, что ценою я равен стал нулю!
И раньше бед немало я видел, свет кляня!
Купечество „ломало“ частехонько меня.
Но, все же, рубль был — сила! Поцарствовал я всласть,
И вдруг меня сломила Российская же власть!
Меня ценили банки за крепкие бока!
На „марки“ или „франки“ глядел я свысока[182].
Родясь из „ассигнаций“, я каждому был мил.
От грозных „девальваций“ Господь меня хранил.
Бездарнейшие Барки[183] *душили-ль так меня,*
Чтоб ниже финской марки цена была моя?[184]

[182] Довоенный паритетный курс германской марки (0,358423 г чистого золота): 2,16 за 1 рубль золотом (в 1 герм. марке 46,23 коп.); курс французского франка (0,2903 г чистого золота) — 2,666 (37,5 коп. за 1 франк, т.е. 15 руб. = 40 франков). Паритет французского франка был тождествен для бельгийского и швейцарского франка, румынского лея, сербского динара, итальянской лиры и испанской песеты.

[183] Имеется в виду Петр Людвигович Барк (1869–1937) — последний Министр финансов Российской империи (с 6 мая 1914 г. по 28 февр. 1917 г.), во время службы которого связанные с войной обстоятельства впервые серьезно подорвали покупательную способность русского рубля.

[184] Довоенный паритетный курс финской марки (0,2903 г чистого золота): 2,666 марок за 1 рубль золотом (37,5 коп. = 1 марке; 15 руб. = 40 марок). В марте 1918 г. в Финляндии *«усилилась спекуляция с русскими деньгами, открылось несколько частных валютных контор, где наши деньги, не имея твердого курса, котируются 75–85 пенни рубль. Скупка старых дореволюционных кредитных билетов не ослабевает: за 100 рублей платится 108–110 финских марок, а 500-рублевые кредитные билеты покупаются по 550 марок».* В Петрограде на бирже финская марка в марте 1918 г. продавалась за 1 рубль 15 копеек.

На „курс“ я хладнокровно смотрел, престиж любя,
И в сто копеек ровно оценивал себя[185].
Но — что здесь вечно в мире? Дошел я до того-с
Что мне „турецкой лире“[186] *завидовать пришлось!*
Что день — я таю, таю, на свет гляжу с тоской,
И как дошел, не знаю, до участи такой.
Кляня судьбу-злодейку, что вот уже — ей, ей
За медную копейку заплатят сто рублей!»[187]*...*

Довоенный «паритетный» курс в 2,666 финских марок за 1 рубль

Курс в 1,10 марок весной 1918 г. за 1 рубль в 100- и 500 рублевых «романовских» кредитках

Курс в 0,75 марок за 1 рубль в «думских» билетах

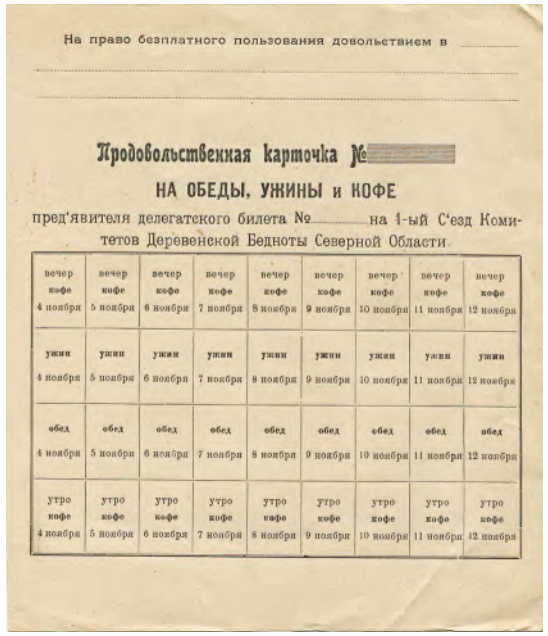
Тем не менее, в сравнении с последующими событиями тогдашнее падение курса едва ли еще можно воспринимать как нечто ужасающее: *«Сметану, которая раньше продавалась по 2 р. 80 к., теперь считается за счастье купить по 3 р. 50 к. и 4 р. за фунт,* — указывали газеты в апреле, — *колбаса, стоившая раньше 6 руб., теперь продается по 16 р. ф., ветчина и сыр исчезли совершенно, масло почти исчезло и вместо 10 р. продается по 20, мясо вместо 3 р. 50 к. — по 8 р. и т.д.»*[188].

[185] В апреле 1918 г. автор газетной статьи сравнивал довоенный «паритетный» курс валюты и неофициальный нынешний, сложившийся на «свободном рынке»: фунт стерлингов = 9,47 руб. (и теперешний 37,5 руб.); амер. доллар = 1,95 (и 7,88); франк = 0,37½ (и 1,38). Исходя из того, что курсы понизились, в общем, приблизительно в 4 раза, автор делал вывод, что бумажный рубль расценивается на международном рынке около 25 коп. При этом на внутреннем рынке покупательная способность рубля упала в сравнении с довоенным временем в куда большей степени — в среднем (по разным категориям товаров) до 3,6–7 коп. золотом (См.: Мародерство и курс рубля. // Петроградская правд, 3 апреля (21 марта) 1918 г. № 65(291). С. 2).

[186] В данном случае ирония автора фельетона не совсем понятна, поскольку турецкий фунт («лира османлы» = 100 курушей/пиастров = 4000 пара) — это 6,61519 г чистого золота, в то время как дореволюционный золотой рубль всего 0,774234 г. Т.о., довоенный паритетный курс золотой турецкой лиры («меджидие» — монеты в 100 курушей) составлял 8,54 руб. (или 0,117 лиры за 1 руб. золотом). После реформы 1916 г. чистый вес золота в пиастре («куруш османлы» = $^{1}/_{100}$ лиры) был установлен в 0,066147 грамма.

[187] Рубль. // Петроградский голос, 17(4) апреля 1918 г. № 61. С. 2.

[188] Организация голода. // Петроградский голос, 16(3) апреля 1918 г. № 60. С. 4.



На право безплатного пользования довольствием в .....

Продовольственная карточка №

НА ОБЕДЫ, УЖИНЫ и КОФЕ

пред'явителя делегатского билета №.....на 1-ый С'езд Комитетов Деревенской Бедноты Северной Области.

вечер кофе 4 ноября	вечер кофе 5 ноября	вечер кофе 6 ноября	вечер кофе 7 ноября	вечер кофе 8 ноября	вечер кофе 9 ноября	вечер кофе 10 ноября	вечер кофе 11 ноября	вечер кофе 12 ноября
ужин 4 ноября	ужин 5 ноября	ужин 6 ноября	ужин 7 ноября	ужин 8 ноября	ужин 9 ноября	ужин 10 ноября	ужин 11 ноября	ужин 12 ноября
обед 4 ноября	обед 5 ноября	обед 6 ноября	обед 7 ноября	обед 8 ноября	обед 9 ноября	обед 10 ноября	обед 11 ноября	обед 12 ноября
утро кофе 4 ноября	утро кофе 5 ноября	утро кофе 6 ноября	утро кофе 7 ноября	утро кофе 8 ноября	утро кофе 9 ноября	утро кофе 10 ноября	утро кофе 11 ноября	утро кофе 12 ноября

Если судить по газетным сводкам, то в апреле 1918 года 20 рублей (т.е. меньшая из «керенок») на Сенном рынке Петрограда — это без малого три фунта свежей белуги (по 7 руб. за фунт), или пять фунтов судака (по 3,5–4 руб. за фунт), или четыре фунта конской колбасы (по 5–5,5 руб. за фунт), или два с лишним фунта свежей телятины (мешочники продавали по 6 руб. за фунт), или же семь с половиной фунтов картофеля (по 2 руб. 70 коп. за фунт)[189]. При этом *«торговцы на некоторые товары сильно запрашивают, но уступают цены»*.

В заметке «Моя финансовая система», описывая катастрофическое положение в Петрограде с разменом казначейских знаков (*«которые теперь начинают называть „ленинками“»*), автор жаловался, что, *«получив свое жалованье аптекарскими этикетками, на которых криво выгравированы цифры 20 и 40»*, невозможно было купить что-либо из-за отсутствия в лавках сдачи. Он предлагал, скооперировавшись, закупать сразу по 10 коробок гуталина, 10 лампадок для икон, 10 бутылок уксуса и т.д.[190]

Позднее некто С. Кошкин в заметке «Исторический документ» приводил для сведения читателей любопытный счет из ресторана, где за *«скромный обед на двоих с осетриной, грибами, телятиной, рябчиком и прочим»* (!) с него взяли 86 рублей[191]. Это возмутившее автора «зверство» обошлось ему в огромную по тогдашним представлениям сумму. А ведь это в «керенках»...

В марте газета «Петроградский голос» писала: *«Дождались радостных дней те массы, которые в лучшие дни умели отложить копеечку: в ссудо-сберегательных кассах открылись операции, вклады выдаются беспрепятственно, но в сумме до 100 рублей не чаще одного раза в неделю. Из-за пресловутых „керенок“ происходит, как и всюду, масса недоразумений. Женщине приходится получить всего-то 7 рублей; при выдаче кассир сберегалки требует с нее 33 рубля, предлагая взять*

[189] В марте-апреле 1918 г. «таксовой комиссией» Петроградского продсовета были установлены максимальные цены: треска — 2,15 руб. за фунт; судак — 2,25 руб., сельдь — от 1,30 до 1,65 руб., салака — 80 коп., сухой картофель — 1,35 руб., колбаса вареная — 2,25 руб., свинина — от 1,45 до 1,80 руб., баранина — 1,10 руб., телятина — 2,00 руб. за пуд В мае 1918 г. на базарах города: яйца свежие — 11–12 руб. за десяток; телятина — 9–10 руб. за фунт; свинина — 9–11 руб.; колбаса — 10–12 руб.; картофель — 2,50–3 руб.; белуга и осетрина — 6,50–7 руб. В кооперативах цены несколько ниже.

[190] Моя финансовая система. // Петроградское эхо, 30(17) марта 1918 г. № 39. С. 2.

[191] Исторический документ. // Петроградское эхо, 20(7) марта 1918 г. № 41. С. 2.

„керенку“ в 40 рублей. У нее не только нет 33-х рублей, нет 33-х копеек, и ей приходится уходить и, во всяком случае, потерять очередь данного дня. Другой женщине надо всего 3 рубля возвратить, но и тут касса просит 17 рублей сдачи, предлагая „керенку“ в 20 рублей. Сберегательные кассы могли бы раздобыться мелкими деньгами. Были случаи, когда двум-трем вкладчикам выдавали сразу вместе одну „керенку“ и немного мелочи марками, а затем они уходили менять „керенку“ ,чтобы поделиться»[192]…

Совсем немудрено, что в это время появлялись подобные горькие строки:

«Люди мудрые едва-ли, ум корыстью веселя,
Фармазонского искали неразменного рубля.
Но теперь стремленье это превратилось в пыль и прах:
Фармазонская монета есть у каждого в руках.
Знает бедный и богатый, как монету эту звать:
Этой „керенки“ проклятой ни за что не разменять…»[193]

В начале весны было много разговоров и споров о судьбе русского рубля. Ходили упорные слухи и о деноминации, и о девальвации[194].

Несмотря на вакханалию, что только набирала обороты в это время уныния и страхов, петроградцев с радостью извещали, что *«в комиссариате по делам финансов передают о решении совета народных комиссаров в ближайшем будущем выпустить в обращение давно исчезнувшую из оборота медную монету. Предполагается для чеканки медных монет использовать те огромные запасы меди, которые остались неиспользованными на заводах военной обороны. Монеты будут чеканиться, вероятно, в Екатеринбурге»*[195]. Впрочем, вскоре последовало опровержение — и директор канцелярии по кредитной части А.Е. Аксельрод, и начальник монетного двора И.И. Бабаянц сообщили, что никаких планов возобновления чеканки нет и в помине[196]…

Тем не менее, ободренные сообщениями о печатании кредиток нового образца обыватели были уверены в скорой отмене керенок: *«Комиссариатом финансов решено приостановить дальнейшее печатание керенок и принимать все меры для постепенного изъятия их из обращения»*[197].

[192] В сберегательных кассах. // Петроградский голос, 15(2) марта 1918 г. № 34. С. 3.

[193] Неразменная монета. // Петроградский голос, 12 июля 1918 г. № 128. С. 2.

[194] См.: Опыты над рублем. // Петроградский голос, 22(9) марта 1918 г. № 40. С. 2; О новой денежной единице. // Петроградский голос, 31(18) марта 1918 г. № 48. С. 3; Девальвация рубля. // Петроградский голос, 10 апреля (28 марта) 1918 г. № 55. С. 1; О девальвации. // Петроградская правда, 12 апреля (30 марта) 1918 г. № 72(298). С. 3; Новая денежная единица. // Дело Народа, 23(10) апреля 1918 г. № 26. С. 3; Девальвация неизбежна. // Петроградское эхо, 26(13) апреля 1918 г. № 5; Рубль – франк. // Петроградский голос, 18(5) мая 1918 г. № 83. С. 1; Слухи о девальвации — неверны. // Петроградский голос, 24(11) мая 1918 г. № 88. С. 3.

[195] Петроградский голос, 9 апр. (21 марта) 1918 г. № 54. С. 4.

[196] Петроградский голос, 12 апр. (30 марта) 1918 г. № 57. С. 1.

[197] Петроградский голос, 9 апр. (21 марта) 1918 г. № 54. С. 2.

Временами даже казалось, что все налаживается: *«за последние дни разменный кризис несколько смягчился: в обращении объявились мелкие кредитки романовского типа до 10-рублевок включительно. В особенности много появилось рублей, „трешниц“ и марок. Объясняется это, с одной стороны, выпуском из Гос. банка мелких денег (по размену). В магазинах размен керенки, даже 40-рублевой, не затруднен»*[198].

В марте-апреле в Петрограде наблюдался ажиотажный спрос и на крупные купюры «романовских»: в различных кафе действовали маклерские «биржи», скупавшие 25-, 100- и 500-рублевые кредитки (по 525 рублей керенками).

Герб Союза Коммун Северной Области летом 1918 г. (Реконструкция по изображению в газете «Северная Коммуна»)

«С 1916 года началась подлейшая и грязнейшая спекуляция с сотенными билетами, — рассказывалось в статье «Петроградского голоса». — *Тогда лаж на них был ничтожный в 50 коп[еек]. на билет, причем продавались они весьма тайно и транспортировались в Швейцарию в буквальном смысле тюками. В конце 1916 г. объявился спрос на пятисотенные кредитки с лажем на них по 2 руб.*

С 1917 года и в особенности с июня месяца спекуляции с „катеньками“ (100 р.) и „петровцами“ (500 р.) приняли обширнейшие размеры: скупались они на всех перекрестках; лаж на них все время возрастал. За последние же дни усиленно ищут эти кредитки, причем лаж на них достиг колоссального процента: за 500-рублевые платят 600 руб. и за сотенные билеты — 130–135 руб.

Дельцы охотно их продают, потому что прекрасно понимают, что по отношению к ценности рубля не может быть и не будет никакой разницы между думским рублем, керенкой или сотенными билетами. Правда, в оккупированных немцами областях при расценке рубля для керенок и думских рублей установлен один курс (более низкий), а для кредиток романовского типа, в особенности сторублевых и пятисотрублевых — другой курс, более высокий; но конечно сам по себе курс этот произвольный и устанавливается комендатурой. Благо, наше нынешнее финансовое ведомство не принимает никаких мер для урегулирования курса рубля по отношению к курсу немецкой марки, и на этой операции весьма жирно наживают немцы и те из спекулянтов, которые обменивают романовские деньги на керенки и думские рубли.

[198] К разменному кризису. // Петроградский голос, 12 апреля (30 марта) 1918 г. № 57. С. 2.

Теряет же на этом преимущественно состоятельный, но малограмотный люд, который склонен верить, что романовские деньги более ценны, чем керенки и думские рубли… К великому прискорбию, спекуляция с пятисотенными и сотенными кредитками, которые теперь транспортируются в Сибирь и в деревню, принимает все большие и большие размеры»[199].

Несмотря на все уверения, разные сорта денег продолжали все больше расходиться в стоимости.

[199] «Катеньки» и «Петровцы». // Петроградский голос, 16(3) мая 1918 г. № 81. С. 2. Стоит отметить, что к лету ажиотажный спрос на 100- и 500-рублевые «романовские» кредитки несколько ослаб: спекулятивные цены упали с 625–650 до 550 руб. (за 500-рублевые кредитки) и со 135–140 до 115 руб. (за 100-рублевые билеты). При этом особого спроса не было (См.: Петроградский голос, 20(7) июня 1918 г. № 110. С. 4).

Довоенный «паритетный» курс в 2,1547 немецких имперских марок за 1 рубль

Установленный оккупационной администрацией курс в 1,25 марки за 1 рубль в «романовских» кредитках

Установленный обменный курс в 1 марку за 1 рубль в «керенках»

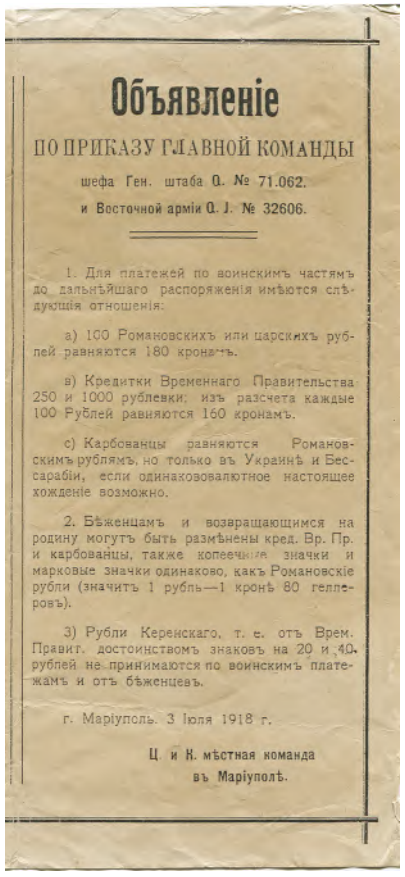
Довоенный «паритетный» курс в 2,528 австро-венгерских крон[200] *за 1 рубль*

Установленный оккупационной администрацией курс в 1,80 крон за 1 рубль в «романовских» кредитках

Установленный обменный курс в 1,60 крон за 1 рубль в «думских» кредитных билетах[201]

[200] В ходе денежной реформы в Австро-Венгерской империи 2 августа 1892 г. был осуществлен переход от серебряного стандарта к золотому и была введена новая денежная единица — крона (1 кг золота = 3280 крон). До 1900 г. новые деньги находились в параллельном обращении с ранее выпущенными монетами и банкнотами в австрийских гульденах (флоринах) в соотношении: 1 гульден (флорин) = 2 кроны, 1 крейцер = 2 геллера. 20 сентября 1900 г. начат выпуск банковских билетов в кронах. В 1892 г. курс австро-венгерской кроны составлял 0,8505 немецкой марки; в 1907 году — 0,8471 немецкой марки в 1909 году — 0,8479 нем. марки (или 1,05 франков Латинского монетного союза); в 1913 году — 0,8481 немецкой марки в 1915 году — 0,7143 немецкой марки в 1916 году — 0,6896 немецкой армии в 1917 году — 0,6493 немецкой марки с ноября 1918 года — 0,5 немецкой марки. Довоенный паритетный курс к русской валюте составлял 2,528 австро-венгерской кроны за 1 рубль (или 39½ коп. за 1 австро-венгерскую крону).

[201] Для сравнения: в Петрограде в это время у биржевиков *«в большом спросе германские марки, оставляющие покупателей из 1 р. 50 коп. За австрийские кроны платят 65 коп.»* (В биржевых кругах. // Петроградский голос, 15(2) марта 1918 г. № 34. С. 4).



Объявленіе

ПО ПРИКАЗУ ГЛАВНОЙ КОМАНДЫ

шефа Ген. штаба О. № 71.062.

и Восточной арміи О. J. № 32606.

1. Для платежей по воинскимъ частямъ до дальнѣйшаго распоряженія имѣются слѣдующія отношенія:

а) 100 Романовскихъ или царскихъ рублей равняются 180 кронамъ.

в) Кредитки Временнаго Правительства 250 и 1000 рублевки: изъ разсчета каждые 100 Рублей равняются 160 кронамъ.

с) Карбованцы равняются Романовскимъ рублямъ, но только въ Украинѣ и Бессарабіи, если одинакововалютное настоящее хожденіе возможно.

2. Бѣженцамъ и возвращающимся на родину могутъ быть размѣнены кред. Вр. Пр. и карбованцы, также копеечные значки и марковые значки одинаково, какъ Романовскіе рубли (значитъ 1 рубль—1 кронѣ 80 геллеровъ).

3) Рубли Керенскаго, т. е. отъ Врем. Правит. достоинствомъ знаковъ на 20 и 40 рублей не принимаются по воинскимъ платежамъ и отъ бѣженцевъ.

г. Маріуполь. 3 Іюля 1918 г.

Ц. и К. мѣстная команда
въ Маріуполѣ.

Плакат с объявлением австро-венгерских военных властей о курсах приема различных русских дензнаков летом 1918 г.

Установление немецкой военной администрацией в оккупированной зоне разных курсов на различные виды российских дензнаков[202] спровоцировало спекуляции и в столицах: за 100 рублей в кредитках дореволюционного образца (пятерками, «красненькими» и четвертными билетами) давали уже 110–115 рублей в «думских» или «керенках»[203].

О том, какое отношение сложилось у обывателей к различным сортам и видам денежных знаков весной 1918 года, ярко и колоритно повествовалось в фельетоне Игнатия Герсона[204], опубликованном в «политической, общественной и литературной газете»:

«Купец-толстосум Храпилов приехал домой расстроенный и, переодеваясь в туфли и халат, достал из бокового кармана туго набитый бумажник и сердито бросил его в ящик письменного стола.

— Опять буржуй не в духе! — заворчала сорокарублевая керенка, находившаяся в бумажнике среди других денег.

— Ты кого угодно расстроишь! — отозвалась красавица-сторублевка.

— О, Господи, далась я вам всем: нигде мне житья нету! Готова руки на себя наложить! — заскрипела керенка.

— Угомонись! — посоветовал купон в двенадцать с полтиной. — Посмотри на себя, на что ты похожа! Первый признак душевной ненормальности — это потеря симметрии лица, а у тебя ноль весь на сторону перекосило!

[202] *«Объявление. …При торговле и при размене рубль Керенского приравнивается 80 коп. царских денег = 50 коп. немецких восточных денег = одной германской марке»* (В Нарве. // Петроградская правда. Вечерний выпуск, 1 апреля 1918 г. № 64. С. 3). *«Наш рубль в Минске расценивается двояко: 1 руб. керенками стоит 50 коп. оккупационными деньгами, иначе говоря — одну марку; царский рубль равняется 62 ½ коп. или 1 м. 25 пф.»* (Под пятой завоевателя. // Петроградская правда, 27(14) апреля 1918 г. № 85(311). С. 2). *«Смоленск. Торговцы усиленно спекулируют на русских денежных знаках, прибирая к рукам старые выпуски и обесценивая совершенно керенки»* (Хозяйничанье немцев. // Известия Вологодского губ. Совета Р., С. и Кр. Деп., 26(13) апреля 1918 г. № 88. С. 4).

[203] В биржевых кругах. // Петроградский голос, 18(5) мая 1918 г. № 83. С. 4.

[204] Репортер «Петербургского листка», писатель-юморист И.М. Герсон (наст.: Леви Бен Герсон; Гершуни), о котором В.А. Гиляровский писал: *«маленький сотрудник, у которого визитные карточки были таковы: „Игнатий Герсон. Прозаическое заведение и рифмоплетня“. Талантливый автор сценок, но больше юморист, чем редактор».*

— Помучайся так, как мы мучаемся, — узнаешь, что такое „обязателен к обращению наравне с кредитными“, — вступилась двадцатирублевая керенка. — Рыночный торговец от нас отказывается, трамвайный кондуктор нос воротит, спекулятор просто отплевывается, а попадешь в Финляндию или в Украйну[205], так и сидишь в том кошельке, в котором привезли тебя, пока обратно домой не вернешься: в грош тебя не считают! У евреев при царе Николае черта оседлости шире нашей была!

— Сочувствую! — пробасил тысячерублевый заем свободы.

— А моя дуда и туда, и сюда! А меня всюду рублем за рубль берут! — похвастался заем пятидесятирублевый[206].

— Никак, сектант заговорил? — ехидно сказал тысячерублевый кредитный билет.

— Почему я сектант?

— Где твои купоны?!

—Э, миленький, я вижу, ты наивен и недаром на тебе нарисована эта эмблема наивности — Таврический дворец! Ты воображаешь, что купонный лист мой оторван и ушел на завертку колбасы? Нет, ошибаешься: во-первых, купоны мои по первое ноября прошлого года[207] признаны действительными, а, во-вторых, остальные тоже острижены и пущены в темную массу, не умеющую разбирать-

[205] Еще в феврале 1918 г. германские военные и политики сошлись во мнении, что Россия уже распалась на три части: Финляндия и Украина заключили мир с Германией, а военные действия вела лишь Великороссия. Впервые идея создания украинского государства прозвучала со страниц берлинского журнала Die Gegenwart («Современность»), где в январе 1888 г. была напечатана статья Russland und Europa немецкого философа Эдуарда фон Гартмана, в которой предлагался план создания из украинских земель «королевства Киевского» с целью ослабления и разделения России. Спустя сорок лет начальник штаба Восточного фронта генерал Гофман утверждал: *«В действительности Украина — это дело моих рук, а вовсе не плод сознательной воли русского народа. Я создал Украину для того, чтобы иметь возможность заключить мир хотя бы с частью России».* В 1918 г. границы новообразованной Украины (28 января объявившей о своей независимости и управляемой номинально Центральной Радой, вскоре разогнанной) определялись в Берлине — там пришли к выводу, что в это государство-сателлит входят 9 областей: Волынь, Подолия, Херсон, Таврида (за исключением Крыма), Киев, Полтава, Чернигов, Екатеринослав и Харьков. Весной 1918 г. газеты приводили слова песенки, что распевали в Одессе: *«Ще не вмерла Украина От Одессы до Берлина. Гайдамаки ще не сдались Дейчланд, Дейчланд юбер аллес».*

[206] Вероятно, подразумевается купюра в 50 рублей «Займа Свободы», Декретом СНК выпущенная в обращение наравне с кредитными билетами. Тем не менее, странно из уст этого «персонажа» слышать остроты в отношении изображения Таврического дворца на оппоненте, поскольку на самой облигации помещалось то же самое изображение. Исходя из этого можно предположить, что имеются в виду 50-рублевые БГК — билеты (серии 414–475) Государственного казначейства, также узаконенные Декретом от 21 января 1918 г. в качестве денежных знаков.

[207] Незадолго до публикации фельетона в газетах объявили о постановлении Госбанка признать все не только октябрьские (по «1 ноября 1917 г.»), но и ноябрьские купоны включительно по «1 декабря 1917 г.» имеющими хождение наравне с кредитными билетами. Был обнародован и пространный список различных ценных бумаг, купоны от которых указанного срока должны приниматься по их номинальной цене в качестве денежных знаков (См.: Дело Народа, 31(18) марта 1918 г. № 9. С. 1; Петроградский голос, 21(8) апреля 1918 г. № 65. С. 3).

ся в сроках[208]*. Нет, я, мелкая купюрочка прямо счастлива: принимают всюду и самое меня, гуляют по белу свету и купоны мои.*

— Господин тысячерублевый заем! — окликает бумажный рубль.

— Я! Что вам угодно?

— Напрасно судьбу клянете: биржевики все-таки дают за вас шестьдесят шесть за сто, а народ этот с пребольшим нюхом и пятаки на ветер не выпустит[209]*.*

— Вашими устами хорошо паточные пряники есть! Что это за слепая случайность: купивший год тому назад десять листов займа по сто рублей каждый не теряет ни копейки[210]*, а купивший один лист в тысячу рублей сидит у моря и ждет погоды?!*[211] *Что мы, из разного теста, что ли, сделаны? Где было такое обязательство, что десять сторублевых листов мог приобретать только пролетариат, а один тысячерублевый — только буржуй-капиталист?!*

Кредитная рублевка было фыркнула, но тут же завопила благим матом, так как лопнула по наклеенной ленточной заплате.

[208] В тогдашних условиях малозаметная разница в сроках купонов, напечатанных на них мелким шрифтом, приносила множество неудобств обывателям, сбивая с толку относительно того, имеют ли купоны законную платежную силу или нет (См.: Денежная неразбериха. // Петроградский голос, 3 мая (20 апр.) 1918 г. № 72. С. 2). В газетных фельетонах встречались порой подобные строки о хитрых махинаторах: *«Небось, снова купончик за тысяча девятьсот сорок восьмой год в пачку подсунули?»*

[209] Борьба с биржевиками меж тем не ослабевала: *«Несмотря на запрет купли и продажи ценных бумаг, таковые до сих пор производятся мародерами и спекулянтами. Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией настоящим объявляет, что при обнаружении подобного дела виновные будут рассматриваться, как государственные преступники и изменники революции. Соответственно с этим будет применено наказание, вплоть до расстрела и конфискации имущества»* (Борьба со спекулянтами. // Петроградская правда, Вечерний выпуск, 7 июня 1918 г. № 118. С. 3).

[210] По декрету СНК от 16(3) февраля 1918 г. (СУ. 1917–1918, № 24) суррогатами денежных знаков, обращающимися наравне с кредитными билетами, были объявлены облигации «Займа Свободы» номиналом до 100 руб. включительно (т.е. в 20, 40, 50 и 100 руб.): *«Вменяется в обязанность всем торговцам, квартирохозяевам и частным лицам принимать в уплату заем свободы купюрами до ста рублей включительно, наравне с кредитными билетами. За неисполнение сего постановления виновные будут арестовываться и судиться по всей строгости революционных законов»* (Постановление управл. Государ. банком. // Известия Вологодского губ. Совета Р., К. и С. деп., 1 марта (16 февр.) 1918 г. № 54, С. 4; Власть труда, Иркутск, 26(13) февраля 1918 г. № 30, С. 4). Крупноминальные же облигации «Займа Свободы» достоинством в 500, 1 тыс., 5, 10 и 25 тыс. руб. не являлись законным платежным средством, будучи аннулированы и как процентные бумаги.

[211] Декретом от 18(5) апреля вводилась обязательная регистрация аннулированных процентных бумаг (не являвшихся денежными суррогатами). Спустя полгода после рассматриваемых событий Декретом СНК от 26 октября 1918 г. (СУ. 1918. № 79. Ст. 834) устанавливалась выкупная цена держателям ценных бумаг, которые следовало сдавать в учреждения Народного банка. Для крупноминальных облигаций «Займа Свободы» ликвидационная стоимость составляла 85 за 100. Выдача какого бы то ни было возмещения за аннулированные ценные бумаги (в т. ч. и облигации «Займа Свободы» свыше 100 руб.) была прекращена в РСФСР Декретом от 16 сент. 1920 г. (СУ. 1920. № 80. Ст. 378) — с этого времени все ходатайства об оплате оставались без удовлетворения.

— Перешла бы ты, ветошь паршивая, в кошелек: не в бумажнике с новенькими кредитками находиться тебе! — заметила кредитка в двести пятьдесят целковых.

— Тоже еще брезгает!.. — огрызнулся рубль.

— Да ведь ты вся в микробах и бациллах, от тебя любой болезнью заразиться можно, тебя давным-давно сжечь пора, а ты все еще гуляешь! Обносился весь, края с бахромой, номера стерлись, вдоль и поперек заплаты, углы оторваны… Тьфу, гадость!

— Старый друг лучше новых двух! Ты вот франтом, с иголочки выглядишь, да что толку: принимают тебя только по необходимости. Про тебя можно сказать: „Вот этот дерзкий мальчуган. Одеждой чист — душой поган“!

— В каких смыслах это?! За такие намеки можно и в „Кресты“![212]

— Вот тебе, франт, не намек, а напрямик: именно ты и есть настоящая керенка, потому что выпустил тебя не кто иной, как Керенский, а казначейские ярлычки в сорок и двадцать рублей выдумал не Керенский, а Бернацкий![213]

— И чего спорить, если всем нам без года неделю жить осталось! — вмешалась в разговор двадцатипятирублевка.

— Почему? — задали вопрос все.

— Девальвация идет!

— Это что за новая птица?

— Птичка-невеличка; синичка та самая, которую приятней держать в руках, чем журавля в небе видеть. Теперь в каждом рубле считается сто копеек золотом, а введут девальвацию — будет только один франк, то есть тридцать семь копеек золотом.

— Зачем это?

— А затем, что маленький ерш в ухе приятней, чем большой пень во щах!

— Боже, в какой мещанской компании я нахожусь, — заплакал пятитысячный „Нобель“[214]*.*

— Молчать, буржуй!!! — неистово закричала трехрублевка.

[212] «Кресты» — имеется в виду возведенный в 1868 г. в Санкт-Петербурге комплекс сооружений для краткосрочного содержания арестантов (центральная пересыльная тюрьма, «централ») из двух пятиэтажных крестообразных в плане корпусов.

[213] Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1943) — министр финансов Временного правительства с 25 сент. по 25 окт. 1917 г. Фактически возглавлял Министерство с 26 июля. Именно в период его службы на этом посту были выпущены в обращение упрощенные казначейские знаки в 20 и 40 рублей.

[214] «Нобель» — это наиболее загадочный из всех «персонажей» фельетона. Уместно предположить, что под именем «нобеля» подразумевается 5%-ное краткосрочное обязательство Государственного казначейства в 5000 рублей (узаконенное в качестве суррогата денежного знака п. 4 Декрета ВЦИК от 28 января (3 февр.) 1918 г.). Подобное жаргонное наименование автору прежде не встречалось, тем не менее иных денежных суррогатов столь крупного номинала в первой половине 1918 г. еще не существовало.

— Комедия! — смеялась фальшивая красненькая немецкой работы[215].

— Р-р-руки вверх! — скомандовал в эту минуту кто-то, ворвавшись к Храпилову.

Купец покорно поднял руки. Через две минуты бумажник уже лежал за пазухой налетчика.

— Все тут будем, — хором вздохнули деньги и замолчали!»[216] *...*

В столь удручающей обстановке газеты неустанно сообщали интригующую новость: *«В виду недостатка разменных денег, предполагается выпустить новые денежные знаки»*[217].

Конечно же, в сложившихся условиях выпуск «чехонинских» кредиток в 25, 50 и — уж тем более — в 100 рублей мало чем мог содействовать разрешению разменного кризиса. Однако, заменив в обращении неудачные казначейские знаки и многообразные узаконенные суррогаты, подобный выпуск, тем не менее, пришелся бы как нельзя более кстати.

Все с нетерпением ждали подобного мероприятия по оздоровлению денежного оборота.

Пламенный вождь революции Лев Троцкий громогласно объявил: *«Период завоевания власти уже до известной степени позади. Всех противников пролетариата и беднейшего крестьянства мы разбили или, по крайней мере, добили настолько, что они нескоро будут в состоянии поднять свою голову. Но наше положение нельзя считать сколько-нибудь устойчивым и прочным, ибо переживаемая страной разруха вследствие всей прошлой истории России усугубляется и грозит полным развалом всего хозяйственного строя, вместе с тем и нашей гибелью»*[218].

[215] Характерно, что в фельетоне упоминается пресловутый объект постоянных слухов об изготовлении немцами во время войны фальшивых русских кредитных билетов. В своих воспоминаниях, изданных в Париже, Б.В. Никитин (1883–1943), служивший в марте–июне 1917 г. начальником военной контрразведки штаба Петроградского военного округа, писал следующее: *«Временному правительству было известно, что в Германии имеются клише для наших десятирублевых кредитных билетов. Они были изготовлены еще до войны; но в свое время Министерство финансов обратило внимание, что на отпечатанных в Германии кредитных билетах две последние цифры серии оказались слегка подчеркнутыми. Следовало ожидать, что такие десятирублевки будут двинуты к нам через Финляндию, а потому проходы у Торнео приобретали совершенно особое значение. Важно отметить теперь же, что на некоторых солдатах, а особенно у матросов, арестованных после июльского восстания, мы находили эти десятирублевки немецкого происхождения с двумя подчеркнутыми цифрами»* (*Никитин Б.* Роковые годы. Новые показания участника. — Париж, 1937).

[216] *Герсон И.* («Зрячий»). Деньги заговорили. (Фантазия). // Петроградский голос, 19(6) апреля 1918 г. № 63. С. 4.

[217] Петроградский голос, 21(8) апреля 1918 г. № 65. С. 2.

[218] Троцкий о текущем моменте. // Петроградский голос, 8 апреля (20 марта) 1918 г. № 49. С. 1.

Весной 1918 года внимание новой власти сосредоточено было на решении чрезвычайно обострившейся проблемы денежного обращения. Один из руководителей финансового ведомства писал в статье «Денежный кризис», напечатанной в апреле во 2-м номере *«Народного хозяйства»: «Завещанный нам буржуазным хозяйством денежный знак отнюдь не является идеальным инструментом для строительской работы социализма. Но самые его несовершенства только заставляют ускорять работу экономического пересоздания»*.

10 апреля 1918 г. сообщалось, что ЦИК по докладу Стеклова утвердил новый государственный флаг красного цвета с надписью Р.С.Ф.С.Р. [219]

У авторов тогдашних аналитических материалов, опубликованных в прессе, складывалось впечатление, что *«правительство мечется в поисках денежных знаков, а не реальной финансовой политики»*[220].

В мае на Съезде представителей финотделов местных советов, собравшихся в зале бывшего Дворянского собрания, В.И. Ленин предложил провести радикальную денежную реформу для окончательного отстранения буржуазии от экономической власти: *«При переходе к социализму необходима замена теперешних денежных знаков другими свидетельствами, дающими право на общественное благо».* Предсовнаркома считал, что необходимо ввести *«строжайший учет имеющихся бумажек для полной замены всех старых денег новыми... Будет назначен самый кратчайший срок, в течение которого каждый должен сделать сообщение о количестве имеющихся у него денег, получив взамен новые деньги. Если эта сумма окажется небольшой — он получит рубль за рубль. Если окажется, что она превышает установленную норму, — он получит только часть»*[221].

Доклад председателя Совнаркома был воспринят неоднозначно: многие финансисты считали, что идеологические соображения не должны определять денежную политику. Рассказывая с газетных страниц о докладе Ленина на «финансовом съезде совдепов», бывший председатель Городской думы эсер А.А. Исаев критиковал предложенные новым правительством «финансовые реформы». Ставя под сомнение декларируемую «декретописцами» замену денежных знаков, он указывал, что провести эту комбинацию на первый взгляд не сложно, однако вряд ли выполнимо в данный момент: *«в широких массах подорвано всякое доверие к кредитным учреждениям. И деревенская масса, да и темная масса городская, сочувствует советской политике лишь тогда, когда она им сулит выгоды и привилегии, но как только дело касается сбережений, эта*

[219] Петроградский голос, 10 апреля (22 марта) 1918 г. № 55. С. 2.

[220] Денежный голод. // Петроградский голос, 24(11) апреля 1918 г. № 67. С. 1.

[221] Речь тов. Ленина на финансовом съезде Советов. // Петроградская правда, Вечерний выпуск, 20 мая 1918 г. № 102. С. 3

масса глуха не только к декретам, но и к голосу разума. …Деревня не только не будет обменивать старые деньги на новые, но и вообще их принимать не будет (и городское население умрет с голоду), ибо простонародье вообще относится с недоверием ко всякому типу новых бумажных денег, и нужны годы для закрепления в деревне нового типа денег. …Забыл г. Ленин и о том, что „за границей" могут и совершенно не признавать новых денег „социалистического отечества"…»[222]

Проекты НПК

В Центральном народно-промышленном комитете в Петрограде[223] был заслушан весной 1918 года ряд докладов о влиянии обесценения рубля на торговлю. При обсуждении их решено было организовать специальную комиссию по вопросам денежного обращения.

В этой комиссии, работавшей с марта по май 1918 года, был заслушан ряд докладов: А.Э. Ломейера «Внешняя торговля, кредитный рубль и проект частной денежной единицы»; небезызвестного уже нам А.Н. Зака «Реформа денежного обращения и Госбанк»; М.В. Бернацкого «К вопросу об оздоровлении денежного обращения»; Н.И. Ладыженского «Возможные мероприятия по улучшению финансового положения, связанного с войной»; А.И. Гурьева «Урегулирование денежной системы» и др.[224]

Тем временем газеты писали: *«В 1915 году у нас повсюду исчезли золотые монеты, в 1917 г. — серебряные и медные, в 1917 г. — не стало нигде „царских" кредиток; наступило „царство керенок", а теперь явственно уже ощущается приближение какого-то очередного кризиса с бонами. В трамваях, лавках и т.п. почти не видно бон в 20, 15 и 10 коп., особенно новых, а суют вам сдачу пятачковыми, трех, двухкопеечными знаками и копейками; в казначействах тоже этих мелких бон дают сразу рублей на пять… Как бы нам совсем не остаться скоро совсем без „монет"»*[225].

В начале мая промелькнуло было ободряющее сообщение о том, что *«художественными учреждениями Петрограда получены условия конкурса на проекты новой разменной монеты в 10, 15, 20 коп. и 1 руб., народного флага, герба и печатей.*

[222] Слова, слова, слова (Новые финансовые реформы). // Петроградский голос, 21(8) мая 1918 г., № 85. С. 1.

[223] 31 марта 1918 г. военно-промышленные комитеты (ВПК) были преобразованы в Народно-промышленные комитеты (НПК) в ведении ВСНХ. В мае 1918 г. был избран новый Президиум ЦНПК; большинство членов НПК стали составлять представители рабочих организаций и совдепов. 24 июля 1918 г. сов. правительство приняло решение о ликвидации комитетов (окончательно их деятельность была прекращена к марту 1919 г.).

[224] Сборник докладов: Вопросы денежного обращения. / Ред. Ломейер А.Э. — Пг.: Центральный народно-промышленный комитет, 1918.

[225] На лету. // Петроградский голос, 24 июля 1918 г. № 138. С. 2.

На монетах будет по борту надпись „Российская социалистическая федеративная советская республика". Вместо государственного герба — аллегорические фигуры рабочего и крестьянина с эмблемами труда в виде молота, серпа и т.п. По ребру надпись, указывающая содержание чистого серебра. Флаг должен быть выполнен по кранному полю. Герб будет символизировать единение рабочего и крестьянина, с теми же атрибутами, что и на монетах. Печатей две — одна для Совнаркома и другая для центр. исполн. комитета.

Срок представления работ — 14 мая. Потом будет произведена группировка представленных работ при участии авторов их, и за лучшие будут выданы по три премии в 200 руб. каждая, а затем авторам будет предоставлена дальнейшая детальная разработка премированных проектов за вознаграждения по 300 руб. для нового закрытого конкурса. Окончательное утверждение проектов предоставлено народному комиссариату по просвещению»[226]. Неделю спустя газеты сообщили, что на конкурс представлено было 30 проектов в рисунках и моделях, некоторые из которых оригинальны по замыслу и исполнению. Однако *«большинство выдающихся художников и скульпторов отказалось работать на этом конкурсе, в виду слишком короткого срока, назначенного для представления работ и полной неизвестности состава жюри»*[227].

Главной задачей весны 1918 года для Наркомата финансов становится упорядочение финансового хозяйства России. Вацлав Менжинский выполнил свою роль борца с саботажем: он сумел сломить забастовку банковских служащих и начал проводить два главнейших мероприятия, являвшиеся большевистскими лозунгами еще до революции: национализацию частных банков и аннулирование государственных займов. Однако в обстановке, когда требовалось, прежде всего, налаживание финансового механизма, «победитель» саботажников В.Р. Менжинский уже не подходил. Необходим был новый человек.

Второй период деятельности Советского государства в финансовой области связан с именем Исидора Гуковского[228]. Впервые его кандидатура появляется 22(9) января 1918 года — в этот день ЦК РСДРП (б) обсуждал вопрос о распределении сил. Менжинский предложил И.Э. Гуковского, которого решено было направить «на время в банки»[229]. На заседании Совнаркома 9 марта Гуковский был утвержден заместителем народного комиссара по делам финансов. Вскоре после этого он становится наркомом.

«Крупная буржуазия положена на обе лопатки, — писали оппозиционные газеты. — *Футуристы, кубисты, музыканты приветствуют большевиков. …*

[226] Новая монета и флаг. // Петроградский голос, 10 мая (27 апр.) 1918 г. № 76. С. 2.

[227] Петроградский голос, 16(3) мая 1918 г. № 81. С. 4. Выбор эскизов проектов, представленных на конкурс, должен был состояться 2 июня в здании Академии художеств.

[228] Гуковский Исидор Эммануилович (1871–1921) — революционер, являвшийся в 1917 г. казначеем большевистского ЦК. Третий по счету нарком финансов РСФСР (с 21 марта 1918 по 16 авг. 1918).

[229] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1-А. Д. 404. Л. 2.

Жители больших городов наслаждаются карточным счастьем на получение ⅛ фунта хлеба[230]*. И при всем этом где теперь Финляндия, Малороссия, Кавказ, Дон, Урал, Эстония, Латышский край? И во что превратилась Россия по брестскому миру?»*[231] …

Несбывшиеся надежды: «пензенки» вместо «Цереры и Меркурия»

Весной 1918 года все со дня на день ожидали выхода новых кредитных билетов. Однако неделя за неделей не приносили радостных известий…

А к началу лета стало очевидно, что и без того долго откладывавшийся выпуск вряд ли вообще состоится: *«Замена старых денег новыми откладывается на неопределенное время. Новые деньги уже заготовлены в достаточном количестве и свободно могли бы быть пущены в обращение»*[232].

Петроградское лето 1918 года началось тревожно: 20 июня 1918 года был убит городской комиссар по делам печати, пропаганды и агитации Володарский. На похороны собралось много народа. В толпе были лозунги: «Вы убиваете личность, мы убиваем классы!». И, по мнению В.И. Ленина, смерть Володарского была отличным поводом для «убийства классов»: все лето 1918 года в Петрограде шли аресты.

В начале июля «Петроградское слово» делилось с читателями мнением по поводу того, «где дешево жить»: в Белгороде, где белый хлеб стоит 1–1,20 руб. за фунт, пирожное — 60 коп., за фунт., колбаса — 3–3,50 руб. за фунт, молоко — 30–35 коп. за стакан. В Симбирске, где цена на ржаную муку колеблется от 60 до 85 руб. за пуд, а пшеничная — 110 руб. В Твери, где картофель стоит 1,50–1,80 руб. за фунт, мясо — 7–8 руб., за фунт, масло — 14–15 руб., за фунт, яйца — 5–6 руб. за десяток. На Кавказских Минеральных Водах, где можно, не бедствуя, поживать за 300 рублей в месяц. И в этом же номере указывалось: *«Снова настойчиво опровергается слух о девальвации и о новых кредитных билетах»*[233].

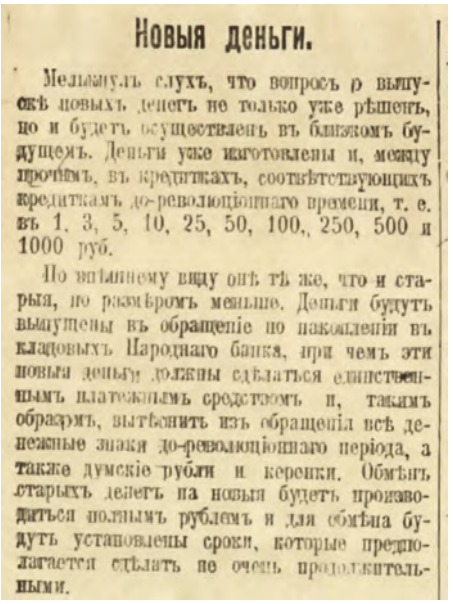
Тогда же, в июле 1918 года, стало окончательно ясно, что «чехонинским» кредиткам уже не увидеть свет — дальнейшие планы выпуска строились, имея в виду совсем иные дензнаки: *«Мелькнул слух, что вопрос о выпуске новых денег не только уже решен, но и будет осуществлен в близком будущем. Деньги уже изготовлены и, между прочим, в кредитках, соответствующих кредиткам дореволюционного времени, т.е. в 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500 и 1000 руб.*

По внешнему виду они те же, что и старые, но размером меньше. Деньги будут выпущены в обращение по накоплении в кладовых Народного банка, причем эти деньги должны сделаться единственным платежным средством и, таким образом, вытеснить из обращения все денежные знаки дореволюционного периода, а также думские рубли и керенки. Обмен старых денег но новые будет производиться полным рублем, и для обмена будут установлены сроки, которые предполагается сделать не очень продолжительными.

Уже неоднократно мы указывали, что желание совнаркома ввести новую денежную кредитку обречено на неуспех. Мало того, что введение фактически невозможно, хотя бы по той причине, что большая часть имеющихся в обращении миллиардов кредиток застряла в оккупированных местностях, где они пользуются хождением на таких же широких началах, как и раньше, и напр., на Украине охотнее берут романовские кредитки, чем карбованцы. Старые наши деньги сконцентрированы и за границей.

Введением нового типа кредиток совнарком не добьется изъятия старых денег из обращения и еще больше запутает и загрязнит наше денежное обращение. Еще больше вздорожает жизнь, а главное, создастся новый объект для спекуляции на „старых деньгах“. Следует учесть еще и тот несомненный факт, что в деревнях застряли миллиарды бумажных денег и деревни эти старых денег не обменят, т.к. вообще всякий новый тип денег встречается деревнею весьма враждебно. Получится то, что придется или снарядить специальные отряды для получения в деревне продуктов за новые деньги, или же мы продуктов вообще не получим.

Введение новых денег требует большой осторожности, постепенности, самого широкого оповещения и безусловного доверия к новым деньгам»[234].



Новыя деньги.

Мелькнулъ слухъ, что вопросъ о выпускѣ новыхъ денегъ не только уже рѣшенъ, но и будетъ осуществленъ въ близкомъ будущемъ. Деньги уже изготовлены и, между прочимъ, въ кредиткахъ, соотвѣтствующихъ кредиткамъ дореволюціоннаго времени, т. е. въ 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500 и 1000 руб.

По внѣшнему виду онѣ тѣ же, что и старыя, но размѣромъ меньше. Деньги будутъ выпущены въ обращеніе по накопленіи въ кладовыхъ Народнаго банка, при чемъ эти новыя деньги должны сдѣлаться единственнымъ платежнымъ средствомъ и, такимъ образомъ, вытѣснить изъ обращенія всѣ денежные знаки дореволюціоннаго періода, а также думскіе рубли и керенки. Обмѣнъ старыхъ денегъ на новыя будетъ производиться полнымъ рублемъ и для обмѣна будутъ установлены сроки, которые предполагается сдѣлать не очень продолжительными.

В свое время важнейшим предприятием, вывоз которого из Петрограда осуществлялся в первую очередь, была Экспедиция заготовления государственных бумаг. Видный советский экономист и финансист Д.П. Боголепов[235] вспоминал: *«Кто-то из товарищей, кажется тов. Ларин или тов. Пятаков, выразились по этому поводу, что существование Советской власти зиждется на очень тоненькой ниточке — на непрерывной работе Экспедиции заготовления государственных бумаг»*[236]…

[230] 1 июля 1918 г. в Петрограде была введена система распределения пайков по классовому принципу: рабочим полагалось ½ фунта хлеба в день, служащим — ¼ фунта; «лицам не рабочим и не служащим, живущим своим трудом» — ⅛ фунта, а ста тысячам человек, которых следовало уморить, —1/16 фунта (25 гр.).

[231] Дело Народа, 10 мая (27 апр.) 1918 г. № 38. С. 1.

[232] Петроградский голос, 22(9) июня 1918 г. № 112. С. 4.

[233] Петроградский голос, 5 июля 1918 г. № 122. С. 3.

[234] Новые деньги. // Петроградский голос, 11 июля 1918 г. № 127. С. 2.

[235] Боголепов Дмитрий Петрович (1885–1941), — экономист и политический деятель. После Октябрьской революции был членом Коллегии НКФ и заместитель наркома (1918), комиссаром финансов Сев. Коммуны, членом Коллегии НКФ Украины (1919) и Туркреспублики (1919–1920), членом финансовой секции Госплана (1921–1922). Являлся автором ряда книг и статей по финансовым и экономическим вопросам.

[236] ГАРФ. Ф. 6651. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–10.

Для организации бесперебойной работы Экспедиции принято было решение эвакуировать ее в город, достаточно удаленный от фронта. Для этого представители фабрики были командированы в Самару, Саратов и Пензу. Каждый из них получил удостоверение (подписанное председателем СНК В.И. Лениным), дающее широкое право конфискации и реквизиции всего необходимого для устройства отделения ЭЗГБ[237].

Герб Пензенской губернии, утвержденный 5 июля 1878 г.

С 20 по 21 декабря 1917 г. (2–3 янв. 1918) в Пензе была провозглашена Советская власть; к марту 1918 г. новая власть установилась в целом по Пензенской губернии

Вывезенное под руководством А.Е. Минкина[238] и П.В. Калакуцкого предприятие разместилось в Пензе, где имелись необходимые для производства материалы и подходящие помещения[239].

Прибывшие в город эшелоны с оборудованием, машинами и рабочими, сопровождаемые отрядом латышских стрелков, встали на подъездные пути бывшего галетного завода «А.А. Столыпина и И.П. Воронина», национализированного незадолго до этого в марте 1918 года[240].

Работа будущей Пензенской экспедиции с самого начала была сопряжена с рядом трудностей. Прежде всего заведующий ЭЗГБ Михаил Константинович Лемке требовал точных указаний по производству новых купюр — размеры, цвет, рисунок, текст и т.д., но довольно долго не получал необходимых ясных заданий по этому поводу, а взять на себя их определение не решался, *«совершенно не зная желания правительства»*. Единственное, что он предложил, это оставить на новых денежных знаках на двух купюрах высокого достоинства гравированные портреты Петра I и Екатерины II, *«являющиеся шедеврами гравюр-миниатюр и представляющие одну из совершеннейших защит».* Лемке считал, что денежные

[237] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 230. Л. 118; Д. 365; Л. 181.

[238] Минкин Александр Еремеевич (1887–1955), председатель Петроградского районного комитета РСДРП (б), назначенный комиссаром Экспедиции заготовления государственных бумаг (г. Пенза). С апреля 1918 года — одновременно председатель Пензенского губернского совета и Исполкома губернского Совета.

[239] В начале XX в. в городе насчитывалось свыше 116 небольших фабрик и заводов. Особой популярностью пользовалась продукция пензенских бумажных предприятий. Каждый год проводились три ярмарки, каждую неделю — два базара. Шла торговля зерном, лесом и спиртом. В городе находились пять библиотек, десять больниц, три аптеки, несколько десятков учебных заведений, представительства банков, Музей древностей, этнографических и других памятников губернии, картинная галерея. К 1917 г. численность населения города выросла до 105 тыс. чел.

[240] Спустя некоторое время, в связи с обострением положения в районе Пензы, было принято решение о повторном переводе одной части оборудования в Москву, а другой — на Урал, в город Пермь. Филиал ЭЗГБ в Пензе располагался на бывш. галетном заводе до 1922 г., позднее, в 1923–1927 гг. в этих помещениях размещалась Типография им. Воровского. В годы Великой Отечественной войны здесь был создан машиностроительный завод по выпуску различных видов вооружения (ныне — ОАО «Пензмашзавод»).

знаки с этими гравюрами заслужили огромную популярность как в России, так и за границей. Нарком Луначарский поддержал эту идею, однако председатель Совнаркома Ленин высказался категорически против сохранения портретов[241].

При переезде правительства из Петрограда выяснилось, что существуют новые образцы денег, заготовленные еще Керенским именно на случай эвакуации из северной столицы. Обнаруженные проекты были отправлены в Пензу и легли в основу новых кредитных билетов[242].

В феврале-марте 1918 года в Пензу были эвакуированы часть ЭЗГБ — 1400 человек[243] и печатное оборудование. В корпусах бывшего галетного завода на углу Инвалидной и Введенской улиц уже через шесть дней после прибытия эшелонов были запущены первые печатные машины — уже 15 апреля там начинается изготовление 500-и 1000-рублевых билетов нового образца[244].

Проект герба губернского г. Пензы, составленный в 1861 г. в соответствии с правилами геральдической реформы Б. Кёне

Спустя четыре недели Пензенское отделение Экспедиции, которое возглавил Павел Васильевич Калакуцкий[245], работало полным ходом. Писчебумажная фабрика бывшего Товарищества П.В. Сергеева[246] ежедневно поставляла в мае 1918 года партии до 200 пудов бумаги, но и этого количества не хватало. До революции в Петрограде рабочие ЭЗГБ на двухнакладной машине вырабатывали в день 11 тысяч листов, а в 1918-м на той же машине в Пензе — уже 15–16 тысяч листов. В первые полтора месяца филиальное отделение ЭЗГБ изготовило кредитных билетов на сумму около 5 миллиардов рублей.

[241] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Л. 97, 98(а), 126.

[242] *Боголепов Д.П.* Деньги Советской России. — Л.: Прибой, 1924. С. 21.

[243] В 1917 г. общая численность работавших в ЭЗГБ достигла рекордной цифры — 9200 человек. После завершения эвакуации оставшееся в Петрограде отделение ЭЗГБ в 1919 г. стало называться Петроградской фабрикой Заготовления Государственных Знаков. 6 июля 1919 г. Наркомат финансов РСФСР утвердил Положение об Управлении фабриками Заготовления Государственных Знаков. В его состав вошли две московские фабрики (печатная и по изготовлению печатных форм), Петроградская, Пензенская и Пермская фабрики.

[244] *Коваленко Д.А.* К истории эвакуации промышленности в первый период военной интервенции и гражданской войны (по материалам Петрограда). // Научные доклады высшей школы. Ист. науки, 1958. № 2. С. 109.

[245] Впоследствии П.В. Калакуцкий переехал в Москву и долгие годы возглавлял предприятия Гознака. Он был назначен управляющим, затем директором, а после коммерческим директором в Москве и Ленинграде.

[246] Основанная П.В. Сергеевым в 1850 г. фабрика к концу века насчитывала сотни рабочих и вырабатывала разных сортов бумаги на полмиллиона рублей. В 1900 и 1908 гг. бумаге, изготовленной на фабрике Торгово-Промышленного Товарищества на паях П.В. Сергеева (осн. 1875), на международной выставке в Париже была присуждена золотая медаль. В 1918 г. предприятие было национализировано, а с ноября 1922 г. стало именоваться «Маяк революции». (Ныне ОАО «Маяк»).

Новые кредитные билеты предполагалось не сразу выпускать в обращение, а накапливать достаточный их запас для проведения обмена. Попутно разрабатывалась и техническая сторона предполагавшейся денежной реформы[247].

По свидетельству Михаила Лемке, приезжавшего в Пензу с инспекционной проверкой, *«Несмотря на самые неблагоприятные внешние условия, складывающиеся далеко не в пользу Экспедиции, несмотря на невольную малочисленность технических руководителей и разного рода специалистов, несмотря на отдаленность Пензы от рынков Петрограда и Москвы, наша пензенская часть общими усилиями поставлена и оборудована в некоторых отношениях выше заданий Совета Народных Комиссаров. Работа совершалась с выдающейся энергией, а дело организовывалось с такой в некоторых направлениях предусмотрительностью, которая, казалось бы, совершенно исключалась быстротой выполнения задачи... Всем этим лицам я обязан той благодарностью, которую мне в свою очередь высказал в Москве Председатель Совета Народных Комиссаров»*[248].

Пензенская экспедиция находилась под постоянным контролем СНК. В начале июня Предсовнаркома направил управляющему Пензенским отделением Экспедиции П.В. Калакуцкому телеграмму с распоряжением *«немедленно приступить к упаковке и отправлять изготовленные знаки в Москву, Народный банк со всеми предосторожностями и охраной»*[249].

Знамя чехословацких легионеров

Тем временем разгорается «мятеж белочехов»[250], и эвакуированная в глубокий, как казалось, тыл Экспедиция заготовления госбумаг вновь находится под угрозой.

Стычки между легионерами и красногвардейцами происходили постоянно, но после одной из перестрелок чехи перешли к активным действиям. Пензу тогда обороняли красногвардейцы и роты интернационального полка, в котором служили немцы, венгры и чехи. Основные бои шли в центре города, на Соборной площади, где располагались учреждения новой власти. Большевики начали отступать...

В середине месяца Ленин отдал приказание направить для защиты Пензы бронепоезд № 122 с оружием и красноармейцами[251]. Павлу Калакуцкому же пред-

[247] *Ривкин Б.* Указ. соч. С. 162.

[248] Цит. по: *Никитин А.Г.* Деньги для революции. // Огонек, 1987. № 16. С. 5.

[249] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 230. Л. 136, 137, 138.

[250] К концу мая 1918 г. 63 эшелона с чехословаками (численностью более 40 тыс. чел.) растянулись по железной дороге от станции Ртищево (в районе Пензы) до Владивостока, т.е. на протяжении около 7000 км. В ответ на попытки советских властей разоружить их (по требованию германского командования) «белочехами» была захвачена вся Сибирская железнодорожная магистраль от Волги до Владивостока. Начиналось военное противостояние «Совдепии» и «Чехэсерии».

[251] РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 111. Л. 179.

писано было *«в случае захвата Пензы белочехами привести Экспедицию в состояние полной непригодности для печатания денежных знаков, но с непременным условием немедленного восстановления ее работы после освобождения Пензы»*[252]. Железнодорожный эшелон для эвакуации Экспедиции в случае ухудшения военной обстановки постоянно ожидал наготове…

В начале июля председателю Пензенского губисполкома А.Е. Минкину (одновременно являвшемуся и чрезвычайным комиссаром Пензенского отделения ЭЗГБ) вновь настойчиво напоминают из Москвы о необходимости отправить в Народный банк отпечатанные в Пензе кредитные билеты[253].

Управляющий ЭЗГБ только 18 мая направил для представления *«на утверждение Совета Народных Комиссаров 10 комплектов кредитных билетов 1000 руб., 500 руб., 250 руб., 100 руб. и 1 руб. достоинства образца 1918 года»*[254]. Ряд комплектов «пензенок» направлялся в СНК для рассмотрения еще и в июне 1918 года.

Новые дензнаки называли «пензенки» по месту их печатания, или «пятаковки» по подписи управляющего Народным банком Г.Л. Пятакова. Николай Крестинский утверждал: *«На пензенских кредитках, кроме подписи тов. Пятакова, вообще нет ничего коммунистического»*[255].

Как указывалось позднее, билеты эти *«совершенно не соответствуют по своему тексту фактическому положению вещей, так как не существует ни упоминаемого в нем Государственного Банка, ни размена билетов на золото. Анахронизмом является и самое название „кредитный билет“ как предполагающее возможность размена на деньги, обладающие реальной ценностью»*[256].

На новых деньгах помещен был старый герб России — двуглавый орел. По утверждению Н. Крестинского, их образец, форму и рисунок разработали при Керенском, когда в августе он готовил сдачу Петрограда — по его указанию ЭЗГБ занялась изготовлением «эвакуационных кредиток». Их делали спешно и упрощенно, поэтому они не так красивы и хорошо защищены от подделок, как царские, но их защита была лучше, чем у керенок.

Неразбериха тогдашних лет рождала порою забавные мифы и легенды. В 1920 году русскоязычная рижская газета «Сегодня» опубликовала фельетон «Финансовые курьезы» за подписью Аркадия Аверченко:

«Известно ли кому-нибудь почему большевиками были выпущены знаменитые „советские“ деньги? Обратили ли вы внимание, что все они — с государственным орлом, и текст напечатан по старому правописанию с ятем и твердым знаком, штука неслыханная. А объяснение простое: деньги эти были изготовлены еще правительством Керенского и после переворота валялись безо всякого упо-

[252] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 230. Л. 167; Д. 672. Л. 66.

[253] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1205. Л. 2.

[254] ЦГА СПб. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 390. Л. 14.

[255] Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. — М., 1919. С. 28.

[256] РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 353. Л. 57.

требления. И вот однажды, когда большевики печатали в экспедиции очередной огромный выпуск керенок (в пять миллиардов рублей), какой-то тайный белогвардеец из печатников подмешал в краску клею. Понятно, что когда отпечатанные листы керенок были сложены в кипы, каждая кипа, слипшись, превратилась в плотное монолитное вещество, нечто вроде вязкой ореховой халвы, которую и ножом-то не урежешь. Кипы пробовали размывать, но... клей, очевидно, был пущен на совесть. И тогда то, так как деньги были нужны до зарезу — советские финансисты выпустили бумажки с орлом. Вот какие потрясения может вызвать простая банка клею»[257]...

К активному печатанию «денежных знаков образца 1918 года» приступили в Пензе только с конца августа — начала сентября 1918 года, причем не столько по причинам технического порядка: еще в июле Пензенская экспедиция производила по 95 миллионов рублей различных образцов денег в день[258].

Дело, скорее, было в том, что в середине августа ушел со своего поста И.Э. Гуковский[259] — именно он, по словам Ленина, «упирался» в подготовке реформы[260].

Поменялось руководство финансовым ведомством, однако в 1918 году обмен денег так и не был произведен — как лаконично отмечал в своем исследовании профессор Леонид Наумович Юровский: «*Денег новых образцов в 1918 г. выпущено не было*»[261]...

Однако Ленин не отказался от своей идеи: почти год спустя, в конце мая 1919 года, «пензенки» — денежные знаки **«образца 1918 года»**, получившие позднее имя «пятаковок», — были пущены в оборот *«в целях постепенной замены имеющихся в обращении кредитных билетов ныне существующего образца, как совершенно не соответствующего по своей форме началам нового государственного строя России»*[262].

[257] Маленький фельетон. // Сегодня. Независимая демократическая газета, Рига, 6 июня 1920 г. № 124. С. 2.

[258] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 230. Л. 114, 116.

[259] На заседании СНК 16 августа 1918 г. И.Э. Гуковский был освобожден от обязанностей наркома финансов, а на эту должность назначен Николай Николаевич Крестинский.

[260] Ленинский сборник. XXXVI. — М., 1959. С. 39.

[261] *Юровский Л.Н.* Денежная политика советской власти (1917–1927) — М.: Финансовое изд-во, 1928. С. 74.

[262] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 166. Л. 59–60; О выпуске в обращение новых кредитных билетов образца 1918 года. Декрет Совета Народных Комиссаров. // Собрание узаконений. 17 мая 1919. № 16. Ст. 179; Новые кредитные билеты. // Известия Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов, 17 мая 1919 г. № 109(302). С. 2; О перенесении срока выпуска кредитных билетов образца 1918 года на 20 мая 1919 г. Декрет Совета Народных Комиссаров. // Собрание узаконений. 6 июня 1919. № 21. Ст. 269;

Эталонный образец государственного кредитного билета «образца 1918 года» номиналом в 25 рублей (134х85 мм)

Незадолго до этого «Известия» опубликовали Декрет о выпуске в обращение и отпечатанных в Петрограде новых денежных знаков в 1, 2 и 3 рубля с советской символикой[263].

Несмотря на заявленную в декретах цель замены прежних денежных знаков, *«не соответствующих советским формам государственного строя России»*, старые билеты продолжали, тем не менее, не только оставаться законным платежным средством наравне с новыми знаками[264], но и интенсивно использоваться в обращении.

[263] Докладная записка Технического Советника Главному Комиссару-управляющему Народным банком по выпуску в обращение наравне с кредитными билетами знаков 1-, 2- и 3-рублевого достоинства. // РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 166. Л. 3–7; О выпуске денежных знаков 1, 2 и 3-х рублевого достоинства. Декрет Совета Народных Комиссаров. // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 6 февраля 1919. № 27; Собрание узаконений. 21 апреля 1919. № 10–11. Ст. 102.

[264] Новые кредитные билеты и расчетные знаки не признавались на Белом Юге: *«Приказом моим от 5/IV-с.г. за № 76 по Общ. Управл. было объявлено, что разменные казначейские знаки в купюрах 1, 2 и 3 руб., выпускаемые ныне советской властью от имени Р.С.Ф.С.Р., а также кредитные билеты из купюр образца 1918 года с подписями большевицкого Управляющего Госуд. Банком Пятакова на территории, занятой В.С.Ю.Р. недействительны и не обязательны к приему при расчетах между частными лицами...»* (Приазовский Край, 6 декабря 1919 г. № 276).

Изображение советского герба на первых расчетных знаках 1919 г.

Судя по материалам докладов сотрудников Института Экономических Исследований при Наркомфине РСФСР, в течение 1918 года было выпущено в обращение 33,5 миллиарда рублей. Из них: «романовских» — на 5,1 миллиарда рублей, «думских» — на 17 миллиардов рублей и «керенок» — на 11,4 миллиарда рублей.

За время с момента установления Советской власти и по 1 октября 1918 года распределение выпущенной денежной наличности представлялось, по газетным сведениям, в следующем виде:

Вид денег и купюры	**Изготовлено к выпуску**	**Процент общей заготовки**
	(в тыс. руб.)	
«Николаевки»		
а) мелкие купюры (1, 3, 5 и 10 руб.)	2.406.814	7%
б) средние купюры (25 и 50 руб.)	488.575	1%
в) крупные купюры (100 и 500 р.)	3.379.100	10%
«Керенки»		
а) средние купюры (20 и 40 руб.)	10.460.548	31%
в) крупные купюры (250 и 1.000 р.)	16.730.735	50%
Итого:	33.465.775	100%

К началу 1919 года большую уже часть обращавшихся в стране денежных знаков составляли «керенки»:

Время выпуска	**В млн. руб.**		**В процентах**	
	«николаевки»	«керенки»	«николаевки»	«керенки»
1) до 1 июня 1917 г.	12.185	—	100%	—
2) с 1 июня по 23 октября 1917 г.	1.750	4.982	25%	75%
3) с 23 окт. 1917 г. по 1 янв. 1919 г.	6.906	29.447	19%	81%
Итого:	20.831	34.429	38%	62%

«В данное время выпускаются новые деньги, или „расчетные знаки“, которые, конечно, еще более будут содействовать вытеснению николаевок из обращения, — писали в 1919 году Петроградские «Известия». — *Теперь уже ни для кого не секрет, что деньги старого образца расцениваются выше, чем керенки, в пределах от 10 до 50 процентов. Основная причина этого заключается, несомненно, не*

в том, что деньги старого образца более трудны для подделки, а скорее всего в неуверенности за прочность нового политического строя.

...Поднятая война против народной России, — и делает сомнительной устойчивость Советовластия, а поэтому и естественны опасения среди населения по части признания новым буржуазным правительством (раз таковое создалось бы) керенок и ленинок. Подобного рода опасения и соблазняют население припрятывать на всякий случай николаевки[265]*. А вдруг придут белогвардейцы и откажутся принимать керенки?! В этом основная философия обывателя если не повсеместно, то, во всяком случае, в угрожаемых местностях. ...Вряд ли можно хоть сколько-нибудь сомневаться в том, что раз прочность Советовластия на Руси станет несомненной даже для буржуазии (что может случиться не раньше, чем упрочится Советовластие хотя бы в Германии), исчезнет всякая разница в расценке старых и новых денег. Если так, то едва ли нужны какие-либо особые меры к тому, чтобы уравнять курс старых и новых денег внутри страны, чтобы побудить всех и каждого продавать и покупать одинаковое количество товаров за старые и новые деньги»*[266].

12 мая 1919 года, когда нарком финансов Н.Н. Крестинский выступил с докладом о выпуске новых денег на заседании Политбюро ЦК РКП (б), было принято решение: *«печатание и выпуск кредитных билетов и казначейских знаков старого образца прекратить с 1 августа»*. Однако проза жизни оказалась сильнее теоретических схем: отказаться от «романовских» денег в тот период не удалось, несмотря на желание членов Политбюро *«аннулирование старых денег приурочить к 1-му октября или 1 ноября [1919 г.]»*[267].

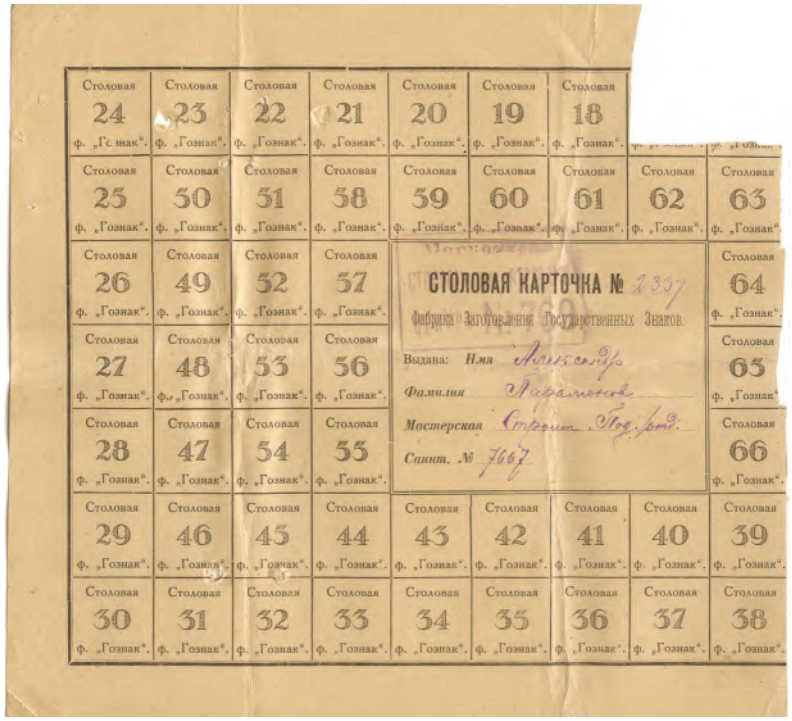
Декретом СНК от 15 мая 1919 года все формальные ограничения по эмиссии денежных знаков были отменены — разрешалось осуществлять их выпуск *«в пределах действительной потребности народного хозяйства в денежных знаках»*, т.е. печатать без ограничения...

[265] «Николаевские» кредитные билеты дореволюционного образца практически исчезли из денежного оборота РСФСР в 1918–1919 гг., став средством тезаврирования у населения (См.: Денежное обращение и кредит. Т. 1. Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914–1921 гг.). — Пг., 1922. С. 24). Между тем, изготовление «николаевских» кредиток продолжалось еще достаточно продолжительное время — для заграничных нужд большевистского правительства. Любопытно сообщение, опубликованное в Риге в 1920 г.: *«Как сообщает Dag. Nyhet. находящиеся в Стокгольме большевистские чиновники неожиданно впали в непредвиденные валютные затруднения. Словно по уговору, шведские коммерсанты и купцы отказались принимать от большевиков новенькие хрустящие сто- и пятисотрублевки, непременно требуя или иностранную валюту, или старого типа порядком „обношенные“ русские кредитки, на том основании, что кредитки позднейшего большевистского изделия будут аннулированы»* (Валютные затруднения большевиков. // Сегодня, Рига, 25 апреля 1920 г. № 92. С. 3).

[266] Денежное обращение. // Известия Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов, 23 мая 1919 г. № 114(307). С. 1.

[267] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 7. Л. 1.

Изготовлением кредитных билетов и расчетных знаков в то время, помимо Петроградской фабрики, занимались также Московская, Пензенская и Пермская.



«Столовая карточка», выданная сотруднику Московской Фабрики Заготовления Государственных Знаков А. Парамонову

Страна к тому времени давно уже разделилась на два противоборствующих государства.

В «освобожденной» России газеты сообщали: *«Большевизм утопает в бумажных деньгах так же, как и в крови, но утопая, он грозит увлечь за собою и нас. По имеющимся сведениям, большевики выпускают денег до 9 миллиардов рублей в месяц. Главную массу их составляют, конечно, 20 и 40-рублевые „керенки", которых печатается 80–90 процентов всех выпускаемых ими денег»*[268].

В сибирской прессе отмечалось: *«…печатание бумажных денег в Совдепии идет в колоссальном масштабе. В Петрограде и Пензе день и ночь работают 14 000 рабочих. В Петрограде вырабатывается до 100 миллионов руб. в день, в Пензе — до 200 миллионов»*[269].

[268] Освобождение России, 11 мая 1919 г. № 101. С. 2.

[269] Производство советских денег. // Освобождение России, 5 февраля 1919 г. № 28. С. 3; Свободная Пермь, 6 февраля 1919 г. № 20. С. 3; 27 февраля 1919 г. № 36. С. 3. На территории, контролировавшейся Всероссийским правительством (Омским), с 15 мая 1919 г. «керенки» (казначейские знаки в 20 и 40 руб.) были аннулированы, потеряв платежную силу.

Позднее сами руководители финансового ведомства РСФСР подводили итоги: *«В руках государственной власти в то время оказался только один источник средств для покрытия своих расходов по гражданской войне и управлению — это эмиссия, т.е. выпуск бумажных денег,* — писал в брошюре Главполитпросвета заместитель наркома финансов А.О. Альский. *— Советская власть могла тогда наиболее легко использовать именно этот источник извлечения из населения средств, так как бумажные деньги в то время не потеряли еще в представлении населения своей ценности, и оно вначале охотно отчуждало за них реальные ценности — продовольствие, сырье и др., которые нужны были государству для снабжения армии и военной промышленности, а также для спасения населения городов от голода. Путем печатания и выпуска новых и новых пачек денежных знаков*[270] *Советская власть по приблизительным подсчетам извлекла из оборота реальных ценностей в 1918 г. на сумму 523 мил. зол. довоенных рублей, в 1919 г. — 390 мил. руб. и в 1920 г. — на 200 мил. руб. и, таким образом, получила возможность кое как сколотить советскую машину государственного управления, организовать оборону Революции — создать Красную армию, победить классовых врагов рабочих и крестьян — буржуазию, царских генералов, банкиров и помещиков…*

Выпуском денежных знаков — эмиссией — Советская власть достигла тогда еще одной положительной цели — она обесценивала путем новых и новых выпусков денежных знаков всю массу обращавшихся до того денег и тем ослабляла финансовую мощь буржуазии в тылу гражданской войны. На фронте красный пулеметчик бил пулей озверевших от рабоче-крестьянской крови дворянских сынков и белогвардейцев, шедших штурмом на завоевания Великой Революции, отдавшей землю крестьянам, фабрики и заводы рабочим, а всю страну и власть Советам рабочих и крестьян; — в тылу красный печатник фабрики государственных знаков Наркомфина обстреливал из своих печатных станков тыл буржуазии и буржуазной интеллигенции, думавших отсидеться на своих денежных капиталах, пока не приедет на белом коне белый царский генерал и не вернет им власть. Появившиеся в обороте новые и новые пачки денежных знаков обесценивали всю массу обращавшихся до того денег»[271].

[270] Общее количество бумажных денег, выпущенных в обращение в РСФСР, составляло: на 1 января 1918 г. — **23,312** млрд. руб.; на 1 апреля 1918 г. — **33,572** млрд. руб.; на 1 июля 1918 г. — **43,260** млрд. руб.; на 1 октября 1918 г. — **51,021** млрд. руб.; на 1 января 1919 г. — **61,264** млрд. руб.; на 1 апреля 1919 г. — **74,833** млрд. руб.; на 1 июля 1919 г. — **100,319** млрд. руб.; на 1 октября 1919 г. — **147,478** млрд. руб.; на 1 января 1920 г. — **225,016** млрд. руб.; на 1 апреля 1920 г. — **340,663** млрд. руб.; на 1 июля 1920 г. — **511,816** млрд. руб.; на 1 октября 1920 г. — **745,158** млрд. руб. (РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6911. Л. 79).

[271] *Альский М.* Наши финансы за время гражданской войны и НЭП-а. — М.: Красная новь, 1923. С. 6–7.

«Бумажное жало наркомфиновского скорпиона»[272], по образному выражению одного из большевистских деятелей, больно жалило «эксплуататорские классы»…

К 1 января 1919 года в обращении находилось 60,8 миллиардов рублей, а к 1 января 1920 года — 225 миллиардов рублей. В течение года выпущено было в обращение 164,2 миллиарда, из которых: «романовских» — на 4 миллиарда рублей, «думских» — на 10,8 миллиарда рублей, «пензенок» — на 123,1 миллиарда рублей, новых «расчетных знаков» — на 3,3 миллиарда рублей и «керенок» — на 23 миллиарда рублей[273].

«Чехонинским» же кредиткам, которые едва не стали самыми первыми деньгами Советской России времен «комиссародержавия», суждена была иная, отнюдь не столь «яркая» судьба.

Запасы этих так и не востребованных бланков продолжали храниться в Москве в кладовой Народного банка РСФСР[274] вплоть до поздней осени 1920 года[275], когда в столь долгой и прихотливой судьбе их была поставлена точка. Эти негрифованные и не снабженные номерами купюры, которые так и не удалось использовать в качестве «средства отчуждения реальных ценностей», решено было уничтожить.

9 ноября 1920 года в ходе ревизии Отдела денежных и расчетных знаков Наркомфина РСФСР Комиссией РКИ[276] *«по переучету кредитных билетов нового образца, приему ценностей и проверке обревизованных и подлежащих уничтожению кредитных билетов»* был составлен акт, в котором отмечалось, что *«кредитные билеты образца 1917 года»* 100-рублевого достоинства (260 тыс. листов) и 25-рублевого достоинства (100 тыс. листов) на общую сумму в 28,5 миллиона рублей, *«отпечатанные в частной типографии Петрограда»*, были *«истреблены огнем»* в печи. После чего *«пепел был выгреблен и залит водою, причем в нем не оказалось частей билетов, сохранивших первоначальный вид»*[277]…

✡ ✡ ✡ ✡ ✡

[272] *Беленко В.В.* Денежное обращение в 1914–1922 г.г. — Ташкент, 1923. С. 17.

[273] «Денежное обращение в РСФСР в 1921 году». Тезисы доклада Н.Н. Деревенко. // РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6892. Л. 1–15, 22–45.

[274] В 1919 году банковские функции Народного банка РСФСР были сведены к минимуму — он превратился в единый расчетно-кассовый орган РСФСР и перестал быть банком. 19 января 1920 г. Народный банк РСФСР был упразднен, его активы и пассивы были переданы Центральному бюджетно-расчетному управлению (ЦБРУ) Наркомата финансов.

[275] В октябре 1920 г. в Петроградской губернии 1000 рублей «царскими» деньгами (в купюрах по 500 руб.) оценивались в 60–75 тысяч рублей совзнаками и в 4000–4600 рублей «керенками».

[276] Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин, РКИ) — орган контроля, созданный Декретом ВЦИК от 7 февраля 1920 г. на основе реорганизации Наркомата гос. контроля (образованного в дек. 1917 г.). Задачей РКИ являлись финансовые ревизии и борьба за строгий учет материальных ценностей.

[277] РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 16. Д. 7. Л. 66–66об.

Литература и источники

Неопубликованные источники:

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Российский Государственный архив экономики (РГАЭ).

Литература:

Альский М. Наши финансы за время гражданской войны и НЭП-а. — М.: Красная новь, 1923.

Атлас З.В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917–1925). — М., 1940.

Беленко В.В. Денежное обращение в 1914–1922 г.г. — Ташкент, 1923.

Бенуа А. Мои воспоминания (В пяти книгах). Кн. 4–5. — М.: Наука, 1980; *Его же.* Мой Дневник: 1916–1917–1918. / Вступит. статья Дж.Э. Боулта и Н.Д. Лобанова-Ростовского. — М.: Русский путь, 2003.

Боголепов Д.П. Деньги Советской России. — Л.: Прибой, 1924.

Бухарин Н.И. Программа коммунистов (большевиков). — М., 1918.

Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. 24-й год издания. — Пг.: Изд-во Товарищества А.С. Суворина «Новое время», 1917.

Вопросы денежного обращения. / Ред. Ломейер А.Э. — Пг.: Центральный народно-промышленный комитет, 1918.

Вязельщиков В. Денежное обращение трех систем. // Советский филателист — Советский коллекционер. — М., 1927. № 12.

Гензель П., Соколов А. Финансовая реформа в России. — Пг.: Тип. ред. период. изд. Министерства финансов, Вып. 3, 1917.

Гиндин А.М. Как большевики национализировали частные банки. — М., 1962.

Год русской революции (1917–1918 гг.). // Сборник статей. — М.: изд-во «Земля и Воля», 1918.

Декреты Советской власти. Т. 2, 1959.

Денежное обращение и кредит. Т. 1. Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914–1921 гг.). — Пг., 1922.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. II. Борьба Генерала Корнилова (Август 1917 г. — Апрель 1918 г.). — Париж, 1921.

Зак А.Н. Денежное обращение и эмиссионная операция в России 1917–1918 гг. Государственный кредитный билет — банкнота. / Ком. Съездов представителей акционерных коммерч. банков. — Пг.: Свобода, 1918.

Кардаков Н. Каталог денежных знаков России и Балтийских стран 1769–1950. Katalog der Geld-scheine von Russland und der Baltischen Staaten 1769–1950. — Берлин, 1953.

Клаус Р. Война и народное хозяйство России (1914–1917 гг.). — М.-Л.: Госвоениздат, 1926.

Лебедев Н.В. События в Государственном банке в дни Октябрьской революции. // Красная летопись, 1923. № 6.

Ленинский сборник. XXXV. — М.-Л., 1945.

Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов, 1 июля 1916 г. — 1 января 1918 г. // Комитет съездов представителей акционерных коммерческих банков. — Пг.: Свобода, 1918.

Раков Д.Ф. Финансовая политика большевистской власти. // Большевики у власти. Социально-политические итоги Октябрьского переворота. // Сборник статей. — М.: изд-во «Революционная мысль», 1918.

Ривкин Б. Финансовая политика в период Октябрьской революции. — М.: Госфиниздат, 1957.

Перельман А. Воспоминания. — СПб.: Европейский дом, 2009.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (1881–1913). Т. XVII, 1897.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР), 1917–1919 гг.

Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. — М., 1919.

Устав товарищества Р. Голике и А. Вильборг. Типография. Литография. Фототипия. Цинкография: [утв. 28/VI 1902 г.]. — СПб.: Печатня Р. Голике, 1902.

Художественные шрифты и их построение. Работы художников Е.Д. Белухи, А.А. Горбова, Е.М. Иерусалимской, А.Н. Лео, О.Л. Лялина, Н.В. Оленева, А.А. Ушина, Л.С. Хижинского, С.В. Чехонина, Шольпа и др. — Харьков: «Униздат», 1930.

Штейн В. Товарищество Р.Р. Голике и А.И. Вильборг. // Печатное искусство, 1903. № 2.

Эфрос А, Пунин Н. Чехонин. — М.-Пг.: Госиздат, 1924.

Эфрос А.М. Профили: Очерки о русских художниках / Предисл. С.М. Даниэля [Переиздание 1930-го года.] — СПб.: Азбука-классика, 2007.

Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). — М.: Финансовое изд-во, 1928.

Периодические издания:

Вестник промышленности — Петроград, 1918.

Власть труда. Орган Иркутского Совета Р. и С.Д., Окружного бюро Советов Р.,С. и К.Д. Восточной Сибири, Центрального Исполнительного Комитета Советов Р., С. и К.Д. всей Сибири. — Иркутск, 1918.

Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. — Петроград, 1918.

Грядущий день. — Петроград, 1917.

Дело Народа. Орган Петроградского комитета партии с.-р. 1917–1919.

Известия Вологодского губернского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. — Вологда, 1918.

Известия Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов. 1919.

Коммерсант. — Петроград, 1917.

Наш век. — Петроград, 1917.

Народная газета. — Петроград, 1917.

Новое слово. — Петроград, 1918.

Освобождение России. — Пермь, 1919.

Петроградская правда. Орган Центр., Сев. областн. и Петроград. Комит. Росс. Коммунист. партии (большевиков), 1918.

Петроградский голос. Политическая, общественная и литературная газета с рисунками в тексте, 1918.

Петроградское эхо, 1918.

Продовольствие Севера (Известия Петроградского комиссариата по продовольствию), 1918.

Рабочая и Крестьянская Красная армия и флот (быв. «Армия и флот Рабочей и Крестьянской России»). Орган Совета народных комиссаров по военным и морским делам, 1918.

Русская Воля. — Петроград, 1917.

Свободная Пермь, 1919.

Сегодня. Независимая демократическая газета — Рига, 1919–1920.

Торгово-промышленная газета. — Петроград, 1917.

МАЛЕНЬКИЕ СВИДЕТЕЛИ ВЕЛИКОЙ СМУТЫ

Краткий очерк об истории российских разменных марок

И.Д. Дитятовский (Москва)

МАЛЕНЬКИЕ СВИДЕТЕЛИ ВЕЛИКОЙ СМУТЫ

Краткий очерк об истории российских разменных марок

Начало беспокойного XX века захлестнуло мир волной международных политических конфликтов, сменившихся чередой разрушительных войн и революций, что, в свою очередь, привело к ощутимому нарушению экономической стабильности во многих странах Европы, включая Россию.

Первая мировая война, в которую наряду с ведущими европейскими державами оказалась вовлечена Российская империя, спровоцировала в последней прогрессирующую инфляцию и острый дефицит мелкой разменной монеты.

Справедливости ради стоит отметить, что это был не первый случай в истории мирового денежного обращения, когда вызванный войной финансовый кризис привел в поисках способа восполнения недостатка в мелкой монете к замене таковой в обращении бумажными денежными знаками — в 1862 году, во время Гражданской войны, Соединенные Штаты, испытывая аналогичные финансовые трудности, выпустили в обращение так называемую «марочную валюту». По сей день бытует ошибочное мнение, что именно эти денежные знаки являлись первыми марками-деньгами. Однако это не так.

Несмотря на то что некоторые выпуски «марочной валюты» имели перфорацию по образцу почтовых марок, они вообще не являлись марками — это были банкноты с размещенными на них изображениями почтовых марок. Использование «марочной валюты» для оплаты почтовых отправлений не представлялось возможным ввиду отсутствия собственно самого знака почтовой оплаты. Изображения почтовых марок на этих бонах служили средством легитимизации и обозначения института-гаранта — Почтовой службы США.

Марочная валюта. 10 центов США 1862 г.

Вернемся же к ситуации в России — Министерству финансов срочно требовалось оптимальное решение для выхода из сложившейся экономической ситуации. Неизвестно, опирались ли служащие данного ведомства на опыт Штатов, но факт остается фактом — самым необычным решением для восполнения острого недостатка Империи в мелкой монете стал выпуск в 1915 году разменных марок. При их создании за основу была взята так называемая «Романовская» серия почтовых марок — самая распространенная и, как следствие, самая узнаваемая всеми слоями населения серия почтовых марок Российской империи — выпущенная в 1913 году и посвященная трехсотлетию правящей династии.

Выпуск «Романовской» серии почтовых марок в 1913 году

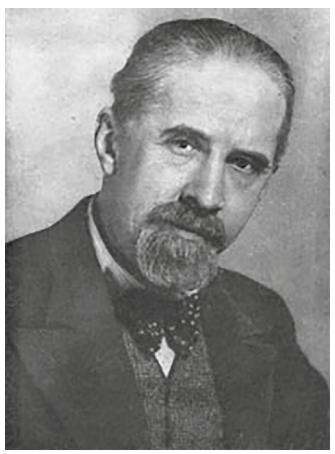
Император Николай II Романов

В начале XX века, задолго до проведения торжеств, приуроченных к празднованию грядущего 300-летия Царствующего Дома Романовых, Почтово-телеграфным ведомством совместно с ЭЗГБ началась подготовка проекта большой серии почтовых марок, всецело посвященных этому выдающемуся событию. Результатом этой кропотливой многолетней работы, в которой принимал личное участие сам император Николай II, стало в итоге появление на свет так называемой «Романовской» серии марок — семнадцати высокохудожественных почтовых миниатюр, выполненных для ЭЗГБ самыми выдающимися российскими и европейскими мастерами живописи и графики того времени.

Первая, в своем роде уникальная, юбилейная «Романовская» серия, включала в себя 14 портретных и 3 «архитектурные» марки небольшого формата.

Документы об утверждении юбилейной серии почтовых марок

На марках достоинством в 1 копейку и 4 копейки были изображены портреты императора Петра I (соответственно — в зрелом и молодом возрасте); на марке в 2 копейки — императора Александра II; на марке в 3 копейки — императора Александра III; на марках номиналов в 7, 10 копеек и 5 рублей — императора Николая II; на марке в 14 копеек — императрицы Екатерины II; на марке в 15 копеек — императора Николая I; на марке в 20 копеек — императора Александра II; на марке в 25 копеек — царя Алексея Михайловича; на марке в 35 копеек — императора Павла I; на марке в 50 копеек — императрицы Елисаветы Петровны; на марке в 70 копеек — царя Михаила Федоровича. На трех марках с архитектурными сюжетами были изображены резиденции русских монархов: на марке достоинством в 1 рубль — Московский Кремль; на марке в 2 рубля — Зимний дворец в Санкт-Петербурге; на марке в 3 рубля — Дом бояр Романовых в Москве.



И.Я. Билибин

С точки зрения бонистики отдельного внимания заслуживают именно те марки, которые послужили прообразом для разработки и изготовления марок-денег.

Стоит отметить, что к выпуску марок имел отношение один из выдающихся русских художников того времени — Иван Яковлевич Билибин — именно ему принадлежит идея оформления знака с портретом Петра I, номиналом в 1 копейку.

Еще одним из «отцов» почтовых марок «Романовской» серии, клише которых впоследствии использовались ЭЗГБ для изготовления марок-денег соответствующих номиналов, был выдающийся художник — Рихард Германович Зарриньш — автор большинства последних банкнот и марок Империи, в том числе знаменитых «Катеньки» и «Петеньки» — кредитных билетов 100 рублей 1910 года и 500 рублей 1912 года.

Р.Г. Зарриньш

Почтовые марки номиналами в 2, 3, 10, 15 и 20 копеек, вышли из под кисти Зарриньша. Гравюры для марок в 3, 10 и 20 копеек, по эскизам Зарриньша, изготовил замечательный художник-график ЭЗГБ Ф. Лундин.

Кредитные билеты 100 и 500 рублей авторства Р.Г. Зарриньша

Гравюру для марки «1 копейка» выполнил для ЭЗГБ один из известнейших граверов того времени — австриец Ф. Ширнбек. Он же делал гравюру для марки номиналом в 15 копеек. Гравюру для изготовления марки «2 копейки» выполнил выдающийся российский и советский художник-график греческого происхождения Перикл Спиридонович Ксидиас. Именно он гравировал изображения

для первых советских денежных знаков и почтовых марок, впоследствии став одним из первых руководителей пришедшего на смену ЭЗГБ советского Гознака.

Первый выпуск российских разменных марок в 1915 году

Осенью 1915 года, как ранее говорилось, в связи с возникшим острым недостатком разменной монеты, министром финансов Петром Львовичем (Людвиговичем) Барком был предложен законопроект о выпуске в обращение новых бумажных денежных знаков, призванных устранить дефицит металлических денег.

Проект был утвержден, и, согласно постановлению Совета министров от 25 сентября 1915 года были выпущены первые марки-деньги — официально их назвали ***«разменные марки»*** достоинством в 10, 15 и 20 копеек[1]. Лицевые стороны знаков были различны, оборотная — одинаковая.

Разменные марки-деньги Российской империи образца 1915 года 10, 15 и 20 копеек и их оборотная сторона

Марки-деньги номиналами 1, 2 и 3 копейки поступили в финансовое обращение позже, в ноябре 1915 года[2].

Разменные марки-деньги Российской империи образца 1915 года 1, 2 и 3 копейки и их оборотные стороны

Для изготовления использовали клише от обычных почтовых марок юбилейной «Романовской» серии соответствующей стоимости. На оборотной стороне марок-денег в 10, 15 и 20 копеек был размещен двуглавый орел — герб Российской

[1] Собрание Узаконений Российской империи, 1915. Отдел. 1. № 265 от 28 сентября. Ст. 1990.

[2] *Юровский Л.Н.* Наше денежное обращение. Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914–1925 гг. — Москва, 1926. С. 82.

империи — и следующий текст: **«Имѣетъ хожденіе наравнѣ съ размѣнной серебряной монетой»**. На оборотной стороне марок-денег 1, 2 и 3 копейки был размещен герб Российской империи, номинал и следующий текст: **«Имѣетъ хожденіе наравнѣ съ размѣнной мѣдною монетой»**.

Распоряжение Управляющего Министерством Финансов
«О выпуске в обращение разменных марок»

Ввиду обнаружившихся стеснений населения от недостатка разменной монеты и невозможности для монетного двора немедленно изготовить ее в достаточном ее количестве, согласно Особому Постановлению Совета Министров от 25 сентября 1915 года Управляющему Министерством Финансов сделано распоряжение о выпуске в обращение, впредь до изготовления Монетным Двором достаточного количества разменной монеты, разменных марок на следующих основаниях:

1. Разменные марки имеют хождение наравне с серебряной разменной и медной монетой.

2. Разменные марки выпускаются по образцу изготовленных ко дню юбилейного торжества Царствования Дома Романовых почтовых марок в 20, 15, 10, 3, 2 и 1 копейку с соответственной надписью на обороте: «имеет хождение наравне с серебряной разменной монетой» или «имеет хождение наравне с медной монетой».

3. Обязательный прием разменных марок частными лицами ограничивается, подобно разменной монете, тремя рублями при каждом платеже; правительственные кассы принимают означенные марки на всякую сумму при всех платежах, кроме таможенных сборов, уплата коих разменными марками допускается на суммы, определенные в Уставе Таможенном для серебряной разменной и медной монеты.

4. Поврежденная разменная марка не принимается в платеж, когда рисунок ее нераспознаваем или когда она не составляет трех четвертей целой марки.

5. По изготовлении Монетным Двором достаточного количества разменной монеты означенные марки изъемлются из обращения.

6. Настоящее распоряжение приводится в исполнение по телеграфу.

Подписал:
Управляющий Министерством Финансов, Товарищ Министра Сенатор А. Николаенко.

Первые российские разменные марки-деньги были отпечатаны в ЭЗГБ типографским способом на изготовленном специально для них плотном полукартоне листами по 100 штук. Все номиналы выпущенных марок-денег имели перфорацию, что не только служило одним из основных средств защиты, но и являлось признаком завершенности знаков — еще Н.И. Кардаков, упоминая в своих трудах беззубцовые знаки, четко обозначил марки-деньги с перфорацией, как законченные знаки[3].

[3] *Кардаков Н.И.* Каталог денежных знаков России и Балтийских стран. — Берлин, 1953. — стр. 14

Стоит отметить, что в противоположность сделанным для обращения знакам подлинные образцы марок-денег специально выпускались на листах без перфорации, на которые далее наносилось перфорацией слово «ОБРАЗЕЦЪ».

Образец разменных марок

Все известные беззубцовые разменные марки, которые на данный момент являются большой коллекционной редкостью, попали в коллекционный оборот из порезанных листов заводского брака, которые тем или иным образом покинули хранилища ЭЗГБ, либо из упомянутых ранее порезанных листов образцов и никогда в финансовое обращение официально не поступали.

Примеры брака разменных марок

Одним из основных отличий новоявленных разменных марок от обычных почтовых марок (кроме изготовления на плотном полукартоне и наличия специального текста на реверсе) было то, что данные денежные знаки не имели на оборотной стороне характерного для обычных почтовых марок клеевого слоя. Да и, собственно, сам заказ на изготовление марок-денег был размещен Министерством финансов, а не Почтово-телеграфным ведомством. В ЭЗГБ к заказу подошли со всей ответственностью, и уже в начале ноября 1915 года Министерство финансов ввело разменные марки в обращение на всей территории Российской империи через все отделения Государственного и многочисленные отделения частных коммерческих банков.

1 копейка с надпечаткой номинала

Однако вскоре были выявлены факты преступных злоупотреблений — пользуясь малым размером и одинаковой цветовой гаммой, разменные марки номиналами в 1 и 2 копейки выдавались злоумышленниками за знаки высоких номиналов — относительно схожих с ними по цвету знаков в 15 и 20 копеек[4]. Чтобы исключить мошенничество (не стоит забывать, что к тому же значительная часть населения Империи того времени оставалась безграмотной), выпуск марок-денег номиналами в 1 и 2 копейки вскоре был продолжен, но уже с нанесением на лицевой стороне знаков дополнительных крупных типографских надпечаток, с обозначением их номиналов, предназначенных для лучшего узнавания населением. Соласно постановлению министра финансов М. Бернацкого, от 21 сентября 1917 года, знаки без соответствующих надпечаток подлежали изъятию из обращения. Прежним оставили вид разменного знака номиналом 3 копейки. Содержание оборотной стороны данных знаков так же осталось без каких либо изменений.

2 копейки с надпечаткой номинала

Немецкие агитационные подделки

Сцепка агитационных марок-денег немецкого изготовления — л.с.

С выпуском марок-денег, а так же с военным противостоянием России и Германии в Первую мировую войну связан интересный факт, имеющий самое непосредственное отношение к истории денежного обращения — в 1955 году Н.И. Кардаков в журнале «Россика» издал свою статью «Русские марки-деньги германского изготовления»[5]. В ней рассказывалось о том, что в 20-х годах в Берлине у одного местного филателиста он увидел полоску-сцепку марок-денег в очень необычной последовательности 20–20–15–15 копеек.

Оборотная сторона марок-денег немецкого изготовления

Помимо необычной (все марки-деньги печатались в ЭЗГБ исключительно одним номиналом по 100 штук на одном листе) последовательности соединения разных номиналов в

[4] *Скляревский Р.А.* Статья в журнале «Русско-Американская филателия», 05.01.1943. № 5. Т. 1.

[5] *Кардаков Н.И.* Русские марки-деньги германского изготовления, Россика, 1955. № 46–47.

одной полосе — необычными также являлись и надписи на оборотной стороне этих марок-денег: **«Имѣетъ хожденіе наравнѣ съ грабежомъ обманомъ правителей»** — у одной и похожим текстом **«Имѣетъ хожденіе наравнѣ съ банкротомъ серебряной монеты»** — у другой.

Со слов филателиста, эти марки он получил у возвращавшихся домой из плена после завершения войны русских у которых отобрали немецкие деньги и вместо них вручили эти марки-деньги. Тщательность и качество изготовления, а также зубцовка, отличная от использовавшейся ЭЗГБ, но совпадающая с германскими почтовыми марками, с точки зрения Кардакова, ясно доказывала, что эта пропаганда — выпуск правительства, а не частное изделие. Видимо, убедившись в своей правоте, Кардаков впоследствии даже каталогизировал их в своей работе, оценив в огромные (для своего каталога) деньги — 40 золотых марок![6] По его воспоминаниям, он очень сожалел, что не купил в тот раз их все, так как, несмотря на то что он профессионально вел масштабную торговлю и обмен бонами и иными денежными знаками, больше они ему уже не попадались.

Стоит также отметить, что немцы не раз возвращались к подобной практике фальсификации — во Вторую мировую войну, по заказу руководства Третьего рейха, в целях агитации и для нанесения экономического урона противнику заключенные концлагеря Заксенхаузен изготавливали, кроме банкнот, поддельные почтовые марки Великобритании. Данная тайная военная авантюра получила название *Операция «Бернхард»* — по имени возглавлявшего ее штурмбаннфюрера СС Бернхарда Крюгера.

Второй выпуск российских разменных марок в 1917 году

После свержения самодержавия финансовые проблемы не исчезли — новая власть получила в наследство кризис политической и финансовой системы. Продолжилось изготовление и разменных марок. Однако новые реалии продиктовали изменения дизайна — у мелких номиналов — в 1, 2 и 3 копейки — был наскоро изменен дизайн реверса — с обратной стороны исчез символ самодержавия — двуглавый орел с имперскими регалиями.

Разменные марки-деньги в 1, 2 и 3 копейки «образца 1917 года»

На оборотной стороне знаков, лишившихся имперского орла, были размещены крупные цифры соответствующих номиналов — «1», «2» и «3». Сам текст об обращении разменных марок наравне с монетой остался неизменным. Как

[6] *Кардаков Н.И.* Каталог денежных знаков России и Балтийских стран. — Берлин, 1953. С. 363.

и в случае с выпуском Российской империи, новоявленные знаки Временного правительства номиналов «1 копейка» и «2 копейки» поступили в денежное обращение уже с крупными типографскими надпечатками цифр на лицевой стороне самих знаков — «1» и «2», соответственно номиналу.

Революционная агитация на разменных марках

Надпечатка «Фригийский колпак»

Стоит отметить еще один интересный исторический факт — весной 1917 года, практически сразу после Февральской буржуазной революции в России, наряду с многочисленными агитационными нумизматическими и фалеристическими «сувенирами» появились частные агитационные выпуски марок, в том числе и марок-денег, основой для которых служили знаки *«образца 1915 года»* номиналами в 10, 15 и 20 копеек. Наибольшую популярность среди населения получила «продукция» одесских марочных торговцев Центнера и Трахтенберга. В Одессе надпечатки делались в четырех типографиях. Тиражи таких коллекционных «редкостей» были относительно невелики и обычно, составляли от одного до нескольких десятков экземпляров.

Одна из разновидностей агитационных выпусков марок-денег представляла собой нанесенную типографским методом на лицевую сторону надпечатку, содержавшую в себе знаменитый текст экстренного приложения к четвертому номеру газеты «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» от 8 марта 1917 года, повествовавшего об отречении государя Николая II от престола в пользу брата — Великого князя Михаила Александровича, который, в свою очередь, также отказался от престола «в пользу народа».

Существуют варианты надпечаток как с сокращенным текстом статьи об отречении, на блоках из 8 марок, так и варианты с полным текстом статьи об отречении, на блоках из 12 марок.

На втором агитационном выпуске знаков — была, нанесенная типографским методом на лицевую сторону надпечатка в виде «фригийского колпака» на фоне двух перекрещенных

Экстренное приложение
№ 4.
ИЗВѢСТІЯ
ПЕТРОГРАДСКАГО СОВѢТА
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.
ОТРЕЧЕНІЕ ОТЪ ПРЕСТОЛА.
Депутатъ Караулов явился въ Думу и сообщилъ, что государь Николай II отрекся отъ Престола въ пользу Михаила Александровича. Михаилъ Александровичъ въ свою очередь отрекся отъ Престола въ пользу народа.
Въ Думѣ происходятъ грандіознѣйшіе митинги и овація. Восторгъ не поддается описанію.

Один из вариантов надпечатки «Отречение»

Надпечатка с полным вариантом текста

мечей и надпись, ставшая одним из самых популярных лозунгов Февральской буржуазной революции: «Братство — Равенство — Свобода». В обоих выпусках известны так называемые «редкости» — с перевернутой надпечаткой.

Главными «потребителями» данных одесских фальсификатов являлись офицеры иностранных армий — сначала германской оккупационной армии, а в ноябре 1918 года Одессу захватили англо-французские интервенты, благодаря чему данная «сувенирная продукция» моментально попала на филателистический рынок Европы и была сразу же каталогизирована.

Данные надпечатки хоть и являются частной продукцией, не имеющей непосредственного отношения к денежному обращению, тем не менее, как яркие свидетельства эпохи представлены в знаменитом каталоге Н.И. Кардакова — в специальном разделе его книги по агитационным выпускам на денежных знаках[7].

Выпуски Трахтенберга и Центнера, в связи с лаконичностью дизайна, получили достаточно высокую популярность на фоне революционных событий, происходивших в стране, с чем появились многочисленные подражания из Петрограда и Екатеринодара того же временного периода, а также более поздние грубые подделки для коллекционеров.

Выпуск серии почтовых марок «Освобожденная Россия»

Видоизменения государственной символики коснулись не только бумажных денежных знаков — практически сразу после Февральской буржуазной революции Временное правительство приняло решение о выпуске почтовой марки с новыми символами. Уже летом 1917 года был официально объявлен конкурс на лучший эскиз новой почтовой марки, в котором приняли участие такие известные художники, как И.Я. Билибин, Р.Г. Зарриньш, Г.И. Нарбут, С.В. Чехонин, а в составе жюри были художники А.Н. Бенуа и С.П. Яремич.

Эскиз Р.Г. Зарриньша

Победителем конкурса был признан технический и художественный директор ЭЗГБ Рихард Германович Зарриньш, предоставивший на конкурс три проекта. Жюри конкурса был единодушно одобрен сюжет «рука с мечом на фоне солнца». Сам же рисунок был заключен в прямоугольную орнаментальную рамку, характерную для творческой манеры Зарриньша. Однако впоследствии подвергся кардинальной переработке

[7] *Кардаков Н.И.* Каталог денежных знаков России и Балтийских стран. — Берлин, 1953. С. 362–363.

— добавившей динамику в изображение и усилившей передачу революционных событий, происходящих в стране. Рука с мечом на новом рисунке была опущена вниз, мощным ударом разрубая цепь рабства. Кроме того, прямоугольная рамка заменена на овал, цифры номинала переместились вниз марки, а слово «почта» заменило название страны «Россія», окруженное декоративными элементами.

После Октябрьского переворота утвержденные при Керенском[8] в соответствии с тарифами того времени марки, в идеологических целях были повторно утверждены народным комиссаром почт и телеграфов Н.П. Авиловым-Глебовым в ноябре-декабре 1917 года.

После завершении конкурса новообразованное Министерство почт и телеграфов Временного правительства направило в ЭЗГБ заказ на изготовление почтовых марок серии «Освобожденная Россия», которые благодаря сюжету стали более известны как марки серии «Рука с мечом, разрубающим цепь». Гравюры для изготовления новых марок выполнил Перикл Спиридонович Ксидиас, ранее участвовавший в создании марок знаменитой «Романовской» серии. В связи с общей экономической ситуацией в стране, повлекшей изменение почтовых тарифов, было принято решение о выпуске марок двух номиналов — в 35 и 70 копеек.

Позже, 22 мая 1918 года, марки «Рука с мечом, разрубающим цепь» были вторично утверждены к вводу в обращение назначенным новой властью народным комиссаром почт и телеграфов В.Н. Подбельским. Это было сделано по политическим мотивам. Вскоре, 27 мая 1918 года, заказ «по новым образцам» был размещен в ЭЗГБ.

Документ о повторном утверждении серии марок «Свободная Россия» с подписью наркома В.Н. Подбельского

[8] Существуют пробы номиналов в 7, 10, 14, 15 и 20 копеек, выполненные в цветах соответствующих официальным правилам Всемирного почтового союза

В специальном постановлении № 222 Наркомпочтеля[9], приуроченном к первой годовщине Октябрьской революции, сообщалось:

Почтовые марки стоимостью 35 и 70 коп.

> С 25–го сего октября поступают в обращение новые революционные почтовые марки стоимостью в 35 коп. и 70 коп. с рисунком «рука с мечом, разрубающая цепь», причем цвет марок: в 35 коп. — синий и 70 коп. — коричневый. Означенные марки с указанного числа будут действительны для оплаты почтовых отправлений.
>
> Нар. Комис. Почт и Телеграфов Подбельский.

Разменные марки РСФСР 1919 года

После Октябрьского переворота и последовавшего за ним прихода к власти партии большевиков практически полностью развалилась государственная налоговая система, что окончательно подорвало бюджет страны. Печатный станок заработал на полную мощность, пытаясь восполнить дефицит бюджета. Новая власть печатала собственные деньги (*пятаковки*, они же *пензенки*) и продолжала выпускать *керенки* и *думки* Временного правительства, а также царские деньги — в том числе и разменные марки[10].

Печатая деньги предыдущих правительств, новая власть готовила и собственные деньги с символикой Советского государства. В марте 1919 года ЭЗГБ получила от Наркомфина поручение на разработку советских разменных марок. Идея была не нова — за основу снова было решено взять почтовые марки, которые бы идеологически правильными и одновременно популярными у населения.

Таким образом, основой стала революционная серия почтовых марок «Рука с мечом, разрубающим цепь». Вновь привлеченные к работе над марками-деньгами, Р. Зарриньш и П. Ксидиас уже к 5 марта 1919 года изготовили в ЭЗГБ и предоставили готовые проекты номиналыми в 1 и 2 копейки, выполненные с помощью одиночного клише на том же плотном полукартоне, на котором ранее изготавливались «Романовские» разменные знаки — как с перфорацией, так и беззубцовые варианты. Цвета изготовленных знаков, как и прежде, соответствовали официальным правилам Всемирного почтового союза: для стандартных почтовых марок — оранжевый для знака номиналом в 1 копейку и зеленый — для знака номиналом в 2 копейки.

[9] Публикация постановления в «Известиях ВЦИК» от 12 октября 1918 г.

[10] *Юровский Л. Н.* Наше денежное обращение. Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914–1925 — М. 1926. С. 82.

Немаловажным изменением новых марок-денег, последовавшим в следствии выпуска «Декрета о введении новой орфографии» за подписью Народного Комиссара РСФСР по просвещению А.В. Луначарского от 10 октября 1918 года (с 15 октября 1918 г.), стала замена прежнего написания названия страны «Россія» соответствующим законодательству новым — «Россия». Данные изменения коснулись так же орфографии текста, о обращении в качестве платежного средства, на обороте новых разменных марок: **«Имеет хождение наравне с медной монетой».**

19 марта 1919 года проект советских разменных марок «Рука с мечом, разрубающим цепь» утвердил Народный Комиссар Финансов РСФСР Н.Н. Крестинский, с указанием — при изготовлении знаков для обращения, заменить слово «Россия» аббревиатурой «Р.С.Ф.С.Р». Сегодня утвержденный экземпляр проекта разменной марки *«образца 1919 года»* с резолюцией Народного Комиссара Финансов Н. Н. Крестинского находится в постоянной экспозиции «История денег» Музея Гознака в Санкт-Петербурге.

Утвержденный Н.Н. Крестинским проект разменной марки РСФСР

К сожалению, до массового изготовления знаков и их ввода в обращение дело так и не дошло — прогрессировавшая в стране инфляция сделала изготовление и выпуск новых разменных знаков столь мелких номиналов не актуальными, а вскоре — летом 1919 года — Советы полностью остановили и выпуск старых разменных марок «Романовского» типа[11]. Тем не менее, все вышеописанные государственные выпуски российских марок-денег в период Гражданской войны послужили примером для многочисленных подражаний как аналогичных выпусков местных властей, так и частных выпусков на всей территории бывшей Российской империи.

Не менее интересна судьба остальных единичных, чудом сохранившихся, проектов первых советских разменных марок — с 20–х годов прошлого века и по сей день в частных коллекциях доподлинно известно о двух сохранившихся парах пробных образцов разменных марок РСФСР[12] — одна беззубцовая пара и одна пара с перфорацией. История их появления неразрывно связана с одной из самых ярких фамилий времени Российской империи — семейством Фаберже. А если быть точнее, с именем второго сына знаменитого ювелира Карла Фаберже — Агафоном Карловичем Фаберже (1876–1951).

[11] *Юровский Л.Н.* Наше денежное обращение. Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914–1925 гг. — М. 1926. С. 84.

[12] *Карлинский В.* Почтовые марки РСФСР 1917–1921 — Советский коллекционер. — М. 1966. № 4.

Агафон Фаберже родился в 1876 году в Санкт-Петербурге. После окончания гимназии он учился у отца и мастеров фирмы оценивать драгоценные камни. А далее — фантастический карьерный взлет: в 22 года Агафон становится экспертом Бриллиантовой комнаты Зимнего дворца, затем оценщиком Ссудной казны.

После ошеломляющего успеха на Всемирной выставке в Париже в 1900 году фирма Фаберже становится поставщиком многих венценосных особ. Агафон, владевший пятью иностранными языками, многократно представлял фирму семьи при европейских королевских дворах. Без преувеличения можно сказать, что Агафон Карлович Фаберже очень быстро стал королем экспертов и экспертом для королей. Однако самой главной его страстью было коллекционирование почтовых марок.

Марки он стал собирать в девять лет. Долгие годы Агафон Карлович был членом Петербургского общества филателистов; о его собрании — одном из лучших в России — ходили легенды. Достаточно сказать, что император Николай II лично подарил Фаберже проекты первой русской марки.

Вскоре, после событий Октябрьской революции, коллекция марок Фаберже вместе с остальным имуществом была конфискована новой властью (когда конфискованную коллекцию описывали, в ней насчитали 311 447 экземпляров!) и передана в Советский почтовый музей.

Однако в 1920–х годах Советская власть привлекает Фаберже к срочной и секретной работе — оценке конфискованных бриллиантов. Агафон, входивший в пятерку лучших геммологов России и хорошо знакомый с царскими сокровищами, Наркомату финансов оказался очень нужен — ему посулили огромный оклад и уговаривали три месяца. И тогда Фаберже, набравшись смелости, рискнул и выдвинул условие — ему возвращают имущество, конфискованное после Октябрьской революции, в том числе и его коллекцию марок. Случилось чудо — нарком Лев Троцкий, на тот момент возглавлявший Комиссию по изъятию ценностей, лично приказал вернуть все Агафону Карловичу!

А.К. Фаберже. Фотография 1920 г.

В 20-х годах Фаберже трудился уполномоченным Гохрана по Петрограду (Ленинграду). Одновременно он не забывал о своей страсти — принимал участие в развитии советского филателистического движения, являлся председателем Ленинградского областного отдела ВОФ, сотрудником журнала «Советский филателист» и продолжал собирать марки — теперь уже нового государства. Ходили упорные слухи, что знаменитая коллекция Фаберже пополнялась не только за счет покупок ее владельца, но и за счет поступавших в Советский почтовый музей конфискованных и национализированных коллекций со всей территории бывшей Российской империи...

Несмотря на вполне успешную карьеру в Советской России, Агафон Фаберже после своего освобождения в 1925 году (он был повторно арестован в 1924 году по подозрению в хищениях) начал строить планы о побеге за границу. Но прежде он постарался переправить туда ценности — друзья-дипломаты перевезли в Финляндию коллекцию марок и помогли найти рыбаков-финнов, пообещавших помочь с переходом границы. Декабрьской ночью 1927 года по замерзшему заливу на санках семью перевезли в Финляндию.

Деньги у семьи Фаберже вновь появились от продажи марок. Он грамотно поделил коллекцию на две части, главную и второстепенную. Продажа части второстепенных марок дала ему средства на покупку дома и поездку в Австрию — в 1933 году Фаберже привез в Вену на международную выставку главную часть коллекции.

«Выставленные отцом марки произвели в филателистическом мире сенсацию мирового уровня. Экспозиция «Россия», «Русский Левант», «Русская земская почта», «Царство Польское» и «Великое княжество Финляндское» содержали множество марок, о существовании которых до выставки ничего не было известно» — позже вспоминал его сын Олег Агафонович Фаберже.

Олег Фаберже у портрета своего отца, Агафона Карловича

Коллекция была настолько значительная, что англичане предложили Агафону Карловичу заем в баснословно крупную по тем временам сумму — 18 000 фунтов под залог марок, которые должны были храниться в Лондонском банке. Из-за долгов семьи он вынужден был согласиться.

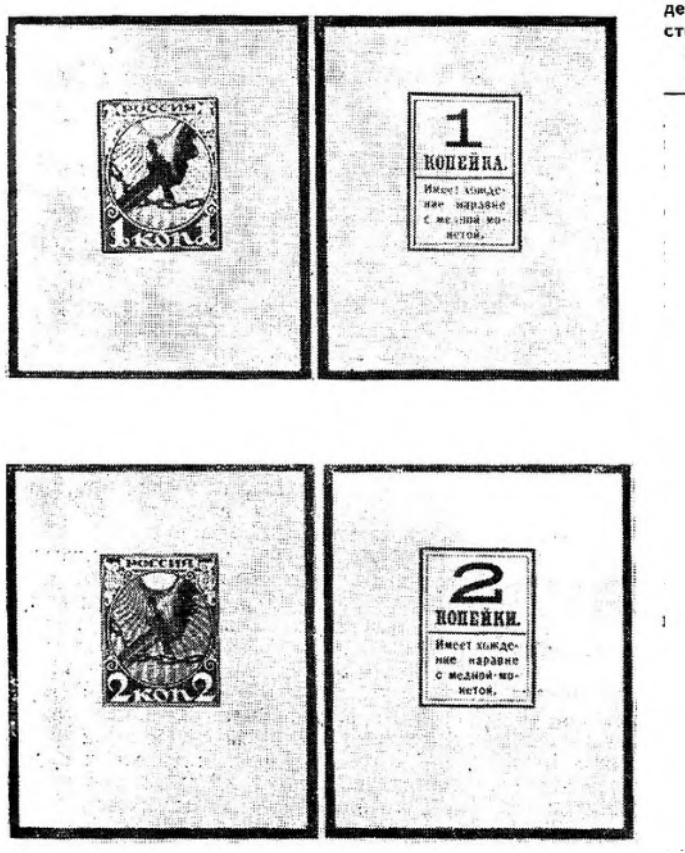
Расплатившись с долгами, Фаберже неоднократно пытался собрать средства для выкупа марок, но денег постоянно не хватало... Вскоре, в связи с началом Второй мировой войны, контакт с Англией был утерян. Знаменитая коллекция была выставлена англичанами на торги.

После распродажи коллекции Агафона Фаберже наиболее интересные знаки, включая все проекты марок-денег РСФСР, оказались в коллекции не менее знаменитого филателиста — Михаила Владимировича Лившица (1910–1994), ранее эмигрировавшего во Францию и впоследствии сменившего имя и фамилию на французский манер— Мишель Липшюц.

Несмотря на то что в 1966 году знаменитый советский филателист-исследователь В. Карлинский описывал эти марки-деньги и, с разрешения Липшюца, впервые опубликовал их изображения[13], существование их оставалось секретом

[13] *Карлинский В.* Почтовые марки РСФСР 1917–1921 — Советский коллекционер. — М. 1966. № 4. С. 17 – 27.

для большинства коллекционеров бумажных денежных знаков. По рукам некоторых бонистов ходили лишь черно-белые фотокопии из статьи Карлинского.



Проекты советских марок-денег, лицевая и оборотная стороны. Из коллекции М. Липшюца, Франция. (Публикуются впервые.)

Страница из статьи журнала «Советский коллекционер»1966 г. с фотокопиями беззубцовых проектов советских разменных марок

Музей Гознака в Санкт-Петербурге, где, как уже упоминалось ранее, хранится утвержденный экземпляр с подписью Н.Н. Крестинского, был открыт для широкой публики только летом 2016 года. По этой же причине они ранее не были каталогизированы ни в одном каталоге, посвященном денежным знакам[14].

[14] Эти проекты описаны во многих филателистических каталогах, включая издания *Ляпина В.А.* («Почтовые марки 1856–1991») и *Зверева А.В.* (Каталог почтовых марок Российской империи, РСФСР и СССР 1857–1940»).

Проекты марок-денег РСФСР из коллекции Фаберже - Люпшица - 1 и 2 копейки

Долгие годы, до самой смерти Мишеля Липшюца в 1994 году, бесценные разменные марки РСФСР из коллекции Фаберже были скрыты от посторонних глаз. В середине 90-х наследниками Лившица-Липшюца была распродана его коллекция. Чуть позже уникальные советские разменные марки появляются на американском аукционе Cherrystone[15]. И только тогда, впервые за многие десятки лет, коллекционеры наконец увидели интереснейшие памятники нашего денежного обращения — марки-деньги РСФСР. Существование подобных артефактов с безупречным историческим провенансом, вкупе с сохранившимся документом с подписью Крестинского из архивов Гознака, дает право на включение проектов советских марок-денег во все существующие и будущие каталоги бумажных денежных знаков России.

Автор выражает глубокую благодарность В.А. Ляпину за консультации при работе над статьей.

✿ ✿ ✿ ✿ ✿

[15] Cherrystone Auction, November 2007. Lot # 2760. Price realized $69,000.

ТУРКБОНЫ

Советские деньги на территории Русского Туркестана в 1918–1920 годах

Кузнецов А.Ю. (Москва)

ТУРКБОНЫ

Советские деньги на территории Русского Туркестана в 1918–1920 гг.

Бумаги не жалеть!
Лозунг эпохи военного коммунизма

После свержения Временного правительства в октябре 1917 года в руках большевиков оказался эмиссионный аппарат Российской империи, которым они не преминули воспользоваться.

По мере развертывания Гражданской войны финансовые вопросы приобретали еще большую остроту. На смену И.Э. Гуковскому в Наркомат финансов был назначен Н.Н. Крестинский, вошедший в историю как проводник мер военного коммунизма в финансово-банковской сфере. С приходом Крестинского Наркомфин принялся осуществлять радикальную финансовую политику, направленную на немедленное утверждение «коммунистических производственных отношений».

Советская власть совершенно бесконтрольно печатала все виды денег для собственных нужд — старые «романовские» (названные так из-за изображения представителей династии Романовых на них), деньги Временного правительства («думки» и «керенки»), а также собственные советские — сначала «пензенки» (названные так по месту их изготовления) с подписью Пятакова, а затем расчетные знаки 1919 года. Примечательно, что с последних было даже убрано название «денежный». Таким образом давалось понять, что вводились не денежный знак, а некая расчетная единица, и тем самым делался первый шаг в возможной ликвидации денежной системы в целом.

Работающий круглосуточно печатный станок «романовских» и «керенок» превратился, по образному выражению современников, в «пулемет, который обстреливал тылы буржуазии», отвечая чаяниям радикальных коммунистов об уничтожении денег вообще и внося финансовый разлад в стан противника, на территории которого население охотно принимало привычные купюры.

Однако Гражданская война, идущая на территории бывшей Российской империи, не всегда позволяла в полной мере снабжать деньгами земли, контролировавшиеся большевиками. В городах, отрезанных от центра, возникал острый дефицит наличности.

Поэтому советские власти на местах стремились решить проблему денежного голода своими средствами, организовывая собственный выпуск денежных знаков.

Самым значительным и, пожалуй, самым интересным из таких эмиссий является выпуск денежных знаков в Ташкенте. Говоря о различных деньгах периода Гражданской войны, опытные коллекционеры всегда особняком выделяли эмиссию «туркбон» — выпусков Туркестанской Советской Республики. Подчеркивался ее особый статус в ряду прочих «местных» выпусков.

Важной особенностями и высоким статусом этого выпуска было то, что он проводился сначала с санкции, а затем и по прямому постановлению Совета народных комиссаров РСФСР, и обеспечивался *«всем достоянием Российской республики»*. То есть фактически имел такую же легитимность, как и выпуски, которые мы сегодня привыкли называть «центральными» — пензенок 1918 и расчетных знаков 1919 годов. Единственное отличие ташкентской эмиссии от центральных — это ограничение области ее хождения собственно Туркестаном плюс Тургайской и Акмолинской областью и некоторыми уездами Уральской области.

Причем, если взглянуть на карту территории, контролировавшейся большевиками в начале 1919 года, то можно увидеть, что даже первоначальная область хождения туркбон практически была не меньше, чем ареал обращения «центральных» совзнаков.

То есть, упоминая о туркестанских советских деньгах, можно уверенностью говорить о том, что это был временный, но полноценный выпуск центральной Советской власти на территории, отрезанной фронтами Гражданской войны от метрополии.

Поэтому он по праву может входить в каталоги бумажных денежных знаков, посвященных «центру» с не меньшим основанием, чем, скажем, деньги «Арктикугля» или «ОГПУ».

Завоевание Туркестана

Когда заходит речь о Русском Туркестане[1], в первую очередь вспоминается крупнейший город Средней Азии, столица Туркестанского края — Ташкент.

Согласно письменным источникам, историю поселения на месте современного города можно проследить с I века до Р. Х.

Единого мнения, что означает слово «Ташкент», нет. Самая распространенная версия перевода — это «каменный город».

Изначально местность, где располагается современный Ташкент, называлась Шаш (Чач), а до тюркского завоевания город носил имя Бинкент.

Распавшийся в VII веке Великий Тюркский каганат на Западный и Восточный затем окончательно пал под ударами арабов. В XIII веке армия Чингисхана завоевала эти земли. А столетие спустя весь Туркестан покорил Тимур.

В XVI веке Ташкент захватило Казахское ханство, а с начала XVIII века, после небольшого периода относительной независимости, город вошел в состав Кокандского ханства.

Именно тогда Россия начала активно продвигаться вглубь Среднеазиатских степей, стремясь защитить свои южные границы и новых подданных — Младший и Средний жузы (рода) казахов, которые для того чтобы выжить в непрерывных тяжелых войнах с Кокандским ханством, попросились под российское подданство.

С другой стороны света — из Индии через Афганистан к этим землям подбиралась соперница России на мировом пространстве — Великобритания. Премьер–министр Великобритании Бенджамин Дизраэли писал в письме к королеве Виктории: *«нашими войсками московиты должны быть выдавлены из Средней Азии и сброшены в Каспийское море»*.

Вообще, продвижение России на юг принято рассматривать как элемент «Большой игры» — соперничества Великобритании и России.

С занятием Туркестана у России появлялась возможность угрожать позициям Англии в Индии и добиваться от нее уступок в европейских делах. Также достигалась и другая крупная геополитическая задача — сведение на нет турецкого влияния в Средней Азии.

[1] Туркестан — страна тюрков — историческо-географическое название региона Центральной Азии, на территории которого находятся современные государства: Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Туркмения, Киргизия и Синцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) Китая.

Завершив боевые действия на Кавказе и усмирив Польский мятеж 1863–1864 годов, Россия начала обращать внимание на Туркестан и на местную главную силу — Кокандское ханство.

Русские отряды постепенно, шаг за шагом, теснили войска кокандцев. Основание Верного[2], взятие городов Туркестан, Аулиэ-Ата[3], Чимкента — все это были этапы продвижения России на юг.

По итогам военной компании 1864 года было решено увеличить численность русских войск в Средней Азии и образовать на завоеванных землях Туркестанскую область. Военным губернатором был назначен генерал-майор Михаил Григорьевич Черняев. Он предоставил свои соображения о необходимости немедленного занятия Ташкента как важного стратегического пункта, однако не получил на это разрешения. Военный министр запретил идти на штурм «ввиду недостаточности находящихся в его распоряжении сил».

М.Г. Черняев

Тем не менее, в мае 1865 года, практически самовольно, Черняев с отрядом в девять пехотных рот, с 12 орудиями двинулся к Ташкенту и 7 июня занял позиции в восьми километрах от города.

Имея небольшие силы, изначально Черняев планировал принудить сдаться Ташкент, устроив его блокаду — отведя от города воду.

Кокандский хан отправил в помощь городу шеститысячное войско при 40 орудиях.

9 июня под стенами города произошел встречный бой, в котором кокандцы, несмотря на численный перевес, потерпели полное поражение, а их предводитель Алимкула был смертельно ранен.

После разгрома кокандского отряда ташкентские городские правители, не сильно надеясь на собственные силы, обратились за помощью к эмиру бухарскому, прося принять их город в его подданство. Надо отметить, что была в Ташкенте и прорусская партия, но она не смогла одержать верх.

10 июня отряд бухарцев вступил в город, а его начальник, Ибрагим-бек принял руководство обороной. Эмир Бухары призвал жителей держаться до подхода основных сил бухарцев.

Положение Черняева казалось отчаянным — с отрядом в 2000 человек и с 12 орудиями нельзя было долго осаждать укрепленный 100 тысячный город

[2] Сейчас — Алматы.

[3] Укрепление, расположенное на дороге Верный — Ташкент, в советское время Джамбул, сейчас — казахский Тараз.

с 30-тысячным гарнизоном при 50 орудиях, да еще ожидая прихода себе в тыл вражеского бухарского войска. Медлить было нельзя, и Черняев решился на чрезвычайно смелый и дерзкий шаг.

План осады Ташкента

В ночь с 14 на 15 июня отряд полковника Краевского из 3 рот и 4 орудий поднялся на штурм Кокандских ворот города. Но это был лишь тактический маневр, призванный рассредоточить и отвлечь силы противника от главного удара.

Главный же удар был направлен на юго-восточную часть города, где в это же время штурмовые роты штабс-капитана А. Абрамова, майора Делакроа и подполковника Н. Жемчужникова пошли в лобовую атаку на стены Ташкента.

По замыслу Черняева, главный отряд должен был ворваться в город, занять стены и, дойдя до Кокандских ворот, отворить их и соединиться с истощившим уже к тому времени свои силы Краевским.

Этот план удался уже к утру 15 июня. Два дня в городе еще происходили уличные бои, а 17 июня к Черняеву явились аксакалы и известные горожане с безусловной сдачей города.

Потери русских войск составили 25 человек убитыми и 89 ранеными.

Георгиевские кавалеры, награжденные за взятие Ташкента Знаком отличия Военного ордена

Черняев с конвоем только из 5 казаков объехал улицы Ташкента, посетил базар, баню и навестил некоторых именитых и влиятельных горожан. Такие смелость и доверие русского военачальника поразили ташкентцев, и они дали ему прозвище «Ташкентский лев».

Был подписан договор между Черняевым и старейшинами города во главе с Ишаном-Ходжи:

> По приказу белого царя и по приказу его наместника генерала Искандера Черняева, мы при сем сообщаем жителям города Ташкента, что они должны подчиняться согласно повелениям всемогущего Бога и исповедывать правоверную религию Мухаммеда… Дома, сады, поля, участки, водяные мельницы, которые вам принадлежат, останутся в вашей собственности. Солдаты ничего не возьмут у вас…
>
> Я, губернатор Искандер Черняев, на этот год освобождаю вас от уплаты налогов, но как будет впоследствии — будет зависеть от желания нашего великого белого царя проявить к вам еще большую доброту».
>
> 1 июля 1865 г.

Также отменялись рабство и торговля людьми, процветавшая до прихода русских.

В Петербург был послан поручик Макаров с золотыми ключами, поднесенными Черняеву жителями Ташкента. Император Александр II пожаловал Черняеву бриллиантовую шпагу с надписью «За взятие Ташкента».

После взятия Ташкента война в Средней Азии продолжилась покорением Коканда, Бухары и Хивы. Завершением ее можно считать взятие в 1881 году знаменитым «белым генералом» М.Д. Скобелевым текинского Геок-Тепе[4].

На завоеванных землях было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, куда вошли 5 областей — Сыр-Дарьинская с центром в Ташкенте, Ферганская с центром в Скобелеве (в настоящее время город Фергана), Самаркандская с центром в Самарканде, Семиречинская с центром в Верном и Закаспийская с центром в Асхабаде (ныне Ашхабад).

Первым генерал–губернатором был назначен генерал К.П. фон Кауфман. Столицей всего Туркестанского края стал Ташкент.

Памятник в Ташкенте генералу К.П. Кауфману и войскам, покорившим Среднюю Азию (снесен большевиками в 1918 г.)[5]

Русская часть города начала возникать сразу же после его завоевания. Первым русским зданием Ташкента стал дом Черняева, построенный в июне 1865 года.

Дом М. Черняева в Ташкенте. Фотография из «Туркестанского альбома» 1871-1872 гг

В 1909 году в русской части города было уже около 3000 домовладений, численность русских достигала 50 000 человек при общем числе горожан в 234 000 человек.

Революция и образование Туркреспублики

Сразу после отречения Николая II в марте 1917 года в Ташкенте возникли Советы — рабочих, солдатских, а затем и крестьянских депутатов.

Власть в городе принадлежала Туркестанскому комитету Временного правительства под председательством В.П. Наливкина.

[4] Самое значительное сопротивление в Средней Азии русским войскам оказали именно текинцы — воинственная и склонная к грабежам племенная группа туркменского народа, наводившего ужас своими набегами на соседние Иран и Афганистан. Текинцы — единственный народ Туркестана, из представителей которого позже в Российской империи был сформирован Текинский конный полк (прочих выходцев Туркестана в Русскую армию не брали). В отличие от остальных жителей Средней Азии текинцы принципиально не ели конину.

[5] На месте, где стоял памятник, после его сноса были последовательно установлены: памятник освобожденному труду (снесен в 1927 г.); памятник в честь 10-летия Октября (снесен в 1930 г.); гипсовый бюст Ленина (снесен в 1931 г.); памятник И. Сталину (снесен в 1962 г.); памятник К. Марксу (снесен в 1993 г.); памятник Тимуру (пока стоит).

Первую попытку взять власть в свои руки Ташкентский Совет предпринял в сентябре 1917 года, образовав при поддержке рабочих и солдат местного гарнизона Временный революционный комитет. Наливкин попросил у Керенского поддержки, и в октябре в Ташкент прибыли войска под командованием генерала П.А. Коровченко. В городе образовалось двоевластие — Коровченко в должности Генерального комиссара Временного правительства по управлению Туркестанским краем и Ташсовет с образованным Ревкомом.

Ревком, состоящий из большевиков и левых эсеров, вел работу по организации захвата всей власти в городе. Коровченко предпринимал попытки по расформированию революционно настроенных частей.

Утром 28 октября (по старому стилю) начались вооруженные столкновения между войсками Коровченко (школа прапорщиков, военное училище, 2 Оренбургских казачьих полка, 2 Семиреченские казачьи сотни) и восставшими (солдаты 1-го Сибирского полка и рабочие дружины). На помощь восставшим пришли революционные солдаты из Коканда, Ашхабада, Новой Бухары.

Непоследовательность Коровченко (он то заключал перемирие, то распускал его) и застрявшая из-за забастовки железнодорожников подмога из Скобелева и Самары предопределили исход восстания.

К вечеру 31 октября практически весь город был занят революционными рабочими и солдатами, а 1 ноября сдалась крепость, в которой находились оставшиеся силы Временного правительства — юнкера, офицеры, прапорщики. Коровченко[6] был арестован.

15 ноября состоялся Краевой съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На нем была организована новая власть — Совет народных комиссаров (СНК) Туркестанского края. В него вошли большевики и левые эсеры, которые тогда выступали как союзники. Председателем Совета был избран Ф.И. Колесов — железнодорожный конторщик из Ташкента.

Чуть позже, на V Краевом съезде Советов 30 апреля 1918 года была провозглашена Туркестанская Советская Республика. В документах Съезда было записано, что республика признает Центральное правительство Российской Советской Федерации. В состав ТСР вошла вся территория бывшего Туркестанского генерал-губернаторства.

[6] Коровченко убьют в тюрьме в декабре 1917 года, а Наливкин покончит жизнь самоубийством в январе 1918 года.

Съезд избрал Центральный исполнительный комитет (ЦИК) и СНК. В Турц ИК вошли 49 коммунистов и 26 левых эсеров, председателем стал инженер-железнодорожник П.А. Кобозев.

Финансовое положение

Среди самых важных задач, стоявших перед взявшими власть революционерами, было обеспечение финансами. Оторванная от центральных районов страны, республика испытывала постоянные трудности, связанные с недостатком денежных знаков.

Реквизиции в банках, обложение контрибуцией местной буржуазии и просто обеспеченых людей — эти меры ненадолго отсрочили финансовый кризис новой власти. Деньги большевикам нужны были постоянно и в первую очередь для оплаты жалования Красной Армии.

Запись добровольцевъ
ВЪ КРАСНУЮ АРМІЮ
принимается въ канцеляріи НАРОДНАГО КОМИССАРА по Гражданскому Управленію Краемъ (уголъ Воронцовской и Романовской ул., бывшая Канцелярія Генералъ-Губернатора).
отъ 10 до 1 часу дня,
При прошеніяхъ прилагать рекомендацію о политической благонадежности отъ общественныхъ организацій или полковыхъ, ротныхъ, батарейныхъ комитетовъ.
Вступившіе въ НАРОДНУЮ АРМІЮ получаютъ отъ казны жалованье 50 руб. въ мѣсяцъ. СЕМЬИ ОБЕЗПЕЧИВАЮТСЯ за счетъ Государства.
Комиссаръ по гражданско-административному управленію АГАПОВЪ.

Объявление в газете «Наша газета» №31, Ташкент февраль 1918 года

Туда записывалось значительное число не имевших дохода людей, главным образом из числа бывших военнопленных Австро-Венгрии и Германии, в большом количестве осевших в Туркестане. Лишившись статуса военнопленных из-за выхода России из войны, они потеряли и всякое обеспечение от пленившего их и распавшегося государства. В 1918 году до половины численности личного состава Красной Армии Туркестана составляли иностранцы, по большей своей части являющиеся венграми.

В апреле 1918 года Туркестанское правительство располагало средствами, полученными от национализации промышленности и банков, конфискации драгоценностей и денежных средств и даже одежды и продуктов у так называемых «имущих классов», в размере 45 миллионов 558 тысяч рублей[7]. Фактические же расходы за первые 3 месяца 1918 года составили 421 миллион рублей. Главные причины высоких расходов — это ведение Гражданской войны и необходимость обеспечивать содержанием наемную Красную Армию. Помимо этого в результате национализации экономика края пришла в полнейший упадок, и немало расходов приходилось на то, чтобы наладить работу конфискованных предприятий в новых экономических условиях.

На общий экономический кризис накладывался и кризис финансовый — как уже говорилось, из-за отрезанности от центра фронтами Гражданской войны в Ташкент с трудом поступала наличная денежная масса.

[7] Наша газета, от 27.01.1918.

Как кратковременная мера 19 марта 1918 года был издан приказ №52 об обращении наравне с кредитными билетами БГК (билетов государственного казначейства) и купонов от них, а также облигаций «Займа Свободы»[8].

Современник тех событий писал:

“Когда мы прибыли в Ташкент, в наличном обороте не использовались никакие металлические монеты. Было несколько видов бумажных денег. Во-первых ,“николаевские”... затем деньги, выпущенные правительством Керенского, особенно примечательной была банкнота в тысячу рублей с изображением здания Думы. Обе эти валюты считались надежными, и именно в них мы привезли наши деньги из Кашгара”[9].

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТ
ТЫСЯЧА РУБЛЕЙ
Г А 156835
1000 РУБЛЕЙ
1917

1000 РУБЛЕЙ

1000 рублей 1917 г. Временного правительства с изображением здания Государственной Думы в Петрограде

Помимо общих финансовых трудностей в Туркестане возник разменный кризис — дефицит мелких разменных знаков. Ташкентская «Наша газета» писала, что за размен тысячерублевки спекулянты брали комиссию в 150–200 рублей. Совдеп обязал магазины, рестораны, трамваи ежедневно сдавать в Госбанк не менее 250 рублей мелких монет и купюр. 14 февраля 1918 года даже был издан приказ № 41 о приравнивании удерживания мелких денежных знаков к выпаду против правительственной власти, однако это не помогло.

Наличные подкрепления из центра приходили все реже, и в этих условиях, понимая необходимость такого предприятия, как печатание собственных денег, (СНК) Туркестанского края 19 февраля 1918 года на своем заседании решил произвести выпуск мелких разменных денежных знаков на сумму 15 миллионов рублей[10].

В Петроград, на имя Ленина, СНК Туркестана направил радиограмму, в которой ,во-первых, просил разрешения на этот выпуск, а во-вторых, срочно выслать обеспечение эмиссии «рубль за рубль» крупными кредитными билетами и обязательствами Государственного казначейства[11].

[8] ЦГА РУ. Ф. 25 Оп. 1 Д. 35. Л. 133. Все процентные бумаги до 1 июня 1918 года регистрировались в банке (не зарегистрированные аннулировались). Облигации «Займа Свободы» обменивались до 30 апреля 1918 года в Народном банке на кредитные билеты.

[9] *Бейли Ф.* Миссия в Ташкент. — Москва, 2013.

[10] ЦГА РУ. Ф. 25 Оп. 1 Д. 2. Л. 35.

[11] ЦГА РУ. Ф. 25 Оп. 1 Д. 20. Л. 210.

Эмиссия туркбон была узаконена центральной властью декретами СНК РСФСР от 3 и 17 сентября 1918 года.

Постановление СНК от 3 сентября 1918 года

О разрешении Народному (быв. Государственному) банку в Ташкенте выпуска временных кредитных билетов на сумму не свыше 200 млн. рублей.

Разрешить Народному (быв. Государственному) банку в Ташкенте выпуск временных кредитных билетов на сумму не свыше 200 млн. руб. на следующих условиях:

1) Временные кредитные билеты Туркестанского края имеют хождение в пределах Туркестанского края и обязательны к приему в платежи наравне с кредитными билетами.

2) За подделку временных кредитных билетов Туркестанского края виновные подлежат наказанию, как за подделку государственных кредитных билетов.

3) Билеты сии выпускаются в обращение Ташкентским и прочими учреждениями Народного банка в Туркестане, равно местными казначействами в размере, строго ограниченном потребностями денежного обращения, притом в том же порядке, как и кредитные билеты общегосударственного образца, т.е. по банковым операциям и по государственным расходам, в пределах разрешенных Советом Народных Комиссаров Российской Федеративной Республики кредитов.

4) Временные кредитные билеты могут быть изготовляемы достоинством до 100 руб. лист включительно[12].

Главный комиссар-управляющий Народного Банка РСФСР Г. Пятаков писал в Ташкент с разъяснениями, что, несмотря на то что считает появление новых туркестанских денежных знаков принципиально нежелательным, Народный банк РСФСР испросил разрешение на их выпуск исключительно потому, что в настоящее время сообщение Туркестанского края с Россией не может производиться сколько-нибудь регулярно и Банк фактически лишен возможности снабжать учреждения Туркестанского края кредитными билетами.

Таким образом, выпуск в обращение кредитных билетов Туркестанского края должен рассматриваться как мера чисто временная, вызванная лишь случайными обстоятельствами, по устранении которых этот выпуск должен быть немедленно прекращен[13].

Специально для Туркестана была разработана подробная *«Инструкция по изготовлению и выпуску в обращение временных кредитных билетов Туркестанского края»*. Таким образом, Правительство РСФСР приняло на себя ответственность за этот выпуск. В связи с этим решением на туркбонах последующих выпусков указывалось, что их обеспечением является

[12] Декреты Советской власти. Т. 3, С. 283–284.

[13] Отношение от 7/XII-1918 за № 209/220 (РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 3. Д. 1059. Л. 80-81об.).

«все достояние Российской Республики», то есть туркбоны стали разновидностью федеративных денежных знаков, функционировавших на ограниченной территории. В силу экономической связи Туркестана с соседними областями РСФСР приказом Временного военно-революционного совета Туркестана от 21 февраля 1919 года №47 было установлено, что *«Туркестанские кредитные знаки имеют хождение наравне с общегосударственными знаками не только в районах Туркестанской Республики, но и в Томирском и соседних с ним уездах Уральской области»*[14]. В дальнейшем, декретом СНК РСФСР от 16 апреля 1919 года район обращения туркбон был ограничен территорией Закаспийской, Самаркандской, Семиреченской, Сыр-Дарьинской, Ферганской, Тургайской и Акмолинской областей, а также Хивы и Бухары.

Декрет СНК от 16 апреля 1919 года

О расширении права выпуска Ташкентским отделением Народного банка временных кредитных билетов Туркестанского края

1) Расширить предоставленное Ташкентскому отделению Народного банка постановлениями Совета Народных Комиссаров от 3–го и 17–го сентября 1918 г. (Собр. Узак. 1918 г. № 95. Ст. 944, 945) право выпуска временных кредитных билетов Туркестанского края до двух миллиардов рублей.

2) Установить следующий район обращения временных кредитных билетов Туркестанского края наравне с общероссийскими денежными знаками: Закаспийская, Самаркандская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Ферганская, Тургайская, Акмолинская области, Хива и Бухара.

3) Предоставить Главному Комиссару — управляющему Народным банком Р.С.Ф.С.Р. производить свободный обмен туркестанских кредитных билетов на общероссийские также и вне пределов указанного в ст. 2–й района в тех кредитных учреждениях Республики, где это им будет признано полезным.

Подписали:
Председатель Совета Народных Комиссаров
Вл. Ульянов (Ленин)
Управляющий делами Совета Народных Комиссаров
В. Бонч-Бруевич
Секретарь Л. Фотиева[15]

На заседании СНК Туркестана 19 февраля 1918 года была создана специальная комиссия, которая стала называться Финансовой комиссией по выпуску денежных знаков в Туркестанском крае.

[14] Наша газета от 19 февраля 1919 г.

[15] Собрание Узаконений, 1919. № 18. С. 209.

В состав этой Комиссии вошли большей частью профессионалы банковского дела — управляющий отделением Госбанка М.М. Грибовский, Управляющий Волжско–Камского банка И.Г. Дубянский, Управляющий Казенной палатой Женжурист, управляющий Контрольной палатой Скачевский и комиссар П.Чегодаев. Через четыре недели в Комиссию в качестве председателя вошел, вместо Чегодаева, финансовый комиссар Я.Х. Ренеслац[16]. Эта Комиссия в кратчайшие сроки подготовила и выпустила в обращение туркестанские денежные знаки.

Выпуск туркбон

Официальное название печатавшихся в Ташкенте денег было сначала «*разменный денежный знак*», а затем «*временный кредитный билет*». Однако в быту и даже в официальных правительственных документах туркестанские бумажные денежные знаки называли ***туркбонами.***

Дело в том, что понятия «*денежный знак*» и «*бона*» не тождественны. Бона есть суррогат (заменитель) полноценного денежного знака. Таким образом, называя туркбонами ташкентские кредитки, власти Туркреспублики говорили об их вторичности и временности по отношению к общефедеральным выпускам центральной власти.

Процесс подготовки к собственной эмиссии был скор, но весьма основателен. На заседании СНК 9 марта 1918 года было решено ассигновать 80 000 рублей на покупку разных материалов и на вознаграждение за работы по выпуску бон.

Составлялись сведения о наличии всех имеющихся в Ташкенте типографских машин, шрифтов и квалифицированных рабочих.

От различных типографий в комиссию по выпуску денежных знаков командируются опытные кадры — печатники, литографы. В дальнейшем работники

[16] ЦГА РУ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.

Экспедиции по изготовлению денежных знаков освобождалесь от всеобщей мобилизации и отправке на фронт . Взамен они считались по месту работы призванными на воинскую службу и выполняющими не гражданскую работу, а военные приказы со всеми вытекающими отсюда последствиями — в случае нарушения порядка работы и прочего они как военнослужащие поддвергались суду Военно-революционного трибунала по законам военного времени[17].

В Оренбург управляющему комиссару Банка телеграфировали о просьбе выслать нумераторы и нумеровальные машины, литеры с ручками для печатания бонов во временное пользование до получения собственных[18].

Металлическую кассу для хранения граверовальных камней и самих готовых бон Комиссия просила начальника охраны города Ташкента Ф.Я. Цируля реквизировать у торгового дома «Зингер и К» или у других торговцев *«по своему усмотрению»* и доставить в военно–топографический отдел, в помещение по изготовлению бон на угол Куйлюкского проспекта и Гоголевской улицы[19]. Там, на Гоголевской 43, находилась литография военно-топографического отдела, помещение которой и превратили в Экспедицию по выпуску денежных знаков. В дальнейшем туда свозились все литографские машины, которые удалось собрать во Туркестанском крае. К концу 1920 года на Гоголевской улице было уже 9 машин, печатавших туркбоны и ценные бумаги.

Комиссия привлекает в качестве художников будущих денежных знаков военных литографов-граверов Владимира Михайлова и Николая Никитина. Они предоставляли эскизы бон, которые рассматривала и утверждала Комиссия по выпуску денежных знаков.

Аллея Гоголевской ул.

Сперва 23 февраля 1918 года были утверждены знаки в 25 и 10 рублей:

1. Размер знаков должен быть в 1/16 долю писчего листа.

2. На лицевой стороне вверху надпись ***«Разменный денежный знак Ташкентского отделения Государственного Банка»****; посередине и несколько ближе к верхнему краю изображается статуя свободы; на всех четырех углах обозначаются цифры достоинства, причем с левой стороны под цифрами помещается слово «рублей», под ним литера и номер, а ниже подпись Управляющего и контролера; с правой же стороны под цифрами достоинства обозначается по туземному число и рублей, под ним литеры и номер, а ниже подпись кассира.*

В большой розетке под статуей свободы слова ***«Имеет хождение наравне с государственными кредитными билетами в пределах Туркестанского края»*** *и* ***«Обеспечен хранящимся в Ташкентском отделении Государственно-***

[17] ЦГА РУ. Ф. Р 37. Оп. 1. Д. 157. Л. 48.

[18] ЦГА РУ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 20. Л. 274. Оренбург отказал в посылке машин, сославшись на их необходимость для собственной печати бон.

[19] ЦГА РУ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 20. Л. 315.

го Банка равноценным запасом денежных ценностей крупных достоинств», *на розетке фоновыми красками цифра достоинства знака, внизу — год выпуска.*

3. На оборотной стороне — вверху розетка, окаймленная орнаментом и двумя лавровыми ветвями, в середине розетки словами число рублей, над ними текст ***«Выпущен по распоряжению Совета Народных Комиссаров Туркестанского края...»***

4. Окраска знаков должна быть сообразна с цветом ныне существующих кредитных билетов.

5. Фоновая сетка должна быть положена как на лицевой, так и на оборотной стороне.

6. Подписи Управляющего и Контролера воспроизводятся литографским способом, подписью же кассира знаки снабжаются в отделении Государственного Банка, равно как номерами и буквенным шифром (литерами)[20].

В оформлении новых бон использовались надписи номинала на узбекском языке, выполненные арабским шрифтом.

Ответ на вопрос о том, какую же “*статую свободы*” изобразили художники на туркбонах, дает небольшое исследование. Женские статуи (абсолютно на вид похожие, но разного размера) с подобным названием на тот момент находились лишь в Североамериканских штатах и Франции — вот какую-то одну из них и скопировали, творчески переработав, ташкентские граверы[21].

[20] ЦГА РУ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 33. Л. 3.

[21] В Москве и Самарканде тоже появились свои статуи свободы, но это было уже позже, в 1919 году. А еще так называли статую на крыше Галицкой кредитной кассы (ныне — Музея этнографии) во Львове, но на самом деле там скульптор Маркони изваял аллегорию бережливости.

Упоминаемые в литературе[22] данные об использовании в оформлении туркбон виньеток из дореволюционного собрания сочинений В. Шекспира подтвердить архивными документами и изучением доступных в Российской государственной библиотеке изданий Шекспира не удалось.

Литеры и грифы с подписями кассиров резались граверами Фридманом и Хилковым.

Отделение Государственного банка. Ташкент

Как уже отмечалось, типография для изготовления денежных знаков образовалась на базе литографии военно-топографического отдела, находившейся на Гоголевской улице. Оттуда бланки денежных знаков доставлялись для грифования (проставление литер, номеров и подписей кассиров) в бонный отдел, который находился в помещении отделения Государственного банка на Николаевской улице. Для грифования была доставлена типографская машина из типографии газеты «Туркестанские ведомости»[23].

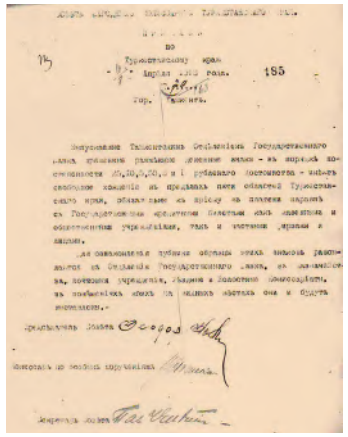
В результате работы Комиссии 6 апреля 1918 года вышел приказ СНК Туркестанского края № 79, и в обращении появились первые туркбоны:

> Выпускаемые Ташкентским отделением Государственного Банка временные разменные денежные знаки — в порядке их постепенности 25, 10, 5, 50, 3 и 1-рублевого достоинства — имеют свободное хождение в пределах пяти областей Туркестанского края, обязательны к приему в платежи наравне с Государственными кредитными билетами как казенными и общественными учреждениями, так и частными фирмами и лицами.
>
> Для ознакомления публики образцы этих знаков рассылаются в Отделения Государственного Банка, в Казначейства, почтовые учреждения, Уездные и Волостные Комиссариаты, в помещениях коих на видных местах они и будут выставлены.
>
> Председатель Совета Ф. Колесов
>
> Комиссар по особым поручениям Успенский
>
> Секретарь Совета П. Чегодаев[24].

[22] *Соколов В.М.* Полный каталог бон, выпущенных на территории СССР в 1914–1925 годах Вып. 6 «Средняя Азия». — Ростов-на-Дону, 1938.

[23] ЦГА РУ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 33. Л. 14.

[24] ЦГА РУ. Ф. Р25, Оп. 1. Д. 35. Л. 185; ЦГА РУ. Ф. Р 37. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.



Приказ СНК Туркестанского края о выпуске

В апрельском интервью ташкентской «Нашей газете» управляющий Ташкентского отделения Госбанка М.М. Грибовский заявил о том, что мусульманскому населению Туркестана понравились первые вышедшие знаки в 25 рублей тем, что на них были надписи на «сартовском» языке. В свете этого на пятидесятирублевом билете запланировали разместить рисунок мечети. *«Хорошо бы Шейхантаурскую мечеть ...Это, несомненно, придав известную особенность Туркестанским денежным разменным знакам в глазах местных мусульман, вызовет еще больший интерес к бонам»*, – заявил он корреспонденту газеты.

Шейхантаурская мечеть и вид на туземную часть г. Ташкента

18/5 апреля Финансовая комиссия утвердила рисунок нового знака:

«Денежный знак пятидесятирублевого достоинства установить несколько большего размера, сообразуясь с размером листа бумаги, на коей печатаются знаки; на лицевой его стороне взамен статуи свободы изобразить герб Туркестанского края — из пяти областных гербов с республиканским над ними орлом, — а на оборотной стороне под гирляндой из веток цветущего хлопка и виноградных лоз с плодами — легкий вид типичного туземного города. Знаков отпечатать в количестве 30 стоп бумаги»[25].

[25] ЦГА РУ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 33. Л. 14.

На заседании Комиссии 9 мая 1918 года эскиз купюры подредактировали, указав снабдить рисунок знака «*каемкой, подобно существующей на двухкопеечном денежном знаке*»[26].

Чуть позже, 20 мая, утвердили эскиз рублевого номинала:

«*Форму предполагаемых знаков рублевого достоинства принять в следующем виде: размеры — длина равна длине десятирублевых, ширина — три четверти ширины их. На лицевой стороне по краям — каемку, а вверху — строку* ***“Разменный денежный знак Ташкентского Отделения Государственного банка 1918 год”.*** *Посередине — республиканский орел, вокруг него словами* ***“один рубль”*** *по-русски и по-туземному и ниже* ***“Подделка преследуется законом”*** *и* ***“Подлежит обмену на государственные кредитные билеты”.*** *Слева — литеры и номер, внизу посередине — подпись кассира. Справа — подпись контролера, под нею — литеры и номер. На оборотной стороне по краям — кайма, посередине в виньетке* ***“1 рубль”****, направо и налево от нее на щитах — остальные надписи, установленные Комиссией для денежных знаков. На лицевой стороне два цвета: коричневый и темно-синий, на оборотной один коричневый»*[27].

Размер и вид трехрублевой купюры был установлен, сообразуясь с рублевой, цвета зеленого, соответствующий императорской государственной купюре.

В июне 1918 года Комиссия по выпуску утвердила размер *«длиннее пятидесятирублевого на ¼, увеличить так же несколько ширину, сообразуясь с размерами листа бумаги, на которой знаки печатаются»* и рисунок 100-рублевого билета[28].

В обращение он вышел в августе 1918 года[29].

[26] ЦГА РУ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 33. Л. 17.

[27] ЦГА РУ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 33. Л. 19.

[28] ЦГА РУ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 33. Л. 25.

[29] Советский Туркестан. № 23, Ташкент, 11.08.1918.

Разменный денежный знак Ташкентского ОГБ 100 рублей, выпущенный по распоряжению СНК Туркестанского края

4 октября 1918 года на заседании Комиссии, в соответствии с указанием центральной власти в Москве, узаконившей выпуск туркбон, было принято постановление об изменении текстов на ташкентских деньгах.

Вместо слов ***«Разменный денежный знак Ташкентского Отделения Государственного Банка»*** было помещено ***«Временный кредитный билет Туркестанского края»***.

Вместо ***«Выпущен по распоряжению СНК Туркестанского края...»*** поместили надпись ***«Выпущен Народным Банком в г. Ташкенте по постановлению СНК РСФСР»***.

Кроме того, была добавлена фраза об обеспечении кредитных билетов всем достоянием Российской Республики.

Временный кредитный билет Туркестанского края 100 рублей, выпущенный по постановлению СНК РСФСР

Эти поправки окончательно утвердили туркбоны как выпуск центральной власти (так как выпущены по постановлению СНК РСФСР и обеспечены всем достоянием РСФСР).

Следующее изменение внешнего вида туркбон произошло 6 марта 1919 года — именно тогда Комиссия постановила выпустить кредитные билеты нового образца 1919 года, начав новую нумерацию по литерам и номерам[30].

На них уже отсутствовали фамилии репрессированных Управляющего Грибовского и Контролера Глебовича, выдавших весь золотой запас Ташкентского банка мятежному военкому Туркреспублики Осипову в январе 1919 года[31].

[30] ЦГА РУ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 33. Л. 99.

[31] Подробноее см. ниже главу *«Январские события 1919 года».*

Также на этих билетах поменялся кассир на Н.В. Титов Н.В. кассира А.И. Чухина А.И.[32] Дело в том, что, исполняя обязанности главного кассира, помощник кассира 1 разряда Титов Н.В. 23 апреля 1918 года допустил просчет в 10 000 рублей. Специальная комиссия установила вину Титова[33], но так как деньги не были украдены и после нашлись, то он был не уволен, а переведен в Бухарское отделение Нарбанка. В то же время произошла смена кассира Рожновского на Тесленко, причины которой пока не известны.

Кардинальные изменения в иконографии туркбон произошли тогда, когда в Ташкенте определились с правильным изображением герба Российской Федерации. Было даже постановление Комиссии от 3 апреля 1919 года об отсрочке утверждения предложенных эскизов знаков в 250 рублей и 50 копеек впредь до выяснения рисунка герба[34].

На новых знаках в 50 копеек, 250 и 500 рублей стал изображаться герб РСФСР, и туркбоны окончательно приобрели «советский» вид.

Туркбоны 250 рублей, 50 копееек и 500 рублей с советским гербом

В литературе можно встретить утверждение, что знак 50 копеек не был выпущен в обращение ввиду ничтожности номинала[35]. Это утверждение ошибочное, так как существуют документы о его выпуске. А вот что писал резидент английской разведки в Туркестане Фридерик Бейли:

«Была в обращении также местная туркестанская валюта, которой очень не доверяли вначале, но которая позже стала все больше и больше использоваться. Банкнота самого маленького номинала в пятьдесят копеек имела удобный размер и плотность бумаги для того, чтобы скрутить из нее сигарету!»[36]

К тому же суждение о том, что в 1919 году на 50 копеек нельзя было ничего купить, абсолютно неверное — так, к примеру, стоимость газет в Туркестане колебалась от 30 копеек в начале 1919 года до 1 рубля ко второй половине года.

[32] Известно несколько знаков Ташкентского ОГБ с подписью Чухина.

[33] ЦГА РУ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

[34] ЦГА РУ. Ф. Р37. Оп. 1. Д. 25. Л. 48.

[35] *Жуков А.А., Малышев В.П.* Денежные эмиссии Средней Азии. — СПБ., 2005; *Истомин М.И.* Каталог денежных знаков Гражданской войны в России. Т. V. — Харьков, 2010.

[36] *Бейли Ф.* Миссия в Ташкент. — Москва, 2013.

Растущая инфляция требовала повышения номинального ряда выпускаемых денежных знаков.

14 февраля 1920 года вышло постановление ЦИКа Советов ТССР о выпуске в обращение временного кредитного билета 1000 рублей[37].

29 июня 1920 года в связи с изменениями в Правительстве Туркестана — на должность комиссара финансов был назначен С.М. Измайлов, а Я.Х. Ренеслац стал его замом — поменялись надписи на новых номиналах кредитных билетов: ***«комиссар управляющий Ренеслац»*** сменился на ***«комиссар финансов Измайлов»***.

Примечательно, что пробные билеты в 5000 рублей подписаны Ренеслацом, а выпущенные, согласно декрету Совнаркома ТССР №75 от 15 июля 1920 года — уже Измайловым.

Пробный с подписью Ренеслаца и выпущенный с подписью Измайлова кредитные билеты 5000 рублей

Денежные знаки 1000 и 5000-рублевого достоинства составляли свыше 45% всей денежной массы.

Последнее изменение коснулось выпущенного 6 сентября 1920 года знака в 10 000 рублей[38]. Ввиду постановления ВЦИК от 27 августа 1920 года об автономии Туркреспублики, поменялась надпись с ***«Временный кредитный билет Туркестанского края»*** на ***«Временный кредитный билет Туркестанской Советской Республики».***

[37] ЦГА РУ. Ф. Р37. Оп. 1. Д. 158. Л. 5.

[38] ЦГА РУ. Ф. Р37. Оп. 1. Д. 178. Л. 28.

Примечательна иконография этого кредитного билета. Сюжет на оборотной стороне в 10 000 рублей Туркестана был скопирован ташкентским художником со 100 франков Французской Республики , которые выпускались с 1909 по 1939 год. Автором изображения на французском билете был известный художник Люк–Оливье Мерсон (21.05.1846–13.11.1920), автор монументальной мозаики парижского собора Сакре-Кер.

Кстати, соотечественники француза раскритиковали рисунок на 100 франках, язвительно отмечая, что у ребенка слева на лицевой стороне одна нога короче другой, а у молотобойца, судя по его неестественной позе, явный паралич левой руки.

Образцы туркбон

В присланной из Петрограда Инструкции по изготовлению и выпуску в обращение временных кредитных билетов Туркестанского края было записано:

§ 18. Предварительно выпуска временных кредитных билетов в обращение все приходные и расходные кассы Туркестанского Края должны быть снабжены образцами означенных временных кредитных билетов, по 2 экземпляра каждого достоинства, из коих один должен быть выставлен на видном месте для ознакомления с ним публики, а другой — при делах учреждения. В качестве образцов употребляются обыкновенные временные кредитные билеты, причем на каждом листе должно быть отпечатано красочным штемпелем слово:„образец”[39].

Однако подобных образцов туркбон не обнаружено. Сегодня известны образцы разменных денежных знаков Ташкентского ОГБ, сделанные из неогрифованных (без номера и подписи кассира) бланков, пробитых перфорацией ***«83 ГБ»***. Именно такой номер был присвоен Ташкентскому отделению в списках Государственного банка.

[39] РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 1. Ед. Хр. 1059. Л. 84–8806.

Образец разменного денежного знака в 25 руб. 1918 г.

Образец разменного денежного знака в 50 руб. 1918 г.

Похожие на описание образцы встречаются среди временных кредитных билетов Туркестанского края. Они сделаны из загрифованных и готовых к обращению знаков, но пробиты фигурной перфорацией и вручную перечеркнуты. Надпись *«Образец»* на этих знаках так же сделана от руки.

Образцы временных кредитных билетов в 50 и 100 рублей 1919 года

Технология изготовления туркбон и скрытая защита от подделок

Все современники отмечали некоторое изящество и тщательность изготовления туркбон, особенно на фоне многочисленных соседних эмиссий. Действительно, ташкентские знаки были наиболее похожи на деньги серьезного правительства.

В этом заслуга Комиссии по выпуску денежных знаков в Туркестанском крае. С самого начала профессиональный подход к делу обеспечил надежную и бесперебойную работу эмиссионного аппарата.

За процессом печатания денежных знаков следили члены ***Контрольной коллегии по выпуску денежных знаков.***

В их обязанности входило неотлучно находиться при литографской машине, наблюдая, чтобы каждый лист поступившей для печатания бумаги был возвращен обратно и чтобы во время печатания не могло попасть на машину ни одного листа сверх выданного членами Коллегии. Также они хранили малые (для переводов оттисков на большие) и большие литографские камни, с которых происходила печать денежных знаков[40].

Из типографии отпечатанные боны отправлялись в грифовальный отдел, где на них типографским способом наносились литеры, серийные номера и подписи кассиров. Далее знаки разрезались и заделывались в пачки.

Из грифовального отдела готовые денежные знаки поступали в кладовые.

Из «Положения о бонах[41]»:

Изготовленные Отделом (грифования. — авт.) *Бон боны доставляются в кладовую Окружной конторы, где и принимаются администрацией и немедленно заносятся в установленные шнуровые книги. В приеме бон от Отдела выдается администрацией расписка в книге, при которой боны были препровождены из Отдела. Порядок приема бон от Отдела бон администрацией Окружной конторы: проверяется правильность наложения грифа и вообще отстутствия погрешностей в печати, при этом дефектные экземпляры заменяются годными за счет Отдела Бон. Затем боны дважды пересчитываются в две руки по листам, обвязываются бечевой в пачки, снабженные печатью банка и ярлыком, подписанные лицами, ревизовавшими и считавшими боны.*

Вновь изготовленные боны формируются в пачки: каждые 100 бон обертываются на крест бумажной бандеролью, затем боны 100 и 50 рублевого достоинства хранятся в пачках по 500 листов, составленные из пяти малых пачек по 100 листов. Все же более мелкие купюры в пачках из десяти малых пачек по 100 листов. В кладовой боны хранятся в особых шкафах, отдельно от бон, бывших уже в обращении и ветхих.

Точных прямых сведений о том, сколько знаков печаталось за одним серийным номером, не обнаружено. В Инструкции по изготовлению и выпуску в обращение временных кредитных билетов Туркестанского края, выпущенной в Петрограде специально для Ташкента, сказано[42]:

§ 9. Временные кредитные билеты должны быть снабжены:

в) Литерами серий и номерами билетов; при этом в видах ускорения и удешевления печатания, билеты мелких достоинств, до 10 р. включительно, могут быть снабжены одним общим для каждых 10.000 билетов номером (подобно тому, как печатаются кредитные билеты действующих образцов 1 р., 5 р. и 250 р. достоинств[43]).

---

[40] ЦГА РУ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 32. Л. 5.

[41] ЦГА РУ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 31. Л. 26.

[42] РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 1. Ед. Хр. 1059. Л. 84–8806

[43] Существует и другое указание — *«литеры серий и один номер для целого ряда билетов — для мелких достоинств, включая 25 руб. для 1 миллиона листов, а свыше для 200 000 лиистов, подобно тому, как печатаются кредитные билеты действующих образцов 1, 5 и 250 руб. достоинства»*

Однако ряд признаков позволяет судить о том, что таковых было всего 100 штук.

Так, управляющий банка М. Грибовский писал в декабре 1918 года о необходимости увеличения количества знаков с одинаковыми номерами в рамках мер по повышению производительности труда Экспедиции: *«Нумерация возможна одним номером не только сотнями, но даже тысячами; нужно только, чтобы в пачке в 1000 и 500 листов корешки в 100 листов были за разными номерами. Это мероприятие тоже даст экономию времени и увеличит продуктивность работы, так как один набор какого-либо номера в 100 листов печатается полчаса, а затем происходит замена в наборе конечных цифр нумерации, что отнимает 10–15 минут»*[44].

Известно так же сообщение об утере 5 пачек пятирублевок, с одинаковой серией, за номерами 801–802–803–804 и 805, и содержащие по 100 листов в каждой пачке[45].

Косвенным подтверждением малого количества знаков одной серии служит и то, что таковые достаточно редко встречаются в коллекциях (в отличие от общегосударственных билетов в 1, 5 и 250 руб. с упрощенной нумерацией).

Еще одним доказательством выпуска только 100 штук знаков с одним номером могут послужить следующие вычисления:

Можно попытаться оценочно вычислить размер эмиссии одного из самых распространенных номиналов туркбон – *1000 рублей 1920 года.*

Существовало 3 литерных выпуска этого знака — «Ах», «Бх» и «Вх» — по 14 кассиров в каждом: 3х14=42. Максимальное известное (и допустимое согласно архивным данным) количество номеров в каждом выпуске - приблизительно 10 000. Примем, что с одним номером печатали 100 штук знаков. Значит, было выпущено 42х10000х100=42 000 000 штук тысячерублевых билетов на сумму: 42 000 000 штук х 1000 рублей = 42 миллиарда рублей[46]. Из архивных материалов известно, что общий объем эмиссии туркбон (всех номиналов) составил цифру в районе 100 миллиардов рублей. Таким образом совершенно очевидно, что если бы тысячерублевки печатали не по 100 штук с одним номером, а хотя бы по 200, то доля этого номинала в эмиссии составила бы уже 84 миллиарда рублей, следовательно, объем туркестанской эмиссии был бы гораздо больше известной архивной цифры в 100 миллиардов — ведь кроме 1000 рублей печатались и другие номиналы туркбон, которые тоже вносили свой вклад в общую денежную массу.

Озаботились в Ташкенте и системой скрытой защиты от подделок. Нумерация, литеры и подпись кассира, проставляемые на денежных знаках, имели определенную закономерность.

Директор бонного отдела В. Ярмахов писал в докладе от 1 июня 1919 года о том, что существуют *«Отличительные основные признаки платежеспособности кредитных билетов помимо художественного однообразного исполнения:*

[44] ЦГА РУ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 31. Л. 20.

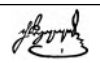
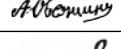
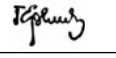
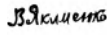
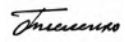
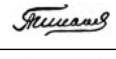
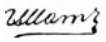
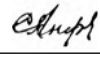
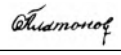
[45] ЦГА РУ. Ф. Р37. Оп. 1. Д. 50. Л. 380.

[46] Правильность вычислений подтверждается архивными сведениями о том, что знаки в 1000 и 5000 рублей составляли 45% всей денежной массы.

1. Каждому кассиру присвоена своя постоянная условная буква, которая значится в начале литеров, имеющих под каждой нумерацией кредитных билетов и, что нумерация билетов, при изменяющейся второй букве, начиная с буквы «А» и далее, при соответствующем кассире продолжается с 001 до 10400[47]

2. Свыше пятизначного числа нумерация не производится[48]

Таблица соответствия кассира второй литере туркбон

Кассир	Факсимиле подписи	Кассир	Факсимиле подписи	Вторая буква
Фирфаров В.П.				**А**
Титов Н.В.		Чухин А.И.		**Б**
Овсянников А.Н.				**В**
Шевелев П.С.				**Г**
Еремич Г.И.				**Д**
Якименко В.А.				**Е**
Рожновский		Тесленко А.П.		**Ж**
Тимофеев				**З**
Лашкарев С.А.				**И**
Матчаный				**К**
Анфиногенов С.А.				**Л**
Лабазников В.С.				**М**
Платонов				**Н**
Шевченко				**О**

То есть вторая по счету литера в буквенном обозначении серийного номера туркбоны всегда соответствовала определенному кассиру, вне зависимости от номинала и первой литеры.

[47] Существуют безусловно подлинные знаки с максимальной нумерацией 14ххх, выпущенные позже сделанного доклада, в условиях растущей инфляции.

[48] ЦГА РУ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 31. Л. 60.

Подписи кассира В. Якименко (хЕ) на туркбонах различных номиналов и литерных серий - АЕ, БЕ, ВЕ и т.д.

Некаталогизированные разновидности и вариации

Одновременная печать на нескольких машинах одного номинала туркбон диктовала необходимость иметь различные литографские камни одних и тех же знаков. Этим объясняется ряд ранее некаталогизированных различий в клише знаков в 100 рублей и 500 рублей 1919 года. В случае со сторублевкой это различия рисунка на оборотной стороне знака — отсутствие точки после «*1919*» и более короткий верхний левый дефлемент (свиток) картуша.

Различия оборотной стороны на 100 рублях 1919 года

Отличие на 500 рублях 1919 года первоначально связано со сменой правил орфографии. Знак оформлен уже целиком по новой орфографии – без «еров» и «ятей», но старое правило написания окончаний "*–аго*" в слове «*Туркестанск**а-го***» на некоторых знаках осталось не исправлено. Причем даже после изготовления нового клише по номерам литер видно, что клише с обоими вариантами использовали одновременно на разных печатных машинах[49].

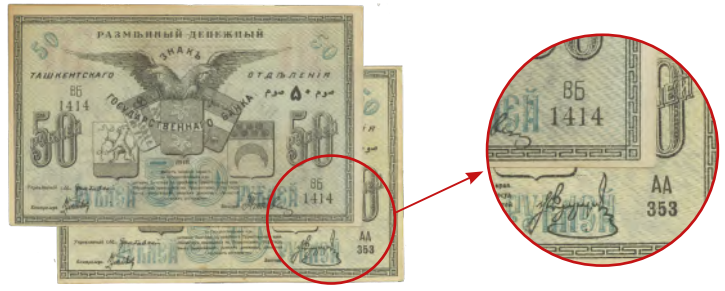
[49] Подробнее см. ниже *Каталог туркбон*

Окончания "-ого" и "-аго" на 500 рубл. 1919 г.

Ввиду того что туркбоны печатали одновременно на девяти машинах, количество литер и грифов кассиров, вырезанных граверами Хилковым и Фридманом, было достаточно большим.

Отсюда и некоторые визуальные различия в виде нумератора, литер и подписей кассира. Перечислим самые существенные:

— Большой и малый нумератор на 50 рублях Ташкентского банка.



Большой и малый нумератор на 50 руб. Ташкентского ОГБ

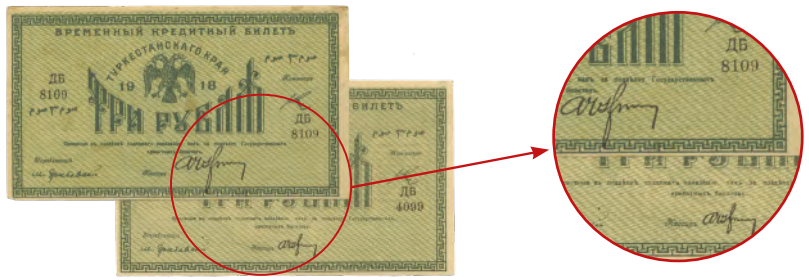
— Наклонные и прямые цифры нумератора на 250 и 500 рублях.

Наклонный и прямой нумератор на 250 рублях.

— Подписи кассира А. Овсянникова и В. Якименко — с точкой после имени и без точки.

Различие в подписях А. Овсянникова и В. Якименко

— Большая и малая подпись кассира А. Чухина на 1, 3 и 500 рублях.



Различный вид подписи Чухина на 3 рублях 1918 года

Также встречаются отличия в виде по-разному вырезанных литер.

Различный вид литеры «А» на 100 рублях 1918 года

Браки и бланки

О том, что в ташкентской Экспедиции по заготовлению денежных знаков тщательно подходили к выпуску туркбон, говорит и крайне малое количество встречающегося брака. И это при огромной эмиссии, всего на порядок уступающей эмиссии центрального Советского правительства 1919 года (расчетных знаков), в которой, как известно, браки редкостью совсем не являются.

Норма порчи (допустимый брак) была установлена в литографическом отделе — 8%, а в грифовальном — 1%. И этот брак не должен был попасть в кассы — все пачки с купюрами после грифования просматривали на предмет брака и пересчитывали специальные служащие — так называемые «счетчики» — рабочие грифовального отдела. Сохранились инструкции, где прописывались обязанности счетчиков:

1. До подсчета пачек счетчик обязан, прежде всего, проследить, однообразна ли нумерация правой и левой сторон считаемого листа, а потом уже приступать к считке, причем все время следить за нумерацией и подписью кассира.

2. Все дефектные и бракованные листы должны быть тотчас заменены, не накапливать их.

3. Считать обязательно в две руки, аккуратно и не торопясь.

4. Подсчитавши 100 листов, забандероливать пачку продольной бандеролью, четко и ясно подписывать ее и передать соседу для проверки, скрепления поперечной бандеролью и второй подписи.

5. Подписавшие бандероли отвечают за точность и качество листов в пачке, и ,в случае недочета в листах, покрывают его из своих средств[50].

В архивах часто встречаются документы о взысканиях со счетчиков штрафов, а также многочисленные жалобы самих счетчиков на тяжелые условия труда.

В бонном отделе в разное время работало от 20 до 29 счетчиков, получавших за свою работу сначала 8, а затем 16 рублей за пересчитанные 100 листов (при норме 2000 листов в час).

Ввиду тщательного контроля бракованные экземпляры туркбон крайне редко встречаются в коллециях. В связи с особым смыслом, который вкладывали в соответствие определенной литеры и подписи кассира, счетчик первым делом следил за этими грифами. Поэтому необычайный интерес вызывают чрезвычайно редкие бракованные знаки, сумевшие пройти двойной, а то и тройной контроль. Рассмотрим три известных подобных знака.

Первый — это 50 рублей 1919 года с подписью кассира А. Тесленко. Можно увидеть, что литеры с правой стороны перепутаны местами – «ЗБ» вместо правильных «БЗ» (так как литере «Б» соответствует кассир Тесленко и известны лишь два выпуска 50 рублей 1919 года с – «Ах» и «Бх»[51]). Напрашивается аналогия с хорошо известным браком 5 рублей 1909 года с упрощенной нумерацией «АУ – УА».

Ошибка грифования – "БЗ-ЗБ" на 50 рублях 1919 года

[50] ЦГА РУ. Ф. Р37. Оп. 1. Д. 16. Л. 73.

[51] Подробнее об этом см. ниже в *Каталоге туркбон.*

Второй знак — 3 рубля Туркестанского края 1918 года.

Видно, что на них стоит подпись кассира Г. Еремича и литеры “ДГ”.

Ошибка грифования Еремич – Шевелев на 3 рублях Туркестанского края

Хотя, согласно принятой в Ташкенте системе, кассиру Еремичу должна соответствовать вторая литера “хД”. То есть можно предположить два варианта брака:

— перепутаны литеры: вместо правильных “ГД” ошибочные “ДГ”;

— либо ошибочно проставлен кассир: Еремич вместо соответствующего второй литере “хГ” Шевелева.

Еще один знак с ошибкой грифования — 5 рублей “ББ – БВ” с подписью кассира Чухина. Согласно правилам, кассиру Чухину соответствует литера «Б», следовательно, ошибочна вторая пара литер “БВ”.

Ошибка грифования – “ББ-БВ” на 5 рублях Туркестанского края

Остальные виды брака — неровная обрезка, сдвиг печати и прочее — встречаются чаще, и они не так интересны, как рассмотренные выше.

Брак печати — ошибочно загрифована оборотная сторона знака в 250 рублей

Сдвиг печати на 100 рублях 1919 года

Сбой цифры нумератора

Попадается в коллекциях и еще один вид туркбон, который не должен был покидать стены Экспедиции по заготовлению дензнаков. Это бланки без номера и подписи кассира — незагрифованные знаки. Они так же весьма редки.

Самый распространенный среди них — это бланк в 1000 рублей.

Незагрифованный бланк в 1000 рублей 1920 года

Его относительно широкое распространение связано с хищением 17 ноября 1920 года из помещения Контрольной коллегии Экспедиции 103 незагрифованных листов денежных знаков 1000-рублевого достоинства. Из них 39 листов с 36 напечатанными знаками на листе и 64 листа с 34 знаками на листе; всего на сумму 3 миллиона 580 тысяч рублей. В ходе розыскных мероприятий в печке помещения были найдены спрятанные 30 листов по 36 знаков[52]. Остальные листы найти не удалось. Скорее всего, злоумышленники их разрезали и пустили в оборот, и так они попали в современные коллекции.

Январские события 1919 года

На туркестанских разменных денежных знаках 1918 года можно видеть три подписи — управляющего банка Грибовского, комиссара Ренеслаца (или контролера Глебовича, если это ташкентский знак) и определенного кассира. А на билетах 1919 года подписи Грибовского уже нет. За этим, незначительным на первый взгляд фактом, стоит весьма драматическая история, которая случилась в Ташкенте в январе 1919 года.

факсимиле подписи Управляющего ***М.М. Грибовского***

факсимиле подписи Контролера ***В.В. Глебовича***

факсимиле подписи Комиссара (в 1918 г.) и Комиссара Управляющего (в 1919 г.) ***Я.Х. Ренеслаца***

[52] ЦГА РУ. Ф. Р37. Оп. 1. Д. 193. Л. 62.

После эйфории 1917 года у населения Туркестана вследствие политики большевиков произошло отрезвление. В июле 1918 года железнодорожные рабочие в Асхабаде подняли восстание против большевиков и образовали Закаспийское временное правительство во главе с машинистом Ф.А. Фунтиковым.

В Коканде провозглашена мусульманская Туркестанская автономия[53], а в Семиречье казаки взялись за оружие, протестуя против реквизиций хлеба.

В среде ташкентских рабочих и местных большевиков так же зрело недовольство политикой присланных из центра комиссаров. Возникли трения между группой «старых коммунистов» Тоболина, Колесова и прибывшими из Оренбурга комиссарами Войтинцевым, Финкельштейном и другими. Вновь прибывшие стали понемногу оттирать прежних лидеров от руководящих должностей.

Действовала в Ташкенте и Туркестанская военная организация (ТВО) — подпольная организация, созданная группой бывших офицеров царской армии. Иногда она называлась и «Туркестанским союзом по борьбе с большевизмом». Один из лидеров ТВО, генерал Е.П. Джунковский, так докладывал Деникину о задачах организации: «*Основная цель — бороться с Советской властью… способствовать восстановлению государства*».

Поддержку (в т. ч. финансовую) ей оказывали союзники по Антанте — англичане через дипломатическое представительство в Ташкенте подполковника Ф. Бейли и представительство Великобританской военной миссии (ВВМ) в Асхабаде генерала У. Маллесона. Личность Бейли настолько примечательна (его воспоминания о жизни в послереволюционном Ташкенте весьма интересны и уже цитировались выше), что она заслуживает отдельного упоминания.

Ф. Бейли в британской военной форме

Фредерик М. Бейли — британский дипломат и разведчик, направленный в Ташкент с целью прояснения обстановки и противодействия немецко-турецкого влияния в регионе. В связи с осложнениями в отношениях и подозрениями в финансировании антибольшевистского подполья Бейли перешел на нелегальное положение, выдав себя за солдата «Сербского добровольческого корпуса», который воевал в составе русской армии, албанца по национальности, Иосифа Кастамуни. Завербовав высокопоставленного сотрудника ЧК, бывшего австро-венгерского военнопленного серба Мандича, Бейли по его протекции устроился работать в ЧК Ташкента. Вместе с Мандичем новоиспеченный Иосиф был командирован в Бухару присматривать за находившимися там англичанами и, по иронии судьбы, ловить английского шпиона Ф. Бейли, где, по данным советской разведки, тот скрывался. Из Бухары Кастамуни-Бейли вместе с Мандичем, уже не скрываясь, направился в Мешхед (Персия) к Маллесону.

Ф. Бейли одетый как чекист

[53] Ликвидация этого образования силами ташкентского гарнизона под командованием К. Осипова и отрядами армянской партии «Дашнакцутюн» было сопряжено созначительными жертвами и породило партизанское движение, известное в советской историографии как «басмачество».

Поддерживая антибольшевистское подполье, англичане преследовали таким образом две цели — не допустить усиления Германии и Турции в регионе (большевики, заключив сепаратный мир, ослабили азиатское направление Антанты[54]), и дальнейшее укрепление своих позиций в Средней Азии — некий реванш в «Большой игре» за неуспехи во второй половине XIX века.

Однако ведущую роль в ташкентском восстании в январе 1919 года сыграли не белогвардейское подполье (оно просто примкнуло к нему), а коммунисты -большевики Константин Осипов (военный министр Туркреспублики) и Василий Агапов (старый большевик, член партии с 1904 г., комиссар внутренних дел, лично знавший Ленина и Бухарина).

О самом восстании и его причинах существует много слухов и домыслов, но достоверно известно следущее.

Ташкентской милицией у гимназиста Виктора Ботта случайно был найден склад японских винтовок. Во все времена хранение такого количества оружия считалось значительным преступлением. Виктор Ботт и его брат Евгений были арестованы.

А Евгений Ботт служил ординарцем у Константина Осипова — военного министра (комиссара) Туркестанской Республики. Следует отметить, что к моменту описываемых событий Осипову, главному лицу январского восстания, было всего 22 года, и военкомом его выбрали за успешные действия против возвращавшихся из Персии семиреченских казаков. Во времена революций люди быстро делали карьеру, и, по сути дела, вчерашний мальчишка занял министерскую должность.

Военный комиссар Константин Осипов

Позже советские историки будут писать о белогвардейско-эссеровском мятеже, однако правда в том, что, по иронии судьбы, начали и возглавили восстание против Советской власти в Ташкенте ее адеп-

[54] Брестский мир — договор, заключенный большевистским правительством России с Германией, Австро-Венгрией и Болгарией, ознаменовавший поражение и выход России из Первой мировой войны. Знаменателен тем, что большевики ради сохранения своей власти отдали огромные земли (треть территории Российской империи) и заплатили баснословную контрибуцию (6 млрд. марок и 500 млн. зол. руб.). И это незадолго (за полгода) до полного поражения Германии в войне. Существует мнение, что заключением Брестского мира и выводом России из войны большевики выполнили ранее взятые на себя обязательства перед Германией за ее поддержку в захвате ими власти в России. Державы Антанты восприняли заключенный сепаратный мир враждебно. 6 марта в Мурманске высаживается британский десант. 15 марта Антанта заявляет о непризнании Брестского мира. 5 апреля высаживается японский десант во Владивостоке, 2 августа — британский в Архангельске.

ты – большевики К. Осипов и В. Агапов, а вот ведущую роль в подавлении мятежа сыграли позднейшие заклятые враги этой власти — левые эсеры. Эсерами были не сложившие оружие Иван Белов (комендант крепости) и Георгий Колузаев (командир одноименного «Колузаевского» отряда железнодорожных рабочих)[55].

Заговорщики планировали начало восстания на весну, однако арест Ботта спутал планы мятежников.

Осипов лично вызволил своего ординарца из тюрьмы, и в ночь с 18 на 19 января (по старому стилю) началось восстание.

Слева направо — командир отряда железнодорожников Г. Колузаев, растрелянные Осиповым комиссары В. Финкельштейн и М. Троицкий

Сразу после его начала, не разобравшись, кто инициатор мятежа, руководство Туркестанской Республики в лице председателя ТурЦИКа В. Вотинцева, председателя Ташсовета Н. Шумилова с заместителем и председателя ЧК Д. Фоменко прибыло к военному комиссару Туркреспублики Осипову в казармы второго полка для координации действий.

Осипов, видимо отрезая для своих соратников по восстанию пути к отступлению, приказал расстрелять прибывших тут же, за казармами.

В течении следующего дня были уничтожены еще 10 руководителей края — туркестанских комиссаров.

Памятник 14 туркестанским комиссарам на привокзальной площади Ташкента. Снесен в 1996 г.

К утру 19 января мятежники захватили почти весь Ташкент, за исключением крепости и железнодорожных мастерских. Осипов от лица Временного комитета выпустил воззвание к жителям Ташкента о свержении Советской власти:

«Советская власть свергнута, и этот акт должен явиться решительным поворотом в жизни Туркестана. Свержение Советской власти знаменует собой уничтожение всего, что было игом на плечах всех… Вам возвращается забытая и поруганная свобода слова, собраний, обществ… избрания в Туркестанское Учредительное Собрание, которое должно собраться не позднее 20–го марта…»

Однако гарнизон крепости, состоявший из бывших военнопленных венгров, записавшихся в Красную гвардию, и отряд рабочих эсера Колузаева не дали удачно закончиться восстанию. Колузаев утром 19 января подал тревожный гудок железнодорожных мастерских. Спешно прибывающие туда рабочие увидели

[55] Советские историки описывали все наоборот — что это было восстание белогвардейцев и эсеров против большевиков.

развевающееся над мастерскими знамя эсеров «Земля и воля», и им сообщали, что в городе произошел военный переворот военкома Осипова.

Знамя партии левых социалистов-революционеров-интернационалистов

Был создан временный Реввоенсовет, куда вошло большинство эсеров. Колузаевский отряд и гарнизон крепости Белова отбили атаки мятежников и сами перешли в наступление.

К 21 января, после уличных боев, восстание было подавлено.

Осипов, перед тем как отступить с отрядом из города, заехал в Народный банк Ташкента и забрал под расписку из хранилищ все ценности, которые там находились, — золотых монет на 3 миллиона рублей и бумажных николаевских денег на 5 миллионов. Также он изъял хранившиеся там изъятые по громкому уголовному делу различные ювелирные украшения на несколько миллионов рублей. Деньги и украшения выдавал контролер Виктор Глебович по указанию управляющего Грибовского. Ценности, изъятые Осиповым в банке, якобы предполагалось сдать первому белому командованию. Примечательно, что туркбон в списке похищенных средств не было.

После подавления восстания по Ташкенту прокатилась волна репрессий[56].

Известно, что 4 июня 1919 года в Верховном революционном трибунале Ташкента слушалось дело о *«выдаче денег белогвардейской банде»*[57]. Со слов Александра Искандера (сына Великого князя Николая Константиновича[58]) и Фредерика Бейли, Грибовский и Глебович были расстреляны большевиками как соучастники мятежа.

Сам А. Искандер, который присоединился к восстанию Осипова, позже написал свои воспоминания «Небесный поход» об отступлении отряда в 100 человек из Ташкента через горы в Ферганскую долину. Отряд с боями пробился к Мадамин-беку[59], совершив немыслимый по сложности переход в 30-градусный мороз через Чаткальский хребет.

[56] Всего в 50-тысячном русском городе было расстреляно, по разным данным (утверждения П. Кобозоева, сводки 2-го степного корпуса, свидетельства Ф. Бейли), от 2 до 4 тысяч человек. Причем были случаи, когда арестовывали и расстреливали за ношение галстука или шейного платка как признака «буржуазии». В числе жертв — брат А.Ф. Керенского Федор, глава шведской миссии Красного Креста Клеберг.

[57] ЦГА РУ. Ф. Р344. Оп. 1. Д. 23. Л. 50.

[58] Великий князь Николай Константинович Романов (1850-1918) — внук Николая I и племянник Александра II. Участник Хивинского похода 1873 года, первый из Романовых, получивших высшее образование. Всю жизнь его сопровождали скандалы, связанные с женщинами. За подозрение в краже фамильных бриллиантов он был сослан в Оренбург, а затем в Ташкент, где разбогател и прославился как меценат и благотворитель — построил театр, занимался орошением Голодной степи.

[59] Мадамин-бек — руководитель басмаческого движения в Ферганской долине в 1919 году. В 1920 году перешел на сторону Советской власти и был убит бывшими соратниками.

Из Ферганской долины мятежники направились в Бухару, которая тогда еще сохраняла независимость от России.

Про то, что отряд Осипова скрывается в Бухаре, прознали большевики и потребовали его выдачи. Эмир не захотел ссорить с Туркреспубликой и выдал Ташкенту группу офицеров, в том числе и ординарца Осипова Е. Ботта. Все они были расстреляны. Но самого Осипова среди них не было, и в истории о его дальнейшей судьбе существуют разночтения. По данным советской разведки, бывший военком выехал в конце 1919 года в Мешхед, а золото и николаевские кредитки, похищенные им из Ташкентского банка, были у него с собой в нескольких куржумах[60].

Александр Искандер пишет, что Осипов из Бухары отправился на Асхабадский фронт и по дороге был убит спутником из-за денег и ценного кольца. Кольцо якобы было очень красивое, золотое, с двумя переплетенными платиновыми женщинами на нем, и очень ценным камнем (рубином или сапфиром) посередине.

Так или иначе, достоверно судьба похищенного из Ташкентского банка золота до сих пор неизвестна. Возможно, оно до сих пор спрятано где-то на просторах Туркестана.

А с туркестанских кредитных билетов исчезли фамилии репрессированных управляющего Грибовского и контролера Глебовича.

Фальшивые сторублевки

В 1968 году в журнале «Звезда Востока» была напечатана статью, в которой говорилось о том, что летом 1918 в Ташкент заброшена партия фальшивых сторублевок, изготовленных за рубежом[61].

С тех пор информацию о заграничном изготовлении фальшаков перепечатывали многие авторы. На самом же деле, происхождение этих знаков вполне доморощенное, ташкентское.

Осенью 1918 года банковские работники стали замечать редко попадающиеся в обращении фальшивые сторублевые билеты, и Комиссия по выпуску денежных знаков на своем заседании поручила оповестить об этом начальника охраны города для принятия необходимых мер[62]. Виду высокого качества подделки даже рассматривался вопрос об изменении рисунка сторублевой купюры, однако ввиду *«возможного в недалеком будущем открытия Оренбургского пути»*, а значит, поступления из Центра общефедеративных денег и, как следствие, упразднения туркбон, это решение отложили.

В следующем, 1919 году, количество фальшивых бон резко увеличилось, причем в среде малограмотного населения. Фальшивомонетчики прибегли к испытанному способу сбыта фальшивых кредиток, известному еще со времен Империи — покупки за фальшивки у неграмотных кочевников скота.

[60] Куржум — азиатская переметная сума, которая приторачивается сзади к седлу.

[61] *Кожухин М.* Боны — историографы. // Звезда Востока, 1968. № 1.

[62] ЦГА РУ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 33. Л. 73.

Комиссией было разослано следующее описание подделок:

Описание

Первого рода подделки 100 руб. бон выпуска 1918 года.

1. Бумага писчая № 6, в подлинных бонах тряпичная.

2. Гравировка

а/ Лицевая сторона сетки, исполненная желтой краской, из кусочков гравировки, каждый шириной около одного сантиметра длиной во всю бону. Промежутки между полосками заполнены кружочками разных форм и величин, имитирующих волнистость сетки. Таким образом сетка фальшивых бон не составляет прямых тонких переплетенных между собой линий во всю длину боны, как это сделано в настоящих бонах. Кроме того, сетка фальшивых бон груба и расплывчата.

б/ Сетка оборотной стороны фальшивых бон весьма близко подходит к сетке на натуральных бонах, но сделана грубо, линии ее расплывчатые, не волосяные.

в/ Тексты, орнаменты, контуры лицевой стороны исполнены грубо; кроме того, замечены неправильности в начертании букв «З» и «Д» в словах "Разменный Денежный Знак", что особенно выделяется при сличении с подлинной боной.

3. В орнаментах оборотной стороны в колонках с текстом замечено следущее:

а/ В тексте левой колонки слово «Государственный»награвировано через одно «н»

б/ В орнаментах, окружающих колонки текстов, в правых частях их сводов, в левой колонке, у головок орла и в правой колонке, повыше звезды, как указано в приложении красной линией, в фальшивом орнаменте четыре параллельных линии, а в подлинных только три.

4. Замечено, что фальшивки встречались за номерами 696/АВ, 914/АВ, 2656/АГ, 2497/АГ, 606/АБ, 696/АВ, 2496/АГ, 596/АВ, 695/АВ.

5. Подпись кассира "Титов". Подлинный за надлежащими подписями[63].

Правоохранительные органы Ташкента во главе с Фрицом Яковичем Цырулем (начальником Управления охраны г. Ташкента), П. А. Степановичем (начальником Уголовного розыска) и следователем А.С. Артемьевичем начали планомерную работу по нахождению источника фальшивок.

Ночью 21 августа 1919 года в ходе плановых розыскных мероприятий, Самсон Аракелов произвел обыск пустующей дачи хозяина щеточной фабрики на ул. Махранская, 11, и магазина на ул. Романовская Мельникова Ивана Васильевича, где и было обнаружено в карманах пиджака 10 000 рублей фальшивыми сторублевыми кредитными билетами Ташкентского ОГБ, а в шкафу — еще 100 тысяч.

[63] ЦГА РУ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 31. Л. 74.

Более тщательный обыск дал впечатляющие результаты — под домом оказался замаскированный подвал, где находилась целая фабрика по печатанию денег, с литографскими камнями, красками и печатным станком.

Там же обнаружили 100 000 рублей николаевских денег и щетины на сумму 2 миллиона рублей, купленную, как впоследствии выяснилось, за фальшивые туркбоны.

Расширяя ареал обысков, на соседней даче Семенова милиция обнаружила сундук с 874 000 рублей фальшивыми бонами.

На допросе Мельников во всем сознался и рассказал, что фальшивые деньги он начал изготовлять во второй половине 1918 года с двумя братьями Соловьевыми из г. Орска, пропавшими после январских событий 1919 года.

После этого фабрика по изготовлению фальшивок осталась в распоряжении Мельникова в компании с литографом Иваном Маниным — бывшим рабочим в Экспедиции заготовления туркестанских бон при Народном туркестанском банке. Ранее Манин имел свою собственную литографию и даже сдавал в аренду ташкентской Экспедиции по заготовлению дензнаков электромотор, камни и шлифовальную машину за 150 рублей ежемесячно[64].

По показаниям Мельникова, в ту же ночь было произведено до 60 арестов и обысков у распространителей фальшивых туркбон. Как это часто бывает среди криминальных сообществ, компания подобралась весьма разношерстная. Там были турецкоподданный Тагиев, красноармеец Вислов, местный торговец Алиев, железнодорожник Ефремов, декханин Джалилов, миллиционер Сааков. Налицо было одно из завоеваний революции — полное торжество интернационализма.

У Манина, который признался в том, что он работал в организации как литограф, изъяли более миллиона николаевских денег, зарытых в цветочных горшках, а также большие суммы в керенках и совзнаках.

В ходе расследования выяснилось, что подделывались купюры только 100-рублевого достоинства. Со слов следователей, качество было достаточно высокое, *«отличимое лишь опытным глазом»*.

Основная масса пострадавших — это киргизы-скотоводы, у которых агенты Мельникова скупали скот.

Следствие пришло к выводу, что фирма Мельникова за время своего годичного существования могла выпустить фальшивых туркбон на сумму 100 миллионов рублей[65].

В декабре 1919 года Верховный революционный трибунал Ташкента приговорил Мельникова и Манина к смертной казни *«через расстреляние»*[66]. Ну а сегодня поддельные мельниковские сторублевки встречаются крайне редко.

[64] ЦГА РУ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 31. Л. 74.

[65] «Фабрика денег». // Известия. — Ташкент. № 189 03.09.1919.

[66] Известия Кокандского Совета рабоче-крестьянских и декханских депутатов. № 285, 16.12.1919.

Распространенные заблуждения о туркестанской эмиссии

Выше уже было доказано, что вопреки мнению некоторых авторов каталогов по туркестанской эмиссии, денежный знак в 50 копеек все-таки был выпущен в обращение.

Еще в среде коллекционеров иногда можно услышать мнение о том, что в Ташкенте начала 20-х годов печатались общефедеративные деньги — "пензенки", или расчетные знаки 1919 года. Стоит отметить, что в ташкентских архивах не удалось найти каких-либо даже косвенных признаков, подтверждающих эту гипотезу. Напротив, очень часто можно встретить письма и телеграммы в Москву, где наряду с просьбами о высылке денег, реже бумаги, красок, машин и запасных частей к ним, настойчиво повторяется одна и та же просьба — о поставке машин для орловской печати с целью на месте печатать столь необходимые полноценные общефедеративные деньги. Причина подобной настойчивости на первый взгляд не совсем ясна — ведь ташкентские власти могли напечать какое угодно количество собственных денег совсем без ограничений. Зачем же им были нужны еще и общегосударственные?

Расчетный знак 1000 рублей 1919 года законченный и бланк с виньеткой орловской печати

Дело тут в том, что для ведения внешнеэкономической деятельности выпускаемые в Ташкенте туркбоны совсем не годились. Их очень неохотно принимали в Бухаре и Хиве и практически совсем не принимали в Китае, Персии и Афганистане. Не случайно мятежный военком Осипов не стал их брать при отступлении из Ташкента.

Центральные же выпуски РСФСР в сопредельных странах уже котировались. А русские имперские 100 и 500-рублевые кредитные билеты английский банк в Индии вообще принимал до 1920 года, и поэтому романовские деньги долго являлись платежеспособными практически по всему миру[67]. Большевики этим активно пользовались, и поэтому за все время существования эмиссии туркбон Москва регулярно присылала в Туркестан весь ассортимент продукции Гознака – романовские деньги 1910 и 1912 года, керенские 1917 года, пензенки 1918 и расчетные знаки РСФСР 1919 года.

[67] *Кузнецов А.Ю.* Благородная Бухара. Альманах общества РОИ. Кн. II. — Москва, 2014

ТЕЛЕГРАММА

Телеграмма Измайлова о получении 700 миллионов рублей знаками 1919 года и о просьбе присылке знаков 1912, 1917 и 1918 годов

Комиссар финансов Туркреспублики Герман Измайлов и председатель Туркомиссии Григорий Сокольников настойчиво просили Наркомфин РСФСР о разрешении эмиссии расчетных знаков РСФСР, снабдив ташкентскую Экспедицию двумя Орловскими машинами со всеми необходимыми материалами[68].

Однако до самого конца эмиссии туркбон и ликвидации ташкентской Экспедиции положительного ответа из Москвы так и не поступило. 21 января 1921 года, уже после прекращения эмиссии туркбон, между Г. Измайловым и заместителем наркомфина РСФСР А. Альским состоялся телефонный разговор, в котором Измайлов опять жаловался на перебои в поставке денежных знаков и в очередной раз просил об установке орловских машин для печатания общефедеративных денег в Ташкенте. Аркадий Альский в ответ заявил, что перебои в поставке денег носят временный характер и что вскоре после принятия соответствующих мер необходимость в собственной эмиссии отпадет[69]. Таким образом можно с уверенностью утверждать, что по крайней мере до середины 1921 года никаких общефедеративных знаков в Ташкенте не печатали. И судя по ответам из Петроградского наркомфина, вряд ли уже после снятия блокады и прекращения Гражданской войны такая возможность Ташкенту была предоставлена[70].

Так же здесь необходимо развеять еще одно заблуждение, которое кочует по специализированной литературе, — о том, что для печати туркестанских денежных знаков использовались совершенно бросовые материалы — оберточная бумага и малярные краски.

«В последнее время боны печатались на чайной бумаге, красками, употребляемыми для окраски полов и крыш»[71]. Впервые эта фраза прозвучала в докладе Наркомфину об экономической ситуации в Туркестане 1920 года, в котором ташкентские власти убеждали Наркомфин РСФСР в необходимости более полного денежного снабжения или скорейшего размещения орловских машин для печатания крупных номиналов общефедеративных денег на месте. Действительно, у неподготовленного читателя может создаться впечатление полного упадка — печать денег на самой негодной бумаге и самыми дешевыми красками. Ниже скатываться уже некуда — только уж если карандашом от руки рисовать денежные знаки на огрызках газет.

[68] ЦГА РУ. Ф. Р37. Оп. 1. Д. 190. Л. 51.

[69] ЦГА РУ. Ф. Р37. Оп. 1. Д. 190. Л. 57.

[70] Есть данные о печати денег в Ташкенте во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

[71] *Турсунов М.Т.* Денежное обращение в Туркестанской АССР в период Гражданской войны. — Ташкент, 1950; ЦГА РУ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 175. Л. 24.

Однако все же надо признать, что авторы доклада немного покривили душой для пущей убедительности. Не соврали, нет. Просто представили дело в выгодном для них свете.

По порядку — действительно, главная проблема в типографском деле периода Гражданской войны — это дефицит бумаги. По этому параметру Туркестан, ввиду его изоляции кольцом фронтов, парадоксально оказался в лучшем положении, чем области остальной бывшей Империи. Громадные запасы бумаги, сделанные до революции, не были вывезены в центральную Россию. Это, а также монополизация рынка бумаги позволили ташкентской Экспедиции долгое время достаточно безбедно существовать[72]. Только в конце декабря 1918 года закончились запасы заготовленной тряпичной бумаги, и денежные знаки пришлось печатать на более низкосортной бумаге — альбомной, которую удалось раздобыть в Самарканде. Согласно данным, в Туркестане было доступен 21 сорт бумаги — тетрадная, писчая, газетная, альбомная, афишная, чайная, книжная и проч.[73]

Так вот, использование ташкентской Экспедицией чайной бумаги произошло совсем не от скудости запасов (хотя, конечно, денежной бумаги на тот момент не было).

Чайная белая бумага — это вид специальной оберточной бумаги. Для сохранения свойств чая при изготовлении в ее состав специально добавляли пеньку, а это именно тот ингредиент, который входил в состав бумажной массы на ЭЗГБ еще с середины XIX века. Видимо, с точки зрения печатников, по своим потребительским свойствам именно чайная бумага наиболее близко подходила под требования, предъявляемые к бумаге для денежного знака. То есть даже в условиях дефицита работники Экспедиции старались не использовать бумагу с откровенно низким качеством, например газетную, которую, кстати, использовало для печатания денег Закаспийское правительство в соседнем Асхабаде. К тому же в момент написания доклада в Ташкентской типографии уже вовсю использовалась бумага с водяным рисунком.

Похожим образом дело обстоит и с *«красками для крыш и полов»*.

Дело в том, что при типографском печатании использовались специальные краски и олифа. Использование других было просто невозможно по технологии — важны способность краски не проникать слишком глубоко в бумагу, время высыхания и прочие показатели. А самое главное — литографский камень просто не удержит на своей поверхности краску, сделанную не на основе специальной литографской олифы.

Да и незачем было пытаться использовать малярную краску — на краско-терочном заводе Ташкента без проблем изготавливались как малярные краски, тертые на масле, так и краски литографские, как малярная олифа, так и литографская[74]. Единственное, чего не хватало из собственных запасов для обеспечения работы типографии, так это сажи. Ее глубоко-черного цвета получали от нефтяных промыслов «Санто» или, цветом посветлее, покупали в Бухарском

[72] В 1918 году власти заготовили 30 вагонов бумаги.

[73] Очерки хозяйственной жизни Туркреспублики. — Ташкент, 1921

[74] Очерки хозяйственной жизни Туркреспублики. — Ташкент, 1921.

эмирате. Отсюда разные оттенки шрифта на туркбонах номиналом в 10 и 100 рублей — от черного до сине-черного, который каталогизирован как «синий» шрифт[75].

Оттенки шрифта на 10 рублях Туркестанского края и 100 рублях 1919 года

А вот сам завод в Ташкенте, на котором изготавливались краски и олифа для ташкентской Экспедиции, был достаточно кустарен в части своего оснащения и назывался «Завод малярных красок Никифорова». Предприятие было национализировано в 1919 году и поступило в ведение Химического отдела ЦНСХ (Центральный Совет Народного Хозяйства)[76].

Вот по названию завода и назвали типографские краски «малярными» настойчиво выбивавшие финансирование из центра туркестанские большевики.

Денежные эмиссии на местах[77]

Различные советские районы внутри самого Туркестана испытывали те же проблемы, что и Ташкент.

Удаленность от центрального снабжения, ведущиеся боевые действия создавали препятствия в подкреплении денежной массой целого ряда городов и областей.

Наиболее крупной областью, испытывающей денежный голод, оказалось Семиречье с центром в городе Верный. Там, практически одновременно с Ташкентом — 18 апреля 1918 года, приступили к выпуску местных кредитных билетов. Эта эмиссия вошла в историю под названием **Опиумные деньги**. Столь необычное название возникло из-за обеспечения, которым были гарантированы деньги. Это было не золото или какие-либо другие ценности — на билетах было написано: *«обеспечиваются опием, хранящимся в Государственном банке»*[78].

[75] *Кардаков Н.* Каталог денежных знаков России и балтийских стран 1769–1950. — Берлин, 1953.

[76] Народное хозяйство Туркестана. — Ташкент, 1920. № 2.

[77] В данной работе рассматриваются только советские эмиссии — выпускам Закаспийского Временного правительства и Великобританской военной миссии будет посвящена отдельная статья.

[78] *Кузнецов. А. В.* Опиумные деньги. — М., 2010.

Дело в том, что в Семиреченской области с начала Первой мировой войны стали активно выращивать опийный мак для изготовления морфина (прежние поставщики столь нужного для армии обезболивающего средства, Германия и Турция, находились в состоянии войны с Россией), и опий-сырец в количестве порядка 1200 пудов, заготовленный для нужд медицинского снабжения армии, реквизировали большевики после захвата ими власти в Верном. Опий большевики успешно меняли в соседнем Китае на оружие и товары, но надпись на деньгах оставалась.

По данным Верненского отделения Народного Банка, всего было выпущено дензнаков с 21 апреля 1918 года по 1 ноября 1919 года на сумму 273 миллиона 298 тысяч рублей. Верненские деньги в отличие от остальных местных туркестанских эмиссий признавались центральной властью в Ташкенте и даже включались в бюджет Туркреспублики (правда, в объеме меньшем, чем фактически напечатанный). Семиреченские кредитные билеты обменивались на туркбоны до 1 января 1921 года.

50 и 100 рублей "обеспеченных опием" Семиреченского Совнаркома

Другой известной эмиссией Туркестана стал выпуск Исполнительным комитетом Андижанского Совдепа разменных денежных знаков. По поручению Исполкома андижанским рабочим кооперативом были выпущены 50 копеек, 1, 3, 5 и 10 рублей за подписью председателя исполкома Жукова и товарища (заместителя) председателя Ильина.

5 рублей, 50 копеек и 10 рублей Андижанского Совдепа

Газета «Советский Туркестан» писала, что 14 марта 1919 года вышли в обращение 5 и 10 рублей, *«несколько уступающие по изяществу ташкентским деньгам»*[79]. Также в прессе говорилось о сумме эмиссии *«до одного миллиарда рублей»*[80]. Цифра необычно очень высокая по сравнению со значительно более известным выпуском Семиречья, особенно если учитывать не крупный номинальный ряд и не столь большое население Андижана. Скорее всего, она ошибочна, и речь шла о планировавшемся объеме.

Постановление о собственной эмиссии принял и Ферганский облисполком, обратившись за разрешением в Ташкент.

Власти в Ташкенте понимали, что эмиссиями на местах занимались, как писал Яков Ренеслац, люди *«с познаниями и кругозором конторщика»*[81], усугубляя и без того не простое финансовое положение края. 24 июля 1919 года СНК Туркреспублики издал приказ № 88 о запрещении местным совдепам и отдельным организациям выпуск денежных знаков[82]. Таким образом, Ферганское ходатайство о собственной эмиссии было отклонено, а уже выпущенные андижанские разменные знаки должны были быть обменены до 15 декабря 1919 года.

Самая на сегодняшний день малоизученная эмиссия — это выпуск денежных знаков городом Петро-Александровском[83] в 1919 году. Причина этого выпуска была чрезвычайная — бои с Джунаид-ханом и невозможность полноценного денежного снабжения из Ташкента.

Достоверно сегодня можно сказать лишь о том, что выпускались квитанции от имени Аму-Дарьинского революционного комитета и Продовольственного отдела, а также, позднее, временные разменные знаки от имени Аму-Дарьинского уездного исполкома.

3 руб. Аму-Дарьинского продовольственного отдела и 50 руб. Аму-Дарьинского исполкома

[79] Советский Туркестан, № 64, 25.03.1919. Ташкент.

[80] Народное хозяйство Туркестана, 1919. № 36

[81] Так отозвался Ренеслац о заведующем финотделом Семиреченского облисполкома Бородинце – одном из подписантов на опиумных деньгах. / ЦГА РУ. Ф. Р37. Оп. 1. Д. 16. Л. 84.

[82] ЦГА РУ. Ф. Р37. Оп. 1. Д. 158. Л. 3.

[83] Ныне – г. Турткуль в Узбекистане.

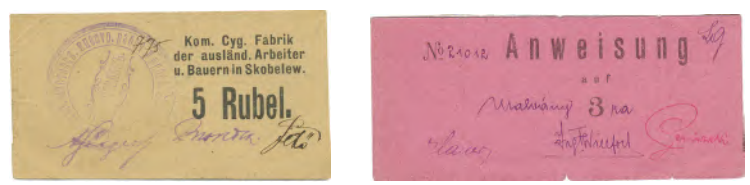
Боевые действия Гражданской войны явились причиной и небольших эмиссий города Лепсинска и села Черкасского. Большевистские военные власти использовали для кустарного выпуска суррогатов почтовые и гербовые марки, которые наклеивали на небольшие куски бумаги и проставляли на них печать.

Денежные знаки 3 рубля Лепсинска и 1 рубль Черкасского

Особняком стоят выпуски суррогатов денег австрийскими и немецкими военнопленными. По данным Главного управления Генерального штаба от 21 июля 1915 года, на территории края их было достаточное количество — порядка 150 тысяч человек.

Австро-венгерские и немецкие военнопленные в Ташкенте

После заключения большевиками Брестского мира и выхода России из войны эти люди потеряли статус военнопленных и, соответственно, обеспечение. Ожидая возможности возвращения домой, бывшие военнопленные для того чтобы прокормиться, активно искали любые заработки. По воспоминаниям современников, кроме массовых вступлений в Красную Армию, немцы, австрийцы, словаки, чехи, румыны и венгры наводнили улицы городов Средней Азии — нанимались на поденную работу, работали обслугой в гостиницах, играли в оркестрах; были случаи вступления в брак с местным женским населением. А в Скобелеве они организовали фабрику по производству сигарет. Возникла даже *Коммунистическая партия иностранных рабочих и крестьян Туркестана,* объединявшая в своих рядах 2200 человек.



5 рублей Коммунистической сигаретной фабрики иностранных рабочих и крестьян в Скобелеве и 3 рубля лагеря военнопленных в Скобелеве

Борьба ташкентских властей с местными эмиссиями отразилась и на количестве «частных» выпусков Туркестана — денежных знаков необязательного обращения различных обществ, кооперативов и магазинов. По сравнению с остальными областями бывшей Российской империи их разнообразие весьма скудно. Ниже проиллюстрированы некоторые подобные знаки.

Выполняя ту же функцию в Туркестане, какую выполняли туркбоны по отношению к Российской Федерации, местные туркестанские эмиссии фактически являлись звеньями сложной цепи денежного обращения Советской России того времени.

Туркомиссия

Центральное большевистское правительство было озабочено состоянием дел в Туркестане. В Москве не без оснований полагали, что восстание железнодорожных рабочих Асхабада и последующее открытие Закаспийского фронта, возникновение Туркестанской автономии в Коканде, провалившийся Колесовский поход на Бухару (нанесший большой урон престижу Советов) и январский мятеж Осипова 1919 года в Ташкенте — это все результат неумелого руководства местных органов власти. В довершении этого между местными коммунистами Казаковым и Кобозоевым на III Краевом съезде партии 12 сентября 1919 года произошел открытый конфликт по национальному вопросу – а именно: возможно ли пропорциональное представительство в органах власти коренного мусульманского населения. Причем Ташкентская партийная организация, Комитет железнодорожных рабочих и гарнизон крепости на совместном собрании постановили арестовать Кобозоева, указав, что допуск мусульман к управлению, на котором тот настаивал, будет означать *«гибель компартии и крах революционной Советской власти»*.

О самобытности тогдашних первых лиц Туркреспублики красноречиво говорит пересказанный Ф. Бейли слух, широко распространенный в Ташкенте:

Однажды председатель правительства и главные функционеры правительства Республики сели в свои автомобили и скрылись. Никто не знал, почему. Ходили слухи, что какой-то остряк послал телеграмму Колесову — председателю правительства «Все раскрылось. Спасайтесь немедленно». Однако вскоре тревога

улеглась, и они, доехав до конца автомобильной дороги в нескольких милях от Ташкента, развернули свои автомобили и вернулись назад, а затем, придя в себя после пережитого страха, продолжили свою деятельность как ни в чем не бывало[84].

Не веря в то, что местные власти своими силами наведут порядок в крае, а также для того, чтобы ликвидировать все разногласия и обеспечить проведение единой политики, 3 октября 1919 года ВЦИК и СНК РСФСР выпустил постановление о назначении комиссии по делам Туркестана. В дальнейшем состав комиссии неоднократно менялся, и ее членами в разное время были такие видные советские деятели, как М. Фрунзе, В. Куйбышев, Ф. Голощекин, Г. Бокий[85], Л. Каганович, Г. Сокольников.

Члены Комиссии прибыли в Ташкент в ноябре 1919 года с письмом Ленина туркестанским коммунистам, в котором вождь разъяснял цели этой Комиссии: *«искоренить все следы империализма великорусского»* и призывал *«с доверием отнестись к нашей Туркестанской комиссии, строго соблюсти ее директивы»*.

Туркомиссия

По сути дела, Комиссия в таком представительном составе присылалась в качестве руководящего органа Туркестана с неограниченными полномочиями. Ее члены занимали разные руководящие должности в партийных и хозяйственных органах ТуркАССР. Существовала Туркомиссия до 1922 года.

Контингенты эмиссии и меры по стабилизации денежного обращения

В течении всей туркестанской эмиссии власти стремились упорядочить денежное обращение. Меры принимались совершенно различные — необходимые и логичные — такие, как, например, запрет Совнаркома от 18 ноября 1918 года на расчеты между организациями наличными[86], слияние 6 декабря 1918 года казначейств с отделениями Народного банка или запрет от 25 февраля 1919 года местным властям совершать самовольную выемку денег из банков.

Однако были меры и совершенно экзотичные — к таким можно отнести приказ ТурЦИКа №77 от 2 апреля 1919 года об обязанности прибывающих в Ташкент лицам непременно сдавать общегосударственные денежные знаки в Народный банк для их обмена на туркбоны. Выпущен был подобный приказ в целях пресе-

[84] *Бейли Ф.* Миссия в Ташкент.-М., 2013.

[85] Глеб Бокий (будущий начальник спецотдела ОГПУ и подписант известных денежных лагерных знаков) прославился в Ташкенте тем, что изловил в городе всех бродячих собак. Бокий страдал туберкулезом, а по поверью, собачье сало излечивает эту болезнь. Излечился он или нет, достоверно не известно, однако умер Глеб Бокий намного позже, в 1938 году, и совсем не от болезни.

[86] ЦГА РУ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 53. Л. 11.

чения спекуляции денежными знаками — к тому времени некоторые общегосударственные знаки стоили дороже туркестанских, а правительство их меняло по курсу один к одному. В случае нарушения приказа нарушители привлекались к ответственности, а их деньги конфисковывались[87].

Правда, стоит отметить, что просуществовал этот приказ не очень долго — постановление было отменено 1 октября 1919 года[88].

К мерам, упорядывающим денежное обращение Туркестана, безусловно, относится особый Указ Совнаркома Туркреспублики от 24 июля 1919 года, запрещающий печатание собственных денег на местах.

В первом постановлении СНК РСФСР о выпуске туркбон, принятом 3 сентября 1918 года, контингент эмиссии для Туркестана был установлен в сумме 200 миллионов рублей, а 17 сентября повышен до 500 миллионов рублей.

Из этих документов вытекает, что правительство, РСФСР не только устанавливало объемы эмиссии, но и требовало соблюдения установленных им условий выпуска бон. Тем не менее, фактический выпуск туркестанских бон значительно превосходил эмиссионное право.

Деньги в Ташкенте печатали в значительно больших количествах, и утверждавшиеся контингенты просто санкционировали и причем с опозданием уже выпущенные деньги. В апреле 1919 года контингент был повышен до 2 миллиардов рублей, но фактический выпуск бон опять превысил его.

Испытывая постоянный недостаток в денежных знаках, 11 июня 1919 года СНК ТуркССР принял гениальное решение «*о выпуске денежных знаков в неограниченном количестве*»[89]. Контингенты эмиссии увеличивались центральным Советским правительством в 1918 году в два раза, в 1919 году — в два раза и в 1920 году — в шесть раз. К концу 1920 года контингент для туркестанской эмиссии, установленный 10 сентября в сумме 75 миллиардов рублей, был превышен на 50 процентов.

Эмиссионное право (в млн. руб.)		Фактическая эмиссия туркбон (в млн. руб.)	
03.09.1918	200	01.05.1918	7,5
17.09.1918	500	01.03.1919	1 400
24.04.1919	2 000	01.11.1919	5 650
22.07.1919	3 000	20.01.1920	8 000
13.02.1920	8 000	23.02.1920	10 000
27.02.1920	12 000	05.05.1920	15 000
06.05.1920	26 000	15.07.1920	32 000
28.08.1920	40 000	31.12.1920	96 000

[87] ЦГА РУ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 158. Л. 12.

[88] ЦГА РУ. Ф. Р37. Оп. 1. Д. 24. Л. 27.

[89] ЦГА РУ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2. Л. 65.

Общий объем эмиссии составил **96 миллиардов 158 миллионов 600 тысяч рублей** (по другим данным — 100 миллиардов рублей)[90].

В 1918 году расходы бюджета Туркестана составили 1 миллиард 685 миллионов рублей, а доходы — 21 миллион рублей. В 1919 году; расходы — 10 миллиардов 875 миллионов рублей; доходы — 192 миллиона рублей. А в завершающем, 1920 году, эмиссии расходы были рекордные — 91 миллиард 842 миллиона, а доходы всего лишь 891 тысяча рублей.

То есть доходы бюджета Туркреспублики в 1918 и 1919 годах составляли около двух процентов, а в 1920 году — всего одну тысячную процента!

Экономика края находилась в полном упадке, и расходы республики покрывались исключительно за счет работы печатного станка.

В статье «Наши туркестанские боны» указывалось: *«Туркестан вообще необходимо было «содержать», и он содержал себя — за счет общегосударственной казны, выпуская боны»*[91]. На I Краевом съезде Совнархозов также говорилось, что расходы, связанные с ведением Гражданской войны, полностью покрывались за счет эмиссии бумажных денег[92].

Рост бюджета Туркестана обгонял рост бюджета остальной Советской России. Так, например, если до войны он составлял всего 0,7% от бюджета всей России, то в 1920 году его доля была уже 10%, хотя экономика края только падала за это время.

Слова Сокольникова, относящиеся к государственному бюджету РСФСР, вполне можно отнести к туркестанскому:

«*Это условно можно назвать бюджетом. Это были скорее таблицы распределения напечатанных денежных знаков*» [93].

Беспрерывный выпуск бумажных денег в условиях сокращения материальных ресурсов вызывал рост цен, следовательно, необходимость увеличивать бюджетные ассигнования и снова прибегать к эмиссии бумажных денег. Чем больше печаталось денег, тем больше их не хватало. Для примера, можно сообщить, что в период с января 1919 года по июнь 1920 года количество туркбон в обращении увеличилось в 25 раз, а цены в Ташкенте за это же время выросли в 78 раз[94].

Этот снежный ком необходимо было остановить.

В Туркестане назрела необходимость финансовой реформы путем введения одной денежной системы с центром.

[90] *Турсунов М.Т.* Денежное обращение в Туркестанской АССР в период Гражданской войны. — Ташкент, 1950.

[91] Народное хозяйство Туркестана, 1919. № 32. С. 1–2.

[92] Там же. 1919. № 22. С. 10–11.

[93] *Сокольников Г.Я.* Денежная реформа. — Москва, 1925.

[94] *Турсунов М.Т.* Денежное обращение в Туркестанской АССР в период Гражданской войны. — Ташкент, 1950. С. 81.

«Эмиссия – опиум для народного хозяйства»

Г.Я. Сокольников (Гирш Янкелевич Бриллиант, 1889–1939)

Именно автору этих строк, народному комиссару финансов РСФСР и СССР, «отцу» советских червонцев, Григорию Сокольникову было суждено провести первую полномасштабную денежную реформу в Советской России.

Отправленный в Ташкент в составе Туркомиссии, Сокольников был командующим Туркестанским фронтом после Фрунзе, председателем Туркомиссии ВЦИК и председателем Туркбюро ЦК ВКП (б). Достигнув успехов в борьбе с басмачами, Сокольников обратился к решению важнейшей экономической проблемы края — стабилизации финансового положения. Курс туркбон на рынке валют Бухары неуклонно падал:

Стоимость 1000 рублей керенками в пересчете на туркбоны

1 марта 1919	1550
1 апреля 1919	5560
1 сентября 1919	6600
1 ноября 1919	8500
1 апреля 1920	7800
2 июля 1920	9800

Туркомиссия телеграфировала Ленину 3 ноября 1920 года[95]:

«Обесценивание туркестанских бон достигло даже по сравнению с расчетными знаками РСФСР катастрофических размеров. Покупательная способность туркбон равняется 15 тысячных копейки на золото.

Комиссия ВЦИК просит Совнарком признать необходимость унификации дензнаков Туркреспублики введением расчетных знаков РСФСР при условии изъятия временных кредитных билетов Туркккрая».

11 октября 1920 года Правительством РСФСР издало Указ за подписью В. Ленина «Об урегулировании денежного обращения ТССР»:

[95] ЦГА РУ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 190. Л. 45.

ДЕКРЕТ

Об урегулировании денежного обращения Т.С.С.Р.

Совет народных Комиссаров постановил:

1. В целях объединения денежного обращения во всех входящих в состав РСФСР отдельных Федеративных частях, выпуск временных кредитных билетов Туркестанского края прекратить к 1–му января 1921 года.

2. Временные кредитные билеты Туркестанского Края изъять из обращения путем обмена их на расчетные знаки РСФСР.

3. Обмен произвести в определенном соотношении между временными кредитными билетами Т.С.С.Р. и расчетными знаками общефедеративного образца.

4. Указанное соотношение установить соглашением Турцика и Комиссией ВЦИК по делам Туркестана и Народным Комиссариатом Финансов РСФСР.

5. На основании изложенных выше положений порядок обмена установить декретом Туркестанского Центрального Исполнительного Комитета, подтверждаемым Советом Народных Комиссаров РСФСР.

6. Проведение в жизнь указанного в предыдущем пункте декрета возложить на Народный Комиссариат Финансов Т.С.С.Р. совместно с Комиссией ВЦИК по делам Туркестана.

Председатель Совета Народных Комиссаров: В. Ульянов (Ленин)
Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров: В. Бонч–Бруевич
Секретарь: Л. Фотиева
Москва, Кремль,
11 октября 1920 года[96].

Были поставлены сроки — прекратить до 1 января 1921 года выпуск туркбон и обменять их на расчетные знаки образца 1919 года.

Встал и дискутировался вопрос о технике обмена.

Сокольников в своей статье «Ликвидация туркестанского рубля»[97] отмечал, что в отличие от остальных случаев эмиссий на территории бывшей Российской империи в Туркестане освобождение от денежной массы в 100 миллиардов рублей возможно только путем ее обмена на федеральные деньги. Простая аннуляция их невозможна, так как они были выпущены самой Советской властью.

Но, признав невозможность аннуляции своих денег, именно в Туркестане советские власти впервые применили механизм, который позволял решать экономические проблемы за счет фактического ограбления собственного населения.

Это — конфискационный характер обмена ранее выпущеннных денег.

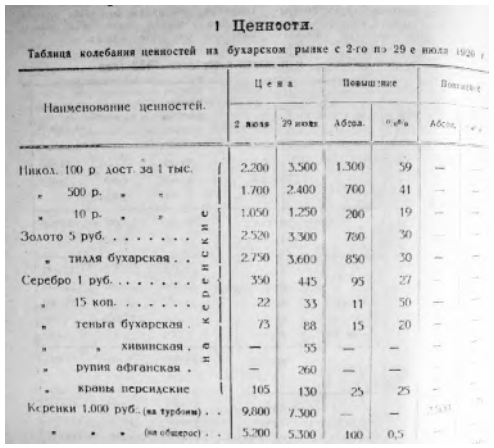
Еще в начале апреля 1920 года комиссар финансов Туркестанской Республики Измайлов представил в Москву доклад об общем финансовом положении с проектом проведения реформы денежного обращения. Среди предлагавшихся

[96] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 281. Л. 52.

[97] Правда, 30 декабря 1920 г.

мер была такая: *«Необходимо ввести на рынках сопредельных с Туркестаном стран, а также и на местном значительное количество всероссийских расчетных знаков по курсу керенок, чем достигнута будет фиксация соотношения девальваций или деноминации туркестанских бон на расчетные знаки, по курсу один к десяти»*[98].

Однако на самом деле рыночный курс общефедеративных денег по отношению к туркбонам был иным. Вот некоторые котировки на бухарском рынке стоимости 1 общесоветского рубля образца 1918 года в пересчете на туркбоны:



1 Ценности.

Таблица колебания ценностей на бухарском рынке с 2-го по 29 е июля 1920 г.

Наименование ценностей.	Цена. 2 июля	Цена. 29 июля	Повышение Абсол.	Повышение %	Понижение Абсол.	Понижение %
Никол. 100 р. дост. за 1 тыс.	2.200	3.500	1.300	59	—	—
„ 500 р. „ „	1.700	2.400	700	41	—	—
„ 10 р. „ „	1.050	1.250	200	19	—	—
Золото 5 руб.	2.520	3.300	780	30	—	—
„ тилля бухарская	2.750	3.600	850	30	—	—
Серебро 1 руб.	350	445	95	27	—	—
„ 15 коп.	22	33	11	50	—	—
„ теньга бухарская	73	88	15	20	—	—
„ „ хивинская	—	55	—	—	—	—
„ рупия афганская	—	260	—	—	—	—
„ кроны персидские	105	130	25	25	—	—
Керенки 1.000 руб. (на турбоны)	9.800	7.300	—	—	—	—
„ „ „ (на общерос)	5.200	5.300	100	0,5	—	—

Курсы валют на рынке Бухары. Журнал «Народное хозяйство Туркестана»

1 марта 1920 г.	1,02
31 марта	1,18
2 июля	1,88
29 июля	1,38

То есть до марта 1920 года курс туркбон к общефедеративным знакам был приблизительно одинаков. Затем он начал понижаться и к осени 1920 года (прекращение функционирования свободного рынка валюты в Бухаре в связи с установлением там Советской власти) колебался в диапазоне 1,38–1,88 туркестанского рубля за 1 общефедеративный.

Конфискационность же реформы заключалась в том, что обмен планировалось провести по курсу 10 рублей туркбонами за 1 федеративный рубль. То есть фактически накопления граждан обесценивались в 5-7 раз.

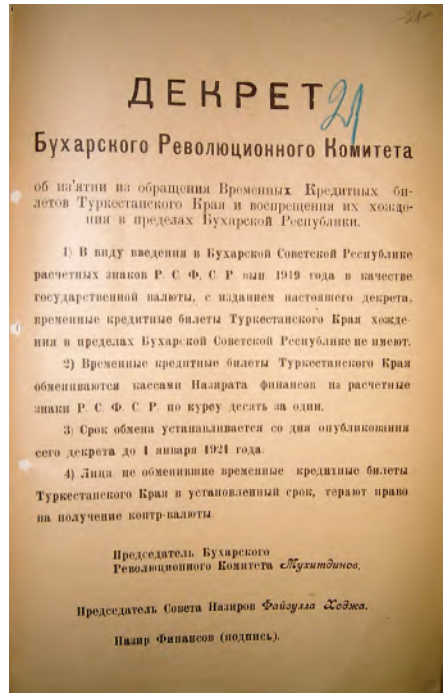
Поразительно объяснение, которое дало Правительство Туркестана подобному курсу обмена. Дескать, совзнаки (курс которых на рынке Бухары был ниже керенок и романовских) суть преемники думских и керенских денег, они выпускались как их замена по курсу 1:1, и поэтому котироваться любые совзнаки должны по отношению к туркбонам так же, как и керенки (основная валюта бухарского рынка). А именно — 1:10.

Подобный механизм был испытан несколькими месяцами ранее в Бухаре, после прихода там большевиков к власти в сентябре 1920 года. Пытаясь вести в обращение наряду с собственными бухарскими рублями новые знаки (**образца 1919 года**), советские власти приравняли их для бухарских жителей 1:1 ко всем имперским и керенским знакам, а к туркбонам — 1:10.

При этом предыдущие советские деньги — «пензенки» (общефедеративные знаки **образца 1918 года**) на рынках Бухары котировались в 7-10 раз ниже керенок.

[98] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 36.

Хотя на территории остальной Советской России расчетные знаки 1919 года и пензенки по курсу не отличались друг от друга, власть надеялась, что новый вид денег (основной их выпуск произошел весной 1920 года и для Туркестана был действительно новинкой), еще не скомпрометировавших себя инфляцией, будет привлекательным для населения[99].



ДЕКРЕТ 21

Бухарского Революционного Комитета

об изъятии из обращения Временных Кредитных билетов Туркестанского Края и воспрещения их хождения в пределах Бухарской Республики.

1) В виду введения в Бухарской Советской Республике расчетных знаков Р. С. Ф. С. Р. вып. 1919 года в качестве государственной валюты, с изданием настоящего декрета, временные кредитные билеты Туркестанского Края хождения в пределах Бухарской Советской Республике не имеют.

2) Временные кредитные билеты Туркестанского Края обмениваются кассами Наиврата финансов на расчетные знаки Р. С. Ф. С. Р. по курсу десять за один.

3) Срок обмена устанавливается со дня опубликования сего декрета до 1 января 1921 года.

4) Лица, не обменившие временные кредитные билеты Туркестанского Края в установленный срок, теряют право на получение контр-валюты.

Председатель Бухарского Революционного Комитета *Мухитдинов.*

Председатель Совета Наиров *Файзулла Ходжа.*

Наиир Финансов (подпись).

Возникающую таким образом экономическую коллизию власть Туркестана такую предпочла опустить.

У большинства людей в то сложное время никаких накоплений не было; к тому же спекуляция денежными знаками на территории, подконтрольной большевикам, жестко преследовалась. А свободный бухарский рынок валют, который оказывал большое влияние на курс туркбон, перестал существовать после свержения эмира осенью 1920 года. Таким образом, для власти, которой было важно уменьшить денежную массу в 10 раз, больших препятствий не существовало, и поэтому Правительство Туркестана без особо долгих размышлений пошло на подобный шаг.

Итак, 31 декабря 1920 года СНК ТССР издал Декрет, регулирующий порядок проведения реформы[100]:

— *Обмен кредитных билетов Туркестанского края на знаки общефедерального образца 1919 года производится в соотношении 10:1.*

— *Каждый гражданин, достигший 16-летнего возраста, имеет право обменять не свыше 3 миллионов рублей во временных кредитных билетах.*

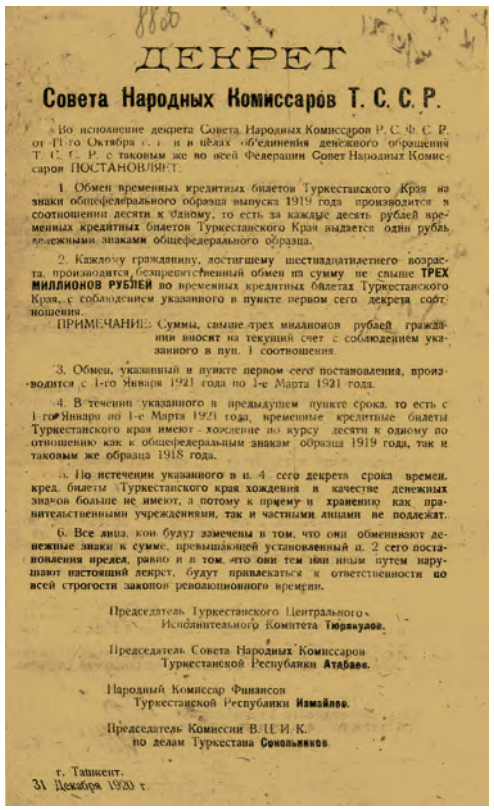
— *Суммы, превышающие 3 миллиона рублей, граждане обязаны внести на текущий счет в Народном банке для последущего обмена в той же пропорции.*

— *Тарифы заработной платы остаются без изменений.*

— *Срок обмена — с 1 января 1921 по 1 марта 1921 года. По истечении этого срока туркестанские боны теряют силу платежного средства.*

[99] Доклад Наркомфина Туркреспублики по вопросу о введении в БСР в качестве государственной валюты этой республики расчетных знаков РСФСР вып. 1919 г. ЦГА РУ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 233. Л. 74.

[100] ЦГА РУ Ф. 37. Оп. 1. Д. 295. Л. 88.



ДЕКРЕТ

Совета Народных Комиссаров Т. С. С. Р.

По исполнение декрета Совета Народных Комиссаров Р. С. Ф. С. Р. от 11-го Октября с. г. и в целях объединения денежного обращения Т. С. С. Р. с таковым же во всей Федерации Совет Народных Комиссаров ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обмен временных кредитных билетов Туркестанского Края на знаки общефедерального образца выпуска 1919 года производится в соотношении десяти к одному, то есть за каждые десять рублей временных кредитных билетов Туркестанского Края выдается один рубль денежными знаками общефедерального образца.

2. Каждому гражданину, достигшему шестнадцатилетнего возраста, производится безпрепятственный обмен на сумму не свыше **ТРЕХ МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ** во временных кредитных билетах Туркестанского Края, с соблюдением указанного в пункте первом сего декрета соотношения.

ПРИМЕЧАНИЕ: Суммы, свыше трех миллионов рублей гражданин вносит на текущий счет с соблюдением указанного в пун. 1 соотношения.

3. Обмен, указанный в пункте первом сего постановления, производится с 1-го Января 1921 года по 1-е Марта 1921 года.

4. В течении указанного в предыдущем пункте срока, то есть с 1-го Января по 1-е Марта 1921 года, временные кредитные билеты Туркестанского края имеют хождение по курсу десяти к одному по отношению как к общефедеральным знакам образца 1919 года, так и таковым же образца 1918 года.

5. По истечении указанного в п. 4 сего декрета срока временные кред. билеты Туркестанского края хождения в качестве денежных знаков больше не имеют, а потому к приему и хранению как правительственными учреждениями, так и частными лицами не подлежат.

6. Все лица, кои будут замечены в том, что они обменивают денежные знаки к сумме, превышающей установленный п. 2 сего постановления предел, равно и в том, что они тем или иным путем нарушают настоящий декрет, будут привлекаться к ответственности по всей строгости законов революционного времени.

Председатель Туркестанского Центрального Исполнительного Комитета **Тюрякулов.**

Председатель Совета Народных Комиссаров Туркестанской Республики **Атабаев.**

Народный Комиссар Финансов Туркестанской Республики **Изманлов.**

Председатель Комиссии В.Ц.И.К. по делам Туркестана **Сокольников.**

г. Ташкент.
31 Декабря 1920 г.

На территории Туркреспублики открылось 300 касс по обмену туркбон. Декрет об обмене был напечатан на пяти местных языках.

По всему Туркестану разъехались агитаторы с литературой, разъясняющей суть реформ:

«Воззвание к населению», «Основные положения финансовой реформы», «Тезисы для агитатора для денежной реформы».

В результате всех усилий властям удалось в достаточно короткие сроки — за два месяца — изъять из обращения временные кредитные билеты Туркестанского края. Согласно отчетам, *«деноминация прошла, вообщем ,гладко»*[101].

Из 96158,6 миллиона рублей, выпущенных в обращение за все время эмиссии, хозяйственные организации и бюджетные учреждения после 31 декабря 1920 года сдали наличность в сумме 31500 миллионов рублей.

После этого в обращении осталось 64658,6 миллиона рублей.

На 31 марта 1921 года через обменные кассы прошло 53451 миллионов рублей. Таким образом, не прошло через обменные кассы 11207,6 миллиона рублей. Кроме утерянных, изветшавших в результате обращения или по каким-то другим причинам не предъявленных к обмену купюр, существенная часть этой суммы — обмененные в Бухаре туркбоны после победы там Советской власти в сентябре 1920 года. Дело в том, что в Бухарской Республике тогда ввели только две валюты — расчетные знаки 1919 года и собственные бухарские рубли, а туркбоны были запрещены к обращению.

Несмотря на то что современники говорили о небывалой инфляции в Туркестане, настоящая инфляция с ее размахом в Советской России была еще впереди, спустя 2–3 года после описываемых событий. Сокольников, получив первый опыт реформирования в Туркестане, на посту наркомфина с успехом применил его уже в общероссийском масштабе. Рубль 1924 года менялся на все ранее выпущенные советские знаки (кроме обозначенных в твердой валюте – червонцах) из расчета 50000 рублей образца 1923 года на 1 рубль 1924 года.

То есть, учитывая предыдущие обмены 1922 года (10000:1) и 1923 года (100:1), после несложных вычислений получим, что 50 миллиардов (!) рублей образца 1918–1921 годов к 1924 году превратились в 1 рубль.

[101] ЦГА РУ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 53. Л. 32.

На фоне этих цифр эмиссия туркестанских денег выглядит весьма достойной попыткой решения краткосрочных задач в крайне сложных исторических условиях. Создание при очень ограниченных возможностях собственного независимого эмиссионного аппарата, с технической точки зрения функционировавшего подчас даже лучше, чем центральный, — это, несомненно, выдающееся достижение людей, причастных к финансовому руководству краем в то время.

И это ставит туркестанскую эмиссию если не во главу, то в один ряд с самыми интересными выпусками русских бумажных денежных знаков.

✡ ✡ ✡ ✡ ✡

Литература и источники

Неопубликованные источники:

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ).

Российский Государственный Архив Экономики (РГАЭ).

Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан (ЦГА РУ).

Литература:

Бабаходжаев А.Х. Провал агрессивной политики английского империализма в Средней Азии в 1917–1920 гг. — Ташкент, 1955.

Багдалова М.С. Деятельность Центрального совета народного хозяйства Туркестана в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). — Ташкент, 1964.

Бейли Ф. Миссия в Ташкент. — Москва, 2013.

Воскобойников Э., Зевелев А. Туркомиссия ВЦИК и Совнаркома РСФСР и Туркбюро ЦК РКП (б) в борьбе за укрепление Советской власти в Туркестане. — Ташкент, 1951

Зевелев А.И. Из истории Гражданской войны в Узбекистане. — Ташкент, 1959.

Искандер А.Н. Небесный поход. // Военно–исторический вестник, — Париж, 1957. № 9

Калиновский М. Туркестанская эмиссия. // Советский коллекционер. — М., 1925. № 18.

Кардаков Н. Каталог денежных знаков России и балтийских стран 1769–1950. — Берлин, 1953.

Кожухин М. Боны — историографы. // Звезда Востока, 1968. № 1.

Козловский Е. За красный Туркестан. — Ташкент, 1926.

Кистенев С. Денежная реформа в Туркестане. // Известия НКФ, 1921. № 5–10. С. 28–29.

Львович В. Фальшивые туркбоны. // Советский филателист. — М., 1924. № 7. С. 25.

Манжара Д.И. Революционное движение в Средней Азии, 1905–1920 гг. — Ташкент, 1934.

Очерки хозяйственной жизни Туркестанской Республики. — Ташкент: ЦСНХ, 1921.

Паскуцкий Н. К истории гражданской войны в Туркестане. — Ташкент, 1922.

Рамзин К. Революция в Средней Азии в образах и картинах. — М., 1928.

Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана, 1918–1924 гг. — Ташкент, 1958.

Сборник декретов, приказов и распоряжений центральной власти Туркестанской Республики Российской Советской Федерации. / Туркестанская ССР. ЦИК. — Ташкент, 1919.

Соколов В.М. Полный каталог бон, выпущенных на территории СССР в 1914–1925 гг. Вып. 6 «Средняя Азия». — Ростов-на-Дону, 1938.

Сокольников Г.Я. Денежная реформа. — Москва, 1925.

Тимошков С.П. Борьба с английской интервенцией в Туркестане. — Москва, 1941.

Туркестанская АССР. // Статистический ежегодник, 1917–1923 гг. Ташкент, 1924.

Турсунов М.Т. Денежное обращение в Туркестанской АССР в период гражданской войны (1917–1921гг.). — Ташкент, 1950.

Филиппов С.Т. Боевые действия на Закаспийском фронте (1918–1920 гг.). — Ашхабад, 1928.

Хасанов М. Смертельный гамбит. Из истори осиповского мятежа. // Звезда Востока. — Ташкент, 1991. №10

Периодические издания:

Народное хозяйство Туркестана. — Ташкент, 1919–1920.

Наша газета. — Ташкент, – 1918–1920.

Правда. — Москва, 1920.

Советский Туркестан. — Ташкент, 1918.

КАТАЛОГ ТУРКБОН

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ КАТАЛОГОМ

В основе данного каталога лежат статистические данные о порядка четырех с половиной тысяч различных денежных знаков Туркестанской Республики. Автор считает, что это количество туркбон, которое он отыскал и систематизировал, безусловно, не исчерпывает все сохранившееся на сегодняшний день знаки Туркестана. Однако стоит отметить, что относительная редкость типов бон, их разновидностей и вариаций перестала меняться уже после систематизации одной тысячи банкнот. Поэтому естественно, что появление новых литерных серий и номеров, не описанных в каталоге, вполне возможно, однако вряд ли оно уже внесет существенные изменения в расстановку редкостей рассматриваемых знаков.

Каталогизированы основные типы бон, их разновидности по клише (текстам и рисунку), бумаге и водяному знаку. Показаны только самые важные, с точки зрения автора, браки – ошибки в грифовании туркбон, так как они нарушают задуманную ташкентской Экспедицией систему защиты знаков от подделок. Включены в каталог и оказавшие влияние на эмиссию туркбон фальшивые сторублевки Мельникова.

Не каталогизированы незначительные, с точки зрения автора, отличия в видах подписей и литер, о которых было рассказано ранее в статье.

Редкость типов бон показана в виде графика.

Напротив разновидностей стоит цифра в процентах от общего числа знаков этого типа. Например, данную строку в каталоге

11.1.d. Напечатаны на бумаге с в/з «грибы» 10%

следует понимать так — на знаке «1000 рублей 1920 года» разновидность с в/з «грибы» встречается в 10% случаев от общего числа систематизированных знаков этого номинала (40 экземпляров из общего известного количества 410 штук).

Подписи кассиров и начальные литеры (периодизация выпуска) автор считает вариациями, но, учитывая возрастающий интерес многих коллекционеров к собиранию денежных знаков по этим признакам, в каталоге много внимания уделено этим особенностям.

Тем более что собранные данные позволяют говорить о том, что теоретически полная коллекция туркбон по кассирам составляет всего 212 знаков. В реальности автор полагает, что их немного меньше (на сегодня подтверждено 187) — вероятнее всего, некоторые пропуски сделаны на ташкентской Экспедиции намеренно, с целью защиты от подделок.

После каждого номинала внизу дана таблица с графами, где сверху идут кассиры и соответствующие им вторые литеры, а слева — первые литеры. В квадрате на месте пересечения граф цифрой записано количество известных знаков с таковым сочетанием первой литеры и кассира. А так же важные признаки, соответствующие разновидности или вариации знака с этим буквенным сочетанием, — например — толстая бумага, вид водяного знака и прочее.

Рассмотрим подобную таблицу на примере знака 1000 рублей АЛ 9399 (кассир С. Анфиногенов).

×Г	×Д	×Е	×Ж
Шевелев	Еремич	Якименко	Тесленко
×Л	**×М**	**×Н**	**×О**
Анфиногенов	Лабазников	Платонов	Шевченко

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	×З	×И	×К	**×Л**	×М	×Н	×О	Редкость литеры
А×	6	13	7	7	7	15	8	11	10	15	18 *тб*	12	20 *гр* *зв*	12 *гр*	161
Б×	19 *гр* *зв*	9 *гр*	8	10 *гр*	3	4	12 *гр* *зв*	12	6	5	22 *тб* *зв*	12 *зв*	16 *тб* *зв*	10 *гр* *зв*	148
В×		10 *гр*		17 *тб*		14 *гр* *тб* *зв*	7 *зв*	16 *тб* *зв*		6 *тб* *зв*	5 *зв*	7 *зв*	12 *гр* *зв*	7 *гр* *зв*	101
Редкость кассиров	25	32	15	34	10	33	27	39	16	26	45	31	48	29	**410**

тб — толстая бумага (полукартон) *гр* — водяной знак «грибы» *зв* — водяной знак «звезды»

Из таблицы видно, что известно 18 различных знаков с литерами «АЛ». Кроме того, сокращение «*тб*» говорит о том, что помимо стандартной тонкой бумаги без водяного знака с этой литерной серией печатали боны, в том числе на толстой бумаге (полукартоне).

Если графа пустая, значит, знак с таким сочетанием «первая литера–кассир» или не выпускался, или пока не известен автору.

Если в графе кроме цифры известных количества знаков больше нет записей, то это значит, что, согласно данным автора, для печати этой вариации использовалась только стандартная бумага (тонкая без водяного знака или с водяным знаком «соты» на номиналах в 5000 и 10 000 рублей).

В самой нижней горизонтальной графе даны данные по общей редкости кассира, а в правой горизонтальной колонке — редкости по выпуску (первой литере).

На том же примере знака в 1000 рублей АЛ 9399 видно, что кассир С. Анфиногенов является часто встречающимся подписантом 1000 рублей 1920 года — известно 45 знаков.

Для удобства быстрого восприятия цветом отмечена редкость встречаемости подписи кассира:

- красным — известно до 5 знаков;
- желтым — до 10;
- зеленым — до 20 знаков включительно.
- серый цвет означает, что известно более 20 знаков.

Для наиболее редких туркбон обозначена редкость:

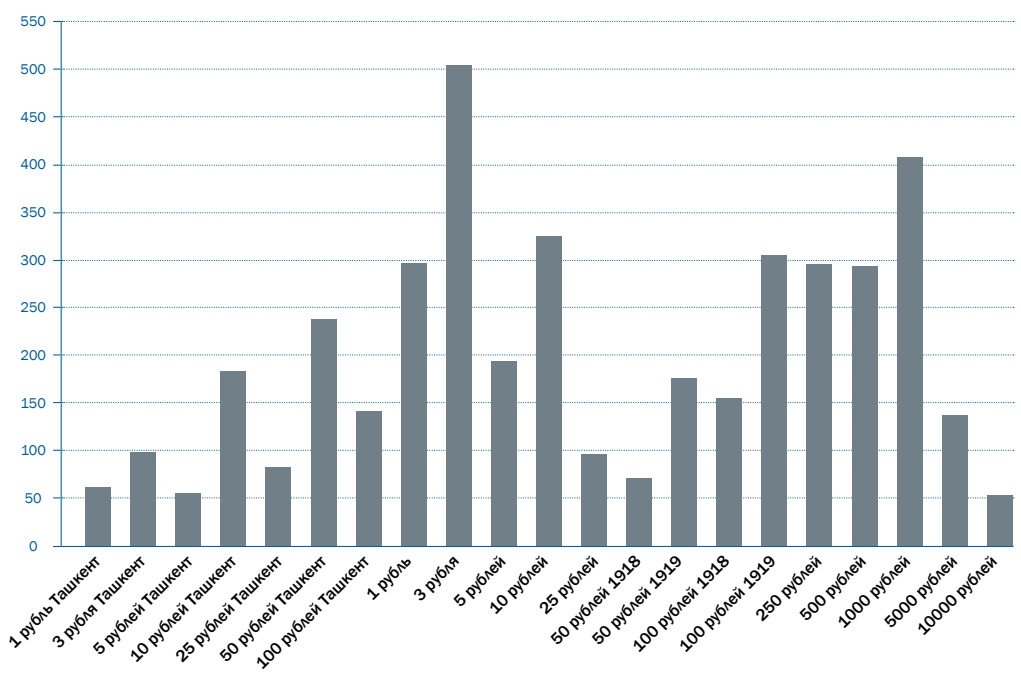
RR — известно до 20 экземпляров.

RRR — известно до 10 экземпляров.

Ex.Rare — известно до 3 экземпляров.

В конце каталога дана сводная таблица редкости туркбон по кассирам, с упоминанием количества известных знаков.

КОЛИЧЕСТВО ТУРКБОН ПО НОМИНАЛАМ



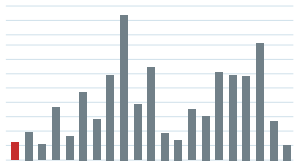
Автор выражает глубокую признательность коллегам, которые помогли собрать статистический материал, — А. Алямкину, А. Анисимову, А. Белявцеву, Г. Васильеву, А. Головкину, В. Горбунову, И. Горянову, А. Дубакину, Ф. Иванкину, А. Ломакину, М. Мурадяну, О. Парамонову, М. Платонову, С. Скрипниченко, П. Сократилину, Д. Харитонову.

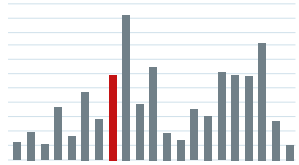
50 копеек

1.1. 50 копеек Туркестанского края.

Ввиду отсутствия на знаке номера, документальных сведений по его встречаемости привести нельзя, однако оценочные данные говорят о его распространенности на уровне 1 рубля Туркестанского края.

1 рубль





Ташкентское ОГБ *Туркестанский край*

Вариации в цвете фона, как на рис. «А»

2.1 Ташкентское ОГБ

×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж
Фирфаров	Титов	Овсянников	Шевелев	Еремич	Якименко	Рожновский

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	Редкость литеры
А×	2	4	2	6	6	1	2	23
Б×	2	2	2	3	9	9	11	38
В×	1				1			2
Редкость кассиров	5	6	4	9	16	10	13	63

2.2. Туркестанский край.

2.2.а. Подпись кассира А. Чухина большая как на рис. «Б» **RRR**

Рис.«А» — вариации цвета фона

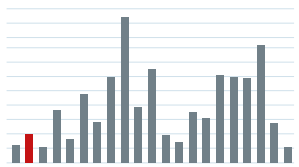
Рис. «Б» - большая и малая подпись кассира А. Чухина

×А	×Б	×В	×Г	×Д
Фирфаров	Чухин	Овсянников	Шевелев	Еремич

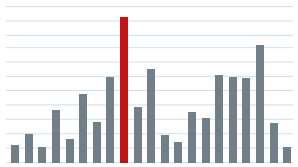
×Е	×Ж	×З	×И	×К
Якименко	Тесленко	Тимофеев	Лашкарев	Матчаный

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	×З	×И	×К	Редкость литеры
Г×	1	10	2	23	12		19				67
Д×	5	11	6	1	8	14	11				56
Е×	5	40	10	5	8	16	11		15		110
Ж×		28		11			15		18		72
Редкость кассиров	11	89	18	40	28	30	56		33		305

3 рубля



Ташкентское ОГБ



Туркестанский край

3.1. Ташкентское ОГБ

×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж
Фирфаров	Титов	Овсянников	Шевелев	Еремич	Якименко	Рожновский

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	Редкость литеры
А×	33	5	6	4	1	4	4	57
Б×	1	8	4	5	11	2	3	34
В×	1	2	3		1	3		10
Редкость кассиров	35	15	13	9	13	9	7	101

3.2. Туркестанский край

3.2.a. Подпись кассира А. Чухина большая, как на рис. «А» **RRR**

3.2.d. Брак грифования — не соответствие литерам «ДГ» подписи кассира Г. Еремича **Ex.Rare**

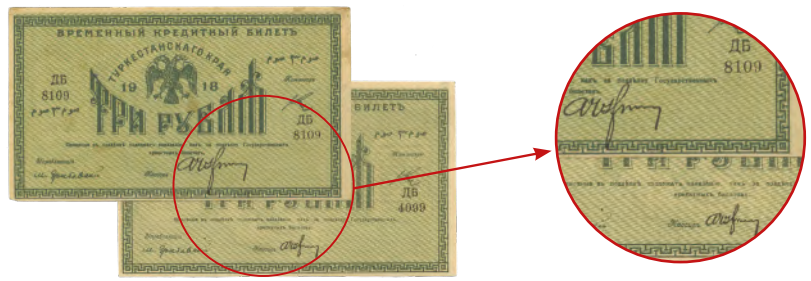


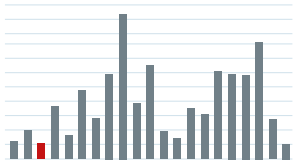
Рис. «А» - большая и малая подпись кассира А. Чухина

×А	×Б	×В	×Г	×Д
Фирфаров	Чухин	Овсянников	Шевелев	Еремич

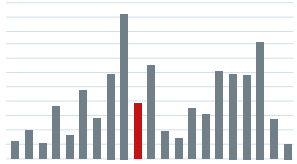
×Е	×Ж	×З	×И	×К
Якименко	Тесленко	Тимофеев	Лашкарев	Матчаный

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	×З	×И	×К	Редкость литеры
Г×	1	8	7	3		10	1				30
Д×	7	23	22	4	8	5	13				82
Е×	1	3	1	6	4	6	5		2		28
Ж×	1	2	5	2	4	1	4				19
З×		4	1	2	9	5	1	2	3		27
И×	1	4	4	3	7	1	4	1	5		30
К×	1	17	4	7	8	5	4	1	3		50
Л×		4		2	2	4	14	1	7		34
М×	9	7	1	6	15	3	17	3	4	3	68
Н×		4	1		16		16	3	15	2	57
О×					36		43				79
П×					4		6				10
Редкость кассиров	21	76	46	35	113	40	128	11	39	5	514

5 рублей



Ташкенское ОГБ



Туркестанский край

4.1 Ташкентское ОГБ

×А	×Б	×Б^{ч}	×В
Фирфаров	Титов	Чухин	Овсянников
×Г	×Д	×Е	×Ж
Шевелев	Еремич	Якименко	Рожновский

	×А	×Б	×Б^{ч}	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	Редкость литеры
А×	11	11	3	12	5	12	9	1	64
Редкость кассиров	11	11	3	12	5	12	9	1	64

4.1.а. С подписью кассира А. Чухина* **RRR**

4.1.S. «Образец» Ташкентского ОГБ **Ex.Rare**

*Обычная подпись кассира, соответствующая литере «хБ» на знаках Ташкентского ОГБ — Н. Титов.

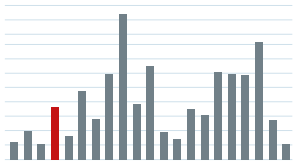
4.2. Туркестанский край

4.2.а. Брак грифования — литеры «ББ–БВ»
(кассиру А. Чухину должно соответсвовать «ББ») **RRR**

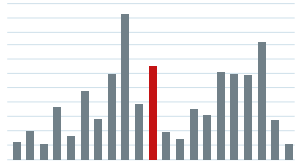
×А	×Б	×В	×Г	×Д
Фирфаров	Чухин	Овсянников	Шевелев	Еремич
×Е	×Ж	×З	×И	×К
Якименко	Тесленко	Тимофеев	Лашкарев	Матчаный

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	×З	×И	×К	Редкость литеры
Б×		17	28	14	27	26	38		20	6	176
В×		1	7	3	2	6			2	3	24
Редкость кассиров		18	35	17	29	32	38		22	9	200

10 рублей



Ташкентское ОГБ



Туркестанский край

Вариации фона как на рис. «А»

5.1. Ташкентское ОГБ

5.1.a. С подписью кассира А. Чухина* **Ex.Rare**

5.1.S. «Образец» Ташкентского ОГБ **Ex.Rare**

×А	×Б	×Бч	×В
Фирфаров	Титов	Чухин	Овсянников

×Г	×Д	×Е	×Ж
Шевелев	Еремич	Якименко	Рожновский

	×А	×Б	×Бч	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	Редкость литеры
А×	19	19		11	15	7	11		82
Б×	9	16		24	11	25	10	14	109
В×			1						1
Редкость кассиров	28	35	1	35	26	32	21	14	192

* Обычная подпись кассира, соответствующая литере «хБ» на знаках Ташкентского ОГБ — Н. Титов.

5.2. Туркестанский край.

Вариации цвета шрифта от темно-синего до черного, как на рис. «Б»

5.2.a. Бланк. **Ex.Rare**

Рис. «А» — вариация цвета фона

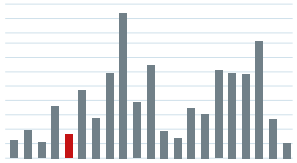
Рис. «Б» — вариация цвета шрифта

×А	×Б	×В	×Г	×Д
Фирфаров	Чухин	Овсянников	Шевелев	Еремич

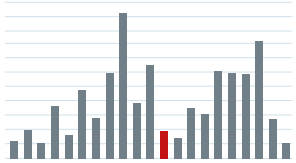
×Е	×Ж	×З	×И	×К
Якименко	Тесленко	Тимофеев	Лашкарев	Матчаный

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	×З	×И	×К	Редкость литеры
Б×	4	1	2	5	3	2	7				24
В×	2	2	3	1	1	3	3				15
Г×	4	5	2	1	2	3	5				22
Д×	3	7	10	3	2	4	2				31
Е×	1	1	3	4	2	21	8	2	2	3	47
Ж×	2	10	5	2	4	3	7			1	34
З×	1	2		1	7	3	7	1		3	25
И×		7	13	5	10	18	1	16	6		76
К×		1					61		1	1	64
Редкость кассиров	17	36	38	22	31	57	101	19	9	8	338

25 рублей



Ташкентское ОГБ



Туркестанский край

6.1. Ташкентское ОГБ

6.1.S. «Образец» Ташкентского ОГБ **Ex.Rare**

×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж
Фирфаров	Титов	Овсянников	Шевелев	Еремич	Якименко	Рожновский

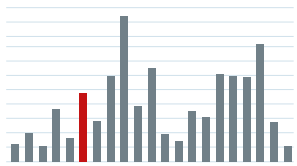
	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	Редкость литеры
А×	13	13	16	12	16	8	12	90
Редкость кассиров	13	13	16	12	16	8	12	90

6.2. Туркестанский край.

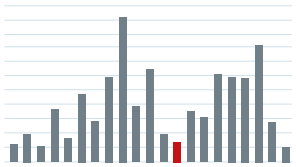
×А	×Б	×В	×Г	×Д
Фирфаров	Чухин	Овсянников	Шевелев	Еремич
×Е	**×Ж**	**×З**	**×И**	**×К**
Якименко	Тесленко	Тимофеев	Лашкарев	Матчаный

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	×З	×И	×К	Редкость литеры
А×								31			31
Б×					10	17	13		21	7	68
Редкость кассиров					10	17	13	31	21	7	99

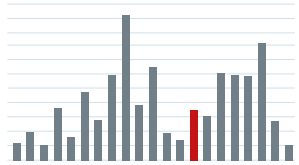
50 рублей



Ташкентское ОГБ



Туркестанский край, 1918 г.



Туркестанский край, 1919 г.

7.1. Ташкентское ОГБ.

Вариация в размере нумератора — малый (55%) и большой (45%), как на рис. «А»

7.1.S. «Образец» Ташкентского ОГБ **Ex.Rare**

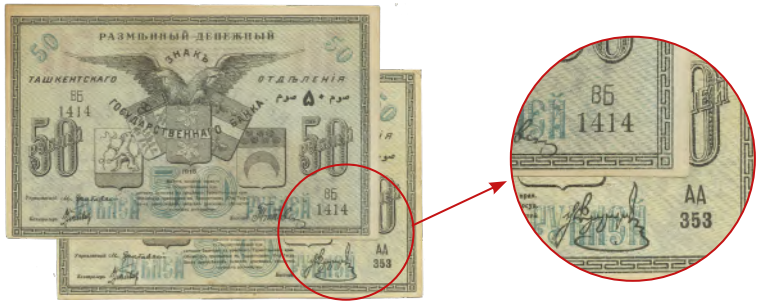


Рис. «А» - Большой и малый нумератор на 50 рублях Ташкентского ОГБ.

×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж
Фирфаров	Титов	Овсянников	Шевелев	Еремич	Якименко	Рожновский

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	Редкость литеры
А×	12	17	17	22	26	21	29	144
Б×	19	10	13	15	13	7	15	92
В×		7	2		1	1		11
Редкость кассиров	31	34	32	37	40	29	44	247

7.2. Туркестанский край. 1918 год

×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж
Фирфаров	Чухин	Овсянников	Шевелев	Еремич	Якименко	Тесленко

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	Редкость литеры
В×	4	2	13	4	9	4	9	45
Г×	10	3	1		1	1	8	24
Д×	1	1		1			1	4
Редкость кассиров	15	6	14	5	10	5	18	73

7.3.a. Туркестанский край. 1919 год. Рисунок аверса — черный 58%

7.3.b. Туркестанский край. 1919 год. Рисунок аверса – синий 37%

7.3.c. Туркестанский край. 1919 год. Напечатанные на полукартоне (толстой бумаге). Рисунок аверса — синий или черный 5%

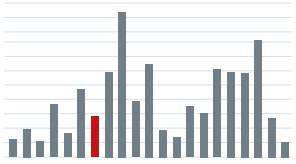
7.3.d. Туркестанский край. 1919 год. Брак грифования “БЗ - ЗБ” (перепутаны литеры серии «БЗ» на «ЗБ») **Ex.Rare**

×А	×Б	×В	×Г	×Д
Фирфаров	Чухин	Овсянников	Шевелев	Еремич
×Е	**×Ж**	**×З**	**×И**	**×К**
Якименко	Тесленко	Тимофеев	Лашкарев	Матчаный

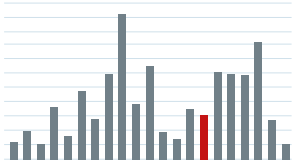
	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	×З	×И	×К	Редкость литеры
А×	6	7 *тб*	12 *тб*	7 *тб*	10 *тб*	3 *тб*	8 *тб*	11	8	12	84
Б×	3	11	8		8	22	23	4	14	1	94
Редкость кассиров	9	18	20	7	18	25	31	15	22	13	**178**

тб — толстая бумага (полукартон)

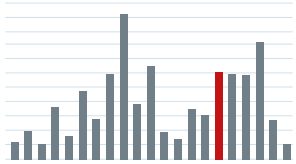
100 рублей



Ташкентское ОГБ



Туркестанский край, 1918 г.



Туркестанский край. 1919 год

Фон аверса оранжевый или желтый, как на рис. «А».

8.1. Ташкентское ОГБ.

8.1.S. «Образец» Ташкентского ОГБ **Ex.Rare**

8.1.F. Ташкентское ОГБ. Фальшивый знак производства И. Мельникова. **RRR**

×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж
Фирфаров	Титов	Овсянников	Шевелев	Еремич	Якименко	Рожновский

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	Редкость литеры
А×	6	5	3	4	8	2	4	32
Б×	13	6	7	5	7	8	9	55
В×	8	3	5	6	3	6	3	34
Г×	1	5	5	4	4	3	3	25
Редкость кассиров	28	19	20	19	22	19	19	146

8.2. Туркестанский край. 1918 год.

×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж
Фирфаров	Чухин	Овсянников	Шевелев	Еремич	Якименко	Тесленко

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	Редкость литеры
Г×		1	1			1		3
Д×	1	2		1	1		1	6
Е×	1	4	3	2	3		2	15
Ж×	4	1		8	4	1	3	21
З×	8	3	2	7	11	12	7	50
И×	7	2	6		4		1	20
К×	2	1		3				6
Л×	11	4		3		3	6	27
М×	1			1	1		5	8
Редкость кассиров	35	18	12	25	24	17	25	156

Вариации цвета шрифта, как на рис. «Б».

8.3.a. Туркестанский край. 1919 год. Вариант с «длинным» верхним левым свитком картуша. Бумага тонкая, без водяного знака. 44%

8.3.b. Туркестанский край. 1919 год. Вариант с «коротким» верхним левым свитком картуша. Напечатаны на полукартоне (толстой бумаге) без в/з. 25%

8.3.c. Такой же, как предыдущий, только напечатаны на бумаге с в/з «связанные звезды». 21%

8.3.d. Такой же, как предыдущий, только напечатаны на тонкой бумаге без в/з 10%

Рис. «А» — оранжевый и желтый фон.

Рис. «Б» — Вариация цвета шрифта

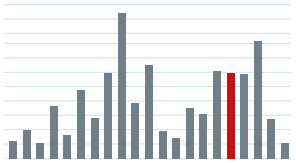
×А	×Б	×В	×Г	×Д
Фирфаров	Чухин	Овсянников	Шевелев	Еремич

×Е	×Ж	×З	×И	×К
Якименко	Тесленко	Тимофеев	Лашкарев	Матчаный

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	×З	×И	×К	Редкость литеры
А×	3 дс	3 дс	3 дс	5 дс	8 дс	5 дс	2 дс	5 дс	9 дс	8 дс	51
Б×	22 кс дс тб зв	7 дс тб	12 дс	5 дс	10 дс	29 кс зв	17 дс	53 кс дс тб зв	22 кс дс тб	34 кс тб зв	211
В×			4 кс дс	7 дс					27 кс зв	5 кс зв	43
Г×				7 дс							7
Редкость кассиров	25	10	19	24	18	34	19	58	58	47	312

дс — длинный верхний левый свиток картуша *тб* — толстая бумага (полукартон)
кс — короткий верхний левый свиток картуша *зв* — водяной знак «звезды»

250 рублей



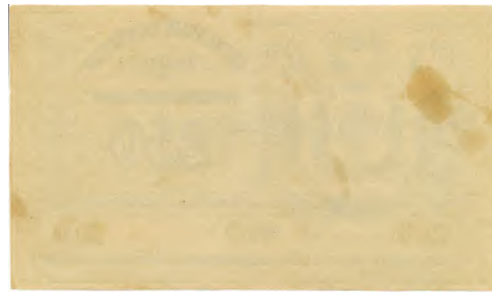
9.1.a. Рисунок на аверсее чёрный. Нумератор «наклонный». Напечатаны на бумаге без в/з. 32%

9.1.b. Рисунок на аверсе коричневый. Нумератор «прямой» или «наклонный». Напечатаны на бумаге без в/з. 37%

9.1.c. Рисунок на аверсе коричневый. Напечатаны на полукартоне (толстой бумаге) 15%

9.1.d. Рисунок на аверсе коричневый. Напечатаны на бумаге с в/з «связанные звёзды» 4%

9.1.e. Рисунок на аверсе коричневый. Напечатаны на бумаге с в/з «50» 12%



9.1.f. Бланк без серии и подписи кассира **Ex.Rare**

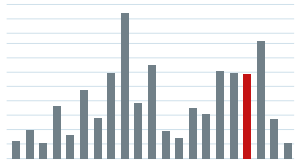
×А	×Б	×В	×Г	×Д
Фирфаров	Чухин	Овсянников	Шевелев	Еремич

×Е	×Ж	×З	×И	×К
Якименко	Тесленко	Тимофеев	Лашкарев	Матчаный

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	×З	×И	×К	Редкость литеры
А×	11	15	15	17	19	18	9		18		122
Б×	46 *50* *тб* *зв*	21 *50* *тб*	33 *50* *тб* *зв*	30 *50* *тб* *зв*	36 *50* *тб* *зв*	9					175
Редкость кассиров	57	36	48	47	55	27	9		18		297

А× — начальные номера черный шрифт, конечные — коричневый **Б×** — коричневый шрифт лицевой стороны
тб — толстая бумага (полукартон) *зв* — водяной знак «звезды» *50* — водяной знак цифры «50»

500 рублей



Нумератор «наклонный» или «прямой». Вариация подписи кассира А. Чухина, как на рис. «А».*

500 рублей «ТуркестанскОГО» края (61%)

10.1.a Напечатаны на бумаге без в/з 60%

10.1.b Напечатаны на полукартоне (толстой бумаге) без в/з 1%

Рис. "А" – большая и малая подпись А. Чухина

* Знаки с большой и малой подписью А. Чухина встречаются приблизительно одинаково, поэтому не показаны отдельно по редкости.

500 рублей «ТуркестанскАГО» края (39%)

10.2.a. Напечатаны на полукартоне (толстой бумаге) без в/з 19%

10.2.b Напечатаны на бумаге с в/з «25» 9%

10.2.c Напечатаны на бумаге с в/з «50» 7%

10.2.d. Напечатаны на бумаге без в/з 4%

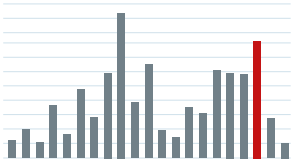
×А	×Б	×В	×І	×Д	×Е	×Ж
Фирфаров	Чухин	Овсянников	Шевелев	Еремич	Якименко	Тесленко

×З	×И	×К	×Л	×М	×Н	×О
Тимофеев	Лашкарев	Матчаный	Анфиногенов	Лабазников	Платонов	Шевченко

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	×З	×И	×К	×Л	×М	×Н	×О	Редкость литеры
А×	18 *ого*	11 *ого*	7 *ого*	9 *ого*	5 *ого*		25 *аго*	22 *аго*	6 *ого*	9 *ого*	1 *аго*	1 *аго*	28 *тб аго*	29 *тб аго*	171
Б×	8 *ого*	8 *тб ого*	4 *ого*					6 *ого*	6 *ого*	16 *ого*					48
В×	10 *тб аго*	3 *ого*	9 *ого*			1		3 *аго*	29 *25 аго 50 ого*	24 *25 аго 50 ого*					79
Редкость кассиров	36	22	20	9	5	1	25	31	41	49	1	1	28	29	**298**

тб — толстая бумага (полукартон) *25* — водяной знак цифры «25» *50* — водяной знак цифры «50»
аго — ТуркестанскАГО края *ого* — ТуркестанскОГО края

1000 рублей



Желтый и оранжевый фон аверса, как на рис. «А»

11.1.a. Напечатаны на бумаге без в/з 49%

11.1.b. Напечатаны на полукартоне (толстой бумаге) без в/з 23%

11.1.c. Напечатаны на бумаге с в/з «связанные звезды» 18%

11.1.d. Напечатаны на бумаге с в/з «грибы» 10%

11.1.e. Бланк без серии и подписи кассира (известны с в/з «связанные звезды») **RR**

Рис. «А» - желтый и оранжевый фон

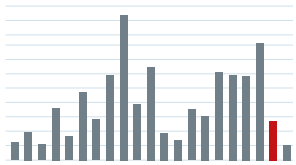
×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж
Фирфаров	Чухин	Овсянников	Шевелев	Еремич	Якименко	Тесленко

×З	×И	×К	×Л	×М	×Н	×О
Тимофеев	Лашкарев	Матчаный	Анфиногенов	Лабазников	Платонов	Шевченко

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	×З	×И	×К	×Л	×М	×Н	×О	Редкость литеры
А×	6	13	7	7	7	15	8	11	10	15	18 тб	12	20 гр зв	12 гр	161
Б×	19 гр зв	9 гр	8 гр	10 гр	3	4	12 гр зв	12	6	5	22 тб зв	12 зв	16 тб зв	10 гр зв	148
В×		10 гр		17 тб		14 гр тб зв	7 зв	16 тб зв		6 тб зв	5 зв	7 зв	12 гр зв	7 гр зв	101
Редкость кассиров	25	32	15	34	10	33	27	39	16	26	45	31	48	29	**410**

тб — толстая бумага (полукартон) *гр* — водяной знак «грибы» *зв* — водяной знак «звезды»

5000 рублей



12.1.a. Напечатаны на бумаге с в/з «соты»

12.1.b. Бланк без серии и подписи кассира **RRR**

12.1.P1. Пробный с подписью Я. Ренеслаца с фоном розово-желтого цвета, без в/з **Ex.Rare***

*Известен в единственном экземпляре

12.1.P2. Пробный с подписью Я. Ренеслаца с фоном зелено-желтого цвета, без в/з **Ex.Rare***

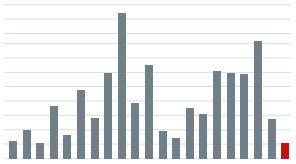
×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж
Фирфаров	Чухин	Овсянников	Шевелев	Еремич	Якименко	Тесленко

×З	×И	×К	×Л	×М	×Н	×О
Тимофеев	Лашкарев	Матчаный	Анфиногенов	Лабазников	Платонов	Шевченко

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	×З	×И	×К	×Л	×М	×Н	×О	Редкость литеры
А×		17	2	3		13	1	11	2	17	12	12	15	34	139
Редкость кассиров		17	2	3		13	1	11	2	17	12	12	15	34	139

*Известен в единственном экземпляре

10 000 рублей



13.1. Напечатаны на бумаге с в/з «соты»

13.1.Р. Пробный, фон розово-коричнево-зеленый *В коллекциях не известен*

×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	×З	×И	×К	×Л	×М	×Н	×О
Фирфаров	Чухин	Овсянников	Шевелев	Еремич	Якименко	Тесленко	Тимофеев	Лашкарев	Матчаный	Анфиногенов	Лабазников	Платонов	Шевченко

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	×З	×И	×К	×Л	×М	×Н	×О	Редкость литеры
А×		30				2	3					2	5	12	54
Редкость кассиров		30				2	3					2	5	12	54

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА РЕДКОСТЕЙ ТУРКБОН ПО КАССИРАМ

ТАШКЕНТ

	А	Б	Бч	В	Г	Д	Е	Ж
	Фирфаров	Титов	Чухин	Овсянников	Шевелев	Еремич	Якименко	Рожновский
1 рубль	5	6	-	4	9	16	10	13
3 рубля	35	15	-	13	9	13	9	7
5 руб	11	11	3	12	5	12	9	1
10 руб	28	35	1	35	26	32	21	14
25 руб	13	13	-	16	12	16	8	12
50 руб	31	34	-	32	37	40	29	44
100 руб	28	19	-	20	19	22	19	19

ТУРКЕСТАН

А	Б	В	Г	Д	Е	Ж
Фирфаров	Чухин	Овсянников	Шевелев	Еремич	Якименко	Тесленко

З	И	К	Л	М	Н	О
Тимофеев	Лашкарев	Матчаный	Анфиногенов	Лабазников	Платонов	Шевченко

	×А	×Б	×В	×Г	×Д	×Е	×Ж	×З	×И	×К	×Л	×М	×Н	×О
1 рубль	11	89	18	40	28	30	56	-	33	-				
3 руб	21	76	46	35	113	40	128	11	39	5				
5 руб	-	18	35	17	29	32	38	-	22	9				
10 руб	17	36	38	22	31	57	101	19	9	8				
25 руб	-	-	-	-	10	17	13	31	21	7				
50 руб 1918	15	6	14	5	10	5	18							
50 руб 1919	9	18	20	7	18	25	31	15	22	13				
100 руб 1918	35	18	12	25	24	17	25							
100 руб 1919	25	10	19	24	18	34	19	58	58	47				
250 руб	57	36	48	47	55	27	9	-	18	-				
500 руб	36	22	20	9	5	1	25	31	41	49	1	1	28	29
1000 р	25	32	15	34	10	33	27	39	16	26	45	31	48	29
5000 р	-	17	2	3	-	13	1	11	2	17	12	12	15	34
10 000 р	-	30	-	-	-	2	3	-	-	-	-	2	5	12

БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ

Таинственные «джавровки» и загадка Мервских надпечаток

Кузнецов А.Ю. (Москва)
Парамонов О.В. (Москва)

БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ

Таинственные «джавровки» и загадка Мервских надпечаток

«А ежели вовсе не судьба нам свидеться, Катерина Матвеевна, то знайте, что был я и есть, до последнего вздоха, преданный единственно вам одной. И поскольку, может статься, в песках этих лягу навечно, с непривычки вроде бы даже грустно. А может, от того это, что встречались мне люди в последнее время душевные, можно сказать, деликатные.

Тому остаюсь свидетелем, боец за счастье трудового народа всей Земли, Закаспийского интернационального революционного пролетарского полка имени товарища Августа Бебеля, красноармеец Сухов Федор Иванович»

Предисловие о сути вопроса

Воевавший в раскаленных песках Закаспия легендарный красноармеец товарищ Сухов наверняка должен был иметь в карманах своих галифе полученные в качестве жалования денежные знаки Асхабадского отделения Народного банка. И столь же несомненно, что все эти деньги, что были у него на руках, проштемпелеваны были разными чернильными печатями, в тексте которых значился город Мерв…

Не одно поколение коллекционеров, рассматривая позднее всевозможные надпечатки на деньгах Закаспийского Временного Правительства (ЗВП)[1], задавалось вопросом — откуда такое разнообразие? Не слишком ли много их для весьма небольшого уездного города, каковым являлся Мерв?

[1] Временный исполнительный комитет Закаспийской области (Закаспийское Временное Правительство), созданный в результате антибольшевистского восстания рабочих в Асхабаде 11–12 июля 1918 г. В состав Правительства входили эсеры, меньшевики, туркменские ханы, дашнаки, представители дореволюционной администрации. К 21 июля 1918 г. почти на всей территории Закаспийской области была установлена власть повстанцев, сосредоточенная в руках стачечных комитетов.

В коллекциях можно было встретить печати и штампы Мервского уездного казначейства, несколько видов штампов и печатей Мервского отделения Туркестанского Народного банка. При этом встречались и по несколько надпечаток, проставленных одновременно на одном знаке — пара–тройка одинаковых или различных.

Делались попытки их систематизации по хронологическому принципу — от «белогвардейских» — с «царскими» орлами в печати, — проставленных якобы еще при власти Закаспийского Временного Правительства (правда, не пояснялось, зачем властям уездного города понадобилось придавать дополнительную легитимность законным платежным средствам центрального правительства в Асхабаде), — до «советских», проштампованных уже после занятия большевиками Мерва.

Не менее занимательна и так же далека от истины версия, «объясняющая» причину появления двух разновидностей печати Мервского отделения Турнарбанка — с белым и темным шрифтом — дескать, сначала резчик печатей ошибся и сделал печать в «негативе», а потом исправил свою ошибку[2].

[2] См.: *Жуков А. Малышев В.* Денежные эмиссии Средней Азии, — СПб, 2005.

Известные исследователи говорили о большом количестве поддельных надпечаток, обращая внимание на свежие чернила некоторых штампов[3].

Ответ на вопрос о причинах и назначении такого количества разнообразных надпечаток удалось обнаружить в документах Государственного архива Республики Узбекистан.

Материалов, относящихся к интересующему периоду и месту, сохранилось немного, однако они дают представление о том, как функционировала денежная система с момента занятия города Мерва и большей части Закаспия отрядами Красной Армии в 1919 году.

[3] *Соколов В.М.* Полный каталог бон, выпущенных на территории СССР в 1914–1925 гг. Вып. 6. «Средняя Азия». — Ростов-на-Дону, 1938.

Мерв — «столица» Советского Закаспия

Стелем рельсы мы и шпалы, И чугунку в степь ведем;
Верст прошли уже немало, Скоро к Мерву подойдем…

Из песни, сочиненной солдатами железнодорожного батальона при постройке Закаспийской военной железной дороги (1885–1888 гг.)

Установление Советской власти в Закаспии проходило довольно долго и болезненно[5]. Ввиду местных особенностей (крайне малого количества пролетариата), влияние большевиков было слабым; в Асхабаде среди железнодорожных рабочих верховодили эсеры, меньшевики и всякий прочий винегрет типа профсоюза железнодорожных священников(!).

Герб Закаспийской области, утвержденный 31 января 1890 г.: «В лазуревом щите с золотою оконечностью, серебряный тигр, без когтей с червленными глазами и языком, держащий в правой лапе золотой лук с таковою же порваною тетивою. Щит увенчан царскою короною и окружен золотыми дубовыми ветвями, соединенными Александровскою лентою»[4]

В июне 1918 года в Закаспийской области была объявлена всеобщая мобилизация в Красную Армию. Воевать за новую власть железнодорожники решительно не желали, их не призывали в армию даже на мировую войну. Добавим сюда развал экономики, репрессии новой власти — и вскоре произошло неслыханное: закаспийский пролетариат поднял восстание против диктатуры пролетариата. Неожиданно и достаточно быстро большевистская власть в Асхабаде была свергнута рабочими дружинами. Части Красной Армии были разоружены, Ревком ликвидирован, большевистский Совдеп распущен и переизбран новый…

«Положение катастрофическое …В Асхабаде восстание приняло грандиозные размеры: захвачены военные склады, правительственные учреждения, — телеграфировал Ленину о «контрреволюционном мятеже» предсовнаркома Туркестанской Республики[6]. — *В момент смертельной опасности жаждем слышать ваш голос. Ждем поддержки деньгами, оружием, снарядами и войсками»*[7].

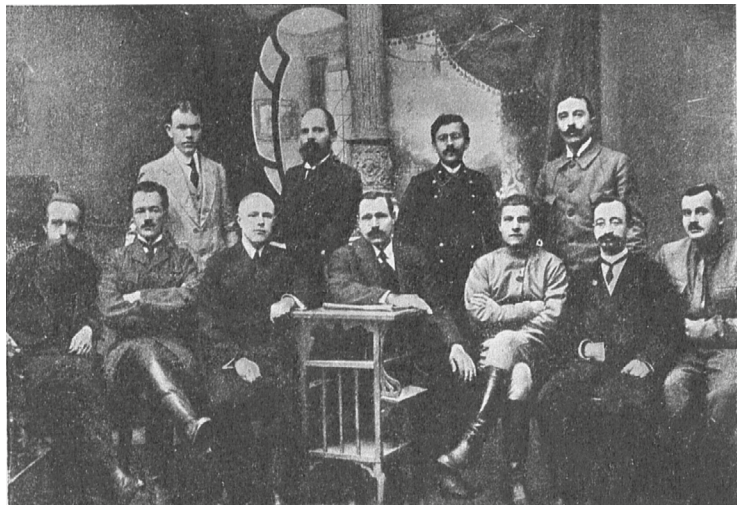
[4] Полное Собрание законов Российской империи. Собрание третье (1881–1913). (Далее: ПСЗРИ-3). Т. X, 1890. Ст. 6568. Рис. Ч. 2. Л. 2.

[5] В начале декабря 1917 г. в Асхабаде на IV Краевом съезде Советов Закаспийской области было принято постановление о переходе власти к Советам по всей области.

[6] 30 апреля 1918 г. на V Краевом съезде Советов территория Туркестанского края была объявлена автономной Туркестанской Советской Республикой в составе Российской Советской Федерации: *«В состав Туркестанской Республики входит вся страна Туркестан в ее географических границах, исключая Хиву и Бухару»* (Наша газета — Ташкент, 5 мая 1918 г. № 89).

[7] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 2. Д. 734. Л. 71.

Сразу же после захвата власти восставшие[8] образовали новое краевое правительство. Летом 1918-го под их контролем уже вся магистраль сквозь пески от Красноводска на Каспийском море до Асхабада, Байрам-Али[9] и станции Каахка[10].



Закаспийское правительство. В центре — глава правительства Ф. Фунтиков[11]

«Демократическое» Закаспийское правительство не отличалось особой устойчивостью, но вскоре приходят англичане для: *«а) восстановления спокойствия и порядка в Закаспийском крае и Русском Туркестане и б) оказания сопротивления турко-немецким планам военных захватов и политического господства»*[12]. Ситуация на этом стабилизируется.

Реальная власть в Закаспии находилась у английского командующего генерала Малессона[13].

[8] Асхабадское восстание рабочих-железнодорожников против большевиков 12 июля 1918 года Результатом восстания явилось образование Закаспийского Временного Правительства.

[9] Байрам-Али — основанная в 1887 года станция Закаспийской железной дороги в 70 верстах к востоку от уездного Мерва и в 300 верстах от Асхабада.

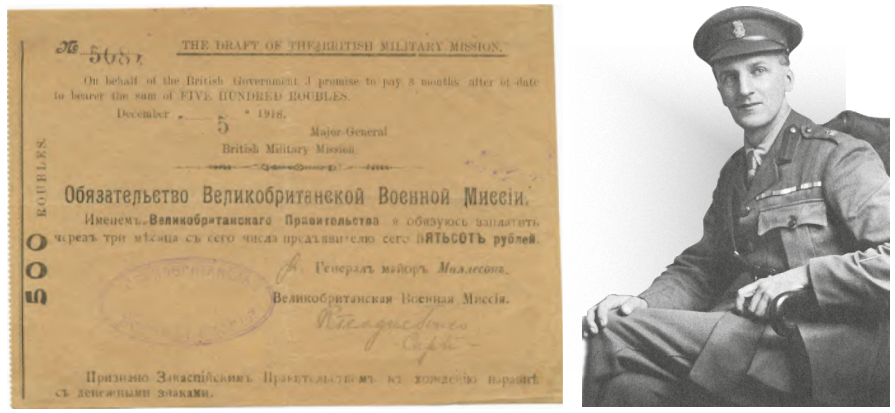
[10] Каахк — заштатный город Тедженского уезда, административный центр Атекского оазиса.

[11] Фунтиков Федор Адрианович (1875–1926) — рабочий (паровозный машинист), член партии эсеров, один из руководителей антибольшевистского восстания рабочих в Асхабаде 1918 года. Судим и расстрелян по обвинению в убийстве 26 бакинских комиссаров.

[12] Из Протокола соглашения представителя английского командования с Закаспийским правительством от 19 августа 1918 года // ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 56. Л. 53.

[13] Уилфред Маллесон (1866–1946) всю карьеру сделал как штабист и офицер разведки; единственная его строевая должность — командир бригады в течение нескольких месяцев 1915-1916 годов в Восточной Африке. В Мешхед его назначили руководить разведмиссией, потом эта миссия плавно перетекла в военную, а заменять Маллесона не стали.

Сообщая в конце января о венчании по православному обряду *«военно-дипломатического представителя Великобритании в Закаспии капитана Реджинальда Федоровича Тиг-Джонса*[14] *с нашей соотечественницей г-жой Алексеевой»*, асхабадская газета писала о многочисленных тостах на свадьбе за *«единение английского народа с русским, символически представленное молодой парой»*...


№ 5681

THE DRAFT OF THE BRITISH MILITARY MISSION.

On behalf of the British Government I promise to pay 3 months after to date to bearer the sum of FIVE HUNDRED ROUBLES.

December 5 1918.

Major-General
British Military Mission.

Обязательство Великобританской Военной Миссіи.

Именемъ Великобританскаго Правительства я обязуюсь заплатить черезъ три мѣсяца съ сего числа предъявителю сего ПЯТЬСОТЪ рублей.

Генералъ майоръ Маллесонъ.

Великобританская Военная Миссія.

Признано Закаспійскимъ Правительствомъ къ хожденію наравнѣ съ денежными знаками.

ROUBLES. 500

Р. Тиг-Джонс и его подпись на обязательстве Великобританской военной миссии 1918 г.

Вкратце напомним о том, что после Асхабадского восстания Красная Армия дважды брала Мерв — первый раз 15 августа 1918 года:

«На асхабадском фронте события развертываются с молниеносной быстротой, — писала в августе ташкентская «Наша газета». — *Успехи наших войск вызывают лихорадочную поспешность противника искать защиты где бы то ни было. Контрреволюционеры приготовились дать решительный отпор у ст. Теджен и Душак. ...Каждый шаг вперед наших войск является смертельным ударом мятежникам»*[15].

«Задорно хозяйничавшая власть реакционного офицерства пала», — ликующе объявляла газета «Трудовая мысль» после взятия Мерва и Теджена[16].

Однако большевики были выбиты оттуда через два месяца силами английского 28-го легкого кавалерийского полка и 19-го Пенджабского батальона[17]: *«в ночь с 28 на 29 Мерв нашими войсками был оставлен»,* — сообщал «Военный вестник» ТуркЦИКа.

[14] Реджинальд Тиг-Джонс (1889–1988) — капитан британской разведки, фактический заместитель Маллесона, организатор выпуска обязательств Великобританской военной миссии 1918 года. Был обвинен большевиками в организации расстрела 26 бакинских комиссаров и вынужден сменить свое имя в 1922 году на Рональд Синклер из-за возможного преследования агентов советских спецслужб.

[15] Наша газета. — Ташкент, 27 августа 1918 г. № 178.

[16] Трудовая мысль. — Ташкент, 20 августа 1918 г. №166.

[17] В отличие от поздней советской историографии, которая говорила о блестящих победах над «интервентами», в 1920-х годах издавались мемуары участников боев с англичанами, где описывались все военные неудачи Красной Армии при столкновениях с расквартированным и в Закаспии британскими солдатами (См.: *Паскуцкий Н.А.* К истории гражданской войны в Туркестане. — Ташкент, 1922).

«Услуги англичан неоценимы, — писал белогвардейский «Голос Средней Азии». — *С их помощью мы стали наступать, взяли Душак, Теджен, Мерв и Байрам-Али. В некоторых случаях их содействие было исключительным, а временами вся тяжесть боя ложилась на плечи наших союзников»*[18].

Герб уездного г. Мерва, утвержденный 22 октября 1908 г.: «В верхней серебряной части пересеченного щита — натуральный куст хлопчатника, в нижней червленой — две накрест положенные серебряные текинские шашки с такими же перевязями. В вольной части — герб Закаспийской области»[19]

Бои стихли до весны. Как и из других областей России, весной 1919 года отсюда начался вывод иностранных частей. Малессон обратился к Деникину, предлагая ему «взять Закаспийскую область под свою защиту». После ухода английских войск из Асхабада 1 апреля 1919 года руководство антибольшевистскими силами стремительно теряло власть.

В мае советские войска перешли в решительное наступление на Закаспийском фронте: 17-го числа взята станция Анненково, пару дней спустя — станция Курбан-Кала. 21 мая после упорного боя захвачена железнодорожная станция Байрам-Али. Второй и последний раз Мерв был взят 23 мая 1919 года. В июне 1919 года красные вышли к станции Каахка, в какой-то сотне верст от Асхабада.

Еще 26 февраля 1918 года приказом СНК Туркестанского края город Мерв был объявлен центром Закаспийской области[20]. Чрезвычайный комиссар Туркестанского края П.А. Кобозев телеграфировал в Петроград о том, что *«Асхабад — крупный контрреволюционный эсеро-меньшевистский центр, базирующийся на власти Управления железной дороги».* Именно поэтому Совнарком Туркестана решил перенести Управление дороги в Ташкент, а областным центром Закаспия сделать Мерв, где влияние большевиков было сильнее. Здесь сосредоточилась вся областная власть, здесь же проходили выездные заседания комиссии ТуркЦИКа[21], пока Асхабад оставался под властью белых.

[18] Голос Средней Азии, 14 марта 1919 г. № 50.

[19] ПСЗРИ-3. Т. XXVIII. 1908. Ст. 31079. С. 767–768; Рис. Ч. 2, Л. 28.

[20] Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан (ЦГА РУ). Ф. 25. Оп. 1. Д. 35. Л. 84.

[21] ТуркЦИК (Центральный исполнительный комитет съезда Советов Туркестанской Советской Республики) — высший орган государственной власти ТСР, провозглашенной 30 апреля 1918 г. на V краевом съезде Советов в Ташкенте.

Сам город Мерв[22] был основан как русский военно-административный центр в 1884 году. Тогда, после взятия М. Скобелевым Геок-Тепинской крепости, в результате мирных переговоров, на которых М. Алихан-Аварскому[23] удалось склонить к миру и перейти в российское подданство воинственных текинцев, к России отошел весь Мургабский оазис — «независимая разбойничья туркменская область»[24]. Там, на месте текинской крепости, русские построили город, который назвали именем находившихся в 30 верстах руин древнейшего города Средней Азии, известного с середины первого тысячелетия до Р.Х.

«Верстах в восьмистах от Красноводска, в долине реки Мургаб, расположился город Мерв. Сама линия железной дороги как бы делит весь город на две части, из которых каждая носит свое специальное название, по роду занятий своих обывателей. Правая часть, как населенная более людом торговым, носит и название торгового города, левая же, сосредотачивающая в себе казармы местных войск, местные административные управления, городской сад, городское собрание и еще кое-какие места и здания, свойственные каждому уездному городу, носит название военного города. Как торговый, так и военный город, взятые вместе, составляют один общий Мерв, но только Новый-Мерв, так как настоящий город, в котором мы находимся, не имеет ничего общего с тем Мервом, который когда-то имел свою огромную историю на Востоке и который в настоящее время уже не существует…

Город Мерв по занимаемой им площади много меньше города Асхабада, но, тем не менее, далеко не уступает в своем благоустройстве последнему, а даже в некоторых случаях и превосходит его…»[25]

Как и Асхабад, уездный город застроен был в основном одноэтажными домиками, в большинстве случаев из сырого кирпича. Однако здесь куда больше зелени, не было той изнуряющей пыли, что в душном Асхабаде и что самое главное — тут имелась река. Пусть воды ее и напоминали цветом не то кофе, не то шоколад, но, тем не менее, это была влага, которая оживляла все под знойными лучами южного солнца.

Жаркой весной 1919 года в Мерве обосновались комиссары Советского краевого правительства. Закаспийская область разделилась на две части с двумя «столицами»: в Асхабаде и Мерве.

[22] С 1937 г. город носит название *Мары*. Ныне третий по величине город Туркменистана.

[23] Максуд Алиханов-Аварский (1846–1907) — тифлисский губернатор, русский генерал, аварец по национальности, участник Русско-турецкой войны и туркестанских походов, ставший первым градоначальником Мерва.

[24] *Чарыков Н.В.* Мирное завоевание Мерва (Из воспоминаний о походе генерала А.В. Комарова в 1885 г.) // Исторический вестник, 1914. № 11.

[25] *Олсуфьев А.А., Панаев В.П.* По Закаспийской военной железной дороге. Путевые впечатления. — СПб., 1899. С. 72–73.

После того, как большевиками была занята значительная территория Закаспия, остро встал вопрос о том, какими деньгами расплачиваться с рабочими, служащими и крестьянами, сдававшими сельхозпродукты для нужд новой власти.

Согласно принятому в Москве решению, все денежные знаки, выпущенные «враждебными Советской власти правительствами», признавались, безусловно, недействительными и аннулировались. Однако сроки и порядок этих операций предоставлялось устанавливать местной советской власти:

> *«…Народный комиссариат Финансов уведомляет Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции, что по общему правилу белогвардейские денежные знаки аннулируются, но выбор момента по аннуляции предоставляется местным властям …в зависимости от снабжения занятого района общероссийскими денежными знаками и других условий…»*[26]

[26] РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 1. Д. 603. Л. 46.

Ввиду крайней нехватки в крае дензнаков советского образца, первое время все выплаты гражданским лицам и даже жалование красноармейцам приходилось выплачивать «контрреволюционными» асхабадскими дензнаками и в советской части Закаспийской области.

Ретроспектива — история выпуска «джавровок»

Здесь уместно будет рассказать несколько подробнее об этих разменных денежных знаках, которые в свое время прозвали *«джавровками»* по имени владельца асхабадской типографии, где они были изготовлены.

Асхабад — город, основанный русскими на месте Туркменской крепости в 1881 году. *«Здесь, в Средней Азии, в городе, так близко отстоящем от Персии, я уже ожидал встретить яркий и сказочный Восток*, — писал в своих путевых заметках Юлиус Наполеон Вильгельм Хартевельд (известный в России под именем Вильгельма Наполеоновича Гартевельда)[28]. — *Ничего или очень мало подобного представляет собой Асхабад в этом отношении. Конечно, объясняется это тем, что город, в сущности, является лишь огромным русским поселком. При этом должен сказать, что я, немало пошатавшийся по белу свету, еще не встречал места в климатическом отношении более капризного, чем Асхабад. Слово „Асхабад“ — персидское, и в русском переводе означает „приятное место“. Однако думаю, что увлекающийся сын знойного Ирана не без пристрастия дал городу такое название»*[29].

В 1882 г. Укрепление Асхабад в служебной переписке уже именовалось городом. 22 октября 1908 г. был утвержден герб г. Асхабада[27]. В соответствии с правилами украшения городских гербов 1857 г. имел в обрамлении Александровскую ленту с двумя золотыми молотками, предназначенную для «промышленных городов»

К 1915 году в Асхабаде насчитывалось 68 предприятий — в большинстве своем полукустарных и с общим количеством рабочих всего 200–300 человек. К числу сравнительно крупных относились железнодорожное депо, электростанция, несколько десятков хлопкоочистительных и кирпичных заводов, а также 3 типографии.

[27] ПСЗРИ-3. Т. XXVIII, 1908. Ст. 31079. С. 767–768; Рис. Ч. 2. Л. 27.

[28] Гартевельд Вильгельм Наполеонович (1859–1927) — композитор, дирижер, фольклорист, получивший известность в нашей стране не столько благодаря своим оперным произведениям и романсам, сколько в силу своего необычного интереса к тому, что сегодня называется «блатной» песней, а на рубеже XIX–XX вв. гордо именовалось «каторжным фольклором», который он собирал в Сибири и публиковал, исполнял на концертах.

[29] *Гартевельд В.Н.* Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана (1913). — М., 1914.

В одной из них — принадлежавшей Захарию Джаврову[30] — и была организована краевая Экспедиция заготовления государственных бумаг.

«Разменные денежные знаки Асхабадского отделения Народного банка», отпечатанные в «Электропечатне З.Д. Джаврова», выглядели неказисто — качество и художественное исполнение этих выпущенных в 1919 году дензнаков антибольшевистского Закаспийского Временного правительства было весьма низким.

Однако в момент острого кризиса даже такие бумажки были как нельзя более кстати. До конца 1918 года Закаспийское правительство существовало на захваченные после прихода к власти суммы, однако ресурс этот оказался не столь уж обширным.

Исполняющий обязанности министра иностранных дел ЗВП Ю. Макаров сообщал в своем докладе уполномоченному ВСЮР, что *«финансовое положение асхабадского правительства вслед за изгнанием комиссаров было критическое. Восстание началось, имея в своем распоряжении 5 600 000 бумажных рублей, но к августу удалось захватить в Красноводске 70 млн. Николаевских денег*[31]*, которые переправлялись большевиками в Ташкент»*[32].

К концу года разразился серьезный кризис. *«Сейчас мы на краю финансового краха*, — с горечью констатировала эсеровская газета в конце ноября. — *В самые ближайшие дни нечем будет платить бойцам, не на что будет покупать продовольствие, нечем будет платить чиновникам, рабочим, учителям и всем другим, кто так или иначе зависит от государственной казны. Такое положение невыносимо, и оно может повести к гибели всего нашего дела, так блестяще теперь завершающегося…*

Считаясь с грозным финансовым положением, наше правительство снова обратилось к спасшей нас Англии — на этот раз за денежной помощью…»[33]

Несколько позднее, описывая историю участия британцев в борьбе с большевиками, асхабадская газета с благодарностью указывала на то, что среди прочего *«во внутренней жизни края англичане проявили достаточно благожелательности, оказав нам временную финансовую помощь, когда у нас иссякли наши собственные средства»*[34].

[30] Захарий Давидович Джавров, выпускник Михайловского военного училища (1881 г.) и капитан артиллерии в отставке, издатель либеральной газеты «Асхабад», выходившей с 1899 по 1917 год.

[31] Кроме этого были захвачены также средства Красноводского совета в сумме 1.542.768 руб. *«В начале своей деятельности эсеровскому правительству Закаспия удалось захватить 71 млн. рублей, высланных Советским правительством в Туркестан»* (См.: *Голубева Р.* Борьба с интервенцией в Закаспии. // Военно-исторический журнал, 1940. №4).

[32] ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 56. Л. 40.

[33] Голос Средней Азии. — Асхабад, 23 ноября 1918 г. № 152.

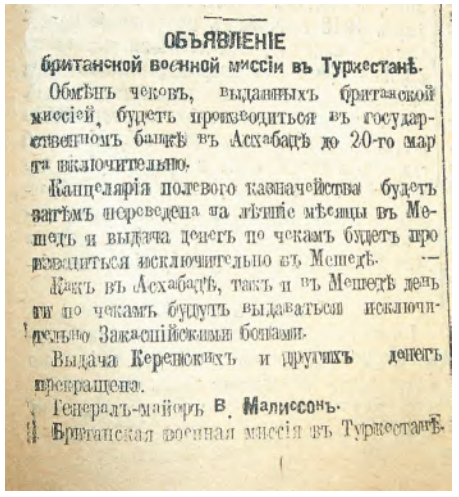
[34] Голос Средней Азии. — Асхабад, 14 марта 1919 г. № 50.

У. Маллесон

Речь шла о выпуске 500-рублевых временных обязательств Великобританской военной миссии — пресловутых «маллесоновках», интереснейшая история которых заслуживает отдельного обстоятельного рассказа на страницах одного из будущих сборников «Альманаха».

Усилиями же финансового ведомства Закаспийского правительства удалось наладить[35] выпуск местных бон: 250-, 100-, 50-, 25-, 10- и 5-рублевых дензнаков для нужд торгового оборота. *«Видя, с каким трудом достается обещанная субсидия, и, ощущая острую нужду в деньгах, правительство, скрепя сердце, решилось на последнее средство — выпуск самостоятельных закаспийских бон. Прилагались все усилия, дабы получить английскую*

Обязательство в 500 рублей Великобританской военной миссии от 14 января 1919 г.



Объявление об обмене Обязательств Великобританской военной миссии на закаспийские боны

гарантию выпускаемым деньгам, но все, что правительству удалось добиться, это было „согласие“ Великобританской военной миссии на указанную эмиссионную операцию. Конечно, никакой гарантией это согласие служить не может. К печатанию денег было приступлено 25 января. До настоящего времени (имеется в виду начало апреля 1919 г.) *их напечатано 120 млн.»*[36].

[35] Именно промедление в вопросе о выпуске бон «слишком поздно получившем надлежащее направление» из-за «громоздкости исполнительного комитета», послужило причиной правительственного кризиса и одним из формальных поводов к реорганизации ЗВП 2 января 1919 года, когда был образован Комитет общественного спасения, или Директория в составе 5 комиссаров, утвержденных Исполкомом (См.: Журнал Комитета общественного спасения Закаспийской области. // ГАРФ. Ф. 9431. Оп. 1. Д. 21).

[36] ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 56. Л. 41.

На невзрачных билетах, отпечатанных в Асхабаде на бумаге без водяных знаков, значилось: **«Размѣнный денежный знакъ Асхабадскаго отдѣленія Народнаго банка».**

На фоне сетки с контуром восходящего яркого солнца помещалось изображение герба Закаспийской области, утвержденного в 1890 году. Как дань революционной эпохе, «древняя царская корона», что венчала геральдический щит, заменена была в рисунке на двуглавого «республиканского» орла без регалий.

Естественно, что тексты на отпечатанных в газетной типографии Захария Джаврова бонах выполнены были на русском языке.

Русские старожилы, обосновавшиеся здесь, называли себя «старыми закаспийцами», в отличие от «старых туркестанцев», как именовали себя старожилы Ташкента, Самарканда и других городов восточной части Русской Средней Азии.

«Восток — дело тонкое». Помимо текстов на русском языке номиналы разменных денежных знаков ЗВП обозначены были на обороте по-тюркски и по-армянски.

Еще во второй половине XIX столетия армяне — выходцы из Зангезура, Карабаха, Западной Армении переселялись в Закаспийский край и Туркестан. Причины массового переселения были разные, но основной из них было экономическое и социально-политическое положение, создавшееся как в Восточной (которая к тому времени входила в состав Российской империи), так и в Западной Армении.

Перепись 1897 года в Закаспийской области зарегистрировала чуть более 4 тысяч армян. В основном это были купцы, ремесленники и нефтеразработчики. В 1913 году общее число армян в Туркестане составляло уже 15541 человек.

Наибольшее число их проживало в Асхабаде[37], Мерве, Узун-Аде, Красноводске, Кизыл-Арвате. Объяснялось это тем, что здесь были центры оживленной торговли и шло большое строительство.

«Вообще, армянин — обычный торговец и промышленник Азии. Он освоился с нею как с родным домом еще в ветхозаветные века и безо всякого труда пускает здесь корни везде, где ему это нужно. И к нему здесь привыкли с незапамятных времен, так что даже в самых диких местностях он является чем-то вполне естественным, вполне на своем месте.

В этом смысле можно, пожалуй, считать армянина передовым цивилизатором азиатской дичи»[38]

После трагически сложившейся для армян войны с Турцией в 1915–1918 годах многие армянские семьи в поисках спасения бежали через Баку на пароме в Закаспий: тысячи и тысячи их расселились в Красноводске, Асхабаде, Мерве, Чарджуе.

Поэтому отнюдь не случайно кроме тюркских надписей появились на асхабадских разменных знаках 1919 года и армянские тексты.

Асхабадские разменные денежные знаки заверялись факсимильными подписями служащих Асхабадского отделения Госбанка, что размещался в доме № 24/2 на углу улиц Гоголевской и Багирской.

[37] По статистическим данным 1909 году из 43 тысяч человек населения Асхабада насчитывалось 11.876 русских, 14.437 персов, 6.813 татар, 6.201 армянин и т.д.

[38] *Марков Е.Л.* Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. — СПб., 1901.

[39] Используя арабскую письменность, тюркские народы одинаково записывали многие слова (к примеру, числительные), однако в устной речи произношение могло значительно варьироваться у татар, туркмен, узбеков, азербайджанцев и т.д.

Примечательно, что в тексте разменных знаков банк-эмитент поименован **«Народным»** — еще в начале 1918 года «Комитет семерки» (избранный на IV съезде Советов Закаспийской области местный Совнарком из 7 комиссаров), упразднив старые институты государственной власти, национализировал частные банки и коммерческую деятельность — тем самым проводя в жизнь Декрет от 14(27) декабря 1917 года[40] о введении государственной монополии на банковское дело. Употребленное в тексте Декрета «О национализации банков» имя нарицательное «народный банк» с конца января 1918 года стало употребляться как имя собственное Народный банк (сначала Российской Республики, затем — Народный банк РСФСР).

От Министерства финансов

Министерство финансов объявляет, что вновь выпущенные разменные денежные знаки пяти-десяти-рублевого достоинства отпечатаны по образцу тех ковъ перваго выпуска, но въ отличіе отъ послѣднихъ, на фонѣ зеленаго цвѣта.

Денежные знаки 50-ти рублеваго достоинства синяго цвѣта, ранѣе выпущенные, имѣютъ обязательное хожденіе наравнѣ с новыми.

В качестве первой подписи «Управляющего» проставлен был на разменных знаках факсимильный росчерк *М. Мельникова,* исполнявшего эти обязанности в то время, когда прежний глава Асхабадского Госбанка «ушел на повышение». В ноябре 1918 года «комиссары ЗВП» были переименованы в управляющих отделами[41]. Финансовым отделом правительства стал руководить бывший управляющий Асхабадским отделением Государственного банка Смирнов. Обязанности же контролера (исполнявшиеся ранее Мельниковым) были возложены на *Антипова,* чья подпись также была помещена на разменных знаках. Третья факсимильная подпись «Кассира» — *М.И. Неудачин.*

Контрразведка и хищения из типографии

Еще в первые дни противобольшевистского восстания летом 1918 года в Асхабад прибыл некий Семен Дружкин[42], который представлен был новой власти как верный человек с юридическим образованием — а значит, его можно зачислить в контрразведку для следственной деятельности над большевиками. В итоге Дружкин стал секретарем у председателя Исполнительного комитета Асхабада и главой «розыскного бюро» — местной контрразведки ЗВП.

Спецслужба эта была весьма разветвленной — в одном только Асхабаде имелось 11 контрразведывательных структур — военных и гражданских. «Розыскное бюро» Дружкина, возглавившего вскоре исполнительную власть Закаспия, боролось и с финансовыми преступлениями: *«17 и 18 сего июня контрразведкой при штабе войск Закаспийской области произведены были в гор. Асхабаде обыски и аресты лиц, прикосновенных к деятельности большевиков-коммунистов, при этом добыт важный материал, характеризующий их работу в тылу.*

Той же контрразведкой 18-го июня обнаружена и ликвидирована шайка, занимавшаяся систематическим хищением денежных знаков из типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг в г. Асхабаде; задержаны работавшие в названной типографии — Иван Каюров, Исаак Терсааков, Аванес Аванесьянц Загородников, Павел Почиканец, Степан Жежевский, Егор Кленкин, Федор Меринков, служащий в Казначействе Бирюков и в Народном банке Ивутин; у большинства из них найден изобличающий материал, и большинство созналось в своем участии в хищении»[43].

Недопечатанные знаки 250 рублей Асхабадского ОНБ

Фальшивки

«Выпущенъ по распоряженію / Закаспійскаго Временнаго / Правительства / Имѣетъ хожденіе наравнѣ съ / государственными кредитны– / ми билетами. / Поддѣлка преслѣдуется за– / кономъ», — указывалось в тексте на обороте разменных дензнаков.

Однако грозное предостережение о преследовании фальшивомонетчиков было слабой гарантией от подделки. Невысокого качества бумага, без каких бы то ни было водяных знаков, и простая двуцветная печать с примитивным рисунком не особенно препятствовали посягательствам фальсификаторов — современники вспоминали о невообразимом множестве фальшивок, наводнивших Асхабад.

Львиная доля их прибывала «из-за моря».

[40] Декрет о национализации банков. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства от 28 декабря 1917 г. № 10. Отдел первый. Ст. 150. С. 149–150.

[41] Совет управляющих отделами — исполнительный орган ЗВП.

[42] Семен Львович Дружкин является одним из самых загадочных персонажей в асхабадских событиях 1918–1919 годов До революции братья Дружкины унаследовали крупную ташкентскую фирму и имели связи с большевистским подпольем. По мнению, высказывавшемуся некоторыми историками, возглавлявший Розыскное бюро ЗВП Дружкин продолжал оставаться агентом ВЧК.

[43] Местная хроника. // Голос Средней Азии. — Асхабад, 20 июня 1919 г. № 126.

В Военной энциклопедии издания 1912 года указывалось: *«Каспийское море (Хвалынское), величайшее на земном шаре озеро, остаток „Сарматского моря“, которое вместе с Черным и Каспийским морями покрывало в начале третичного периода весь юг России…»*

Пароходная линия Баку — Красноводск была очень оживленным путем: до войны по нему в обоих направлениях двигались суда «Восточного пароходства», «Общества „Кавказ и Меркурий“» и других судовладельцев («Самолет», «Русь», «Кавмо», «Российское общество»), занятых перевалкой грузов и перевозкой пассажиров[44], следующих из Средней Азии на Кавказ, в Россию и обратно.

Близость морского пути в Баку не всегда служила добрую службу для Закаспия — кроме прочего, оттуда поступали и фальшивки.

Осенью 1919 года официоз Бакинского правительства — газета «Азербайджан»[45], — сообщала: *«Пристав 6-го участка Балахано-сабунчинского[46] полицмейстерства Ага-бек Эфендиев, получив сведения, что на дачах сел. Фатьмаи находится фабрика фальшивых монет, произвел там обыск, во время которого нашел целую литографию, печатающую разные кредитки. Литография, вполне оборудованная, состоит из печатной машины, двух камней со всеми принадлежностями. Литография в большом ящике была зарыта глубоко в землю. Найдены образчики 25 р. бакинских и 250 р. асхабадских бон. Обвиняемый в напечатании бон Али Кули Корбалай Геогджи и его соучастники Гуров и М. Горин арестованы. Во время обыска у последних найдено 30700 руб. фальшивых асхабадских бон 250-рублевого достоинства. Дознание производится»*[47].

[44] С 26 ноября 1918 г. Каспийский флот был передан в ведение «Великобританского морского транспорта».

[45] 28 мая 1918 г. было провозглашено создание протурецкого Мусульманского государства на территории Бакинской и Елизаветпольской губерний. Прежде редко кому известное географическое название «Азербайджан» стало названием государства и народа, до этого именовавшегося «кавказскими татарами», «закавказскими мусульманами» или «кавказскими тюрками». Созданная Турцией в Закавказье искусственная республика, по признанию турецкого дипломата Шукюра Эликага, явилась «связующим турецкие и среднеазиатские обширные пространства мостом».

[46] Балаханы и Сабунчи — нефтепромысловые районы и промышленные поселки в пригородах Баку. С 1920 г. Балахано-Сабунчинский район — один из административных районов Баку, расположенный в южной и юго-западной частях Апшеронского полуострова.

[47] Фабрика фальшивых денег. // Азербайджан — Баку, 8 октября 1919 г. № 215.

Незадолго до этого было раскрыто еще более масштабное предприятие фальшивомонетчиков.

В конце июля из контрразведки доставлен был в сыскную полицию города Баку некий Даниил Сушков, заподозренный в распространении поддельных дензнаков. После допроса с пристрастием ранее судимый Сушков вывел следствие на источник появления подделок: организованная группа состояла из широко известного в узких кругах фальшивомонетчика Георгия Дубровского, не менее известного по этому роду деятельности Константина Бурова, а также Мамед-Таги Азимова, Абдул Гасана Мешади Дадаш-оглы (кличка «Шурка»), Мир Афсалэ Гаджи Мир Гусейн-оглы, Абдул Касум Шакар-оглы и других. По словам Сушкова, которому платили по 200 рублей с каждой реализованной 1000 фальшивых, подпольная литография находилась где-то неподалеку от станции Насосной.

Некоторые из указанных им подозреваемых были задержаны в городе — при допросах выяснено точное место нахождения подпольной литографии, куда и направлена группа сыскных полицейских.

Герб губернского г. Баку, утвержденный 16 марта 1883 г.[48]

В указанном доме, откуда безуспешно пытались скрыться бегством Дубровский и Тагиев, были обнаружены действовавшая литография и десятки тысяч рублей уже изготовленных фальшивок. Все задержанные подписали признательные показания, причем Георгий Дубровский рассказал, что месяцев пять тому назад (т.е. примерно в марте-апреле 1919 г.) он в компании с Буровым изготовил фальшивых бон Закаспийского правительства на 2 миллиона рублей, и всю эту сумму присвоил тогда Буров, дав ему лишь 5 тысяч[49].

Что и говорить — объемы поставлявшихся в Закаспийскую область из Закавказья поддельных дензнаков были впечатляющими.

В целях борьбы с последствиями деятельности неугомонных фальсификаторов в июне 1919 года финансовым ведомством предпринято было еще одно дополнительное мероприятие. На невзрачные и никоим образом не защищенные от подделки «разменные денежные знаки» самого крупного 250-рублевого номинала в качестве дополнительной гарантии проставлялась печать Асхабадского отделения Госбанка:

[48] ПСЗРИ-3. Т. VI, 1886. Ч. 2. Рис. Л. 20.

[49] К обнаружению притона фальшивомонетчиков. // Азербайджан — Баку, 13 августа 1919 г. № 171. С. 3.

Образцы настоящих (слева) и поддельных (справа) 250 рублей

«Нам передали, что на днях местное отделение Госбанка выпускает денежные знаки 250-рублевого достоинства с поставленной на них гербовой печатью, что на несколько дней отдалит или, так сказать, гарантирует подделку фальшивознатчиков (в самом деле, здесь тяжело не согласиться со словотворчеством тогдашнего журналиста: изготовителя фальшивых «разменных знаков» не называть же «монетчиком»), *а к тому времени отделение, кажется, выпустит уже денежный знак 500-рублевого достоинства, исполнение работы которого, как нам передавали, превзойдет по своей красоте и изяществу все раннее выпущенные „джавровки“»*[50].

Печать Асхабадского отделения Госбанка на знаке 250 рублей ЗВП

[50] Гудок — Красноводск, 1919. № 13.

Цены

Невзгоды и трудности Гражданской войны все больше ударяли по бюджету обывателей — цены неизменно росли. Асхабадские газеты писали:

«Баранина в частной продаже поднялась до 22 р. за фунт, хотя на отсутствие пригона нельзя жаловаться, вчера, например, на текинском базаре продавался гурт штук в 400. Очевидно, мясники вздувают цены „по усмотрению“...»[51]

В июне 1919 года красные войска подошли к Асхабаду. В охваченном паникой городе началась эвакуация. Цены, как водится, снова выросли: молоко дошло до 10 рублей за бутылку, чурек из темной, смешанной муки — 4 рубля за фунт. *«Чем более усугубляется эвакуация, тем жизнь для остающихся здесь становится дороже,* — сетовала асхабадская газета. — *Казалось бы, меньше народу, меньше спроса на продукты и последних больше в предложении. Получается, однако, как раз наоборот...»*[52]

В Красноводске, куда съезжались охваченные паникой «буржуи», было не легче: *«Продуктов мало, цены с каждым днем поднимаются, огурцы дошли до 2 р. 50 к. за штуку, яблоки 10 р., кишмиша нет, табаку трудно достать, а по предельной цене* (т.е. максимальной цене, установленной властями с целью борьбы со спекуляцией) *и вовсе не имеется. Предельная цена была 60 руб., теперь с трудом можно найти по 100–120 р. Баранина пока 12 р. за фунт, но всем не хватает. Рыба — осетрина и белуга — 6–7 р., икра — 50–60 р., судак — 1 р. 50 к. за фунт, сельдь —1 р. 50 к. – 2 р. штука. Свежую рыбу, однако, не всегда можно получить. Цена на воду — 30 коп. ведро»*[53].

«Любители шашлыка в большом огорчении: много не разлакомишься им, так как порция его теперь стоит, будто бы не больше, не меньше, как 60 рублей. Впрочем, что в настоящее время дешево? Единственно, разве только человеческая жизнь. А все остальное — в высокой цене», — горько иронизировала в начале лета асхабадская пресса.

В середине июня на «валютном рынке» Асхабада тысячерублевая «думская» кредитка оценивалась в 3.800 рублей на асхабадские боны. Однако купюр этих в предложении почти не было. За тысячу рублей в 20- и 40-рублевых «керенках» давали 3.500–3.600 асхабадскими. Довоенные «николаевские» 100-рублевки расценивались в 800 (за 1-й сорт) и 600 рублей (за 2-й сорт). Пятисотрублевые «романовские» — по 2.500 асхабадскими бонами.

Турецкие лиры котировались по 1000–1050 рублей «джавровками», персидские краны[54] — по 40 рублей (25 кранов за 1000 асхабадскими).

[51] Голос Средней Азии — Асхабад, 17 июня 1919 г. № 123.

[52] Эвакуация и дороговизна. // Голос Средней Азии — Асхабад, 18 июня 1919 г. № 124.

[53] Голос Средней Азии — Асхабад, 22 июня 1919 г. № 128.

[54] Основой денежной системы Персии был *туман*, который еще в XIII–XIV вв. как счетно-денежная единица составлял 10 000 серебряных динаров. Туман делился на 10 *кранов* — первые серебряные монеты этого достоинства были отчеканены в Персии еще в 1826 г. и чеканились вплоть до 1930 г. В 1902 г. русский путешественник отмечал: *«Кран — это персидская серебряная монета, являющаяся основной монетной единицей. Теперь ее курс около 17 копеек, или за 100 рублей дают около 580 кранов. Но курс изменчив, хотя стоимость крана не опускается ниже 16,9. Действительно же кран стоит меньше»* (*Беляев Д.* От Асхабада до Мешеда. // Исторический вестник, 1904. № 5, С. 564–565). В конце военного 1914 г. курс составлял 24 коп. за 1 кран.

Подготовка к новому выпуску закаспийских знаков

У современного коллекционера зачастую информация о масштабной инфляции совзнаков 1920–1923 годов накладывается и на отношение к денежному обращению периода 1918–1919 годов. Иной раз можно встретить суждения о «ничтожности» для денежного обращения тех лет мелких разменных денежных знаков. Однако, как было показано выше, рыночные цены все еще обуславливали необходимость мелкономинальных денег.

Как бы ни развивались военные события, обстоятельства экономической жизни диктуют свои условия — необходимо решать финансово-экономические вопросы. Ситуация и в самом деле требовала принятия срочных мер: *«Вследствие отсутствия в обращении в Асхабаде денежных знаков мелких купюр, в особенности в 3 р., 1 р. и 50 коп., население испытывает большие затруднения при производстве купли-продажи разных предметов, и часто из-за отсутствия „мелочи“ приходится переплачивать лишнее. Торговцы от такого положения вещей не страдают, они совсем не заботятся о „сдаче“, зная, что сам покупатель позаботится раздобыть нужные знаки для расплаты. Ввиду таких обстоятельств с целью облегчить населению расчеты по купле-продаже среди группы гласных Асхабадской Городской думы возникла мысль о выпуске, под обеспечение городского имущества, бон мелких купюр. Разумеется, на осуществление этого предприятия, во-первых, необходимо, чтобы вопрос был обсужден всесторонне в Думе, а затем — испрошено разрешение правительства. Мы слышали, между прочим, что в ближайшее очередное заседание Думы вопрос об этом предполагается поставить на повестку»*[55].

На очередном заседании Городской думы 25 июня, после обсуждения вопросов помощи фронту, городской голова выступил с заявлением о необходимости выпуска мелких разменных знаков в виде городских бон: министерство давно уже обещало подобный выпуск, однако ничего так и не сделано. Управа предлагала приступить к самостоятельному выпуску городских бон.

Гласный думы Марголис отмечал на заседании, что «куда ни киньтесь, везде, действительно, нужна мелочь». Печатать новые деньги необходимо, но как это сделать, должна разработать особая комиссия, в состав которой он предлагал включить одного гласного Думы, одного представителя от Министерства финансов и одного — от контроля.

Один из присутствовавших на заседании Думы выразил обоснованное опасение, не обойдется ли печатание мелких купюр дороже самой их номинальной стоимости… Присутствующие дружно возразили, что себестоимость изготовления напрямую зависит от размера бон и мелкие купюры, хотя бы в виде марок, вполне окупят расходы на изготовление.

[55] Голос Средней Азии — Асхабад, 8 июня 1919 г. № 117.

Министр финансов Закаспия С. Покатов[56] дал собравшимся некоторые пояснения: *«Мы не успеваем печатать деньги. Неделю тому назад Азербайджанское правительство дало, наконец, свое разрешение на печатание наших денег в Баку. Но если мы будем печатать мелкие деньги, мы все равно не успеем печатать крупные. Поэтому Министерство финансов охотно пойдет навстречу Городской Думе, и чем скорее Дума осуществит свое намерение, тем лучше. Тогда может быть, можно будет крупные деньги печатать в Баку, а мелкие — здесь. Крупные прибавки на содержание служащих, продовольственные затруднения в связи с падением Мерва и Теджена — все это вызвало колоссальный рост денежной потребности — с суммой меньше миллиона теперь никто всерьез не считается. Раньше наш денежный расход в месяц выражался суммой 20–30 миллионов, а теперь — 60 миллионов. Деньги Юга России мы получим еще не скоро и не в таком количестве, чтобы сразу все выпустить»*[57].

Гласный Думы Тер-Степанов заявил на собрании, что, по его мнению, боны нужно печатать от имени Союза городов; выпуск же только асхабадских городских знаков не станет выходом из положения, поскольку уже в Фарабе, к примеру, их принимать не будут. Депутат Брагинский резонно возражал, что образования союза закаспийских городов можно ожидать бесконечно долго, меж тем как можно начать печатать городские асхабадские знаки в качестве областных, запросив о согласии по телеграфу другие самоуправления: *«Только не надо указывать, что это именно асхабадская Дума печатает — пусть будут деньги городских самоуправлений».*

Предложение было принято собравшимися, как и проект создания особой комиссии по вопросу выпуска бон. В качестве представителя от гласных Городской думы в нее был избран Джавров.

Принципиальное решение принято, однако практические шаги к его реализации все откладывались: на следующем заседании, что проводилось по вечерам в саду городской управы, обсуждение вопроса «о выпуске городских бон» снято с повестки дня, поскольку ни Министерство финансов, ни контроль не прислали своих представителей, и заседание комиссии не могло состояться, хотя *«бумага разноцветная для печатания бон уже найдена»*[58].

Тем временем в Красноводске тамошние городские власти, поддержав проект создания союза закаспийских городов, достаточно скептически отнеслись к планам выпуска муниципальных разменных бон, полагая, что выпуск разменных знаков должен быть предоставлен Закаспийскому правительству.

Так или иначе, стремительно развивавшиеся военные события поставили крест на проекте изготовления мелких разменных денег. Однако отпечатать новые закаспийские деньги крупных номиналов асхабадские власти успели *«Контролер Асхабадского отделения Народного банка города Мельников с соот-*

[56] Покатов (Цейль) Сергей Владимирович (1868–1934) — генерал-лейтенант, участник Русско-японской и Первой мировой войн. Во время революции 1917 г. вновь вышел в отставку и занял пост директора Ферганско-Бухарской железной дороги. В июле 1918 г. приехал по делам дороги в Асхабад и принял участие в восстании против большевиков. Одно время занимал должность председателя Временного правительства Закаспийской области.

[57] Местная хроника. // Голос Средней Азии — Асхабад. 26 июня 1919 г. № 131.

[58] Местная хроника. // Голос Средней Азии — Асхабад. 29 июня 1919 г. № 134.

ветствующим штатом чиновников командируется в город Баку по делу о печатании денег для Закаспийской области», — сообщала в воскресенье, 8 июня, асхабадская газета «Голос Средней Азии»[59].

Новые многокрасочные знаки номиналами в 10 и 500 рублей, заказанные в Баку Правительством Закаспия, по всей видимости, так и не успели выпустить в оборот — 9 июля Асхабад был взят большевиками[60].

500 и 10 рублей ЗВП, отпечатанные в Баку

8 июля 1919 года, опасаясь удара в спину со стороны большевистского подполья, белая армия[61] без боя оставила политический и экономический центр Закаспия[62].

Вышедшие из подполья асхабадские большевики созвали митинг, на котором избрали Временный революционный комитет, взявший власть в свои руки. На следующий день в город вошли части Красной Армии, без особых препятствий продвигавшиеся все дальше на запад.

В августе наступление Закаспийского фронта[63] было приостановлено ввиду переброски части сил на Северо-Восточный фронт — в Кизыл-Арвате[64] части задержались сравнительно долго, подтягивая тылы и производя ряд перегруппировок. Но уже 5 октября войска вновь двинулись вперед.

[59] Голос Средней Азии — Асхабад, 8 июня 1919 г. № 117.

[60] Косвенным подтверждением того, что эти знаки так и не попали в обращение, является абсолютное отсутствие на сохранившихся в коллекциях экземплярах каких-либо Мервских регистрационных надпечаток. При этом выпущенные буквально накануне взятия большевиками Асхабада 250-рублевые знаки с дополнительной печатью Госбанка достаточно часто встречаются с Мервскими регистрациями.

[61] Туркестанская армия была сформирована на базе бывшего Текинского полка при поддержке (финансами и снабжением) Великобританской военной миссии. Всего (на 1 мая 1919 г.) — около 9000 (7000 штыков и 2000 сабель).

[62] На фронтах. Взятие Асхабада. // Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, 30 августа 1919 г. № 195 (388), С. 2.

[63] Закаспийский фронт — один из четырех местных фронтов Туркреспублики, образованный 24 июля 1918 года для борьбы с белогвардейскими войсками ЗВП (Туркестанской армией) и английскими интервентами. 22 ноября 1919 года Закаспийский фронт преобразован в Закаспийскую армейскую группу, а все войска на красноводском направлении сведены в 1-ю Туркестанскую стрелковую дивизию.

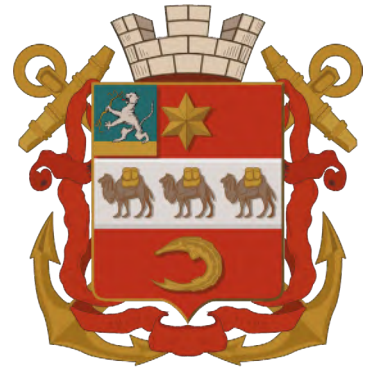
[64] Кизыл-Арват (Кзыл-Арват) — город и ж.д. станция в 219 километрах к северо-западу от Асхабада. Свое название («Красная девица», как утверждал «Путеводитель по Туркестану») город получил по имени бывшей текинской крепости. Ныне — г. Сердар в Туркмении.

Противостоявшая большевикам в Закаспии Туркестанская армия была отброшена к морю: «Асхабадский фронт» Белого Юга съежился до размеров уезда[65]…

8 августа, через три дня после ухода англичан, военные упразднили путавшееся под ногами «правительство», так называемый Совет министров Закаспия, и вся полнота власти перешла к военному командованию. Однако поражения следовали одно за другим, и в конце концов остатки армии были окружены в районе Красноводска[67] к началу 1920 года.

«Последний из опорных пунктов белой армии Закаспийской области — г. Красноводск, к великой радости, освободился от ига бандитов и соглашателей „черного Парижского интернационала“ [68] *и прихлебателей империалистов и буржуазии всего мира»,* — радостно возвещал ташкентский «Набат революции»[69].

6 февраля остатки армии на кораблях Каспийской флотилии ВСЮР[70] были эвакуированы из Красноводска в Дагестан[71]. Добровольческое командование на Северном Кавказе издало ряд распоряжений, по которым эвакуированным из Закаспия разрешено было производить обмен закаспийских «джавровок»:



Герб уездного г. Красноводска, Высочайше утвержденный 22 октября 1908 г.: «В червленом щите серебряный пояс, обремененный тремя навьюченными верблюдами. Пояс сопровождают: вверху — золотая шестиугольная звезда, внизу — свернувшаяся в кольцо золотая рыба. В вольной части — герб Закаспийской области»[66]

[65] 8 августа 1919 года Директория была расформирована, и край (точнее, не захваченную еще красными его часть) возглавил временно командующий войсками Закаспийской области генерал-майор С.Н. Лазарев, при котором был создан аппарат управления при Главноначальствующем области по образцу организации власти на деникинском Юге.

[66] ПСЗРИ-3. Т. XXVIII, 1908. Ст. 31079. С. 767–768. Ч. 2. Рис. Л. 26.

[67] 22 августа 1869 года Император санкционировал занятие русскими войсками «восточного берега Каспия», что и сделал осенью 1869 года «десантный отряд» полковника Н.Г. Столетова, который в том же году закладывает на туркменском берегу Каспия укрепление Красноводск.

[68] В период работы Парижской мирной конференции английская агентура в Туркестане попыталась организовать делегацию из буржуазии и духовенства для поездки во Францию, чтобы выдвинуть там требования «об освобождении Туркестана от большевистского ига».

[69] Набат революции. — Ташкент, 12 февраля 1920 г., № 22.

[70] Каспийская флотилия состояла из вооруженных пароходов общества «Кавказ и Меркурий» и других, в мирное время возивших нефть из Баку в Астрахань. Пароходы были вооружены и снабжены англичанами (коммодор — Д.Т. Норрис), сражавшимися на них с большевиками в 1918 году и передавшими их командованию Добровольческой армии летом 1919 года

[71] Небольшая часть на английских кораблях эмигрировала в Персию (Иран).

«Управление финансов разрешило Пятигорскому отделению Государственного банка и приписанных к нему Ессентукскому и Пятигорскому казначействам обменивать закаспийские боны в сумме не свыше одной тысячи рублей в месяц одному лицу и не более десяти процентов предъявленных к обмену бон. Обмен допускается в продолжении двух месяцев со дня опубликования этого разрешения в местных газетах...»[72]

«Распоряжением из Ростова боны, выпущенные ныне несуществующим Закаспийским правительством, разрешено менять военнослужащим на донские по расчету два рубля за рубль донских и в размере двухмесячного оклада каждому военнослужащему закаспийцу.

Официальный курс закаспийских бонов — гривенник за рубль.

Из Закаспия сообщают, что ташкентские большевики в Асхабаде установили курс закаспийских бон на 50 процентов ниже советских туркестанских денег»[73].

«Донские» деньги, на которые обменивались «джаврovки» белогвардейским бойцам эвакуировавшейся из Закаспия Туркестанской армии

Асхабад после взятия большевиками наполовину обезлюдел — примечательно, что к 1920 году город насчитывал всего 25 тысяч человек. На площади Скобелева (переименованной в «площадь Карла Маркса») обосновались новые власти.

«Большевики в Асхабаде. Прибывшие 16 сентября на пароходе „Экватор“ пассажиры из Красноводска передают со слов пленных, ...что в Асхабаде, переименованном в Полторацк[74]*, жизнь протекает далеко неудовлетворительно... Хлеб отпускается по карточкам не более полфунта на душу, по цене 1 р. 50 к. за фунт. Качество плохое. Мясо продается не ниже цен, бывших до прихода большевиков. Большевики выпустили новые кредитки в 100 и 250 р., асхабадские боны прежнего правительства нигде не принимаются, и только берут их текинцы, да и то со скидкой от 30 до 40 процентов»*[75] .

[72] Обмен закаспийских бон. // Терско-Дагестанский вестник. — Пятигорск, 9 августа 1919 г. № 109, С. 2.

[73] Закаспийские деньги. // Терско-Дагестанский вестник. — Пятигорск, 26 октября 1919 г. № 172, С. 2.

[74] 17 июля 1919 года Асхабад был переименован в *Полторацк* в честь погибшего революционного деятеля — народного комиссара труда и члена Военно-политического штаба Туркреспублики Павла Герасимовича Полторацкого. Направленный ТуркСНК в Закаспий для подавления «Асхабадского мятежи», в июле 1918 года он был расстрелян в Мерве. После 1927 года бывший административный центр Закаспийской области получил название *Ашхабад.*

[75] Большевики в Асхабаде. // Грозный. Ежедневная газета, 25 сентября (8 окт.) 1919 г. № 3, С. 2.

«...В Закаспийском крае до сих пор ходят тамошние „боны“, которые не принимаются ни в Персии, ни в Баку, ни на Кавказе, благодаря чему они страшно обесценены. Коробка спичек на обыкновенные деньги стоит 5 руб., а на боны 50 руб. и т.д. В Персии 500 рублей „романовских“ стоят — 6 туманов, „керенок“ — 5 туманов и донских 4 тумана серебром»[76].

Значительно дольше, чем в Асхабаде, ходили эти знаки в других районах Закаспийской области, в том числе в Красноводске. *«На закаспийском фронте пуд рису стоит десять тысяч рублей бонами или полтинник серебром»*[77],— сообщали из Ташкента наркому финансов РСФСР Н. Крестинскому в январе.

В начале 1920 года владикавказская газета «Кавказ» извещала: *«Лицо, пробравшееся из Красноводска, передает, что город полуразрушен... Немногочисленное мирное население голодает, питаясь почти исключительно рыбой. Красные ушли, оставив небольшой гарнизон в 300 человек. Ходят прямые поезда на Полторацк (Асхабад).*

Издан декрет об аннулировании с 1-го апреля асхабадских денег. Под угрозой большого штрафа воспрещается называть Полторацк Асхабадом...»[78]

В своем письме, отправленном жене в Ташкент из переименованного в Полторацк Асхабада, военврач Гершенович, избранный председателем фронтового медицинского съезда, писал 25 августа 1919 года: *«25/IX.1919. Полторацк. ... Для тебя я сделал все, что мог, достал 10 арш[ин] белой ткани двойной ширины из нее выйдет 2–3 сорочки для тебя, получу завтра еще столько же. Сегодня издан декрет об аннулировании асхабадских денег, у меня их было около 1000 руб., и я успел сегодня же обменять их на наши ташкентские... Завтра чуть свет отнесу это письмо в штабную экспедицию, не знаю только, хорошо-ли письма до тебя доходят...»*[79]

Обмен асхабадских бон

Политика Советской власти была такова, что ни в коем случае не признавались деньги «белых» правительств. В центре неукоснительно требовали недопущения их обращения и самого скорейшего аннулирования. Тем не менее, местным властям приходилось зачастую идти на поводу у обстоятельств.

Учитывая местную специфику Закаспия, то, что множество людей фактически останется без средств к существованию, а также потери для репутации нового правительства (ведь старыми «белогвардейскими» деньгами с людьми расплатилась уже новая власть), на заседании Совета при комиссаре финансов

[76] Грозный. Ежедневная газета, 2(15) ноября 1919 г. № 39.

[77] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 281. Л. 8.

[78] В Красноводске. // Кавказ. — Владикавказ, 26 февраля 1920 г. № 10, С. 3.

[79] Письмо, адресованное из Полторацка в *«Ташкент, Ирджарская ул., № 10, кв. Доктора Гершеновича, для Деборы Григорьевны Гершенович»* от 27.8.19 г. (из частного архива, г. Ташкент).

Туркреспублики 31 мая 1919 года было решено: *«Асхабадские боны аннулировать теперь же, но, в интересах беднейшего населения, разрешить выдачу советских бон в пределах прожиточного минимума одного месяца, выдавая эти суммы в течении месяца в обмен Асхабадских бон, принимаемых к уничтожению»*[80].

Июнь в Мерве прошел в поисках механизма обеспечения данного решения. Результатом стало решение заседания совместной комиссии ТуркЦИКа и штаба Закаспийского фронта под руководством председателя ТуркЦИКа А. Казакова 27 июня 1919 года:

> *«Для учета количества выпущенных Асхабадским правительством денежных знаков предлагается революционно-военному совету фронта издать приказ* ***о производстве регистрации всех денежных знаков этого правительства посредством наложения на них соответствующего штемпеля.***
>
> *Регистрация должна быть произведена в двухнедельный срок со дня издания приказа, после какого времени непредъявленные к регистрации денежные знаки Асхабадского правительства считать недействительными. При производстве регистрации также регистрировать и лиц, предъявляющих к штемпелеванию денежные знаки Асхабадского правительства»*[81].

Таким образом, буквально в течение двух недель планировалось зарегистрировать все асхабадские дензнаки у тех граждан, что имели право на обмен. Учитывая протяженность занятой территории Закаспийской области, в столь короткие сроки осуществить это централизованным образом было практически невозможно.

Тогда-то и был придуман едва ли не гениальный выход — командировать специально уполномоченных представителей одновременно в разные места области, где они должны были проштемпелевать те «джавровки», которые могли быть обменены на туркбоны по курсу один к одному[82]. При этом предполагалось обменивать до 25% суммы немедленно, а на остальные 75% выдавать квитанции с обязательством последующей оплаты.

[80] ЦГА РУ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 16. Л. 22.

[81] ЦГА РУ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 16. Л. 79.

[82] ЦГА РУ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 16. Л. 75.

Хоть Мерв и был объявлен большевиками центром Закаспийской области, но по факту в промышленном плане он за несколько месяцев таковым не стал. Небольшой уездный город на окраине страны, который обычно называют «захолустьем»: *«характерной чертой местной кустарной промышленности является ничтожная производительность отдельных заведений, первобытность их устройства, дешевизна изделий,* — утверждал «Путеводитель по Туркестану». — *…Фабрично-заводская промышленность только начинает развиваться в Туркестане».* Из предприятий полиграфических в городе лишь *«одна частная типография, 2 фотографии»*[83].

В условиях крайней срочности задания обеспечить всех агентов единообразными стандартными штампами не представлялось никакой возможности: командированным раздали все печати, которые смогли отыскать или изготовить в самые сжатые сроки. Именно это и послужило причиной впечатляющего разнообразия оттисков печатей и штампов, которые можно найти на сохранившихся дензнаках — у каждого из десятков уполномоченных была своя печать, которую он проставлял на купюрах асхабадских разменных знаков, зарегистрированных и допущенных к обмену на советские деньги. В дело пошли и дореволюционные гербовые печати уездного Казначейства, и его штампы, и различные штемпеля и печати вновь образованного на базе Казначейства отделения Турнарбанка.

Стоит ли говорить о том, что при такой постановке работы появлялось огромное поле для злоупотреблений — «белогвардейских» дензнаков на руках у населения осталось множество, и обыватели всеми правдами и неправдами стремились заполучить заветную печать на свои, как выразился реввоенсовет фронта, «бумажечки удравшего правительства»[84].

Туркбоны — деньги Советского Туркестана[85]*, на которые обменивались асхабадские разменные знаки с мервской регистрацией*

[83] Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Средне-Азиатской и Ташкентской. Под ред. А.И. Дмитриева-Мамонова. — СПб. 1912. С. 133, 181.

[84] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 125. Оп. 1. Д. 26. Л. 92об.

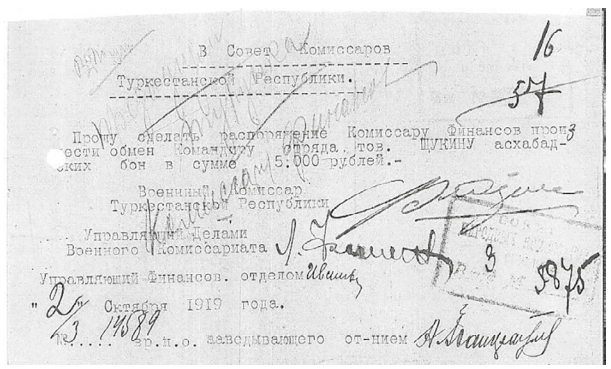
[85] Эмиссия «Временных кредитных билетов Туркестанского края» (туркбон) была узаконена (на сумму до 200 млн. руб.) декретом СНК РСФСР от 3 сентября 1918 г. (См.: Декреты Советской власти. Т.3. С. 283–284). Но уже через несколько дней постановлением СНК от 17 сентября 1918 года предельная сумма была повышена до 500 млн. рублей (См.: Декреты Советской власти, Т.3. С. 350–351). Разрешив выпуск туркбон, Правительство РСФСР тем самым приняло и ответственность за них на Федерацию в целом. В связи с таким решением на туркбонах последующих выпусков указывалось, что обеспечением их является «все достояние РСФСР». Сами туркбоны, таким образом, являлись своеобразной разновидностью федеративных денежных знаков, функционировавших на ограниченной территории.

Власти очень быстро это поняли, и уже 31 июля в Ташкенте комиссия ТуркЦИКа постановила отменить решение от 27 июня и полностью аннулировать асхабадские боны, списав в убыток Республики все уже обмененные[86]. Что же касается потерь, которые понесут от этого шага рабочие и крестьяне, то им предполагалось оказывать *«материальную помощь и поддержку в виде разнообразных пособий, ссуд и т.п.»*[87].

Очевидно, что на деле намного проще было обменять деньги, нежели оказать целевую помощь каждому нуждающемуся, в числе каковых оказалось бы практически все работающее население Закаспийской области. Поэтому вынесенное решение было лишь декларативным, что быстро осознали в Ташкенте. Уже через неделю, 7 августа, на заседании ТуркЦИКа было принято новое постановление: *«Ввиду того, что в момент очищения Закаспийской области от белогвардейских банд на местах не оказалось достаточного количества денежных знаков Советского правительства, что поэтому жалованье рабочим, красноармейцам и вообще трудящимся пришлось выплачивать знаками бывшего Закаспийского правительства, в дополнение к приказу, изданному об аннулировании асхабадских бон, издать приказ об обмене не свыше месячного оклада в том случае, где производилась расплата с красноармейцами и рабочими асхабадскими бонами»*[88].

Для избежания злоупотреблений запрещался непосредственный обмен денег частным лицам. Механизм предлагался следующий — граждане, получившие в свое время жалование асхабадскими знаками, обращались в те же учреждения, что выдали им это жалование, и сдавали его назад (но в сумме не более чем за 1 месяц). А уже само учреждение писало ходатайства об обмене скопившихся у него денег в Ташкент, где уже на высоком уровне принимали решение — обменивать или нет эти асхабадские дензнаки на туркбоны.

Крестьянам и дайханам[89] менять асхабадские деньги, даже полученные от Советской власти, запрещалось, а в качестве компенсации убытка им были обещаны льготные ссуды. Запрещение мотивировалось тем, что Закаспийское правительство все еще существует и продолжает выпускать свои боны.


В Совет Комиссаров
Туркестанской Республики.
16
57
Прошу отменить распоряжение Комиссару Финансов произвести обмен Командиру отряда тов. ЩУКИНУ асхабадских бон в сумме 5.000 рублей.-
Военный Комиссар
Туркестанской Республики
Управляющий Делами
Военного Комиссариата
Управляющий Финансов. отделом
3
3845
"2" Октября 1919 года.
№ 11589
и.о. заведывающего от-нием

Насколько сложен и обременен бюрократическими проволочками был разрешенный процесс обмена, красноречиво показывает сохранившийся документ

[86] ЦГА РУ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 16. Л. 78.

[87] ЦГА РУ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 16. Л. 76.

[88] ЦГА РУ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 31. Л. 277.

[89] В Туркмении местных земледельцев именовали «дайханами» вместо более привычной формы «дехкане».

той эпохи: для обмена командиру красноармейского отряда некоему товарищу Щукину 5000 асхабадских рублей (к тому времени уже не слишком большая сумма — приблизительный размер месячного жалования) в Совет народных комиссаров писал прошение не кто иной, как военный комиссар (так назывался министр обороны) Туркреспублики, с просьбой к верховному исполнительному органу Туркестана дать соответствующее распоряжение комиссару финансов. И только после этого комиссар финансов направлял свое распоряжение в Ташкентский банк, который, собственно, и занимался обменом.

Последующие приказы руководства Туркестанской Республики от 9 и 30 сентября 1919 года и 20 февраля 1920 года лишний раз закрепляли окончательное аннулирование асхабадских бон и подтверждали прекращение регистрации этих дензнаков, утвержденной 27 июня 1919 года. Всем советским учреждениям Туркреспублики впредь запрещалось обменивать указанные разменные знаки:

> *«Прекратить начатую на основании постановления Комиссии под председательством бывшего председателя ТуркЦИКа от 27 июня 1919 года регистрацию бон для обмена их и учета держателей таковых…*
>
> ***Впредь обмен асхабадских бон никому и ни на какую сумму допускаем быть не может никакими советскими учереждениями***[90]».

Таким образом была поставлена точка в истории обмена денежных знаков Закаспийского правительства, снабженных регистрационными мервскими печатями…

[90] ЦГА РУ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 158. Л. 11.

Выводы

Суммируя вышеизложенное, а также анализируя материал, доступный на сегодняшний день к изучению в коллекциях, можно сделать несколько важных выводов:

— Печать небольшого уездного Мерва проставлялась на закаспийских знаках, поскольку именно Мерв до освобождения Асхабада от белых был центром советского Закаспия.

— Все асхабадские знаки с различными мервскими печатями и штампами не являлись специфическими денежными знаками, предназначенными для обращения, и никогда не служили деньгами. Печати на них являлись лишь регистрацией для обмена после фактического запрещения их обращения.

— Подавляющее большинство сохранившихся асхабадских знаков со всеми видами надпечаток так и не были обменены на туркбоны — именно поэтому они достаточно часто встречаются на коллекционном рынке.

— Среди сохранившихся знаков с надпечатками нет возможности со стопроцентной достоверностью выделить фальшивки, изготовленные позднее в ущерб коллекционерам от фальшивок, сделанных с целью обменять недействительные деньги Закаспийского правительства на туркбоны. И даже вообще любые фальшивые надпечатки от настоящих — так как не сохранилось архивных данных о том, какие именно виды печатей служили эталонными для регистрации подлежащих обмену асхабадских бон[91].

— Существуют крайне редко встречающиеся знаки, которые все же были обменены в тот небольшой промежуток времени, в который это было разрешено.

Естественно, самый большой интерес для коллекционеров представляют именно последние упомянутые знаки. Внешне они отличаются от остальных одним важным признаком — это боны с еще одним дополнительным штампом «ПОЛУЧЕНО» и с датой. Сегодня известны три различные даты, стоящие на знаках: **«21»**, **«22»** и **«23»** июля 1919 года.

То есть это как раз тот временной период с 27 июня по 31 июля 1919 года, когда еще не было отменено распоряжение о регистрации и обмене на наличные туркбоны частным лицам асхабадских знаков. В коллекциях такие знаки крайне редки и в основном стоят на бонах с печатью темного шрифта Мервского отделения Турнарбанка. Даже точнее можно сказать так — все известные на сегодня сохранившееся асхабадские знаки с подобной печатью встречаются только со штампом «ПОЛУЧЕНО».

[91] За исключением встречающихся в коллекциях очевидных фальшивок — в том числе знаков, проштампованных печатью «царского» образца с грамматической ошибкой по «старой» орфографии, и купонов от Займа Свободы со штампом Мервского отделения Турнарбанка.

Вероятно, что уполномоченный агент, который владел этой печатью, был особо приближен к руководству, и все зарегистрированные им знаки были обменены. Или же ей регистрировались асхабадские деньги у исключительно «нужных» людей.

Изредка можно встретить штамп «ПОЛУЧЕНО» на знаках с печатью белого шрифта Мервского отделения Турнарбанка. Возможно, могут найтись и другие виды мервских надпечаток с данным штампом.

Представляя все те сложности, с которыми был связан обмен аннулированных дензнаков для жителей Закаспия, сегодня понятно происхождение некоторых знаков с двумя различными регистрационными надпечатками — скорее всего это делалось, чтобы повысить «легитимность» притязаний на обмен. Возможно, уже тогда ходили слухи о том, что зарегистрированные какой-то «особой» печатью асхабадские боны без проблем обмениваются — вот и старался народ для пущей гарантии по максимуму проштамповать свои деньги, обращаясь различными путями к нескольким агентам.

Возвращаясь к вопросу о наличии подделок для коллекционеров некоторых знаков, нельзя подтвердить утверждение Соколова и Кардакова о наличие фальшивок среди печатей Мервского казначейства с двуглавым орлом (с «узкой» буквой «у» в слове «уездное»). Кроме этой упомянутой в каталоге вариации, сегодня известны и ранее неописанные варианты других печатей и штампов —два вида советской печати с белым шрифтом и ряд вариантов штампа «ТУРНАРБАНК / Мервское отделение».

Три вида круглых печатей Мервского уездного казначейства

Два вида круглых печатей с белым шрифтом Мервского отделения Туркестанского Народного банка

Круглая печать с темным шрифтом Мервского отделения Туркестанского Народного банка

Овальный штамп Мервского уездного казначейства

Штамп Мервского отделения Турнарбанка

Сегодня сложно сказать, существовало несколько наборных штампов с надписью «ТУРНАРБАНК/Мервское отделение» или это один и тот же штамп с иногда расплывшимися, а иногда не пропечатанными буквами.

Виды штампов Мервского отделения Турнарбанка

Регистрация ставилась, как правило, на лицевую сторону знака. Иногда встречаются знаки с одинаковыми двойными печатями.

Стоит упомянуть и о том, что надпечатки встречаются разных цветов — черного, синего, фиолетового.

Синяя и черная печать с белым шрифтом на 25 рублях ЗВП

50 рублей ЗВП с поддельной печатью (с орфографической ошибкой в слове «управленіе»)

Можно попытаться проанализировать все основные причины появления нескольких вариаций одного вида печати и сделать следующие предположения:

1. Печати, копирующие «эталонную», вырезали фальшивомонетчики с целью обмана Советской власти, чтобы обменять аннулированные закаспийские деньги на платежеспособные туркбоны. Маловероятное предположение — как известно из архивных документов, что при регистрации составлялись списки граждан, владеющих разрешенными к обмену знаками.

2. Печати и штампы, копирующие «эталонные», подделали чуть позже, в середине 20-х годов XX века, на волне возросшего интереса к собирательству бумажных знаков. Более вероятная гипотеза, однако, и у нее есть существенный изъян — невозможно определить, какие это — так называемые «эталонные» печати — все известные вариации сделаны более или менее кустарно. Версия В. Соколова о «настороженном» отношении к свежим ярким печатям не совсем убедительна — как стало известно из архивных данных, все знаки с надпечатками не обращались как деньги и поэтому не изнашивались.

3. Все вариации однотипных печатей совершенно законны, «эталонных» просто нет. В пользу этого говорит следующий аргумент — Закаспийская область большая, а работа по составлению списков лиц, имеющих право на обмен, предстояла весьма сложная. Вряд ли дело обошлось бы посыланием лишь пяти уполномоченных агентов (по числу известных типов печатей), учитывая и то, что на всю работу по регистрации асхабадских знаков им отводилось всего две недели. Поэтому вполне вероятно, что, кроме собирания всех существующих печатей, в спешном порядке, «на коленке», были вырезаны несколько дубликатов и розданы уполномоченным, разъезжавшимся по Закаспийской области.

Доводы последнего, третьего пункта, мне кажутся наиболее убедительными. И поэтому, пока нет весомых доказательств обратного, в нижеприведенном каталоге закаспийских знаков с Мервской регистрацией показаны все известные на сегодняшний день типы и разновидности регистрационных печатей и штампов.

Литература и источники

Неопубликованные источники:

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
Российский государственный архив экономики (РГАЭ).
Российский государственный военный архив (РГВА).
Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУ).

Литература:

Брашловский А.М. Монография-каталог денежных знаков Русской Революции 1917–1922. — Тифлис, 1922.
Бумажные денежные знаки, выпущенные на территории бывшей Российской империи за время с 1769 по 1924 год. / Под ред. Ф.Г. Чучина. — М.: Издание Уполномоченного по филателии и бонам в СССР, 1924.
Генерал-майор Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии в 1917–1918 гг. — Тифлис, 1925.
Голубева Р. Борьба с интервенцией в Закаспии. // Военно-исторический журнал, 1940. № 4.
Из истории Гражданской войны в СССР. Документы и материалы. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. В 2 томах. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР: Наука, 1963–1964.
Иольсон Л. Мервские надпечатки. // Советский бонист. — Москва, 1923. № 11–12.
Кардаков Н. Каталог денежных знаков России и Балтийских стран 1769–1950. Katalog der Geldscheine von Russland und der Baltischen Staaten, 1769–1950. — Берлин, 1953.
Каталог бон и дензнаков России, РСФСР, СССР, окраин и образований (1769–1927). / Под ред. Ф.Г. Чучина. — М., 1927.
Козловский Е. Красная Армия в Средней Азии. — Ташкент: Изд. Политуправления Ср.-Аз. В.О., 1928.
Марков Е.Л. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. — СПб., 1901.
Обзор Закаспийской области за 1912–1913–1914 гг. Издание Закаспийского Областного статистического комитета. — Асхабад, 1916.
Олсуфьев А.А., Панаев В.П. По Закаспийской военной железной дороге. Путевые впечатления. — СПб., 1899.
Паскуцкий Н.А. К истории гражданской войны в Туркестане. — Ташкент, 1922.
Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Средне-Азиатской и Ташкентской. / Под ред. А.И. Дмитриева-Мамонова. — СПб., 1912.
Соколов В.М. Полный каталог бон, выпущенных на территории СССР в 1914–1925 годах Вып. 6 «Средняя Азия». — Ростов-на-Дону, 1938.
Турсунов М.Т. Денежное обращение в Туркестанской АССР в период гражданской войны (1917–1921 гг.). — Ташкент, 1950.
Malleson Wilfrid. The British military mission to Turkistan 1918–20. — London, 1922.

Документы личного происхождения:

Письмо д-ра Гершеновича, адресованное из Полторацка в «Ташкент, Ирджарская ул., №10, кв. доктора Гершеновича, для Деборы Григорьевны Гершенович» от 27.8.19 г. (из частного собрания, г. Ташкент).

Периодические издания:

Азербайджан. — Баку, 1918–1920
Голос Средней Азии. — Асхабад, 1918–1919
Грозный. Ежедневная газета. — Грозный, 1919
Гудок. — Красноводск, 1919
Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, 1919
Кавказ. — Владикавказ, 1919–1920
Набат революции. — Ташкент, 1920
Народное хозяйство Туркестана. — Ташкент, 1919. № 11.
Наша газета. Орган ТуркЦИК и Ташкентского Совета. — Ташкент, 1918
Терско-Дагестанский вестник. — Пятигорск, 1919
Трудовая мысль. — Ташкент, 1918

КАТАЛОГ ЗНАКОВ ЗАКАСПИЙСКОГО ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С МЕРВСКИМИ РЕГИСТРАЦИОННЫМИ НАДПЕЧАТКАМИ

ПРЕДИСЛОВИЕ К КАТАЛОГУ

На основании того, что все виды Мервских надпечаток ставились одномоментно в течении короткого времени, то в отличие от предыдущих каталогов разных авторов в данной работе знаки сгруппированы не по виду надпечатки, а по номиналам.

Так как существуют определенные сложности по точному учету всего количества знаков с регистрационными надпечатками Мерва (ввиду отсутствия нумерации на знаках), то в данном каталоге показаны степени редкости знаков, количество которых автором задокументировано по встречаемости в коллекциях коллег и по проходам на открытых торговых площадках по следующей шкале:

C — *Common* — распространенный, простой знак, известно свыше 100 экземпляров

S — *Scarce* — не часто встречающийся знак, известно до 100 экземпляров

R — *Rare* — редкий знак, известно до 30 экземпляров

RR — весьма редкий , известно до 20 знаков

RRR — очень редкий, известно до 10 знаков

Ex.Rare — *Extremely rare* — чрезвычайно редкий, известно до 3 знаков

Не показаны как разновидность три круглых печати Мервского уездного казначейства ввиду их незначительного визуального различия и, как следствие, не всегда возможной точной атрибуции. Также не каталогизированы отдельно печати по цвету чернил.

В рамках данного каталога автор не считает существенными (в т. ч. и по степени редкости) различия в цвете фоновой сетки (зеленой или голубой) знака в 50 рублей, а также наличие или отсутствие печати Асхабадского ОГБ на знаке в 250 рублей.

Знаки, на которых проставлены различные печати или одна и та же печать несколько раз, отдельно не каталогизированы. Однако встречаются они весьма редко, и в целом их редкость можно отнести к степени R.

Авторы благодарят коллег А. Абезгауза, Г. Васильева, И. Горянова, А. Дубакина, А. Ломакина за помощь в составлении данного каталога.

5 рублей

1.1.	Тип I (печать Мервского уездного казначейства)	**R**
1.2.	Тип II (овальный штамп Мервского уездного казначейства)	**S**
1.3.	Тип III (штамп Мервского отделения Турнарбанка)	**S**
1.4.	Тип IV (печать с белым шрифтом Мервского отделения Турнарбанка)	**S**
1.5.	Тип IV (печать с белым шрифтом Мервского отделения Турнарбанка) со штампом *«Получено»*	**RR**
1.6.	Тип IVa (печать с белым шрифтом Мервского отделения Турнарбанка с «многолистными» ветвями хлопчатника на гербе)	**RRR**
1.7.	Тип V (печать с темным шрифтом Мервского отделения Турнарбанка)	**Ex.Rare**

10 рублей

2.1.	Тип I (печать Мервского уездного казначейства)	**R**
2.2.	Тип II (овальный штамп Мервского уездного казначейства)	**S**
2.3.	Тип III (штамп Мервского отделения Турнарбанка)	**S**
2.4.	Тип IV (печать с белым шрифтом Мервского отделения Турнарбанка)	**S**
2.5.	Тип V (печать с темным шрифтом Мервского отделения Турнарбанка)	***не известен***

25 рублей

3.1.	Тип I (печать Мервского уездного казначейства)	**R**
3.2.	Тип II (овальный штамп Мервского уездного казначейства)	**S**
3.3.	Тип III (штамп Мервского отделения Турнарбанка)	**C**
3.4.	Тип IV (печать с белым шрифтом Мервского отделения Турнарбанка)	**C**
3.5.	Тип IV (печать с белым шрифтом Мервского отделения Турнарбанка) со штампом «Получено»	**RRR**
3.6.	Тип V (печать с темным шрифтом Мервского отделения Турнарбанка)	***не известен***

50 рублей

синий или зеленый фон

4.1.	Тип I (печать Мервского уездного казначейства)	**R**
4.2.	Тип II (овальный штамп Мервского уездного казначейства)	**S**
4.3.	Тип III (штамп Мервского отделения Турнарбанка)	**C**
4.4.	Тип IV (печать с белым шрифтом Мервского отделения Турнарбанка)	**C**
4.5.	Тип IV (печать с белым шрифтом Мервского отделения Турнарбанка) со штампом *«Получено»*	**RRR**
4.6.	Тип V (печать с темным шрифтом Мервского отделения Турнарбанка)	***не известен***

100 рублей

5.1.	Тип I (печать Мервского уездного казначейства)	**R**
5.2.	Тип II (овальный штамп Мервского уездного казначейства)	**S**
5.3.	Тип III (штамп Мервского отделения Турнарбанка)	**C**
5.4.	Тип IV (печать с белым шрифтом Мервского отделения Турнарбанка)	**C**
5.5.	Тип IVa (печать с белым шрифтом Мервского отделения Турнарбанка с «многолистными» ветвями хлопчатника на гербе)	**RR**
5.6.	Тип IV (печать с белым шрифтом Мервского отделения Турнарбанка) с штампом *«Получено»*	**RR**
5.7.	Тип V (печать с темным шрифтом Мервского отделения Турнарбанка)	**RRR**

250 рублей

с печатью или без печати Асхабадского ОГБ

6.1.	Тип I (печать Мервского уездного казначейства)	**R**
6.2.	Тип II (овальный штамп Мервского уездного казначейства)	**S**
6.3.	Тип III (штамп Мервского отделения Турнарбанка)	**C**
6.4.	Тип IV (печать с белым шрифтом Мервского отделения Турнарбанка)	**C**
6.5.	Тип IVa (печать с белым шрифтом Мервского отделения Турнарбанка с «многолистными» ветвями хлопчатника на гербе)	**RR**
6.6.	Тип IV (печать с белым шрифтом Мервского отделения Турнарбанка) с штампом *«Получено»*	**RR**
6.7.	Тип V (печать с темным шрифтом Мервского отделения Турнарбанка)	**RRR**

Виды регистрационных печатей

Тип I

Круглые печати Мервского уездного казначейства

Тип II

Овальный штамп Мервского уездного казначейства

Тип III

Виды различных штампов Мервского отделения Турнарбанка

Тип IV

Печать с белым шрифтом Мервского отделения Турнарбанка

Тип IVa

Печать с белым шрифтом Мервского отделения Турнарбанка с «многолистными» ветвями хлопчатника на гербе

Тип V

Печать с темным шрифтом Мервского отделения Туркнарбанка

ГЛАД, МОР
И ГРАФСКИЕ ДЕНЬГИ...

Изыскания к вопросу о выпуске ярлыков
Баландинской конторы графа С.Д. Шереметева
в 1890–1892 годах

Дитятовский И.Д. (Москва)
Парамонов О.В. (Москва)

ГЛАД, МОР И ГРАФСКИЕ ДЕНЬГИ...

Изыскания к вопросу о выпуске ярлыков Баландинской конторы графа С.Д. Шереметева в 1890–1892 годах.

«Не то беда, что во ржи лебеда,
а вот много беды как ни ржи, ни лебеды…»

В 1992 году на экраны страны вышел фильм Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли».

Закадровый текст, комментируя обильные кадры кинохроники конца XIX — начала XX веков, повествовал: *«Россия. Загадочная и незнакомая страна. Так уж получилось, что мы ничего не знаем о ней. Поэтому, наверное, и живем так трудно и так глупо... Чем больше узнаешь эту незнакомую страну, тем крепче влюбляешься в нее. Это происходит невольно... То, что покажем мы, — это как бы впечатления человека, который начал узнавать историю своей страны в зрелом возрасте. И все, что мы узнавали в процессе съемок, переворачивало душу. Как так случилось, почему господь отнял у людей разум, как можно было разграбить и уничтожить такую богатую страну? И почему, почему мы ничего не знали о ней, о своей Родине?»*

Авторы фильма, на десятилетия внедрившие в массовое сознание образ не знавшей нужды России, кормившей половину Европы, изрядно лукавили.

Период с 1861 по 1913 год в литературе принято называть переходом к капиталистическому этапу развития страны. Однако следует учитывать, что капиталистические отношения внедрялись в России форсированными темпами «сверху» в условиях абсолютной монархии и очень своеобразной законодательной базы.

В России, выражаясь современными терминами, была принята и осуществлена программа форсированной индустриализации, позволившая за 50 лет вплотную приблизиться к уровню развитых стран мира, во многом ликвидировав отставание, сложившееся в предыдущие десятилетия.

Весьма показательно в этом отношении развитие сельского хозяйства в период после отмены крепостного права. Ближе к концу XIX столетия здесь все ярче проявлялась региональная специализация, очень хорошо знакомая нам по гораздо более поздним временам советского планирования и административно-командной системы. При этом в сельском хозяйстве ярко проявились все те же перекосы развития, что и в промышленности — и техника, и прогрессивные методы ведения хозяйства использовались практически исключительно в крупных помещичьих хозяйствах. Таким образом, куда больше половины всего хлеба, поступавшего на рынок, производилось в крупных хозяйствах, а не крестьянскими дворами.

Современные пропагандисты в значительной мере правы, утверждая, что Советская власть уничтожила «крепкого хозяина» в деревне. Они лишь забывают добавить, что это был, как правило, крупный помещик-феодал…

Такой, например, как один из крупнейших землевладельцев России граф Шереметев, владевший угодьями по всей стране: во Владимирской, Курской, Лифляндской, Московской, Орловской, Рязанской, Саратовской, Тверской, Тифлисской, Тульской и Ярославской губерниях — в общей сложности 166 тысяч десятин[1], из которых без малого 51 тысяча — пахотных земель.

Борис Петрович Шереметев (1662–1719)

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев имел высокое положение при дворе, был близок к императору и его семье, являлся кавалером ряда высших российских орденов. Годы царствования Александра III стали порой, когда С.Д. Шереметев вследствие своей близости к новому государю достиг максимальной влиятельности как политическая фигура. Эта эпоха воспринималась графом как своего рода эталонная с точки зрения оптимального для России устройства власти, ее поведения и оценок подданными.

Родился Сергей Дмитриевич в 1848 году и происходил из одного из самых именитых родов Империи. Его прапрадед генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев (1662–1719) прославился своими военными подвигами и в 1706 году был щедро вознагражден императором Петром I и первым из российских дворян удостоен графского титула. Отец — граф Дмитрий Николаевич, гофмейстер, единственный сын сенатора, обер-камергера, графа Николая Петровича

[1] Казенная десятина — традиционная (дометрическая) мера площади сельскохозяйственной земли в России. Десятина равнялась 2400 квадратным саженям или 1,092 гектара (1 га = 10000 кв.м). Т.е. площадь землевладений С.Д. Шереметева составляла свыше 181 тыс. га (из них около 56 тыс. га — пахотных).

Шереметева от брака с крепостной актрисой Прасковьей Ивановной Ковалевой (сценический псевдоним Жемчугова) был хорошо известен благодаря своей широкой благотворительности.

Подобно царскому роду Романовых, происхождение свое Шереметевы вели от московского боярина времен царствований Ивана Калиты и Симеона Гордого — Андрея Кобылы. «Пятым коленом» (праправнуком) его был в конце XV века боярин Андрей Константинович Беззубцев по прозвищу «Шеремет», от которого и получили они свою фамилию.

Появление фамильного герба Шереметевых так же связано было с именем основателя графской линии рода — прототипом стал герб прусского города Данцига (ныне — Гданьск), дабы подтвердить семейное предание о происхождении «из Прусс»[2]: *«Посередине золотого щита в красном поле, окруженном лавровым венцом, изображена золотая корона, то есть герб древних владетелей Прусских, и под оною два серебряных креста, означенные перпендикулярно. В нижней части на золотом щите видна шапка, служившая в древние времена отличием для*

[2] Шереметевы принадлежали к большой группе дворянских родов, которые вели свое происхождение от легендарного потомка прусских королей Гланды Камбилы Дивоновича (в крещении — Ивана), будто бы выехавшего в XIII в. на Русь на службу к Александру Невскому. Гербы почти всех Камбиличей (исключение составляет лишь родовой герб боярского, а затем царского рода Романовых) объединены общей эмблемой, восходящей к гербу Данцига (под короной — два креста один над другим). При составлении «Бархатной книги» в XVII в., когда многие московские бояре ссылались на западное происхождение своих предков, была составлена родословная легенда, по которой Андрей Кобыла был выходцем «из немец».

бояр, в которых чинах фамилии Шереметевых многие находились; а внизу шапки изображены копье и меч, положенные крестообразно на серебряном полумесяце, рогами обращенном вверх. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом и с дворянскою на нем короною, на поверхности которой между двух серебряных звезд шестиугольных виден кумиропоклонный дуб. Щит держат два льва, имеющие золотые лбы, а во рту лавровую и масличные ветви, из коих у стоящего с правой стороны находится в лапе скипетр, а с левой — держава в память того, что предки фамилии Шереметевых были в Пруссии владетелями. Намет на щите золотой; под щитом надпись: Deux conservat omnia».

История рода Шереметевых — это история собирания ими земель, совершенствования взаимоотношений с крестьянами и улавливание тенденций прогресса в социально-экономической жизни, обуславливающих развитие русского предпринимательства и экономики страны в целом. По данным документов XVIII и XIX веков, по объему владений в Московской губернии Шереметевы уступали лишь А. Орлову, а в великорусских губерниях превосходили Разумовских, Орловых, Голицыных, Нарышкиных, Потемкина, Ланского, Бутурлина, Репнина и многих других именитых в России фамилий. Вместе с землями у Шереметевых увеличивалось и количество крестьянских хозяйств.

Последним хозяином этих громадных владений[3], пережившим четырех императоров, стал старший в графском роду полковник кавалергардского полка, флигель-адъютант, московский губернский предводитель дворянства, оберегермейстер двора, основатель Общества любителей древней письменности Сергей Дмитриевич Шереметев. Историк и коллекционер, знаменитый общественный деятель и мемуарист, как и большинство представителей графского рода, Сергей Дмитриевич оставил яркий след в истории Российской империи.

Высокообразованный человек, с юных лет питавший любовь к истории Российского государства, С.Д. Шереметев был автором более 200 научных и научно-популярных трудов. Отмечая 35-летие жизни в своей любимой усадьбе Михайловское, Сергей Дмитриевич писал: *«То чувство к Родине, которое унаследовано от родителей и дедов, в частности в привязанностях к семье, сосредотачивается в том заветном гнезде, где протекала наша жизнь, где настоящее сливается с прошлым и освещает будущее. Много было таких семейных гнезд на Руси, но многих не стало, снесенных вихрем многих лет и недавних разгромов; но пока еще уцелели эти уголки и связанные с ними предания, еще жива наша Русь — самостоятельная, верная своему историческому прошлому»*[4].

[3] В апреле 1917 г. вся семья С.Д. Шереметева покинула Петроград, который он называл не иначе как «преступным городом». После Октябрьского переворота проживал в московском доме на Воздвиженке. С приходом к власти большевиков все имущество Шереметевых было национализировано.

[4] *Шереметев С.Д.* Михайловское. — М., 1906. С. 41–42.

Унаследовавший около 200 000 десятин земли и многочисленные поместья в 11 губерниях Российской империи, граф С.Д. Шереметев владел не только такими знаменитыми подмосковными имениями, как Останкино, Кусково, Введенское, Остафьево, Михайловское[5], но и, среди прочего, — угодьями в плодороднейшей Саратовской губернии[6].

Саратовское Поволжье — одна из известнейших житниц России. Торговля хлебом — основным богатством края — превратила в свое время Саратовскую губернию в один из крупнейших центров российской экономики *«Всякому из нас, конечно, приходилось слышать, читать или самому повторять … ту избитую фразу, что Поволжье и в особенности Самарская и Саратовская губернии быстрыми шагами идут к материальному благосостоянию; что продуктивность этого счастливого клочка земли с каждым годом обнаруживает новые богатства и дает пищу нашей внутренней и внешней торговле; что население этого края, помимо естественного нарождения, необычайно быстро увеличивается частыми колонизациями; что во всем этом видны залоги будущего величия страны, если только величие может*

[5] Перу графа С.Д. Шереметева принадлежали книги, посвященные истории некоторых из этих поместий: «Кусково». (М.: типолит. Н.И. Куманина, 1898); «Остафьево». (СПб.: Типография Академии наук, 1889); «Михайловское» (М., 1906) и др.

[6] «Саратовская губерния, в нынешнем своем составе, т.е. за отделением заволжских уездов: Николаевского, Новоузенского и Царевского, до 1851 г. к ней принадлежавших, находится в юго-восточной полосе России и лежит (по карте Шуберта) между 48° и 54° северной широты и между 60° и 66° восточной долготы. Общее пространство, занимаемое губернией, состоит из 7.536.574 десят., или 149535 геогр. кв. миль. В административном отношении Саратовская губерния разделяется на 10 уездов» (Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии. — СПб., 1859. С. 1).

быть измеряемо миллионами четвертей хлеба и сотнями тысяч пудов сала, помимо других, известных всем условий, необходимых для величия»[7]…

В начале 2014 года в Саратовской области, на чердаке здания бывшей Баландинской вотчинной конторы графа С.Д. Шереметева, был обнаружен чудом сохранившийся ворох различных бумаг последней четверти XIX века. Среди прочих конторских и финансовых документов были и любопытные «ярлыки».

[7] Саратовская губерния в прошлом веке в отношении к нынешнему ее состоянию. // Памятная книжка Саратовской губернии за 1860 год. — Саратов, 1860. С. 31–32.

[8] Баланда — ныне город Калининск (с 1962 г.), административный центр Калининского района Саратовской области.

Герб Саратовской губернии

В Сборнике статистических сведений по Саратовской губернии 1896 года указывалось: *«Село Баланда принадлежало графу Шереметеву. Первыми поселенцами здесь были малоросы, пришедшие, по сохранившимся преданиям, — еще лет 200 тому назад»*.

Уроженец села Никита Савельевич Кирносов (1859 г.р.) — член Государственной Думы II созыва[9], которого газеты именовали «патриархом эсеровских крестьян», — вспоминал в 1907 году: *«У нас в селе Баланда — смешанный род, великорусский и малорусский. Мы малорусские слобожане, изстаринные пришельцы к доброму пану Шереметеву. Тогда он был добрый пан за наши гроши. В 1802 году деды наши купили ему 19000 десятин на свои деньги, а на его имя. То стало у него 37000 десятин. Купчую делали в Пензенской казенной палате; тогда Саратов еще мало существовал. После воли, сколько ни тягались, да ничего не вытягали. А на волю нас пустили по дарственному наделу. Одна десятина с осьмой на душу.*

Теперь у нас 1400 дворов, всего населения за 10 000 душ, а земли 2040 десятин. У кого три сажени, у кого четыре. А владение наше не общинное, а просто огородное. Двор занимаем да огород, а выпуски — самые пески, бугры, шиханы по-нашему. Аренда 15, 16, 17 рублей за десятину»[10].

Герб уездного города Аткарска — «небольшого городка, живописно расположенного посреди садов»[11]

Свое название слобода[12] получила от одноименной реки (притока реки Медведицы), на берегу которой во второй половине XVI века тюрками-кочевниками было основано поселение — Баландинский юрт.

[9] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 1. (2-й созыв). Д. 194; Д. 567. Л. 11.

[10] Депутаты II Думы. Очерки и наброски. // Русское богатство, 1907. № 5.

[11] Воспоминания о Саратовской губернии статского советника В. Беккера. — М., 1852. С. 75.

[12] Слобода — вид поселения или района города в истории России, Белоруссии и Украины. На момент его основания жители имели освобождение («свободу») от какой-либо государственной повинности. В первой половине XVIII в. эти льготы были отменены, и слободы превратились в обычные села или поселения городского типа. К 1900 г., по определению Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, слободой называлось «большое село, где более одной церкви, торг или ярмарка или волостное правление», а также «промышленное, фабричное село, где крестьяне почти не пашут».

Первыми русскими поселенцами на реке Баланда[13] стали беглые каторжане, казаки и крестьяне из центральных районов России, бежавшие от гнета крепостного права. А в 1680 году малороссиянами, переселенцами из Черниговской и Харьковской губерний, была основана деревня Баланда. Позднее, в 1780 году, в результате реформ Екатерины Великой, при формировании Саратовского наместничества (позднее — Саратовская губерния), Баланда стала волостью Аткарского уезда[14], располагавшегося в центральной части губернии и граничившего на юго-западе с областью войска Донского.

С XVIII столетия окраинные свободные земли стали дариться и жаловаться придворной знати (правительственная колонизация) *«В Саратовском наместничестве,* — писал князь Голицын, — *ныне мода просить земель… Прошу мне побольше и получше оной отвести…»*[15]

[13] Название «Баланда», по одной из версий, в переводе с тюркского означает «рыбная река». В Аткарском уезде Саратовской губернии было 2 населенных пункта, имевших название Баланда и расположенных на р. Баланде. В Списках населенных мест 1859 г. есть информация: «Баланда (Баландинский городок)» и «сельцо Архангельское, Салтыково Баланда тож».

[14] Аткарский уезд был образован в 1780 г. Его административным центром было определено село Архангельское-Еткара (основанное в 1699 г. между Балашовом и Саратовом), получившее статус уездного города и переименованное в 1781 г. в Аткарск. «Расстояние по почтовым дорогам от губернского города — 84 в.; от Петербурга — 1591 в.; от Москвы — 918 верст» (Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. — Саратов, 1860. Отд. 1. С. 65).

[15] *«В Балашовском уезде взоры мои приковались к замечательному селу князя Голицына, Зубриловке, раскинутому на Хопре; там 500 душ, две прекрасные церкви, огромный господский дом и фруктовый сад».* (Воспоминания о Саратовской губернии статского советника В. Беккера. — М., 1852. С. 76).

Таким образом, в 1785 году в составе 38185 десятин[16], подаренных Екатериной II тогдашнему графу Шереметеву, оказались баландинские земли. А поскольку одновременно с землей в распоряжение помещиков поступали и жившие на ней крестьяне, то вольные доселе крестьяне слободы Баланды и близлежащей деревеньки Большой Ольшанки стали крепостными Шереметевых…

Слобода Баланда, или как она тогда называлась «Баландинский городок», была главной резиденцией вотчинного управления обширных владений графа Дмитрия Николаевича Шереметева[17]. К ней примыкали Большая Ольшанка, Новые Выселки, Дмитриевка и Малая Ольшанка. Все эти селения, в количестве 5672 ревизских душ, до объявления Манифеста от 19 февраля 1861 года были расположены на площади в 41566,7 десятин. Все земли, кроме леса, базарных и ярмарочных площадей, а также занятых господскими усадьбами, а именно 22316 десятин, находились во владениях крестьян и делились ими по собственному соглашению по числу душ.

Вспоминая дореформенные времена, Аткарский мировой посредник[18] Александр Николаевич Минх писал: *«Если положение многих крепостных в имениях, где жили сами помещики, было далеко не дурно, то отвратительно плохо приходилось тем, где имения отданы были в распоряжение управляющих. …Хуже всего приходилось тем имениям, где управляющими были поляки и немцы; крестьянам нет пощады, нужен доход и помещику, и управляющему.*

…Разумеется, были исключения. …Но по большей части в конторах наших богатых помещиков, таких как Шереметев и некоторых других, грабеж доходил до крайних пределов: управляющие грабили помещиков и крестьян. В особенности известна лихоимством Баландинская, графа Шереметева, контора, где, под покровительством главного ревизора Касаткина, управляющие делали что хотели. …Доказательства мошеннических счетов этой конторы я имею под руками, так как, по должности мирового посредника, производил расчеты мирского крестьянского капитала и недоимок в старое крепостное время: цифра скрытых конторою крестьянских денег по одной Ахтубе (с. Малая Дмитриевка) более 10000 руб.

[16] Помещики и крестьяне Саратовской губернии (Выдержки из труда Н.Ф. Хованского). // Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния — Саратов: Изд-во. Саратовской губернской ученой архивной комиссии, 1911. С. 5.

[17] Граф Дмитрий Николаевич Шереметев (1803–1871) — камергер и гофмейстер двора, отец С.Д. Шереметева (от первого брака). *«Владея около 150.000 душ крестьян и несколькими сотнями тысяч десятин земли, он весь получаемый доход тратил преимущественно на добрые дела. Когда же, с освобождением крестьян, доходы его уменьшились и пришлось сокращать вследствие этого расходы, он первым делом сократил расходы на личную свою жизнь, всячески стараясь делу благотворения отдавать прежние суммы»* (Воспоминания о гр. Дм. Н. Шереметеве. // «Русский Мир», 1871. № 23).

[18] Мировой посредник — должностное лицо в Российской империи в период проведения крестьянской реформы. В 1859–1867 гг. назначался из дворян для утверждения уставных грамот и улаживания поземельных отношений между помещиками и крестьянами, а также для образования органов крестьянского общинно-волостного самоуправления и надзора за его деятельностью. Обладал судебно-административной властью.

сер. Вслед за сим баландинским управляющим Шереметева был Уваров, который не хуже других заботился о своих выгодах в ущерб интересам графа»[19].

С 19 февраля 1861 года все крепостные[20] считались свободными, став «вольными землепашцами»: *«Торжественность объявления этого Манифеста в приходской церкви представителями духовной и светской власти сильно повлияла на народ. Крестьяне, и старый и малый, без слез не могли выслушать милостивых слов своего батюшки царя»*[21].

Количество земли, находившейся еще недавно во владении бывших помещиков в Аткарском уезде, составляло 51%, у крестьян — 40,1%, у казны — 5,9%, у удельного ведомства — 1,5% и у остальных — 0,5%[22]. *«Тяжел был многим переход от прежнего порядка к новому,* — писал в своих воспоминаниях А.Н. Минх, — *понадобились капиталы — а их нет, пришлось уменьшить посевы и скотоводство; многие помещики совершенно бросили хлебопашество и овцеводство, перейдя на сдачу земель подесятинно или в аренду; немногие еще сеют наймом (чаще заработком за сдаваемую землю) хлеб и лен; некоторые строят винокуренные заводы»*[23].

Крестьяне графа Шереметева *«вышли на дар»*[24], который нарезан им был узкой полосой. Базарная площадь в этом крупном торговом пункте осталась за графом[25]: Баландинская ярмарка находилась в пользовании крестьян с платой помещику 3745 рублей 18 копеек Чистой выручки получалось около 2200 рублей, которые составляли доходную статью[26].

«Вскоре по уничтожении крепостного права и по переходе хозяйств от натурального к денежному поднялась очень значительно доходность с имений», — отмечалось в материалах Саратовской ученой архивной комиссии. Годы после отмены крепостного права стали в Баланде периодом увеличения оборотов торговли

[19] Из записок мирового посредника А.Н. Минха 1861–66 годы. // Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния. — Саратов, 1911. С. 7–8.

[20] Накануне реформы в Саратовской губернии по казенным ведомостям насчитывалось принадлежавших 2676 владельцам ок. 323 тысяч душ крепостных только мужского пола. Всего же 39,4% населения губернии было в крепостной зависимости.

[21] Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. — Саратов: Изд-во Статистического комитета, 1881. Т. 1. Отд. 1. С. 270.

[22] Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния. — Саратов: Изд-во Саратовской губернск. ученой архивной комиссии, 1911. С. 164.

[23] Из записок мирового посредника 1861–1866 годов. // Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния. — Саратов, 1911. С. 6.

[24] То есть выйдя из крепостной зависимости, не выкупили землю, а перешли на дарственный надел, получив лишь обрезанные земельные участки (по $1^1/_4$ десятины на ревизскую душу вместо полного надела в 41/2 десятины).

[25] Вотчинное управление Шереметевых в предреформенные годы, готовясь к предстоящей реформе и составлению уставных грамот, активно осуществляло меры по закреплению прав помещика на общественную недвижимость торгово-промысловых сел и различные арендные статьи.

[26] Материалы из архива мировых посредников Аткарского уезда. // Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния. — Саратов: Изд-во Саратовской губернской ученой архивной комиссии. 1911. С. 35.

хлебом, строительства в селе мельниц и амбаров, развития кустарного ремесла (ремонт сельхозорудий, мыловарение, кузнечное дело, сапожные мастерские).

Еще в середине столетия автор статьи в Памятной книжке Саратовской губернии противопоставлял маленькие уездные города, *«где так мало прогрессивного движения в обществе, где мало капиталов, а еще меньше промышленного движения»*, крупным селам тех же уездов, — таким как Баланда, — узлам *«промышленного движения обширных естественных районов, куда как к центру притягивается все население в окружности нескольких тысяч квадратных верст»,* успешно соперничающим с уездными городами[27].

В Баланде, что располагалась на одной из самых крупных торговых дорог из Саратова в Балашов, *«есть больница, училище, библиотека,* — указывалось в разделе «Наиболее замечательные места губернии» Саратовского календаря на 1889 год. — *Баланда торгует на большую сумму, чем Аткарск»*[28].

В течение долгого времени Баланда славилась своими базарами: *«Баландинские базары происходили по воскресеньям. С раннего утра показывались на дороге телеги, пешеходы. По проулку — между нами и гостиницей — ставили телеги, распрягали лошадей. Мух и слепней налетало облако. В реке купали лошадей: вода была взбаламучена, брать ее было нельзя — заготавливали с вечера. Зато „яблочные ряды“ были загляденье! Ряды телег с откинутыми торпищами, горы душистой антоновки, анисовки… Особенно в яблочный и медовый Спас. Ароматные соты лежали пластами. Разливной мед в кадках и корчагах. На ярмарки осенние — в степи за селом — ходили группами, семьями. Усаживались в палатках на скамьи, за столиками. Все это было подготовлено специально из досок. С жаровни подавали на тарелках по десятку-два жаренных в масле оладьев с сахарным песком. Это было традиционно»*[29].

Неподалеку от базарной площади, у Мохового болота, что находилось за улицей Городок, размещался игорный дом, впоследствии сгоревший. На пепелище уже в начале XXI века найдено было множество монет, оплавленных и закопченных. От игроков-шулеров остались монеты, имеющие с обеих сторон «орлов»…

У подножия горы Поповая шишка граф Шереметев, постоянно живший в столице, построил богатую усадьбу, при которой имелись винный и кирпичный заводы, конюшни, псарный двор, мельница за плотиной.

[27] Несколько данных из материалов для статистического описания Саратовской губернии. // Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. — Саратов, 1859. С. 117.

[28] Саратовский календарь на 1889 год. — Саратов, 1888. С. 16.

[29] Двухнедельные ярмарки в с. Баланда: весенняя — две недели до дня Вознесения Господня; осенняя — с 1 по 14 сентября (См.: Саратовский календарь. — Саратов, 1888. С. 24). *«Самая значительная конная ярмарка, для крестьянских и других лошадей, бывает в с. Баланде Аткарского уезда на Воздвиженье»*; *«На сельских базарах продаются те же товары, как и на сельских ярмарках, но в меньшем размере. В Саратовской губернии базары дозволены только в больших селениях. В тех из них, где заготовляют хлеб для пристаней, базары довольно оживленны, особенно осенью после жатвы и до Нового года»* (Сельскохозяйственная Саратовской губернии. — СПб., 1859. С. 217, 265).

На переднем плане — усадьба Шереметева; вдали виднеются три церкви: Введенская (на базарной площади), Христорождественская (на ярмарочной площади) и Крестовоздвиженская

К концу XIX столетия о Баландинском городке в энциклопедическом словаре издания Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона говорилось: *«слобода Аткарского уезда Саратовской губернии на реке Баланде, в 60 верстах к юго-западу от города Аткарска. В ней — 1316 дворов и 7185 жителей, промышленных заведений — 38, трактиров — 3, лавок — 28, большая хлебная и другая торговля, базары, ярмарка. Жители занимаются так же выделкой сурковых шкурок и вытапливанием сала из сурков. Баланда — имение графа Шереметева»*.

Для ведения помещичьего хозяйства в России того времени нередко нанимался «управитель» (или «управляющий») более или менее грамотный и опытный. На должность эту часто брали немцев, плохо знавших русский язык и русский народ, но кое-как разбиравшихся в сельском хозяйстве. Фигуры немцев-управляющих в русской литературе многочисленны, наиболее выразителен образ Фогеля в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

Почти во всех произведениях русской литературы управляющие изображались явно отрицательно, как безжалостные притеснители крестьян и воры, обкрадывающие и самого помещика. У помещиков, живших постоянно в городе, за границей или в другом своем имении, управляющие чувствовали себя неограниченными хозяевами крестьян и земли. *«Помещик — лиходей, а если управитель, То верно — живодер, отчаянный грабитель»,* — писал Н.А. Некрасов.

При крупных помещичьих хозяйствах имелся особый аппарат — **Контора.** Именно такого рода бюрократическое заведение, — с целым штатом доморощенных, примитивных, но по-своему влиятельных «чиновников» — кассиров и конторщиков, что пишут нелепые и ненужные бумаги посредничают, влияют на принятие решений и страшно вредят окружающим, если не получают приличную взятку, — высмеял Иван Сергеевич Тургенев в коротеньком рассказе из его «Записок охотника», что так и назывался «Контора».

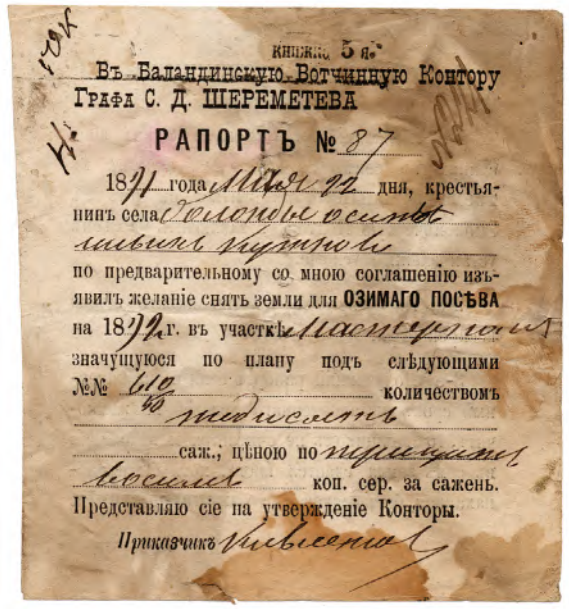
В одной из жалоб, направленных в Главный комитет по устройству сельского состояния, указывалось, что *«помещик граф Шереметев учредил особую форму укреплений, во всем сходную с казенной, издал вотчинные постановления в виде постоянного закона, открыл при вотчинной конторе крепостные столы, записные книги и т.п., ввел образцы купчих крепостей, духовных завещаний, променных записок и пр.»*[30].

Пуговица с ливреи с гербом рода Шереметевых

Управляющие, стоявшие во главе Контор, осуществлял всю полноту власти, данную им Шереметевым, при помощи разветвленной сети подчиненных и подотчетных должностных лиц.

По данным конца XIX столетия, управление многочисленными имениями графа С.Д. Шереметева было сосредоточено в руках 49 управляющих, из которых 20 человек имели домашнее образование, 13 среднее специальное, а 16 человек высшее специальное образование, причем 6 из них получили его в зарубежных учебных заведениях. Из 49 управляющих 24 человека были русскими, 23 — немцами, 1 из управляющих был поляком, и еще 1 — финном.

В Баландинской вотчине Шереметева всеми делами также ведал управляющий[31], которого местный люд боялся не меньше самого графа. В ведении здешней Конторы находились все предприятия поместья и земельные угодья площадью в 32.115 десятин, из которых около 9 тысяч десятин пашни сдавалось в аренду крестьянам.

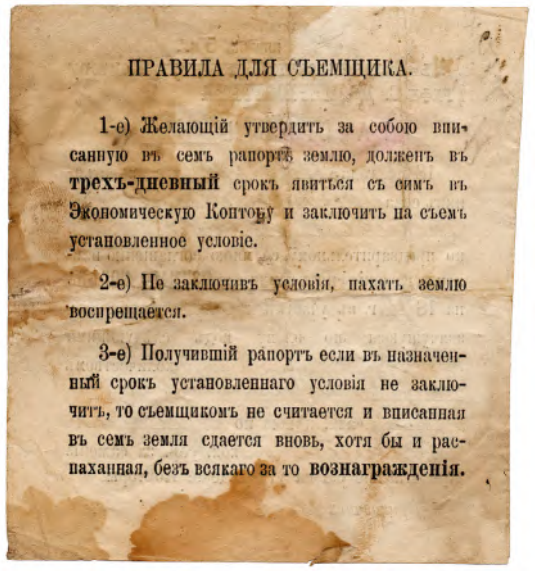


Книжка 5 л.
Въ Баландинскую Вотчинную Контору
Графа С. Д. ШЕРЕМЕТЕВА
РАПОРТЪ № 87
18 71 года Мая 22 дня, крестьянинъ села Голопые осинки
по предварительному со мною соглашенію изъявилъ желаніе снять земли для ОЗИМАГО ПОСѢВА
на 18 72 г. въ участкѣ Мастерской
значущуюся по плану подъ слѣдующими
№№ 610 количествомъ
саж.; цѣною по
коп. сер. за сажень.
Представляю сіе на утвержденіе Конторы.
Приказчикъ

Род Шереметевых на протяжении своей истории, по выражению историка К. Шепетова, *«вглядывался и вслушивался в крепостную деревню».* По общему мнению, в жизни этого рода выдерживался принцип «беречь крестьян — силу Рос-

[30] РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 546. Л. 1-1об.

[31] В конце 1870-х — начале 1880-х годов управляющие Баландинской конторой — Эдуард Фом. фон Рейс (1879 г.); Евграф Ив. Суров (1882 г.). Позднее: Андрей Карлович Кнорре (1901 г.), которого сменил Андрей Ильич Бажанов.



ПРАВИЛА ДЛЯ СЪЕМЩИКА.

1-е) Желающій утвердить за собою вписанную въ семъ рапортѣ землю, долженъ въ **трехъ-дневный** срокъ явиться съ симъ въ Экономическую Контору и заключить на съемъ установленное условіе.

2-е) Не заключивъ условія, пахать землю воспрещается.

3-е) Получившій рапортъ если въ назначенный срокъ установленнаго условія не заключитъ, то съемщикомъ не считается и вписанная въ семъ земля сдается вновь, хотя бы и распаханная, безъ всякаго за то **вознагражденія.**

сии», который передавался в семье из поколения в поколение: *«Будь верен преданиям рода нашего Шереметевых, служивших независимо и честно Родине и дорогому нашему крестьянству; носителю смиренному исконных наших заветов. Избави Бог тебя от суетности и гордыни»*, — писал в своем Духовном завещании к сыну С.Д. Шереметев.

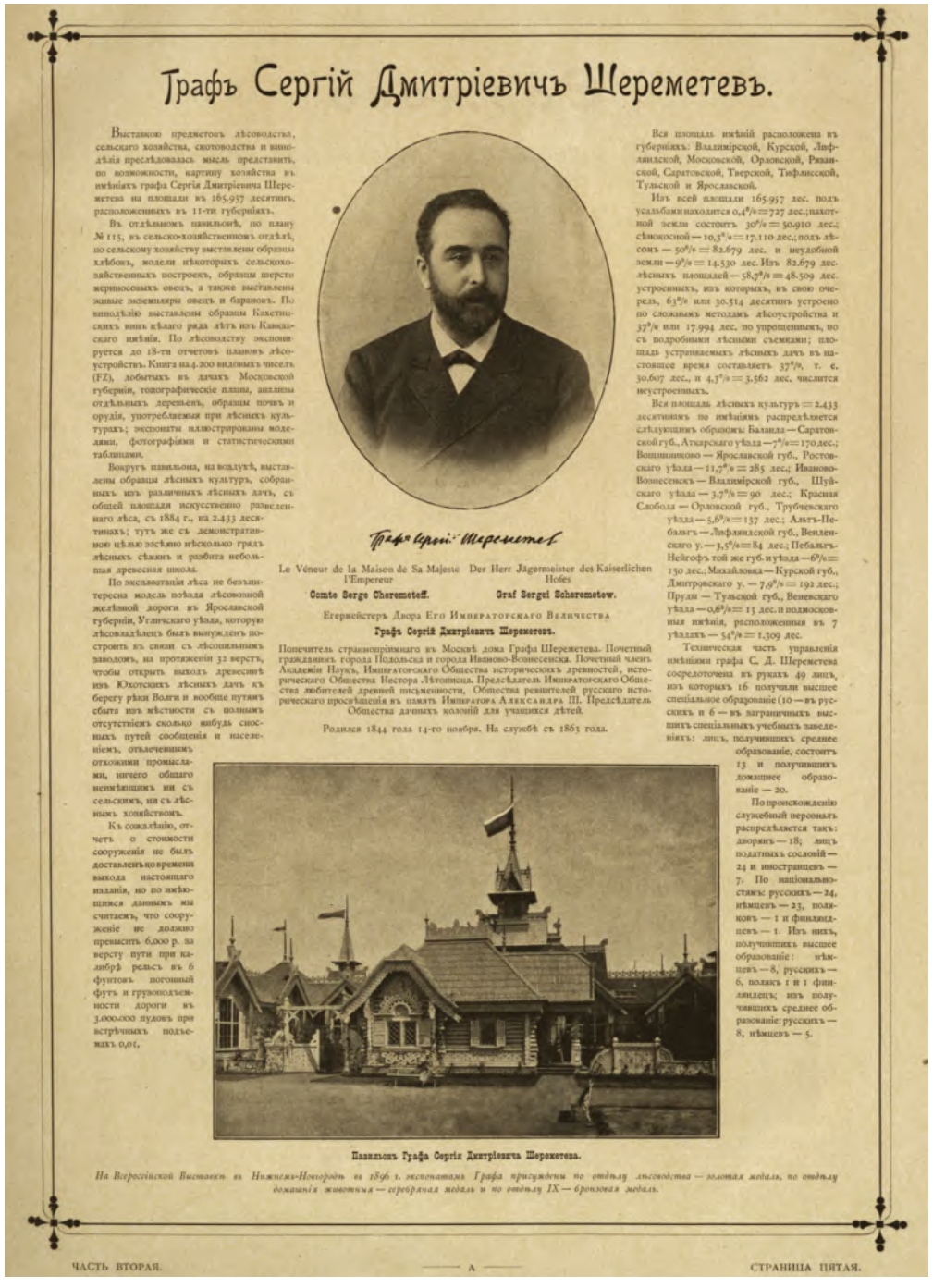
Однако в этой медовой картине не обходилось и без ложки дегтя. *«С помещиком нашим Шереметевым живем очень худо,* — рассказывал в начале XX столетия член Государственной Думы Никита Савельевич Кирносов, — *за то, что он сделал нам тесноту жизни. Раньше, когда снимали у него 37000 десятин, жили сто лет, не знали, что есть теснота. Потом завел четыреста плугов, отнял у нас тысячи десятин, стал пахать низы, выпер нас на верхи, на песчаные бугры. Известно, земля бывает разная. Хорошая у Бога украдет, да тебе отдаст. За нее платить не жалко. Пастьбу у нас отнял, собственное наше жниво не стал давать.*

...Нам без шереметевской земли дышать невозможно. У него луга, лес;, у нас — сыпучие холмы. Распашешь, посеешь хоть подсолнухов, ветром, песком подрежет, как ножами. ...Дождь бьет, как горох отскакивает. То наша земля. А он свою захотел отнять»[32].

Шереметевы отнюдь не были альтруистами в крестьянском вопросе. Они понимали, что крестьяне своей деятельностью, особенно «капиталистый» их тип, представляли определенный процесс самовозрастания капитала, то есть были сильным источником его накопления. В Шереметевских вотчинах складывался особый уклад бытовой жизни крестьян[33].

[32] Депутаты Второй Думы. Очерки и наброски. // Русское богатство, Май 1907 г. № 5.

[33] О жизни крепостных крестьян в вотчинах Шереметевых была написана монография известного исследователя Константина Никаноровича Щепетова, опубликованная в 1947 году: Щепетов К.Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708–1885). Под редакцией профессора Г.И. Полосина. — М.: Останкинский дворец-музей, 1947.



Графъ Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ.

Выставкою предметовъ лѣсоводства, сельскаго хозяйства, скотоводства и винодѣлія преслѣдовалась мысль представить, по возможности, картину хозяйства въ имѣніяхъ графа Сергія Дмитріевича Шереметева на площади въ 165.957 десятинъ, расположенныхъ въ 11-ти губерніяхъ.

Въ отдѣльномъ павильонѣ, по плану № 115, въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ, по сельскому хозяйству выставлены образцы хлѣбовъ, модели нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ построекъ, образцы шерсти мериносовыхъ овецъ, а также выставлены живые экземпляры овецъ и барановъ. По винодѣлію выставлены образцы Кахетинскихъ винъ цѣлаго ряда лѣтъ изъ Кавказскаго имѣнія. По лѣсоводству экспонируется до 18-ти отчетовъ планомъ лѣсоустройствъ. Книга на 4.200 видовыхъ чисель (FZ), добытыхъ въ дачахъ Московской губерніи, топографическіе планы, анализы отдѣльныхъ деревьевъ, образцы почвъ и орудія, употребляемыя при лѣсныхъ культурахъ; экспонаты иллюстрированы моделями, фотографіями и статистическими таблицами.

Вокругъ павильона, на воздухѣ, выставлены образцы лѣсныхъ культуръ, собранныхъ изъ различныхъ лѣсныхъ дачъ, съ общей площади искусственно разведеннаго лѣса, съ 1884 г., на 2.433 десятинахъ; тутъ же съ демонстративною цѣлью засѣяно нѣсколько грядъ лѣсныхъ сѣмянъ и разбита небольшая древесная школа.

По эксплоатаціи лѣса не безынтересна модель поѣзда лѣсовозной желѣзной дороги въ Ярославской губерніи, Угличскаго уѣзда, которую лѣсовладѣлецъ былъ вынужденъ построить въ связи съ лѣсоспильнымъ заводомъ, на протяженіи 32 верстъ, чтобы открыть выходъ древесинѣ изъ Юхотскихъ лѣсныхъ дачъ къ берегу рѣки Волги и вообще путямъ сбыта изъ мѣстности съ полнымъ отсутствіемъ сколько нибудь сносныхъ путей сообщенія и населеніемъ, отвлеченнымъ отхожими промыслами, ничего общаго неимѣющимъ ни съ сельскимъ, ни съ лѣснымъ хозяйствомъ.

Къ сожалѣнію, отчетъ о стоимости сооруженія не былъ доставленъ ко времени выхода настоящаго изданія, но по имѣющимся данными мы считаемъ, что сооруженіе не должно превысить 6.000 р. за версту пути при калибрѣ рельсъ въ 6 фунтовъ погоннный футъ и грузоподъемности дороги въ 3.000.000 пудовъ при встрѣчныхъ подъемахъ 0,01.

Графъ Сергій Шереметевъ.

Le Veneur de la Maison de Sa Majesté l'Empereur — Comte Serge Cheremeteff.

Der Herr Jagermeister des Kaiserlichen Hofes — Graf Sergei Scheremetow.

Егермейстеръ Двора Его Императорскаго Величества
Графъ Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ.

Попечитель странноприимнаго въ Москвѣ дома Графа Шереметева. Почетный гражданинъ города Подольска и города Иваново-Вознесенска. Почетный членъ Академіи Наукъ, Императорскаго Общества историческихъ древностей, историческаго Общества Нестора Лѣтописца. Предсѣдатель Императорскаго Общества любителей древней письменности, Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Предсѣдатель Общества дачныхъ колоній для учащихся дѣтей.

Родился 1844 года 14-го ноября. На службѣ съ 1863 года.

Павильонъ Графа Сергія Дмитріевича Шереметева.

На Всероссійской Выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 г. экспонаты Графа пригуждены по отдѣлу лѣсоводства — золотая медаль, по отдѣлу домашнія животныя — серебряная медаль и по отдѣлу IX — бронзовая медаль.

Вся площадь имѣній расположена въ губерніяхъ: Владимірской, Курской, Лифляндской, Московской, Орловской, Рязанской, Саратовской, Тверской, Тифлисской, Тульской и Ярославской.

Изъ всей площади 165.957 дес. подъ усадьбами находится 0,4%=727 дес.; пахотной земли состоитъ 30%=50.910 дес.; сѣнокосной — 10,3%=17.110 дес.; подъ лѣсомъ — 50%=82.679 дес. и неудобной земли — 9%=14.530 дес. Изъ 82.679 дес. лѣсныхъ площадей — 58,7%=48.509 дес. устроенныхъ, изъ которыхъ, въ свою очередь, 63% или 30.514 десятинъ устроено по сложнымъ методамъ лѣсоустройства и 37% или 17.994 дес. по упрощеннымъ, но съ подробными лѣсными съемками; площадь устраиваемыхъ лѣсныхъ дачъ въ настоящее время составляетъ 37%, т. е. 30.607 дес., и 4,3%=3.562 дес. числится неустроенныхъ.

Вся площадь лѣсныхъ культуръ=2.433 десятинамъ по имѣніямъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: Баланда — Саратовской губ., Аткарскаго уѣзда — 7%=170 дес.; Вощиниково — Ярославской губ., Ростовскаго уѣзда — 11,7%=285 дес.; Иваново-Вознесенскъ — Владимірской губ., Шуйскаго уѣзда — 3,7%=90 дес.; Красная Слобода — Орловской губ., Трубчевскаго уѣзда — 5,6%=137 дес.; Альтъ-Пебальгъ — Лифляндской губ., Венденскаго у. — 3,5%=84 дес.; Пебальгъ-Нейгофъ той же губ. и уѣзда — 6%=150 дес.; Михайловка — Курской губ., Дмитровскаго у. — 7,9%=192 дес.; Пруды — Тульской губ., Веневскаго уѣзда — 0,6%=13 дес. и подмосковныя имѣнія, расположенныя въ 7 уѣздахъ — 54%=1.309 дес.

Техническая часть управленія имѣніями графа С. Д. Шереметева сосредоточена въ рукахъ 49 лицъ, изъ которыхъ 16 получили высшее специальное образованіе (10 — въ русскихъ и 6 — въ заграничныхъ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ: лицъ, получившихъ среднее образованіе, состоитъ 13 и получившихъ домашнее образованіе — 20.

По происхожденію служебный персоналъ распредѣляется такъ: дворянъ — 18; лицъ податныхъ сословій — 24 и иностранцевъ — 7. По національностямъ: русскихъ — 24, нѣмцевъ — 23, поляковъ — 1 и финляндцевъ — 1. Изъ нихъ, получившихъ высшее образованіе: нѣмцевъ — 8, русскихъ — 6, поляковъ 1 и 1 финляндецъ; изъ получившихъ среднее образованіе: русскихъ — 8, нѣмцевъ — 5.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. — А — СТРАНИЦА ПЯТАЯ.

Страница из альбома участников Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде 1896 г., посвященная выставочному павильону С.Д. Шереметева

Итак, сложившаяся в послереформенной России система землепользования представляла собой весьма неординарное зрелище: помещикам принадлежало 70 миллионов десятин земли — более половины всего фонда частновладельческих земель. 155 земельным магнатам принадлежали 16,2 миллиона десятин, то есть более $^{1}/_{5}$ всего частного земельного фонда. Мелкому надельному землевладению крестьян в Европейской России принадлежало 124 миллиона десятин земли, а с землями казаков — 138 миллионов десятин. Если вспомнить, что *«крупная буржуазия, помещики, высшие чины и пр. составляли около 3 млн. человек»* из 125 миллионного населения страны, диспропорция становится весьма очевидной.

При этом, *«вследствие малоземелья крестьянские земли оказались более выпаханными и истощенными, чем помещичьи»* — в условиях все более острого дефицита земли крестьяне были вынуждены арендовать ее у помещика, что ложилось на хозяйство и вовсе непосильной экономической нагрузкой. Но альтернативой аренде был только голод.

Повсеместно земли передавались в аренду за отработку — крестьянин брал на себя обязательства обрабатывать поля помещика. Отличия капиталистического подхода от крепостного были налицо: все происходило совершенно добровольно, на капиталистическую барщину крестьянин шел как свободный человек, подгоняемый только голодом собственных детей…

«Брокгауз и Ефрон», чьих авторов трудно заподозрить в просоветской агитации, констатировал в начале XX века в России «крайнее расстройство крестьянского хозяйства», а в статье «Голод» подчеркивал: *«С половины XIX ст[олетия]. Западн[ая]. Европа избавлена от г[олода], вследствие перемены политического строя, подъема народного хозяйства, развития сети путей сообщений. В России г[олод] бывает до сих пор; таковы 1891–92, 1897–98, 1906–07 неурожайные годы, вызвавшие голод в обширных районах России»*...

Начиная с осени 1890 года на значительной части Российской империи установилась аномальная погода: зима пришла очень рано — первые морозы начались еще в конце октября, — и была суровой, но при этом выпало очень мало снега. Весна началась также аномально рано, в конце февраля, и была практически без осадков, очень сухой. В середине марта оттепель вновь сменилась морозами. Это были самые неблагоприятные условия для озимых зерновых, занимавших около половины общей площади посевов. С апреля же установилась жаркая, исключительно сухая погода, продолжавшаяся остаток весны и все лето. Это означало уже полный неурожай, губивший и озимые, и яровые посевы[34].

Запасы зерна в государственно-общественной системе продовольственной помощи, предназначенной для ликвидации подобных кризисов, на момент неурожая практически отсутствовали. Цены на продовольствие повсеместно росли, а спрос и цены на труд крестьян в зоне неурожая — падали. Существенная часть населения, таким образом, не имела ни зерна текущего урожая, ни запасов от предшествующих урожаев, позволяющих дожить до следующего урожая, ни возможности найти работу и жить на заработную плату...

[34] *Ермолов А.С.* Неурожай и народное бедствие. — СПб.: Типография В. Киршбаума, 1892.

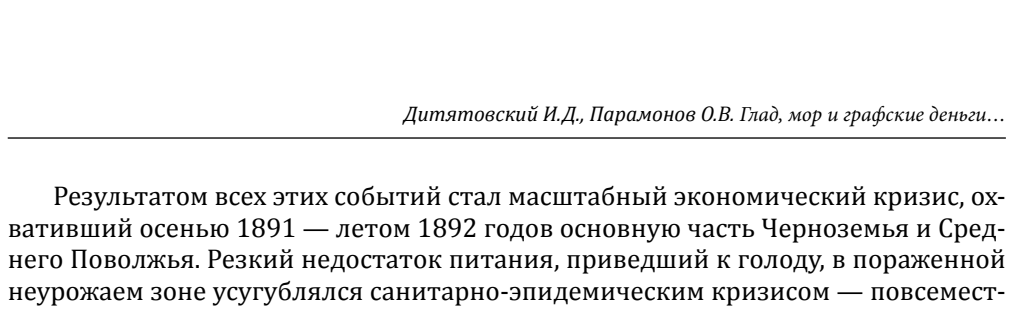
Результатом всех этих событий стал масштабный экономический кризис, охвативший осенью 1891 — летом 1892 годов основную часть Черноземья и Среднего Поволжья. Резкий недостаток питания, приведший к голоду, в пораженной неурожаем зоне усугублялся санитарно-эпидемическим кризисом — повсеместно свирепствовали эпидемии тифа и холеры.

Размер зоны, охваченной бедствием, был велик — серьезно пострадавшими были признаны 17 губерний, в которых проживало более 30 миллионов человек: Воронежская, Вятская, Казанская, Нижегородская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тобольская, Тульская, Уфимская, Херсонская. Основной зоной неурожая были Воронежская и расположенные смежно Казанская, Самарская, Саратовская губернии, в которых проживало около 9 миллионов человек.

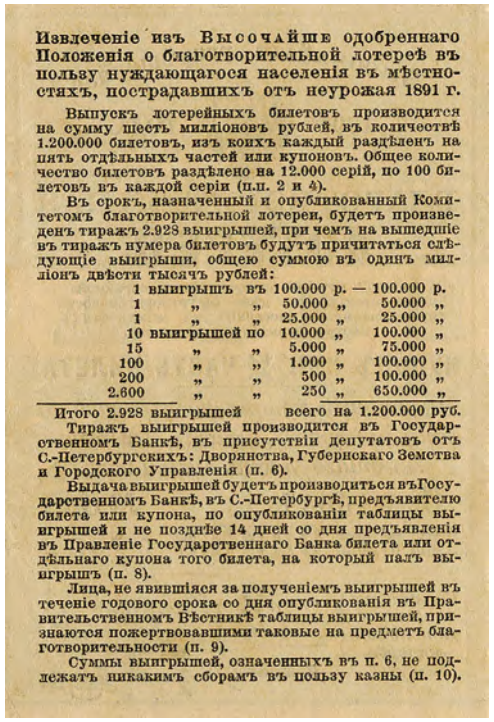
В результате неурожая и эпидемий в 1891–1892 годах общее увеличение смертности составило около 400 тысяч человек!

Земства с начала лета 1891 года забили тревогу. Не доверяя сведениям земств и тем более паническим слухам в обществе, правительство долго не решалось официально признать сам факт голода, несмотря на то, что меры по борьбе с ним уже предпринимались. Вплоть до октября – ноября 1891 года цензура запрещала публиковать наиболее вопиющие известия о голоде, а само слово «голод» заменяла на «неурожай»…

Между тем множество добровольцев уже отправилось в пострадавшие губернии организовывать помощь голодающим энтузиасты начали сбор денег.



Билеты 1 и 2-го выпусков государственной лотереи 1891г. в помощь населению, пострадавшему от неурожая



Извлеченіе изъ Высочайше одобреннаго Положенія о благотворительной лотереѣ въ пользу нуждающагося населенія въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1891 г.

Выпускъ лотерейныхъ билетовъ производится на сумму шесть милліоновъ рублей, въ количествѣ 1.200.000 билетовъ, изъ коихъ каждый раздѣленъ на пять отдѣльныхъ частей или купоновъ. Общее количество билетовъ раздѣлено на 12.000 серій, по 100 билетовъ въ каждой серіи (п.п. 2 и 4).

Въ срокъ, назначенный и опубликованный Комитетомъ благотворительной лотереи, будетъ произведенъ тиражъ 2.928 выигрышей, при чемъ на вышедшіе въ тиражъ нумера билетовъ будутъ причитаться слѣдующіе выигрыши, общею суммою въ одинъ милліонъ двѣсти тысячъ рублей:

1	выигрышъ въ	100.000 р.	— 100.000 р.
1	„ „	50.000 „	50.000 „
1	„ „	25.000 „	25.000 „
10	выигрышей по	10.000 „	100.000 „
15	„ „	5.000 „	75.000 „
100	„ „	1.000 „	100.000 „
200	„ „	500 „	100.000 „
2.600	„ „	250 „	650.000 „

Итого 2.928 выигрышей всего на 1.200.000 руб.

Тиражъ выигрышей производится въ Государственномъ Банкѣ, въ присутствіи депутатовъ отъ С.-Петербургскихъ: Дворянства, Губернскаго Земства и Городского Управленія (п. 6).

Выдача выигрышей будетъ производиться въ Государственномъ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, предъявителю билета или купона, по опубликованіи таблицы выигрышей и не позднѣе 14 дней со дня предъявленія въ Правленіе Государственнаго Банка билета или отдѣльнаго купона того билета, на который палъ выигрышъ (п. 8).

Лица, не явившіяся за полученіемъ выигрышей въ теченіе годового срока со дня опубликованія въ Правительственномъ Вѣстникѣ таблицы выигрышей, признаются пожертвовавшими таковые на предметъ благотворительности (п. 9).

Суммы выигрышей, означенныхъ въ п. 6, не подлежатъ никакимъ сборамъ въ пользу казны (п. 10).

ДОХОДЪ отъ сей лотереи будетъ обращенъ исключительно на дѣло благотворительности нуждающемуся населенію въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая.

События тех «голодных лет» вызвали значительный резонанс в общественной жизни России — как отметил в то время русский писатель Глеб Иванович Успенский: *«Не было другого события, столь оживленно обсуждаемого русской печатью, публицистами, писателями и журналистами различных направлений, как „летопись народного разорения“...»*

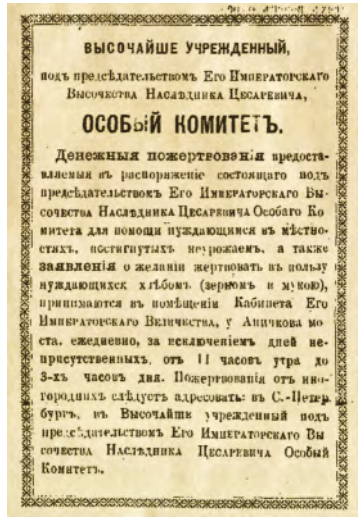
Сторонние заработки крестьян во время неурожая заметно уменьшились. Урожай помещиков пострадал в той же мере, что и крестьянский, а вместе с ним уменьшился и объем работ, к которым помещики привлекали крестьян. Лишенные обычной работы в соседних имениях, крестьяне массово устремились в крупные города; увеличенное предложение неквалифицированного труда вызвало падение заработной платы. Множество крестьян не смогли найти никакой работы в городах и были вынуждены вернуться в деревни, зря истратив последние деньги на поиск работы. Правительство пыталось организовать общественные работы, затратив на эти цели 9,6 миллиона рублей; но, не имея должного опыта, неудовлетворительно справилось с задачей.

Крестьяне пострадавших губерний уже летом 1891 года столкнулись с безработицей. В августе 1891 года правительство отменило сбор за выдачу паспортов для крестьян 18 губерний (паспорта требовались для выезда за пределы губернии проживания), надеясь этим стимулировать поиск крестьянами работы в других местностях.

Попытки правительства организовать масштабные общественные работы (с тем, чтобы крестьянское население смогло питаться самостоятельно на заработанные деньги) с самого начала оказались неудачными — громоздкая бюрократическая машина тормозила любые решения. Земства между тем пытались самостоятельно организовать общественные работы, состоявшие преимущественно в благоустройстве селений и ведущих к ним дорог. Эти мероприятия оказались и полезнее, и эффективнее, чем казенные работы. Однако и без того скромные бюджеты земств были подорваны различными экстренными расходами, связанными с голодом, и общественные работы проводились в незначительном объеме.

Благотворительная «народная» столовая в период великого голода 1890-х

18 ноября 1891 года был создан «Особый Комитет наследника цесаревича Николая Александровича» (официально именовавшийся «Особый комитет по оказанию помощи населению губерний, пострадавших от неурожая»). Задачами Комитета, являвшегося официальным учреждением при Министерстве внутренних дел, были накопление пожертвований и согласование различных видов благотворительной помощи. Среди других крупных жертвователей Комитета был и внесший 100 тысяч рублей граф А.Д. Шереметев[35] — единокровный брат владельца Баланды.



ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННЫЙ,

подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича,

ОСОБЫЙ КОМИТЕТЪ.

Денежныя пожертвованія предоставляемыя въ распоряженіе состоящаго подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Особаго Комитета для помощи нуждающимся въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, а также заявленія о желаніи жертвовать въ пользу нуждающихся хлѣбомъ (зерномъ и мукою), принимаются въ помѣщеніи Кабинета Его Императорскаго Величества, у Аничкова моста, ежедневно, за исключеніемъ дней неприсутственныхъ, отъ 11 часовъ утра до 3-хъ часовъ дня. Пожертвованія отъ иногородныхъ слѣдуетъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Высочайше учрежденный подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Особый Комитетъ.

Цены на хлеб неуклонно росли. В целом в регионах, удаленных и от производства, и от неурожая, цены повысились в 1,7–1,8 раза; в зоне голода — в 2,3–2,5 раза, в зоне производства хлеба, не пораженной неурожаем, — в 1,9–2 раза[36].

Например, в центре голода — Саратове — цена на рожь, составлявшая до голода 55 копеек за пуд, к июлю 1891 года (когда неурожай стал очевидным) достигла 107 копеек, к январю–февралю 1892 года (пик закупочной кампании земств) дошла до 146 копеек, а по завершении закупок упала до 107–114 копеек, продержавшись на этом уровне до нового урожая.

[35] Граф Александр Дмитриевич Шереметев (1859–1931) — русский меценат и музыкант-любитель из рода Шереметевых, создатель частного оркестра, начальник Придворной певческой капеллы. Владелец усадеб Ульянка, Вороново и Александрино.

[36] *Измайлов А.* Железные дороги в неурожай 1891 года. — СПб., 1895. С. 6–15.

В Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, в фонде Шереметева, хранится среди прочих Дело об уборке урожая, о посылке денег в Главную контору и открытии кухни для бедных в селе Баланде в 1890–1891 годах[37]. Именно в это непростое время «народного разорения» Баландинской конторой в вотчине графа С.Д. Шереметева, которой управлял *Евграф Иванович Суров* (1846–1907), выпущены были специальные ярлыки: **«Предъявителю сего следует уплатить ... копеек».**

Принадлежавший к зажиточному слою крестьян, Никита Кирносов на вопрос корреспондента журнала «Русское богатство»[38], из богатой ли он семьи, сообщал: *«Я сын солдатский, у нас и надела не было. Но живу я, правду сказать, не плохо. Тесть у меня жил, как следует, а я по нем. И земля у меня есть купленная, саду десятинка. У других и того нет. Раньше деньжонки были, но в три года все вышли, в 1891, 1892 и в 1893 году. Посеял двенадцать десятин проса — это пропало. Что было хлеба в амбаре — роздал людям, ничего назад не пришло»*[39].

Именно эти даты: **«1890», «1891», «1892»** — значились на выпущенных Баландинской конторой ярлыках[40].

Различные денежные суррогаты и «частные» боны не были в новинку в Саратовской губернии *«В 60-х гг. Коммерческим клубом*[41] *выпускались в обращенье особые денежные марки, рублей на 300–400 в год. Выпуск их объяснялся ничтожным количеством серебра, находившегося в обращении. Марками расплачивались с извозчиками, в магазинах и с частными лицами. На этих марках Клуб получил пользы 200 р., так как именно на эту сумму Клубу не было представлено марок для оплаты»*[42].

Однако в начале 70-х годов XIX столетия любые негосударственные выпуски денежных знаков и их обращение на территории Российской империи были законодательно запрещены — выходят дополнительные правительственные распоряжения, ужесточающие контроль над самовольными эмиссиями *«Дополнение. (по прод. 1871 г.) Виновный в выпуске в обращение без именных денежных знаков* [т.е. на предъявителя], *независимо от обязанности немедленного, по предъявлении, обмена оных на наличные деньги и вознаграждения за причиненные сим выпуском убытки, подвергается: в первый раз тюремному заключению на время от двух до четырех месяцев; а во второй и последующие разы — от четырех до восьми месяцев»,* — указывалось в Уголовном уложении[43].

[37] РГИА. Ф. 1088. Оп. 11. (разд. 1). Д. 294.

[38] «Русское богатство» (первоначально называвшийся «Журнал торговли, промышленности, земледелия и естествознания») — ежемесячный литературный и научный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге с 1876 по 1918 г.

[39] Депутаты Второй Думы. Очерки и наброски. // Русское богатство, 1907. № 5.

[40] Среди прочих значений слова «ярлык» Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля давал следующее пояснение: *«всякая записка, выданная для получения чего или в виде расписки».*

[41] Коммерческий (купеческий) клуб в Саратове был открыт в 1859 г. (в д. Тюльпина в Гимназическом пер.). К концу 60-х гг. общее число действительных членов и членов-посетителей превышало 300 человек В 1870-х гг. клуб преобразован в «коммерческое собрание».

[42] *Хованский Н.Ф.* Немецкий и коммерческий клубы в Саратове. // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. — Саратов: Издание саратовского Общества вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. С. 357.

Подобными законодательными актами практика выпуска «частных» денежных знаков сводилась к нулю. К концу же столетия и сама нужда в использовании денежных суррогатов отпала, в связи с достаточно налаженной системой денежного обращения.

Так что же послужило причиной того, что накануне XX века, когда уже практически не существовало проблем с разменной монетой и мелкими номиналами кредитных билетов, во владениях Шереметевых в Аткарском уезде был создан и введен в обращение собственный финансовый инструмент?

Фамильный герб Шереметевых.

Основные причины, ставшие предпосылкой к выпуску ярлыков, следует искать как в своеобразной системе финансовых взаимоотношений, сложившейся между вотчинным управлением и крестьянами, так и в масштабном кризисе, случившемся в России.

Являвшиеся денежными обязательствами на предъявителя, ярлыки Баландинской конторы графа Сергея Дмитриевича Шереметева имели размер приблизительно 40×45 мм и отпечатаны были (по всей видимости, в Типографии В.И. Миловидова в уездном Аткарске) типографским способом на плотной бумаге без водяных знаков, имевшей сложную структуру.

Еще 14 января 1829 года англичанином Дикстоком был взят патент на выработку бумаги, в которую ввели хлопчатобумажные нити. Впоследствии подобная бумага широко использовалась для изготовления разного рода ценных бумаг как один из способов их защиты от подделки. Присутствуют вкрапления в бумагу разноцветных защитных волокон и на некоторых номиналах баландинских ярлыков.

Ярлыки каждого номинала печатались на бумаге определенного цвета:

номинал	бумага
5 коп.	белая
7 коп.	серая
10 коп.	кремовая
12 коп.	синяя
15 коп.	кремовая

номинал	бумага
17 коп.	белая
20 коп.	желтая
22 коп.	голубоватая
25 коп.	лиловая
30 коп.	розовая

номинал	бумага
35 коп.	белая
40 коп.	белая
50 коп.	розовая
70 коп.	кремовая
1 руб.	белая

[43] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. — СПб., 1873. С. 344. Ст. 11501.

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918)

5 копеек, 1-й выпуск, 1891 г. 7 копеек, 1-й выпуск, 1891 г.

10 копеек, 1-й выпуск, 1890 г. 10 копеек, 1-й выпуск, 1891 г.

12 копеек, 1-й выпуск, 1891 г. 15 копеек, 1-й выпуск, 1890 г.

15 копеек, 2-й выпуск, 1891 г. 17 копеек, 1-й выпуск, 1890 г.

20 копеек, 1-й выпуск, 1890 г. 20 копеек, 1-й выпуск, 1890 г., погашен в 1892 г.

20 копеек, 1-й выпуск, 1891 г.

20 копеек, 2-й выпуск 1891 г., погашен в 1892 г.

22 копейки, 1-й выпуск, 1891 г.

25 копеек, 2-й выпуск, 1891 г.

30 копеек, 1-й выпуск, 1890 г., «Баландинская»

30 копеек, 1-й выпуск, 1890 г.

30 копеек, 1-й выпуск, 1891 г.

30 копеек, 2-й выпуск, 1891 г.

35 копеек, 1-й выпуск, 1891 г.

40 копеек, 1-й выпуск, 1890 г., «Баландинская»

40 копеек, 1-й выпуск, 1890 г.

40 копеек, 1-й выпуск, 1891 г.

50 копеек, 1-й выпуск, 1891 г.

70 копеек, 1-й выпуск, 1891 г.

1 рубль, 1-й выпуск, 1890 год.

Все даты выдачи ярлыков конторами Баландинской вотчины приходятся, как правило, на период с **апреля** по **октябрь.**

Как указывалось в Статистическом сборнике, изданном в 1859 году: *«Годовые работники встречаются преимущественно у крестьян, особенно у тех, которые пользуются некоторой зажиточностью или имеют несколько обширное хозяйство. Помещики мало содержат годовых работников, исполняя зимние работы барщинными людьми. Гораздо чаще встречается как у помещиков, так и у государственных крестьян наем летних срочных работников. Сроки найма начинаются всегда с Пасхи и продолжаются либо до Покрова (1 октября), либо до Филипповского заговенья (14 ноября)»*[44].

Что же касается расценок сезонных сельхозработ в середине столетия, то Справочник указывал, что при жатве сдельный наем более употребителен, чем поденный, и оплата производится *«или от сотенника*[45]*, или от сажня (т.е. при длине полосы в 100 сажен, за каждую поперечную сажень), или, наконец, от сотни снопов».* За скос сажня пшеницы получают от 5 до 6 копеек серебром, а со связкой хлеба в снопы — вдвое дороже. За покос сажня ржи — от 2 до 3 коп. сер., а со связкой снопов — до 6 коп. За каждую сотню сжатых и связанных снопов — от 35 до 70 коп. серебром.

Довольно часто, особенно осенью, нанимались работники для молотьбы, которым платили либо поденно от 20 до 23 коп. серебром, либо за обмолот копны в 52 снопа от 23 до 30 копеек, либо от мерки чистого зерна: за пшеницу по 6 коп., а за рожь — по 3 коп. серебром[46].

Эти данные помогают нам яснее представить уровень тогдашних расценок и, с некоторыми поправками, иметь представление о том, ярлыки каких номиналов были в ходу в Баландинской вотчине.

На данный момент известны и документально подтверждены выпуски ярлыков от 5 копеек до 1 рубля пятнадцати различных достоинств[47]. В первую очередь, конечно же, вызывают некоторое удивление столь непривычные для денежных знаков номиналы в 7, 12, 17, 22, 30, 35, 40 и 70 коп., что выпускались наряду с ярлыками «обыкновенных» номиналов в 5, 10, 15, 20, 25, 50 копеек и 1 рубль.

[44] Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии, составленная по сведениям, собранным Саратовскою комиссией для уравнения денежных сборов с государственных крестьян. — СПб., 1859. С. 98.

[45] Сотенник — мера площади, равная 100 квадратным саженям. Одна казенная (трехаршинная) сажень, согласно указанию Николая I «О системе российских мер и весов», приравнена к длине 7 английских футов (84 дюйма) и равна 2,1336 метра.

[46] Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии. — СПб., 1859. С. 95.

[47] Однако результаты изучения системы нумерации ярлыков приводят к выводу, что существует весьма большая вероятность того, что общее число знаков в номинальном ряду могло быть несколько больше, и не исключена возможность обнаружения ярлыков ранее не встречавшихся номиналов.

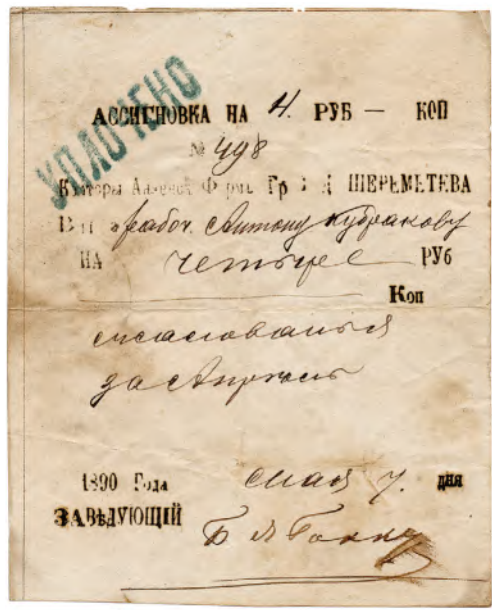
В структуре номинального ряда прослеживается некая схема. Разница между наименьшим известным номиналом в 5 коп. и следующим в ряду номиналом в 7 коп. составляет 2 копейки. Между 7 коп. и следующим номиналом в 10 коп. — разница в 3 копейки. Затем, «шаг» до следующего номинала — вновь 2 копейки. Такая очередность прослеживается вплоть до девятого в ряду номинала в 25 коп. Далее «шаг» между четырьмя номиналами с 25 до 40 коп. увеличивается до 5 копеек, а начиная с 40 коп. и до 1 рубля «пошаговая» разница в ряду номиналов последовательно увеличивается в прогрессии на 10 копеек:

шаг	Номиналы ярлыков														
—	5														
2		7		12		17		22							
3			10		15		20		25						
5										30	35	40			
10													50		
20														70	
30															1 р.

Варьируя при выдаче набор ярлыков столь нестандартных достоинств, можно было подобрать достаточно много некруглых денежных сумм, используя при этом минимальное количество знаков.

Значительные же суммы в размере нескольких рублей выдавались из вотчинной конторы уже не ярлыками на предъявителя, а специальными именными ордерами — «ассигновками» вотчинной Конторы, в которых указывалось не только имя получателя, но так же и то, за что производились выплаты, и сумма долга: **«Ассигновка на** *4* **руб. — коп. / №** *498* **/ Конторы Анненск. Фермы Графа С.Д. Шереметева / Выд.** *рабоч. Антону Кубракову* **/ На** *четыре* **Руб. — Коп.** */ жалованья за Апрель* **/ 1890 Года** *Мая 7* **Дня / Заведующий...»**

Для единовременной выплаты сумм, не столь значительных, в качестве оплаты выдавались ярлыки на предъявителя — именно то, что в правительственном распоряжении 1870 года о запрете выпуска частных бон именовалось *«без имянными денежными знаками».*



Ассигновка на 4 руб., выданная Конторой Анненской фермы 7 сент. 1890 г. (105×110 мм)

На лицевой стороне баландинских ярлыков, кроме серийного номера и цифрового обозначения номинала, значился текст: **«Ярлыкъ / Баландинской Конторы / Графа / С.Д. Шереметева. / Предъявителю се- / го слѣдуетъ уплатить / ...»** и словесное обозначение номинала в копейках.

На обороте всех знаков проставлялся при выпуске оттиск штампа (штемпельной краской черного или фиолетового цвета) с указанием эмитента: **«Фермерская Контора / ... / Гр. С.Д. Шереметева»**[48] (печать овальной формы), либо **«Баландинская контора / ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА / Графа Сер. Дмит. / ШЕРЕМЕТЕВА»** (прямоугольный штамп без рамки) и датой выпуска.

Практически все сохранившиеся ярлыки выпущены от имени «Фермерской Конторы». Ярлыки же со штампом «Баландинской Конторы» известны лишь в нескольких экземплярах и являются крайне редкими.

СИСТЕМА НУМЕРАЦИИ ЯРЛЫКОВ

Орешек знанья тверд...
Но все же мы не привыкли отступать!

Для нумерации ярлыков Баландинской конторы графа Сергея Дмитриевича Шереметева разработана была достаточно прихотливая система с использованием двухсоставного номера.

Все отрывавшиеся от перфорированного листа знаки имели только серийную нумерацию — каждый отдельный ярлык, не индивидуального порядкового номера, снабжался лишь общим контрольным номером серии. Ныне установить доподлинно количество знаков, грифовавшихся одним и тем же серийным номером, крайне проблематично. Мы можем предполагать, что для всех номиналов баландинских ярлыков печаталось одинаковое и строго определенное количество знаков (т.е. неразрезанных листов ярлыков) в каждой серии[49] — в противном случае система сквозной нумерации не имела бы смысла для учета, который был хорошо поставлен в Конторе[50].

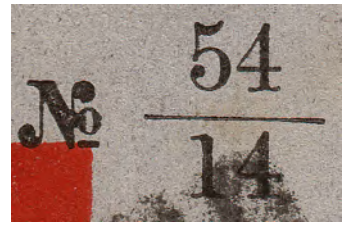
К сожалению, в связи с небольшим количеством доступного для изучения материала, не представляется возможным восстановить также в полном объеме и безошибочно всю последовательность распределения серийных номеров по номиналам. Однако данные кропотливого анализа сохранившейся выборки позволяют сделать весьма интересные и достаточно определенные выводы.

Прежде всего, структура серийного номера в виде дроби с двумя цифровыми кодами позволяет определить текущий номер серии в сквозной нумерации для всей эмиссии (цифры в числителе), а также для каждого отдельного номинала (в знаменателе дроби).

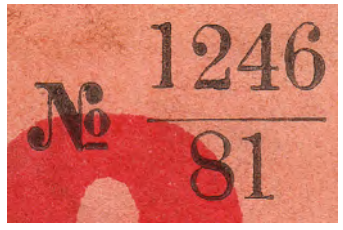
[48] Имеется в виду специальная Контора заведующего фермами (фермерская контора) Баландинской вотчины графа С.Д. Шереметева (среди них известны, к примеру, Плаксинская сельскохозяйственная ферма или упомянутая Анненская ферма).

[49] При этом количество пронумерованных одним и тем же серийным номером знаков, судя по числу сохранившихся до наших дней ярлыков с одинаковыми номерами, было никак не меньше 18.

[50] См.: Записка о введении двойного счетоводства в Баландинской конторе. 1893 г. // РГИА. Ф. 1088. Оп. 11. (раздел 1). Д. 316.



В верхней части номера давалась непрерывная числовая последовательность серий для всех в совокупности отпечатанных знаков (от № 1/х до максимально известного ныне № 1246/х), что позволяет нам со всей определенностью утверждать, что общий тираж всех ярлыков Баландинской конторы составлял не менее 1246 серий различных номиналов.



В нижней же части дроби под чертой — давалась параллельно с основной непрерывной нумерацией отдельная последовательность номеров серий для конкретного номинала ярлыков.

Таким образом, 5-копеечные знаки (наименьшего достоинства в восходящем номинальном ряду баландинских ярлыков) имели номера серий: № 1/1, № 2/2, № 3/3 и далее вплоть до № 40/40.

Затем 7-копеечные знаки, продолжая непрерывную общую последовательность номеров в числителе дроби, заново начинали собственную отдельную нумерацию в знаменателе, огрифовываясь следующими номерами серий: № 41/1, № 42/2, № 43/3 ... № 54/14 и т.д.; всего сорок серий до № 80/40.

Следующий в номинальном ряду гривенник имел номера с № 81/1 и до № 140/60. Подобным же образом (начиная с «х/1» в знаменателе) пронумеровывались изготовленные партии ярлыков всего номинального ряда[51] вплоть до 1 рубля включительно, после чего сквозная непрерывная нумерация была продолжена позднее в дополнительном выпуске разменных ярлыков некоторых номиналов.

По результатам проведенного исследования можно со всей определенностью утверждать о двух последовательных выпусках ярлыков: основного, изготовленного в 1890 году (всех знаков номинального ряда от 5 коп. до 1 руб.) ,и дополнительного второго завода тиража[52] в 1891 году (ярлыков, как минимум, четырех номиналов в 15, 20, 25 и 30 коп.).

[51] Необходимо отметить, что при сквозной нумерации серий всех ярлыков номинального ряда был первоначально пропущен номинал в 17 копеек, позднее добавленный в плановую схему в следующем порядке: «...15 коп. — 20 коп. — 22 коп. — 17 коп. — 25 коп.» и т.д. Это было единственным отклонением в стройной последовательности непрерывной нумерации серий по номиналам.

[52] В полиграфии употребляется такой архаичный термин, как «завод тиража»: первый завод — основной и второй завод — т.е. часть общего тиража, отпечатанная с одного и того же набора позднее или в другом месте.

Схема нумерации ярлыков основного и дополнительного выпусков сложным двухсоставным номером серии

№	номинал	нумерация в числителе	нумерация в знаменателе	серийный тираж
1.	**5** копеек	**1** /х — **40** /х	х/ **1**— х/ **40**	40 серий
2.	**7** копеек	**41** /х — **80** /х	х/ **1** — х/ **40**	40 серий
3.	**10** копеек	**81** /х — **140** /х	х/ **1** — х/ **60**	60 серий
4.	**12** копеек	**141** /х — **180** /х	х/ **1** — х/ **40**	40 серий
5.	**15** копеек	**181** /х — **230** /х	х/ **1** — х/ **50**	50 серий
6.	**20** копеек	**231** /х — **410** /х	х/ **1** — х/ **180**	180 серий
7.	**22** копейки	**411** /х — **430** /х	х/ **1** — х/ **20**	20 серий
8.	**17** копеек	**431** /х — **460** /х	х/ **1** — х/ **30**	30 серий
9.	**25** копеек	**461** /х — **550** /х	х/ **1** — х/ **90**	90 серий
10.	**30** копеек	**551** /х — **630** /х	х/ **1** — х/ **80**	80 серий
11.	**35** копеек	**631** /х — **680** /х	х/ **1** — х/ **50**	50 серий
12.	**40** копеек	**681** /х — *800* /х	х/ **1** — *х/ 120(?)*	*120 серий (?)*
13.	**50** копеек	**801** /х — *955* /х	х/ **1** — *х/ 155(?)*	*155 серий (?)*
14.	**70** копеек	**956** /х — *1045* /х	х/ **1** — *х/ 90(?)*	*90 серий (?)*
15.	**1** рубль	**1046** /х — *1135* /х	х/ **1** — *х/ 90(?)*	*90 серий (?)*
	?	……	……	……
16.	**15** копеек	**1136** /х — **1175** /х	х/ **51** — х/ **90**	40 серий
17.	**20** копеек	**1176** /х — **1215** /х	х/ **181** — х/ **220**	40 серий
18.	**25** копеек	**1216** /х —**1245** /х	х/ **91** — х/ **120**	30 серий
19.	**30** копеек	**1246** /х — **… …**	х/ **81** — х/ **…** [53]	не менее 1 серии
	?	……	……	……

На 15-копеечном ярлыке первого выпуска (№ 202/22) стоит дата выдачи **«1890 года Іюль 21 дня»**, на пятиалтынном же второго, дополнительного выпуска (№ 1172/87): **«1891 г. Октрь …»**. На двугривенных ярлыках первого выпуска даты выдачи из Фермерской конторы: **«1890 года Май 25 дня»**, **«1890 года Іюнь 14 дня»**, **«1890 года Авгтъ 20 дня»**, вплоть до **«1891 г. Іюнь 4 дня»** и, возможно, позднее. На двадцатикопеечнике же уже второго, дополнительного выпуска: **«1891 г. Октрь 9 дня»**.

Если знаки первого выпуска выдавались конторами с апреля по октябрь 1890 года, то самый ранний срок выдачи ярлыка из дополнительного тиража известен на 30-копеечнике (№ 1246/81): **«1891 г. Іюль 19 дня»**. Исходя из этого, мы можем приблизительно датировать второй выпуск — не позднее июня 1891 года.

[53] Можно предположить по аналогии с предыдущим номиналом, что 30-копеечных ярлыков могло быть изготовлено также 30 серий. В таком случае нумерация их могла заканчиваться гипотетическим № 1275/110.

Таким образом, ярлыки первого выпуска выдавались конторами Баландинской вотчины в сезон 1890/91 хозяйственного года; в новом сезоне 1891/92 г. наряду с ними использовались также знаки из дополнительного второго завода тиража.

Только с высоким урожаем 1893 года народное бедствие закончилось, наконец, по всей территории России. *«Урок переживаемого нами бедствия слишком наглядно доказал необходимость постановки более широкого вопроса — о восстановлении ослабевших сил русского народа, об обеспечении его существования не только в данный неурожайный год, но и на будущее время, с предупреждением в будущем самой возможности повторения подобных бедствий»*[54], — писал министр земледелия А.С. Ермолов в своей книге про экстремальный кризис в связи с неурожаем и голодом 1891–1892 годов.

К 1893 году все графские ярлыки Баландинской конторы были оплачены: на лицевой стороне всех известных на данный момент знаков проставлены штампы о погашении: **«УПЛОЧЕНО»** (либо с сокращением **«УПЛАЧ:»** и указанием даты погашения, как правило, в 1892 г.).

Самым массовым тиражом среди всех баландинских бон изготовлены были ярлыки достоинством в **20 копеек** — в основном выпуске это было 180 серий (с № 231/1 до № 410/180) и еще 40 дополнительно отпечатанных позднее (с № 1176/181 до № 1215/220) — в общей сложности 220 серий, что подтверждается и статистическим анализом смежных в номинальном ряду знаков, доступных для изучения.

Двугривенный был не только удобен и привычен, но и соразмерен в расчетах тогдашнему уровню цен, поэтому столь массовое изготовление двадцатикопеечников не вызывает особых сомнений и вопросов.

Весьма объемным, как оказалось, был и тираж ярлыков достоинством в **40 копеек** — возможно, 120 серий (с серии № 681/1 и, предположительно, до № 800/120; максимально известный лишь № 757/77)[55].

Вторым по объему общего тиража был номинал в **50 копеек** — предположительно 155 серий (с № 801/1 и гипотетически до 955/155; но максимальный известен лишь № 857/57)[56].

Подобные же соображения приводят нас к выводу, что могли выпускаться также номиналы и между **70 копейками** (с № 956/1 предположительно до серии 1045/90; известен лишь № 970/15) и **1 рублем** (печатавшимся начиная с серии № 1046/1). Для нестандартного семигривенного номинала 90 серий тиража кажутся необоснованно завышенными в сравнении с 20, 30 или 40 сериями для подобных «некруглых» номиналов ярлыков. Не исключено, что часть общей сквозной

[54] *Ермолов А.С.* Неурожай и народное бедствие. — СПб.: Типография В. Киршбаума, 1892. С. 260.

[55] Здесь нельзя полностью исключать возможность того, что некоторая часть сквозной нумерации после «757» и до «800» могла приходиться на гипотетический номинал в 45 копеек, к примеру.

[56] Не исключена вероятность того, что между 50 и 70 копейками в номинальном ряду были предусмотрены еще промежуточные позиции (к примеру, в *55 коп.* или *60 коп.*); в таком случае часть общей сквозной нумерации после «857» и до «955» приходилась бы на эти знаки. К сожалению, уточнить это предположение сейчас затруднительно в силу чрезвычайно малого количества сохранившихся знаков.

нумерации серий после «970» и до «1045» могла приходиться на гипотетические ярлыки достоинством в *75 коп., 80 коп.* или *90 коп.,* обнаружение которых было бы весьма вероятно, если бы не чрезвычайная редкость подобных знаков.

Тираж 1-рублевых ярлыков представляется достаточно большим — вероятно, 90 серий (с № 1046/1 и, предположительно, до 1135/90). Однако, поскольку знак этот известен лишь в единственном экземпляре (серии № 1049/4), нельзя с полной ответственностью утверждать, что часть непрерывной нумерации до «1135» не приходилась уже на иной знак в восходящем номинальном ряду первого выпуска (допустим, 3-рублевый, существование которого нельзя полностью исключать), либо же на дополнительный второй тираж 10-копеечных, к примеру, ярлыков (хотя на сегодняшний день подобный номинал среди сохранившихся знаков дополнительного второго выпуска также не известен).

В целом же система нумерации представляется вполне стройной и позволяет каталогизировать ярлыки Баландинской конторы на основании строгой научной концепции.

Изначально понятие «бонистика» подразумевало несколько более узкую тему научного изучения, нежели, к примеру, «нотафилия». Изучавшая суррогаты бумажных денежных знаков, бонистика занималась, по сути, болезненными метастазами внутри денежного обращения, а не его живой плотью, как, например, нумизматика. Совершенно неслучайно во всех каталогах, составлявшихся в начале прошлого столетия, указывалось название: *«каталог бон и денежных знаков»*[57], разграничивавшее понятия основного предмета изучения[58] и государственных законных платежных средств — «настоящих» бумажных денег.

История же «частных» бон в Российской империи еще ожидает своего серьезного изучения.

Конец XIX века отделяли долгие полстолетия до принятия международной конвенции, определявшей, что *«заработная плата, выплачиваемая наличными деньгами, будет выплачиваться исключительно в деньгах, имеющих законное хождение, и выплата в форме векселей, бон, купонов или в любой другой форме, предназначенной заменить деньги, имеющие законное хождение, будет запрещена»*[59]. Эти времена разделяли не только многие десятилетия, но и серьезнейшие социальные потрясения. Голод же 1891–1892 годов, поначалу представлявшийся кратковременным хозяйственным кризисом, в долговременной перспективе

[57] Только в послевоенный период в научные справочники ошибочно и необоснованно было внесено расширенное толкование термина «боны» как «любые изъятые из обращения государственные денежные знаки», придав тем самым жаргонной терминологии коллекционеров некую «научную» обоснованность.

[58] Отсутствие общепринятого в доктрине определения денежного суррогата обусловливает неопределенность его элементов. В литературе обычно ограничиваются приведением конкретных примеров. Согласно общему лексическому толкованию, под суррогатом (от лат. surrogatus — «поставленный вместо другого») понимается некий заменитель, обладающий лишь некоторыми свойствами замещаемого им предмета, продукта; либо же — подделка, фальсификация чего-либо. Естественно, что денежному суррогату из данного определения свойственен только первый признак.

[59] Конвенция Международной организации труда № 95 относительно защиты заработной платы (Женева, 1 июля 1949 г.). Ст. 3.

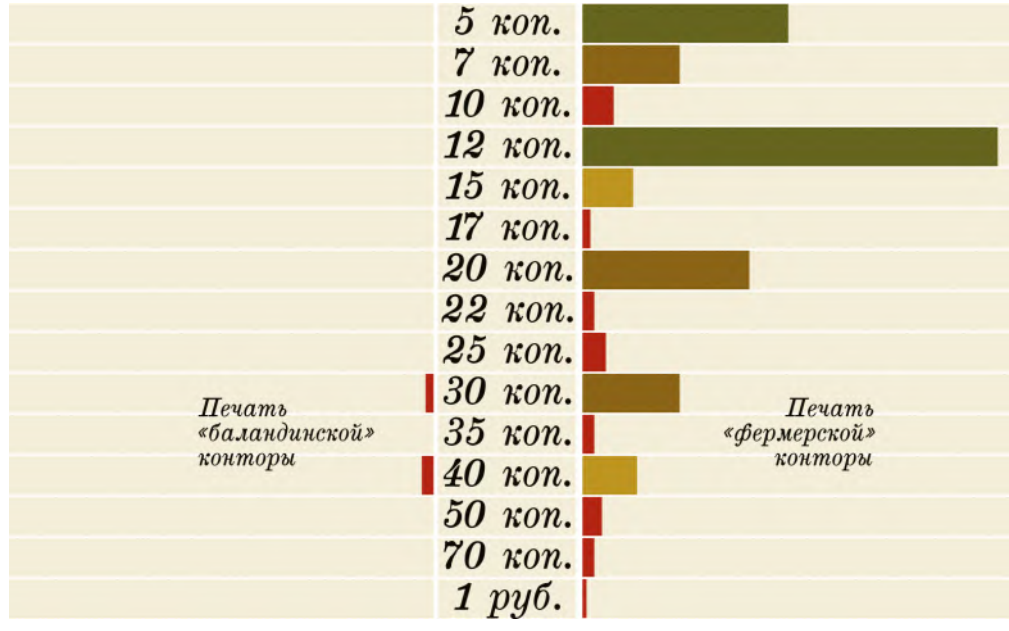
оказались куда более значимым событием — первым крупным проявлением конфликта либеральной общественности и самодержавия, — приведшим позднее к важнейшим политическим и экономическим событиям в истории Российской империи.

Ярлыки Баландинской конторы — это одна из малоизвестных страниц многотрудной и полной сложных перипетий истории отечественного денежного обращения.

На данный момент авторам известно подтвержденное существование всего около трехсот сохранившихся ярлыков Фермерской и Баландинской контор графа Сергея Дмитриевича Шереметева — изучение этой репрезентативной выборки позволило составить сводную таблицу примерного соотношения знаков по редкости в зависимости от известного количества знаков каждого типа и разновидности.

С выражением глубокой признательности Кузнецову Александру Юрьевичу (Москва) за неоценимую помощь в работе над статьей. Авторы также выражают благодарность А. Андронову, Ю. Гукасову, И. Звереву, А. Анисимову и М. Платонову за предоставление для исследования материала из личных коллекций.

Структурная диаграмма степени редкости сохранившихся ярлыков



Сводный каталог с указанием относительной коллекционной редкости сохранившихся ярлыков Баландинской конторы графа С.Д. Шереметева

№	номинал	бумага	нумератор	печать на о.с.	редкость
1.1	**5 коп.**	белая	1/1 – 40/40	«Фермерская Контора»	**S**
2.1	**7 коп.**	серая	41/1 – 80/40	«Фермерская Контора»	**R**
3.1	**10 коп.**	кремовая	81/1 – 140/60	«Фермерская Контора»	**RRR**
4.1	**12 коп.**	синяя	141/1 – 180/40	«Фермерская Контора»	**C+**
5.1	**15 коп.**	кремовая	181/1 – 230/50	«Фермерская Контора»	**RR / RRR**
5.2	**—«—**	—«—	1136/51 – 1175/90	—«—	**RR / RRR**
6.1	**17 коп.**	белая	431/1 – 460/30	«Фермерская Контора»	**XR(U)**
7.1	**20 коп.**	желтая	231/1 – 410/180	«Фермерская Контора»	**S+ / RR**
7.2	**—«—**	—«—	1176/181 – 1215/220	—«—	**S+ / R**
8.1	**22 коп.**	голубоватая	411/1 – 430/20	«Фермерская Контора»	**RRR**
9.1	**25 коп.**	лиловая	461/1 – 550/90	—	**—**
9.2	**—«—**	—«—	1216/91 – 1245/120	«Фермерская Контора»	**RRR**
10.1.а	**30 коп.**	розовая	551/1 – 630/80	«Фермерская Контора»	**R / RR**
10.1.б	**—«—**	—«—	-«- – -«-	«Баландинская Контора»*	**R / RRR**
10.2	**—«—**	—«—	1246/81 – ?...	«Фермерская Контора»	**R / RR**
11.1	**35 коп.**	белая	631/1 – 680/50	«Фермерская Контора»	**RRR**
12.1.а	**40 коп.**	белая	681/1 – 800/120	«Фермерская Контора»	**RR / RR**
12.1.б	**—«—**	—«—	-«- – -«-	«Баландинская Контора»*	**RR / RRR**
13.1	**50 коп.**	розовая	801/1 – *955/155*	«Фермерская Контора»	**RRR**
14.1	**70 коп.**	кремовая	956/1 – *1045/90*	«Фермерская Контора»	**RRR**
15.1	**1 руб.**	белая	1046/1 – *1135/90*	«Фермерская Контора»	**XR(U)**

Первый выпуск (х.1) из пятнадцати известных номиналов, дополнительный (х.2) — только ярлыки номиналом в 15, 20, 25 и 30 копеек.

Степень редкости тех или иных разновидностей и вариантов приведена в виде двойной кодировки: «типовой» редкости того или иного номинала (R / x) и относительной редкости выделенной его разновидности (x / R).

***** Ярлыки с печатью *«Баландинская контора...»* как тип (по номиналу) могут быть сравнительно часты, но как вариант печати крайне редки, т.к. известно всего лишь несколько знаков с этим штампом; другие же номиналы с ним на сегодняшний день неизвестны.

C — часто встречающийся знак, известный в нескольких сотнях экземпляров.

C+ — знак, известный в количестве более 100 экземпляров.

S — знак, известный в количестве 50–100 экземпляров.

S+ — нечастый знак, известный в количестве до 50 экземпляров.

R — редкий знак, известный в количестве до 30 экземпляров.

RR — знак повышенной редкости, известно всего до 20 экземпляров.

RRR — очень редкий знак, известный в количестве до 10 экземпляров.

XR(U) — чрезвычайно редкий знак, известный в 1–2 экз.

ИГРА НА СЧАСТЬЕ

Вопросы истории и каталогизации лотерейных билетов Российской империи

Кузнецов А.Ю. (Москва)

ИГРА НА СЧАСТЬЕ

«Лотерея — организованная игра на счастье»

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — СПб., 1890–1907

Коллекционирование лотерейных билетов — занятие настолько новое, что ему до сих пор не придумано устоявшегося термина. В последнее время количество коллекционеров, интересующихся этим направлением, значительно увеличилось. Появились крупные коллекции, цены на рынке значительно выросли.

Однако начинающий собирать лотерейные билеты коллекционер сталкивается с тем, что до сегодняшнего дня фактически не было издано литературы по этому предмету, если не считать каталога В.Н. Теребова, посвященного очень узкой теме центральных советских выпусков, и ходившего по рукам рукописного каталога К.В. Антипина.

Последний существует в виде списка, постоянно обновляется различными пользователями и содержит множество неточностей. Соответственно, назрел вопрос издания каталога лотерейных билетов, заглянув в который, коллекционер смог бы атрибутировать попавшийся ему билет и вообще ознакомиться со всем многообразием мира лотерей прошлого.

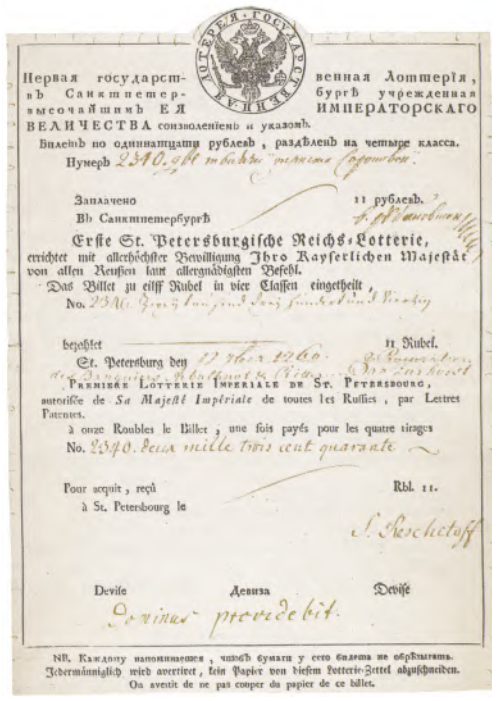
История лотерей в России

В России первые сведения о проведенных лотереях относятся к эпохе Петра I. Позднее можно найти упоминания о проведенных лотереях, разыгрывавших описанное за долги имущество — так, в 1745 году были разыграны арестованные товары московского купца Ивана Данилова[1].

Судя по сенатскому указу «*О конфисковании товаров, кои носят по домам для играния лотерей»,* на территории Империи были распространены даже частные лотереи[2].

[1] О недозволении разыгрывать в лотерею описанные в казну товары и вещи. // ПСЗРИ. Т. XVI, № 12.062 от 1 марта 1764 г.

[2] ПСЗРИ. Т. XV. № 11.158 от 7 дек. 1760 г.



Билет Первой государственной лотереи 1760 г[4].

Сохранившийся до наших дней лотерейный билет датирован 1760-м годом и относится к *«Первой государственной лотерее»*[3]. Стоимость билета этой лотереи составляла приличную сумму — 11 рублей при тираже 50 000 экземпляров. Доход от лотереи планировалось направить на содержание отставных и раненых нижних военных чинов.

Организовылась «Первая государственная лотерея» как денежная (с выигрышем в наличных деньгах), и опыт ее (лотерея завершилась в 1764 году) был признан не самым удачным: *«Не токмо многие сидельцы раззорили хозяев своих, рабы и прочие служители обкрадывали своих помещиков и господ, но и хорошие люди, разлакомившись малым выигрышем, себя и всех своих на век раззоряли»* [5].

Императрица Екатерина II, запретив в 1771 году разыгрывать в России лотереи, писала:

«Слава Богу, мы не в таком положении, чтобы, для умножения дохода казны нашей несколькими стами тысяч рублей, мы имели нужду народу давать поощрение к большему мотовству и повод ко всем порокам, из того проистекающим»[6].

Однако в 1782 году Уставом благочиния все же были установлены некие правила проведения лотерей, где среди основных — запрет на продажу иностранных лотерей и проведение любых розыгрышей без высочайшего разрешения[7].

В 1820 году вышли первые Правила проведения лотерей в Петербурге и такие же в 1823 году — для Москвы.

Судя по билету 1822 года, лотерея оставалась развлечением для людей обеспеченных — стоимость его составляла 50 рублей ассигнациями, а в качестве выигрышей устанавливались различные денежные выплаты и 4 имения в центральных губерниях с годовым доходом в 325 000 рублей.

[3] О учреждении Государственной лотереи для содержания отставных и раненых обер- и унтер-офицеров и рядовых. // ПСЗРИ. Т. XV. № 11083 от 15 июля 1760 г.

[4] *Теребов В.Н.* Первая государственная лотерея Российской империи (1760–1764) — Саранск, 2009.

[5] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — СПб., 1890–1907

[6] О запрещении разыгрывать лотереи в России и брать билеты в иностранных лотереях. // ПСЗРИ. Т. XIX. № 13.585 от 25 марта 1771 г.

[7] ПСЗРИ. Т. XXI. № 15.379 от 8 апреля 1782 г.

Лотерейный билет 1822 г.

Постепенно главные призы лотерей уменьшались — от имений к каменным домам и, наконец, приобрели более «скромный» характер — бриллиантовые броши, золотые часы, серебряные сервизы и т.п.

Лотерейный билет, таблица выигрышных номеров и Книга указателей выигрышей лотереи серебряных вещей Общества посещения бедных 1853 г.

Заслуживает внимания необычная лотерея 1867 года, проведенная в пользу Московского артистического кружка, подписанная известным русским дирижером и композитором князем Ю. Голицыным[8]. Эта организация, созданная для помощи нуждающимся работникам искусств, стала известна тем, что создала первый частный публичный театр в Москве.

Однако самым массовым эмитентом и выгодоприобретателем оставались различные благотворительные общества и учреждения.

Правила проведения лотерей корректировались в 1829, 1837, 1870 годах и практически окончательно установились законом от 13 мая 1875 года[9]. Вот основные из них:

— Доход от проведения лотереи идет исключительно на благотворительные цели.

— В лотерею могут быть разыгрываемы только вещи.

— Запрещено разыгрывать денежные премии и процентные бумаги.

— Сумма стоимости билетов лотереи не должна быть свыше 1500 рублей[10] (поэтому самый распространенный тираж лотерей XX века был 6 000 экземпляров при цене билета в 25 копеек).

[8] Наряду с театральными существовали художественные лотереи Общества поощрения художников.

[9] ПСЗРИ. Т. L, 1875. № 54695.

[10] За некоторыми благотворительными учреждениями сроком на 8 лет сохранено было их прежнее право устраивать лотереи на сумму свыше 1500 руб., но во всяком случае не свыше 50000 руб. и не более 1 раза в году; в 1883 г. этот срок продлен был еще на 5 лет.

— На устройство лотереи на сумму свыше 1500 рублей должно быть испрашиваемо высочайшее разрешение (разрешение до этой суммы могло даваться губернатором, начальником области или градоначальником).

— Число выигрышей в лотерею должно быть не менее $^{1}/_{100}$ части от всего числа билетов, а стоимость выигрышей — не менее половины той суммы, на которую лотерея разыгрывается.

— Разрешение на устройство лотереи может быть дано только тогда, когда от этого *«не причиняется вреда ни общего, ни частного»* и когда через 3 суток после подачи просьбы ни от кого не последует на это жалобы или спора.

— Лотереи-аллегри[11] могут быть с разрешения министра внутренних дел устраиваемы на таких общественных гуляньях, на которых независимо от платы за лотерейные билеты назначается плата за вход в размере не менее 1 рубля.

— Продажа билетов иностранных лотерей и лотерейных займов воспрещается. В виде исключения продажа билетов иностранных лотерейных займов может быть разрешена министром финансов.

— За подлоги и другие обманы при разыгрывании лотерей виновные подвергаются наказаниям, определенным за обман при игре в карты.

Нижегородская лотерея-аллегри с входным билетом 1911 г. и билет лотерейного займа Французского банка 1908 г.

Если эмитенты лотерей середины XIX столетия немногочисленны, а самих лотерей сохранилось весьма мало, то начало XX века ознаменовано появлением огромного количества обществ, проводящих благотворительные лотереи.

[11] Вид лотереи, в которой результаты розыгрыша определяются сразу после приобретения лотерейного билета.

Благотворительные учреждения России

С 1896 года начинается массовый выпуск лотерей. В этот период в Российской империи насчитывалось 1404 благотворительных общества, 334 из которых находились в Санкт-Петербурге, а 164 — в Москве[12].

Самым крупным благотворительным обществом в России было **Ведомство учреждений императрицы Марии** (ВУИМ).

Эмблема ВУИМ. Пеликан, кормящий птенцов своей кровью, означает как любовь родителей к детям, так и попечение государства о своем народе

Оно основано в 1797 году Павлом I и названо так в честь его супруги императрицы Марии Федоровны. Деятельность Общества носила двоякий характер — благотворительный и учебно-воспитательный. Соответственно, Обществу принадлежали не только многочисленные воспитательные дома, приюты, богадельни, больницы, но также и школы, лицеи, рукодельни, училища. В состав ВУИМ входили Императорское женское патриотическое общество, Ведомство детских приютов, Попечительство государыни-императрицы Марии Федоровны и другие организации.

[12] Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в Санкт-Петербурге и Москве. — СПб., 1899.

Лотерейные билеты, выпущенные Ведомством учреждений императрицы Марии в Александровске (совр. Запорожье) и Нязепетровске

Другими крупными благотворительными общества России того времени были:

— Императорское человеколюбивое общество, основанное Александром I в 1802 году.

— Российское общество Красного Креста (РОКК), основанное в 1879 году на базе Общества попечения о раненых и больных воинах.

— Благотворительные общества при больницах.

— Городские благотворительные общества.

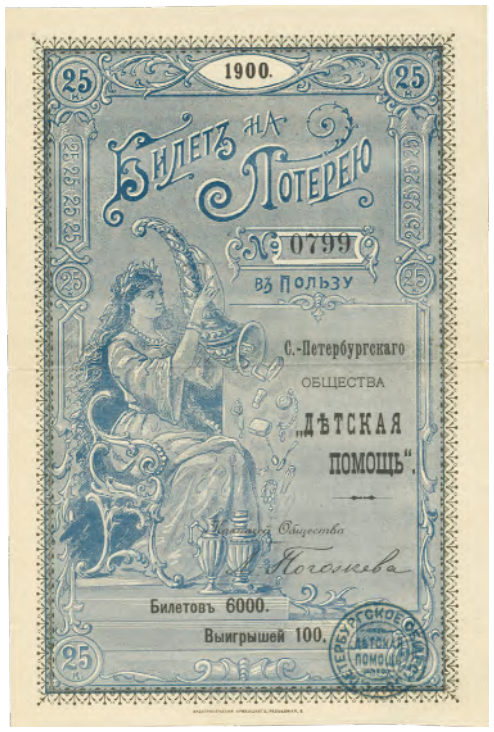
— Благотворительные заведения при церквях иноверных исповеданий.

— Благотворительные учреждения для увечных воинов и их семей и вдов лиц, убитых на войне («Александровский комитет о раненых», «Белый крест»).

— Общества попечения о слепых, глухонемых, калеках, идиотах и эпилептиках.

— Общества попечения об освобожденных из тюрем и о семьях заключенных (Мужской и дамский тюремные комитеты).

— Благотворительные заведения разных установлений, обществ и частных лиц (Ведомство попечительства о трудовой помощи под августейшим покровительством ЕИВ государыни-императрицы Александры Федоровны, Благотворительное общество временной помощи бедным и их семьям, Попечительство о бедных Рождественской части и проч.).

— Общество спасания на водах.

Лотерейные билеты различных российских благотворительных обществ

Лотерейные билеты различных российских благотворительных обществ

Лотерейные билеты различных российских благотворительных обществ

Лотерейные билеты различных российских благотворительных обществ

Число благотворительных учреждений России, о которых заботились эти общества, составляло 3 555 (638 в Санкт-Петербурге и 453 в Москве).

Учреждения по родам благотворительности распределялись следующим образом:

— богадельни;
— детские приюты;
— учреждения медицинской помощи;
— школы;
— дешевые столовые;
— ночлежные дома;
— дома трудолюбия;
— странноприимные дома; (богадельни);
— ясли;
— дешевые квартиры;
— народные читальни.

Помимо этих благотворительных учреждений разрешалось проведение лотерей в пользу пожарных дружин, лицам, пострадавшим от стихийных бедствий и неурожая, а также различным нуждающимся и больным.

Таким образом, выгодоприобретателей лотерей Российской империи можно условно разделить на следующие группы:

— приюты, убежища, воспитательные дома, ясли, богадельни.

— больные, инвалиды, лазареты и больницы.

— учащиеся, школы, училища, библиотеки, рукодельни, дома трудолюбия, театры.

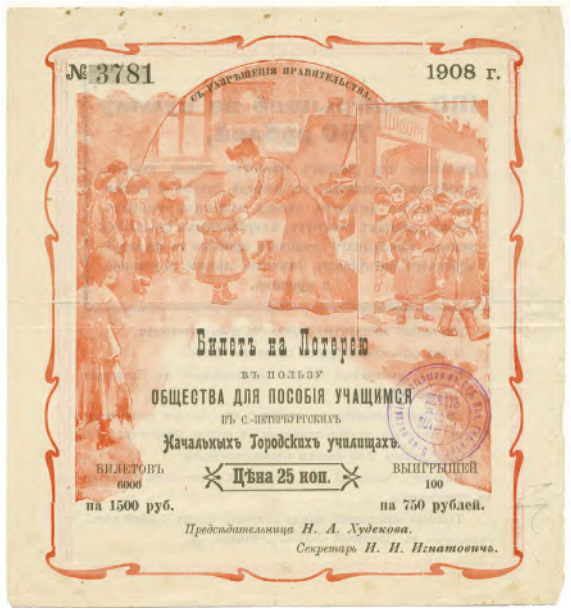
— нуждающиеся, дети.

— беспризорные, освобожденные из мест заключения, ссыльно-каторжные и их семьи.

— раненые и семьи раненых и убитых воинов.

— пострадавшие от стихийных бедствий и неурожая.

— пожарные дружины и общества спасания на водах.

Лотерейные билеты в пользу различных выгодоприобретателей

Лотерейные билеты в пользу различных выгодоприобретателей

Лотерейные билеты в пользу различных выгодоприобретателей

Отступление от основного принципа русского законодательства о лотереях — разыгрывать только вещи — допущено было дважды: первый раз по случаю голода 1891 года, когда организовали два выпуска государственной лотереи в виде помощи населению, пострадавшему от неурожая[13], и второй, в 1914 году, (также 2 розыгрыша) в пользу раненых и больных воинов. Выигрышами этих лотерей были денежные вознаграждения от 200 до 100 000 рублей.

[13] ПСЗРИ. Т. XI. 1891, № 8083 от 18 ноября.; № 8156 от 12 декабря 1891 г.

Лотереи Царства Польского

Говоря о лотереях Российской империи, нельзя не упомянуть о самой длительной по времени лотерее, тиражи которой проходили на протяжении ста с лишним лет. Это «классная лотерея» Царства Польского.

Классной называют такую лотерею, при которой сумма разделяется на известное количество билетов определенной величины (цельные билеты, половина, четверть и т.д.) и известной стоимости. Из денег, полученных от уплаты билетов, выделяется сумма доходов лотереи, а из остальной определяются выигрыши различной величины.

Для каждого из классов устанавливается особый тираж, причем наиболее значительные выигрыши откладываются до последнего тиража. Владельцам билета предоставлялось право участвовать в розыгрышах всех классов, если билет приобретен целый, или в отдельных классах, если куплены только части билета. План такой лотереи объявлялся заранее.

«Классная лотерея» Царства Польского была утверждена 29 апреля 1808 года королем Саксонским Фридрихом Августом для усиления бюджета Герцогства Варшавского. Первоначально она отдавалась на откуп частным лицам, а с 1863 года ею заведовало специальное *Лотерейное управление*, состоявшее в ведомстве Варшавской конторы Государственного банка.

В течение года происходило 2 розыгрыша этой лотереи, каждый состоящий из 5 классов. Классы разыгрывались ежемесячно.

Тираж билетов постепенно увеличивался и дошел до 23 500 штук. Билет мог быть разделен наполовину и четверть части от целого.

Стоимость целого лотерейного билета на все классы не могла быть менее 30 рублей.

Число выигравших лотерейных билетов соответствовало *«по возможности»* половине общего числа билетов.

Билет 2 класса 49-й лотереи Королевства Польского 1837 г.

Главный выигрыш был 75 000 рублей, самый малый — возврат стоимости билета.

Распространялись лотереи уполномоченными коллекторами, приобретавшими для этого патент. На сохранившихся билетах можно увидеть их чернильные штампы.

Коллектор имел с каждого проданного целого билета вознаграждение в 24 копейки и 3% с выигрышей. Так же он выплачивал мелкие выигрыши из полученных средств за продажу билетов. Крупные выигрыши платило Лотерейное управление.

С 1 января 1840 года продажа билетов Классной лотереи Царства Польского на остальной территории Российской империи была запрещена циркуляром «О необращении в России билетов Польской лотереи»[14]. Произошло это ввиду вступления в силу правил, воспрещающих денежные призы лотерей. Коллекторы, чьи билеты находили на территории остальной Империи, штрафовались.

Начиная со 106-й лотереи *«для облегчения рассмотрения и контроля билетов... и для игроков неграмотных»* Лотерейное управление распорядилось печатать билеты особого цвета для разных классов[15].

[14] Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел. Т. VII. — СПб., 1858.

[15] Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство финансов. Т. IX. О доходе с лотереи. — Варшава, 1867. С. 456.

В начале XX века параллельно с правительственными выпусками появились билеты лотереи Царства Польского от варшавских банкирских домов и товариществ на различные части целого билета — очевидно, они так же являлись уполномоченными по распространению польской лотереи. Фактически они дублировали правительственные билеты, но для удобства покупателей более гибко дробили целый билет, при желании страховали его от потери. Рассылались они как реклама бесплатно и имели силу только в случае оплаты почтовым переводом стоимости правительственного лотерейного билета.

¼ часть билета и билет на $^1/_{10}$ часть целого билета Товарищества Возовского и К° 200-й лотереи Царства Польского

Реклама 195-й лотереи Царства Польского Банкирской конторы Ш. Френзеля

Доход польской казны от лотерей рос от 8 000 рублей серебром в 1808 году до 277 796 рублей в 1896-м.

В 1914 году, накануне войны, состоялась, вероятно, последняя, 203-я лотерея, Царства Польского.

Билеты к Выигрышным Государственным займам

Существовал в Российской империи еще один вид розыгрыша, который традиционно относят не к лотереям, а к ценным бумагам.

Это так называемый *«выигрышный заем»*.

Закладной с выигрышами лист Государственного дворянского земельного банка

Билет Банкирской конторы Г. Геленде ра, Варшава, на 1/5 часть выигрыша 3-го Государственного дворянского займа

Правительство, в интересах более скорого и выгодного помещения государственного займа взамен процентов или за счет понижения размера последних, владельцам билетов предоставляло право участвовать в устраиваемых в известные промежутки времени лотереях. Для каждого розыгрыша определялось известное число выигрышей различного размера, выпадающих на долю владельцев тех билетов, номера которых будут извлечены из урны. Вместе с лотереей происходил обыкновенно и тираж погашения части билетов. По сути, это была беспроигрышная лотерея — владельцы ценной бумаги никогда не теряли номинальной стоимости билета, во многих займах получали на эту сумму определенный процент, а возможные выигрыши добавляли интерес к приобретению билетов. В 1862 году вышло специальное *«Объяснение о том, что запрещение играть в заграничные лотереи не относится к акциям и облигациям, выпускаемым Государственным казначейством и погашаемым посредством лотереи с премиями»*[16].

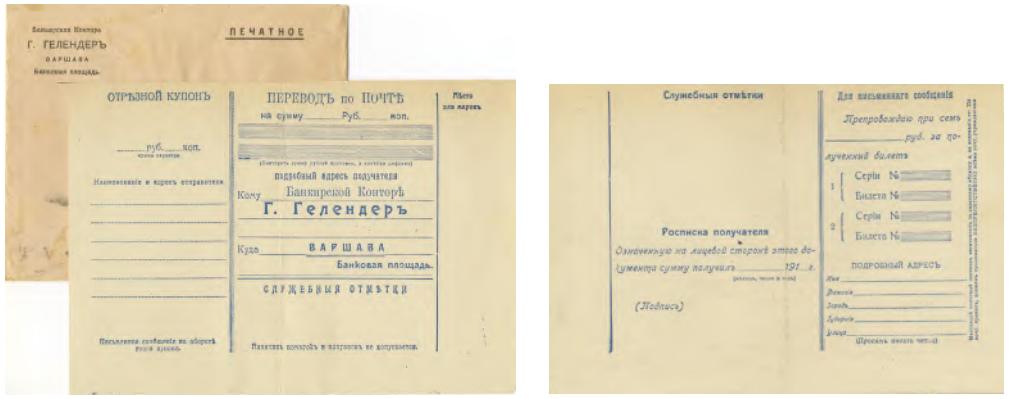
Однако стоимость подобной ценной бумаги могла доходить до нескольких сотен рублей и следовательно, она была доступна далеко не всем. Поэтому существовали конторы, которые продавали частичные участия выигрышных займов — по аналогии с дроблением стоимости билета лотерей Царства Польского, о которых было написано выше.

Делалось это следующим способом — по почте рассылались реклама с описанием сути дела, типографски напечатанные билеты с номерами и бланки почтовых переводов.

Реклама Банкирской конторы Г. Геленде ра, Варшава

[16] Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство финансов. Т. IX. О доходе с лотереи. — Варшава, 1867. С. 162

Участнику предлагалось заполнить билет на свое имя, оплатить почтовый перевод на 10 рублей (стоимость 1 билета), вписав в него номер билета, и дожидаться розыгрыша. В случае успеха каждый билет получал 1/5 часть выигрыша. Если билет не выигрывал, то участник имел право засчитать потраченные деньги на покупку другого билета. Стоимость билетов и, соответственно, размеры выигрыша могли варьироваться.



Конверт и бланк почтового перевода

Если выигрышные займы к лотереям можно отнести лишь с натяжкой, то билеты на участие в части этих займов вполне могут быть каталогизированы наравне с обычными лотереями.

Принципы каталогизации

Каталог, который я хочу анонсировать на страницах этого Альманаха, будет посвящен периоду русских лотерей 1760–1917 годов.

Остановлюсь на базовых принципах будущего каталога.

Каждый каталогизируемый билет будет проиллюстрирован и атрибутирован с точки зрения редкости. Билеты, внесенные в рукописный каталог Антипина, но которые не были обнаружены автором, в данную работу не включены по причине возможной ошибки или неточности составителя или редакторов этого уже ставшего «народным» каталога.

Автор отдает себе отчет в том, что наверняка найдутся билеты, не вошедшие в каталог, или «всплывет» пачка ранее считавшимися редкими лотерей, однако не считает правильным каталогизировать предметы, в существовании которых он не уверен и правильная атрибуция которых не возможна.

Все лотерейные билеты рассматриваемого периода весьма редки, не многие из них сохранились в количестве больше 10 экземпляров, и всего лишь пара в количестве более 100 штук.

По редкости все билеты планируется разделить следующим образом — по количеству известных автору экземпляров:

RRR — 1…3 штуки

RR — 4…10 штук

R — 11…20 штук

S — 21…100 штук.

Лотерейные билеты, встречающиеся в количестве более 100 штук, можно считать не редкими.

Для успешной реализации лотерейные билеты должны были, кроме прочего, рекламировать сами себя, поэтому устроители, как правило, придавали большое внимание их декоративному оформлению.

Поэтому все лотерейные билеты будут по типу оформления разделены на три группы:

1. **Группа «A»** — лотерейные билеты с оригинальным привлекательным дизайном — то есть для каждой конкретной эмиссии разрабатывалось уникальное художественное оформление, которое в дальнейшем не применялось в выпуске других лотерей.

2. **Группа «B»** — лотерейные билеты, в оформлении которых использовалась какая-либо типовая сюжетная картинка. Это самая массовая группа — большинство лотерей позднего периода (конца XIX и начала XX вв.) напечатаны именно таким образом.

3. **Группа «C»** — лотерейные билеты, напечатанные с минимумом украшающих элементов или вообще без них. Характерна для билетов XIX века и лотерей небольших уездных городов.

Лотерейные билеты группы «А»

Лотерейные билеты группы «А»

Лотерейные билеты группы «В»

Лотерейные билеты группы «В»

Лотерейные билеты группы «В»

Лотерейные билеты группы «В»

Лотерейные билеты группы «С»

Лотерейные билеты группы «С»

Естестсвенно, что на коллекционном рынке больше востребованы, а значит, обладают большей коллекционной ценностью билеты, одновременно входящие в первую группу (привлекательные в художественном смысле) и обладающие максимальной редкостью.

Таким образом, в каталоге, для наилучшего восприятия коллекционерами ценности описываемых предметов, напротив каждого билета будут стоять символы, отражающие совокупность редкости и привлекательности. Например:

RRR/«A» — чрезвычайно редкий билет с оригинальным дизайном

S/«A» — не часто встречающийся билет с оригинальным дизайном

R/«B» — редкая лотерея с типовым оформлением

S/«C» — не часто встречающийся билет с минимальным декоративным оформлением.

Из-за малого количества дошедших до наших дней одинаковых билетов сохранность их не имеет того значения, которое ей придается при оценке бумажных денежных знаков.

«Образцы» лотерейных билетов ввиду их еще большей редкости каталогизированы наравне с тиражными билетами.

Используемая литература:

1. Благотворительные учреждения России. — СПб., 1912.

2. Сборник сведений о благотворительности в России с краткими очерками благотворительных учреждений в Санкт-Петербурге и Москве: составлен по распоряжению Главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею по учреждениям императрицы Марии по данным, собранным к 1896 году. — СПб., 1899.

3. *Теребов В.Н.* Первая государственная лотерея Российской империи (1760–1764). — Саранск, 2009.

4. Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство финансов. Т. IX. О доходе с лотереи. — Варшава, 1867.

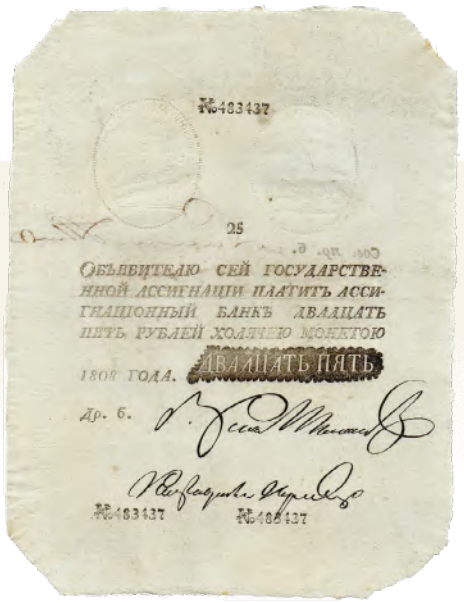
5. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел. Т. VII. — СПб., 1858.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. — СПб.,1830.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. — СПб., 1884.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. — Пт., 1916.

АНОНС МАТЕРИАЛОВ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ «АЛЬМАНАХА»



Миф о «наполеоновках»: таинственная история «французского дела ассигнаций»...

«Желтороссия»: русские деньги Маньчжурии (1898–1905)

«Золотые» боны Торгсина — история лихолетья по рассекреченным архивным документам

«Маргариновая республика» денежные знаки Азербайджана в 1918–1920 годах

Деньги «республики» Яицких казаков

Белая сибирь: Разменные чеки Красноярского общества взаимного кредита в 1919 году

Научная комиссия Общества «РОИ»:
o-paramonov@yandex.ru